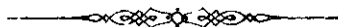

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

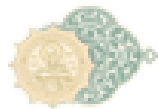

1896.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

К І Е В Ъ.

Типографія Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й
1896.

Печатать дозволяется 14 августа 1896 г.

Ректоръ Киевской Духовной Академіи,

Епископъ Сильвестръ

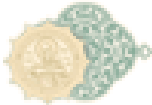
РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Александровичу, снзанныя Высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, при вступленіи Его Величества въ Кіево-Софійскій Соборъ, 19 августа 1896 года.

Благочестивѣйшій Государь!

На зарѣ царства Русскаго вѣщій Олегъ называлъ Кіевъ матерью градовъ русскихъ. Онъ дѣйствительно былъ центромъ политической жизни, связующимъ обширныя и въ то время, но разрозненныя области земли Русской, а съ принятіемъ христіанской вѣры святымъ равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, и центромъ жизни церковной, объединяющимъ разноплеменные народы, населявшіе Россію. Все священное для Кіева было святынею и для другихъ областей.

Дикія племени среднеазіатскихъ выходцевъ, разгромивши городъ до основанія, уничтожили первоначальное значеніе его и надолго остановили естественное его развитіе. По ослабленіи силы и могущества дикой орды, не успѣвши оправиться отъ нанесеннаго ему грома, онъ снова подпадаетъ подъ иго, еще болѣе тяжелое и опасное, иго инославныхъ государей, стремившихся подорвать не только внѣшнее его благосостояніе, но и значеніе его, какъ колыбели православнаго христіанства для всей земли Русской.

Долгіе годы притѣсненій и страданій вызвали, наконецъ, въ народѣ живое сознаніе единства происхожденія и вѣры съ болѣе счастливыми сѣверными братьями своими и рѣшимость воссоединиться съ ними. Только послѣ этого воссоединенія началось для многострадальнаго Кіева тихое и безмолвное житіе подъ мощною державою царей изъ благословеннаго Богомъ дома Романовыхъ.

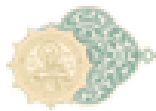
Попечительной заботливости ближайшихъ Твоихъ Предшественниковъ древлепрестольный градъ нашъ обязанъ настоящимъ своимъ развитіемъ и благосостояніемъ. Между нами есть еще старцы, которые помнятъ, какимъ убогимъ былъ Кіевъ до воцаренія блаженной памяти Императора Николая I, положившаго прочное основаніе его развитію и преуспѣянію. Благодарные кіевляне достойно воздвигли Ему памятникъ во всегдашнее напоминаніе грядущимъ поколѣніямъ о Его мудрой попечительности.

Съ сердечною радостію срѣтая Тебя, Благочестивѣйшій Государь, посѣщившаго по возложеніи на Себя царскаго вѣнца осчастливить насъ Своимъ посѣщеніемъ и поклониться древнѣйшей святынѣ нашей, дерзаемъ надѣяться, что подъ Твоимъ мудрымъ водительствою градъ нашъ достигнетъ развитія, подобающаго ему, какъ древнѣйшему изъ градовъ Русскихъ.

Изъ глубины сердца возносимъ молитвы ко Всевышнему, да благословитъ Онъ вождельнымъ успѣхомъ благія всѣ предначертанія Твои ко благу народа Твоего и сохранить въ мирѣ вхожденіе Твое къ намъ и исхожденіе Твое отъ насъ.

Благословенъ грядый во Имя Господне!

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе*).

4) Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія въ , Харьковѣ.

(Высокое представленіе преосв. Макарія о научныхъ силахъ Харькова. Намѣреніе его издавать журналъ въ Харьковѣ. Осуществленіе этого намѣренія. Краткая исторія и характеристика харьковскихъ періодическихъ духовныхъ изданій, основанныхъ и существовавшихъ подъ покровительствомъ преосв. Макарія и при его участіи. Учено-литературные труды преосв. Макарія, вновь напечатанные и переизданные имъ въ Харьковѣ: богословскіе, церковно-историческіе и проповѣдническіе; характеристика харьковскихъ проповѣдей его.

Назначеніе свое въ Харьковъ преосв. Макарій принялъ какъ извѣстно, съ радостію. Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ такого отношенія его къ своему новому назначенію была, безспорно, его надежда на благопріятныя условія въ Харьковѣ въ продолженію здѣсь прежде начатой имъ учено-литературной дѣятельности. Преосв. Макарій былъ увѣренъ, что въ Харьковѣ, какъ университетскомъ городѣ, ему будетъ болѣе удобно, чѣмъ въ Тамбовѣ, доставать необходимыя пособія, и что здѣсь онъ встрѣтитъ людей ученыхъ, съ которыми можетъ дѣлиться своими мыслями, предположеніями, а въ случаѣ нужды и недоумѣніями въ области ученыхъ занятій его.

*) См. Труды Кіевск. дух. Академіи, м. августъ 1896 г.

Какъ высоко смотрѣлъ онъ съ этой стороны на Харьковъ, —это можно видѣть уже изъ привѣтственнаго слова его харьковской паствѣ. Такое высокое представленіе преосв. Макарія о научныхъ силахъ Харькова поддерживали въ немъ и близкіе его въ С.-Петербургѣ. Подъ вліяніемъ такого представленія, преосв. Макарій ѣхалъ въ Харьковъ съ надеждою основать здѣсь даже специальный духовный органъ. Такъ многого ожидалъ онъ отъ Харькова.

Но дѣйствительность на первыхъ порахъ не вполне оправдала эти ожиданія преосв. Макарія. Въ Харьковѣ было трудно найти въ достаточномъ количествѣ вполне надежныхъ и подходящихъ сотрудниковъ для задуманнаго имъ журнала. А еще труднѣе было здѣсь найти лицо, которое бы могло принять на себя отвѣтственныя и трудныя обязанности редактора. Ректоръ мѣстной семинаріи, на котораго преосв. Макарій могъ прежде всего рассчитывать, совершенно не удовлетворялъ его съ этой стороны. Да къ тому же тогдашній ректоръ Харьковской семинаріи тяготился даже менѣе отвѣтственными обязанностями, какъ, напр., обязанностями цензора проповѣдей. Приходилось, такимъ образомъ, разстаться съ завѣтнымъ желаніемъ, что, естественно, не могло не сокрушать преосв. Макарія. Въ письмѣ его къ брату отъ 12 января 1860 года встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія слова разочарованія: „объ изданіи журнала не помышляю. Самому некогда трудиться, а рекомендуемые тобою сотрудники крайне ненадежны... Да при томъ бумага здѣсь дорога, типографія—гадость... Стоить ли хлопотать“¹⁾? Но не всякое затрудненіе могло остановить челоуѣка съ такимъ великимъ духомъ и крѣпкимъ характеромъ, какими владѣлъ преосв. Макарій. Несмотря на важныя препятствія, онъ не покидалъ окончательно мысли объ основаніи въ Харьковѣ духовнаго журнала. Вскорѣ ему повезло найти себѣ надежнаго сотрудника въ этомъ дѣ-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

лѣ въ лицѣ законоучителя Харьковскаго университета, прот. Добротворскаго, которому онъ могъ поручить редакторство въ задуманномъ имъ журналѣ. Сношенія съ нѣкоторыми учеными, общавшими свое содѣйствіе, еще болѣе укрѣпили преосв. Макарія въ мысли основать въ Харьковѣ духовный журналъ. По мысли и указаніямъ самого преосв. Макарія, въ 1861 году прот. Добротворскій представилъ ему выработанныя программы для предполагаемаго журнала и просилъ его ходатайствовать о разрѣшеніи издавать журналъ этотъ съ 1 января слѣдующаго 1862 года. Тогда преосв. Макарій обратился въ Св. Синодъ съ слѣдующимъ представленіемъ: „законоучитель здѣшняго университета, прот. Василій Добротворскій обратился ко мнѣ съ просьбою объ исходатайствованіи ему у Св. Синода разрѣшенія издавать съ 1 января 1862 года духовный учено-литературный журналъ подъ однимъ какимъ-либо изъ слѣдующихъ двухъ названій: „Востокъ“, или „Духовный Вѣстникъ“, и представилъ двѣ программы журнала, изъ которыхъ одна примѣнена въ началѣ къ первому изъ этихъ названій, а другая—къ послѣднему, въ сущности же своей совершенно сходныя между собою. Находя, что изданіе этого журнала вполне замѣнитъ мѣстныя Епархіальныя Вѣдомости, которыя, по программѣ, имѣютъ печататься для подписчиковъ здѣшней епархіи въ отдѣлѣ: „современныя извѣстія“; полагая, съ другой стороны, что въ ежемѣсячномъ журналѣ могутъ помѣщаться болѣе разнообразныя, а главное—болѣе обширныя и ученые статьи, нежели какія допускаются самымъ объемомъ и характеромъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; наконецъ, принимая во вниманіе, что издатель изъявилъ согласіе жертвовать плату за всѣ даровыя статьи въ пользу здѣшняго училища дѣвицъ духовнаго званія, я имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Св. Синода обѣ программы предполагаемаго журнала и покорнѣйше просить, чтобы, если благоудно будетъ дозволить это изданіе, предоставлено было самому епархіальному начальству избрать для журнала цензора изъ

здѣшнихъ протоіереевъ или священниковъ и, въ случаѣ нужды, перемѣнять его, а во-вторыхъ, — чтобы отвѣтственность за статьи, помѣщаемыя въ журналъ, была возложена на издателя-редактора протоіерея Добротворскаго и на цензора¹⁾. Ходатайство преосв. Макарія было уважено Св. Синодомъ. 15 сентября 1861 года Св. Синодъ разрѣшилъ издавать въ Харьковѣ духовный учено-литературный журналъ подъ заглавіемъ: „Духовный Вѣстникъ“, съ порученіемъ высшаго наблюденія за нимъ преосв. Макарію и съ тѣмъ, чтобы онъ издавался независимо отъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и не былъ обязателенъ для церквей Харьковской епархіи; при этомъ была утверждена та программа, которая была представлена прот. Добротворскимъ соотвѣтственно избранному Св. Синодомъ названію журнала²⁾. Основавъ журналъ, преосв. Макарій затѣмъ оказывалъ ему весьма важную помощь двоякимъ путемъ: доставленіемъ для журнала собственныхъ своихъ учено-литературныхъ трудовъ и пріобрѣтеніемъ хорошихъ и надежныхъ сотрудниковъ журналу. Одно имя его привлекало многихъ сотрудниковъ въ новомъ харьковскомъ журналѣ. Изъ числа многихъ сотрудниковъ „Духовнаго Вѣстника“, участвовавшихъ, или, по крайней мѣрѣ, обѣщавшихъ участвовать въ немъ, по приглашенію преосв. Макарія, укажемъ слѣдующихъ. Такъ, онъ просилъ преосв. Кирилла, бывшаго въ то время начальникомъ русской православной миссіи въ Іерусалимѣ, доставлять въ „Духовный Вѣстникъ“ сообщенія касательно событій происходившихъ на православномъ Востоцѣ. Еще 27 декабря 1860 года преосв. Кириллъ отвѣчалъ на приглашеніе участвовать въ харьковскомъ журналѣ слѣдующее: „преднамѣреваемому вами журналу—мой искреннѣйшій привѣтъ! Помоги Вамъ

1) На основаніи подлиннаго дѣла объ учрежденіи журнала „Духовный Вѣстникъ“, сохранившагося въ архивѣ преосв. Макарія.

2) См. арх. Хар. дух. Конс. по описи общимъ дѣламъ за 1860 г. д. № 324.

Богъ. Радуюсь его появленію“¹⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ 13 сентября 1861 года преосв. Кирилль спрашивалъ, между прочимъ, у преосв. Макарія, что вашъ журналъ? разрѣшенъ? начатъ? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія объ этомъ, хоть, извините, не какъ сотрудникъ жду. Не беру своего слова назадъ; если чѣмъ смогу послужить, всегда буду радъ. Но въ настоящую пору меня интересуесть особенно вашъ взглядъ на ваше предпріятіе... что до меня касается, такимъ ревностнымъ сотрудникомъ, какъ въ старые годы, я уже быть не могу.... И не знаю еще, гожусь ли на что, втянувшись въ здѣшнюю жизнь, которая, правду сказать, мало имѣетъ общаго съ тамошнею. Во всякомъ случаѣ, для васъ я—покорнѣйшій слуга, только скажите, что вы хотите дѣлать и чего желаете отъ меня? Старѣть начинаю, вотъ бѣда“²⁾! Послѣдствія показали, что преосв. Кирилль, на котораго въ Харьковѣ возлагались большія надежды, весьма мало выполнилъ ихъ. Преосв. Макарій былъ весьма недоволенъ нежеланіемъ его дѣлиться съ читателями „Духовнаго Вѣстника“ своими впечатлѣніями и свѣдѣніями о православномъ Востокѣ. Это недовольство выразилось однажды даже въ такомъ откровенномъ замѣчаніи преосв. Макарія въ письмѣ къ брату: „преосв. Кирилль обѣщалъ прислать статью къ половинѣ января для журнала. Но вотъ скоро и половина фѣвраля, а статьи все нѣтъ: вѣрно, бѣдняга, излѣнился. Да мы и не слишкомъ-то нуждаемся: весь интересъ въ томъ, что-- изъ *Иерусалима*“³⁾).

¹⁾ См. въ отдѣльныхъ оттиск. изъ Русск. Стар. за 1889—1890 г. т. т. 64—65 стр. 219.

²⁾ См. тамъ же въ отд. оттиск. изъ LXIV т. Русск. Стар. стр. 187—188.

³⁾ Изъ незаданнаго письма отъ 10 февраля 1862 года. Въ письмѣ отъ 9 октября 1861 года преосв. Макарій по тому же поводу замѣчалъ: „отъ преосв. Кирилла я получилъ письмо. Онъ былъ очень боленъ... Отъ участія въ нашемъ журналѣ почти отказывается, говоря, что онъ уже отсталъ и проч. Вѣрно, некогда, или немного обѣялся для умственныхъ работъ“. А въ письмѣ отъ 18 февраля 1862 года онъ замѣчалъ по тому же поводу: „на дняхъ я получилъ длинное письмо отъ преосв. Кирилла... Обѣщается прислать статейку для нашего журнала. Да больно уже ломается, какъ будто не знаетъ что такое. Мнѣ это очень не нравится“. Самые письма, какія разумеется здѣсь преосв. Макарій можно читать въ Рус. Стар. г. т. LXV—LXVI.

Болѣ усерднымъ сотрудникомъ вновь основаннаго харьковскаго журнала по части доставленія свѣдѣній и вообще статей, относящихся къ Православному Востоку, оказался архим. Антонинъ (Капустинъ), бывшій тогда настоятелемъ русской по-сольской церкви въ Константинополѣ. Къ нему преосв. Макарій также обращался, чрезъ посредство прот. Добротворскаго, съ просьбою о содѣйствіи журналу „Духовный Вѣстникъ“. Архим. Антонинъ весьма сочувственно отнесся къ предложенію преосв. Макарія и былъ, дѣйствительно, особенно на первыхъ порахъ однимъ изъ выдающихся сотрудниковъ харьковскаго журнала ¹⁾.

Съ просьбою о содѣйствіи своему журналу преосв. Макарій обращался также и къ нѣкоторымъ русскимъ ученымъ, жившимъ въ Россіи внѣ Харькова. Таковъ, напр., былъ К. И. Невоструевъ. Въ надеждѣ, кажется, на его сотрудничество, преосв. Макарій проектировалъ даже особый отдѣлъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, именно отдѣлъ приложеній, гдѣ должны были печататься разные древне-русскіе, преимущественно церковно-историческіе памятники. Невоструевъ сочувственно отозвался на приглашеніе преосв. Макарія и обѣщаль полное свое содѣйствіе новому харьковскому журналу. Такое свое обѣщаніе онъ предварилъ слѣдующими словами въ письмѣ отъ 1 ноября 1861 года: „душевно я радъ изданію духовнаго журнала подъ просвѣщеннымъ любвеобщительнымъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ Вашего Преосвященства, особенно, когда въ немъ, по указанію Вашему, назначенъ особый отдѣлъ для матеріаловъ по исторіи русской церкви. Да управитъ Господь сіе дѣло въ истинную пользу святой церкви, юже *стяжа кровію Своею*,—къ раскрытію и защищенію нашей греческой, православной вѣры и русскаго благочестія, такъ нагло попираемыхъ пниѣшними журнальными прогрессистами, которые творять

¹⁾ Мы нашли подъ руками неизданное письмо архим. Антонина въ прессу, Макарію отъ 18 сентября 1861 года.

сіе отъ злого сердца своего, а также и отъ незнанія ни той, ни другого“¹⁾. К. И. Невоструевъ былъ, дѣйствительно однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ „Духовнаго Вѣстника“. Имъ было доставлено для первыхъ книжекъ журнала обильное собраніе матеріаловъ для русской церковной исторіи, которые впоследствии были изданы въ видѣ особыхъ двухъ томовъ. Наконецъ, по приглашенію преосв. Макарія, въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ помѣщали свои статьи: Н. А. Лавровскій, В. К. Надлеръ, А. П. Рославскій-Петровскій, И. В. Платоновъ, М. Н. Петровъ и др.; изъ наставниковъ семинаріи дѣятельное участіе въ журналѣ принимали: К. Е. Истомина, П. А. Солнцева, Черняевъ, Макухинъ, и мн. др. Харьковское духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей также дѣятельно участвовало въ изданіи „Духовнаго Вѣстника“; таковы, напр., прот. Шероцкій, Лашенковъ, Софроновъ, Чижевскій и мн. др.

Программа „Духовнаго Вѣстника“, составленная, какъ сказано, при участіи преосв. Макарія, была очень широкая. Журналъ долженъ былъ заключать въ себѣ статьи, раскрывавшія: 1) христіанское ученіе, 2) исторію христіанской церкви, 3) критическое обозрѣніе духовной литературы и 4) современное обозрѣніе. Главная задача журнала, которую также намѣтилъ для него съ самаго начала преосв. Макарій, заключалась въ раскрытіи богословскихъ и научныхъ истинъ примѣнительно къ современнымъ потребностямъ жизни и современному состоянію общества. Эта задача подробно раскрывалась въ передовой статьѣ редактора журнала подъ заглавіемъ: „богословскіе вопросы въ связи съ потребностями времени“²⁾,—въ статьѣ, должно сказать, не отличающейся полною ясностію мыслей... Болѣе выразительно и болѣе ясно намѣчалъ задачи своего журнала редакторъ въ другой статьѣ, имѣвшей, вѣроятно, значеніе дополненія къ первой статьѣ,

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ См. Духовн. Вѣст. 1862 г. т. 1 стр. 11—30.

съ которою она тѣсно связана. Разумѣемъ статью прот. Добротворскаго: „О характерѣ прежняго періода нашей духовной журналистики и современныхъ ея задачахъ“¹⁾. На основаніи подробной характеристики прежней русской духовной журналистики, которая пережила уже два періода развитія: огласительный и научно-ислѣдовательный, редакторъ приходилъ къ такому заключенію: „въ предшествующій періодъ духовной журналистики преимущественно имѣлось въ виду христіанское, пастырское назиданіе душъ, ищущихъ спасенія вѣчнаго. Въ настоящее время эта духовная пища полнѣе должна быть примѣняема къ потребностямъ и состоянію вѣрующихъ; потому мы считаемъ чрезвычайно интересными опыты популярнаго изложенія христіанскихъ истинъ, примѣнительно къ слушателямъ самымъ простымъ, мало развитымъ, равно какъ и примѣры строгаго ученаго изслѣдованія, соотвѣтственно современному положенію науки и требованію образованной публики“²⁾.

Такимъ образомъ, задачу свою „Духовный Вѣстникъ“ полагалъ преимущественно въ раскрытіи богословскихъ и отчасти научныхъ истинъ примѣнительно къ потребностямъ современнаго общества. Онъ желалъ всю систему христіанскаго ученія разсматривать съ этой именно точки зрѣнія, такъ какъ „въ системѣ христіанскаго вѣроученія“, по выраженію редактора журнала, „нѣтъ почти ни одного вопроса, который бы не былъ живымъ, насущнымъ вопросомъ въ свое, извѣстное время“³⁾. Задача, безъ сомнѣнія, прекрасная, но въ то же время и въ высшей степени трудная, особенно для провинціальнаго журнала. Для того, чтобы точно выполнять такую высокую задачу, необходимо было, кромѣ спеціальнаго знанія всей системы христіанскаго вѣроученія, знать еще и всѣ потребности современнаго общества, необходимо было, такъ ска-

¹⁾ См. тамъ же т. 1 стр. 446—447.

²⁾ См. тамъ же стр. 475.

³⁾ Тамъ же стр. 11.

затѣ, стоять въ круговоротѣ современной общественной жизни. А это, понятно, было очень трудно для лицъ, жившихъ въ провинціальномъ городѣ. Правда, редація журнала, и въ особенности преосв. Макаріѣ надѣялся на сотрудничество ученыхъ, жившихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а также и за предѣлами Россіи, на православномъ Востокѣ. Но даже и при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, выполнять въ совершенствѣ поставленную себѣ задачу было очень трудно для харьковскаго журнала, да еще—не забудемъ—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда только что зарождалась у насъ духовная періодическая литература. И высота задачи, въ связи съ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, была, безъ сомнѣнія, причиною того, что журналъ „Духовный Вѣстникъ“ не могъ долго существовать, не смотря на то, что онъ, по мѣрѣ силъ, выполнялъ свою задачу. Последнее особенно должно сказать о „Духовномъ Вѣстникѣ“ въ первый годъ его изданія. Въ это время онъ, можно сказать, вполне соответствовалъ своей программѣ и своей задачѣ. Книжки „Духовнаго Вѣстника“ за 1862 годъ состояли изъ статей, которыя или освѣщали богословскіе вопросы съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ и требованій, или знакомили читателей съ состояніемъ современной православной церкви, или, наконецъ, трактовали о вопросахъ, которыми интересовалось тогда русское образованное общество. Вотъ выдающіяся статьи, печатавшіяся въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ за первый годъ его изданія: 1) многочисленныя проповѣди преосв. Макарія, которыя, по содержанію своему, какъ нельзя лучше подходили къ главной задачѣ журнала, потому что всѣ онѣ касались животрепещущихъ вопросовъ и потребностей современной духовной жизни русскаго общества; 2) вышеупомянутыя передовыя статьи редактора прот. В. И. Добротворскаго; 3) К. Е. Истомина: „Современные стоики и эпикурейцы“; 4) Ерміева: „Участіе греческихъ императоровъ въ дѣлахъ вселенскихъ соборовъ“; статья эта имѣла особенный интересъ въ виду возбужденнаго тогда вопроса о необхо-

димости созванія вселенскаго собора; 5) И. В. Платонова: „Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія“; статья эта имѣла особенный интересъ, въ виду приближавшагося тогда 1000-лѣтія со дня кончины св. Кирилла; 6) Н. П. Лавровскаго: „Извѣстіе о состояніи униатской церкви у русскихъ въ Галиціи“; 7) его же: „Славянская церковь и римско-католическій пропандизмъ“; 8) Свящ. П. А. Солнцева: „О характерѣ религіозной полемики во Франціи“; 9) архим. Антонина: „Принкипо. Письмо изъ Константинополя. 10) прот. Добротворскаго: „Дѣло христіанскихъ пастырей по отношенію къ народнымъ суевѣріямъ“; 11) его же: „Одинъ изъ духовныхъ недуговъ въ современномъ образованномъ обществѣ“; 12) свящ. Баратынскаго: „По поводу изданія раскольническихъ сочиненій“; 13) священника Лащенко: „По вопросу объ улучшеніяхъ въ быту духовенства“; 14) „Извѣстія о распространеніи христіанства между самоѣдами“ и др.

Кромѣ того, во всѣхъ книжкахъ „Духовнаго Вѣстника“ за первый годъ его изданія весьма удачно велся такъ называемый „лѣтописный листокъ“, который служилъ вѣрнымъ и полнымъ отраженіемъ современной жизни. Вотъ какъ редакторъ этого листка опредѣлялъ его задачи. Сказавъ о томъ, что „лѣтописный листокъ“ Духовнаго Вѣстника будетъ слѣдить за тѣми явленіями церковной жизни, которыя могутъ имѣть особенный интересъ для читателей журнала, онъ затѣмъ такъ продолжалъ: „въ нашей духовной журналистикѣ еще очень мало распространены обычаи слѣдить за литературными явленіями, возникающими въ журнальномъ мірѣ. А между тѣмъ многія изъ этихъ явленій, дѣйствительно, стоятъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе, по крайней мѣрѣ, нашихъ лѣтописцевъ. Намъ не разъ случалось слышать жалобы, что та или другая статья, то или другое литературное явленіе совершенно напрасно обходится молчаніемъ нашимъ пишущимъ міромъ. Жалобы эти нерѣдко были, по нашему убѣжденію, довольно основательны. Большою частію онѣ касались

тѣхъ статей, въ которыхъ высказывались или свѣтлыя мысли, или теплое христіанское чувство, и при томъ о такомъ дѣлѣ, которое должно было бы, по всей справедливости, обратить на себя полное вниманіе и подвергнуться безпристрастной оцѣнкѣ. Мы хотѣли бы, разумеется, насколько это будетъ возможно для насъ, предлагать на обсужденіе своихъ читателей все то, что только встрѣтится въ нашей журналистикѣ болѣе или менѣе пригоднаго для нашего „листа“¹⁾. И, дѣйствительно, „лѣтописный листокъ“ Духовнаго Вѣстника въ первый годъ его изданія обстоятельно знакомилъ своихъ читателей со всѣмъ, что только совершалось замѣчательнаго въ христіанскомъ мірѣ, или что особенно выдающагося появлялось въ нашей тогвременной литературѣ. Для теперешнихъ журналовъ такой порядокъ вещей, пожалуй, не представляетъ ничего особеннаго, но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія это было, безъ сомнѣнія, новостію. Наконецъ, въ Духовномъ Вѣстникѣ, за первый годъ его изданія помѣщались и статьи „строго ученыя, соотвѣтственно современному положенію наукъ и требованію образованной публики“²⁾. Таковы, напр., статьи извѣстнаго архим. Теодора Бухарева, — поборника современности въ приложеніи къ христіанству³⁾, который въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій приглашалъ своихъ современниковъ не чуждаться современности, не подходить къ ней съ какой-либо условной мѣркой, но попытаться все въ современномъ мірѣ возвысить до той степени, чтобы всѣ стороны современной христіанской жизни могли достойно именоваться христіанскими. Въ Духовномъ Вѣстникѣ за 1862 годъ были помѣщены два солидныхъ его сочиненія: а) Св. Іовъ много-страдальный и его книга и б) О св. пророкѣ Исаи и его кни-

¹⁾ Дух. Вѣст. 1862 года т. I стр. 374—375.

²⁾ См. тамъ же стр. 475.

³⁾ Извѣстна его книга: „О православіи въ отношеніи къ современности“ СПб. 1860 г.

гѣ. Таковы, далѣе, многочисленныя статьи критическаго со- держанія, въ которыхъ разбирались (и иногда въ высшей сте- пени основательно) замѣчательныя въ какомъ-либо отношеніи современныя сочиненія; изъ числа этихъ послѣднихъ особен- но слѣдуетъ отмѣтить статьи Пономарева и Черняева, заклю- чившія въ себѣ весьма обстоятельный и основательный раз- боръ извѣстныхъ сочиненій преосв. Филарета Гумилевскаго: а) „Обзоръ русской духовной литературы“ и б) „Историче- скій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія въ греческой цер- кви и др.“¹⁾.

¹⁾ Касательно критическихъ статей „Духовнаго Вѣстника“, въ которыхъ разбирались сочиненія преосв. Филарета Гумилевскаго, и прежде существовало и теперь еще нѣкоторыми раздѣляется неправильное мнѣніе, будто авторомъ ихъ былъ самъ преосв. Макарій, скрывавшійся подъ различными псевдонимами. Мы имѣемъ полную возможность заявить, что это представленіе ошибочное. Авторами критическихъ статей, направленныхъ противъ преосв. Филарета, были совсѣмъ другія лица. Подъ псевдонимомъ Сербинова, который за первый годъ изданія „Ду- ховнаго Вѣстника“ помѣстилъ цѣлый рядъ критическихъ статей по поводу различ- ныхъ сочиненій преосв. Филарета, а именно: 1) Историческій обзоръ пѣснопѣ- цевъ и пѣснопѣнія греческой церкви т. 1 стр. 110 и слѣд., 2) Русскіе святые, чтимые всею церковію, или мѣстно т. 2 стр. 132 и слѣд. и 3) Обзоръ русской ду- ховной литературы 862—1720 г. т. 2 стр. 406 и слѣд., скрывался проф. Харьков- ской семинаріи Черняевъ. Когда появилась первая критическая статья „Сербино- ва“ въ Духовномъ Вѣстникѣ, то въ Петербургѣ многіе сейчасъ порѣшили, что „Сер- биновъ“ есть никто иной, какъ самъ преосв. Макарій. Братъ этого послѣдняго сообщилъ ему о такихъ петербургскихъ толкахъ и преосв. Макарій 3 іюля 1862 года отвѣчалъ брату слѣдующее: „не понимаю, какъ могли у Васъ нѣкоторые прійти къ мысли, будто я скрываюсь подъ псевдонимомъ *Сербинова*. Ужели бы я могъ писать такія критики, какая особенно въ первой книжкѣ Духовнаго Вѣст- ника, такъ многословно, съ такими фразами и выходами, хотя болѣею частію очень дѣльно и умно? Не очевидно ли критикъ гораздо помоложе меня и съ дру- гимъ слогомъ? Здѣсь—въ Харьковѣ—всѣмъ извѣстно, а въ Черниговѣ и самому преосв. Филарету, что это—профессоръ здѣшней семинаріи—Черняевъ, весьма да- ровитый и самый лучший изъ всѣхъ сотрудниковъ Духовнаго Вѣстника. Онъ рѣшил- ся разобрать всѣ сочиненія преосв. Филарета. Я тутъ рѣшительно не участвую... Кто Сербиновъ,—можете открывать всѣмъ“. (Изъ неизданнаго письма). Что же касается И. С. Пономарева, именемъ котораго подписаны были статьи подъ за- главіемъ „Обзоръ русской духовной литературы 1720—1858 г... Критическая

Таково было содержаніе „Духовнаго Вѣстника“ за первый годъ его изданія. Въ это время онъ, можно сказать, вполне соотвѣтствовалъ поставленной имъ себѣ въ самомъ началѣ изданія задачѣ. Тогда онъ былъ преимущественно ученымъ духовнымъ журналомъ, обсуждавшимъ богословскіе вопросы, которые занимали современное образованное русское общество, и знакомившимъ своихъ читателей съ общимъ состояніемъ современнаго христіанскаго, преимущественно православнаго міра.

Въ слѣдующемъ году мы замѣчаемъ уже нѣкоторую перемѣну въ содержаніи журнала. Правда, и теперь общее направленіе журнала остается прежнее, но замѣчается въ немъ и нѣчто новое. Духовный Вѣстникъ удѣлялъ въ это время много вниманія мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ Харьковской епархіи. Это не было случайностію. Наоборотъ, редакція журнала дѣлала это сознательно. Въ концѣ 1865 года редакція, между прочимъ, объявляла слѣдующее: „при началѣ своего изданія „Духовный Вѣстникъ“ такъ поставилъ свою задачу, что не могъ быть причисленъ къ разряду мѣстныхъ епархіальныхъ изданій; но потомъ онъ возбудилъ симпатію къ себѣ со стороны приходскаго духовенства, въ особенности Харьковской епархіи, которое преимущественно съ 1863 года стало принимать въ немъ живое участіе. Доказательствомъ могутъ служить тѣ, не лишенные интереса, статьи священниковъ нашей епархіи, которыя были помѣщены за два прошедшихъ года на страницахъ нашего изданія“.

Въ слѣдующемъ (1864) году подмѣчается та же самая

статья (см. т. 1 стр. 637 и слѣд.; т. 3 стр. 68, 292, 360, 485 и слѣд. и особымъ приложеніемъ къ этой статьѣ въ 3 т.), то это—извѣстный нашъ библіографъ, здравствующій и нынѣ. У насъ подъ руками были подлинныя письма С. И. Пономарева къ преосв. Макарію, изъ которыхъ видно, что и въ данномъ случаѣ преосв. Макарій не принималъ никакого участія въ полемикѣ противъ преосв. Филарета и что статья С. И. Пономарева (въ высшей степени основательная) имѣла самыя чистыя и высокія побужденія.

особенность въ направленіи журнала съ тѣмъ только различіемъ, что она теперь выражается еще яснѣе. Въ журналѣ за этотъ годъ видимо ощущается недостатокъ ученыхъ изслѣдованій, сравнительно съ предшествующими двумя годами. Ученый отдѣлъ журнала почти совершенно исчерпывается статьями Михайловскаго ¹⁾, проф. Лавровскаго ²⁾, проф. Надлера ³⁾ и нѣсколькими статьями самого редактора журнала, при чемъ самый подборъ ученыхъ статей не отличается прежнему систематичностію и соответствіемъ ихъ главной задачѣ журнала. Но за то въ этотъ годъ своего изданія Духовный Вѣстникъ былъ особенно богатъ статьями по одному вопросу, занимавшему въ то время вниманіе русскаго образованнаго общества, особенно духовнаго міра. За одинъ этотъ годъ въ журналѣ было помѣщено 14 довольно значительныхъ статей по вопросу о средствахъ къ улучшенію матеріальнаго быта русскаго духовенства. Этому же вопросу и вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи былъ посвященъ преимущественно и содержательный лѣтописный листокъ журнала въ теченіе всего разсматриваемаго года. Поэтому, въ объявленіи о продолженіи изданія въ 1865 году редакція Духовнаго Вѣстника имѣла полное право сказать слѣдующее: „редакція журнала, при помѣщеніи статей ученаго содержанія, руководствовалась отношеніемъ ихъ къ современнымъ потребностямъ и современному состоянію наукъ, которое высказывается въ самомъ предметѣ сочиненія и его содержанія, или въ способѣ его изслѣдованія и изложенія (очевидная натяжка!). Но особенное вниманіе въ 1864 году редакція обращала на разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи быта

¹⁾ „Страданіе св. Піонія съ братією“, „Святый апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ“, „Св. апостолъ Петръ“, „Кирикъ и его мать Улитта“, „Нѣсколько словъ о павленіи“ и „Нынѣшніе несторіане, ихъ ученіе и богослуженіе“.

²⁾ „Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ“.

³⁾ „Religiöses движение въ Чехіи въ XIV в.“.

православнаго духовенства, слѣдя за ходомъ его раскрытія въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ мѣстъ и помѣщая статьи по этому важному предмету. Важность этого вопроса и вліяніе его рѣшенія на весь строй жизни и на всѣ сферы дѣятельности нашего духовенства не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мы убѣждены, что въ его разрѣшеніи заинтересованы и духовныя науки, приобретающія для себя твердую почву въ живыхъ потребностяхъ улучшенія быта православнаго духовенства“.

Въ четвертый годъ своего изданія „Духовный Вѣстникъ“ принималъ еще болѣе практическое направленіе. Кромѣ немногихъ ученыхъ статей, редакція журнала въ 1865 году помѣщала преимущественно статьи, посвященныя или вопросамъ объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства и о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, или же выдающимся явленіямъ и вопросамъ въ области пастырской практики и вообще въ жизни православнаго духовенства¹⁾. Кромѣ того, изъ особаго заявленія, съ какимъ редакція обращалась въ началѣ этого года къ своимъ подписчикамъ, мы узнаемъ, что редакція намѣренна сокращала объемъ своего изданія, задерживая многія весьма интересныя ученые статьи, въ виду недостатка подписчиковъ и, слѣдовательно, недостатка матеріальныхъ средствъ²⁾.

Въ 1866 году видимъ еще меньше научныхъ изслѣдованій въ „Духовномъ Вѣстникѣ“. Журналъ наполнялся главнымъ образомъ статьями практическаго характера, при чемъ едва-ли небольшую половину журнала занималъ „лѣтописный листокъ“. Средства редакціи видимо оскудѣвали. Въ слѣдующемъ (1867) году средства редакціи настолько сократились, что

¹⁾ Разумѣемъ статьи: „Пастырское посѣщеніе прихожанъ“, „Нсколько важны и необходимы для сельскаго пастыря церкви печатныя сборники простыхъ народныхъ поученій“, „Записки миссіонера“, „Невѣріе“, „Къ вопросу о введеніи документовъ въ духовномъ вѣдомствѣ“, „О подцерковной землѣ“, „О причинахъ медленнаго распространенія грамотности въ народѣ“ и др.

²⁾ См. т. X. стр. 141.

она вынуждена была приостановить свое издание посреди года.

Такова исторія непродолжительнаго существованія „Духовнаго Вѣстника“, основаннаго по инициативѣ преосв. Макарія. Журналъ этотъ, безспорно, принесъ извѣстную пользу какъ всему вообще русскому образованному обществу, такъ, въ частности, и духовенству, особенно харьковскому. Прежде всего, въ такое время броженія и расшатанности, какимъ были шестидесятые годы истекающаго столѣтія, всякій хорошій журналъ былъ далеко не бесполезенъ, какъ здравый руководитель сознанія русскаго общества, потерявшаго тогда равновѣсіе подъ вліяніемъ многихъ и рѣшительныхъ перемѣнъ въ его жизни. Тѣмъ болѣе былъ умѣстенъ въ то время такой журналъ, какъ „Духовный Вѣстникъ“. Въ ученомъ своемъ отдѣлѣ этотъ журналъ утверждалъ въ сознаніи русскихъ образованныхъ людей истинныя сужденія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и многихъ другихъ важныхъ предметахъ, о которыхъ тогда нерѣдко даже печатно высказывались самыя извращенныя понятія. Въ этомъ отношеніи особенно великую пользу образованному русскому обществу и, ближайшимъ образомъ, харьковскому могли приносить проповѣди самого преосв. Макарія, которыя во множествѣ печатались въ Духовномъ Дневникѣ и главною пѣлію своею имѣли именно утвержденіе въ умахъ православныхъ христіанъ истинныхъ понятій вѣры и добрыхъ правилъ нравственности. Таковы, напр., проповѣди его: 1) о взаимномъ уваженіи и любви между общественными сословіями ¹⁾; 2) о содѣйствіи счастію ближнихъ ²⁾; 3) о христіанскомъ значеніи нашихъ гражданскихъ обязанностей ³⁾; 4) о христіанскомъ самоотверженіи въ отношеніи къ самолюбію человѣческому ⁴⁾; 5) о значеніи пожертвованій на св. храмы ⁵⁾ и мн.

¹⁾ См. Дух. Вѣст. г. I стр. 1—6.

²⁾ См. тамъ же стр. 141—146.

³⁾ См. тамъ же стр. 323—327.

⁴⁾ См. тамъ же г. II стр. 63—73.

⁵⁾ См. тамъ же г. III стр. 143—151.

др. Такую же пользу могли приносить, далѣе, и поученія редактора журнала, прот. Добротворскаго, для которыхъ онъ всегда избиралъ самые жизненные предметы (напр., поученіе для матеріалистовъ въ примѣрѣ св. ап. Θомы¹⁾), и многія статьи его (напр., о религіозномъ органѣ въ душѣ чловѣка²⁾), одинъ изъ духовныхъ недуговъ въ современномъ образованномъ обществѣ³⁾). Большую пользу въ этомъ отношеніи могли, наконецъ, приносить и солидныя изслѣдованія другихъ авторовъ, напр., архим. Θεодора и многія переводныя статьи, какъ, напр., письма противъ матеріализма Фр. Фабри⁴⁾ и др.

Съ другой стороны Духовный Вѣстникъ былъ, безъ сомнѣнія, полезенъ уже тѣмъ однимъ, что онъ въ такое практическое время, какъ шестидесятые годы настоящаго столѣтія, своими серьезными и основательными статьями пробуждалъ интересъ въ образованныхъ людяхъ къ возвышеннымъ и важнымъ вопросамъ въ области вѣры, нравственности и исторіи христіанской церкви. Духовный Вѣстникъ въ свое время пользовался широкими симпатіями между серьезными русскими читателями, которыхъ, впрочемъ, какъ и теперь, не особенно много у насъ. „Въ числѣ статей за прошлый годъ“,— писала редакція журнала въ 1865 году,—„читатели наши видѣли много интересныхъ, принадлежащихъ перу духовныхъ лицъ даже самыхъ отдаленныхъ епархій нашего отечества; даже и лица, живущія за границею, посвящали труды свои нашему изданію; не безъ участія отнеслись къ труду нашему и свѣтскіе ученые: въ числѣ статей прошлаго года читатели наши могутъ встрѣтить статьи г.г. профессоровъ Харьковскаго университета. Въ числѣ подписчиковъ на наше изданіе въ прошломъ году, кромѣ многихъ просвѣщенныхъ іерарховъ и духовенства со всѣхъ концовъ Россіи, были также и свѣтскія лица“⁵⁾.

¹⁾ См. тамъ же т. IV стр. 503—512.

²⁾ См. тамъ же т. XII стр. 196, 321 и 481 и слѣд.

³⁾ См. тамъ же т. III стр. 191 и слѣд.

⁴⁾ См. тамъ же XV стр. 160, 308 и слѣд.

⁵⁾ См. *Подоблаженію Киевской Духовной Академіи и Семинаріи*,
<http://kdais.kiev.ua>

Но особенную пользу принесъ „Духовный Вѣстникъ“, безспорно, прагославному духовенству, какъ всему вообще русскому, такъ въ частности, харьковскому, пробудить въ немъ умственные интересы и давъ ему возможность свободно высказаться о своемъ положеніи, о своихъ нуждахъ и надеждахъ. „На приглашеніе ваше доставлять всевозможныя статьи и извѣстія, относящіяся къ вопросу по улучшенію быта духовенства и его пастырской дѣятельности“,—писала редакція журнала въ 1865 году,—„духовенство отовсюду единодушно откликнулось разнообразными мнѣніями по столь важному вопросу; читатели наши видѣли и, конечно, поняли всю справедливость тѣхъ мнѣній и тѣхъ желаній, которые были высказаны духовными лицами въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ прошломъ году нашего изданія“¹⁾. Однимъ словомъ, значеніе „Духовнаго Вѣстника“ состояло въ томъ, что онъ, въ теченіе сравнительно непродолжительнаго существованія своего, былъ здравымъ и полезнымъ органомъ проведенія въ жизнь и сознаніе образованнаго русскаго общества истинныхъ понятій о вѣрѣ, нравственности и исторіи христіанской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ взаимнаго общенія духовенства Харьковской и другихъ епархій.

Главною причиною скорого прекращенія „Духовнаго Вѣстника“, какъ сказано раньше, послужилъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ у его редактора, каковой недостатокъ, конечно, зависѣлъ отъ малого числа подписчиковъ. Уже въ 1865 году редакція журнала объявляла во всеобщее свѣдѣніе: „журналъ нашъ имѣетъ пока самое ограниченное число подписчиковъ, такъ что за прошлый годъ мы едва-едва могли кое-какъ свести расходъ съ приходами. Что будетъ въ настоящемъ году, еще не знаемъ“²⁾. Но и впослѣдствіи число подписчиковъ не увеличивалось. Да оно и не могло увеличи-

¹⁾ См. тамъ же стр. 142—143.

²⁾ См. тамъ же стр. 141.

ваться въ виду того, что въ это время въ Харьковѣ явился другой духовный журналъ, который во многихъ отношеніяхъ могъ замѣнить для духовенства Харьковской епархіи „Духовный Вѣстникъ“. Мы разумѣемъ журналъ „Духовный Дневникъ“, который былъ основанъ также при участіи преосв. Макарія, хотя, кажется, и не по его инициативѣ.

Изъ приведеннаго нами выше представленія преосв. Макарія Св. Синоду о разрѣшеніи издавать въ Харьковѣ „Духовный Вѣстникъ“ можно видѣть, что самъ преосв. Макарій смотрѣлъ на этотъ журналъ, какъ на такое изданіе, которое вполне замѣнитъ мѣстныя Епархіальныя Вѣдомости. Но Св. Синодъ не такъ посмотрѣлъ на дѣло. Въ самомъ разрѣшеніи издавать „Духовный Вѣстникъ“ Св. Синодъ оговорилъ условіе, чтобы этотъ журналъ издавался независимо отъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и не былъ обязательнымъ для церкви Харьковской епархіи. Въ виду этого преосв. Макарій считалъ, вѣроятно, необходимымъ учрежденіе въ Харьковѣ другого печатнаго органа, который бы замѣнялъ вполне Епархіальныя Вѣдомости. Такимъ органомъ и былъ „Духовный Дневникъ“. Журналъ этотъ, по ходатайству преосв. Макарія, былъ разрѣшенъ въ 1863 году съ тѣмъ, чтобы изданіе его началось съ 1 января 1864 года и было ведено наставниками семинаріи. По предложенію преосв. Макарія, 27—31 августа 1863 года общее собраніе наставниковъ семинаріи разсуждало объ изданіи разрѣшеннаго журнала и пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) вести изданіе „Духовнаго Дневника“ всѣмъ преподавателямъ семинаріи, а для непосредственнаго завѣдыванія этими дѣлами избирать, по очереди, трехъ наставниковъ, которые бы, подъ руководствомъ ректора семинаріи, составляли редакцію; 2) цензоромъ избрать прот. А. Мерхалева и 3) секретаремъ преподавателя Манухина съ жалованьемъ по 150 р. и письмоводителемъ одного изъ учениковъ семинаріи съ вознагражденіемъ по 78 р. Преосв. Макарій на журналъ, заключавшемъ въ себѣ всѣ эти поста-

новленія, 3 сентября 1863 года положилъ такую резолюцію: „согласенъ. Но что касается до вознагражденія за труды и секретарю и казначею, то оно, со всею справедливостію, по моему мнѣнію, могло бы быть опредѣлено общими голосами сотрудниковъ въ журналѣ, уже по окончаніи года, когда сдѣлается извѣстною общая сумма, имѣющая поступать въ раздѣлъ между всеми сотрудниками“¹⁾.

Изданіе „Духовнаго Дневника“, какъ сказано, началось съ 1 января 1864 года и продолжалось до конца 1866 года. Задача журнала, какъ можно видѣть изъ программы, объявленной при самомъ началѣ изданія, состояла въ томъ, чтобы давать душеспасительное и религіозно-назидательное чтеніе для приходскаго духовенства и для православныхъ прихожанъ. Самый журналъ предполагался состоящимъ изъ 4 отдѣловъ. Первый отдѣлъ долженъ былъ заключать въ себѣ сводъ библейскаго ученія о томъ или другомъ предметѣ, по требованіямъ духовныхъ нуждъ православныхъ христіанъ, краткія выписки изъ твореній св. св. о. о. и учителей вселенской и отечественной церкви, преимущественно относящіяся къ правоученію и христіанской педагогикѣ. Во второй отдѣлъ должны были входить краткія поученія, назидательныя размышленія, описаніе разныхъ особенныхъ поучительныхъ и поразительныхъ случаевъ изъ жизни христіанъ—прихожанъ, опыты дѣйствія проповѣди слова Божія и таинствъ, богоугодныя подвиги, примѣры благочестія, благотворительности, вопросы и отвѣты въ разрѣшеніе недоумѣній по обязанностямъ приходскихъ пастырей и по духовнымъ нуждамъ пасомыхъ, взаимныя корреспонденціи приходскихъ священниковъ по этимъ предметамъ, духовные совѣты и проч. Въ третій отдѣлъ журнала должны были входить археологическія изслѣдованія въ самомъ широкомъ смыслѣ: о службахъ, обрядахъ, суевѣріяхъ и т. п. Отдѣлъ четвертый должны были наполнять

¹⁾ См. арх. Хар. сем. Правл. за 1863 г. дѣло № 2.

полезныя для ревнующихъ о благочестіи мысли, изреченія, свѣдѣнія, библиографическія указанія касательно вновь выходящихъ книгъ, особенно замѣчательныхъ по своему направленію. Кромѣ того, при журналѣ были приложения, которыя предполагались изъ 2 отдѣловъ по рубрикамъ: 1) епархіальное управленіе и 2) епархіальная статистика. Такъ широка была программа Духовнаго Дневника. Неудивительно, если она не выполнялась редакціею журнала, особенно въ первое время существованія его, когда редакторомъ его былъ ректоръ семинаріи, архим. Агапѣй. Значительно оживился „Духовный Дневникъ“ со второй половины 1864 года, когда редакцію его принялъ архим. Веніаминъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что направленіе „Духовнаго Дневника“, начиная съ этого времени и до конца его существованія, было нѣсколько одностороннее, преимущественно возвышенно-созерцательное. Это можно видѣть уже изъ слѣдующаго краткаго перечня статей, помѣщавшихся въ журналѣ во вторую половину 1864 года: 1) О существѣ христіанства и духовной жизни христіанина; 2) Живое общеніе души съ Богомъ; 3) Всеобщая и постоянная проповѣдь неба о славѣ Творца своего; 4) Божественныя угрозы человѣческому роду голодомъ духовнымъ и проч.

Кромѣ редактора архим. Веніамина, главными сотрудниками журнала были слѣдующія лица: 1) архимандритъ (впослѣдствіи епископъ) Софонія, который печаталъ въ „Духовномъ Дневникѣ“ свою „Поѣздку на Іорданъ“—во многихъ отношеніяхъ замѣчательное произведеніе¹⁾; 2) К. Г. Истомины; 3) свщ. П. А. Солнцевъ; 4) прог. Шероцкій и др.

Самъ преосв. Макарій помѣщалъ въ „Духовномъ Дневникѣ“ однѣ только свои проповѣди: въ 1864 году здѣсь было помѣщено 5 поученій его, въ 1865 году—3 проповѣди и въ 1866 году 3 проповѣди. Вообще же онъ относился къ этому жур-

¹⁾ См. Дух. Дневн. 1864 г. №№ 21. 23. 25—26. 30.

налу съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ „Духовному Вѣстнику“, особенно на первыхъ порахъ существованія „Духовнаго Дневника“, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ его въ одномъ письмѣ къ брату: „я въ дѣла редакціи нисколько не мѣшаю и впередъ не прочитываю ни одной статьи. А потому и не знаю, какова статья о снѣ, которая не понравилась Ивану Михайловичу ¹⁾. Я и доселѣ не читалъ еще этой растянутой статьи. Мнѣ самому „Дневникъ“ нашъ вообще не нравится“ ²⁾.

Въ 1866 году преосв. Макарій рѣшилъ совсѣмъ прекратить изданіе „Духовнаго Дневника“, замѣнивъ его обыкновенными Епархіальными Вѣдомостями. По его представленію, Св. Синодъ 24 октября 1866 года разрѣшилъ изданіе „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. 5 ноября того же года на синодальномъ указѣ объ этомъ онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „редакцію Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей поручаю протоіерею Чижевскому, цензорство—протоіерею Θεодоровскому, а для доставленія редакціи необходимыхъ свѣдѣній изъ бумагъ консисторіи назначается чиновникъ Краснопольскій, котораго по возможности облегчить въ другихъ занятіяхъ его по канцеляріи“ ³⁾.

Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости издавались по обыкновенной программѣ подобныхъ изданій. Онѣ были, можно сказать, исключительно епархіальнымъ органомъ. Впрочемъ, и въ нихъ иногда помѣщались весьма дѣльныя и назидательныя статьи. Преосв. Макарій выражалъ свое сочувствіе къ нимъ помѣщеніемъ въ нихъ своихъ проповѣдей, а

¹⁾ Придвори. прот. І. М. Наумовъ. См. выше.

²⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 27 февраля 1864 г. Впрочемъ, необходимое содѣйствіе этому журналу преосв. Макарій все таки оказывалъ. На просьбѣ редактора журнала брать изъ консисторіи нѣкоторыя дѣла преосв. Макарій 16 ноября, 1863 года написалъ: „дозволяется брать, но съ тѣмъ, чтобы текущіе дѣла были возвращаемы со всею возможной скоростію въ консисторію самою редакціею“. См. арх. хар. дух. конс. по описи общ. дѣл. за 1863 г. № 297.

³⁾ См. тамъ же за 1866 г. дѣло № 318.

иногда и защитою интересовъ редакціи. Вотъ одинъ изъ примѣровъ участія его въ послѣднемъ родѣ къ интересамъ редакціи. 22 февраля 1868 года чиновники харьковской духовной консисторіи обратились съ просьбою къ преосв. Макарію, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе выдавать имъ пользу отъ изданія Епархіальныхъ Вѣдомостей. Преосв. Макаріи потребовалъ отъ редактора—протоіерея Чижевскаго объясненіе, на которомъ 15 марта 1868 года положилъ такую резолюцію: „объявить г.г. чиновникамъ консисторіи, что объясненіе прот. Чижевскаго, по поводу ихъ просьбы, я нахожу вѣрнымъ и заслуживающимъ уваженія, а потому *не могу* удовлетворить этой просьбѣ. Хороша милость однимъ, когда она не соединяется съ несправедливостію къ другимъ, а тутъ была бы очевидная несправедливость ¹⁾).

Независимо отъ дѣятельнаго участія въ мѣстныхъ печатныхъ органахъ, преосв. Макаріи и теперь, какъ и прежде, весьма внимательно слѣдилъ за русскою періодическою духовною литературою. Шестидесятые годы настоящаго столѣтія были временемъ особеннаго оживленія во всѣхъ областяхъ жизни русскаго народа и, между прочимъ, временемъ возбужденія въ области духовной журналистики. Тогда явилось множество новыхъ духовныхъ изданій. Нарожденію новыхъ печатныхъ духовныхъ органовъ, особенно такихъ, которые общали серьезно служить своей цѣли, преосв. Макаріи искренно сочувствовалъ. Извѣстно, напр., его отношеніе къ основанію московскаго журнала: „Православное Обзорѣніе“. Преосв. Макаріи искренно привѣтствовалъ и благословилъ это, обѣщавшее быть серьезнымъ и полезнымъ, изданіе. Но за то въ отношеніи къ другимъ журналамъ онъ позволялъ себѣ иногда совершенно противоположное отношеніе и отзывы. Такъ, 29 сентября 1861 года онъ, между прочимъ, писалъ своему брату: „читалъ-ли ты новый журналъ: „Духъ хри-

¹⁾ См. тамъ же.

стіаннина“. Право, очень незавидный и плохой: хуже даже Странника. Не дай Богъ быть такимъ нашему“¹⁾). Въ бытность свою въ Харьковѣ, преосв. Макарій выписывалъ въ свою бібліотеку всѣ выдающіяся періодическія изданія не только духовныя, но и свѣтскія²⁾). Кромѣ того, чтобы неопустительно слѣдить за успѣхами современнаго образованія и развитія науки, особенно русской исторіи, преосв. Макарій имѣлъ въ С.-Петербургѣ постоянныхъ поставщиковъ среди здѣшнихъ книгопродавцевъ, которые обязаны были доставлять ему всѣ новѣйшія произведенія по русской исторіи для просмотра, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ онъ приобреталъ въ собственность, а другіе возвращалъ³⁾). Благодаря этому, онъ всегда стоялъ на высотѣ современныхъ знаній въ области русской церковной исторіи, которая въ Харьковѣ составляла главный, хотя, впрочемъ, не единственный предметъ его научныхъ занятій.

Учено-литературные труды преосв. Макарія харьковскаго періода могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) богословіе, 2) церковно-историческіе и 3) проповѣдническіе.

Въ Харьковѣ преосв. Макаріемъ было пересмотрѣно и исправлено извѣстное его „Руководство по догматическому богословію“, послѣ чего оно было и напечатано. Руководство это, какъ извѣстно намъ изъ прежнихъ очерковъ, было составлено имъ еще въ бытность ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и тогда же было представлено имъ въ Св. Синодъ. Св. Синодъ передалъ его на предварительное разсмотрѣніе московскому митрополиту Филарету. Этотъ послѣдній продержалъ его у себя до самой смерти. Въ 1868 году Св. Синодъ снова предложилъ преосв. Макарію составить

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ писемъ (неизданныхъ) преосв. Макарія къ брату отъ 25 ноября 1861 года и отъ 8 января 1862 года видно, что въ этомъ послѣднемъ году преосв. Макарій выписывалъ слѣдующія свѣтскія изданія: Современникъ, Отечественныя записки, Иллюстрація, Сынъ отечества.

³⁾ На основаніи неизданныхъ писемъ преосв. Макарія къ брату отъ 20 февраля и 13 марта 1868 года.

руководство по догматическому богословію. 20 февраля этого года преосв. Макарій, между прочимъ, писалъ своему брату по этому поводу слѣдующее: „а мнѣ неожиданно—негаданно прибавился новый трудъ. Св. Синодъ прислалъ предложеніе, не найду-ли я возможнымъ представить мое краткое догматическое богословіе въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ для руководства въ нашей семинаріи. Я отвѣчалъ, что согласенъ представить, но только мѣсяца черезъ три—четыре. Ибо это руководство мною составлено въ 1853 году, а потому теперь нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и передѣлкахъ. Вотъ ~~э~~тою то работою я исключительно занятъ въ настоящее время уже около трехъ недѣль, и тружусь,—скажу по совѣсти,—съ величайшею ревностію, какъ бывало въ академіи. Желалось бы принести пользу нашимъ семинаристамъ“¹⁾. 5 апрѣля 1868 года онъ писалъ ему снова о томъ-же: „слава Богу, я уже окончилъ свое „Руководство къ изученію Христіанскаго православно-догматическаго богословія“. Оно уже переписано, и завтра отдается переплетчику, а черезъ нѣсколько дней будетъ отправлено мною въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ“²⁾. Дѣйствительно, 12 апрѣля 1868 года преосв. Макарій отправилъ исправленное имъ „Руководство по догматическому богословію“ въ духовно-учебный комитетъ, который, по разсмотрѣніи, призналъ его вполне удовлетворяющимъ требованіямъ семинарской программы. Тогда 15 августа 1868 года г. синодальный оберъ-прокуроръ обратился къ преосв. Макарію съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Св. Синодъ“,—писалъ онъ,—„по разсмотрѣніи журнала учебнаго при ономъ комитета о составленномъ Вашимъ преосвященствомъ „Руководствѣ къ изученію православнаго догматическаго богословія“, въ виду отзыва комитета о достоинствахъ сего сочиненія, призналъ полезнымъ ввести оное въ учебное руководство по классу догматическаго богословія въ духов-

¹⁾ Изъ нецѣданнаго письма.

²⁾ Изъ нецѣданнаго письма.

ныхъ семинаріяхъ, взамѣнъ существующаго нынѣ по этой наукѣ учебника въ семинаріяхъ; но предварительно сего, для разъясненія условій, на которыхъ оно можетъ быть издано для означенной цѣли, поручилъ мнѣ войти въ сношеніе съ вами о томъ, не признаете ли вы возможнымъ, подобно другимъ архипастырямъ, подвизавшимся на поприщѣ духовнаго просвѣщенія, въ отеческой заботливости о преуспѣяніи духовнаго юношества, въ чемъ вы уже представили несомнѣнныя доказательства, и во вниманіе къ нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній, пожертвовать свое сочиненіе на пользу этихъ заведеній безвозмездно“. Преосв. Макарій тогда же отвѣтилъ на это предложеніе слѣдующее: „я изъявляю полное согласіе пожертвовать безвозмездно на пользу нашихъ духовно-учебныхъ заведеній составленное мною „Руководство къ изученію православнаго догматическаго богословія“, вводимое, по опредѣленію Св. Синода, въ качествѣ учебника въ наши духовныя семинаріи. Но только я покорнѣйше просилъ бы во 1-хъ), чтобы, при каждомъ изданіи этого руководства для семинарій мнѣ высылаемо было по 20 экземпляровъ его на лучшей бумагѣ для раздачи моимъ знакомымъ; и во 2-хъ), чтобы, когда означенное руководство перестанетъ быть учебникомъ въ семинаріяхъ и замѣнено будетъ другимъ, совершеннѣйшимъ, т. е. перестанетъ приносить какую-либо пользу нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, оно сдѣлалось опять собственностью моею и моихъ наслѣдниковъ“¹⁾). Послѣ того вскорѣ „руководство“ преосв. Макарія было напечатано и сдѣлано учебникомъ для семинарій, каковымъ оно остается и доселѣ.

Въ Харьковѣ преосв. Макарій затѣмъ напечаталъ и выпустилъ новымъ изданіемъ извѣстныя его богословскія сочиненія: „Введеніе въ Православное Богословіе“ и „Догматическое Богословіе“. Къ изданію перваго изъ названныхъ

¹⁾ На основаніи подлинной переписки между гг. Толстымъ и преосв. Макаріемъ, сохранившейся въ архивѣ этого послѣдняго.

сейчасъ сочиненій побудилъ его синодальный оберъ-прокуроръ. 6 марта 1862 года преосв. Макарій писалъ брату по этому поводу слѣдующее: „на дняхъ относился ко мнѣ г. оберъ-прокуроръ гр. Толстой съ запросомъ, скоро ли я издамъ вновь „Введеніе въ Богословіе“: такъ какъ его многіе спрашиваютъ. Я отвѣчалъ, что хочу сдѣлать это въ нынѣшнемъ году, если не встрѣтятся препятствій. Но какъ это сдѣлать, рѣшительно не придумую. Здѣсь издавать и особенно продавать крайне неудобно, а надобно непременно въ Петербургѣ. Всего ближе и могъ бы просить Васъ принять на себя этотъ трудъ. Но согласитесь ли вы на это, есть ли у Васъ на это время и, главное, гдѣ вы можете сложить и хранить массу напечатанныхъ книгъ? Напишите мнѣ отвѣтъ по этому вопросу. Или не согласится ли издать мою книгу на опредѣленныхъ условіяхъ, какой-либо книгопродавецъ, напр., Кожанчиковъ? Если-бы Вы переговорили съ нимъ когда-нибудь объ этомъ“¹⁾. Изъ послѣдующей переписки преосв. Макарія съ братомъ узнаемъ, что этотъ послѣдній взялъ на себя весь трудъ изданія „Введенія въ Православное Богословіе“. 3-го іюля 1862 года преосв. Макарій уже писалъ своему брату: „съ книгами моими предоставляю вамъ поступать такъ, какъ сами вздумаете. Дополнять же и исправлять мое „Введеніе въ Богословіе“ рѣшительно не нахожу ни времени, ни охоты. Придется печатать такъ, какъ есть, или совсѣмъ не печатать. Скажите, что лучше...“²⁾. Въ августѣ 1862 года началось печатаніе книги, подъ ближайшимъ руководствомъ А. П. Булгакова, при чемъ самъ преосв. Макарій хотя издалъ, но все таки весьма внимательно слѣдилъ за ходомъ этого дѣла³⁾. Къ концу того же года третье изданіе „Введенія въ Православное Богословіе“ было уже готово. А 20 января 1863 года

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ На основаніи неизданнаго письма отъ 26 августа 1862 года.

преосв. Макарій уже писалъ своему брату: „экземпляръ „Введенія“ мною уже полученъ. Изданіе мнѣ нравится. Корректура ведена весьма умно и исправно“¹⁾.

Догматическое богословіе преосв. Макарія было напечатано новымъ изданіемъ нѣсколько позже, именно въ 1867 году. На этотъ разъ оно было издано въ 2-хъ томахъ, тогда какъ прежде дважды печаталось въ 5-ти томахъ: „Догматика“, подобно „Введенію“, была издана на этотъ разъ безъ всякихъ исправленій, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ. „Я очень бы желалъ исправить свое Догматическое Богословіе получше и тогда печатать“,—писалъ онъ брату 24 іюля 1867 года,—„но какъ вспомню, что въ такомъ случаѣ нужно представлять книгу въ цензуру и ждать, то руки опускаются и я рѣшаюсь печатать ее безъ исправленій“²⁾. Печатаніе догматики происходило, по обыкновенію, при самомъ внимательномъ наблюденіи со стороны преосв. Макарія за этимъ дѣломъ. Вотъ для примѣра выдержка изъ одного письма съ нѣкоторыми указаніями касательно печатанія догматики: „печатайте догматику въ двухъ томахъ, чтобы въ первый вошли два первые тома, а во второй—три послѣдніе. Печатайте ее въ числѣ 2.400 экземпляровъ. Бумага мнѣ понравилась для догматики въ 3 р., большого формата, при семъ препровождаемая. Она довольно тонка—потому, что томы догматики должны выдти объемисты,—такъ чтобы не были тяжелы. Шрифтъ для догматики мнѣ понравился изъ типографіи *Трея*, при семъ посылаемый. Печатайте по 38 или 39 строкъ на страницѣ въ 6 или 6½ квадратовъ. Только, такъ какъ избранная мною бумага велика, то желалось бы, чтобы строка отъ строки были разставлены больше, чѣмъ въ образцѣ, а равно и буква отъ буквы—въ каждой строкѣ: иначе стороны, незанятые печатью, будутъ черезчуръ широки“³⁾. При такомъ опытномъ

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 21 августа 1867 года.

руководствѣ и внимательномъ наблюденіи со стороны преосв. Макарія третье изданіе догматики его было окончено въ началу 1868 года и съ вѣйшней стороны вполне удовлетворило автора¹⁾.—Такимъ образомъ, занятія преосв. Макарія въ области богословскихъ наукъ ограничивались въ Харьковѣ или исправленіемъ, или переизданіемъ прежнихъ его сочиненій.

Гораздо больше времени и труда преосв. Макарій употреблялъ въ Харьковѣ на занятія любимымъ его предметомъ—русской церковной исторіей. Мы знаемъ, что въ С.-Петербургѣ имъ были напечатаны первые три тома его церковно-историческаго труда, въ которыхъ изображалась исторія русской церкви до 1240 года. Въ Тамбовѣ онъ мало и при томъ съ перерывами занимался своимъ церковно-историческимъ трудомъ. Видимо, что въ это время его вниманіе занимали главнымъ образомъ заботы и новая для него дѣятельность по епархіальному управленію. Требовалось, очевидно, особенное усиліе для того, чтобы снова настроиться на прежнія занятія и вести ихъ посреди другихъ, постоянно отвлекающихъ и совершенно несродныхъ работъ. Преосв. Макарій, какъ есть основаніе думать, боролся съ самимъ собою и иногда, въ минуты разочарованія, готовъ былъ даже винить себя въ лѣнности. „Сколько ни принуждаю себя продолжать исторію“,—писалъ онъ брату въ первый годъ своего пребыванія въ Харьковѣ, именно 2 ноября 1859 года,—„ничего не подѣлаю. Рѣшительно одолѣла лѣнь. Вѣрно, придется бросать. Было время трудиться, теперь пора отдыхать. Впрочемъ, еще не ручаюсь: авось и захочется приняться за перо“²⁾. И, дѣйствительно, сила воли дѣлала свое дѣло. Преосв. Макарій съ теченіемъ времени постепенно началъ вытягиваться въ прежнюю свою ученую, строго систематиче-

¹⁾ На основаніи неизданныхъ писемъ отъ 15 окт. и 23 ноября 1867 г. и янв. 1868 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

скую работу. 13 декабря 1859 года онъ уже писалъ брату: „теперь я чувствую себя гораздо лучше прежняго... Въ доказательство этого скажу тебѣ, что я написалъ на дняхъ до четырехъ листовъ исторіи—продолженія... Авось опять наложусь какъ-нибудь“¹⁾. Въ слѣдующемъ (1860) году 7 апрѣля онъ уже съ большею увѣренностію писалъ брату: „продолженіе моей исторіи если и явится, то не прежде, какъ года черезъ два. Надѣюсь, если Богъ поможетъ, приготовить къ тому времени еще два томика, которые должны обнять время отъ 1240 до 1448 года. Только много требуется благопріятныхъ обстоятельствъ“²⁾. Такимъ образомъ, въ это время у преосв. Макарія былъ уже совершенно готовъ планъ начатаго имъ въ предыдущемъ году продолженія исторіи русской церкви. Съ теченіемъ времени онъ окончательно „втанулся“ въ работу и началъ работать надъ продолженіемъ русской церковной исторіи правильно, какъ и въ прежніе годы академической службы. Осенью и зимою 1864—65 года онъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался ученымъ трудомъ. 23 января 1865 года, отвѣчая на праздничное привѣтствіе брату, онъ, между прочимъ, писалъ ему: „напрасно ты думаешь, будто я весело проводилъ праздники съ здѣшними моими родными. Они были у меня по одному разу и на короткое время. Нѣтъ, не съ родными провелъ я праздники и вообще провожу время, а съ книгами. Теперь мѣсяца уже два я занимаюсь сильно, какъ занимался во дни оны въ академіи. Много уже у меня было понаписано исторіи русской церкви, начиная съ 1858 года, но все по частямъ и отрывочно. Нужно было все пересмотрѣть, соединить, провѣрить по источникамъ, а по мѣстамъ исправить и дополнить. Этимъ-то я и занимаюсь. И уже четвертый томъ совершенно оконченъ мною и переписывается для цензуры (до половины перепис-

¹⁾ Изъ незаданнаго письма.

²⁾ Изъ незаданнаго письма.

санъ). А надъ пятымъ томомъ придется еще поработать мѣсяца два—три. Эти томы будутъ интереснѣе и лучше первыхъ трехъ. А лѣтомъ нужно будетъ печатать“¹⁾). Въ письмѣ къ брату отъ 14 марта того же года онъ, между прочимъ, замѣчалъ: „я все тружусь и работаю усердно надъ своею исторіею; переписывается уже второй томъ, по мѣрѣ того, какъ я готовлю. Но къ Пасхѣ, кажется, не успѣю кончить. Дай Богъ совсѣмъ раздѣлаться къ 1-му мая“²⁾). Видно, что преосв. Макарій въ данное время работалъ надъ своими трудами усидчиво, такъ сказать, задавая самому себѣ уроки на извѣстные періоды времени. Къ назначенному заранее сроку, первому числу мая, дѣйствительно, онъ окончилъ задуманный трудъ. 3 мая 1865 года онъ уже обращался къ брату съ такимъ предложеніемъ: „пу—что же скажете мнѣ теперь на счетъ печатанія моего новаго сочиненія? Оно уже окончено; первый томъ переписанъ весь и второй до половины. Къ концу мая, вѣроятно, отправлю въ цензуру“³⁾). А. П. Булгаковъ изъявилъ согласіе принять на себя хлопоты по изданію новаго труда своего брата. Подъ ближайшимъ и весьма внимательнымъ руководствомъ этого послѣдняго, новые томы его исторіи русской церкви были напечатаны въ теченіе 1865 года⁴⁾). Въ самомъ концѣ этого года новый трудъ преосв. Макарія явился уже въ свѣтъ.

1) Изъ неизданнаго письма.

2) Изъ неизданнаго письма.

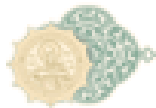
3) Изъ неизданнаго письма.

4) Насколько внимательно слѣдилъ преосвящ. Макарій за печатаніемъ своего сочиненія, можно видѣть изъ слѣдующей переписки его съ братомъ. 18 мая 1865 года онъ писалъ этому послѣднему: „очень радуюсь, что вы изъявили согласіе заняться печатаніемъ моихъ новыхъ книгъ. Прошу выбрать образцы бумаги и шрифта. Бумага, по величинѣ, бѣлизнѣ и плотности, должна быть въ родѣ той, на какой печатаются нынѣ „Отечественныя Записки“. Шрифты нужны троякаго рода: а) болѣе крупный—для самаго текста книги, въ родѣ того, какимъ печатается нашъ „Духовный Дневникъ“; б) помельче—для приложений къ книгѣ, въ родѣ того, какимъ печатаются „Прибавленія къ Духовному Дневнику“; в) еще мельче—для примѣчаній, которыя будутъ печататься“.

Труды Киевск. дух. Академіи. Т. III. 1896 г.

Четвертый и пятый томы „Исторіи русской церкви“, по содержанію своему, представляли собственно одно цѣлое. Въ нихъ изображалась исторія русской церкви въ періодъ постепеннаго ея перехода къ самостоятельности (1240—1589 г.), за время собственно первой половины этого періода (1240—

таться внизу текста на каждой страницѣ. Шрифты могутъ быть не точно такіе, какіе мною указаны, а только подобные, немного больше или меньше и проч. Но, только, чтобы они были новые, чистые, не истертые. Въ текстѣ должны быть на каждой страницѣ строкъ 31 или 32—никакъ не больше, а въ приложенияхъ—строкъ 39 или 40,—не больше. Бумагу избираю большую, чтобы въ книгѣ, для красоты, поля были большія со всѣхъ сторонъ. А самый текстъ или самое печатаніе въ этихъ двухъ томахъ, IV и V, должны равняться по объему тому тексту, какой находится въ трехъ первыхъ томахъ моей исторіи, напечатанныхъ на меньшей бумагѣ и съ меньшими полями,—такъ, чтобы, если кто захочетъ, то могъ бы обрѣзать IV и V томы и приравнять ихъ, по величинѣ, къ первымъ томамъ, нисколько не захватывая обрѣзомъ самаго текста. Бумага можетъ быть и немного меньше прогнѣ „Отечественныхъ Записокъ“, если такой не найдете, но по близинѣ и плотности должна еще быть выше и лучше, если нѣтъ такой точно. Печатать думаю не три, а только два завода, т. е. 2400 экземпляровъ. Или какъ вы мнѣ посоветуете. Образцы бумаги и шрифтовъ, какіе выберете, пришлите ко мнѣ“. 25 іюня того же года онъ снова писалъ брату: „на счетъ печатанія моей книги, по разсмотрѣніи присланныхъ вами образцовъ, сообщу слѣдующее: 1) изъ шрифтовъ болѣе всѣхъ мнѣ понравился—типографіи Бокрама, особенно для текста: четкій, ясный. Для приложений желалось бы немного поменьше, но сойдетъ и присланный. Рѣшайтесь печатать въ этой типографіи и этими шрифтами, образцы которыхъ я при семъ возвращаю вамъ. Для примѣчаній же внизу текста выберите текстъ поменьше, въ родѣ того, какой вы прислали изъ типографіи Удѣловъ. Замѣтите, что въ приложенияхъ не должно быть особаго счета страницъ, а должно быть *продолженіе* того же счета, какой будетъ въ текстѣ, какъ это было въ трехъ первыхъ томахъ моей исторіи. По этому, приложений нельзя печатать прежде, или вмѣстѣ съ ними, а послѣ. 2) Бумага мнѣ болѣе всѣхъ понравилась *Печатинка*—по 3 р. 10 к. Она болѣе всѣхъ и деликатнѣе, хоть и не очень плотна. Ее и возьмите. Да берите на всякій случай побольше: листовъ на 45 или болѣе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, если останется, возвратити продавцу; 3) четвертый томъ моей исторіи я уже отослалъ въ цензурный комитетъ и просилъ его, по разсмотрѣніи, передать вамъ. Но все же лучше, если повидаетесь съ г. Чистовичемъ, или съ цензоромъ и попросите его поскорѣ покончить дѣло. Этотъ томъ я, для удобства при чтеніи цензуры, переписалъ въ три тетради. Но печатать его все же надобно въ одной книгѣ. Пятый томъ пошлю въ цензуру черезъ двѣ недѣли или скорѣе. Я самъ внимательно прочелъ всю рукопись и исправляя, что замѣчалъ не-

1448 г.), когда надъ русскимъ государствомъ и надъ русскою церковью тяготѣло татарское иго. Въ четвертый томъ, вошли пер-

елдинимъ. Но, навѣрно, остались еще описки и ошибки: пожалуйста, исправляйте при печатаніи. Особенно тамъ часто попадаютъ безъ нужды крупныя буквы въ началѣ словъ: Митрополитъ, Патріархъ, Московскій или Тверскій или Русскій и под. Перебѣайте все это на мелкія буквы, какъ нынѣ принято. Скажите корректору... Да, и забылъ было: бумаги отглаживать не нужно. Но печатайте 25 экземпляровъ на лучшей велевовой бумагѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, 26 іюля онъ снова писалъ брату: „благодарю васъ, что такъ скоро устроили и уже начали мое дѣло и всѣ сдѣланныя вами переѣмы на счетъ цѣны за печать и бумагу вполне одобряю. Продолжайте съ Божіею помощію, какъ начали. А на данныя вами вопросы нынѣ отвѣчать: 1) оглавленіе моей книгѣ дѣлайте точно такъ, какъ написано на всѣхъ трехъ страницахъ, и ничего не опускайте въ этомъ заглавіи, не смотря на повторенія. 2) Слова: С.-Петербургъ, въ типографіи... 1866 г.—помѣстите на третьей, т. е. самой послѣдней страницѣ,—внизу подъ чертою. 3) разрѣшеніе цензуры помѣстите на оборотѣ этой самой третьей страницы, какъ обыкновенно бываетъ: тамъ вся сторона оставлена бѣлая, ничѣмъ не занятая. Годъ поставьте именно 1866: такъ какъ печатаніе книги кончилось, вѣроятно, не раньше ноября. Еще вотъ что: въ томъ томѣ, который вы начали уже печатать, въ главѣ IV—о *Богослуженіи* найдите въ текстѣ предъ примѣч. 316-мъ слѣдующія слова: „А въ слѣдующемъ году тотъ же епископъ создалъ наменіиу церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ Дорогомиловѣ“. Всѣ эти слова вычеркните въ рукописи и не печатайте. Но слѣдующее за ними (316) примѣчаніе оставьте, какъ есть, и печатайте. Это 316-ое примѣчаніе относится къ цѣлому предыдущему отдѣленію“. 5 октября того же года, по полученіи образцовъ печатанія книги, онъ писалъ брату: „шрифтъ на оберткѣ, вами присланной, мнѣ нравится: только цифры 1866 неровны. Затѣмъ и шрифты на заглавной бѣлой четвертѣ—также хороши: только на первой страницѣ первое слово—*Исторія*—кажется, очень мелко, или сбито и низерно: нельзя ли переѣзать, или разставить немного? Впрочемъ я полагаюсь совершенно на вашъ вкусъ. Оберточную бумагу возьмите хоть зеленую, какую Вы прислали, хоть желтую, хоть еще какую, по Вашему вкусу, только не толстую,—или даже разныхъ цвѣтовъ“. Наконецъ, 7 декабря того же года по полученіи уже всего отпечатаннаго IV-го тома, преосв. Макарій писалъ брату: „я прочелъ присланные мнѣ печатные листы моей книги и нашелъ весьма мало опечатокъ, при томъ все неважна, кромѣ одной. На оборотѣ Вы увидите эти опечатки. Если и Вы отыскали какія-либо опечатки: то прибавьте ихъ къ моимъ и припечатайте въ концѣ V тома“. Всѣ эти выдержки, свидѣтельствующія о самомъ внимательномъ отношеніи преосв. Макарія къ печатанію его труда—отъ начала до конца, приведены изъ неизданныхъ писемъ его.

выя четыре главы, въ которыхъ подробно изображалось состояніе: 1) іерархіи; 2) паствы; 3) монастырей и 4) богослуженія русской церкви за разсматриваемое время ея исторіи. Пятый томъ также состоялъ изъ 4 главъ, въ которыхъ изслѣдовались: 1) церковное право; 2) духовная литература; 3) состояніе вѣры и нравственности и 4) изображалось отношеніе русской церкви къ другимъ церквамъ въ монгольскій періодъ русской исторіи. Оба тома были снабжены приложеніями въ видѣ 42 памятниковъ древне-русской письменности (въ четвертомъ томѣ—30, а въ пятомъ—12), которые приводились частію въ цѣломъ видѣ, а большею частію въ видѣ наиболѣе интересныхъ выдержекъ.

Такимъ образомъ, новый трудъ преосв. Макарія по исторіи русской церкви былъ написанъ имъ по прежнему плану, съ какимъ мы подробно познакомились раньше. Самый внутренній характеръ продолженія исторіи русской церкви остался также безъ существенныхъ измѣненій. Исторія преосв. Макарія представляла собою собственно фактическое изложеніе прошедшихъ судебъ русской церкви, а не уясненіе внутренняго смысла историческихъ событій, ихъ значенія и ихъ вѣдущаго взаимоотношенія, что, какъ мы знаемъ, ему рекомендовала въ свое время критика. Того же самого метода преосв. Макарій держался и при характеристикѣ каноническихъ и вообще литературныхъ памятниковъ монгольскаго періода исторіи русской церкви. По сравненію съ прежними томами, четвертый и пятый томы исторіи русской церкви преосв. Макарія отличались только чрезвычайнымъ обиліемъ матеріаловъ, положительностью сужденій и особенно строгостію и изяществомъ въ изложеніи.

Новый трудъ преосв. Макарія по исторіи русской церкви былъ принятъ образованнымъ русскимъ обществомъ сочувственно. Отвѣчая на письмо, при которомъ были присланы ему IV и V томы исторіи русской церкви, извѣстный нашъ историкъ Н. Г. Устряловъ, между прочимъ, писалъ

преосв. Макарію: „вчера я прочиталъ большую часть четвертаго тома и смѣло могу сказать, что не было у насъ церковной исторіи, писанной въ такомъ стройномъ порядкѣ, съ такимъ знаніемъ фактовъ, съ такимъ безпристрастіемъ и отчетливостію въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ и, къ довершенію всего, въ такомъ изящномъ, увлекательномъ сло-гѣ“¹⁾. Другой нашъ историкъ, академикъ Срезневскій 19 января 1866 года писалъ преосв. Макарію: „принишу мою глубокую благодарность за два новые тома вашей исторіи русской церкви, мною недавно полученные. Началъ ихъ читать и думалъ, что скоро успѣю докончить: такъ меня увлекала занимательность повѣствованія; но на дѣлѣ вышло не то: богатство новыхъ данныхъ и соображеній заставляетъ не читать, а изучать ваше произведеніе, и при этомъ, на случай справокъ, дѣлать указательныя вымѣтки, а это такъ замедляетъ чтеніе, что я дошелъ только пока до 250-хъ страницъ IV-ой части. Заглядывалъ и далѣе и въ V-ю часть и не могъ не порадоваться надеждою, что тамъ готовится для меня много, много другого. Не примите за лесть, а за простодушное выраженіе чувствъ русскаго человѣка, что эти двѣ книги принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ украшеній нашей научной литературы. Мнѣ бы очень хотѣлось поближе познакомиться съ ними нашихъ университетскихъ воспитанниковъ,—хоть посредствомъ сокращеннаго чтенія“²⁾. А М. П. Погодинъ 5 февраля 1869 года, въ свою очередь, писалъ преосв. Макарію: „знаете, за чѣмъ я третій день сижу и услаждаюсь? За Вашею исторіею русской церкви. Читаю и скорблю, зачѣмъ не читалъ ея прежде, а только перелистывалъ. Я воспользовался бы много ею, что долженъ отложить теперь до втораго изданія своей исторіи, если доживу до него. Ахъ, какъ мы не умѣемъ возлавать *vinum spiritum*! Ваша

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

книга должна бы быть оглашена на торжищахъ и сдѣлаться настольною книгою всякаго образованнаго человѣка!¹⁾

Всѣ такіе отзывы о своемъ новомъ трудѣ преосв. Макарій, должно замѣтить, близко принималъ къ сердцу. Въ зависимость отъ такого или иного отношенія русскаго ученаго міра къ его труду онъ поставлялъ даже и самое продолженіе его. Въ своемъ письмѣ къ брату отъ 16 февраля 1866 года онъ, между прочимъ, замѣчалъ: „отъ нѣкоторыхъ ученыхъ я получилъ самые лестные отзывы о моихъ новыхъ книгахъ. И скажу тебѣ по секрету, что если дѣйствительно оцѣнить по достоинству этотъ мой трудъ, то я несомнѣнно стану продолжать его съ болѣею ревностію и скоростію“. А такъ какъ отношеніе образованнаго русскаго общества къ труду преосв. Макарія было самое сочувственное, то онъ въ Харьковѣ же весьма дѣятельно приступилъ къ дальнѣйшему продолженію исторіи русской церкви. Особенно онъ усидчиво занимался этимъ трудомъ осенью и зимою 1866 года. 24 ноября этого года онъ, между прочимъ, замѣчалъ въ письмѣ къ брату: „въ теперешніе длинные вечера я очень много занимаюсь и продолжаю писать мою исторію, хотя, къ прискорбію, частыя службы много меня отвлекаютъ отъ этихъ занятій. Написано уже до 60-ти листовъ текста для шестаго тома. А вотъ и праздники, а тамъ великій постъ: сколько отнимутъ времени!“²⁾. Въ слѣдующемъ 1867 году преосв. Макарій все свободное отъ епархіальныхъ трудовъ время употреблялъ почти исключительно на исправленіе прежнихъ своихъ церковно-историческихъ (и отчасти богословскихъ) сочиненій и только уже весною и лѣтомъ 1868 года, по отпращиваніи въ Св. Синодъ „Руководства къ изученію православно-догматическаго богословія“, могъ приступить къ продолженію исторіи русской церкви. 30 іюня этого года

¹⁾ Изъ незаданнаго письма.

²⁾ Изъ незаданнаго письма.

онъ, между прочимъ, писалъ брату: „шестой томъ исторіи церкви скоро отдамъ переписывать для печати. Но самое печатаніе думаю отложить до будущаго года, когда, вѣроятно, законченъ будетъ и 7-й томъ, который теперь доведенъ до половины, если не дальше... Вообрази, меня еще интересуетъ мое авторствованіе и бумагоманіе, давно уже забытое другими... Вѣрно, горбатаго исправить только могила!“¹⁾ На этомъ, вѣроятно, и остановились въ Харьковѣ занятія преосв. Макарія по продолженію имъ исторіи русской церкви, такъ какъ онъ скоро долженъ былъ уѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ его ожидали новыя занятія. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ имъ былъ окончательно отдѣланъ шестой томъ его исторіи и доведенъ до половины седьмой томъ ея. Слѣдовательно, здѣсь имъ, посреди самыхъ усердныхъ и сложныхъ занятій по епархіальному управленію, были вновь составлены 3^{1/2} тома его церковно-историческаго труда.

Кромѣ продолженія „исторіи русской церкви“, преосв. Макарій напечаталъ въ Харьковѣ еще нѣсколько мелкихъ церковно-историческихъ статей и изслѣдованій. Всѣ они, впрочемъ, находились въ тѣснѣйшей связи съ главнымъ трудомъ его и представляли только результатъ его спеціальнаго изученія нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ вопросовъ по исторіи русской церкви. Таковы статьи его: 1) *Русская духовная литература въ періодъ монгольскій*²⁾; 2) *Церковное*

¹⁾ Изъ нежданнаго письма.

²⁾ См. Духовн. Вѣстн. т. 1 стр. 31—63, 147—194, 277—322 и 423—445 ср. Ист. рус. церкви т. V гл. VI. Настоящій литературно-историческій очеркъ преосв. Макарія вызвалъ въ свое время критическую статью Е. М. Крыжановскаго, бывшаго въ то время бакалавромъ нашей Академіи по кафедрѣ всеобщей словесности (См. пятидесятилѣтній юбилей Киев. дух. акад. К. 1869 г. стр. 393). Авторъ статьи остался недоволенъ очеркомъ преосв. Макарія. „Новая статья преосв. Макарія“, — писалъ Крыжановскій, — „не только не устанавливаетъ опредѣленнаго и полнаго идеи исторіи духовной литературы, не только не приноситъ чего-нибудь новаго для рѣшенія вопроса о смыслѣ и значеніи разсматриваемого въ ней періода этой литературы, но еще болѣе запутываетъ и

Право въ Россіи при мѣстолахъ; 3) Записка о русской митрополіи въ ея переходной періодъ и 4) Краткая записка о соборахъ, въ особенности русскихъ. Эта послѣдняя записка не была, кажется, напечатана нигдѣ до сего времени. Она составлена была авторомъ по просьбѣ г. синодальнаго обер-прокурора г. Толстаго. По крайней мѣрѣ, сохранилось слѣдующее письмо этого послѣдняго къ преосв. Макарію отъ 8 декабря 1868 года: „я имѣю основаніе покорнѣйше просить Васъ ускорить, если возможно, составленіемъ записки о русскихъ помѣстныхъ соборахъ, съ обращеніемъ при томъ преимущественнаго вниманія: 1) на составъ соборовъ, т. е. на то, находились ли на нихъ, кромѣ епископовъ, и члены бѣлаго духовенства и пользовались ли они правомъ голоса; 2) на предметъ занятій этихъ соборовъ и 3) на представительство въ нихъ отъ правительства и на то, подлежали ли постановленія соборовъ утвержденію верховной власти“. Соотвѣтственно такому порученію, и самая „Записка о соборахъ, въ особенности русскихъ“ состояла изъ трехъ отдѣленій: въ первомъ изъ нихъ говорилось о лицахъ, участвовавшихъ въ соборахъ и соборныхъ рѣшеніяхъ¹⁾; во второмъ—о предме-

звѣщаетъ это рѣшеніе. Преосв. Макарій разсматриваетъ свой предметъ не въ той его средѣ, отъ изслѣдованія которой зависитъ разъясненіе взгляда на него, правильное понятіе о немъ, съ вовсе не касается жизненнаго значенія литературы, а останавливается только на отвлеченной сторонѣ ея...! Въ этой скудной, отвлеченной средѣ преосв. Макарій дѣлаетъ еще большее сокращеніе,—онъ видитъ духовную литературу только въ такихъ произведеніяхъ поучительнаго характера, которыя представляютъ чистую мысль христіанства, не удостоивая никакого вниманія тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ эта мысль сходится съ понятіемъ народа, его бытовыми представленіями, суевѣріями и предразсудками, и представляютъ тотъ процессъ, въ которомъ, съ одной стороны, выполнялась главная задача духовной литературы—постепенное преобразованіе народа въ духъ христіанства, съ другой—выражалась степень ея успѣховъ въ этомъ“ (См. Тр. Кіев. дух. Акад. 1863 т. III стр. 526—527).

¹⁾ „Право собираться на соборы и рѣшать на нихъ вопросы о предметахъ вѣры, благочестія и благочинія христіанскаго принадлежать исключительно епископамъ по самому значенію ихъ въ церкви и, слѣдъ за тѣмъ, по прави-

тахъ соборныхъ разсужденій и рѣшеній¹⁾ и въ третьемъ—
объ отношеніи къ соборамъ верховной гражданской власти²⁾
Съ этихъ трехъ сторонъ исторія русскихъ соборовъ излага-

ламъ св. Апостоловъ, и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ. Вѣдѣствіе этого, какъ въ древней церкви, такъ и въ русской бывали соборы, на которыхъ присутствовали и дѣлали постановленія одни только епископы, безъ всякаго участія пресвитеровъ и діаконовъ... По примѣру древнихъ соборовъ, и епископы русской церкви весьма часто приглашали съ собою на соборы и пресвитеровъ или точнѣе, имѣвшихъ степень пресвитера, архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, іереевъ, а иногда и діаконовъ и даже простыхъ монаховъ и старцевъ-пустынниковъ, вовсе неимѣвшихъ священнаго сана... Случалось и у насъ, что лица, неимѣвшія епископскаго сана, имѣли на соборахъ весьма важное значеніе по своимъ познаніямъ и имѣніямъ: такъ, преп. Іосифъ, игуменъ Волоколамскій, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени, имѣлъ даже преобладающій голосъ на іерусалимскихъ нашихъ соборахъ начала XVI в. Но окончательныя рѣшенія и на нашихъ соборахъ принимались и утверждались только епископами: это видно изъ того, напр., что хотя на соборахъ 1503 и 1504 годовъ несомнѣнно присутствовали и архимандриты и игумены и другія лица, неимѣвшія епископскаго сана, во рѣшенія этихъ соборовъ подписаны были только епископами".

1) „Предметами соборныхъ разсужденій и рѣшеній могутъ быть и бывали въ церкви древней и русской всѣ вообще предметы, относящіеся до христіанской вѣры и церкви, т. е. касающіеся: и христіанскаго ученія во всѣхъ его подробностяхъ, также ересей и расколовъ; и христіанскаго богослуженія—священныхъ мѣстъ, временъ, дѣйствій, въ частности таинствъ и обрядовъ, и церковнаго управленія, или свѣтительскаго суда во всѣхъ подробностяхъ; и поведенія духовенства, бѣлаго и монашествующаго, особенно устройства монастырей; и поведенія мірянъ, ихъ суевѣрій, нравовъ, обычаевъ семейныхъ и общественныхъ; и отношеній церковной власти къ власти гражданской и проч.“.

2) „По примѣру греческихъ императоровъ и вселенскихъ соборовъ, дѣйствовали и наши великіе князья и государи по отношенію къ соборамъ, собиравшимся въ Россіи. Наши великіе князья и государи, обыкновенно по соглашенію съ высшею духовною властію, всегда сами созывали соборы... Наши великіе князья и государи нерѣдко сами лично присутствовали на соборахъ... А въ тѣхъ случаяхъ, когда государи наши на соборѣ лично не присутствовали, они посылали на соборъ своихъ уполномоченныхъ. Эти уполномоченные, наблюдая за порядкомъ и благочиніемъ, не могли влиять въ самыя разсужденія собора и потому, когда на соборѣ 1554 года знатный дѣльщикъ государевъ Висковатый позволилъ себѣ выразить предъ соборомъ свое мнѣніе объ иконахъ, митрополитъ Макарій заиѣтилъ ему: „ты неправо мудрствуешь объ иконахъ; смотри не полади въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя тебѣ поручены... Наши великіе князья, государи утверждали опредѣленія соборовъ, и это выражали 1) тѣмъ что призывивали къ соборнымъ уложеніямъ или постановленіямъ свои печати, а во 2) тѣмъ, что обнародовали эти постановленія чрезъ свои указы, или указы.“

лась въ „запискѣ“ параллельно съ исторіей древнихъ соборовъ вселенской церкви ¹⁾).

Кромѣ продолженія „Исторіи русской церкви“ и составленія сейчасъ перечисленныхъ нами оригинальныхъ церковно-историческихъ статей, преосв. Макарій въ Харьковѣ употребилъ немало времени на переизданіе прежнихъ своихъ церковно-историческихъ сочиненій, по предварительномъ исправленіи ихъ. Такъ, въ 1867 году имъ были вновь изданы: а) „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ и б) первые три тома его „Исторіи русской церкви“. Оба эти сочиненія были исправлены имъ на этотъ разъ весьма тщательно. 26 іюня 1867 года онъ, между прочимъ, писалъ объ этомъ своему брату слѣдующее: „я приготовилъ къ новому изданію „Исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“. Я исправлялъ ее цѣлыхъ два мѣсяца и во многомъ совершенно переделывалъ. Теперь же я приступаю и къ исправленію первыхъ трехъ томовъ „Исторіи русской церкви“, чтобы напечатать ихъ вслѣдъ за „Исторіей христіанства“ въ одинаковомъ форматѣ, на такой же бумагѣ и тѣмъ же шрифтомъ и въ томъ же количествѣ экземпляровъ“ ²⁾. Черезъ мѣсяцъ, 24 іюля онъ писалъ ему о томъ же: „я окончилъ уже исправленіе перваго тома исторіи русской церкви и отдалъ его для переписки. Теперь исправляю второй, а къ сентябрю надѣюсь исправить и третій“ ³⁾. Однако-же это послѣднее предположеніе преосв. Макарія не вполне оправдалось. Исправленіе всѣхъ трехъ томовъ „Исторіи русской церкви“ было доведено имъ до конца лишь въ концѣ октября 1867 года. Впрочемъ, благодаря усердному и умѣлому веденію дѣла братомъ его, печатаніе „Исторіи христіанства“ и первыхъ трехъ томовъ

¹⁾ Какъ приведенное выше письмо гр. Толстаго къ преосв. Макарію, такъ и самая „Записка о соборахъ“ сохранились въ архивѣ этого послѣдняго.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

„Исторіи русской церкви“ было окончено къ началу 1868 года, когда все это изданіе и вышло въ свѣтъ ¹⁾).

Весьма видное мѣсто въ учено-литературной дѣятельности харьковскаго періода жизни преосв. Макарія составляютъ харьковскія его проповѣди. Всѣхъ проповѣдей изъ харьковскаго періода жизни преосв. Макарія сохранилось и въ печати извѣстно 68. А такъ какъ изъ этого числа, по указаннымъ нами въ своемъ мѣстѣ ²⁾ соображеніямъ, должны быть исключены 4 проповѣди, ошибочно считающіяся произнесенными въ Харьковѣ, то, слѣдовательно, изъ всего харьковскаго почти десятилѣтняго періода мы имѣемъ только 64 проповѣди. Однако-же необходимо замѣтить, что харьковскія проповѣди преосв. Макарія сохранились далеко не всѣ. Мы уже знаемъ, что преосв. Макарій, издавая свои харьковскія проповѣди въ 1864 году для своихъ духовныхъ чадъ, по ихъ желанію, предупреждалъ ихъ, что въ его изданіи они не найдутъ „всего того, чего могли ожидать, не найдутъ большей части *моихъ церковныхъ поученій, — которыя они слышали, а встрѣтятъ только нѣкоторыя, весьма немногія*“. Въ предисловіи къ этому изданію своимъ проповѣдей архипастырь объяснялъ и причину, почему онъ не печаталъ всѣхъ своихъ поученій, сказанныхъ въ Харьковѣ. „Съ любовію“, — говорилъ онъ, — „отдаю все, что имѣю: печатаю всѣ тѣ слова и рѣчи, какія успѣлъ записать вскорѣ послѣ ихъ произнесенія, но не печатаю и не могу напечатать тѣхъ, которыя, по обстоятельствамъ, не были мною своевременно записаны“ ³⁾. То же самое видно и изъ переписки преосв. Макарія съ его братомъ, которая представляетъ единственный источникъ хотя какихъ-либо свѣдѣній о несохранившихся проповѣдяхъ перваго и о приблизительномъ количествѣ ихъ. Напр., 9 августа 1859

¹⁾ На основаніи неизданныхъ писемъ преосв. Макарія къ брату отъ 17 сент., 15 окт. и 23 ноября 1867 года и 4 ноября 1868 г.

²⁾ См. выше стр. 60—61.

³⁾ См. Слова и Рѣчи Макарія, архіеп. харьк. СМБ. г.

года преосв. Макарій замѣчалъ въ письмѣ къ брату: „дѣлъ у меня здѣсь вдвое больше противъ Тамбова отъ множества лицъ и посѣтителей. И это лѣтомъ на дачѣ! Что жъ будетъ зимою? Увы! Когда жъ заниматься исторіею? *Проповѣдей я сказалъ здѣсь уже 15. Но кромѣ первой не записалъ ни одной и не имѣлъ никакой возможности записывать*“¹⁾. 20 августа того же года онъ писалъ брату снова: „я проѣзжалъ десять дней и въ теченіе ихъ... сказалъ пять проповѣдей“²⁾. Итакъ, въ промежутокъ времени между 7 іюня и 20 августа 1859 года преосв. Макарій, по собственному его свидѣтельству, сказалъ 20 проповѣдей; между тѣмъ, въ печати изъ этого времени извѣстны только двѣ его проповѣди, сказанныя имъ 7 іюня, при вступленіи на кафедру Харьковской епархіи³⁾, и 14 августа, при первомъ священнослуженіи въ Святогорскомъ монастырѣ⁴⁾; слѣдовательно, всѣ остальные 18 проповѣдей не сохранились. Въ письмѣ преосв. Макарія отъ 13 декабря 1859 года встрѣчаемъ замѣчаніе, что онъ „написалъ проповѣдь, которую сказалъ 1 декабря“; проповѣдь эта также не сохранилась и неизвѣстна въ печати⁵⁾. 22 марта 1861 года преосв. Макарій, между прочимъ, писалъ своему брату слѣдующее: „у насъ манифестъ объявленъ въ субботу на первой недѣлѣ. Вдругъ по прочтеніи манифеста, я сказалъ рѣчь... На другой день, въ недѣлю православія, я сказалъ и другую рѣчь, по случаю того же манифеста къ народу... Первую изъ нихъ я послалъ въ Христіанское чтеніе, а вторая не записана“⁶⁾. Эта вторая рѣчь преосв. Макарія, сказанная имъ 12 марта 1861 года, не сохранилась и неизвѣстна въ печати. Изъ письма преосв. Макарія отъ 29 сентября 1861 года видно,

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 429—433

⁴⁾ См. тамъ же стр. 434—436.

⁵⁾ На основаніи неизданнаго письма

⁶⁾ Изъ неизданнаго письма.

что 27 сентября этого года онъ говорилъ рѣчь предъ купеческими выборами¹⁾; рѣчь эта—не сохранилась. Точно также и 28 сентября 1864 года онъ, по собственному его свидѣтельству²⁾, говорилъ рѣчь предъ купеческими выборами, которая неизвѣстна въ печати. Вообще, на основаніи всего сказаннаго нами сейчасъ и принимая во вниманіе собственное свидѣтельство преосв. Макарія, что онъ „не оставлялъ безъ поученія ни одной церкви, какую только посѣщалъ“ во время обозрѣнія епархіи, мы можемъ предположить, что изъ харьковскаго періода жизни его сохранилась только значительно меньшая половина всѣхъ, сказанныхъ имъ въ Харьковѣ проповѣдей.

Главнѣйшую отличительную особенность сохранившихся харьковскихъ проповѣдей составляетъ, безъ сомнѣнія, ихъ *современность*. Съ этой стороны харьковскія проповѣди его представляютъ несомнѣнный интересъ. Если ихъ расположить въ порядкѣ времени, то онѣ даютъ какъ бы хронологію важнѣйшихъ вопросовъ, выступавшихъ въ жизни русскаго народа въ шестидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Ни одно сколько нибудь важное событіе въ жизни русскаго общества того времени не ускользнуло отъ наблюдательнаго взора харьковскаго архипастыря и не пройдено молчаніемъ его на церковной каѳедрѣ. Впрочемъ, это и естественно. Въ то время совершались такія важныя событія, такія существенныя преобразованія всего строя жизни русскаго народа, что они какъ бы сами собою вызывали на размышленіе и на обсужденіе ихъ съ высоты церковной каѳедры. И, дѣйствительно, всѣмъ такимъ событіямъ преосв. Макарій посвящалъ особыя поученія. Отмѣна крѣпостнаго права въ 1861 году, введеніе земскихъ учрежденій въ 1865 году, введеніе судебной реформы въ 1867 году, полное преобразование

¹⁾ На основаніи неизданнаго письма.

²⁾ На основаніи неизданнаго письма отъ 25 сентября 1864 1864 г.

духовно-учебныхъ заведеній въ 1868 году, открытіе работъ въ Харьковѣ по устройству желѣзной дороги въ томъ же году,—всѣ эти и многія другія событія давали поводъ преосв. Макарію къ выступленію на церковной каѳедрѣ съ своими сужденіями и поучительными обращеніями къ харьковской паствѣ.

Любопытно теперь будетъ знать, какъ относился преосв. Макарій ко всѣмъ такимъ важнымъ событіямъ, совершавшимся на его глазахъ, какъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія церковнаго проповѣдника на всеобщее преобразование и переустройство, какое совершалось тогда у насъ въ Россіи. Отвѣтъ на поставленный здѣсь вопросъ получаетъ еще особенный интересъ, въ виду слѣдующаго обстоятельства. Проповѣднику, каковы бы высокими духомъ онъ ни обладалъ, въ рѣчи о современныхъ событіяхъ всегда бываетъ слишкомъ трудно соблюсти равновѣсіе и избѣжать двухъ крайностей: съ одной стороны, вліянія на него господствующихъ воззрѣній, почему проповѣдникъ нерѣдко является только эхомъ времени, вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ другихъ, а съ другой стороны, совершенно отрицательнаго отношенія ко всему, что происходитъ въ жизни окружающаго общества. Какъ же, спрашивается, относился преосв. Макарій къ происходившимъ на его глазахъ важнымъ преобразованиямъ въ жизни русскаго народа? Ближайшее знакомство съ содержаніемъ нѣкоторыхъ проповѣдей его, сказанныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ, дастъ намъ возможность правильно отвѣтить и на этотъ вопросъ.

19 февраля 1861 года, какъ извѣстно, былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и об устройствѣ ихъ быта. 11 марта того же года манифестъ этотъ былъ прочитанъ и въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, при чемъ преосв. Макарій привѣтствовалъ царскую милость къ народу русскому слѣдующимъ поучительнымъ словомъ. „Ны-

нѣ предъ нами“,—говорилъ архипастырь,—„совершается одно изъ величайшихъ и благодѣтельныхъ событій, какія когда-либо совершались въ предѣлахъ земли русской. Почти цѣлая треть исполинскаго населенія Россіи пріемлетъ новый, лучшій жребій изъ рукъ своего Благодѣтельнаго Государа. Около 23 милліоновъ (легко сказать!), около 23 милліоновъ нашихъ соотечественниковъ получаютъ новыя гражданскія права и какъ бы новую жизнь. А съ тѣмъ вмѣстѣ и для всего нашего отечества открывается новый обширнѣйшій путь къ раскрытію его силъ и средствъ и къ всестороннему, всѣхъ объемлющему, образованію, усовершенствованіямъ, благоденствію и славѣ. Мысль изнемогаетъ, усиливаясь обнять всю громадность событія, котораго мы видимъ одно начало. Только потомки, дальніе потомки въ состояніи будутъ измѣрять полное значеніе этого событія и, конечно, запишутъ его, какъ самую яркую эпоху, на страницахъ русской исторіи. Пусть не всѣхъ насъ непосредственно касается оно, а отъ нѣкоторыхъ потребуетъ даже, быть можетъ, и не малыхъ жертвъ. Но, во имя отечества, во имя человѣчества, во имя христіанства, предъ которыми должны умолкнуть всѣ наши личные расчеты и частные интересы, можемъ ли мы, сыны Россіи, всѣ до единого не почувствовать вполне этимъ милліонамъ нашихъ согражданъ, которые равны намъ и по природѣ и по вѣрѣ, а теперь приравниваются намъ по правамъ гражданскимъ? Ихъ участь неразрывно связана съ нашею и неотразимо отзовется на судьбѣ всего отечественнаго края“. Затѣмъ, призвавъ всѣхъ своихъ слушателей къ благодаренію Господа Бога и Помазанника Его, Царя-Освободителя, архипастырь, обращаясь къ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ продолжалъ свое слово: „вы особенно, наши братья, на кого непосредственно излилась нынѣ милость царская, умѣйте понять эту чрезвычайную милость, умѣйте оцѣнить ее и достойно возблагодарить Помазанника Божія своимъ добрымъ поведеніемъ и повиновеніемъ Его священной власти. Все, что можно было сдѣлать

для улучшенія вашего быта, сдѣлано согласно съ закономъ любви и правды: будѣте жъ довольны своею новою участію и не домогайтесь большаго, чего не указала вамъ Монаршая воля. Вамъ дарованы теперь новыя права и льготы; но чрезъ то самое на васъ возложены и новыя обязанности: старайтесь же исполнять ихъ со всею ревностію. Если и прежде вы трудились и работали: то теперь трудитесь и работайте еще усерднѣе. Если и прежде вы *воздавали вѣзмъ должная, ему же убо урокъ-урокъ, а ему же дань-дань* (Рим. XIII, 7): то теперь еще добросовѣстнѣ несите все законныя повинности, еще неуклончивѣ платите опредѣленные подати и оброки. Если и прежде вы повиновались начальствамъ, отъ Царя поставленнымъ надъ вами, и своимъ господамъ: то особенно теперь покажите свое повиновеніе имъ согласно Высочайшей волѣ, выраженной вамъ въ манифестѣ. Иначе чѣмъ же вы засвидѣтельствуете, что глубоко чувствуете новую милость къ вамъ Благочестивѣйшаго Государя? Чѣмъ оправдаете Его отеческія попеченія о васъ? И только при вашемъ усиленномъ трудолюбіи, при вашей исправности въ платежѣ государственныхъ податей и оброковъ, при вашемъ всецѣломъ повиновеніи начальству, вы дѣйствительно будете способствовать какъ улучшенію вашего собственнаго быта, такъ и благу всего нашего отечества¹⁾.

Въ 1865 году были введены земскія учрежденія. Преосв. Макарій харьковскихъ губернскихъ гласныхъ, собравшихся на молебень предъ открытіемъ губернскаго земскаго собранія, напутствовалъ въ ихъ новомъ дѣлѣ слѣдующимъ поучительнымъ словомъ. „Благочестивѣйшій Государь“,—сказалъ архипастырь, —„въ видахъ отеческаго своего попеченія о счастіи своихъ подданныхъ, благоволилъ указать, чтобы они сами въ каждой области, въ каждой странѣ, забывъ всю рознь сословій, дружно, единодушно заботились объ общихъ матеріальныхъ потреб-

¹⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 480—482.

постяхъ своего края, сами совокупными силами устроили свое общественное благо. Законъ данъ, въ законѣ указаны и мѣры къ исполненію его. Но кто жъ не знаетъ, что власть законовъ гражданскихъ можетъ простирается только на нашу внѣшнюю дѣятельность, а отнюдѣ не простирается въ самое святилище нашей души и сердца? Чтобы наши сословія дѣйствительно забыли свою рознь, давнюю, глубокую рознь, и слились какъ бы въ одно сословіе, въ одну гражданскую семью, чтобы каждое изъ нихъ согласилось поставить свои частные интересы наравнѣ съ интересами другихъ сословій и принести въ жертву общимъ интересамъ страны,—этого не въ силахъ сдѣлать никакой законъ, никакая внѣшняя власть. Это въ состояніи совершить только одна истинная христіанская любовь къ ближнимъ,—та любовь, которая подавляетъ въ сердцѣ всякій эгоизмъ и своекорыстіе, научаетъ насъ видѣть въ каждомъ человѣкѣ нашего кровнаго брата, дѣлаетъ насъ способными творить добро даже врагамъ и готовыми жертвовать для ближнихъ не только какими-либо личными выгодами и имуществомъ, а и самою своею жизнію!.. Васъ ожидаютъ теперь новые труды и, можетъ быть, даже большіе труды, нежели какіе представляются вамъ съ перваго взгляда. Но всякій трудъ тогда только совершается легко и успѣшно, когда одушевляется любовью къ тѣмъ, для кого мы трудимся. А какъ христіане, мы знаемъ еще, что всякій трудъ тогда только можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, когда осѣняется благословеніемъ Божиимъ и творится при помощи Божіей (Пс. 126, 1; Иоан. XV, 5). Но тамъ, гдѣ кроются самолюбіе, своекорыстіе, несправда, тамъ никогда не будетъ ни благословенія, ни содѣйствія Божія¹⁾).

А вотъ какъ привѣтствовать преосв. Макарій 16 ноября 1867 года членовъ вновь учрежденной харьковской судебной палаты и то дѣло, которое они должны были творить: „вы

¹⁾ См. тамъ же стр. 614—616.

Труды Кіев. дух. Академіи. Т. II. 1896 г.

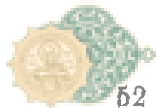
пришли къ намъ отъ имени нашего возлюбленнаго Монарха. Вы несете намъ Его царскую милость, одну изъ тѣхъ величайшихъ милостей, за которыя уже благословляютъ и вѣчно будутъ благословлять Его всѣ сыны Россіи,—несете *новый судъ*, судъ правый, гласный, скорый, судъ не по буквѣ только закона, а и по совѣсти. О, да поможетъ вамъ Господь оправдать исполнѣ это высокое довѣріе Царя... Но вѣра, наша святая вѣра, даетъ намъ еще иной, высшій взглядъ на ваше значеніе. Вы пришли къ намъ не отъ имени только царя земнаго, а и отъ имени Царя небеснаго, и въ новой милости нашего Благочестивѣйшаго Государя, которую вы несете намъ, мы видимъ вмѣстѣ новую милость къ намъ Самаго Господа Бога... Да будетъ же Онъ Самъ, *праведный Судія* (2 Тим. IV, 8), и вашимъ руководителемъ и образцомъ; да наставляетъ, вразумляетъ и подкрѣпляетъ Онъ васъ всегда на вашемъ святомъ и многотрудномъ поприщѣ, и да явится судъ вашъ предъ нами, *Божій по происхожденію* (Втор. 1, 17), истинно Божиимъ судомъ по своему характеру и свойствамъ, судомъ праведнымъ, чуждымъ всякаго лицепріятія и мздоимства, всякихъ страстей и увлеченій, судомъ по чистой—христіанской совѣсти, которую одну справедливо можно назвать голосомъ Божиимъ въ насъ¹⁾).

Общее же свое отношеніе и воззрѣніе на происходившія въ его время преобразованія и переустройство жизни русскаго народа преосв. Макарій ясно выразилъ въ двухъ своихъ проповѣдяхъ, сказанныхъ въ день новаго года. „Мы живемъ въ періодъ преобразованій“,—говорилъ архипастырь въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ 1 января 1863 года. „Мы жаждемъ преобразованій, видимъ преобразованія, совершающіяся вокругъ насъ. Но согласитесь, что вмѣстѣ съ тѣмъ должны преобразиться и мы сами и что мало, *весьма мало приносятъ намъ пользы всѣ внѣшнія преобразованія, если въ душѣ мы останемся тѣми же, чѣмъ были досель*. Мы жела-

¹⁾ См. *Труды Киевской Духовной Академии и Семинарей*,
http://kdais.kiev.ua

емъ новаго и лучшаго въ нашемъ быту; обновимся же прежде внутренно и сдѣлаемся лучшими и болѣе способными пользоваться тѣми улучшеніями, какихъ желаемъ, какія даруются намъ. И какъ высшая способность человѣка есть умъ, то съ ума и должно начаться наше преобразованіе и обновленіе по слову апостола: *преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего*. Этого-то умственного обновленія пожелаемъ нынѣ, братіе, другъ другу и всѣмъ, всѣмъ сынамъ Россіи по случаю новаго года¹⁾. „Что такое, сыны Россіи, эти новыя узаконенія“,—спрашивалъ преосв. Макарій своихъ слушателей въ день новаго года 1 января 1865 года,—„этотъ цѣлый рядъ узаконеній, которыя, особенно въ послѣднее время, такъ быстро, одни за другими, исходятъ на насъ отъ престола нашего Благочестивѣйшаго Государя? Не погрѣшимъ, если назовемъ ихъ виномъ новымъ, точно также, какъ не погрѣшимъ, если сознаемся, что мы то сами, для которыхъ издаются всѣ эти законы, представляемъ собою въ гражданскомъ отношеніи мѣхи ветхіе. Да, много въ насъ ветхаго, крайне ветхаго. Эта застарѣлая привычка жить такъ, какъ жили наши отцы и дѣды безъ всякаго различенія того, что было у нихъ добраго и что худаго, что слѣдуетъ сохранять и улучшать и что слѣдовало бы давно оставить, есть истинная ветошь. Эта разрозненность нашихъ сословій, доходящая до взаимной холодности, часто непріязни, нерѣдко противодѣйствія,—вторая ветошь. Эта странная апатія и безучастность къ общественнымъ интересамъ и исключительная заботливость только о самихъ себѣ и о своихъ домашнихъ дѣлахъ,—третья ветошь. Это отсутствіе гражданскаго мужества и настойчиваго труда и безпечное ожиданіе, чтобы за насъ все дѣлало одно правительство тогда, какъ мы будемъ только покоиться,—четвертая ветошь. Эта болѣе и болѣе усиливающаяся между нами слабость все говорить, говорить и говорить объ общественномъ благѣ, о проэктахъ и реформахъ, и ничего не дѣлать или дѣлать даже совершенно про-

¹⁾ См. тамъ же стр. 541—544.

тивное и положительно вредное обществу,—еще и еще жалкая ветошь. Да и можно ли перечислить все, что есть въ насъ ветхаго, устарѣлаго, вѣкуда негоднаго, *и что необходимо намъ оставить, если желаемъ дѣйствительнаго обновленія нашего гражданскаго быта?* Силою воли, твердою рѣшимостію, при помощи Божіей, мы должны всѣ усвоить себѣ новыя узаконенія нашего державнаго Законодателя, пропитаться ими и дружно, съ неослабною ревностію проводить ихъ во всѣ слои нашей государственной жизни. *Иначе—что пользы въ новыхъ законахъ, какъ бы ни были они прекрасны, если мы не перестанемъ жить и дѣйствовать по старому?* Было уже у насъ время подобное настоящему, время, когда одинъ великій Монархъ, одаренный необыкновенными силами и ума и воли, хотѣлъ пересоздать и обновить землю русскую по образцу другихъ, просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы. И что же? Несмотря на всю свою геніальность, на всѣ гигантскія усилія, труды и жертвы, много ли онъ имѣлъ успѣха? А почему? Потому, что сами русскіе, кромѣ весьма немногихъ, не сочувствовали его нововведеніямъ, не понимали и не желали ихъ, даже противодѣйствовали имъ тайно, иногда и явно, чѣмъ и какъ могли. Уже ли жъ повторится то же и въ наши дни? Да не будетъ.... Господи Боже, дарующій намъ нынѣ новое лѣто своей благодати! Дай намъ *умѣстѣ и духъ новъ* (Иезек. XI, 19) и новую благодатную помощь, какъ христіанамъ и какъ сынамъ Россіи, да всѣ мы отнынѣ *во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. VI, 4),—жизни христіанской и гражданской¹⁾.

Теперь намъ нетрудно опредѣлить отношеніе преосв. Макарія къ преобразованіямъ шестидесятихъ годовъ истекающаго столѣтія. Онъ искренно привѣтствовалъ всѣ эти преобразованія и при томъ—что особенно важно—привѣтствовалъ ихъ отъ лица православной церкви, которая, по его убѣжденію, „для того и существуетъ на землѣ, чтобы вести какъ част-

¹⁾ См. тамъ же стр. 607—609.

ныхъ людей, такъ и цѣлыя народы къ постоянному, нескончаемому усовершенствованію ¹⁾. Но всѣ эти, какъ онъ называлъ ихъ, „внѣшнія“ преобразованія онъ привѣтствовалъ настолько, насколько они могли содѣйствовать „внутреннему“ преобразованію, дѣйствительному обновленію челоуѣка и общества. Онъ привѣтствовалъ, слѣдовательно, преобразованія только какъ средства къ достиженію высокой цѣли—правственнаго преобразованія русскаго народа. „Духовныя силы челоуѣка, какъ сознателныя и свободныя“,—говорилъ онъ 6 сентября 1868 года въ храмѣ Харьковской духовной семинаріи, по поводу полного преобразованія ея,—*„могутъ развиваться преимущественно самостоятельностью; внѣшнее руководство можетъ только возбуждать ихъ, облегчать и направлять ихъ развитіе. И потому вамъ принадлежитъ значительная, даже важнѣйшая доля въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго преобразованія родной вамъ семинаріи. Это преобразование будетъ совершаться собственно въ васъ“* ²⁾... Не форму, не внѣшнія проявленія преобразованій, совершавшихся въ шестидесятихъ годахъ истекающаго столѣтія, привѣтствовалъ преосв. Макарій въ своихъ проповѣдяхъ, а самое существо ихъ и ту высокую цѣль, которую поставлялъ онъ отъ лица православной церкви для этихъ преобразованій.

Съ другой стороны, сочувствуя преобразованіямъ общественнаго строя съ указанною сейчасъ цѣлію, преосв. Макарій въ то же самое время въ проповѣдяхъ своихъ настойчиво предостерегалъ харьковскую паству отъ увлеченія этими преобразованіями, отъ преувеличенныхъ ожиданій, какія соединялись нѣкоторыми людьми съ ними. Осуждая страсть къ преобразованіямъ, какая охватила тогда нѣкоторые слои русскаго общества, онъ обличалъ на церковной кафедрѣ силою своего слова тѣхъ, которые ошибочно полагали, что разъ преобразование совершено, то все само собою придетъ въ наилуч-

¹⁾ См. тамъ же стр. 299.

²⁾ См. тамъ же стр. 709.

шее состояніе и, слѣдовательно, не о чемъ болѣе и думать, какъ только о преобразованіяхъ и преобразованіяхъ, нечего и дѣлать болѣе, какъ только восторгаться преобразованіями. Нѣтъ, архипастырь внушалъ своимъ слушателямъ, что есть еще нѣчто такое, чего нельзя достигнуть никакими „вышними преобразованіями“. Напр., въ проповѣди 1 января 1868 года (послѣ введенія въ концѣ предыдущаго года судебной реформы) архипастырь говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „съ величайшимъ сочувствіемъ, съ горячими надеждами и благожеланіями мы встрѣтили этотъ судъ,—и весьма естественно. Но... судъ, самый лучший можетъ только обуздывать неправду, давать торжество правдѣ; а искоренить неправду, утвердить правду въ нашей жизни общественной можемъ собственно мы сами или по преимуществу мы, при нашемъ твердомъ и добромъ желаніи, при нашемъ дружномъ, рѣшительномъ, неуклонномъ стремленіи къ цѣли“. Въ причинную зависимость отъ этого искорененія неправды въ сердцахъ и дѣлахъ человѣческихъ путемъ личныхъ усилій всѣхъ и cadaго преосв. Макарій поставлялъ обновленіе какъ самихъ человѣческихъ обществъ, такъ и всего окружающаго ихъ міра ¹⁾).

Характеромъ современности отличаются и проповѣди преосв. Макарія, сказанныя имъ въ храмѣ Харьковскаго университета и составляющія, по своему содержанію, нѣсколько особенную группу среди другихъ харьковскихъ проповѣдей его. Преимущественнымъ предметомъ университетскихъ проповѣдей его служилъ вопросъ объ отношеніи вѣры къ разуму, сверхъестественнаго христіанскаго ученія къ естественному человѣческому знанію. Въ то время вопросъ этотъ былъ самый животрепещущій для образованнаго русскаго общества. Среди этого послѣдняго тогда широко было распространено, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ времени, отрицательное отношеніе къ христіанству, которое приводило въ смущеніе

¹⁾ См. тамъ же стр. 678—679.

иногда даже самых убѣжденных христіанъ. Одни тогда спрашивали (и даже самаго преосв. Макарія въ домашнихъ бесѣдахъ съ нимъ): „отчего такъ, когда все въ человѣчествѣ измѣняется, развивается, усовершенствуется, одно христіанство остается неизмѣннымъ, безъ всякаго развитія и усовершенствованія, одна церковь православная считаетъ даже своимъ отличительнымъ свойствомъ то, что она безъ перемѣны сохраняетъ св. вѣру? Не можетъ ли эта неподвижность, при всеобщемъ прогрессѣ или движеніи впередъ, служить укоромъ христіанству и православной церкви“ ¹⁾. Другіе прямо и рѣшительно утверждали, что наука можетъ замѣнить для человѣка всякую религію и христіанство и что, слѣдовательно, христіанство отжило свой вѣкъ и болѣе ненужно для людей ²⁾. Очевидно, что архипастырь, въ особенности такой архипастырь, какимъ былъ преосв. Макарій, вполне заслуженно пользовавшійся уваженіемъ всѣхъ за свою высокую богословскую ученость и широкую образованность, не могъ обойти молчаніемъ такого общественнаго настроенія въ своихъ проповѣдяхъ. Но и здѣсь, подобно тому, какъ и въ отношеніи къ вопросу о преобразованіяхъ, даже такому проповѣднику, какъ харьковскій архипастырь, грозила серьезная опасность впасть въ крайность совершенно отрицательнаго отношенія къ наукѣ въ пользу христіанства. Къ счастью, преосв. Макарій, какъ справедливо выражается о немъ проф. Кипарисовъ, „не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые въ чужой попыткѣ мыслить о предметахъ науки видятъ (по своей гордынѣ) только „распущенное блужданіе мысли, не сдерживаемой надлежащей опекой, по темнымъ дебрямъ знанія“ и которые „готовы думать, что самая идея человѣческой жизни уже исчерпана въ своемъ развитіи и теперь родъ человѣческій существуетъ уже не въ силу Божественнаго соизволенія, а только поущенія и долготер-

¹⁾ См. тамъ же стр. 452.

²⁾ См. тамъ же стр. 628.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

пѣнія со стороны Божественнаго милосердія“ ¹⁾. По совершенно справедливому выраженію того же почтеннаго профессора, преосв. Макарій отличался истинно христіанскою терпимостію къ недостаткамъ и заблужденіямъ другихъ людей, при чемъ основаніемъ такой терпимости его „въ области мѣстной служило его догматическое воззрѣніе, высказанное имъ уже въ догматикѣ: *терпѣть другъ друга* онъ призывалъ во имя совершеннаго для всѣхъ людей искупленія“ ²⁾.

Исходя изъ такого основного убѣжденія, преосв. Макарій въ своихъ проповѣдяхъ искренно и сильно защищалъ христіанство, но въ то же время не унижалъ и науки, естественнаго человѣческаго знанія. Онъ проповѣдывалъ, что „христіанство не есть только ученіе, а есть вмѣстѣ и сила, и жизнь: всякъ, вѣрующій во Христа, можетъ дѣйствительно очищаться отъ грѣховъ и перерождаться“, а не слышать только ученіе о возрожденіи ³⁾, и вообще „мало знать только нравственные законы: намъ нужны еще силы творить добро“ ⁴⁾; но въ то же время умозрительное, познавательное отношеніе къ Богу, какъ предмету вѣры, онъ считалъ обязанностію христіанина: „да познаемъ Бога истиннаго: къ этому должны стремиться всѣ христіане“,—эту послѣднюю мысль преосв. Макарій настойчиво защищалъ въ своихъ проповѣдяхъ ⁵⁾. „Да не пугаетъ насъ мысль“,—говорилъ преосв. Макарій 17 января 1868 года въ университетскомъ храмѣ, — „да не пугаетъ насъ мысль, которая перѣдко повторяется, особенно въ наши дни, когда такъ усилились и начали господствовать естественныя науки,—мысль, будто изученіе природы можетъ быть опаснымъ для нашей вѣры и повести даже къ невѣрію и безбожію. Нѣтъ, книга природы никогда не станетъ въ противорѣчіе съ бібліею: потому что та и другая книга равно отъ Бога. При-

¹⁾ См. цит. его соч. стр. 164.

²⁾ См. тамъ же стр. 163, 164.

³⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 601.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 632.

⁵⁾ См. у проф. Кипарисова въ его цитов. сочин. стр. 148.

помнимъ имена великихъ естествоиспытателей, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя, которые, какъ ни глубоко проникали въ тайнства природы, умѣли однако же сохранить въ себѣ теплоту вѣры и отличались высокою религіозностію,—и удержимся обвинять науку естествознанія въ томъ, въ чемъ могутъ быть виновными только люди, занимающіеся ею, которые, то не выразумѣвъ достаточно какихъ-либо явленій природы, то принимая однѣ свои догадки и предположенія за непреложныя истины, то приступая къ своимъ изысканіямъ съ предвзятыми мыслями, враждебными христіанству, могутъ иногда указывать и дѣйствительно указываютъ на нѣкоторые факты въ природѣ, будто бы несогласные съ сверхъестественнымъ откровеніемъ. Увы! Что чище и истиннѣе нашей св. библіи? А между тѣмъ не было и нѣтъ въ мірѣ христіанскомъ ни одной ереси, самой злой и богопротивной, послѣдователи которой не старались бы утверждать ее на тѣхъ или другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія, въ подрывъ православію и истинѣ. Уже ли жъ изъ-за этого, чтобы не впасть въ какую-либо ересь, мы перестали бы чигать и изучать самую нашу св. библію? Да не будетъ¹⁾...

Но какъ ни высоко цѣнилъ преосв. Макарій науку, онъ все-таки былъ глубоко убѣжденъ и настойчиво доказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ ту мысль, что наука никогда не можетъ замѣнить для насъ христіанство. „Никогда наука не освѣтитъ для насъ своимъ свѣтомъ міра высшаго, сверхъчувственного, какъ освѣщаетъ христіанство“,—говорилъ преосв. Макарій 17 января 1866 года. „Никогда наука не будетъ въ состояніи обновлять, преобразовывать насъ нравственно и готовить насъ для жизни земной, а особенно небесной, какъ обновляетъ, преобразуетъ и готовится христіанство. Никогда наука не явится для насъ такою утѣшительницею посреди бѣдствій и скорбей житейскихъ, какою является св. вѣра Христова. Не одно, а два величайшія блага даровалъ намъ

¹⁾ См. Слова и Речи Св. 1891 г. стр. 683.

Господь въ Своей благодати, равно необходимы для насъ: разумъ и откровеніе, или науку и христіанство. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую цѣну, особое назначеніе и ни одно не можетъ замѣнить другого. Будемъ же дорожить обоими этими благами вмѣстѣ и пользоваться ими согласно съ волею Дарователя. Тотъ не живетъ полною человѣческою жизнію, кто довольствуется одною наукою и отвергается христіанства. Лишь для того доступна эта жизнь во всей своей широтѣ, лишь тотъ способенъ всецѣло выполнить свое человѣческое призваніе, и какъ сынъ земли, и какъ будущій гражданинъ неба, кто нераздѣльно пользуется и естественными пособіями науки и сверхъестественными пособіями христіанства¹⁾.

Въ связи съ *современностію* находится и другая отличительная особенность харьковскихъ проповѣдей преосв. Макарія, именно ихъ практическое направленіе. Главными предметами ихъ служили вопросы „общенароднаго интереса“²⁾, общежитейскаго свойства, а не вопросы высшаго христіанскаго нравоученія, какъ это мы видѣли въ прежнихъ, особенно въ петербургскихъ, академическихъ проповѣдяхъ его. Исключеніе составляютъ проповѣди его, произнесенныя въ харьковскихъ монастырскихъ храмахъ, при чемъ такихъ проповѣдей совсѣмъ немного³⁾.

Изъ другихъ отличительныхъ особенностей харьковскихъ проповѣдей преосв. Макарія слѣдуетъ отмѣтить ихъ положительность, или, точнѣе, отсутствіе въ нихъ полемическаго тона, простоту и ясность ихъ изложенія. Касательно изложенія харьковскихъ проповѣдей преосв. Макарія считаемъ позволительнымъ замѣтить еще, кромѣ того, слѣдующее. Внѣшняя сторона ихъ замѣтно отличается малообработанностію. Видно, что преосв. Макарій обращалъ мало вниманія на эту сторону своихъ поученій. Громадное большинство своихъ харьковскихъ проповѣдей онъ не записывалъ предварительно, а только обдумывалъ

¹⁾ См. тамъ же стр. 637-

²⁾ См. у проф. Кипарисова въ его цитов. соч. стр. 188.

³⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 697—700.

изъ содержаніе. На самое это обдумываніе своихъ проповѣдей, особенно обыкновенныхъ, онъ употреблялъ мало времени, по причинѣ чрезвычайнаго множества занятій, бывшихъ у него въ Харьковѣ. „Иногда не бываетъ времени“,—жаловался онъ однажды своему брату,—„подумать хорошенько, о чемъ бы сказать поученіе на тотъ или другой случай“¹⁾. Отъ предварительнаго записыванія своихъ проповѣдей преосв. Макарій отказывался еще и по другой причинѣ. „Больше писать не въ силахъ“²⁾,—замѣчалъ онъ въ одномъ письмѣ къ брату,—„рука почти онѣмѣла отъ многого письма и не движется“³⁾.

Произношеніе проповѣдей составляло одну изъ лучшихъ сторонъ въ проповѣднической дѣятельности преосв. Макарія. „Свои проповѣди онъ произносилъ голосомъ громкимъ и внятнымъ“⁴⁾. Такое произношеніе требовало съ его стороны нѣкотораго напряженія и утомляло его. „Нынче я очень усталъ послѣ обѣдни и проповѣди“, писалъ онъ брату 25 декабря 1865 года⁴⁾.

Хорошее произношеніе въ связи съ другими нѣкоторыми достоинствами было причиною того, что проповѣди преосв. Макарія въ большинствѣ случаевъ производили сильное впечатлѣніе на слушателей, хотя, впрочемъ, иногда онѣ вызывали недовольство въ тѣхъ, кого прямое и откровенное слово архипастыря касалось непосредственно. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого именно дѣйствія проповѣди преосв. Макарія на слушателей. „Выборы въ настоящемъ (1864) году въ Харьковѣ“,—читаемъ въ Духовномъ Вѣстникѣ,—„начались, какъ и всегда, молитвою въ кафедральномъ соборѣ; но не всегда дворянство было напутствовано въ этомъ дѣлѣ такою рѣчью, какую произнесъ по этому случаю высокопреосвященный Макарій. Я обращаю особенное вниманіе читателя на эту рѣчь, какъ на образчикъ

¹⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 29 сент. 1861 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 23 января 1868 г.

³⁾ См. у проф. Кипарисова въ его цитов. соч. стр. 102.

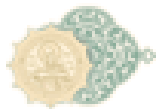
⁴⁾ Изъ неизданнаго письма.

истинно-пастырской бесѣды о предметѣ, который, какъ выражается высокопреосвященный Макарій, „ни для кого не тайна“. Не всестороннимъ обсужденіемъ предмета, въ чемъ проповѣдникъ, конечно, не затруднился бы; не увлеченіемъ мысли слушателя въ сферу духовную; не обычною ссылкою на жизнь подвижниковъ христіанскихъ замѣчательна эта бесѣда. а тѣмъ простымъ словомъ истины, которое, будучи сказано открыто и беззащитно, невольно поражаетъ всякаго, невольно заставляетъ призадуматься, войти внутрь себя каждаго, къ кому обращено это слово. Въ нашъ по преимуществу практическій вѣкъ подобныя пастырскія бесѣды въ особенности полезны. Несмотря на то, что рѣчь эта произвела общее благопріятное впечатлѣніе на слушателей, такъ что не бывшіе въ соборѣ интересовались прочесть ее, я слышалъ, что нѣкоторые не одобряли ее и считали оскорбительною: это, мнѣ кажется, служить лучшимъ доказательствомъ силы произнесеннаго слова. Избалованный слухъ нашъ, любящій, чтобы его постоянно ласкали нѣжныя ощущенія, никакъ не можетъ еще привыкнуть къ правильной оцѣнкѣ впечатлѣнія,—и этому нечего удивляться, если и холодный разумъ нашъ иногда съ трудомъ сознаетъ, что истинная гармонія въ природѣ состоитъ не въ одномъ сладкозвучіи; что идиллія не есть удѣлъ *современной жизни*“¹⁾).

Θ. Титовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Дух. Вѣстн. 1864 г. кн. IX стр. 592—593.

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII-го ВѢКА ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ
ВЪ 1819-мъ ГОДУ.

(Продолженіе)*).

ГЛАВА II.

Хозяйственная часть.

Отличительными чертами исторіи Кіевской академіи второй половины XVIII вѣка въ хозяйственномъ отношеніи были—постепенное отдѣленіе ея отъ Братскаго монастыря и увеличеніе собственныхъ денежныхъ средствъ. Въ предшествующее время и въ началѣ второй половины XVIII вѣка большинство суммъ и всѣ помѣстья и земли, которыя жертвовались частными лицами или правительствомъ, поступали въ совмѣстное пользованіе Братскаго монастыря и академіи. Участіе академіи въ доходахъ съ общихъ владѣній состояло въ полученіи отъ монастыря ректоромъ, префектомъ и учителями квартиръ и жизненныхъ продуктовъ для стола въ сыромъ или приготовленномъ видѣ, а также въ участіи монастыря въ починкѣ академическихъ зданій. Далѣе такія денежные суммы и помѣстья, которыя должны были употребляться на содержаніе ректора, учителей и школъ, т. е. исключительно—на содержаніе академіи, иногда шли въ общую монастырскую казну и вмѣстѣ съ другими суммами употреблялись на общіе расходы. Отсюда естественно выходило, что такое или иное состояніе Братскаго монастыря отражалось на благосостояніи академіи.

Къ 1728 году Братскій монастырь владѣлъ девятью

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи, к. іюль 1896 г.

селами (Карпиловкой, Поздняками, Плисецкимъ, Мотовилов-
кой, Стайками ¹⁾), Мостищемъ, Борщагевской, Бѣльмачевкой
и Ядловкой), четырьмя приселками (Лутовкой, Выповзкомъ,
Косачевкой и Стритовкой), однимъ хуторомъ (Ивангород-
скимъ), шестнадцатью дворовыми мѣстами въ Кіевѣ, двумя
перевозами (на Днѣпрѣ—около Стаекъ и на Деснѣ—подъ
Остромъ), двумя мельницами съ сукновальнями (Кудимовской и
Котовской) и однимъ стекляннымъ заводомъ (Гутою—въ Кар-
пиловкѣ) ²⁾. Кромѣ этого, по грамотѣ царей Іоанна и Петра
Алексѣевичей, данной въ 1700 г. ³⁾, въ пользу академіи
велѣно выдавать 50 руб. денегъ и 50 четвертей хлѣба,
замѣненныхъ впоследствии 30 рублями. Эти деньги шли въ
братскую казну ⁴⁾.

Размѣры денежныхъ доходовъ со всѣхъ имѣній Брат-
скаго монастыря, включая и упомянутые 80 рублей, видны
изъ отчета, представленнаго братією монастыря во главѣ съ
ректоромъ академіи Амвросіемъ Дубневичемъ и намѣстникомъ
іеромонахомъ Кипріаномъ Пясецкимъ въ 1733 году митр.
Рафаилу Заборовскому. Въ отчетѣ сказано, что въ теченіе
1730, 1731 и 1732 годовъ въ казну Братскаго монастыря
поступило: „изъ губернской канцеляріи государеваго жало-

¹⁾ Это село пожертвовано м. Іосифомъ Гукальскимъ „на препитаніе учи-
телей“ (акты К.-Брат. мон. и акад., собр. Аскач. т. 2, № 21.

²⁾ К.-Брат. училищ. монастырь—Н. Мухина; Кіевъ 1893 г., стр. 149.

³⁾ Копія съ актовъ, относящихся къ исторіи академіи, присланныя преосв.
Евгеніемъ (рук. библ., Кіев. ак. I 1. 26).

⁴⁾ Акты К.-Брат. мон. и ак., собр. Аскач. т. 2, № 21 Изъ этого доку-
мента видно, что такъ было до 1759 года. Такимъ образомъ, негѣрно мнѣніе
преосв. Макаріа (Ист. К. ак., 52) и Аскаченскаго (ч. 1, 257), что эти деньги
шли на жалованье учителямъ. После 1759 г. нѣтъ вовсе свѣдѣній объ упоми-
нутыхъ деньгахъ. Можетъ быть онѣ выдавались до 1766 года, когда назначенъ
новый окладъ на академію. Во всякомъ случаѣ онѣ уже не упоминаются при
перечисленіи средствъ Братскаго монастыря и академіи въ донесеніи митр.
Гавріила Св. Синоду 1773 г. (Копія съ актовъ, относящихся къ исторіи ака-
деміи, присланныя преосв. Евгеніемъ—рук. б. к. ак. I. 1. 26).

ванья денежнаго и хлѣбнаго дѣйстви тридцать восемь рублей двадцать копѣекъ, архіерейскаго жалованья за два года двѣсти рублей, з плядовъ вуничныхъ (съ оброчныхъ мѣстъ), въ Кіевѣ имѣющихся, шестьдесятъ восемь рублей, з шинковъ всѣхъ маестностей триста девеносто два рубля пятьдесятъ копѣекъ, з перевозу Карпиловскаго половинной части пришло тридцать шесть рублей, з Гуты (стекольнаго завода) пятьдесятъ два рубля, чиншовыхъ денегъ з разпыхъ угодій монастырскихъ вѣшло сто четыре рубля, мостовыхъ денегъ въ Мостищахъ собралось сорокъ три рубля, валютныхъ (сукновальныхъ) денегъ з млиновъ пятнадцать рублей. Итого всѣхъ рублей 1148 и 70 копѣекъ¹⁾. Кромѣ денежнаго дохода, былъ еще значительный сборъ хлѣбомъ.

Съ 1728 года, когда указомъ верховнаго тайнаго совѣта отъ 22-го августа воспрещено было новое пріобрѣтеніе монастырями недвижимыхъ имѣній, имущество Братскаго монастыря уменьшается. Лишившись возможности получать отъ щедрыхъ рукъ благочестивыхъ жертвователей, онъ по прежнему подвергался посягательству на его собственность со стороны людей, которые не прочь поживиться на чужой счетъ. Таковыми людьми по отношенію къ Братскому монастырю были по преимуществу кіевскіе мѣщане и казаки; но не прочь было обогатиться на счетъ его и пограничное дворянство. Несмотря на то, что власть весьма часто защищала монастырь отъ притязаній его враговъ, они, дѣйствуя законными и незаконными мѣрами, отнимали одно за другимъ имѣнія Братскаго монастыря во второй и третьей четверти ХVІІІ вѣка, обременяя его при этомъ тяжелыми судебными процессами. Нужно замѣтить, что и государственная власть въ это время не такъ благосклонно смотрѣла на монастырскія владѣнія, какъ прежде, лишая ихъ прежнихъ привилегій и обременяя налогами, пока и совершенно не отняла ихъ

¹⁾ Акты К.-Бр. моч. и азад., собр. Аскач., т. 1 № 2.

у монастыря въ 1786 году ¹⁾. Къ этимъ причинамъ нужно еще прибавить иногда неумѣлое, а часто и небрежное веденіе монастырскаго хозяйства ²⁾. А что такъ бывало, это видно изъ того, что даже прихода-расходныя книги монастыря часто велись неаккуратно. Когда митр. Тимофеей Щербацкій потребовалъ въ 1751 году отъ ректора Сильвестра Ляско-ронскаго прихода-расходныя книги для провѣрки, то ректоръ двукратно отказался прислать ихъ, отговариваясь раличными причинами. Очевидно,—или книги были таковы, что ихъ нельзя было показать, или ихъ вовсе не было ³⁾. Въ 1774 году, при назначеніи новаго ректора, понадобилось распоряженіе митрополита, чтобы прихода-расходныя книги впредь писались разборчиво ⁴⁾. При сдачѣ монастыря ректоромъ Давидомъ Нацинскимъ не оказалось вовсе описи монастырскаго имущества; справка же показала, „что упомянутый архимандритъ Давидъ ни по какой описи не принималъ К.-Братскаго монастыря, також и за бытность свою въ К.-Братскомъ монастырѣ описи не оставилъ и куда надлежитъ не представилъ“ ⁵⁾. Были иногда и другія болѣе случайныя причины, разстраивавшія монастырское хозяйство. Благодаря всему этому, доходы съ братскихъ имѣній не всегда были одинаковы. При благопріятныхъ условіяхъ, когда хозяйство монастырское было въ надежныхъ рукахъ и ни съ магистратомъ, ни съ казаками и мѣщанами не было тяжбныхъ дѣлъ, благосостояніе монастыри увеличивалось и. наоборотъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оно понижалось, въ общемъ же оно почти всегда было неудовлетворительно. Правда, въ семидесятыхъ годахъ Братскій монастырь получалъ почти втрое большую сумму доходовъ, чѣмъ

¹⁾ „К.-Братскій училищ. мон.“ Н. Мухина, стр. 145—146.

²⁾ Тамъ же, стр. 15.

³⁾ Акты К.-Брат. мон. и акад, собран. Асочен. т. 1, № 40.

⁴⁾ Акты К.-Брат. монастыря и академіи, № 18 (р. 6. к. а. № 725).

⁵⁾ Акты К.-Брат. мон. и акад, собр. Асоч., т. 2 № 29; т. 3, № 8.

въ тридцатыхъ ¹⁾, но нужно принять во вниманіе, что въ это время уже были выпущены ассигнаціи, которыя значительно понизили цѣну денегъ; слѣдовательно, на указанное повышение цифры доходовъ нельзя смотрѣть, какъ на дѣйствительное увеличеніе средствъ монастыря. Пониженіе доходовъ, съ одной стороны, съ другой—увеличившаяся дороговизна всего вели къ тому, что жалобы на плачевное состояніе имущества Братскаго монастыря, а отсюда и на плохое содержаніе академіи послѣдовательно повторяются въ половинѣ XVIII вѣка и—до конца владѣнія монастыремъ его имуществомъ.

Еще въ 1743 году ректоръ академіи и архимандритъ монастыря Сильвестръ Кулябка, допоя въ Св. Синодъ о содержаніи учителей, описывалъ печальное состояніе монастыря. „Понеже монастырь Братскій“, писалъ Кулябка, „за девятнадцать лѣтъ началъ отъ 722, з войскового скарбу малороссійскаго не получилъ ни полушки въ облегченіе монастырю всякаго времени съ монастырской казны принужденъ былъ учителей, изъ разныхъ монастырей опредѣленныхъ, естнимъ и питейнымъ съ крайнею нуждою, паче же въ прошедшее военное время за умаленіемъ въ отчивахъ подданныхъ и за крайнимъ оныхъ оскудѣніемъ, снабдѣвать, съ чего въ такую пришелъ скудость, что насилу и братію имѣющуюся въ монастырѣ з приходовъ з маестностей своихъ препитать могъ и саміе тіеже, якіе къ служенію монастырскому и келій учительскихъ и браторскихъ самонужиѣйше употреблять надобно, на учителей здержать принужденъ по возможности, отъ чего все строеніе вездѣ цопало“ ²⁾. И далѣе положеніе Братскаго монастыря не улучшилось, хотя онъ и сталъ съ 1741 года получать въ свою казну 200 рублей, выдаваемыхъ изъ скарбу

¹⁾ Въ это время онъ получалъ денежнаго дохода болѣе 3000 р. въ годъ (руч. библ. К. ак. II. 26, л. 258).

²⁾ Архивъ консисторскій д. 1757 г. № 19.

Труды Кіев. дух. акад. Т. III. 1896 г.

войскового малороссійскаго. 8 октября 1751 года намѣстникъ монастыря іеромонахъ Θεодосій съ экономомъ Товіей доносили митрополиту Тимоѳею Щербацкому, „что такъ въ крайнемъ оскудѣніи обитель Братская нынѣ состоитъ, что хотя де учителямъ отъ монастыря дровъ на зиму и дано, однако де на свѣчи денегъ давать нечего и не дадутъ, буди оное жалованье (200 рублей изъ малороссійскаго скарбу) не выдается; за недавное въ монастырѣ за предписаннымъ оскудѣніемъ и хлѣбъ печеный съ мѣста нѣсколько дней покупанъ“¹⁾. Еще подробнѣе описываетъ оскудѣніе Братскаго монастыря намѣстникъ его Варлаамъ. Въ своемъ доношеніи ректору академіи Давиду Нащинскому отъ 16 января 1759 года онъ жаловался, что „по учиненной въ Кіево-Братскомъ монастырѣ о прежнихъ бывшихъ въ монастырѣ Братскомъ приходахъ справки и по смѣтѣ нынѣшнихъ приходовъ, онихъ нынѣ почти и третьей доль, какъ по всякимъ городническимъ и шафарскимъ книгамъ явствуется, не является“. Такая „скудость“ произошла отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, монастырю запрещена продажа хлѣбнаго вина, прежде приносившая „до 700 рублей и болѣе прибыли“; теперь это право сдѣлалось привилегіей города Кіева. Отъ закрытія свободнаго прохода за границу уменьшились доходы съ мельницъ, мостовъ и шинковъ въ пограничныхъ селахъ Плисецкомъ и Мостицахъ. Въ мѣстечкѣ Стайкахъ и селахъ Карпиловкѣ и Позднякахъ „за послѣдовавшимъ вездѣ воды умаленіемъ съ онихъ становъ довольнаго числа рыбъ въ присылки нѣтъ, почему монастырь какъ свѣжею, такъ и вялою, якова случается, буди за что имѣеть, покупать принужденъ“. Села Ивангородъ и Бѣльмачевка, находившіяся въ Нѣжинскомъ полку, захвачены жившими тамъ казаками.

¹⁾ Акты К.-Брат. мон. и акад., собр. Асоч. т. 1 № 40. Асоченскій неправильно приписываетъ эти слова митрополиту Тимоѳею Щербацкому (ч. 2, стр. 154).

Это обстоятельство повлекло за собою какъ весьма обременительный для монастыря судебный искъ, такъ и самыя селѣ привело въ такое разстройство, что на поправку ихъ въ 1759 году мало оказалось 5000 рублей. Ко всему этому городничій кіевскій Евстафій Назаревичъ запродавъ „Которскую паперню“ (бумажную фабрику) съ принадлежащими ей грунтами ¹⁾).

Правда, всѣ изложенныя жалобы, какъ писанныя съ цѣлію расположить начальство къ вспомоствованію монастырю, преувеличены, но, конечно, нельзя не видѣть въ нихъ и горькой правды.

Сознавая это, митрополиты нерѣдко старались поднять благосостояніе монастыря, желая тѣмъ улучшить положеніе академіи. Такъ, по просьбѣ академической корпораціи и распоряженію м. Тимофея Щербацкаго, консисторія, на основаніи „Духовнаго Регламента ²⁾“, въ 1754 году 30 мая приказала, чтобы 11 подвѣдомственныхъ ей монастырей (Максаковский, Батуриновскій, Гамалѣевскій, Глуховскій, Мгарскій, Густыинскій, Горчинскій, Полтавскій, Скульскій, Гадяцкій, Великобудницкій) ежегодно вносили въ Братскій монастырь 50 р., 100 ведеръ горюлки, 10 в. олѣи, 10 четвериковъ крупъ, 10 четвериковъ муки гречаной, 30 пудовъ масла, 60 пудовъ сыру, 10 четвериковъ муки пшенной, 10 четвериковъ пшена и 10 саль ³⁾).

Подобнаго же рода вспомоствованія хлѣбомъ и другими припасами отпускалъ Братскому монастырю на содержаніе академіи каедральный Кіево-Софійскій монастырь ⁴⁾), а иногда и другіе монастыри ⁵⁾).

¹⁾ Акты К.-Брат. мон. и ак., собр. Асоч. № 16, т. 2-й.

²⁾ Въ Регламентѣ (о дѣл. ев. §§ 11 и 12), между прочимъ, сказано: „отъ знатѣйшихъ въ епархіи монастырей брать всякаго хлѣба двадцатую долю, да отъ земель переконныхъ, гдѣ суть, всякаго же хлѣба тридцатую долю“.

³⁾ Консист. арх. д. 1754 года, № 167.

⁴⁾ Рукоп. библ. К. ак. II. 26, стр. 2.

⁵⁾ „Кіев. съ аз.“ ч. 2, 531. пр. 282.

Что касается самостоятельных средств академіи, то они въ началѣ второй половины XVIII вѣка были незначительны и довольно неопредѣленны.

Это были, во-первыхъ митрополичьи консольяціи, которыя, завися отъ воли дававшаго, не всегда бывали одинаковы по количеству. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ консольяція выдавалась въ размѣрѣ 190 р.; изъ нихъ 25 р. предназначались на бурсу, а остальные—на жалованье учителямъ ¹⁾). Но при митр. Тимоѳеѣ Щербацкомъ консольяція была настолько увеличена, что нѣкоторые годы, кромѣ обычной, т. е. раньше выдаваемой консольяціи, учителя каждый порознь получали въ годъ до 60 руб. ²⁾). При митр. Гавріилѣ Кременецкомъ на одно жалованье учителямъ отпускалось консольяціи 200 р. ³⁾). Такъ какъ консольяція выдавалась изъ доходовъ митрополичьей каѳедры, получаемыхъ отъ монастырей, то, естественно, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ имѣній, послѣдовавшимъ въ Малороссіи въ 1786 году, консольяціи должны были прекратиться и, дѣйствительно, прекратились.

Взамѣнъ этого источника доходовъ для академіи явился новый. Съ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка въ академіи начинаетъ образовываться собственный неприкосновенный капиталъ. Проценты съ этого капитала подъ именемъ „процентной суммы“ по волѣ жертвователей должны были, и, дѣйствительно, употреблялись исключительно на нужды академіи; при этомъ жертвователи иногда указывали специальное назначеніе жертвуемаго капитала на ту или другую статью расхода. Къ концу существованія старой Кіевской академіи жертвованный капиталъ достигъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ 1817 году при передачѣ на временное храненіе и пользованіе вновь

¹⁾ Консисторск. арх. д. 1757 г. № 19.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асют. г. 2, № 21.

³⁾ Консист. арх. д. 1780 г., № 1638. Деньги, выдаваемые отъ мит. Гавріила, назывались „граціальными“.

открытой, вмѣсто академіи, семинаріи капиталъ равнялся 264,716 руб. 75 к. на ассигнаціи. Съ этого капитала старая академія получала ежегодно 13225 р. 83 коп. ¹⁾).

Невозможно прослѣдить исторически образованія всего процентнаго капитала, однако имена почти всѣхъ жертвователей сохранились. Первый положилъ начало этому благодѣлу въ 1771 году архимандритъ Донскаго монастыря Варлаамъ Ляцевскій, лично вручившій митр. Гавріилу 4000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли на содержаніе учителей греческаго и еврейскаго языковъ. Деньги эти въ январѣ мѣсяцѣ внесены были въ Московскій дворянскій банкъ ²⁾. Впослѣдствіи, по волѣ жертвователя, проценты съ этой суммы потеряли специальное назначеніе, а съ прибавленіемъ къ нимъ вновь пожертвованныхъ Варлаамомъ 3000 рублей соединены были съ общимъ процентнымъ капиталомъ ³⁾.

Въ 1773 году Московскаго Златоустовскаго монастыря игуменъ и воспитательнаго дома катихизаторъ Варлаамъ Барановичъ внесъ въ Московскій дворянскій банкъ двѣ тысячи рублей въ пользу академіи. Черезъ два года онъ снова „изъ челоуѣколюбія своего къ челоуѣчеству сожалѣнія достойному взнесъ... безповоротнаго капитала своего на такомъ же основаніи, какъ въ 1773 году, еще двѣ тысячи рублей, т. е. пять процентовъ доставляемы были бы Кіевской академіи для уче-

¹⁾ Дѣло семинаріи 1817 г. № 65. Труды К. д. ак. 1893 г. № 6, стр. 578: „Первый учебный курсъ Кіев. дух. семинаріи 1817—1819 гг.“ Прот. П. Троцкий.

²⁾ Акты К.-Брат. мон. и ак. № 16 (рук. б. к. ак. № 725). Аскаченскій („Кіевъ съ акад.“ ч. 2, стр. 304) неправильно говоритъ, что пожертвованіе это случилось въ 1779 году; въ цитованномъ нами актѣ, въ письмѣ митроп. Гавріила къ жертвователю указанъ годъ пожертвованія и внесенія въ банкъ.

³⁾ Д. арх. Кіевск. акад. внутр. правл. за 1818 г. См. Тр. К. д. Ак. 1893 г. № 6 „Первый учебн. курсъ Кіев. сем. въ 1817—1819 гг. П. Троцкий стр. 576, прим. 1. „Кіевъ съ акад.“ ч. II, стр. 305.

никовъ въ бурѣ бѣдственно жительствующихъ, для единственнаго содержанія оныхъ“¹⁾). Къ этимъ четыремъ тысячамъ Варлаамъ Барановичъ впоследствии прибавилъ 2500 руб. и 26 окт. 1814 г. еще 1320 руб. Этого числа всѣ его пожертвованія были соединены въ одинъ пятипроцентный билетъ Сохранной Казны Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома на сумму 7820 руб.²⁾). Самое крупное пожертвованіе въ пользу академіи сдѣлалъ митр. кievскій Гавріилъ Кременецкій. Онъ внесъ въ кассу Московскаго воспитательнаго дома сначала 34000 руб., изъ коихъ проценты съ 30000 р. предназначилъ въ пользу студентовъ академіи, а—съ 4000 р.—на содержаніе богадѣльни при Трехъ-святительской церкви. Деньги эти по упраздненіи богадѣльни поступили въ пользу академіи. Въ 1779 году митрополитъ снова внесъ туда же 10000 руб. Проценты съ этой суммы онъ назначилъ на академическую бібліотеку и больницу и на иновѣрцевъ, принимающихъ православіе. Кромѣ того, согласно завѣщанію митр. Гавріила, изъ оставшихся послѣ него денегъ м. Самуилъ Миславскій приказалъ 1783 г. 22 дек. отослать туда же 7500 р. на Кіевскую академію³⁾).

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и эк. № 22 (рук. библиот. Кіев. акад., № 725). Донесеніе Императорскаго воспитательнаго дома.

²⁾ Билетъ за № 51230. Дѣло сем. 1817 г. № 65. Труды Кіев дух. Ак. 1893 г. № 6 „Первый учебн. курсъ К. д. сем. 1817—1819 гг.“, стр. 577—78.—Аскаоченскій (ч. 2, стр. 304) упоминаетъ только объ одномъ пожертвованіи Варлаама Барановича въ 2000 р., которое было по его предположенію въ 1779 г. Онъ не указываетъ, откуда заимствовалъ свое предположеніе, намъ же о пожертвованіи Варлаама Барановича въ 1779 г. ничего неизвѣстно.

³⁾ Консист. архив. указъ митр. Самуила за собственною подписью, безъ номера. Преосв. Макарій говоритъ, что митр. Гавріилъ предъ смертію положилъ въ одинъ разъ въ пользу академіи 58125 руб. серебромъ, каковыя деньги въ 1814 г. по разнѣмъ на ассигнаціи составилъ сумму въ 228,441 р. Кромѣ пожертвованія митр. Гавріила, онъ упоминаетъ еще о безименныхъ пожертвованіяхъ на сумму 46000 р., поступившихъ въ пользу академіи отъ 1777 г. по 1779 г. (стр. 118). Аскаоченскій (ч. 2, стр. 305) повторяетъ сказанное преосв. Ма-

Въ 1781 году 3 мая архимандритъ ставропигіальнаго Спасо-Симонова монастыря Амвросій Андріевскій пожертво-

варіемъ. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи говорятъ преосв. Макарій и Аскаченскій о 46000 р., поступившихъ будто бы отъ различныхъ вкладчиковъ въ неприкосновенный капиталъ академіи и о томъ, что митр. Гавріилъ пожертвовалъ въ одинъ разъ 58425 р. и, наконецъ, что именно эти деньги были въ 1814 г. раздѣлены на ассигнаціи. Однако сумма, которая образовалась бы при раздѣлѣ пожертвованій митр. Гавріила, особенно если согласиться, что м. Гавріилъ пожертвовалъ 58425 р., съ присоединеніемъ къ ней 46000 р. неизвѣстныхъ жертвователей—если бы даже эти деньги были не металлическія, а ассигнаціи (у преосв. Макарія и Аскаченскаго не сказано, серебромъ или ассигнаціями онѣ были пожертвованы)—превысила бы сумму въ 268,716 руб., которая составила въ академіи къ 1817 г. Но кромѣ этихъ въ академію поступали пожертвованія, имѣющія несомнѣнное документальное подтвержденіе. О тратѣ же неприкосновеннаго академическаго капитала, мы свѣдѣній не имѣемъ; напротивъ, извѣстно, что иногда сама академія изъ своихъ средствъ дѣлала сбереженія, приобщая изъ нихъ къ постоянному капиталу (акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 4 № 20). О пожертвованіи митр. Гавріила Аскаченскій говоритъ такъ: „Онъ (м. Гавріилъ) въ одинъ разъ положилъ въ пользу ея (академіи) пятьдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать пять рублей серебромъ. Какъ памятникъ истинно отеческой заботливости его объ училищѣ, приводимъ сполна распоряженіе, сдѣланное имъ объ этой суммѣ, въ письмѣ отъ 4 сентября 1779 года къ ректору академіи“. И далѣе сполна приводитъ это письмо (ч. 2, стр. 305—307). Но въ письмѣ говорится только о 44000 р., упомянутыхъ нами, и при томъ—что они внесены были въ различное время: сначала 34000 р., потомъ 10000 р. Хотя Аскаченскій не указываетъ, откуда заимствовала это письмо, но подлинность его подтверждается другими документами (акты К.-Бр. мон. и ак. № 35.—рук. 6. к. ак. № 725). Здѣсь говорится о распредѣленіи пожертвованныхъ м. Гавріиломъ 30000 р. такъ, какъ и въ документѣ, приложенномъ Аскаченскимъ. Наконецъ, въ дѣлѣ о раздѣлѣ металлическихъ денегъ 58425 руб. на ассигнаціи вовсе не говорится, что эти деньги пожертвованы м. Гавріиломъ. Изъ дѣла этого скорѣе видно, что это капиталъ сборный: „Академія Кіевскія капиталъ, состоящій въ золотой и серебряной монетѣ, всего 58425 р.“ (акты К.-Бр. мон. и ак., № 198 рук. 6. к. ак. № 725). Изъ всего сказаннаго вытекаетъ: 1) нельзя согласиться съ преосв. Макаріемъ и Аскачевскимъ, что кромѣ пожертвованія митр. Гавріила академія получила еще въ неприкосновенный капиталъ 46000 руб. пожертвованій безыменныхъ; 2)—что м. Гавріилъ не одновременно и не на одну академію внесъ свои пожертвованія. Кромѣ того, пока остается открытымъ вопросъ о количествѣ пожертвованія м. Гавріила и о томъ, были ли вообще, пожертвованія безыменныхъ.

валъ 500 руб. мѣдью и еще 1782 г. 9 февр. 1300 руб. ассигнаціями на академію. Эти деньги 20 янв. 1783 г. соединены были въ одинъ билетъ Сохранной Казны Московскаго Императорскаго воспитательнаго дома. 13 дек. 1782 г. по завѣщанію имъ пожертвована 1000 р. Проценты съ этихъ денегъ онъ назначилъ на содержаніе жившихъ въ бурсѣ бѣдныхъ учениковъ ¹⁾. Въ 1774 г. 15-го марта пожертвовалъ въ пользу академіи 1000 р. придворный Ея Императорскаго Величества протодіаконъ Михайлъ Алексѣевъ. Въ 1783 г. 20 января деньги отданы въ Сохранную Казну Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома ²⁾. 20 декабря 1793 г. арх. Кіево-Михайловскаго монастыря и ректоръ академіи Геронимъ Блонскій внесъ туда-же въ пользу академіи 2000 р. ³⁾. Въ 1796 г. 13 авг. по завѣщанію митр. Самуила Миславскаго, внесено туда же 2000 р. Проценты съ нихъ назначались въ пользу сиротъ, учащихся въ академіи ⁴⁾. 20 апрѣля 1805 г. положены туда же пожертвованные коллежскимъ ассесоромъ Филипповымъ 1400 р. ⁵⁾. Въ 1808 году 2 янв. туда же на имя Кіевской академіи положилъ 2000 р. епископъ тамбовскій Θεοφилъ ⁶⁾. Это—послѣднее извѣстное имя жертвователя неприкосновеннаго капитала.

Въ 1814 году академическая сумма, заключавшаяся въ золотой и серебряной монетѣ, была размѣнена на ассигна-

¹⁾ Перваго билета № 404, второй билетъ 1793 г. 24 янв. за № 1614. Дѣло внутр. акад. прав. 1817 г. № 65. Тр. к ак. 1893 г. № 6. Перв. учебн. кур. к. д. сем. 1817—1819 г. Пр. П. Троцкий, стр. 576.

²⁾ Билетъ за № 405. Тамъ же.

³⁾ Билетъ за № 2353. Изъ 90 рублей процентовъ этого капитала 45 руб. жертвователю завѣщалъ выдавать на братію Водубицкаго монастыря. Воля жертвователя выполняется въ академіи и до сихъ поръ. Тамъ же.

⁴⁾ Билетъ № 4562. Тамъ же.

⁵⁾ Билетъ за № 11,854. Тамъ же. Деньги эти отосланы изъ академіи 3 апрѣля. „Изъ дневника м. Серапіона“. Труды К. б. ак. 1882г. № 10, стр. 236.

⁶⁾ Билетъ за № 20008. Дѣло внутр. прав. 1817 г. № 65 Труды К. д. Ак. 1893 г. № 6, стр. 577.

ція. Это „небезмноготрудное сей толико важной для академіи и многозначительной комиссіи исполненіе“ поручено было академическому эконому протоіерею Матеею Россовскому. Въ золотой и серебряной монетѣ академическихъ денегъ тогда было всего 58425 р. Размѣнявъ эти деньги на ассигнаціи—за каждый металлическій рубль по 3 р. 91 коп. ассигнаціями—къ получившейся суммѣ 228441 р. 75 коп. экономъ присоединилъ еще „значившіеся по двумъ прежнимъ билетамъ 25075 р., отъ чего всего ассигнаціонной суммы составилось уже 253516 р. 75 к.“ Изъ этой общей суммы въ отдѣльный билетъ соединены были упомянутые выше 7820 р., пожертвованные на академію Варлаамомъ Барановичемъ. Остальные же деньги 245696 р. 75 к. соединены были въ одинъ сводный билетъ. Изъ перечисленныхъ выше въ оба эти билета не вошли пожертвованія Амвросія Андріевского, Миханла Алексѣева, Іеропима Блонскаго, Самуила Миславскаго, Филиппова и еп. Теофила, хранившіеся въ отдѣльных билетахъ и послѣ 1814 года. Послѣднія перечисленные пожертвованія вмѣстѣ составили 11,200 р., а вмѣстѣ съ 253,516 рублями и 75 копѣйками, получившимися отъ размѣна всѣхъ металлическихъ денегъ, они образовали основной процентный капиталъ въ 264,716 р. и 75 коп. ¹⁾

¹⁾ Такимъ образомъ, основной капиталъ академіи состоялъ изъ 9 билетовъ. 8 изъ нихъ, составившихся изъ перечисленныхъ пожертвованій Барановича, Андріевского, Алексѣева, Блонскаго, Миславскаго, Филиппова и еп. Теофила, и девятый сводный, заключавшій въ себѣ 245,696 р. 75 коп., или на металлическихъ деньги по тому курсу, по которому онѣ размѣнены—62828 р. Изъ какихъ же суммъ составилъ этотъ билетъ? Несомнѣнно, во-первыхъ, въ него вошли пожертвованія Варлаама Ляцескаго 7000 р. и м. Гавріила, такъ какъ эти пожертвованія подтверждаются документальными данными, а въ числѣ указанныхъ осьми билетовъ не заключаются. Но мы выше оставили открытымъ вопросъ о количествѣ пожертвованныхъ м. Гавріиломъ денегъ. Очевидно теперь, что оно не можетъ равняться 58,425 рублямъ, такъ какъ вмѣстѣ съ 7000 р. Варлаама Ляцескаго оно превыситъ сумму въ 62,838 рублей, въ которой оба пожертвованія должны заключаться. Но мы видѣли, что документально подтвержда-

Съ постепеннымъ увеличеніемъ основного капитала увеличивалась и академическая процентная сумма. Такъ какъ въ самомъ началѣ образованія этой суммы размѣры ея были довольно значительны, благодаря такимъ крупнымъ пожертвованіямъ, каковы митрополита Гавріила, Варлаама Лящевского и Варлаама Барановича, то и процентная сумма въ началѣ уже существованія академическаго капитала была довольно значительна.

Еще до образованія основного капитала академіи на ея содержаніе, независимо отъ Братскаго монастыря, начинаютъ отпускаться, благодаря заботамъ правительства, особыя суммы. Къ числу такихъ суммъ прежде всего нужно отнести 200 р., ежегодно выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу изъ Глухова ¹⁾.

ется пожертвованіе м. Гавріиломъ 51,500 рублѣй. Вмѣстѣ съ 7000 р. пожертвованія Варлаама Лящевского эти деньги составляли 58,500 рублѣй; слѣдовательно, недостаетъ 4338 металлическихъ рублѣй, чтобы образовался весь сводный билетъ. Документальныхъ данныхъ для объясненія происхожденія этихъ послѣднихъ денегъ нѣтъ. Возможно, что онѣ образовались изъ 4000 р. пожертвованія архимандрита миргородскаго Гавріила. Объ этомъ пожертвованіи упоминаетъ преосв. Макарій (122). Какъ указывающее на опредѣленное имя, это упоминаніе заслуживаетъ большаго довѣрія, тѣмъ тѣ безыменные пожертвованія, о которыхъ говорилось раньше,—послѣднія въ постоянномъ капиталѣ академіи, какъ видно изъ всего сказаннаго, не имѣли мѣста. Наконецъ, что касается 338 рублѣй, то они могли образоваться изъ собственныхъ сбереженій академіи, о которыхъ есть упоминаніе въ актахъ (акты К-Бр. моч. и ак., собр. Аскач. т. 4., № 20).

¹⁾ Аскачевскій (ч. 2, стр. 91) и преосв. Макарій (стр. 113) думаютъ, что эти 200 р. стали отпускаться съ 1742 г. по указу Елизаветы Петровны взаменъ прежде отпущавшихся съ 1694 г., по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, 50 р. денегъ, 50 четвертей хлѣба. Мнѣніе это однако неутверждено. Во-первыхъ, выдача 200 р. изъ малороссійскаго скарбу не была для академіи „новостью“. Нельзя опредѣлить, съ какого именно времени стала академія получать эти деньги, но несомнѣнно она получала ихъ въ первой четверти XVIII в. до 1722 года—времени смерти гетмана Скоропадскаго и образованія малороссійской коллегіи. Съ этого же времени выдача денегъ прекращается до 1741 г., когда повелѣно снова выдавать ежегодно на академію „на содержаніе ректора, учителей и школы“ по 200 р., а въ слѣдующемъ 1742 году, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ правъ и привилегій академіи, Императрица Елизавета Петровна особо подтвердила и ежегодную выдачу этихъ денегъ. Въ консисторскомъ архивѣ

До 1754 года деньги эти употреблялись такимъ образомъ: ежегодно по 35 руб. отдѣлялось на починку школъ и монастырскихъ церквей, а 130 рублей шло въ общую монастырскую кассу на содержаніе учителей пищею и квартирою. Съ этого года 200 рублей выдѣлены изъ общей монастырской казны и обыкновенно часть ихъ раздѣлялась на жалованье

сохранилось дѣло о возобновленіи ежегодной выдачи этихъ денегъ изъ скарбу войскового. 11 янв. 1732 г. митр. Рафаилъ Заборовскій доносилъ чрезъ ректора академіи Амаросія Дуоневича гетману Данилу Апостолу, что „въ училищномъ монастырѣ церковь и школы зданна устроенныя весьма обветшали и чтобы о возобновленіи оныхъ для пользы учащихся учинить разсмотрѣніе“. При этомъ ректоръ отъ себя подалъ гетману челобитную „что якъ за прежнихъ гетмановъ такъ и за гетмана Скоропадскаго на учителей къ удовольствованію ихъ выдавано ежегодно по двѣсти рублевъ денегъ з скарбу войскового. Но по смерти гетмана Скоропадскаго означенная на содержаніе тѣхъ учителей денежная дача за бывшей малороссійской коллегіи удержана и по нынѣ съ 1722 году не производится“. Далѣе, указывая на пользу, приносимую учителями и скудость ихъ содержанія, по причинѣ бѣдности Братскаго монастыря, на бѣдственное его положеніе и на указъ Императрицы 1730 года 17-го марта, повелѣвавшій возобновлять обветшавшіе храмы и учреждать школы, ректоръ просилъ, чтобы выдача 200 р. изъ малороссійскаго скарбу снова производилась, а вмѣстѣ, чтобы возвращены были всѣ деньги, которые малороссійская коллегія удержала отъ 1722 г. до 1732 г. Даниилъ Апостолъ отъ себя въ доношеніи на имя Государыни на основаніи указа ея и такъ какъ онъ самъ гетманъ „извѣстенъ, что за антицессоровъ“ его „бывшихъ гетмановъ выписанныя деньги з скарбу войскового повсегодно въ жалованье учителямъ по двѣсти рублевъ выдавались“ и удержавъ только малороссійской коллегіей,—выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ удовлетворить просьбѣ ректора. Очевидно, просители не имѣли какой либо подтверждающей грамоты своихъ правъ. Тѣмъ не менѣе выдача денегъ считалась такимъ законнымъ дѣломъ академіи, что они просили возвращенія денегъ, удержанныхъ за 10 лѣтъ. Это доношенію Даниилъ Апостолъ отослалъ въ томъ же 1732 году 14 янв. въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но оно успѣха не имѣло. Дѣло возобновлено въ 1740 г., но уже инымъ путемъ. 24 мая митр. Рафаилъ обратился въ Святѣйшій Синодъ и отдѣльно въ архіепископу исковскому Стефану Яворскому съ доношеніемъ, въ которомъ изложилъ весь ходъ дѣла. Св. Синодъ вопелъ съ представленіемъ въ Кабинетъ, а 10 сентября 1740 г. подписана резолюція, чтобы снова выдавать ежегодно по 200 р. на содержаніе учителей и возобновленіе церкви и школъ, если такъ дѣлалось прежде, но объ удержанныхъ за прежнее время деньгахъ онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія. 5 янв. 1741 г. Стефанъ Яворскій уже извѣщалъ объ этомъ митр. Рафаила. Въ малороссійскую коллегію указъ изъ Сената посланъ 3 марта 1741 года. Съ этого года академія и начала снова получать по 200 р. въ годъ. Деньгъ же за прошлые годы ей такъ и не удалось получить (Консист. арх. д. 1757 г. № 19). Вторая непра-

учителямъ ¹⁾). Такой порядокъ раздѣла продолжался во все время выдачи на академію этихъ денегъ, которая по всей вѣроятности производилась до 1786 года ²⁾).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, когда начались заботы правительства о преобразованіи духовныхъ училищъ, одною изъ главныхъ ея мыслей было учрежденіе для нихъ штатныхъ окладовъ. Этотъ вопросъ связанъ былъ съ желаніемъ правительства отобрать въ казну церковныя имущества—главный источникъ содержанія духовныхъ училищъ. Отобраніе имуществъ и первые штатные оклады простерлись сначала на Великороссію въ 1765 году ³⁾. Но, благодаря хлопотамъ кіевскаго генералъ-губернатора Θεодора Ивановича Глѣбова ⁴⁾, и Кіевская академія получила въ это время первый штатный окладъ.

Высочайшимъ указомъ 7 апрѣля 1766 года въ Государственную Коллегію экономіи повелѣно отпускать ежегодно по

вильность, допущенная Аскаченскимъ и преосв. Макаріемъ, состоитъ въ томъ что, по ихъ мнѣнію, выдача 200 р. стала производиться взаимнѣ выдачи 50 р. и 50 четвертей ржи. Что эти деньги и послѣ грамоты Елизаветы Петровны выдавались, видно изъ доношенія учителей академіи 28 августа 1759 года, въ которомъ упоминаются пожалованныя по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей деньги 50 р. и выдаваемые вѣсто 50 четвертей ржи 30 рублей (акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 2, № 21). Въ другомъ мѣстѣ (ч. 2, стр. 157) Аскаченскій упоминаетъ о 80 рубляхъ, получавшихся изъ кіевской губернской канцеляріи, но происхожденія ихъ онъ не указываетъ. Вѣроятно, это и есть деньги, получавшіяся по грамотѣ 1700 г.

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. т. 2, № 21. Обычно, какъ и прежде, отдѣлялось 130 р. на жалованье учителямъ, а 70 р.—по '35—на школы и церкви; но бывало, что на жалованье отдѣлялось менѣе и болѣе 130 рублей. (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11—рук. библ. к. ак. № 725).

²⁾ Преосв. Макарій (стр. 114—115), а за нимъ и Аскаченскій неправильно думаютъ, что выдача денегъ изъ малороссійскаго скарбу продолжалась только до 1766 г. Есть документы о раздѣлѣ этихъ денегъ и въ послѣдующее время. Послѣдній извѣстный документъ о раздѣлѣ 200 р. за 1780 г. (акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11 и 20, рук. библ. К. ак. № 725).

³⁾ Дух. школы въ Росс. до реф. 1808 г. П. В. Знаменскій. Пр. Соб. 1880 г. май. стр. 490—491.

⁴⁾ Рук. библ. К.-Соф. соб. № 72.

500 р. изъ губернской канцеляріи и эти деньги „на учащихся и обучающихъ по Его преосвященства разсмотрѣнію употреблять всегда“ ¹⁾). Обычно онѣ дѣлились пополамъ на учащихся и учащихся. Но бывало, что учащимъ доставалось болѣе, чѣмъ учащимся. Такъ жалованье учителю польскаго языка платилось изъ 250 руб., назначенныхъ на учащихся ²⁾).

Въ 1786 году и въ Малороссіи послѣдовало отобраніе церковныхъ имуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ введенъ новый штатный окладъ для Кіевской академіи. Въ указѣ объ этомъ, послѣдовавшемъ 10 апрѣля, между прочимъ сказано, чтобы на Кіевскую академію съ принадлежащими къ ней заведеніями отпускать по 8400 рублей въ годъ ³⁾). По просьбѣ митр. Самуила, въ слѣдующемъ году къ 8400 рублямъ было прибавлено 600 руб.; слѣдовательно, всего на академію положено было 9000 руб. ⁴⁾). Но изъ этой суммы академія обязана была выдавать 500 руб. на содержаніе Переяславской семинаріи ⁵⁾).

Съ окладомъ въ 9000 руб. Кіевская академія оставалась до конца царствованія Екатерины II. Въ слѣдующее царствованіе съ новыми реформами духовныхъ школъ послѣдовали и новыя прибавки къ окладамъ, въ томъ числѣ увеличенъ окладъ и Кіевской академіи. Несмотря на то, что указомъ 18 декабря 1797 года сумма на содержаніе вообще духовныхъ училищъ увеличена почти вдвое, Кіевская академія получила добавку только въ 3000 руб., будучи этимъ

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 3 № 26.

²⁾ Консистор. арх. д. 1774 г. № 174.

³⁾ Полное собр. закон. т. XXII, № 16, 375.

⁴⁾ Полн. собр. зак. т. XXII, № 16, 517.

⁵⁾ Тамъ же; пунктъ 9. Почему-то Асоченскій (ч. 2, стр. 358), приводя сполна указанный законъ, пропускаетъ распоряженіе объ отпускѣ на Переяславскую семинарію 500 р. Между тѣмъ законъ этотъ оставался въ дѣйстви въ послѣдующее время, и кіевская академія высылала эти деньги Переяславской семинаріи (Консист. арх. д. 1791 г. № 80).

сравнена съ другими академіями ¹⁾. Указомъ 31 октября 1798 года распредѣленіе этой суммы по статьямъ расхода предоставлено было самой академіи съ тѣмъ только, чтобы непремѣнно сумма эта расходовалась не менѣе, чѣмъ по тремъ отдѣльнымъ общимъ статьямъ ²⁾. Наконецъ, въ царствованіе императора Александра I въ 1807 году, на ряду съ другими духовными училищами, академія получила двойной окладъ въ 2400 рублей ³⁾. Съ этимъ окладомъ старая Кіевская академія оставалась до конца своего существованія.

Кромѣ перечисленныхъ, академія не имѣла вполне опредѣленныхъ денежныхъ средствъ. Но такъ какъ эти средства были недостаточны для ея содержанія, особенно въ началѣ разсматриваемаго нами періода, то, естественно, необходимо было прибѣгать къ другимъ источникамъ доходовъ для пополненія скудной академической казны. И, дѣйствительно, такіе источники были, но они имѣли или временный характеръ, или отличались неопредѣленностью количества денегъ, которое изъ нихъ получалось. Къ числу источниковъ перваго рода нужно отнести временныя пожертвованія, которыя дѣлались и правительствомъ, и частными лицами. Такъ, въ 1744 году, вѣроятно, при посѣщеніи Кіева, Императрица Елизавета Петровна пожертвовала 1000 руб ⁴⁾. Въ

¹⁾ Полн. собр. закон. т. XXIV, № 18273 и т. XLIV—книга штатовъ № 18273.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 3, № 119. Полное собр. зак. т. XXV, № 18726.

³⁾ Во второй половинѣ 1807 года жалованье учителямъ назначалось уже въ двойномъ видѣ, именно въ такомъ, въ какомъ они получали впоследствии. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 135. Рук. б. к. ак. № 725. По первоначальному исчисленію штатныхъ окладовъ, на Кіевскую академію, какъ и Московскую съ Казанской, положено было 58.800 рублей. (Полное собр. зак. т. XLIV, книга штатовъ № 23, 122).

⁴⁾ Трата этихъ денегъ показывается, какъ экономно пользовалась своими деньгами академія. Только въ 1762 году, слѣдовательно, чрезъ 18 лѣтъ послѣ пожертвованія, была израсходована та часть денегъ, которая изъ этой тысячи

1787 г., также при посѣщеніи Кіева, пожертвовала на академію 4450 руб. императрица Екатерина II-я, изъ каковыхъ денегъ ректоръ академіи получилъ 1000 руб., префектъ съ учителями 2250 руб. и казенные воспитанники 1200 руб.¹⁾ Наибольшее временное вспомошествованіе оказано было правительствомъ въ 1812 году, когда академіею „получено изъ Кіевской казенной палаты отпущенныхъ съ Высочайшаго соизволенія изъ процентной церковной суммы на возобновленіе обгорѣвшаго академическаго учебнаго корпуса 29,865 руб.“²⁾. Нерѣдко, впрочемъ, и частныя лица, особенно бывшіе питомцы академіи, не оставляли ее своими приношеніями. Такъ, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вносили на жалованье учителю французскаго языка въ академіи по 50 руб. ежегодно архіепископъ московскій Амвросій и епископъ бѣлгородскій Самуилъ Миславскій, а къ нимъ присоединились и другіе жертвователи³⁾, такъ что учителю французскаго языка въ продолженіе десяти лѣтъ производилась добавка жалованья изъ пожертвованной суммы⁴⁾.

Всѣ перечисленныя пожертвованія имѣли случайный характеръ. Наиболѣе послѣдовательности и примѣнимости къ дѣйствительнымъ нуждамъ академіи имѣли пожертвованія митрополиты. Митрополиты по истинѣ были постоянные благодѣтели академіи. Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ они являлись помощниками для академіи, или жертвуя своими суммами, или изыскивая источники, откуда ихъ получить. Такъ, извѣстно, что митрополитъ Арсеній Могилянскій по-

была отпущена на академическую больницу. Актъ К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 2.

¹⁾ Аскоч. „Кіевъ съ акад.“ ч. 2. стр. 360. Мак. Бугаковъ „Ист. к. ак.“ стр. 120.

²⁾ Актъ К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 4, № 42.

³⁾ Актъ К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 34 и акты К.-Бр. мон. и ак. № 8 (рук. б. к. ак. № 725).

⁴⁾ Консист. арх. д. 1780 г. № 1638.

жертвовалъ на постройку бурсы 2238 руб. и 58 копѣекъ ¹⁾. Онъ же ежегодно отпускалъ сумму денегъ на дрова для бурсы ²⁾. Дѣлали пожертвованія также митрополиты Гавріилъ Кременецкій ³⁾ и Самуилъ Миславскій ⁴⁾. Послѣ пожара 1811 года пожертвовалъ 5 янв. 1812 руб. 2000 р. на постройку академическихъ зданій митрополитъ Серапіонъ Александровскій ⁵⁾.

Жертвуя сами, митрополиты побуждали и другихъ жертвовать. Когда бывала какаянибудь важная нужда для академіи, митрополиты обращались съ просьбою отъ своего лица къ благотворителямъ, и ихъ авторитетъ часто приносилъ помощь. Значеніе авторитета митрополита въ такихъ дѣлахъ сознавали и въ академіи. Намѣреваясь просить денегъ у малороссійскаго гетмана на починку школъ, ректоръ Манасія Максимовичъ писалъ митрополиту Тимоѳею Щербадскому: „понеже мое прошеніе не можетъ имѣть не только успѣха, но и приступу безъ писанія Вашего ясне въ Богу Преосвященства и будетъ недѣйствительное; для того Вашего ясне въ Богу Преосвященства всенижайше прошу къ Его Графскому Сіятельству о семъ архипастырски благословить инстанціальное писаніе послать и мое съ учителями прошеніе при архипастырскомъ писаніи сообщить“. На этомъ прошеніи послѣдовала такая резолюція митрополита: „писать отъ насъ съ надлежащимъ показаніемъ прежнихъ патроновъ, ясновельможныхъ пановъ гетмановъ“ ⁶⁾. Чаше воззванія митрополитовъ о пожертвованіяхъ не имѣли спеціальнаго характера,

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 1.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 9 (рук. б. к. ак. № 725).

³⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. № 725).

⁴⁾ Аскоч. ч. 2, стр. 341.

⁵⁾ „Изъ дѣвника и Серапіона“. Труды К. д. Ак. за 1882 г., ноябрь, стр. 386.

⁶⁾ Консист. арх. д. 1754 г. № 71. Неизвѣстно, какое дѣйствіе имѣла эта просьба, но въ 1761 году вмѣстѣ съ 200 р. изъ малороссійскаго скарбу гетманъ прислалъ отъ себя „на бурсу кіевскихъ школъ“ 100 рублей (Консисторскій архивъ, д. 1761 г. № 41).

а предназначались для всѣхъ „науки любящихъ“. Таково воззваніе митрополита Арсенія Могилянскаго о пожертвованіи на постройку новой бурсы. Изобразивъ бѣдность воспитанниковъ, живущихъ въ бурсѣ, митрополитъ говоритъ о пользѣ, которую они будутъ приносить, изучивъ „честныя искусства, разные языки и полезнѣйшія науки“,—церкви, отечеству и „своимъ милостиннодателямъ, наипаче просвѣщая и обогащая ихъ дѣтей разумы основательными и твердыми ученіями“. Сказавъ далѣе, что бурса пришла въ полную ветхость, такъ что жить въ ней невозможно, а и безъ нея обойтись нельзя, митрополитъ, „сердечно сожалься“ о печальномъ положеніи воспитанниковъ и „имѣя неусыпное попеченіе о благостроеніи паствы..., которое посредствомъ учительныхъ людей получается, такожь и приращеніи пользы отечеству и о просвѣщеніи науками умовъ малороссійскаго шляхетства“, продолжаетъ: „воспріяли мы намѣреніе оный домъ за крайнюю его нынѣшнюю обветшалость вновь соорудить“ и потому „употребили средство къ благопоспѣшнѣйшему произведенію въ дѣйство такого нашего о ономъ домѣ, вообще Бурсою именуемомъ, намѣренія пригласить въ помощь къ намъ и прочихъ науки любящихъ, чимъ кто оную къ сооруженію того дому подать восхощетъ. Таковыхъ убо къ благопризрѣнію на учащихся въ нищетѣ и къ поднятію для сооруженія помянутого для нихъ дому, Бурсою именуемаго, по возможности и произволенію сердца всѣхъ обще молимъ и оными апостольскими словесы увѣщаемъ: „благотворенія и общенія не забываютъ, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ“ ¹⁾. На подоб-

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асют. т. 2, № 26. Въ полномъ видѣ это воззваніе напечатано Асютскими („Кіевъ съ академіей“ ч. 2. стр. 224—225). По этому воззванію на построеніе бурсы поступили слѣдующія пожертвованія: отъ еявскона сарскаго и подонскаго Исаріона Григоровича 1000 рублей, отъ митрополита московскаго Тимофея Щербаткаго 50 рублей, отъ гетмана малороссійскаго графа Кирилла Разумовскаго—100 рублей, отъ архимандрита К.-Печерской лавры Луки Бѣлоусовича 20 рублей, отъ полковаго кіевскаго писаря Маткевича 20 рублей и отъ разныхъ мелкихъ вкладчиковъ 109 р. 22 копѣйки. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асют. т. 2, № 1, л. 140.

ные же сборы выдавалъ свое благословеніе митрополитъ Гавріиль Кременецкій, при постройкѣ каменной бурсы¹⁾. Также было и послѣ послѣдняго страшнаго пожара 1811 года²⁾. Отъ этихъ вызываемыхъ экстраординарными нуждами сборовъ отличались сборы, производившіеся ежегодно въ пользу академической, называвшейся конгрегаціонною, церкви. Сборы эти производились ежегодно. Обыкновенно сами студенты изъ своей собственной среды выбирали двухъ представителей, называвшихся префектами, которые впродолженіи всего года обязаны были ходить за сборами по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ³⁾. Собранныя деньги, хотя и предназначались для конгрегціонной церкви, но употреблялись и на содержаніе бурсы, и на расходы во время академическихъ праздниковъ⁴⁾, а часть ихъ дѣлилась между учителями⁵⁾. Размѣры денегъ, собиравшихся на бурсу, были

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. № 21 (руб. б. к. ак. № 725). И эти сборы по обыкновенію имѣли усадьбу. Изъ одного Пчанскаго правленія за два года 1777 и 1778 было прислано 140 рублей сбора (акты К.-Бр. мон. и акад. собр. Асоч. т. 3. № 48).

²⁾ На поправленіе погорѣлой академіи по приглашенію митрополита пожертвовали: военный губернаторъ Милорадовичъ 100 р., Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій 1000 р., господарь Нисизанти 15000 р., Катериничъ 100 р., губернаторъ астраханскій Андрѣевскій 150 р. и лаврскій намѣстникъ 100 р. „Изъ дневн. м. Серапіона“. Тр. К. д. Ак. 1882 г., ноябрь, стр. 357.

³⁾ „Ист. К. Акад.“ Преосв. Макарія, стр. 104, 105.

⁴⁾ Конс. арх. д. 1757 г. № 71.

⁵⁾ Преосв. Макарій говоритъ, что собираемыя на конгрегаціонную церковь деньги употреблялись большею частію на житейскія нужды содержавшихся въ сиротскомъ училищномъ домѣ“ (стр. 105). Но что эти сборы были особою статьею дохода и для учителей, видно изъ доношенія о средствахъ академіи, сдѣланнаго въ 1743 году ректоромъ Сильвестромъ Булябкомъ. Тамъ на вопросъ митрополитскаго указа: „сколько въ годъ кѣтовыхъ денегъ въ собраніи бываетъ и по чему какому учителю въ раздѣлѣ дается?“ отвѣчено: „зъ кѣтовыхъ денегъ, якихъ за моего начальства чрезъ три года собралось, а именно, 1741: отъ генваря 8 до ноября 11 числа шестьдесятъ два рубля, шестьдесятъ двѣ копейки, въ 1742: сорокъ пять рублей, двѣнадцать копѣекъ, за 1743 годъ: тридцать девять рублей, тридцать три копейки; половина на ректора, а половина на учителей дается, а съ тѣхъ денегъ неравно собѣ учителя раздѣляютъ“ (Консвст. арх. д. 1757г. № 19). Изъ этой выдержки, во-первыхъ, ясно, что деньги эти дѣлились между ректоромъ и учителями и, во-вторыхъ, что деньги эти получались изъ

не велики; такъ въ 1756 году собрано было 60 руб., въ 1757 году—88 руб.¹⁾. Былъ также въ академіи обычай „ежегодно въ мѣсяцѣ майи отъ девятаго числа до 1 числа сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксисы бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся и во вся никакого же питанія ни откуду не имущихъ для испрошенія себѣ милостыни“²⁾. Иногда такіе ученики, получивъ изъ академіи паспортъ, отправлялись по селамъ и деревнямъ и занимались на сельскія работы³⁾. Такъ какъ подобными отпусками ученики часто злоупотребляли, пользуясь ими для того только, чтобы избѣжать ученія, то инструкціею 1763 года повелѣно выдавать паспорта только дѣйствительно нуждающимся ученикамъ и при томъ „отпускать въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а дальше никуда ходить не позволять“⁴⁾. Сборы запрещены были Самуиломъ Миславскимъ. Всѣ перечисленные источники доходовъ имѣли характеръ добровольной жертвы, получалась ли она отъ царскаго, митрополичьяго или частнаго благотворенія. Но были и такіе доходы, которые налагались, а иногда и вимались при помощи власти. Къ такимъ доходамъ прежде всего нужно отнести штрафыныя деньги, вимавшіяся съ священно и церковно-служителей Кіевской епархіи въ пользу академіи. Денежныя штрафы узаконены были Св. Синодомъ. Штрафы

сборовъ; въ-третьихъ, изъ того, какъ опредѣленъ въ приведенномъ доношеніи срокъ, въ какой производился сборъ, нужно заключить, что это тотъ же сборъ, о которомъ только что сказано и о которомъ говоритъ преосв. Макарій (стр. 104—105). Годъ сбора по цитованному документу оканчивался 11 ноября и указанный выше сборъ оканчивался именно въ это время. Обыкновенно за мѣсяцъ до храмоваго праздника академической церкви, посвященной въ память Зачатія святой дѣвы и празднуемой 9 декабря, выбирались новые сборщики подацій, а слѣдовательно оканчивалась дѣятельность прежнихъ. (Ист. К. Акад. преосв. Мае. стр. 104—105).

¹⁾ Конс. арх. д. 1757 г. № 71.

²⁾ Инструкція 1763 г. Кіев. Еп. Вѣд. за 1893 г. № 20.

³⁾ Акты К.-Братскаго монаст. и ас. № 609. рук. С. к. д. ас. № 725.

⁴⁾ Кіевск. Еп. Вѣд. за 1893 г., № 20.

были двоякаго рода, смотря по тому, за кого священно и церковно-служители вносили ихъ—за себя и за своихъ дѣтей. Перваго рода штрафы взымались съ духовенства за различные провинности. Само собою понятно, что этотъ доходъ не имѣлъ опредѣленнаго размѣра, а зависѣлъ какъ отъ строгости власти, такъ и отъ степени исправности самого духовенства. Интересно, что штрафы не всегда взымались деньгами. Провинившихся лицъ изъ духовенства—обычно причетниковъ—прикомандировывали къ академіи для исполненія обязанностей сторожа. Такъ было, напр., въ 1812 году. „Черкаскаго уѣзда села Смѣличинець пономаря Θεодора Руденка за неосновательные его отзвывы и ропотъ на невыгодность мѣста самимъ же имъ прошеннаго“ митрополитъ приказалъ „употребить при академическомъ правленіи и бурсѣ чрезъ одну недѣлю въ труды сторожевскіе“¹⁾. Къ штрафамъ второго рода нужно отнести тѣ взносы, которые дѣлались за необученіе дѣтей къ опредѣленному сроку непредставленіе въ указанныя лѣта въ академію, за укрывательство отъ школы и держаніе у себя бѣжавшихъ изъ школы, и за позднюю явку ихъ послѣ отпуска. Въ первый разъ въ Киевской академіи распоряженіе о штрафованіи за указанные проступки сдѣлано въ 1760 году. Тогдашній префектъ академіи Самуилъ Миславскій донесъ 1758 году митрополиту Арсенію Могилянскому, что, не смотря на указъ, изданный еще въ 1741 году митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, духовенство въ академію дѣтей своихъ не высылаетъ, а обучающихся уже въ ней удерживаетъ, не давая имъ окончить образованія. Вслѣдствіе этого доношенія въ 1759 году, по распоряженію митр. Гавріила, снова былъ посланъ въ духовныя правленія указъ о томъ же. Когда и

¹⁾ Акты К.-Бр. мов. и ак., собр. Аскач. т. 4. № 38. Штрафы съ духовенства въ пользу академіи собирались до 1823 г., а съ этого времени они стали поступать въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. (Аскаченскій „Кієвъ съ ак.“, прил. 281.

этотъ указъ не имѣлъ успѣха, то на новое доношеніе префекта, по распоряженію митрополита, былъ посланъ вторичный указъ. Въ томъ и другомъ указѣ на основаніи Регламента и указа Св. Синода 1731 года была подтверждена обязательная высылка дѣтей духовенства въ академію, а на основаніи указа Синода 23 февраля 1744 года повелѣно: „учинивъ достовѣрную справку, отъ кого именно и сколько сыновъ въ академію безъ благословныхъ винъ не выслано“, взимать штрафы „съ полученія и объявленія имъ онихъ прежде отпущенныхъ указовъ за каждой мѣсяць съ протопоповъ по два рубля, съ поповъ по рублю съ полтиною, съ діаконѣвъ по рублю и съ дачковъ и пономарей дѣйствительныхъ, буди гдѣ находятся, съ челоуѣка по 50 копѣекъ“. Деньги эти при вѣдомостяхъ, съ обозначеніемъ, съ кого, сколько и за что онѣ получены, должны отсылаться въ консисторію. О тѣхъ же, которые имѣютъ основательную причину остаться дома—болѣзнь или другую,—рапортовать немедленно въ консисторію, но по удаленіи причины присылать снова въ академію подѣ страхомъ двойного штрафа за неявку. Всякому, присланному въ академію, префектъ долженъ выдавать росписку въ томъ, что онъ въ академію явился и принятъ. Исполненіе указа должно быть произведено не позже, какъ въ двухнедѣльный срокъ. За неисполненіе властямъ указъ угрожалъ двойнымъ штрафомъ ¹⁾. Штрафныя деньги назначались на починку и постройку школъ и бурсъ ²⁾.

¹⁾ Консист. арх. д 1760 г. № 164. Указы о штрафованіи за неприсылку повторялись въ послѣдующее время весьма часто. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 10, № 109 (рук. б. к. ак. № 725).

²⁾ Деньги эти въ академическихъ приходо-расходныхъ книгахъ иногда разграничивались: одніе назначались на постройку и починку школъ, а другіи на постройку и починку бурсъ. (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12. рук. б. к. ак. № 725). Приблизительный доходъ денегъ на школы былъ болѣе ста рублей въ годъ. Это видно изъ того, что въ 1772 году по книгѣ, выданной въ 1763 году, слѣдовательно, за 4 года штрафныхъ денегъ было 541 р. 40 к. На бурсу же въ 1772 г. имѣлось всего только 11 рублей, но не извѣстно, за какое время они получены (тамъ же). Иногда же они шли въ общій счетъ. Съ 1759 г. съ сен-

Другой источникъ дохода, которымъ пользовалась академія, производившійся по приказанію митрополитовъ, были вакантные приходы. Если умиралъ какой нибудь священникъ, то исполненіе его обязанностей поручалось кому - нибудь другому изъ находящихся на мѣстѣ священниковъ. При этомъ половина дохода шла въ пользу исполняющаго должность, а другая половина за вычетомъ пошлинъ назначалась на академію ¹⁾. Накопецъ, въ пользу академіи иногда взымалась плата со ставленниковъ ²⁾. Незначительный доходъ академіи имѣла съ книжной лавки, которая учреждена при ней въ 1763 году по приказанію митр. Арсенія. Валовой доходъ отъ продажи книгъ равнялся приблизительно 300 р. ³⁾.

В. Серебrenиковъ.

(Продолженіе будетъ).

тября по 1767 г. мартъ штрафныхъ денегъ получено 799 р. 18 к. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 2 № 1.

¹⁾ Вотъ какъ распредѣлялись эти доходы. Въ селѣ Томашовкѣ за 1776 г. получено всего 29 р. 1 к. доходу. „з того числа, говорится въ рапортѣ томашевскихъ священниковъ, въ силу указа духовной консисторіи оставлено священникамъ за трудъ половину, да на заплату на домъ архіерейскій столовыхъ, мировыхъ, солодовыхъ и на консисторскую канцелярію и на духовное Сибіанское правленіе з вакантной томашовской парафіи части надлежащихъ пяти рублей пяти копѣекъ, оставлено въ... для отсылки въ кіевскую академію по указу всего девять рублей сорокъ пять копѣекъ“. Конс. арх. д. 1777 г. № 561.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 2, № 1. Здѣсь при перечисленія денегъ, полученныхъ на постройку бурсъ, однажды упомянуты деньги, полученные „отъ промушшихся ставленниковъ“.

³⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 105 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 3, № 92. Кіев. Еп. Вѣд. 1893 г. № 20 „Инструкция“.

ПРОПОВѢДИ

І КИФОРА ΘΕΟΤ

(Продолженіе)*).

I.

Ударъ, нанесенный Греціи мусульманскимъ мечомъ, отразился самыми гибельными послѣдствіями на всѣхъ сторонахъ ея жизни. Церковная проповѣдь не могла, конечно, составить въ этомъ случаѣ исключенія. Можно сказать, что съ паденіемъ Константинополя надолго пала и проповѣдь Греціи. И вотъ страна, давшая міру замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ, знаменитѣйшихъ ораторовъ, страна, такъ высоко цѣнившая словесное искусство,—теперь настолько ослабѣла, что въ продолженіе почти трехъ столѣтій лишь изрѣдка слышалось въ ней живое проповѣдное слово. Сааа и Экономость¹⁾ указываютъ на продолженіи всего XV столѣтія одного проповѣдника—патріарха Геннадія. Въ XVI вѣкѣ просвѣщеніе въ Греціи нисколько не поднялось, и въ это время мы видимъ нѣсколько образованныхъ лицъ, поборовшихъ, такъ сказать, всѣ препятствія своего времени и послужившихъ церкви въ качествѣ проповѣдниковъ слова Божія. Общій тонъ ихъ проповѣди всегда почти полемическій—обличеніе отступленія Запада и опроверженіе лютеран-

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, м. сентябрь 1894 г.

¹⁾ За исключеніемъ общихъ курсовъ литературы (Ризо, Рапкави), куда только отчасти входитъ проповѣдничество, это единственные историки по вопросу о состояніи проповѣди въ Греціи послѣ паденія Константинополя.

скихъ заблужденій. Изъ проповѣдниковъ XVI вѣка Сава указываетъ Пахомія Русана, Дамаскина Студита, Мелетія Пигаса и др.¹⁾ Въ XVII вѣкѣ выдающимся проповѣдникомъ былъ Ілія Минятей. Отъ него остался сборникъ бесѣдъ на Четырдесятницу. Въ свое время онѣ были переведены на русскій языкъ и назначались для произношенія въ церквахъ.

Съ XVIII вѣка особенно со второй половины, поработенный греческій народъ какъ бы проснулся отъ глубокаго сна, въ который повергло его вѣковое невѣжество. Въ разныхъ мѣстахъ Греціи начинаютъ появляться школы съ довольно обширнымъ курсомъ обученія. Въ то же время на различныхъ поприщахъ выступаютъ даровитые люди и посвящаютъ всѣ свои силы нравственному и умственному возрожденію угнетенныхъ соплеменниковъ. При такихъ измѣнившихся условіяхъ замѣтно ожила и церковная проповѣдь. Больше всѣхъ для возрожденія греческой проповѣди сдѣлалъ Никифоръ Θεοτοки. Всѣ греческіе ученые, читавшіе проповѣди Никифора, превозносятъ его до небесъ. Извѣстный архимандритъ Германъ Григора въ предисловіи къ сборнику словъ Никифора на Четырдесятницу называетъ его „новымъ этцомъ церкви“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что незнаніе проповѣдей Θεοτοки есть величайшее невѣжество и даже не возможно, ибо ихъ читаетъ вся Эллада. Проповѣди Никифора не утратили своего значенія до настоящаго времени: во многихъ церквахъ Греціи (Халки) ихъ читаютъ во время богослуженія.

Никифоръ началъ проповѣдническую дѣятельность довольно рано и затѣмъ непрерывно продолжалъ ее до старости. Первую проповѣдь онъ произнесъ въ санѣ діакона, когда ему еще не было двадцати лѣтъ. Вскорѣ послѣ этого онъ получаетъ должность іерокирикса и проповѣдуетъ на Корфѣ подрядъ три Четырдесятницы (1763; 64, 65 г. г.).

¹⁾ Νεοελλ. Φιλ., 150—2.

Немного спустя его приглашаютъ, какъ краснорѣчиваго проповѣдника, въ Константинополь, гдѣ изъ-за проповѣди онъ терпитъ публичное оскорбленіе. Въ Лейпцигѣ молодого проповѣдника собираются слушать мѣстные профессора и многочисленный народъ. И живши въ Яссахъ, Никифоръ не оставался безмолвнымъ и не разъ отверзалъ свои „медоточивыя уста“. По прибытіи въ Россію, первое время онъ не могъ говорить проповѣдей, по незнанію языка. Но онъ скоро изучилъ его и сталъ проповѣдывать. Къ сожалѣнію, проповѣди, сказанныя Никифоромъ въ Россію, существуютъ лишь въ рукописяхъ и составляютъ достояніе немногихъ духовныхъ лицъ Астраханской и Полтавской епархій ¹⁾. Послѣ Никифора осталось два сборника проповѣдей. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе „Λόγοι εἰς τὴν ἁγίαν καὶ μεγάλην Τέσσαρακοντην“ ²⁾. Въ него вошли проповѣди, сказанныя Никифоромъ на родинѣ. Изъ нихъ два слова надгробныя—на смерть Спиридона, Керкирскаго протопопа и іеромонаха Даніила (первая проповѣдь Никифора); четыре огласительныя, сказанныя при постриженіи монахинь въ промежутокъ времени 1756—65 г. г.; два панегирическія—на Рождество Предтечи и въ день св. Спиридона; одно похвальное въ день Успенія Божіей Матери и двадцать словъ, сказанныхъ въ воскресные дни Четырнадцатницы.

Проповѣди, вошедшія въ этотъ сборникъ, отличаются простотой и безыскусственностію настроенія. Послѣднее обстоятельство было причиной того, что Никифоръ весьма долго не рѣшался издавать ихъ въ свѣтъ. Только убѣжденія его друга Іеремиі Кавадіи, и многочисленныхъ друзей, а также

¹⁾ Одинъ изъ такихъ сборниковъ случайно попалъ въ бібліотеку Киевской академіи. Въ немъ кромѣ слова на отшествіе изъ епархій, находится и другое слово Никифора въ кедѣлю Оомы.

²⁾ Сборникъ выдержалъ два изданія—въ Лейпцигѣ (1766 г.) и Іерусалимѣ (1854 г.).

сознаніе, что и простое слово можетъ принести пользу, склонили, наконецъ, Никифора приступить къ изданію.

При всей видимой простотѣ, проповѣди, помѣщенные въ упомянутомъ сборникѣ, оказались въ высшей степени пригодными не только для церковнаго употребленія, но и для домашняго чтенія. Если при этомъ взять во вниманіе, что современники Никифора утратили уже знаніе древняго своего языка и не могли свободно пользоваться святоотеческими твореніями, то значеніе сборника проповѣдей на Четырдесятницу еще больше увеличится, такъ какъ всѣ проповѣди изложены здѣсь общедоступнымъ языкомъ, который употребляютъ всѣ вообще греки. Какъ высоко цѣнили сами греки „Слово на Четырдесятницу“, можно видѣть изъ того предисловія, какое сдѣлалъ архимандритъ Германъ Григора во второму изданію ихъ въ Іерусалимѣ. Сравнивая эти слова съ поученіями, помѣщенными въ Киріакодроміонѣ, онъ говоритъ: „безспорно, что они и по изложенію, и по содержанію, и вообще во всемъ строеніи очень много уступаютъ медоточивымъ Киріакодроміамъ, но послѣднія написаны въ преклонномъ возрастѣ, убѣленномъ многочисленными опытами, тѣ же—въ юномъ возрастѣ, собирающемъ цвѣты на лугахъ свѣтскихъ и духовныхъ наукъ для образованія ума и языка... Несмотря на это, поученія боголюбиваго іеродидаסקала не совсѣмъ лишены словесной силы и ораторскихъ достоинствъ. Важнѣе же всего то, что въ нихъ процвѣтаетъ ревность Божія по разуму, плодотворная вѣра, свыше таинственно питаемая, и любовь къ ближнему живая, дѣятельная и всепрощающая“. Далѣе Григора приводитъ мнѣніе извѣстнаго Стурдзы. Послѣдній прежде всего обращаетъ вниманіе на своеобразный языкъ Θεοτοκi, который, будучи очищенъ отъ иностранныхъ примѣсей путемъ напряженнаго изученія классическихъ произведеній, принялъ у него „серіозный и съ важностью улыбающійся видъ“. Разсматривая проповѣди Никифора со стороны содержанія, Стурдза находитъ въ нихъ

„сжатость суждений, непоколебимую силу убѣжденія и горячую вѣру въ Бога“. Эти черты, какъ неразлучные друзья, живущіе подъ одной кровлей, присущи всѣмъ поученіямъ Оеотоки вообще и „Словамъ на Четырдесятницу“ въ частности, которыя „и до настоящаго времени доставляютъ общее и душеспасительное чтеніе христіанамъ, черпающимъ изъ нихъ, какъ изъ свѣтотекущаго источника, спасительное ученіе“.

Сборникъ поученій на Четырдесятницу переведенъ на русскій языкъ, но существуетъ только въ рукописи. Въ печати же у насъ имѣется лишь четыре огласительныя слова ²⁾, взятыхъ изъ упомянутаго сборника. Необходимо при этомъ замѣтить, что переводчикъ огласительныхъ словъ допустилъ двойную ошибку, озаглавивъ все изданіе такъ: „Четыре слова огласительныя къ монахинѣ, сочиненныя и говоренныя 1766 года іеромонахомъ Никифоромъ“. Какъ выше указано было, Никифоръ въ 1766 году былъ въ Лейпцигѣ и огласительныхъ словъ говорить не могъ. Послѣднія были сказаны имъ гораздо раньше, когда онъ былъ еще на родинѣ. По свидѣтельству Брокинни, Никифоръ совершилъ на Корфу пять или шесть постриженій въ монахини. Вотъ тогда-то онъ и произнесъ ихъ и при томъ не всѣ заразъ, а при каждомъ постриженіи отдѣльно.

Вторымъ и послѣднимъ гомилетическимъ трудомъ Никифора, гдѣ вылились всѣ его богословскія познанія, гдѣ ясно опредѣлился его проповѣдническій талантъ,—былъ знаменитый его „Κοριακοδόριον“ ³⁾. Любопытно предисловіе автора

¹⁾ Переводъ сдѣланъ бывшимъ синодальнымъ переводчикомъ Писаревымъ. См. Слов. Ист., III, 98.

²⁾ Изданіе Козельской Оптиной пустыни.

³⁾ Полное заглавіе: „Κοριακοδόριον ἥτοι Ἐρημνεῖα καὶ μετ' αὐτὴν Νῆκη ὁμιλία εἰς τὸ κατὰ πάσαν Κοριακὴν ἐν ταῖς ἀγίαις τῶν ὀρθόδοξων Ἐκκλησίαις ἀναγινωσκόμενον Εὐαγγέλιον“. Первый разъ издано въ 1796 г. на средства братьевъ Зосимидовъ.

въ этому изданію. „Евангельское слово, говорить онъ, проповѣдуется въ церкви каждый день, народъ же Божій собирается въ нее преимущественно въ воскресенье, и хотя многіе слушаютъ, однако очень немногіе понимаютъ его смыслъ, что достойно всякаго сожалѣнія. Ибо слово Божіе, попадая въ уши не понимающихъ его, подвергается участи зерна, посѣяннаго на камняхъ, т. е. остается непроезвонимымъ, какъ безплодное сѣмя. Послѣдуя апостольскому установленію, древніе пастыри и учителя послѣ прочтенія боговдохновенныхъ писаній предлагали для предстоящаго народа толкованіе прочитаннаго... До сихъ поръ мы имѣемъ премудрыя и исполненныя благодати толкованія, хотя не всѣхъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ. Итакъ, прилично было бы, чтобы ихъ всегда читали въ церквахъ. Но такъ какъ все-сокрушающее время и другія обстоятельства уничтожили общее употребленіе, а слѣдовательно и общее пониманіе этого золотого языка, на которомъ они написаны, то чтеніе ихъ въ церковныхъ собраніяхъ сдѣлалось лишнимъ.

Желая сколько нибудь помочь такому несчастію, мы рѣшили составить на каждую недѣлю толкованіе Евангелія съ присовокупленіемъ нравоучительной бесѣды, не полагаясь на собственную силу, но пользуясь толкованіями святыхъ мужей и почерпая изъ нихъ, какъ изъ спасительныхъ источниковъ, очень многое.

Мы не слѣдовали (при изложеніи) діалекту нашихъ праотцевъ, который теперь всѣмъ вообще непонятенъ, равно и тому, который употребляется простаками на рынкахъ и площадяхъ. Послѣдній по причинѣ испорченности, привнесенія чужеземныхъ выраженій и черезъ многіе другіе недостатки сдѣлался негоднымъ для всякаго вообще письменнаго изложенія, особенно же для изясненія божественныхъ ученій, какъ уменьшающій ихъ величіе, унижающій высоту и затрудняющій ясное изложеніе мыслей въ нихъ заключающихся. Мы слѣдовали другому діалекту, очищенному, на-

сколько то возможно, отъ всякихъ недостатковъ, близкому къ эллинскому (древнему), простому, повсюду употребляемому и даже дѣтямъ доступному“.

Въ заключеніе Никифоръ обращается къ церковнымъ служителямъ и проситъ ихъ читать его книгу въ церквахъ возможно чаще „ибо, такимъ образомъ, заключающееся въ ней толкованіе слова Божія не коснется только ушей, но войдетъ въ сердце; войдя же не выйдетъ тщетнымъ, но принесетъ добродѣтельный и спасительный плодъ, чего, заканчиваеъ онъ, мы просимъ всѣмъ сердцемъ и душой отъ сошедшаго съ неба посѣять свое сѣмя Господа нашего Іисуса Христа, Подателя всѣхъ благъ и Спасителя міра“.

Какъ выше было замѣчено, первое изданіе Кириакодроміона было предпринято на средства богатыхъ грековъ, братьевъ Зосимадовъ; все изданіе было бесплатно роздано греческимъ церквамъ. Второе изданіе ¹⁾, вслѣдствіе недостатка средствъ, вышло тридцать лѣтъ спустя, при содѣйствіи графа Іоанна Каподистріи. Послѣ этого въ Греціи быстро слѣдовали еще три изданія Кириакодроміона: въ Аѳинахъ въ 1840 году, тамъ же въ 1854 году (двѣ тысячи экземпляровъ) и въ Триполисѣ въ 1871—72 г.г.

Вторая часть Кириакодроміона заключаетъ въ себѣ бесѣды и толкованія на апостольскія воскресныя чтенія ²⁾. Первое изданіе второй части Кириакодроміона появилось уже послѣ смерти Никифора. Зосимады, присутствовавшіе при послѣднихъ минутахъ Ѳеотоки, лично получили отъ него рукописные списки „Толкованій на Апостола“ и

¹⁾ Это изданіе вышло и у насъ, въ Москвѣ, съ 1836 г. на средства Гроба Господня.

²⁾ Полное заглавіе: „Κυριακοδρόμιον, ἧτοι Ἑρμηνεία καὶ μετ' αὐτὴν Ἑθνικὴ ὁμιλία εἰς τὰς, τῶν Ἀποστόλων Πράξεις τὰς ἀναγινωσκομένας ἐν ταῖς ἀγίαις τῶν ὀρθοδόξων Ἑκκλησίαις ἐν ταῖς Κυριακαῖς ἀπὸ τοῦ Πάτρις Ἀρχιεπισκόπου Πεντηκ.στῆς καὶ εἰς τὰς ἐπιστολάς τοῦ Παύλου τὰς ἀναγινωσκομένας ἐν ταῖς λοιπαῖς Κυριακαῖς τοῦ ὅλου ἔτους“.

издали ихъ въ Москвѣ съ 1808 года въ двухъ большихъ томахъ. Послѣ этого они перепечатывались еще три раза вмѣстѣ съ первой частью Кириакодроміона—въ 1840, 54, 71—72 г. г.

Уже это одно перечисленіе изданій Кириакодромій достаточно показываетъ, какое они имѣли громадное значеніе. Необходимо при этомъ помнить, что у грековъ дѣло изданія книгъ ведется съ большимъ трудомъ; нерѣдко, напр., прибѣгаютъ къ предварительной подпискѣ жертвователей для изданія этой или другой книги, и вообще только немногія книги выходятъ у нихъ вторымъ, а тѣмъ болѣе третьимъ изданіемъ, при томъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Кириакодроміи же, какъ мы видѣли, выдержали въ продолженіе семидесяти съ лишнимъ лѣтъ пять изданій во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Такое вниманіе оказано было твореніямъ Никифора ради особенной ихъ пользы. Это подтверждаютъ всѣ, читавшіе Кириакодроміи, и особенно архимандритъ Германъ Григора, слова котораго мы приводили раньше. О Кириакодроміяхъ онъ говоритъ такъ. „Никто изъ чадъ православной церкви не не знаетъ преславнаго имени составителя Кириакодромій, кромѣ развѣ того, кто вообще страдаетъ полнымъ невѣжествомъ и глухотой... Кто, читая или слушая Кириакодроміи, не сокрушался сердечно? Или кто не удивлялся богоразумію этого мужа, его ревности о спасеніи ближнихъ, богатству познаній и глубинѣ толкованій слова Божія? А вѣщная медоточивость его слова, соединенная съ внутреннимъ огнемъ, чей не обвораживала слухъ, подобно сиренамъ, или чье сердце не смягчала больше елей?

Сказать ли, что со мной происходитъ? Когда я беру въ руки эту книгу и читая поднимаюсь впередъ, тотчасъ мой умъ невольно представляетъ истолковательныя творенія Василия и Златоуста, языкъ же самъ собой нашептываетъ то, что сказано объ этихъ двухъ богопочиныхъ мужахъ лучшимъ изъ нашихъ критиковъ, Фотиѣмъ: „по изложенію мыслей онъ

(Никифоръ) первый, и второго нѣтъ. Онъ приверженецъ убѣдительности, ясности, и—какъ бы ручей, текущій изъ неисощимаго источника. Вообще по выраженію, строю, методу, обилію примѣровъ и по всему составу его творенія—превосходны и заставляютъ удивляться этому преблаженному человѣку, который во всѣхъ словахъ ставилъ одну цѣль—пользу слушателей. Думаю, что меня никто не упрекнетъ за такое превозношеніе и столь смѣлое сравненіе, даже и тотъ, кто не устами только вкусилъ твореній отцевъ, но тщательно изслѣдовалъ, что ими написано, и старательно изучилъ ихъ мысли жизнь и самое время, въ которое они жили“.

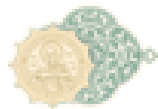
Не менѣе восторженный отзывъ данъ о Кириакодроміихъ неизвѣстнымъ авторомъ біографіи Никифора, помѣщенной въ Пандор'ѣ за 1871 годъ. „Немногія книги, говорится здѣсь, пріобрѣли себѣ такую справедливую и достойную похвалу, разыскивались съ такимъ напряженіемъ и читались съ такимъ стараніемъ и пользой, какъ Кириакодроміи славнаго Θεотоки. И почему это? Потому, что Θεотоки, изъясняя евангельское ученіе прежде всего самъ имѣлъ глубокое убѣжденіе въ его истинѣ, и потому, что кромѣ убѣжденія, которое способствуетъ легче начертывать въ сердцахъ евангельскія заповѣди, безъ неумѣстнаго многословія и вымысленныхъ оборотовъ, украшалъ свое слово особенно замѣчательною ясностью, пріятностью и привлекательностью. Вотъ почему съ 1796 г. Кириакодроміи часто печатались цѣлыми тысячами экземпляровъ и всегда принимались, какъ новое и свѣжее твореніе. Нравственно-христіанское ученіе заключающееся въ нихъ, гармоническая прелесть котораго обвораживаетъ даже невзыскательный слухъ и трогаетъ самыя загрубѣлыя сердца, пригодно для всякаго времени, для всѣхъ вѣковъ“.

Гуда, болѣе всѣхъ изучавшій творенія Никифора, полагаетъ, что Кириакодроміи вполне могли бы обезсмертить имя Θεотоки, даже если бы онъ ничего не сдѣлалъ, ничего другого не написалъ. Далѣе, обращая вниманіе, главнымъ образомъ,

на нравственно воспитательное значеніе Киріакодроміи, Гуда говорить слѣдующее: „несомнѣнно, если бы на каждой епископской или митрополичьей кафедрѣ сидѣлъ одинъ Θεотоки, то всѣ пороки уничтожились бы, какъ бы по магическому дѣйствію, а добродѣтели цвѣли и благоухали, какъ пахучіе цвѣты весной на плодоносномъ лугу, когда рассматривающій этотъ лугъ не имѣетъ достаточно словъ ни для того, чтобы прославлять всемогущество Провидѣнія, ни для того, чтобы удивляться красотѣ природы. Такъ бы цвѣли и монастыри, если бы на іерархическихъ тронахъ сидѣли Θεотоки“¹⁾.

Киріакодроміи обратили общее вниманіе Греціи. Синодъ и правительство прилагали все стараніе къ тому, чтобы творенія Θεотоки распространялись въ государствѣ въ возможно большемъ количествѣ. Синодъ сдѣлалъ особое распоряженіе, чтобы „Толкованія на Евангеліе“ читались во всѣхъ церквахъ, въ восполненіе недостатка іерокириковъ, и обязалъ каждую епархію пріобрѣсть на собственные средства хотя одинъ экземпляръ Киріакодроміи. Для того же, чтобы дать возможность пріобрѣсть ихъ даже бѣднѣйшимъ епархіямъ, Синодъ облегчилъ расходы по части изданія пастолько, что уже не представлялось никакого затрудненія имѣть „Толкованія“ не только для церкви, но и для дома. Съ своей стороны и правительство, сознавая громадное значеніе Киріакодроміи въ дѣлѣ нравственно-религіознаго просвѣщенія народа, постановило спеціальнымъ закономъ, чтобы каждая димархія непременно пріобрѣла для себя по крайней мѣрѣ одинъ экземпляръ ихъ. Благодаря такимъ энергичнымъ дѣйствіямъ Киріакодроміи скоро стали необходимой принадлежностью въ каждой церкви и настольною книгою почти въ каждомъ домѣ. Въ Греціи всѣ ихъ знаютъ и читаютъ съ большою пользою и увлеченіемъ. Несмотря на это, Киріакодроміи, какъ и всѣ сочиненія Θεотоки, нигдѣ не подвергнуты

¹⁾ Вѣст. пар., 64, 69.

критическому разбору и надлежащему суду. Кромѣ тѣхъ похвалъ, которыя почти всегда воздаются имъ въ предисловіяхъ, греки больше ничего для нихъ не сдѣлали, или, какъ говоритъ Стурдза, „всѣ изъ нихъ черпають, какъ изъ свѣтло-текущаго источника, и больше ничего не дѣлають“.

М. Соловьевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДРЕВНЯГО КІЕВА.

*(Продолженіе *).*

IV.

Старый городъ.

Старый или верхній городъ Кіевъ, расположенный главнымъ образомъ на Андреевской и сосѣднихъ съ нею горахъ, въ древности ограничивался нынѣшнимъ сѣвернымъ склономъ Крещатицкой долины, Прорѣзною, Малоподвальною и Большою Подвальною улицами, Львовскою или Сѣбною площадью и восточными выступами старокіевскихъ горъ по-за Большой Житомирской улицѣ, Десятинной, Андреевской и Васильевской церквамъ и Златоверхо-Михайловскому монастырю. Но и на этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ древній верхній Кіевъ образовался не вдругъ, а постепенно.

Сначала верхній Кіевъ занималъ небольшой сѣверо-восточный уголъ Старокіевской горы между нынѣшними церквами Десятинною, Андреевскою и Васильевскою, южнымъ концомъ Большой Житомирской улицы до пересѣченія ея

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. августъ 1896 г.
Труды Кіев. дух. Акад. Т. III. 1896 г.

Большою Владимірскою улицею и сѣвернымъ склономъ Андреевской горы или древней Уздыхальницы къ Кожемякамъ. Здѣсь на горѣ, надъ Боричевымъ взвозомъ, сидѣлъ Кій, баснословный основатель города Кіева: „и сѣдѣше Кій на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ“,—говоритъ лѣтопись¹⁾. Этотъ взвозъ получилъ названіе, а вѣроятно и начало свое отъ нѣкоего Борича, который упоминается въ 945 году въ числѣ пословъ отъ Игоря Рюриковича въ Царьградъ для заключенія договора²⁾. Мѣстность эта и сама уже по себѣ представляла естественное укрѣпленіе, такъ какъ съ восточной—сѣверной и южной сторонъ защищена была крутыми горными выступами, а съ западной стороны—глубокимъ оврагомъ, который отчасти и теперь еще видѣнъ со стороны Крещатика и оканчивается недалеко отъ Михайловскаго монастыря. Въ древности онъ пересѣкалъ нынѣшнюю площадь между Михайловскимъ монастыремъ и Присутственными мѣстами, проходилъ южнымъ концомъ нынѣшней Большой Житомирской улицы и за угломъ этой и Большой Владимірской улицъ впадалъ въ Кожемяцкое ущелье³⁾. Но рано появляются здѣсь и искусственныя укрѣпленія, въ связи съ которыми, по всей вѣроятности, стоитъ и устройство „Боричева взвоза“. Въ 945 году „городъ“ (укрѣпленіе) занималъ небольшое пространство, на которомъ впоследствии были только два двора Гордятинъ и Никифоровъ⁴⁾. Но при св. Владимірѣ онъ простирался на западъ до нынѣшней Большой Владимірской улицы и, вѣроятно, имѣлъ уже трое крѣпостныхъ воротъ: западныя, южныя и сѣверо-восточныя. Западныя, которыми въ 1037 году вышелъ Ярославъ I на битву съ печенѣгами, находились пе-

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., I, стр. 3, 4, 6 и 7.

²⁾ „Исторія русскаго права“, Д. Самоковскаго, изд. 1. Варшава, 1888 г., стр. 183.

³⁾ „Къ древней топографіи Кіева“, А. Маркевича, въ „Кіевской Старинѣ“, декабрь, 1887 г., стр. 786.

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 5.

редъ самымъ пересѣченіемъ Большой Владимірской улицы Большою Житомирскою, противъ старокіевской аптеки, гдѣ въ 1893 году и открыты были ихъ фундаменты при устройствѣ канализаціи¹⁾. Впослѣдствіи они назывались Софійскими и Батыевыми. Передъ ними, со стороны Софійскаго собора, былъ оврагъ, черезъ который перекинутъ былъ мостъ²⁾. На южныя ворота есть указаніе въ лѣтописномъ разсказѣ объ убіеніи св. князя Игоря Ольговича кіевлянами въ 1147 году. Когда народъ шелъ отъ Софійскаго собора по мосту передъ Софійскими воротами убивать Игоря, то князь Владимір Мстиславичъ, желая защитить Игоря и предупредить народъ, поѣхалъ направо, со стороны Михайловскаго монастыря³⁾. Были еще древнія ворота на Подоль надъ нынѣшнимъ Андреевскимъ спускомъ, обозначенныя на планѣ Кальнофойскаго 1638 года⁴⁾. Внутри этого городка находились княжескіе терема, церкви—Софійская, три Васильевскія, Десятинная, Воздвиженская и Никитская и монастыри Андреевъ Япчинъ и Феодоровскій. На западъ отъ этого городка на Лыбеди, было село Предславино, гдѣ жила когда-то одна изъ женъ св. Владиміра Рогнѣда, а потомъ дочь ея Предслава. Здѣсь же, на западъ отъ стараго Кіева, упоминаются въ лѣтописи, подъ 1146 годомъ, какіе-то валы, вѣроятно, составлявшіе форпостъ Кіевской крѣпости⁵⁾.

Въ 1037 году Ярославъ I присоединилъ къ первоначальному городку значительное пространство на западъ и сѣверо-западъ отъ него и обнесъ это пространство стѣною и валомъ, который шелъ отъ нынѣшняго зданія Реального Учи-

¹⁾ По личнымъ наблюденіямъ автора.

²⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, стр. 101.

³⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 18.

⁴⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 г., изд. В. И. Ханенко, Кіевъ, 1896 года, табл. 3, № 54.

⁵⁾ „Очеркъ исторіи Кіевской земли“, М. Грушевскаго, Кіевъ, 1891 г., стр. 16—17.

лица мимо Присутственныхъ мѣстъ, огибалъ нынѣшній Ирининскій памятникъ и, пересѣкая нынѣшнюю Большую Владимірскую улицу, простирался до Золотыхъ Воротъ и до нынѣшней Львовской или Сѣвннй площади, а оттуда поворачивалъ на юго-востокъ и по-за Б. Житомирскою улицею шель по горамъ до соединенія съ прежнимъ городкомъ. Въ этомъ Ярославовомъ городѣ устроено было трое воротъ: на югѣ Лядскія къ нынѣшнему Крепцатику, на сѣверѣ—Жидовскія, названныя впоследствии Львовскими и Ивановскими, а на западѣ—Золотыя съ Благовѣщенскою надъ ними церковію. Внутри Ярославова города были храмы и монастыри: Софійскій соборъ, Георгіевскій и Ирининскій женскій монастыри и Екатерининскій ¹⁾.

Третье отдѣленіе стараго Кіева было Михайловское, занимаемое нынѣ Златоверхо-Михайловскимъ монастыремъ, гдѣ въ 1062 году Изяславъ Ярославичъ построилъ Дмитріевскій монастырь, а сынъ его Святосполкъ—Михаилъ Изяславичъ основалъ въ 1108 году Михайловскій монастырь ²⁾. Этотъ монастырь, повидимому, долго не входилъ въ черту укрѣпленій стараго или верхняго Кіева и, находясь на крутой горѣ, между ярами, обнесенъ былъ только монастырскою оградой, которая отчетливо и видна на планѣ Кальнофойскаго 1638 года, если разсматривать его съ оборотной стороны. Въ сѣверо-восточномъ углу Михайловскаго монастыря, въ его оградѣ, видны на этомъ планѣ ворота на Подоль ³⁾, къ Михайловскому или Рождественскому спуску.

Такъ какъ старый Кіевъ совмѣщалъ въ себѣ лучшія постройки и богатые сокровища, то онъ преимущественно

¹⁾ Тамъ-же и стр. 381; „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 8, 11 и слѣд.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, I. 9 и 13.

³⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 г.“, изд. Хапенца. Кіевъ, 1896 года.

становился жертвою хищничества со стороны не только ино-племенниковъ, но и самихъ же русскихъ князей, овладѣвавшихъ Кіевомъ. Въ 1018 году польскій король Болеславъ Храбрый, тестъ Святополка Окаяннаго, взялъ Кіевъ и получилъ здѣсь большія богатства, изъ которыхъ большую часть роздалъ сподвижникамъ своимъ, а часть отослалъ домой. Въ 1068 году Болеславъ II Смѣлый занялъ Кіевъ для родственника своего Изяслава Ярославича, при чемъ польское войско, находясь въ Кіевѣ, допускало своеволія¹⁾. Въ 1169 году сынъ Андрея Боголюбскаго Мстиславъ Андреевичъ взялъ Кіевъ и подвергъ его двухдневному разграбленію: „и грабиша за два дни весь градъ: Подолье, и Гору, и монастыри, и Софію и Десятинную Богородицю, и не бысть помилованья никому же... И взяша имѣнья множество, и церкви обнажиша иконами и книгами, и колоколы изнесоша всѣ..., и вся святыни взята бысть“. Въ 1203 году Рюрикъ Ростиславичъ, добываясь возвращенія себѣ великокняжескаго стола Кіевскаго, напалъ на Кіевъ въ союзѣ съ Ольговичами черниговскими и половцами, взялъ его и подвергъ разграбленію. При этомъ не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и митрополію Святую Софію разграбиша, и Десятинную Святую Богородицю разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поймаша и кресты честные, и ссуды священныя, и книги, и порты блаженныхъ первыхъ князей“, и проч.²⁾. Наконецъ, въ 1240 году Батый почти совершенно разрушилъ старый городъ. Татары ворвались въ старокіевскія укрѣпленія съ юга, отъ Лядскихъ воротъ, и сначала овладѣли Ярославовымъ городомъ, а на другой день взяли Владиміровъ городъ (Андреевское отдѣленіе стараго Кіева) и послѣднее въ немъ убѣжище для осаждаемыхъ Десятинную церковь, которая обрушилась подъ тяжестію

¹⁾ „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, И. Личиченко, часть I, Кіевъ, 1884 г., стр. 88, 89, 109 и слѣд.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи“, 1874 г. I, 25, 26 и 29.

осажденных киевлянъ и ихъ имущества¹⁾. На этомъ-то пути татарскаго побѣднаго шествія и разрушены были древнѣе терема княжескіе, церкви и монастыри,—такъ что въ настоящее время трудно даже указать ихъ мѣстоположеніе, тогда какъ Софійскій соборъ и Златоверхо-Михайловскій монастырь съ Трехсвятительскою или Васильевскою церковію, бывшіе въ сторонѣ отъ этого пути, болѣе или менѣе уцѣлѣли. Долго сохранялись, послѣ Батыева разгрома, и старыя земляныя укрѣпленія верхняго Кіева. Въ 1595 году киевскій латинскій бискупъ Верещинскій писалъ о старо-киевскомъ кремлѣ, что онъ „занимаетъ мѣсто стараго стольнаго кремля; онъ раздѣленъ въ срединѣ на двѣ половины двумя огромными валами, а вокругъ обсыпанъ также огромнымъ валомъ“²⁾.

Еще большому запустѣнію разореннаго татарами верхняго Кіева содѣйствовало то обстоятельство, что въ литовскій періодъ исторіи Кіева, со второй половины XIV вѣка, построенъ былъ новый киевскій замокъ на горѣ Киселевкѣ, надъ Флоровскимъ женскимъ монастыремъ, а старо-киевскія укрѣпленія были заброшены. Въ началѣ XVI вѣка киевскіе мѣщане держали еще „сторожу отъ поля на валу у воротъ Золотыхъ“, но въ 1545 году они уже не держали ее, а давали воеводѣ сторожевщины по 15 копѣ грошей въ годъ³⁾. Признаки жизни на старомъ городѣ пробивались только около Софійскаго собора и Златоверхо-Михайловскаго монастыря, да—пожалуй—около Крестовоздвиженской церкви, стоявшей на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви. Вѣроятно, послѣ Менгли-Гиреева разоренія Кіева въ 1482 году, въ началѣ XVI вѣка Кіево-Софійскому кафедральному митрополитанскому собору отданы были земли запустѣвшаго стараго города, подобно тому, какъ

¹⁾ Тамъ же, I, 30.

²⁾ „Кіевская Старина“, мартъ, 1894 г., стр. 407.

³⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“, 1874 г., III, 26, 30

около того же времени отданы были пустыя земли на Печерскѣ и Кловѣ Печерской лаврѣ и Никольскому монастырю. Въ описаніи Кіева и кievскаго замка королевскими люстраторами 1545 года сказано, что въ это время „въ Кіеве городищи старомъ“ сидѣли „люди митрополскіе“, и упоминаются „люди митрополыи Спасскіе“, т. е. прихожане Спасской церкви, что на жидовскомъ городѣ. Передъ 1586 годомъ кievскій воевода князь К. К. Острожскій приказалъ своему намѣстнику, князю Матушѣ со Збаража Вороницкому, сдѣлать вызовъ желающихъ поселиться около Софійскаго собора, между валами, на пустомъ издавна мѣстѣ, съ предоставленіемъ имъ льготъ на 24 года, вслѣдствіе чего къ 1586 году на этомъ мѣстѣ образовалась слобода съ шинками¹⁾. Въ 1595 году въ этой слободѣ жило значительное число „загородниковъ, которые,—по словамъ бискупа Верещипскаго,—съ разрѣшенія кievскаго митрополита и архимандрита, выстроили нѣсколько десятковъ хатъ въ нагорныхъ валахъ“²⁾. Вѣроятно, какъ для новообразованной Софійской слободы, такъ и для прежняго населенія стараго Кіева, къ концу XVI вѣка, кромѣ Воздвиженской церкви, возстанавливаются здѣсь на старыхъ основаніяхъ или развалинахъ и надстраиваются большею частію деревянныя церкви Николаевская Десятинная, Нивитская и Васильевская или Трехсвятительская³⁾.

Съ провозглашеніемъ въ 1596 году Брестской церковной уніи, одинъ изъ главныхъ виновниковъ ея митрополитъ Михаилъ Рагоза занялъ чрезъ своего намѣстника Якуба Крушинскаго Кіево-Софійскій соборъ, а вмѣстѣ съ нимъ, по всей вѣроятности, и приходскія церкви въ Софійской слободѣ, принадлежавшей непосредственно митрополиту и его кааед-

¹⁾ Тамъ же III, 28, 32, 50—52.

²⁾ „Кіевская Старина“, мартъ, 1894 г. стр. 419.

³⁾ Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“, С. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1891 г., стр. 58, „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г. № 12, стр. 357 и 358.

рѣ¹⁾. Зап рожскіе казаки пытались было возвратить нѣкоторые изъ этихъ церквей православію, какъ напр. нагорную каменную Васильевскую, находившуюся на митрополичьей усадьбѣ, на монастырской землѣ, и въ 1625 году выбили изъ этой церкви уніатскаго попа Іоанна Іосифовича (Юзефовича) и казнили его, отрубивъ ему голову; но послѣ 1626 года эта церковь опять возвращена была уніатамъ²⁾. Для удовлетворенія нуждъ православныхъ жителей верхняго Кіева, въ 1631 году здѣсь поставлена была деревянная церковь св. Іоанна Златоуста, передѣланная изъ бывшей Кіевоподольской Притиско-Николаевской церкви³⁾. Въ 1633 году православный кіевскій митрополитъ Петръ Могила на основаніи королевской грамоты отобралъ отъ уніатовъ какъ Софійскій соборъ, такъ и нагорныя церкви Софійской слободы каменную Васильевскую и деревянныя Николи Десятиннаго и „Свѣтого Семѣна, водле брамы месцькое на горѣ лежащую⁴⁾, гдѣ прежде была Воздвиженская церковь.

Въ 1654 году, по занятіи Кіева русскими войсками, Московскій боевода князь Теодоръ Семеновичъ Куракинъ, оставивъ замокъ на Киселевкѣ, сталъ возобновлять древнія земляныя укрѣпленія верхняго Кіева и распространилъ ихъ въ слѣдующемъ 1655 году⁵⁾. Въ 1665 году дѣлали роскатъ и стѣны за Михайловскимъ монастыремъ⁶⁾. Послѣ взятія Чигрина турками въ 1678 году, когда угрожала опасность и

¹⁾ Тамъ же, стр. 56 и 58; „Кіев. Старина“, декабрь, 1887г., стр. 781—2.

²⁾ „Кіевскія Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., № 17, стр. 481 и слѣд.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго. Москва. 1868 г., стр. 323.

⁴⁾ „Кіевскія Епарх. Вѣдомости“ 1873 г., № 13, стр. 366 и 371.

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, 1868 г., стр. 430. Что крѣпость возстановилась по старымъ валамъ, это доказывается во-первыхъ тѣмъ, что старыя вали существовали, какъ мы видѣли, и въ 1595 году; а во-вторыхъ тѣмъ, что остатки древнихъ крѣпостныхъ воротъ—Золотыхъ, Софійскихъ или Батневыхъ и Кіевскихъ надъ нынѣшнимъ Андреевскимъ слускомъ, судя по плану Кіева 1695 г., вошли въ составъ обновленныхъ валовъ.

⁶⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874г. III, 89.

самому Киеву, московскія и запорожскія войска, собравшіяся подъ Киевомъ, въ 1679 году обвели великій градъ Кіевскій многими вѣрными валами, при чемъ прибавили тогда къ старому городу еще больше пространства, оградивъ его новымъ землянымъ валомъ по южной или Крепятицкой сторонѣ, отъ Михайловскаго монастыря и до Золотыхъ Воротъ. Посредствомъ сего вала пригородилось тогда къ старому городу новое Печерское отдѣленіе его ¹⁾. Внутри крѣпость заселена была преимущественно московскими войсками и ихъ начальными людьми, которые въ XVII вѣкѣ возстановили или вновь построили здѣсь деревянныя церкви: Георгіевскую на мѣстѣ древней въ 1673 году ²⁾; Троицкую противъ нынѣшнихъ Присутственныхъ мѣстъ, давшую названіе Троицкому переулку ³⁾; Покровскую на подворьѣ Печерской лавры, въ Печерскомъ отдѣленіи Старокіевской крѣпости, перенесенную сюда въ 1699 году съ Печерска полковникомъ кіевского полка Мих. Сухаревымъ и упраздненную въ 1787 году ⁴⁾, и Срѣтенскую, основанную въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка, съ иконою Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости того же времени ⁵⁾.

Въ 1732—1737 годахъ, въ виду и во время русско-турецкой войны, изъ опасенія нашествія турокъ, фельдмаршалъ Минихъ распорядился еще разъ возобновить старокіевскую крѣпость и сверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій насыпать огромный валъ вокругъ стараго города. Послѣ сего укрѣпленія стараго Кіева были совсѣмъ оставлены, а съ 1812, особенно же съ 1834 года стали ихъ расканывать и сносить. При планировкѣ стараго города, старая Троиц-

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Загребскаго, 1868 г., стр. 430 и 431.

²⁾ Тамъ же, стр. 266.

³⁾ Тамъ же, стр. 326 и 842 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 718; См. „Сборникъ матеріаловъ“, 1874 г. II, 149.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 437, 831 и 832. На поляхъ иконы изображены св. Кирикъ и Іулитта.

кая церковь въ 1858 годѣ была упразднена, и замѣнѣнъ ея еще въ 1856 году заложена, а въ 1859 году освящена Троицкая церковь на Новомъ строеніи¹⁾. Въ 1871 году упразднена была и деревянная Златоустовская церковь, находившаяся на углу Большой Владимірской и Большой Житомирской улицъ, и замѣнена новою желѣзною Златоустовскою церковію на Галицкомъ или еврейскомъ базарѣ.

Укажемъ важнѣйшіе историческіе памятники въ трехъ древнихъ отдѣленіяхъ стараго города Андреевскомъ, Софійскомъ и Михайловскомъ.

А) Андреевское отдѣленіе стараго города есть самое древнее. Въ немъ были Черуновъ холмъ, княжескіе терема, Софійскій монастырь, три Васильевскія церкви и Десятинная, монастыри Янчинъ Андреевскій, Θεодоровскій и др. Номѣстоположеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ опредѣляется мѣстоположеніемъ Боричева взвоза, къ которому и обратимся прежде всего.

1. *Боричевъ взвозъ*, какъ мы видѣли, обязанъ названіемъ, а—можетъ быть,—и происхожденіемъ своимъ нѣкому Боричу, упоминаемому подъ 945 годомъ. Къ сожалѣнію, наши нынѣшнія представленія о мѣстѣ Боричева взвоза слишкомъ темны, неопредѣленны и сбивчивы. Обыкновенно полагаютъ, что Боричевъ взвозъ начинался между нынѣшними Васильевскою церковію и Михайловскимъ монастыремъ и спускался мимо нынѣшней Кіево-подольской Христорожественской церкви къ днѣпровскому заливу, около нынѣшней конной почтовой станціи²⁾. Основанія для этого мнѣнія, впрочемъ, нигдѣ не формулируемаго строго научнымъ образомъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 431, 845 и 846.

²⁾ „Обозрѣніе Кіева“, Фундуклея, 1847 г., стр. 1; „Описаніе Кіева“, Закровскаго, 1868 г., стр. 209 и 567; „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, Кіевъ, т. II, стр. 97 и 99. Мнѣніе профессора Е. Е. Голубинскаго въ его „Исторіи Русской церкви“ о мѣстѣ Боричева взвоза на Крещатикѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

суть слѣдующія: 1) между Михайловскимъ монастыремъ и Васильевскою церковію былъ спускъ или взвозъ на Подоль, называвшійся въ 1523 году „Михайловскимъ взвозомъ“, который г. Закревскій считалъ единственнымъ въ древности на этой сторонѣ Киевской горы взвозомъ на Подоль и отождествлялъ его съ Боричевымъ взвозомъ¹⁾, 2) Истуканъ Перуна, по свидѣтельству лѣтописи и житія св. Владиміра, составленнаго мнихомъ Іаковомъ, св. Владиміръ приказалъ привязать къ конскому хвосту „и влещи съ горы по Боричеву на ручай“. А Иннокентій Гизель или—точнѣе—Оеодосій Сафоновичъ въ своемъ „Синоцисѣ“ приурочиваетъ это событіе къ взвозу или спуску „ниже монастыря Златоверхо-Михайловскаго“, называвшемуся „Чортово Беремище“: „носятся же и сія повѣсть,—говоритъ онъ,—еще отъ старыхъ людей, яко нѣкогдо идола, егда влекоша вѣрніи съ горы утопити въ Днѣпръ, біюще его нещадно, бѣсъ же въ томъ идола восклицаше, рыдая зѣло. И отгуду дорогу ту съ горы, ниже монастыря Златоверхаго Михайла, нарекоша древне Чортово Беремище си есть тяжко чорту“. По документамъ Михайловскаго монастыря, урочище „Чортово Беремище“ находилось внизу Михайловскаго спуска на Подоль, влѣво отъ этого спуска, противъ нынѣшней Рождественской церкви. Слѣдов., тутъ былъ и Боричевъ взвозъ²⁾. 3) М. А. Максимовичъ, ссылаясь на кіевскихъ старожилловъ, говоритъ, что въ 1810 году, когда для построенія нынѣшней каменной церкви Рождественской разбирали прежнюю деревянную, построенную въ 1564 году, то въ ея основаніи найдено было надписаніе, что она поставлена была на „узвозѣ Боричевомъ“³⁾. 4) Этотъ взвозъ приводилъ къ заливу Днѣпра, около нынѣшней конной почтовой станціи, образуемому впаденіемъ въ него Почайны и составлявшему въ древности естественную

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, 1868 г. стр. 209, 368, 379, 567 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 568.

³⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, Кіевъ, т. II, стр. 97.

удобную гавань для судовъ, приходившихъ въ Кіеву¹⁾. Здѣсь приставали Древлянскіе послы въ 945 году; сюда же кіевляне стащили въ 988 году истуканъ Перуна²⁾. Иного пути съ Андреевской горы черезъ Подоль къ Почайнѣ и Днѣпру,—говорятъ,—и не было; потому что, по сказанію лѣтописи: „бѣ тогда вода текущи возлѣ горы Кіевъскыя, и на подолѣ не сѣдяхуть людѣ, но на горѣ“³⁾.

Но всѣ эти доводы въ пользу положенія древняго Боричева взвоза подъ Михайловскимъ монастыремъ не имѣютъ прочныхъ основаній: 1) на планѣ Кіева А.о. Кальнофойскаго 1638 года, разсматриваемомъ съ оборотной стороны, съ восточной стороны Кіевской или Андреевской горы показаны двое воротъ съ двумя спусками на Подоль, изъ коихъ одинъ на мѣстѣ нынѣшняго Андреевскаго спуска, а другой—изъ ограды Михайловскаго монастыря къ Христорожественской церкви. Одинъ изъ нихъ долженъ быть Боричевымъ взвозомъ. Первый изъ нихъ—шире, имѣетъ большія ворота и, что важнѣе всего,—спускается отъ древняго города, тогда какъ второй меньшій былъ собственно монастырскимъ и находился внѣ древняго укрѣпленія⁴⁾. Въ такомъ же видѣ эти ворота и спуски отъ нихъ изображены и на планѣ Кіева 1695 года, при чемъ нынѣшній Андреевскій спускъ въ верхней своей части названъ „большою дорогою отъ города Подола“, а въ нижней раздѣлился на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна шла прямо къ нынѣшнему Андреевскому спуску, а другая—по нынѣшней улицѣ „Черная Грязь“⁵⁾. Правда и этотъ спускъ на Подоль, по отзывамъ архидіакона Павла Алеппскаго, свя-

¹⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. 1, Кіевъ, 1879 г., стр. 269; „Кіевская Старина“, сентябрь, 1887 г., стр. 179.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, 1868 г., стр. 208 и 720.

³⁾ Возраженіе С. Т. Голубева см. въ газетѣ „Кіевлянинъ“, 1895 г., № 353.

⁴⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 года. Изд. Б. И. Хащенко, Кіевъ, 1896 г., табл. 3.

⁵⁾ „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году“, Кіевъ, 1893 г.

щенника Лукьянова ¹⁾ и московскаго митрополита Платона ²⁾, въ XVII, XVIII и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ крутъ и неудобенъ, но не по сравненію съ Михайловскимъ спускомъ, который, по всей вѣроятности, былъ еще хуже и даже вовсе не упоминается указанными путешественниками. Мы имѣемъ даже извѣстіе о томъ, что верхъ Уздыхальницы или нынѣшней Андреевской горы скопанъ былъ лишь въ 1617 году, при чемъ открыта была пещера съ надписью на стѣнѣ имени „Павель“ ³⁾, но эта работа преимущественно имѣла въ виду стратегическія цѣли, такъ какъ еще въ половинѣ XVI в. королевскіе комиссары, описывавшіе кievскій замокъ, находили, что Вздыхальница „Остра“ и „можетъ быть унижена копаньемъ“ ⁴⁾. 2) Названія „Чортово Беремище“ и т. п. ведутъ начало свое отъ мифическихъ временъ язычества, встрѣчаются не въ одномъ только Кіевѣ и потому не могутъ имѣть спеціального отношенія къ кievскому Перуну. Авторъ „Синописа“ Феодосій Сафоновичъ, игуменъ Михайловскій, придалъ искусственное, тенденціозное толкованіе названію сего урочища, принадлежавшаго Михайловскому монастырю, съ цѣлію возвысить стариннымъ преданіемъ свой монастырь. Но и Сафоновичъ не отождествляетъ упоминаемаго имъ чорта съ Перуномъ и „Чортова Беремища“ съ Борищевымъ взвозомъ. 3) Фактъ находенія въ 1810 году на мѣстѣ нынѣшней Христорождественской церкви надписанія о построеніи здѣсь въ 1564 году прежней деревянной церкви, сомнительный самъ по себѣ, не можетъ быть принятъ еще и потому, что подольская Христорождественская церковь послѣ 1564 и до 1810 года заново отстраивалась нѣсколько разъ, и, слѣдовательно, если дѣйствительно найдено было упомянутое надписаніе, то оно было позднѣйшаго про-

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева“, 1874 г. П. 84 и 123.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Загrevскаго, 1868 г. стр. 368.

³⁾ „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южн. и Зап. Руси“ Кіевъ, 1888 г., стр. 84 и 85.

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева, 1874 г. Ш. 29.

исхожденія и сочинено подѣ вліяніемъ сказанія „Синописиса“¹⁾. 4) Гаванью для судовъ, прибывающихъ къ Кіеву, была сама р. Почайна, довольно для этого глубокая, а не устье ея, какъ объ этомъ прямо говоритъ лѣтопись, влагая въ уста св. Ольги слѣдующія слова: „Ольга рече къ посламъ (греческимъ): аще ты, рци, тако же постоиши у мене въ Почайнѣ, яко же азъ въ Суду, то тогда ти вдамъ“²⁾. Древлянскіе послы, вошедши на ладьяхъ въ Почайну, могли остановиться въ ней и противъ нынѣшняго Андреевскаго спуска. Что же касается темнаго лѣтописнаго извѣстія—„бѣ-бо тогда вода текущи возлѣ горы Кіевъскыя, и на Подолѣ не сѣдяхуть людье, но на горѣ“; то его нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто бы Подоль весь и постоянно былъ подѣ водою, такъ какъ черезъ 40 съ небольшимъ лѣтъ послѣ того, при св. Владимірѣ, онъ уже былъ населенъ, чего не могло случиться безъ особаго геологическаго переворота. Нужно полагать, что или Почайна протекала тогда ближе къ горѣ, или было въ 945 году сильное весеннее половодье, на время котораго кіевляне перебрались на гору; но едва ли не лучше всего отнести это смутное лѣтописное извѣстіе къ Плоской части или Оболони, гдѣ, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно, люди жили не внизу, а только на горѣ.

По нашему мнѣнію, древній Боричевъ взвозъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго Андреевскаго спуска. Положительныя доказательства въ пользу этого мнѣнія суть слѣдующія: 1) Св. Ольга, по сказанію лѣтописи, имѣла два терема или дворца, одинъ—въ городѣ, т. е. въ крѣпости, а другой каменный въѣзда, „за св. Богородицею (Десятинною церковію) надъ горою, „съ которой былъ видѣнь Боричевъ взвозъ, и отсюда наблюдала, когда кіевляне несли древлянскихъ пословъ въ лодыи по Боричеву на дворъ къ Ольгѣ“³⁾. Былъ ли этотъ

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 758. См. Кіев. Старину“, іюль 1889 г., стр. 243 и 247.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 5.

³⁾ Тамъ же, I, 5.

загородный теремъ Ольгинъ за нынѣшнею Десятинною церковію въ бывшемъ саду Муравьева, или же, какъ нѣкоторые думаютъ, на Киселевкѣ или нынѣшней Флоровской горѣ¹⁾, — во всякомъ случаѣ Ольга могла видѣть только взвозъ, пролежавшій по нынѣшнему Андреевскому спуску, но никакъ не Михайловскій, значительно удаленный отъ терема Ольги и закрытый отъ нея Кіевскою или Андреевскою горою. 2) Въ грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Кіево-Братскому монастырю отъ 11 января 1694 года на кіевскія церкви Воздвиженскую и Трехсвятительскую съ ихъ имѣніями, между прочимъ, сказано: „люди подъ горою и на горѣ живущіе, почавъ отъ церкви Воздвиженской даже до фортки острожской въ *ровъ Боричова* по взвозъ Рождественской куницу давали церкви вышепомянутые“²⁾. Воздвиженская же церковь, по плану Кіева 1695 года, стояла на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви, а фортка острожская была на половинѣ нынѣшняго Андреевскаго спуска, передъ отдѣленіемъ отъ него верхняго колѣна улицы „Черная Грязь“³⁾. Слѣдовательно, „ровъ Боричовъ“ соотвѣтствовалъ нижней части теперешняго Андреевскаго спуска, и отъ него по взгорью до самаго Рождественскаго или прежняго Михайловскаго взвоза сидѣли вуничники Воздвиженской и Трехсвятительской церквей, тогда какъ на сѣверъ, отъ „рва Боричова“ по нынѣшней Черной Грязи, шла нижняя половина Боричева взвоза⁴⁾. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что Игорь Святославичъ, вырвавшись изъ Половецкаго плѣна (въ 1185 году), пріѣзжаетъ въ Кіевъ и „ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей“, въ которой новѣйшіе изслѣдователи видятъ древнюю Кіево-подольскую Успенскую церковь⁴⁾. Если пред-

¹⁾ Изложене мнѣнія П. А. Лашкарева см. въ газетѣ „Кіевлянинъ“, 1895 г., № 353.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева“, 1874 г., III, 115.

³⁾ „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году“, Кіевъ, 1893 г.

⁴⁾ „О Кіевской церкви *Пирогощей*“, упоминаемой въ лѣтописи и *Словѣ*

положить, что Боричевъ взвозъ шелъ по нынѣшнимъ Черной Грязи и верхней половинѣ Андреевскаго спуска, то путь Игоря къ Богородицѣ Пирогощей, съ нижняго ли города въ верхній, или же наоборотъ, былъ самый естественный и понятный, тогда какъ г. Закревскій, полагавшій Боричевъ взвозъ подъ Михайловскимъ монастыремъ, не въ состояніи былъ указать какое-либо опредѣленное мѣсто для церкви пресв. Богородицы Пирогощей. Вообще путь по нынѣшнему Андреевскому спуску и Черной Грязи былъ въ древности самый прямой и кратчайшій путь для сообщенія Киевоподола съ верхнимъ или старымъ городомъ,—и установленіе здѣсь древняго Боричева взвоза много поможетъ намъ къ уясненію древней топографіи какъ верхняго Кіева, такъ и Подола.

2) *Перуновъ холмъ и княжескіе терема*. Въ языческія времена Кіева на старомъ городѣ былъ особый холмъ на которомъ стояли истуканы Перуна и другихъ языческихъ боговъ. Подъ 945 годомъ лѣтопись говоритъ, что „наутрѣя призва Игорь послы (гречески) и приде на холмы, кдѣ стояше Перунъ“. Внуку Игоря Рюриковича св. Владиміръ, вокняжившись въ 980 году въ Кіевѣ, „постави кумира на холму, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а голова его серебряна, а усъ золотъ, и Хорьса, и Дажьбога, и Стрибога и Сѣмарьгла и Мокошь“. Такъ какъ въ 988 году эти истуканы были ниспровергнуты и совлечены народомъ „съ горы по Боричеву на ручай“¹⁾; то, слѣдовательно, холмъ, на которомъ они стояли, былъ по сосѣдству съ Боричевымъ взвозомъ. Здѣсь, у вершины этого Боричева взвоза или нынѣшняго Андреевскаго спуска мы дѣйствительно и видимъ вполнѣ слѣдствіи особенно выдающійся холмъ, на которомъ нынѣ

о полку Игоревѣ“, И. И. Маламъевскаго, въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ, 1891 года, отд. 2 стр. 113 и слѣд.; см. статью В. З. Завягневича въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, январь, 1891 г., стр. 156 и слѣд.

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г. I, 4 и 6.

стоитъ Андреевская церковь. На планѣ Кіева Аѳ. Кально-фойскаго 1638 года, разсматриваемомъ съ оборотной его стороны, на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви изображенъ холмъ съ Симеоновскою на немъ церковію ¹⁾. Въ 1701 году объ этомъ же холмѣ священникъ Лукьяновъ писалъ слѣдующее: „а гдѣ св. апостолъ Андрей крестъ поставилъ, тотъ холмъ въ городской стѣнѣ зѣло красовить. На томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная вѣтха, во имя св. апостола Андрея первозванного“ ²⁾. На этомъ-то холмѣ, который первоначально могъ быть могилою Кія, и стоялъ истуканъ Перуна.

Холмомъ же Перуна опредѣляется отчасти мѣстоположеніе первоначальныхъ княжескихъ теремовъ на старомъ городѣ.

О княжескомъ дворѣ и теремахъ св. Ольги лѣтопись говоритъ слѣдующее: „дворъ кнѣзь быше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ... И бѣ внѣ города дворъ теремный и другой, идеже есть дворъ Демесниковъ (Деместиковъ), за свитою Богородицею надъ горою, бѣ бо ту теремъ камень“ ³⁾. Здѣсь указываются одинъ княжескій дворъ и два терема внѣ тогдашняго города или укрѣпленія. Одинъ изъ этихъ теремовъ каменный стоялъ „за св. Богородицею“, т. е. за Десятинною церковію, надъ горою. Мѣстоположеніе же другого теремнаго двора опредѣляется въ разсказѣ лѣтописи о вокняженіи Владиміра святаго въ Кіевѣ въ 980 году: „Володимиръ вниде въ Кіевъ..., вшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же преже сказахомъ... И постави Володимиръ кумиры на холму (Боричевомъ), внѣ двора теремнаго“ ⁴⁾. Слѣдовательно, другой дворъ теремный былъ рядомъ съ холмомъ Перуна, возлѣ нынѣшней Андреевской

¹⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 г. Изд. Б. И. Ханецка“, Кіевъ. 1896 г., табл. III, № 53.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, II, 121.

³⁾ Тамъ же, I, 4.

⁴⁾ „Описаніе Кіева“, Захревскаго, 1868 г., стр. 839.

Труды Кіевск. дух. Академіи. Т. III. 1896 г.

церкви, съ южной ея стороны, гдѣ нынѣ домъ г. Дузинкевича. Рядомъ съ нимъ и къ югу отъ него, вѣроятно, былъ „дворъ князь“. Но во время составленія лѣтописи этихъ дворовъ уже не было. На мѣсто ихъ Ярославъ I построилъ свой княжескій дворъ, называемый то Ярославовымъ, то великимъ дворомъ¹⁾. Мѣстоположеніе его опредѣляется слѣдующимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ подъ 1183 годомъ: „священа бысть церкви св. Василія, яже стоятъ въ Києвѣ на велицѣмъ дворѣ (на Ярославѣ)“²⁾. Здѣсь разумѣется, какъ увидимъ впоследствии, бывшая Трехсвятительская, а нынѣ опять Васильевская церковь. Слѣдовательно, великій Ярославовъ дворъ находился южнѣе прежнихъ княжаго двора и теремовъ Ольги и Владиміра, около нынѣшней Васильевской церкви и отчасти на ея мѣстѣ. О другихъ княжескихъ дворахъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

3) *Софійскій монастырь*. По извѣстію Іоакимовской лѣтописи, св. Ольга, возвратившись изъ Царяграда, построила въ Києвѣ деревянную церковь св. Софіи, для которой иконы прислала ей патриархъ. Но по показанію святцевъ при апостолѣ, писанномъ въ 1307 году, церковь эта освящена еще въ 952 году, т. е. раньше путешествія св. Ольги въ Царьградъ. Во всякомъ случаѣ, деревянная Софійская церковь въ Києвѣ несомнѣнно существовала до 1017 года. Въ этомъ году, по извѣстію лѣтописи, „Ярославъ вниде въ Києвъ, и погорѣвши церкви“. Въ числѣ другихъ, сгорѣла и Софійская церковь, которую Ярославъ I возстановилъ въ томъ же 1017 году: „Ярославъ иде къ Брестію,—говоритъ лѣтопись,—и заложена бысть святая Софія Києвѣ“. Въ слѣдующемъ году при этой церкви былъ монастырь, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ Мерзебургскій епископъ Дитмаръ. Въ концѣ хроники своей о входѣ Болеслава Храбраго съ Святополкомъ въ Києвъ, въ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Києва“, I, 27.

августѣ 1018 года, онъ говорятъ слѣдующее: „архіепископъ этого города, съ мощами святыхъ и разными другими принадлежностями благолѣпія, почтилъ приходъ ихъ въ монастырь св. Софіи, который въ прошломъ году, по несчастному случаю, сгорѣлъ“ ¹⁾. Если храмъ первоначально построенъ былъ св. Ольгою, то онъ долженъ былъ находиться возлѣ ея каменнаго терема, бывшаго за Десятинною церковію, ближе къ западнымъ или Софійскимъ воротамъ Владимірова града, которыми входили въ Кіевъ Болеславъ и Святополкъ. Можетъ быть, на мѣстѣ этого Софійскаго храма построенъ былъ въ 1129 году Теодоровскій монастырь.

4) *Церковь св. Василия*, построенная св. Владиміромъ, и, замѣнившія ее, *церкви Воздвиженско-Симеоновская и Андреевская*. По принятіи св. крещенія въ 988 году, св. Владиміръ „повелѣ рубити церкви и поставити по мѣстамъ, идеже стояша кумиры, и постави церковь св. Василія на холмѣ, идеже стояша кумиры Перунъ и прочіи“ ²⁾. Церковь эта поставлена на холмѣ, надъ Боричевымъ взвозомъ, гдѣ нынѣ стоитъ Андреевская церковь. Судя по выраженію лѣтописи „рубити“, Владимірова Васильевская церковь была деревянная. Предполагаютъ, что въ XII вѣкѣ она замѣнена каменною Васильевскою же, на томъ основаніи, что въ этомъ вѣкѣ построены были двѣ каменные Васильевскія церкви: въ 1184 году Святославомъ II Всеволодовичемъ „на велицѣмъ дворѣ“ и въ 1198 году Рюрикомъ Ростиславичемъ на новомъ дворѣ ³⁾. Но эти двѣ каменные Васильевскія церкви нельзя приурочивать къ мѣстоположенію Владиміровой церкви св. Василия, такъ какъ онѣ построены были заново и стояли не надъ Боричевымъ взвозомъ, а въ другихъ мѣстахъ, на югъ

¹⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“. т. II, Кіевъ 1877 г., стр. 135 – 139.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева“ I, 7.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 209.

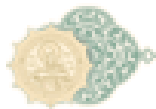
и юго-западъ отъ него и отъ Перунова холма. Сгорѣвшая же или обветшавшая деревянная Владимірова церковь св. Василія замѣнена была, подѣ влияніемъ преданія о проповѣди св. апостола Андрея первозваннаго на горахъ кievскихъ, Андреевскимъ Янчинымъ монастыремъ и Воздвиженскою церковію.

Преданіе о проповѣди св. апостола Андрея на горахъ кievскихъ было выраженіемъ не столько религіозно-народнаго самосознанія новокрещеннаго русскаго народа, сколько іерархической зависимости Русской церкви отъ Византійской, основанной тоже св. апостоломъ Андреемъ, и слѣдовательно первоначально было подсказано русскимъ греками. Въ послѣднемъ значеніи своемъ это преданіе могло явиться въ Кіевѣ очень рано и именно при великомъ князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ, женатомъ на греческой царевнѣ. Этотъ-то князь въ 1086 году и основалъ въ Кіевѣ церковь и монастырь во имя св. апостола Андрея для дочери своей Янки (Анны), которая принимала близкое участіе въ дѣлахъ церкви и путешествовала въ Царьградъ ¹⁾. Вопреки тогдашнему обычаю, монастырская церковь не была посвящена святому покровителю строителя ея или кого-либо изъ членовъ его семьи и, по всей вѣроятности, построена въ память посѣщенія св. апостоломъ Андреемъ горъ кievскихъ. Н. В. Закревскій полагалъ, что Андреевскій Янчинъ монастырь находился въ древнѣйшей части стараго города, т. е. въ нынѣшнемъ Андреевскомъ отдѣленіи его, между Десятинною церковію и княжескимъ дворцомъ, къ западу отъ нынѣшней Васильевской церкви ²⁾. По словамъ М. А. Максимовича, остатки Андреевскаго или Янчина монастыря скрываются въ неизвѣстности подѣ землею не вдалекѣ отъ Десятинной церкви ³⁾. Протоіе-

¹⁾ „Очеркъ исторіи Кіевской земли“, М. Грушевскаго, Кіевъ, 1891 г. стр. 94.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 189.

³⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II, Кіевъ, 1877 г. стр. 120.

рей П. Г. Лебединцевъ помѣщаетъ этотъ монастырь за Десятинною церковію ¹⁾. Иные полагаютъ Андреевскій Яччинъ монастырь противъ Десятинной церкви, на бывшей усадьбѣ Аяненкова и затѣмъ Климовича, а нынѣ князя Трубецкаго ²⁾, гдѣ дѣйствительно находятся фундаменты какого-то древняго каменнаго зданія ³⁾. Во всякомъ случаѣ, Андреевскій Яччинъ монастырь находился гдѣ-то недалеко отъ Перунова холма и, можетъ быть, подалѣ въ послѣдствіи поводъ отождествлять этотъ холмъ съ мѣстомъ водруженія креста св. апостоломъ Андреемъ на горахъ кievскихъ.

Когда деревянная Васильевская церковь на самомъ холмѣ Перуновомъ сгорѣла или обветшала и была упразднена, то на мѣстѣ ея построена была въ началѣ XIII вѣка каменная церковь, но уже не Васильевская, а въ честь Воздвиженія честнаго креста Господня, и—надо полагать—въ память водруженія здѣсь креста св. апостоломъ Андреемъ первозваннымъ. По позднѣйшимъ лѣтописямъ, Воздвиженская церковь основана была около 1215 года княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ Галицкимъ, который въ ней и погребенъ былъ въ 1228 году: „похованъ въ церкви Воздвиженіи креста честнаго, которую самъ змуровалъ (т. е. построилъ изъ камня) въ Кіевѣ“. Въ южно-русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XVII вѣка положеніе этой церкви указывается „подлѣ брамы Кіевской“, т. е. ведущей по нынѣшнему Андреевскому спуску на Подоль, слѣдов. тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Андреевская церковь ⁴⁾. Близъ Андреевской церкви еще М. О. Берлинскій видѣлъ около 1820 года остатки кирпичнаго щемня ⁵⁾, а М. А. Мак-

¹⁾ „Росписной списокъ г. Кіева 1700 года“, Кіевъ, 1892 г., стр. 50.

²⁾ „Раскопки великокняжескаго двора“, І. А. Хойновскаго, Кіевъ, 1893 г. стр. 6, 9, и др.

³⁾ „Археологич. карта Кіевской губерніи“, В. Б. Антоновича, Москва, 1895 г., стр. 33 и 34.

⁴⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, стр. 128 и 70.

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 413. См. „Кіев. Старину іюль, 1889 г., стр. 253.

симовичъ въ 1839 или 1840 году видѣлъ здѣсь остатки каменнаго зданія съ высѣченною изъ бѣлаго камня гробницею, которые открыты были при планировкѣ улицы, идущей отъ Андреевской церкви къ Михайловскому монастырю ¹⁾. Несмотря на то, что Воздвиженская церковь основана не кievскимъ княземъ, она имѣла въ Кіевѣ значительныя земельныя участки и угодья, вѣроятно, унаслѣдованныя ею отъ предшественницы ея, т. е. Васильевской церкви. По свидѣтельству описанія Кіева и кievскаго замка королевскими люстраторами въ 1545 году, въ это время Воздвиженской церкви принадлежало нѣсколько крестьянъ въ селѣ Петровцахъ и слободѣ Оникіевщинѣ, дававшихъ этой церкви медовую дань ²⁾. Не позже 1571 года Воздвиженскимъ священникомъ является Филиппъ Афанасьевичъ Одоній, который въ 1573 году выпросилъ въ свое завѣдываніе каменную опустѣвшую Трехсвятительскую церковь возлѣ Михайловскаго монастыря, а въ послѣдующіе годы, по 1593 годъ включительно, нѣсколько разъ испрашивалъ подтвержденіе правъ на земельныя имуществы, угодья и доходы этихъ церквей ³⁾. Имъ принадлежали: Соколій Рогъ—нива за валомъ у Хрещатой долины (на нынѣшнемъ Крещатикѣ); другая за проваломъ Ориинскимъ; двѣ нивы у Кощавого броду; за Кощавымъ бродомъ нивы на селищахъ Борщувцѣ; нивы и сѣножати въ Овлукоевѣ урочищѣ; озера прозываемыя Три Тони, Долгое и Узкое, и озеро Василевское. Кромѣ того, надъ самими церквами, по горѣ Андреевской и склону ея, жили впослѣдствіи люди, платившіе церкви кунцу ⁴⁾. Священникъ Филиппъ владѣлъ также Софійскимъ соборомъ и церквами Николаевскою, Десятинною и Никитскою. Но Софійскій соборъ и Десятинная

¹⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II, стр. 71 и 129.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“, 1874 г. III, 30 и 31.

³⁾ „Кіевская Старина“, мартъ, 1886 г., стр. 489—492.

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, III, 106, 114 и 115.

церковь у него были взяты въ 1605 году, а сама Воздвиженская церковь „обвалилась“, и священникъ ея перешелъ на жительство въ Трехсвятительской церкви, продолжая владѣть и развалившіеся Воздвиженскою съ ея имѣніями¹⁾. Последняя восстановлена, была, вѣроятно, послѣ 1626 года, на прежнемъ мѣстѣ, но съ переименованіемъ въ Симеоновскую, вѣроятно, по имени восстановителя, для уничтоженія преданія объ апостолѣ Андрѣ, противорѣчащаго притязаніямъ папы на подчиненіе ему Русской Церкви. Эту Симеоновскую церковь указываютъ какъ протестанція уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина—Рутскаго отъ 18 іюля 1633 года противъ м. Петра Могилы, отобравшаго отъ уніатовъ, между прочимъ, и деревянную „церковь светого Семена, ведле браны месцькое на горѣ лежащую“²⁾, такъ и планъ Кіева у Кальнофойскаго 1638 года, рассматриваемый съ оборотной стороны³⁾. Къ этому-то времени существованія Симеоновской церкви на мѣстѣ бывшей Воздвиженской, а теперешней Андреевской церкви нужно отнести показаніе житія св. Владимира въ „Пчелѣ“, переписанной въ 1679 году въ Крупичѣ—Полѣ, о томъ, что св. апостолъ Андрей „крестъ на нихъ (горахъ), гдѣ теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ“⁴⁾. Съ 1640 года на этой мѣстности опять является Воздвиженская церковь, переименованная изъ Симеоновской, и въ этомъ году отдана грамотою короля Владислава IV отъ 7 іюня 1640 года Кіево-Братскому училищному монастырю⁵⁾. Въ росписи Кіеву 1682 года упоминается Воздвиженскій выводъ землянаго вала на старомъ городѣ, получившій назва-

¹⁾ „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“, С. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1891 г., стр. 58; „Кіев. Епар. Вѣдом.“, 1873 г., № 12, стр. 358.

²⁾ „Кіев. Епар. Вѣдом.“, 1873 г., № 13, стр. 371, и № 17, стр. 481 и сл.

³⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 г., изд. Б. И. Ханенко“, Кіевъ, 1896 г., табл. III, № 53.

⁴⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, стр. 71, 81 и др.

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Закровскаго, 1868 г., стр. 414.

ніе свое отъ Воздвиженской церкви ¹⁾, а на планѣ Кіева 1695 года обозначены какъ „Роскатъ Воздвиженскій“, такъ и стоявшая на немъ деревянная „церковь Воздвиженія“, на томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ нынѣ Андреевская церковь ²⁾.

Но въ 1701 году путешественникъ въ св. землю священникъ Іоаннъ, въ монашествѣ Леонтій Лукьяновъ уже видѣлъ на мѣстѣ прежней Воздвиженской церкви ветхую деревянную Андреевскую церковь: „а гдѣ св. апостолъ Андрей крестъ поставилъ,—говоритъ Лукьяновъ,—и тотъ холмъ въ городской стѣнѣ красовитъ зѣло. На томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная, ветхая, во имя св. апостола Андрея первозваннаго“ ³⁾ Спрашивается,—откуда же взялась эта ветхая Андреевская церковь, нигдѣ дотолѣ не упоминавшаяся, и куда дѣлась Воздвиженская церковь, которая послѣ 1695 года тоже нигдѣ болѣе не упоминается? Мы думаемъ, что это—не двѣ различныя церкви, но одна и та же церковь, первоначально называвшаяся Воздвиженскою, но между 1695 и 1701 годами переименованная въ Андреевскую. Это доказывается, во-первыхъ, положеніемъ той и другой церкви на одномъ и томъ же мѣстѣ; во-вторыхъ, приуроченіемъ положенія той и другой церкви къ мѣсту, на которомъ апостолъ Андрей водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ; въ-третьихъ, принадлежностію Андреевской церкви въ первой четверти XVIII столѣтія Кіево-Братскому монастырю, конечно въ силу грамоты Владислава IV отъ 7 іюня 1640 года объ отдачѣ Воздвиженской церкви этому монастырю. По свѣдѣніямъ изъ архива Кіевской дух. консисторіи, въ деревянной церкви св. апостола Андрея первозваннаго, приблизительно съ 1695 года, бого-

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева“, 1874 г., III, 96 „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II, стр. 129 и др.

²⁾ „Иланъ Кіева“, составленный въ 1695 году“, Кіевъ, 1893 года.

³⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., II, 121.

служеніе совершалось одинъ разъ въ годъ. „и для того служенія присылались 3 Братско-училищного монастыря іеромонахи и диякони со опаратами и сосудами и книгами церковными, и съ протѣчимъ, что к священнослуженію принадлежить“. Согласно этому, и Выдубицкій игуменъ Θεодосій 27 октября 1735 года, когда уже не было этой церкви, показывалъ о ней слѣдующее: „отъ сорока лѣтъ (слѣдов., съ 1695 года) памятую“, что „въ день памяти св. апостола первозванного Андрея съ протѣими студентами (и я студентомъ въ тое время бувъ) по приказу префектовому хожу на всеобщее пѣніе, утрению и литургію и зъ учителями зъ Братского Кіевского Коллегіумъ“¹⁾.

Переименованіе Воздвиженской церкви въ Андреевскую совершилось подъ вліяніемъ оживленія въ XVII вѣкѣ мѣстныхъ преданій о древнихъ національныхъ и религіозныхъ памятникахъ и святыняхъ Кіева вообще и въ частности преданія о проповѣди св. апостола Андрея первозванного на горахъ кіевскихъ, въ видахъ противодѣйствія польско-католической пропагандѣ. Въ извѣстномъ „совѣтованіи о благочестіи“ 1621 года считается справедливымъ и богоугоднымъ дѣломъ возобновить торжественно и нарочито праздникъ св. апостола Андрея, какъ перваго архіепископа Константинопольскаго и апостола русскаго, коего ноги стояли на горахъ кіевскихъ, очи Россію видѣли и уста благословили, и который посѣялъ у насъ сѣмена вѣры²⁾. Въ южно-русскихъ полемическихъ сочиненіяхъ XVII вѣка противъ латинянъ св. апостолъ Андрей первозванный нерѣдко сопоставляется съ апостоломъ Петромъ, какъ равноправный съ нимъ апостолъ, основавшій Византійскую и Русскую церкви, которыя по этому и не должны зависѣть отъ римскаго папы, какъ пре-

¹⁾ Извлечено Д. Вишневскимъ изъ дѣла Кіевской дух. консисторіи 1735 года по вопросу о возстановленіи Андреевской церкви.

²⁾ „Памятники, изданные Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ“, т. I, Кіевъ, 1845 г., стр. 246 и 247.

емника апостола Петра ¹⁾). Такъ какъ Воздвиженская церковь, по словамъ позднѣйшихъ лѣтописей, основана на томъ мѣстѣ, на которомъ св. апостолъ Андрей водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ; то, для яснѣйшаго выраженія этого преданія, церковь эта и переименована была въ Андреевскую. Это переименованіе, по всей вѣроятности, имѣло связь съ учрежденіемъ въ Россіи Петромъ I, 10 марта 1699 года, ордена св. Андрея первозванного ²⁾, однимъ изъ первыхъ кавалеровъ котораго былъ тогдашній малороссійскій гетманъ Ивась Мазепа ³⁾, и слѣдовательно случилось между 1699 и 1701 годами ⁴⁾).

Дальнѣйшая судьба ветхой Андреевской церкви была слѣдующая. 13 марта 1723 года кіевскій генераль-губернаторъ князь Ив. Юр. Трубецкой просилъ у тогдашняго архіепископа Варлаама Ванатовича благословенія „на возобновленіе зѣлоуже обветшавшей церкви во имя первозванного апостола Андрея, патрона всероссійскаго, въ вышнемъ городѣ Кіевѣ на рогу при брамѣ на валу прежде построенной, которая Его жѣ Сіятельства тѣхнѣмъ имѣетъ на томъ же старомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде стояла, новымъ сданіемъ возобновитися“, о чемъ архіепископъ Ванатовичъ донесъ Св. Синоду и просилъ резолюціи ⁵⁾. Но пока велось это дѣло, ветхая деревянная Андреевская церковь въ 1724 году „отъ великихъ вѣтровъ развалилась“ ⁶⁾, а въ слѣдующемъ году сло-

¹⁾ „Палинодія“ Захарія Копытенскаго, часть III, отд. 1, архив. 1. Св. „Труды Кіев. дух. Академіи“, июль, 1872 г., стр. 526.

²⁾ „Настольный энциклопедич. словарь“, А. Гербеля и К^о, т. I.

³⁾ Орденская, а не путеводная звѣзда помѣщена и въ княжескомъ гербѣ Мазепы. См. „Кіевскую Старину“, декабрь, 1885 года, стр. 716 и 717.

⁴⁾ Этому, повидимому, противорѣчитъ показаніе Вудубидкаго игумена Осодосія, который помнилъ Андреевскую церковь съ 1695 года; но онъ, очевидно, имѣлъ въ виду не столько названіе церкви, сколько зданіе ея.

⁵⁾ Въ архивѣ Кіев. дух. консисторіи книга дѣлъ времени митрополитовъ роковскаго и Ванатовича.

⁶⁾ Тамъ же, дѣло 1735 года о сооруженіи новой Андреевской церкви на мѣсто прежней.

мана комендантомъ Поросуновымъ ¹⁾). Въ 1735 опять возобновилось въ Кіевской консисторіи дѣло о постройкѣ новой Андреевской церкви на мѣсто прежней развалившейся, и собирались справки объ этой послѣдней ²⁾). Вѣроятно, оно пріостановлено возобновленіемъ старокіевской крѣпости въ русско-турецкую войну 1735—1737 годовъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Прежній Воздвиженскій роскатъ, на которомъ стояла Воздвиженско-Андреевская церковь, передѣланъ былъ въ земляной бастионъ, получившій названіе Андреевскаго. Императрица Елизавета Петровна, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1774 году, велѣла основать новую Андреевскую церковь на прежнемъ ея мѣстѣ и въ августѣ помянутого года сама положила первый камень въ основаніе церкви, выстроенной по чертежамъ извѣстнаго архитектора графа Растрелли ³⁾). Но дѣйствительная постройка церкви начата не ранѣе 1749 года. 2 февраля этого года „обрѣтающейся в Кіевѣ при строеніи Кіевского Ея Императорскаго Величества дворца господинъ бригадиръ Власевъ при доношеніи своемъ сообщилъ в Кіевскую Генераль-Губернаменскую канцелярію именній списокъ, что къ строенію будущую весною въ верхнемъ градѣ Кіевѣ на Андреевскомъ бастионѣ церкви св. апостола Андрея первозваннаго нанято Кіевопечерскія лавры подданныхъ каменщиковъ 50 человекъ“, и проч. ⁴⁾). Эта церковь существуетъ и до настоящаго времени.

5) *Десятинная церковь*. На сѣверо-западъ отъ Перунова холма, черезъ дорогу „Боричева взвоза“ во времена Владимірова язычества стоялъ дворъ варяга Іоанна, который съ сыномъ своимъ Θεодоромъ принялъ здѣсь мученическій вѣнецъ за

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., II, 126.

²⁾ Въ Архивѣ Кіев. дух. консисторіи дѣло 1735 года о сооруженіи новой Андреевской церкви на мѣсто прежней.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Захревскаго, стр. 421 и 179.

⁴⁾ Книга указовъ кіево-подольской Іоанно-Предтечевской или Борисоглѣбской церкви, въ архивѣ ея, 1741—1759 гг., л. 401 и сл.

Христа, не пожелавъ отдать своего сына въ жертву идоламъ. Принявъ православную вѣру, св. Владиміръ заложилъ здѣсь въ 989 году великолѣпную каменную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы и, по освященіи ея 12 мая 996 года, поручилъ ее Анастасу Корсунянину, а на служеніе въ ней поставилъ священниковъ корсунскихъ и установилъ завѣтною грамотою давать на ея содержаніе десятину съ княжескихъ доходовъ, почему церковь эта и назваца Десятинною. Въ ней св. Владиміръ положилъ мощи св. Ольги и главу св. Климента, папы римскаго ¹⁾. Здѣсь же въ 1015 году, посреди Десятинной церкви, поставлена была гробница равноапостольнаго князя Владиміра, рядомъ съ гробницею супруги его княгини Анны, скончавшейся въ 1011 году. Въ сей же церкви въ 1044 году Ярославъ I положилъ кости умершихъ въ изычествѣ дядей своихъ Ярополка и Олега, совершивъ надъ ними обрядъ крещенія послѣ смерти. Впослѣдствіи здѣсь же положены тѣла великаго князя Изяслава Ярославича въ 1078 году и князя Ростислава Мстиславича въ 1093 году.

Для построенія Десятинной церкви вызваны были Владиміромъ греческіе художники. Ея стѣны и полъ украшены были мраморомъ, великолѣпною мусією и фресками. Внутри или внѣ церкви была греческая надпись на гранитѣ, отъ которой остались только жалкіе обрывки ²⁾. Въ эту же церковь отданы были Владиміромъ всѣ привезенныя изъ Корсуны

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Захревскаго, стр. 279 и сл. О мощахъ св. Ольги въ минейномъ житіи ея читается слѣдующее: „въ гробѣ, вѣже лежить блаженное и честное тѣло блаженнымъ княгинѣй Ольги, гробъ камень малъ въ церкви св. Богородица, ту церковь камену създа блаженный князь Володимѣрь, и на верху гроба оконце сътворено, и ту видити тѣло блаженныя княгинѣй Ольги лежаще цѣло“. См. „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 2, Кіевъ, 1888 г., отд. 2, стр. 21.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Захревскаго, стр. 280—282. Судя по аналогіи съ надписью надъ Перушиною Стѣною Кіево-Соф. собора, эта надпись должна быть слѣдующая: „Богъ посредѣ ея, и не подвижится, поможетъ ей Богъ день и день“. Въ наиболее удѣлѣвшемъ отрывкѣ надписи, повидимому, читается *ἐν μέσῳ*, т. е. посредѣ.

иконы, кресты и сосуды церковные ¹⁾. Вѣроятно, въ числѣ корсунскихъ иконъ была и особо чтимая икона святителя Николая, вслѣдствіе чего возстановленная къ началу XVII вѣка деревянная Десятинная церковь получила названіе Николаевской ²⁾.

Противъ Десятинной церкви, на торговой площади Бабинѣ Торжкѣ, св. Владиміръ поставилъ двѣ статуи и 4 бронзовыхъ коня, взятые имъ изъ Корсуня.

Послѣ пожара, случившагося въ этой церкви въ 1017 году, она возобновлена была Ярославомъ I и освящена митрополитомъ Θεопемптомъ въ 1039 году ³⁾. Во время княжескихъ междоусобій, Десятинная церковь дважды подвергалась разграбленію со стороны русскихъ же князей: въ 1169 году Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбскаго, а въ 1203 году—Рюрика Ростиславича ⁴⁾. Въ эти-то годы и могли быть взяты изъ Десятинной церкви какъ глава св. Климента ⁵⁾, такъ и корсунскія иконы и въ числѣ ихъ корсунская икона св. Николая ⁶⁾.

Во время разоренія Кіева Батшемъ въ 1240 году Десятинная церковь пострадала едва ли не больше всѣхъ, такъ какъ служила послѣднимъ оплотомъ для кіевлянъ въ ихъ

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 279.

²⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ, 1891 г., III, 137 и слѣд.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 281 и 282.

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 25, 26 и 29.

⁵⁾ О судьбѣ главы св. Климента см. „Кіевск. Старину“, ноябрь 1884 г., стр. 534 и слѣд. При м. Фотіѣ едва ли возстановлена была Десятинная церковь; а по сему и глава св. Климента должна быть взята изъ этой церкви раньше м. Фотія.

⁶⁾ Послѣднюю мы готовы видѣть въ Зарайской иконѣ св. Николая, которая, по сказанію объ этой иконѣ, была временно и въ Кіевѣ. См. „Сказаніе о припесеніи образа св. Николая изъ Корсуня въ г. Зарайскъ въ 1225 году“, свящ. І. В. Добролюбова, Москва, 1891 г.—Не основано ли это легендарное сказаніе на томъ основаніи, что кіевская икона св. Николая дѣйствительно была корсунскою?

упорной борьбѣ съ татарами: она рушилась подъ тяжестью осажденныхъ въ ней кіевлянъ и ихъ имущества ¹⁾ и долго послѣ того оставалась въ развалинахъ. Послѣ долгаго перерыва, о ней упоминается лишь въ 1605 году, когда она находилась въ завѣдываніи уніатскаго попа Филиппа. Въ это время она называется уже Николаевскою Десятинною церковію ²⁾. Въ 1633 году митрополитъ Петръ Могила отобралъ отъ уніатовъ, въ числѣ другихъ церквей, и деревянную церковь Николы Десятиннаго ³⁾, а въ 1635 году разобралъ ее ⁴⁾ и расчистилъ фундаменты древней Десятинной церкви. Въ нихъ онъ открылъ гробницы св. Владиміра и его супруги Анны и отъ мощей св. Владиміра взялъ главу и перенесъ ее въ лавру. Къ уцѣлѣвшему углу древней церкви Петръ Могила пристроилъ малую Десятинную церковь во имя Рождества Богородицы, но не успѣлъ докончить ее ⁵⁾. Въ 1654 году въ Десятинной церкви устроены новый престолъ, жертвенникъ, кладезь, горнее мѣсто и кирпичныя лавки, написанъ образъ Богородицы съ Богомладенцемъ и освящена церковь ⁶⁾. Къ концу XVII вѣка московскіе воеводы г. Кіева пристроили къ Десятинной церкви деревянную трапезу, а надъ нею надстроили деревянную Петропавловскую церковь ⁷⁾. Впослѣдствіи малая Десятинная церковь пришла въ упадокъ и въ 1758 году возобновлена монахиней Кіево-Флоровскаго монастыря, княгиней Нектаріей Долгоруковой, при чемъ най-

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., I, 30.

²⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ, 1891 г. III, стр. 137 и слѣд.

³⁾ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ 1873 г., № 13, стр. 371.

⁴⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“. кн. 5, отд. 3, стр. 223 и 224.

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 282 и 283. Но Сласская на Бѣрестовѣй церковь тогда еще не была возстановлена, какъ видно изъ „Тератургамъ“ Кальнофойскаго 1638 года (стр. 24).

⁶⁾ „Кіевская Старина“, май—іюль, 1889 г., стр. 578.

⁷⁾ „Росписной списокъ г. Кіева, 1700 г., стр. 53.

дены были двѣ мраморныя надгробныя доски, опять зарыты въ землю. Въ это время церковь состояла изъ двухъ низкихъ этажей: нижній каменный посвященъ былъ празднику Рождества Богородицы и святителю Николаю, а верхній деревянный апостоламъ Петру и Павлу.

Въ 1824 году кievскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) раскрылъ, для изслѣдованія, развалины и фундаменты древней Десятинной церкви ⁴⁾, а 2 августа 1828 года послѣдовала торжественная закладка, на мѣстѣ этихъ развалинъ, новой Десятинной церкви, которую взялся выстроить на свои средства курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ. Церковь окончена и освящена въ 1842 году во имя Рождества Богородицы, съ придѣлами св. князя Владиміра и святителя Николая.

Въ нынѣшней Десятинной церкви, въ особомъ мѣстѣ, хранятся частицы св. мощей печерскихъ угодниковъ. Подъ спудомъ находятся гробницы св. княгини Ольги и св. Владиміра. Въ шпифѣ, у правого клироса, собраны нѣкоторые предметы древности, найденные при раскопкѣ фундаментовъ церкви. Въ полѣ передъ главнымъ престоломъ вдѣланъ большой кусокъ древняго мозаического пола. Въ южную стѣну храма вдѣланы камни съ остатками древней греческой надписи ²⁾.

6) *Θεοδоровскій монастырь*. Церковь св. Θεодора основана сыномъ Владиміра Мономаха, великимъ княземъ кievскимъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, въ 1129 году, въ честь св. Θεодора Тирона, имя котораго онъ носилъ. Въ 1146 году при этой церкви былъ монастырь, въ которомъ постриженъ былъ въ иночество свергнутый съ Кіевского престола князь Игорь Ольговичъ.

Θεοдоровскій монастырь назывался Вотчъ или Отчій и

⁴⁾ Записку К. Лохвицкаго объ открытіи фундаментовъ этой церкви см. въ „Кіевской Старинѣ“, июль, 1889 г., стр. 248 и 249.

²⁾ Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 290 и слѣд.

служилъ мѣстомъ погребенія для основателя храма и его потомковъ. Всѣхъ княжескихъ погребеній въ этомъ монастырѣ, по лѣтописи, насчитывается до 9-ти. Въ 1240 году татары разорили Феодоровскій монастырь; но часть его иконъ и утвари уцѣлѣла отъ татарскаго разоренія. Подъ 1259 годомъ есть лѣтописное извѣстіе о томъ, что князь Данило Романовичъ Галицкій, праправнукъ основателя Феодоровскаго монастыря, украсилъ драгоценными камнями и бисеромъ златымъ въ Холмской Златоустовской церкви принесенныя имъ изъ Кіева иконы Спасителя и Богородицы, „иже ему сестра Феодора вѣда изъ монастыря Феодора, и колоколы принесе изъ Кіева“ ¹⁾. Другая святыня древняго Феодоровскаго монастыря находится нынѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ: это—икона Богородицы, предъ которою молился св. Игорь Ольговичъ передъ своею мученическою кончиною, хранящаяся въ Богословскомъ придѣлѣ великой лаврской церкви, подлѣ иконостаса ²⁾. Последнее историческое свидѣтельство о древней Феодоровской церкви находится въ „Тератургимѣ“ Аѳ. Кальнофойскаго, который, перечисляя церкви, стоявшія въ его время на старомъ Кіевѣ, о Феодоровской замѣчаетъ слѣдующее: „церковь св. Феодора Тирова, только стѣны стоятъ“. На приложенномъ къ этой книгѣ планѣ Кіева у Кальнофойскаго изображены и самыя эти стѣны, тогда еще довольно высокія ³⁾.

Мѣстоположеніе этой церкви доселѣ опредѣляли различно и всегда—невѣрно. Въ настоящее время, когда разгаданъ запутанный планъ Кіева у Аѳ. Кальнофойскаго, открылась возможность довольно точно опредѣлить мѣстоположеніе раз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 222—224.

²⁾ „Путеводитель по св. мѣстамъ Кіево-печерской лавры“, изд. 2, Кіевъ, 1877 г., стр. 58 и 59.

³⁾ „Тератургима“, Аѳ. Кальнофойскаго, Кіевъ, 1638 г., стр. 25, и планъ при ней, табл. 3, № 50.

валинъ древней Θεодоровской церкви: по этому плану, разсматриваемому съ оборотной стороны, онѣ находились вблизи Могилинской Десятинной церкви, пристроенной къ юго-западному углу древнихъ развалинъ, на сѣверо-востокъ отъ нея ¹⁾. Здѣсь дѣйствительно, на западъ отъ самыхъ развалинъ, но въ указанномъ положеніи относительно Могилинской Десятинной церкви, въ 1824 году обнаруженъ былъ еще фундаментъ угла отъ какого-то древняго зданія, остальные части котораго остались безъ разысканій ²⁾. По всей вѣроятности, это и есть часть фундаментовъ Θεодоровской церкви.

Опредѣленіе мѣстоположенія Θεодоровской церкви проливаетъ ясный свѣтъ и на другіе сосѣдніе съ нею топографическіе пункты стараго города. Въ Θεодоровскомъ монастырѣ началось мученіе св. князя Игоря Ольговича, убіеннаго кіевлянами въ 1146 году, и описано въ лѣтописи съ замѣчательными топографическими подробностями. „Княномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ святѣй Софѣи на дворъ,—говоритъ лѣтопись,—въ ставшемъ же имъ въ вѣчи... И рече единъ человекъ... а се Игорь, ворогъ нашего князя и нашъ, въ святѣмъ Федорѣ, а убивше того, къ Чернигову поидемъ по своему князи... То же слышавше народъ, оттолѣ поидоша на Игоря въ святый Федоръ.., и поидоша убивать Игоря, и Володимеръ (Мстиславичъ), всѣдъ на конь, погна, и народы идяху по мосту; ояъ же, не мога ихъ минути, увороти коня направо, мимо Глѣбовъ дворъ; и всѣко рѣша княне передъ Володимеромъ. Игорь же, услыша, поиде въ церковь святаго Федора... Они же устремишася на нь, яко звѣрье сверьпии, и похитиша его на обѣднии въ церкви святаго Федора и мапотью на немъ оторгоша.., глаголя: побейте, побейте! и тако изъ свиткы изволокоша... и, емше, по-

¹⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 года. Изд. В. И. Халевка, Кіевъ, 1896 года, табл. 3 № 50.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго; стр. 288, и чертеж. и рисунки въ приложеніи, л. 6.

Труды Кіев. дух. Академіи. Т. II. 1896 г.

ведоша изъ монастыря, и срѣте и Володимерь во вратѣхъ монастырскихъ... и скочи съ коня, и огну и корьзномъ, река кияномъ: братѣ моя, не мозите сего створити зла, не убивайте Игоря! и доведе и Володимерь воротъ матерѣ своея, и ту начаша Игоря убивати... Володимерь же вѣча и во дворъ матери своея, Игоря хороня, и затвори ворота... И тако изъ народа стояще, и вѣзрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двинушася и выломиша ворота, и тако побииша..., и еще живу сущу ему, ругающеся... влекоша и съ Мьстиславля двора чересь Бабинъ торжекъ на княжь дворъ (вар: „сквозѣ Бабинъ торжекъ до святое Богородици“; или „сквозѣ Бабинъ торгъ, таже на великіи торгъ, пришедше ко мраморной церкви Пречистыя Богородицы“) и ту прикончаша и... И оттуду выложиша и на кола, и везоша и на Подолье, на торговище“, и проч. 1).

Кіевляне съ вѣча у Софійскаго собора шли по нынѣшней Большой Владимірской улицѣ, при пересѣченіи ея Большою Житомирскою улицею проходили мостомъ, находившимся передъ Софійскими или Батюевыми воротами, а отъ нихъ направились, поперекъ Десятиннаго переулка, къ Теодоровскому монастырю, за Десятинную церковь. Ворота монастырскія, по обычаю, должны быть съ западной стороны монастыря, т. е. со стороны Десятиннаго переулка. Вблизи воротъ стоялъ „Мьстиславль дворъ“, въ которомъ хотѣлъ спасти Игоря Владиміръ Мьстиславичъ. Этотъ Мьстиславовъ дворъ, вѣроятно, стоялъ возлѣ Десятинной церкви, съ правой или южной ея стороны. Здѣсь, возлѣ Десятинной церкви, еще въ 1774 году Гильденштедтъ видѣлъ остатки стараго фундамента, на которомъ, по его мнѣнію, стоялъ великокняжескій домъ 2). Съ Мстиславова двора возмущившіеся

1) „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“, 1874 г., I, 18 и 19.

2) „Кіевская Старина“, февраль, 1893 г., стр. 280.

кієвляне повлекли полуживого Игоря черезъ Бабинъ торжокъ, бывшій противъ Десятинной церкви, по направленію нынѣшней Трехсвятительской улицы, „на княжъ дворъ“, т. е. на великій Ярославовъ дворъ, находившійся около нынѣшней Васильевской церкви. Отсюда уже мертвѣго Игоря свезли по Боричеву взвозу или нынѣшнему Андреевскому спуску и Черной грязи на Подоль, на торжищѣ, находившееся передъ Кієво-Подольскимъ Успенскимъ соборомъ.

7) *Церковь св. Василія на великомъ Ярославовомъ дворѣ* основана въ 1184 году Святославомъ Всеволодовичемъ: „священа бысть перквы святаго Василія, яже стоитъ въ Кієвѣ на велицѣмъ дворѣ.., созданъ ей бывши Святославомъ Всеволодовичемъ“ ¹⁾. Въ лѣтописи нѣтъ никакого намека на то, чтобы эта церковь построена была на мѣстѣ какой-либо болѣе древней церкви. Выборъ мѣста для этой Васильевской церкви опредѣлялся, кажется, единственно близостью ея къ Златоверхо-Михайловскому монастырю, бывшему „отнимъ“ для Святослава Всеволодовича. Послѣ разгрома Кієва татарами въ 1240 году, Васильевская церковь, хотя и пострадавшая меньше другихъ церквей,—все же оставалась въ запустѣніи болѣе трехъ столѣтій. Въ 1573 году она уже называлась Трехсвятительскою и отдана была справцею воеводства кієвскаго, княземъ Владиславомъ Збаражскимъ, кієвскому Воздвиженскому священнику Филиппу Аонапасьевичу Одонію ²⁾, который и завѣдывалъ ею до начала XVII вѣка ³⁾. Послѣ провозглашенія Брестской церковной уніи съ Римомъ въ 1596 году, Трехсвятительская церковь находилась во владѣніи уніатовъ до 1625 года, въ которомъ казаки убили жив-

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кієва“, I, 27.

²⁾ „Кієвская Старина“, мартъ, 1886 г., стр. 491 и 492.

³⁾ Кажется этотъ же священникъ Филиппъ упоминается въ документѣ 1605 года. См. „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 5. Кієвъ, 1891 г., III, стр. 137 и слѣд.

шаго здѣсь уніатскаго попа Іоанна Юзефовича. Сынъ и преемникъ Его о. Моисей былъ уже православнымъ священникомъ. Но около 1626 года эта церковь опять передана была уніатамъ и оставалась въ ихъ владѣніи до 1633 года, когда митрополитъ Петръ Могила принявъ ее отъ уніатовъ въ свое вѣдѣніе ¹⁾. Онъ отдалъ ее въ распоряженіе Києво-Братскаго монастыря, за которымъ она и утверждена была грамотою Владислава IV отъ 12 мая 1638 года. Тогда приступлено было къ ея исправленію, и оно производилось въ 1639 году. Около 1660 года возобновленная Трехсвятительская церковь сгорѣла и опять заустѣла, пока наконецъ въ 1691 году не была отдана въ вѣдомство кievской митрополіи и тогдашняго кievскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, который и возобновилъ эту церковь, въ 1693—1695 годахъ, при содѣйствіи генеральнаго судьи войска запорожскаго В. Кочубея. Въ XVIII вѣкѣ при этой церкви былъ мужской монастырекъ или „скитокъ“, подчиненный Києво-Софійскому кафедральному монастырю. По штатамъ 1786 года, Трехсвятительскій монастырь былъ упраздненъ, и съ 1789 года Трехсвятительская церковь сдѣлана приходскою, вмѣсто упраздненной Покровской ²⁾.

Въ 1886 году на погостѣ Трехсвятительской церкви выстроено 2-е Кіевское Епархіальное женское училище, а въ 1888 году церковь опять переименована въ Васильевскую ³⁾.

8) *Церковь св. Василія на новомъ дворѣ* создана правнуконъ Владиміра Мономаха, великимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ (1195—1202 г. г.). Лѣтописецъ упоминаетъ о ней только одинъ разъ: „того же лѣта (1197),—говорить

¹⁾ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г. № 17, стр. 481 и сл., и № 13, стр. 371.

²⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“. т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 52—64. См. гравюру Мигуры 1703 г., въ Церковно-арх. муз., № 13, 791. Нѣкоторыя подробности см. въ „Кіевск. Старинѣ“, май 1896 г., II, стр. 40—43.

³⁾ „Кіевская Старина“, июль, 1888 г., стр. 2 (Изв. и Зам.).

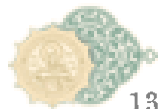
онъ,—созда великій князь боголюбивый Рюрикъ церковь св. Василя, во свое имя, въ Кіевѣ, на новомъ дворѣ; священа бысть великимъ священіемъ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ Бѣлгородскимъ Андрѣяномъ, и Юрьевскимъ епископомъ, мѣсяца генваря въ первый день¹⁾. Но гдѣ она находилась,—съ точностію неизвѣстно. По всей вѣроятности, Святославъ III Всеволодовичъ, занявъ великій Ярославовъ дворъ созданною имъ церковію св. Василя, поставилъ гдѣ либо по сосѣдству съ нею новый дворъ, названный такъ въ отличіе отъ сосѣдняго стараго. На этомъ новомъ дворѣ онъ и скончался въ 1194 году²⁾. Въ такомъ случаѣ, какъ новаго двора, такъ и Васильевской на немъ церкви нужно искать противъ бывшей Трехсвятительской, а нынѣ Васильевской церкви, на западъ отъ нея, гдѣ находимы были соответствующія имъ развалины и остатки древнихъ зданій и церквей. Въ 1838 году въ усадьбѣ Королева, за нынѣшнюю старокіевскую аптекою, открыты были остатки фундамента древней церкви и въ нихъ плитки ценины и доска краснаго шифера. Среди мусора отысканы: медальонъ съ эмалевымъ изображеніемъ Христа, крестикъ, сканная буса и 4 перстня изъ золота, 5 серебряныхъ монетныхъ гривенъ кіевского типа и обломки стеклянныхъ браслетовъ. Эти развалины ошибочно приняты были за остатки церкви Теодоровскаго монастыря³⁾, находившагося, какъ мы видѣли, въ другомъ мѣстѣ. Скорѣе, это—остатки Васильевской церкви на новомъ дворѣ. Могла быть тутъ и древняя Никитская церковь, упоминаемая въ позднѣйшихъ документахъ начала XVII вѣка⁴⁾. Въ такомъ случаѣ Васильевская церковь на новомъ дворѣ могла быть

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“, 1874 г., I, 28.

²⁾ Тамъ же. I, 28.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 224 и 225; „Археологическая карта Кіевск губерніи“, В. Б. Антоновича, Москва, 1895 г., стр. 34.

⁴⁾ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., № 12, стр. 358.

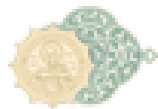
противъ самой нижнѣйшей Васильевской, бывшей Трехсвятительской церкви, гдѣ въ 1845 и 1851 годахъ, въ бывшемъ саду г. Анненкова, тоже найдены остатки древняго зданія и церковныхъ принадлежностей ¹⁾. Можетъ быть, эту Васильевскую церковь на новомъ дворѣ выпросилъ себѣ въ 1688 году кievскій митрополитъ Гedeонъ Святополкъ—Четвѣртинскій для того, чтобы матеріалъ ея употребить на возобновленіе Кіево-Софійскаго Собора ²⁾.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Кіевская Старина“, апрѣль. 1894 г., стр. 152 и сл.; „Археологія. карта Кіев. губ.“ В. В. Антоновича, Москва, 1895 г., стр. 31.

²⁾ „Кіев. Старина“, октябрь, 1884 г., стр. 235.

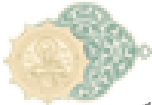
СЛОВО

**въ день открытія честныхъ мощей Святителя
Еоодосія архієпископа Черниговскаго, произне-
сенное высокопреосвященнымъ Іоанніемъ, ми-
трополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ г. Чер-
ниговѣ 9 сентября 1896 года.**

Свѣтлое и радостное торжество совершается нынѣ во всѣхъ православныхъ церквахъ Россіи по случаю открытія честныхъ мощей Святителя и Чудотворца Еоодосія; преимущественно же радостно событіе сіе для васъ, жители богоспасаемаго града сего и всей области Черниговской. Отнынѣ вы имѣете новаго, сроднаго вамъ, предстателя и молитвенника о васъ предъ престоломъ Всевышняго. Прибѣгайте къ нему съ вѣрою и любовію во всѣхъ вашихъ нуждахъ и обстояніяхъ, много бо можетъ молитва праведнаго, и мысленно взирая на скончаніе жителства его, подражайте вѣрѣ его.

Паствѣ естественно учиться у своего архипастыря. Немногое дошло до насъ изъ жизни Святителя Божія, но самые нетлѣнные останки его преподають всѣмъ и каждому неумолкающее поученіе,—поученіе глубоко-назидательное и отрадно утѣшительное. Привикать умомъ и сердцемъ къ сему поученію, уразумѣвать его, по возможности, и пользоваться имъ для своего спасенія и блаженства—долгъ cadaго истиннаго христіанина.

Безмолвный гробъ, вмѣщающій въ себѣ нетлѣнные останки Святителя Божія, внушаетъ намъ прежде всего ту основную и коренную истину христіанской вѣры, что «се есть животь вѣчный, да знаютъ единого истиннаго Бога и Егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа» (Іоан. 17, 3). Было ли когда-либо подобное чудесное явленіе нетлѣнія между людьми, не исповѣдующими христіанской вѣры? Не было никогда и нигдѣ, послѣ того, какъ правда Божія изрекла человѣку-преступнику: «земля еси и въ землю отыдеши» (Быт. 3, 19), послѣ того, какъ «единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде» (Рим. 5, 12). Что-же значить сіе? Отъ чего въ одномъ христіанствѣ встрѣчается подобное явленіе? Отъ того, что оно только одно вводитъ жизнь божественную въ отчуждившееся отъ нея человѣчество. — «Жало смерти», а вмѣстѣ съ нею и тлѣніе, «грѣхъ» (I Кор. 15, 56). Тлетворный ядъ грѣха, заражая первоначально душу, скорѣе или медленнѣе, но всегда смертоносно, отравляетъ и тѣло, такъ что доколѣ есть грѣхъ въ существѣ человѣка, дотолѣ человѣкъ неизбѣжно подлежитъ тлѣнію и смерти. Дабы человѣку снова возвратиться въ неистлѣніе, необходимо, чтобы онъ не только пересталъ отравлять себя грѣхомъ, но и получилъ отвнѣ животворную силу, которая исправила-бы въ немъ поврежденіе, произведенное прежними приѣмами яда грѣховнаго. Требованія необходимыя, но совершенно невозможныя для самого человѣка: ибо «кто чистъ будетъ отъ скверны? Никто-же, аще и единъ день житія его на земли». (Іов. 14, 4). Съ другой стороны, какъ получить животворную силу, противодѣйствующую тлетворному дѣйствию грѣха, — силу, которая въ Богѣ, Источникѣ живота, когда грѣхъ, отравивши существо наше, сталъ средостѣніемъ между нами и Богомъ и преградилъ

собою токи благодати Божіей? Вотъ почему не видимъ мы въ христіанства ни одного примѣра чудеснаго изъятія изъ содѣлавшагося теперь всеобщимъ закона истлѣнія для смертнаго тѣла нашего. Чтобы снова возвратить насъ въ неистлѣніе, требуется сила, высшая человеческой, могущество, большее естественнаго, всемогущество Божіе. «Богъ, создавшій человѣка въ неистлѣніе», и по паденіи его не отступилъ отъ Своего опредѣленія содѣлать его причастникомъ нетлѣнія и вѣчной жизни. Для избавленія человѣка отъ работы тлѣнію Онъ послалъ на землю Единороднаго Сына Своего, Который, принявъ на Себя вину смерти—грѣхъ всего міра, и вкусивъ за оный самую смерть, воскресеніемъ отъ смерти открылъ въ Себѣ источникъ жизни для всякаго, приближающагося къ Нему вѣрою и любовію. Животворное дѣйствіе благодати, начинаясь въ душѣ, распространяется и на все существо человѣка. Вотъ почему въ христіанствѣ только видимъ мы примѣры чудеснаго изъятія тѣлъ изъ всеобщаго закона тлѣнія.

Нетлѣнные останки Святителя Христова служатъ посему всегдашнимъ, безмолвнымъ, но въ самомъ безмолвіи краснорѣчивѣйшимъ проповѣдникомъ истинности и животворности св. вѣры Христовой. Безмолвный гробъ его говоритъ всѣмъ и каждому: «пріиди и виждь, истинна-ли вѣра, мною исповѣданная, когда она такъ чудесно оправдана самимъ Богомъ на мнѣ самомъ; пріиди и виждь, животворна ли вѣра мною исповѣданная, когда божественною силою ея тѣло мое, само по себѣ брѣнное, какъ-бы въ самой смерти живетъ нетлѣніемъ».

«Не слышатель слова забытливъ, но творецъ дѣла, приникій въ законъ совершенъ свободы, и пребывъ, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ» (Іак. 1, 25):—вотъ что еще внушаютъ намъ нетлѣнные останки Свя-

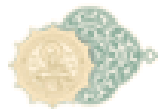
тителя Христова. Только подъ условіемъ полного и всецѣлаго усвоенія себѣ всего, чему учить и что заповѣдуетъ св. вѣра, возможно достигнуть такого прославленія. Животворное дѣйствіе благодати начинается въ душѣ, и потомъ уже распространяется на все существо человѣка. Надлежитъ посему, чтобы прежде воспринята была и всецѣло усвоена душою благодатная сила Христова, чтобы потомъ она могла произвести животворное дѣйствіе и на тѣло. Такъ и представляетъ слово Божіе настоящую жизнь избранныхъ Божіихъ человѣковъ. Они живутъ и дѣйствуютъ не своею естественною жизнію, но жизнію Іисуса Христа, таинственно вселяющагося и обитающаго въ нихъ. «Живу не кому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. 2, 20), говоритъ о себѣ св. Апостоль. Съ Нимъ они живутъ, въ Немъ и умираютъ для настоящаго растлѣннаго міра, съ Нимъ и воскресаютъ духомъ, начинаютъ жить по Богѣ, въ правдѣ и преподобіи истины, жизнію небесною, ангельскою, еще здѣсь на землѣ. Эта благодатная сила Христова, обнимая собою всю душу, по тѣсной и неразрывной связи души съ тѣломъ, простирается и на него, объемлетъ и проникаетъ его своею живительною силою, и иногда сообщаетъ ему еще на землѣ, при всеобщемъ тлѣніи земныхъ существъ, силу нетлѣнія. Такимъ, а не инымъ путемъ благоугождалъ Господу и блаженный Святитель Θεодосій; такимъ путемъ достигъ онъ прославленія и по смерти своей; тотъ же путь къ вѣчному животу указываетъ собою и всѣмъ намъ, предлагая и побужденія идти симъ путемъ. «Смотрите,—какъ-бы такъ говоритъ онъ,—смотрите, какое дивное воздаяніе отъ Господа за благочестіе, когда черезъ него не только духъ нашъ удостоивается вѣчнаго блаженства въ Богѣ и съ Богомъ, но и самое тѣло, потрудившееся нѣсколько въ подвигахъ благочестія,

дѣлается настолько причастнымъ благодатной силѣ Христовой, что въ самой смерти живетъ нетлѣніемъ. И это еще здѣсь—на землѣ; что-же будетъ тамъ—на небѣ?

Не для всѣхъ, конечно, сіе дивное прославленіе еще здѣсь—на землѣ, прежде всеобщаго прославленія праведныхъ въ блаженномъ царствѣ Христовомъ. Мы видимъ, что многіе и изъ святыхъ Воинихъ не удостоены нетлѣнія... Но для всѣхъ возможно, всѣ предназначены, всѣ и обязаны стремиться къ почести вышняго званія о Христѣ Иисусѣ, къ тому, чтобы удостоиться получить неистлѣннѣ вѣнецъ въ царствіи Отца Небеснаго. А путь къ сему не иной, какъ путь вѣры, споспѣшествуемой любовью, проявляемой благочестивою жизнію и свидѣтельствуемой благими дѣлами.

Таковы главные наставленія, преподаваемые намъ нетлѣнными мощами новооткрытаго Угодника Божія, Святителя и Чудотворца Θεодосія. «Влудите, внушаетъ онъ намъ, яко зѣницу ока, св. вѣру Христову, держась неуклонно св. Церкви православной, какъ спасительнаго ковчега Божія; ревнуйте, по моему примѣру, перевести въ собственную жизнь и дѣятельность то, во что вѣруете. Исполняя сіе въ мѣру данныхъ каждому силъ отъ Бога, недалеко будете отъ царствія Христова.

Дай Богъ, чтобы никто изъ насъ не былъ празднымъ и забытливымъ слушателемъ сихъ наставленій, а по мѣрѣ силъ своихъ уразумѣвалъ ихъ и переводилъ въ плоть и кровь, или лучше—въ духъ и жизнь! Аминь.

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе*).

4) Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія въ Харьковѣ.

Учено-административныя порученія высшаго начальства, исполнявшіяся преосв. Макаріемъ въ Харьковѣ.

Въ Харьковѣ преосв. Макарій нерѣдко исполнялъ различныя порученія высшаго начальства какъ административнаго, такъ чаще всего ученаго характера. Укажемъ важнѣйшія изъ этихъ порученій. Въ 1863 г. преосв. Макарій, по распоряженію Св. Синода, подобно всѣмъ другимъ епархіальнымъ архіереямъ, долженъ былъ давать отзывъ о трудахъ бывшаго Комитета по дѣлу преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Порученіе это было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Какъ извѣстно, однообразное устройство въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи было первоначально введено въ первой четверти истекающаго столѣтія. Тогда же былъ составленъ и проектъ этого устройства, Высочайше утвержденный въ 1814 году. Съ того времени устройство нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, находившихся подъ высшимъ управленіемъ комиссіи духовныхъ училищъ, оставалось безъ существенныхъ измѣненій до 1839 года. Въ этомъ же послѣднемъ году комиссія духовныхъ училищъ была закрыта и вслѣдъ

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. сентябрь 1896 г.

за тѣмъ началось коренное преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1840 году были преобразованы духовныя семинаріи, а въ 1851 году—низшія духовныя училища; кромѣ того, было сдѣлано въ различные годы множество частныхъ распоряженій относительно новаго устройства духовно-учебныхъ заведеній. Какъ реформы 1840 и 1851 годовъ, такъ и всѣ остальные распоряженія высшаго начальства относительно новаго устройства духовно-учебныхъ заведеній были дѣломъ преимущественно, даже, можно сказать, почти исключительно бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, графа А. Н. Пратасова. Преобразованія, введенныя по инициативѣ этого послѣдняго, имѣли преимущественно практическія цѣли. Они были направлены къ тому, чтобы сдѣлать православныхъ священниковъ не только духовными пастырями, но и руководителями народа въ практической жизни,—сдѣлать ихъ хорошими сельскими хозяевами, медиками, инженерами, землемѣрами, архитекторами и т. п. Нововведеніямъ графа А. Н. Пратасова не сочувствовало большинство нашихъ архипастырей, воспитавшихся въ старой—строго классической школѣ. Поэтому, тотчасъ же послѣ смерти графа Пратасова начались высказываться желанія о пересмотрѣ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній и объ устраниеніи различныхъ недостатковъ въ устройствѣ этихъ послѣднихъ, бывшихъ прямымъ послѣдствіемъ недавнихъ преобразованій. Уже въ 1858 году, по докладу Св. Синода, состоялось Высочайшее соизволеніе на исключеніе изъ семинарскаго курса геодезін и объ ограниченіи объема естественныхъ наукъ. Въ то же самое время начали дѣлать необходимыя приготовленія къ коренному преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. Съ этою цѣлію въ 1858—1860 г. г. нѣкоторые лица были отправлены на православный Востокъ и за-границу для собранія свѣдѣній объ устройствѣ духовныхъ школъ на Востокѣ и во Франціи, а въ то же самое время всѣ ректоры академій и семинарій были приглашены къ сообщенію своихъ мнѣній

о тѣхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ, какія они признають полезными въ нравственной, учебной и хозяйственной части духовно-учебныхъ заведеній. Мѣнія эти съ замѣчаніями мѣстныхъ преосвященныхъ были представлены оберъ-прокурору Св. Синода въ 1858—1859 г. г. и изъ нихъ былъ сдѣланъ общій сводъ, для разсмотрѣнія котораго, по опредѣленію Св. Синода отъ 25 февраля—8 марта 1860 года, былъ учрежденъ особый Комитетъ. Комитетъ этотъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ херсонскаго архіепископа Димитрія (Муретова), долженъ былъ, на основаніи предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріаловъ, составить проектъ новаго устройства духовно-учебныхъ заведеній. Въ началѣ 1862 года Комитетъ окончилъ возложенное на него порученіе и свои труды представилъ въ Св. Синодъ. Труды эти въ 1862—1863 г.г., по опредѣленію Св. Синода, были разосланы къ епархіальнымъ архіереямъ съ предписаніемъ, „чтобы, по разсмотрѣніи сихъ положеній Комитета чрезъ лицъ извѣстныхъ своею педагогическою опытностію, они представили Св. Синоду свое заключеніе“.

При такихъ обстоятельствахъ дано было преосв. Макарію предложеніе сдѣлать отзывъ о трудахъ Комитета 1860 года по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. Важнѣйшія мысли представленнаго имъ отзыва слѣдующія. Преосв. Макарій, прежде всего, указывалъ на то, что Комитетъ сдѣлалъ существенное упущеніе, оставивъ безъ всякаго вниманія вопросъ о преобразованіи духовныхъ академій и ограничившись въ своихъ соображеніяхъ только средними и низшими духовно-учебными заведеніями. „Комитетъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній“,—писалъ преосв. Макарій,—„занился въ своихъ соображеніяхъ только низшими—духовными уѣздными училищами и средними—семинаріями, но не коснулся высшихъ—академій. Между тѣмъ и академіи наши требуютъ существенныхъ преобразованій и улучшеній во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ учебномъ. Требуютъ

и сами по себѣ, какъ училища высшія, какъ представители духовной науки и учености въ Россіи. Нельзя не сознаться, что съ самаго основанія своего и доселѣ академіи наши далеко не соотвѣтствовали въ этомъ отношеніи, да и не могутъ соотвѣтствовать, при настоящемъ порядкѣ и устройствѣ ихъ, своему назначенію; что даровитые юноши, поступающіе сюда изъ среднихъ учебныхъ заведеній, большею частію не находили и не находятъ здѣсь удовлетворенія для своей любознательности и не приобрѣтаютъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ свѣдѣній, какія необходимы для ихъ будущаго поприща. Требуютъ академіи преобразованія и по отношенію къ нашимъ среднимъ и низшимъ духовнымъ училищамъ. Если будутъ преобразованы только одни эти училища, а академіи останутся въ прежнемъ состояніи; если семинаріямъ и училищамъ даны будутъ новый уставъ, новое устройство, а начальники и наставники будутъ присылаться въ нихъ изъ академій такіе же, какіе присылались и прежде, съ такою же степенью познаній, съ тѣмъ же духомъ и направленіемъ, съ такимъ же методомъ преподаванія: то преобразование нашихъ низшихъ и среднихъ училищъ будетъ только наружное, а въ существѣ останется тѣмъ же, чѣмъ было и прежде. Новый уставъ дастъ семинаріямъ только новыя формы, а влить новую жизнь въ эти формы могутъ только начальники и наставники. Необходимо потому преобразовать разомъ всѣ наши духовно-учебныя заведенія, и высшія даже прежде: такъ какъ въ нихъ-то и должны приготовиться дѣйствители для преобразованія прочихъ училищъ. Такъ дѣйствуетъ на нашихъ глазахъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое дало уже новый уставъ прежде всего университетамъ".—Впослѣдствіи мы увидимъ, что на это замѣчаніе преосв. Макарія было обращено высшимъ начальствомъ серьезное вниманіе и какъ только было окончено дѣло преобразованія среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній, тотчасъ же приступили къ преобразованію и

академій, при чемъ самъ преосв. Макарій принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи новаго академическаго устава.—Кромѣ того, преосв. Макарій, вопреки мнѣнію Комитета 1860 года, предлагалъ въ своемъ отзывѣ отдѣлить низшія училища отъ среднихъ—семинарій, такъ чтобы первыя представляли общеобразовательныя, а вторыя—спеціально богословскія заведенія. Показавъ важныя неудобства, къ которымъ должно было повести проектированное Комитетомъ соединеніе училищъ и семинарій, преосв. Макарій писалъ въ своемъ отзывѣ слѣдующее: „не гораздо ли удобнѣе и естественнѣе оставить эти учебныя заведенія въ прежнемъ видѣ, какъ отдѣльныя, сообщивъ имъ только предполагаемое преобразованіе, и именно переименовать духовныя уѣздныя училища въ *духовныя гимназіи* съ общимъ гимназическимъ курсомъ и съ правами прочихъ гимназій, а *духовными семинаріями* называть только прежнія семинаріи, съ новымъ спеціальнымъ богословскимъ курсомъ? Въ такомъ случаѣ въ духовныхъ гимназіяхъ, примѣнительно къ свѣтскимъ, можно сократить курсъ на одинъ годъ тѣмъ болѣе, что очень удобно и въ теченіе семи лѣтъ преподавать науки, назначаемыя для этого курса. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ духовныя гимназіи и семинаріи окажутся малолюдными, онѣ могутъ помѣщаться и въ однихъ зданіяхъ, какъ помѣщаются кое-гдѣ и нынѣ уѣздныя училища вмѣстѣ съ семинаріями. Такъ какъ духовныя гимназіи, и по курсу ученія и по правамъ, будутъ совершенно подобны гимназіямъ свѣтскимъ, съ удержаніемъ только нѣкотораго отличія въ главномъ направленіи, приличномъ вообще духовнымъ училищамъ; такъ какъ въ духовныя гимназіи предоставляется поступать дѣтямъ не одного духовнаго, а и всѣхъ прочихъ государственныхъ сословій, и можно надѣяться, судя по духовному характеру этихъ гимназій, что въ нихъ охотно и даже предпочтительно предъ прочими гимназіями станутъ помѣщать дѣтей своихъ наше православное купечество, мѣ-

щанство и крестьянство; такъ какъ и изъ дѣтей духовнаго сословія, воспитывающихся въ духовныхъ гимназіяхъ, имѣютъ поступать нѣкоторые, по своему только желанію, въ духовныя семинаріи, а всѣ прочіе будутъ переходить въ свѣтскія сословія на государственную или общественную службу: то, по всей справедливости, будущія духовныя гимназіи должны содержаться не на счетъ церковныхъ суммъ или духовнаго вѣдомства, а на счетъ государственный, какъ содержатся и всѣ существующія нынѣ гимназіи. И съ этою цѣлію представляются два способа: или оставить духовныя гимназіи въ вѣдомствѣ духовнаго начальства и просить только, чтобы правительство отпускало на содержаніе ихъ такія же суммы, какія отпускаетъ на свѣтскія гимназіи; или еще лучше—передать духовныя гимназіи въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія для одинаковаго содержанія ихъ съ прочими гимназіями, съ двумя только необходимыми условіями, и именно: а) чтобы для удержанія въ этихъ духовныхъ гимназіяхъ приличнаго имъ главнаго характера всѣ начальники и наставники были опредѣляемы въ нихъ изъ духовныхъ академій и семинарій, и б) чтобы почетными смотрителями или попечителями въ духовныхъ гимназіяхъ были или сами епархіальные архіереи, если, гдѣ пожелаютъ, или, съ ихъ согласія, другія духовныя почетнѣйшія лица епархій. Если нынѣ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія существуютъ гимназіи двоякаго рода—реальныя и классическія, съ разнымъ назначеніемъ: то почему же не допустить въ томъ же Министерствѣ и гимназій третьяго рода—собственно духовныхъ? Всѣ эти гимназіи однѣ другихъ вовсе не исключаютъ и, согласуясь между собою въ самомъ существѣ своемъ и устройствѣ, различались бы только направленіемъ соотвѣтственно разнымъ потребностямъ одного и того же общества. Повторяемъ: можно надѣяться, что люди всѣхъ государственныхъ сословій, а не одного духовнаго, желающіе дать дѣтямъ своимъ, при общемъ образованіи, направленіе религіозное,

весьма охотно и даже предпочтительно стали бы отдавать ихъ для воспитанія въ гимназіи духовныя,—отчего государство не только ничего не потеряло бы, но, безъ всякаго сомнѣнія, и весьма много приобрѣло бы. Надобно присовокупить, что, предоставивъ право не одному духовному, но и всѣмъ прочимъ сословіямъ опредѣлять дѣтей своихъ въ духовныя гимназіи, слѣдуетъ дать право и духовенству опредѣлять своихъ дѣтей въ свѣтскія гимназіи, по своему усмотрѣнію, и затѣмъ дозволить всѣмъ, окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ не только духовныхъ, но равно и свѣтскихъ, поступать по своему желанію въ спеціальныя богословскія училища для приготовленія себя къ пастырскому служенію. Такимъ образомъ чрезъ самое воспитаніе и при самомъ воспитаніи духовное сословіе мало по малу слилось бы съ прочими сословіями государства и потеряло бы свою кастичность⁴⁾. Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько замѣчаній касательно необходимости улучшенія матеріальнаго быта духовно-учебныхъ заведеній (это улучшеніе преосв. Макарій считалъ возможнымъ только подъ тѣмъ условіемъ, если бы *духовныя гимназіи* содержались на общегосударственный счетъ), административнаго устройства ихъ и отношенія епархіальныхъ преосвященныхъ къ нимъ, преосв. Макарій такъ заключалъ свой отзывъ о трудахъ Комитета 1860 года по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній: „высказавъ свои мысли о предметахъ, какъ намъ кажется, болѣе важныхъ и главныхъ въ дѣлѣ будущаго преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, считаемъ излишнимъ перебирать и обсуждать предметы частныя, или, по крайней мѣрѣ, менѣе важныя, изложенныя въ новомъ уставѣ духовныхъ семинарій: такъ какъ всѣ эти предметы довольно подробно разсмотрѣны въ *мнѣніяхъ* другихъ лицъ Харьковской епархіи, которыя мы при семъ препровождаемъ и съ которыми большею частию мы согласны“¹⁾.—Соображенія

⁴⁾ У насъ было подъ руками подлинное собственноручное „мнѣніе преосв. Макарія по разсмотрѣніи трудовъ бывшаго Комитета о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній“.

преосв. Макарія по поводу преобразованія духовно-учебныхъ заведеній были отмѣчены высшимъ начальствомъ. А изъ переписки его съ братомъ, кромѣ того, можно заключать, что въ С.-Петербургѣ нѣкоторые находили ихъ даже оригинальными. По крайней мѣрѣ, 6 сентября 1864 года преосв. Макарій писалъ своему брату: „что тамъ нашли въ моихъ соображеніяхъ о преобразованіи семинарій, не понимаю. Я уже давно забылъ объ нихъ: насилу-то вздумали прочитать ихъ!! А когда же приступать къ самому обсужденію присланныхъ проектовъ и къ самому преобразованію? Вѣрно, намъ этого не дожидаться, а развѣ нашимъ потомкамъ“¹⁾.

Въ томъ же 1863 году преосв. Макарію было предложено отъ Св. Синода высказать свои соображенія по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) на какихъ основаніяхъ могло бы быть распространено и развито допущенное уже у насъ начало т. н. единовѣрія, и на какихъ условіяхъ могло бы совершиться воссоединеніе сектантовъ, приѣмлющихъ священство, съ православною церковью? и 2) не полезно ли было бы возстановить существовавшій еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія обычай, по которому допускалось совершеніе браковъ раскольниковъ въ православныхъ церквяхъ, безъ отобранія отъ нихъ какихъ-либо показаній на счетъ ихъ вѣроисповѣданія и безъ истребованія обязательства на счетъ дальнѣйшей принадлежности къ православію ихъ самихъ, или ихъ дѣтей? На первый вопросъ преосв. Макарій отвѣтилъ предложеніемъ 1) созвать новый соборъ изъ предстоятелей не только русской, но и всей восточной церкви, который бы окончательно разсмотрѣлъ дѣло старообрядцевъ, желающихъ воссоединиться съ православною церковью, и своею несомнѣнною властію снялъ бы съ нихъ клятвы, соборнѣ изреченныя на нихъ въ 1667 году, и 2) дать старообрядцамъ такихъ архіереевъ, какихъ они желаютъ, т. е.

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

которые бы согласились служить для нихъ по ихъ старымъ книгамъ и вообще держаться всѣхъ ихъ обрядовъ, нимало не измѣняя православію. На второй вопросъ преосв. Макарій отвѣтилъ такъ: „не знаемъ, дѣйствительно ли существовалъ у насъ въ двадцатыхъ годахъ тотъ обычай относительно раскольническихъ браковъ, о которомъ упоминается въ этомъ вопросѣ. Но если онъ и существовалъ, то справедливо былъ отмѣненъ и не долженъ быть возстановляемъ. Если оба лица, желающія вступить между собою въ брачный союзъ, будутъ держаться раскола,—въ такомъ случаѣ православная церковь и не можетъ совершить для нихъ таинства брака: потому что оба они не вѣруютъ въ православную церковь, какъ въ раздавательницу даровъ благодати чрезъ таинства, и вовсе не признаютъ ея таинства брака за таинство, а видятъ въ немъ только простой обрядъ, по ихъ мнѣнію, можетъ быть, еретическій и богопротивный. И, слѣдовательно, совершеніе для нихъ таинства брака въ православныхъ храмахъ было бы только какъ бы поруганіемъ этого святого таинства. Если же одно изъ лицъ, желающихъ вступить въ брачный союзъ, будетъ держаться раскола, а другое—православія: то ихъ, конечно, можно вѣнчать и въ православныхъ храмахъ и даже, пожалуй, единственно изъ снисхожденія, безъ всякихъ требованій и обязательствъ съ ихъ стороны, о которыхъ говорится въ вопросѣ. Но только для кого же можетъ происходить польза отъ такого снисхожденія? Разумѣется, не для православной церкви, а для одного раскола. Ибо, несомнѣнно, и православное лице, вступившее въ такой бракъ съ раскольникъ, рано или поздно будетъ обращено къ расколу, и ихъ дѣти сдѣлаются всѣ раскольниками. Надобно замѣтить, что если бы въ настоящее время и предоставлена была раскольникамъ такая льгота, то они, по всей вѣроятности, сами не захотѣли бы пользоваться ею и вѣнчаться въ православныхъ церквахъ. Прежде они не рѣдко рѣшались притворяться и наружнымъ образомъ соблюдать обряды православной церкви

и даже приступать къ ея таинствамъ, между прочимъ, и къ таинству брака единственно изъ страха взысканій,—или изъ опасенія потерять какія-либо гражданскія выгоды. Но нынѣ, когда этотъ страхъ и подобныя опасенія устранены или устраняются, мнимые старообрядцы не имѣютъ уже побужденій носить личину и приневоливать свою совѣсть въ дѣлахъ вѣры и церкви“¹⁾.

И не только свое—духовное—начальство давало порученія преосв. Макарію, но иногда даже и свѣтское начальство обращалось къ нему съ просьбами—дать свой отзывъ, или высказать свое сужденіе по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Такъ, напр., въ началѣ 1862 года Министерство Народнаго Просвѣщенія прислало на разсмотрѣніе преосв. Макарія проекты уставовъ для университетовъ и среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и просило его дать свой отзывъ объ этихъ уставахъ, тогда только что составлявшихся въ Министерствѣ. Преосв. Макарій серьезно отнесся къ такому важному порученію и представилъ подробный отзывъ, который мы, въ виду его интереса и оригинальности, считаемъ умѣстнымъ привести въ подлинномъ видѣ. „Прочитавъ внимательно присланные ко мнѣ проекты—общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ и устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія“,—писалъ онъ въ своемъ отзывѣ,—„я, прежде всего, не могу не выразить моего полного сочувствія тѣмъ идеямъ, какія положены въ основаніе этихъ проектовъ. Обращаясь къ частностямъ, я естественно остановлюсь на томъ, что наиболѣе мнѣ близко и знакомо. I. Судя по § 17 проекта устава Императорскихъ Университетовъ, можно заключать, что преподаваніе богословія въ Университетахъ оставляется въ томъ же видѣ, въ какомъ находилось доселѣ, т. е. одинъ профессоръ

¹⁾ Мы имѣли подъ руками подлинные—указъ Св. Синода и „мнѣніе“ преосв. Макарія, сохранившіеся въ домашнемъ архивѣ этого послѣдняго.

въ извѣстное небольшое число классовъ долженъ преподавать слушателямъ четыре науки: богословіе догматическое, богословіе нравственное, церковную исторію и церковное законовѣдѣніе. Какъ же онъ въ состояннн преподавать все это? По-неволѣ только кратко и поверхностно. А такое преподаваніе, особенно богословія догматическаго и нравственнаго, по нашему мнѣнію, не только почти бесполезно для студентовъ университетскихъ, но можетъ быть даже вреднымъ. Краткое изложеніе и догматовъ вѣры и истинъ нравственности они уже слышали, когда изучали пространннй катихизисъ, разумѣется, съ необходимыми поясненіями со стороны законоучителей. И вотъ въ высшемъ учебномъ заведеніи имъ снова предлагаютъ по Закону Божію почти то же, только въ иной формѣ. Что же они должны испытывать въ себѣ на лекціяхъ богословскихъ, кромѣ скуки, а вслѣдъ за тѣмъ охлажденія къ этой наукѣ и къ самой религіи? Въ то же время, слушая по другимъ наукамъ въ университетѣ лекціи обширныя, ученныя, собственно профессорскія и сравнивая ихъ съ тѣми скудными, по-неволѣ краткими, лекціями, какія читаются по Закону Божію, молодые люди неизбежно приходятъ къ мысли о несостоятельности, неудовлетворительности, отсталости богословской науки, и чрезъ то еще болѣе охлаждаются или колеблются въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Для устранинія столько важнаго неудобства намъ представляются два средства.

Первое: не преподавать въ университетахъ всего курса богословія догматическаго, нравственнаго и церковной исторіи, а ограничиваться изложеніемъ только самыхъ главныхъ и основннхъ истинъ по всѣмъ этимъ наукамъ,—изложеніемъ обширнымъ, основательнымъ, профессорскимъ. Цѣль преподаванія богословія въ университетахъ, безъ сомнѣнія, не та, чтобы готовить ученыхъ богослововъ, а та, чтобы въ молодыхъ, мыслящихъ людяхъ, желающихъ дать себѣ во всемъ отчетъ, выяснить до разумности сознанія и непоколебимо

утвердить тѣ религіозныя и нравственныя убѣжденія, какія посѣяны были въ ихъ умахъ еще прежде, съ самаго дѣтства, и такимъ образомъ приготовить въ нихъ и добрыхъ христіанъ и благонадежныхъ гражданъ. А для этой цѣли вмѣсто того, чтобы *по богословію догматическому* излагать всѣ частныя догматы вѣры, извѣстные уже студентамъ университета изъ катихизиса, гораздо лучше раскрыть предъ ними и утвердить со всею обстоятельностью тѣ общія, коренныя истины или основоположенія, на которыхъ опирается наша вѣра; напри- мѣръ, слѣдующія: 1) христіанство есть явленіе историческое: доказать историческую достовѣрность этого факта вопреки новѣйшимъ вольнодумцамъ; 2) христіанство есть явленіе въ исторіи сверхъестественное: доказать достовѣрность христіанства и съ этой стороны, т. е. раскрыть его Божественное происхожденіе вопреки тѣмъ же вольнодумцамъ; 3) христіанство понимается и содержится различно разными обществами и церквами: доказать, что правильно понимается и содержится оно только въ церкви православной, которая потому и есть одна истинная; 4) въ христіанствѣ указываютъ на нѣкоторые догматы, которые, будто бы, несогласны съ новѣйшими открытіями науки: рассмотреть подробно эти догматы и показать способъ примиренія ихъ съ новѣйшею наукою и т. п. Равнымъ образомъ и въ *нравственномъ богословіи* вмѣсто того, чтобы подробно излагать наши обязанности къ Богу, къ ближнимъ и къ намъ самимъ, достаточно 1) раскрыть обстоятельно отличный характеръ христіанскаго правоученія и его превосходство предъ всѣми прочими правоученіями, 2) объяснить нравственныя истины, которыя почему-либо подвергаются пререканіямъ, или ложно истолковываются въ свѣтѣ, напр., о поединкахъ, самоубійствѣ и проч.; 3) показать вліяніе христіанскаго правоученія на усовершенствованіе и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Также и въ *церковной исторіи* достаточно ограничиться общимъ обзоромъ событій и заботиться преимущественно о томъ, чтобы сообщить студен-

тамъ правильный христіанскій взглядъ на эти событія, а съ подробностію останавливаться только на важнѣйшихъ эпохахъ, каковы: эпоха вселенскихъ соборовъ, эпоха отпаденія западной церкви отъ восточной, эпоха просвѣщенія Россіи христіанствомъ и проч. *О церковномъ законовѣдѣніи* не говоримъ: тамъ легко сдѣлать выборъ предметовъ и сократить сообразно съ цѣлію преподаванія этой науки въ университетахъ.

Второе: дать въ помощь профессору богословія въ каждомъ университетѣ по одному доценту изъ самыхъ лучшихъ магистровъ богословія. Это, по нашему мнѣнію, могло бы имѣть самыя добрыя послѣдствія: 1) на долю профессора и доцента досталось бы тогда только по двѣ науки для преподаванія и, слѣд., они имѣли бы полную возможность сами изучать эти науки со всею основательностію и подробностію, неопустительно слѣдить за современнымъ состояніемъ ихъ въ христіанскомъ мірѣ и давать богословскія лекціи, достойныя университетской кафедры; 2) профессоръ богословія въ лицѣ своего доцента постоянно видѣлъ бы совѣстника, который своими успѣхами естественно возбуждалъ бы въ немъ благородное соревнованіе и усердіе къ совершенствованію лекцій; 3) въ случаѣ продолжительной болѣзни профессора богословія, богословскія лекціи отнюдь не прекращались бы въ университетѣ, какъ неизбежно бывало доселѣ: доцентъ временно могъ бы понести долгъ и своего заболѣвшаго товарища; 4) изъ числа этихъ доцентовъ могли бы со-временемъ выходить отличные профессора богословія для университетовъ, тогда какъ доселѣ каждый разъ, когда открывалась нужда выбрать новаго законоучителя для того или другого университета, встрѣчаемы были крайнія затрудненія.

II. Въ § 98 проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія сказано: „преподаваніе закона Божія въ (учительскомъ институтѣ) ограничивается предѣлами курса народнаго училища, и пото-

му состоятъ одинаково изъ исторической и догматической части". То есть, и въ учительскомъ институтѣ, какъ въ народномъ училищѣ (судя по § 17 того же устава) должны преподаваться: краткій катихизисъ, краткая священная исторія съ чтеніемъ евангелія и посланій апостольскихъ на русскомъ языкѣ, и объясненіе литургіи и значенія важнѣйшихъ праздниковъ. Но по § 88 въ учительскій институтъ могутъ поступать только успѣшно окончившіе курсъ народного училища, или выдержавшіе экзаменъ изъ полного курса этого училища. Зачѣмъ же имъ вновь стануть преподавать изъ Закона Божія то же самое, что они уже знаютъ? И не странно ли представить, какъ юноши въ 16, 17, 18 лѣтъ будутъ вновь изучать краткій катихизисъ и краткую священную исторію? Потому-то, конечно, въ означенномъ § (98) и прибавлено: „но возрастъ воспитанниковъ и будущее ихъ назначеніе представить возможность присоединить къ догматической части дальнѣйшія объясненія и расширить историческую часть чтеніемъ въ русскомъ переводѣ избранныхъ мѣстъ изъ Библии". Это крайне неопредѣленно и законоучители будутъ поставлены въ недоумѣніе, какіе же именно догматы имъ объяснить пообширнѣе и какія мѣста изъ Библии прочитатъ? Не лучше ли весь означенный 98 § выразить такъ: „по Закону Божію въ учительскомъ институтѣ въ продолженіе перваго года повторить то, что изучили воспитанники въ народномъ училищѣ, т. е. краткій катихизисъ, краткую священную исторію и изъясненіе литургіи и значенія важнѣйшихъ праздниковъ. А въ слѣдующіе учебные годы—продолжить объясненіе другихъ важнѣйшихъ частей православнаго богослуженія и преподавать краткія историческія свѣдѣнія о самыхъ главныхъ событіяхъ исторіи какъ церкви Христовой вообще, такъ въ особенности Церкви Русской". Или не выразить ли такъ: „по Закону Божію въ учительскомъ институтѣ преподаются тѣ же предметы, какіе и въ гимназіяхъ" (§ 202).

III. Въ §§ 192 и 131 того же проекта говорится: „законоучитель гимназій утверждается въ должности попечителемъ округа, по представленію директора, основанному на предварительномъ одобреніи мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ лица, избираемаго въ эту должность“. Намъ кажется, что для избранія достойнѣйшихъ законоучителей въ гимназіи недостаточно того одного, чтобы они были избраны директорами гимназій и одобрены епархіальнымъ начальствомъ, а надобно—а) чтобы искать этой должности въ гимназіяхъ было предоставлено право всѣмъ мѣстнымъ священникамъ и кандидатамъ священства, имѣющимъ ученые академическія степени—магистра или кандидата, и б) чтобы всѣ сопскатели дали предварительно, по крайней мѣрѣ, по три пробныхъ лекціи въ присутствіи гимназическаго начальства и учителей, а равно двухъ или трехъ приглашенныхъ депутатовъ со стороны духовенства. И тогда то уже тотъ, кто будетъ признанъ, общимъ мнѣніемъ или большинствомъ голосовъ, наиболѣе достойнымъ и способнѣйшимъ къ преподаванію Закона Божія въ гимназіи, долженъ быть представляемъ, по предварительномъ одобреніи отъ епархіальнаго начальства, на утвержденіе попечителя округа. Подобнаго же порядка тѣмъ болѣе надлежало бы держаться при выборѣ законоучителей въ университеты“ ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1863 году Министерство Народнаго Просвѣщенія, составлявшее проектъ устава для гимназій, снова обращалось съ просьбою къ преосв. Макарію дать свой отзывъ о томъ, какія мѣры слѣдовало бы принять для лучшей постановки въ этихъ заведеніяхъ нравственно-религіознаго образованія, какъ главнаго основанія въ воспитаніи, а также и отзывъ о нравственномъ состояніи учениковъ и преподаваніи религіи въ гимназіяхъ Харьковской епархіи.

¹⁾ Мы имѣли подъ руками подлинное отношеніе, министра А. В. Головина къ преосв. Макарію отъ 7 февраля 1862 г. и отвѣтъ его отъ 9 марта того же года, сохранившіеся въ архивѣ преосв. Макарія.

Преосв. Макарій отвѣтилъ на это, что „преподаваніе религіи въ гимназіяхъ Харьковской епархіи, по существующимъ программамъ и руководствамъ, идетъ успѣшно и состояніе нравственности учениковъ вообще очень хорошее“. Кромѣ того, онъ препроводилъ въ Министерство подробную записку о мѣрахъ къ улучшенію нравственно-религіознаго образованія въ гимназіяхъ, составленную, по его приглашенію, „отличнѣйшимъ изъ харьковскихъ законоучителей“, магистромъ богословія, прот. Вертеловскимъ ¹⁾).

Въ бытность харьковскимъ архипастыремъ, преосв. Макарій неоднократно, по порученію Св. Синода, разсматривалъ и давалъ отзывы о сочиненіяхъ разныхъ авторовъ. Такъ, напр., въ 1860 году онъ разсматривалъ рукописное сочиненіе Славина подъ заглавіемъ: „Обзоръ исторіи христіанской религіи и всѣхъ еретиковъ и гонителей христіанства отъ первыхъ вѣковъ до XIX“. Онъ далъ такой отзывъ объ этой книгѣ: „сочиненіе представляетъ самый поверхностный и краткій обзоръ—сперва—нѣкоторыхъ пророчествъ о Христѣ Спасителѣ, потомъ—Его земной жизни, чудесъ и ученія, далѣе—распространенія и бѣдствій церкви отъ гонителей въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ, наконецъ,—главнѣйшихъ (но отнюдь не всѣхъ) еретиковъ и раскольниковъ до XIX в. Почему авторъ доводитъ свой обзоръ распространенія и бѣдствій церкви только до XI в., а ересей и расколовъ—до XIX в., почему также не обозрѣваетъ онъ другихъ предметовъ церковной исторіи, именно: церковнаго ученія, богослуженія, управленія, нравственности христіанъ-- неизвѣстно. При такихъ недостаткахъ этого сочиненія отъ изданія его въ свѣтъ нельзя ожидать никакой пользы: оно не въ состояніи принести даже и той пользы, какую приносятъ краткія церковныя исторіи,

¹⁾ Мы выѣли подъ руками подлинныя--отношеніе министра А. В. Головнина къ преосв. Макарію отъ 4 февраля 1863 года и отвѣтъ его отъ 5 апрѣля того же года, сохранившіеся въ архивѣ преосв. Макарія.

обозрѣваюція свой предметъ если и поверхностно, то, по крайней мѣрѣ, сполна и со всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ.

Въ 1862 году преосв. Макарій разсматривалъ сочиненіе священника І. Петрова подъ заглавіемъ: „Краткія свѣдѣнія о первыхъ двухъ книгахъ Новаго Завѣта: о евангеліи отъ Маттея и евангеліи отъ Марка, съ поясненіемъ труднѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ мѣстъ“,—сочиненіи, удостоенномъ Конференціею Киевской духовной Академіи степени магистра богословія. Преосв. Макарій, съ своей стороны, призналъ это сочиненіе очень неудовлетворительнымъ. „Краткія свѣдѣнія о томъ и другомъ евангеліи“,—писалъ онъ въ своемъ отзывѣ,—„именно—о писателяхъ, времени, мѣстѣ, цѣли написанія, побужденіяхъ къ написанію и проч., изложены крайне схоластически, поверхностно, бездоказательно, и невольно напоминаютъ тѣ скудныя записки, по какимъ прежде преподавались уроки по Св. Писанію въ нашихъ семинаріяхъ. Авторъ не прибавилъ отъ себя ни новыхъ историческихъ изысканій, ни даже соображеній, не потрудился провѣрить ни одного изъ свидѣтельствъ, на которыя изрѣдка указываетъ, а большею частию и совсѣмъ не указываетъ на источники или ограничивается одними именами писателей, которые будто бы подтверждаютъ его мысли. Изъясненія на разные тексты двухъ первыхъ евангелій почти всѣ вѣрны, но это изъясненія самыя обыкновенныя и общеизвѣстныя и также напоминаютъ семинарскія записки по классу Св. Писанія. Ни собственнаго основательнаго углубленія въ смыслъ священныхъ текстовъ, ни обстоятельнаго знакомства съ древними и новыми толкованіями на евангелія—не видно. Вообще сочиненіе это вовсе не имѣетъ характера труда ученаго, тщательно обработаннаго и сколько нибудь самостоятельнаго. А потому, мнѣ кажется, оно и не заслуживаетъ своему автору ученой степени магистра богословія¹⁾).

¹⁾ Унасъ были подъ руками подлинные—указъ Св. Синода отъ 28 декаб. 1861 г. и отвѣтъ преосв. Макарія отъ 25 января 1862 года, сохранившіеся въ архивѣ этого послѣдняго.

Въ томъ же (1862) году преосв. Макарій разсматривалъ сочиненія протоіерея Н. А. Өаворова: 1) Руководство къ церковному собесѣдованію; 2) Жизнь и творенія блаженнаго Августина; 3) Жизнь св. Кипріяна съ библиографическими изслѣдованіями о его твореніяхъ и 4) Бесѣды о приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя,—сочиненія, за которыя авторъ ихъ былъ удостоенъ Конференціей Киевской духовной Академіи степени доктора богословія. Преосв. Макарій далъ слѣдующій отзывъ о сочиненіяхъ протоіерея Өаворова. Сочиненіе подъ названіемъ: „Руководство къ церковному собесѣдованію“,—писалъ онъ,—„заслуживаетъ вниманія уже какъ первый у насъ опытъ собственно учебника по этой наукѣ. И хотя авторъ пользовался прежде изданными „Чтеніями о церковной словесности“ профессора Амфітеатрова, которыя, по самой своей обширности, не могутъ быть названы учебникомъ, однако-жъ вездѣ умѣлъ соблюсти самостоятельность и самъ вновь разработалъ и докончилъ тѣ отдѣлы науки, которые въ сочиненіи Амфітеатрова вовсе не находятся. Можно не соглашаться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ его наставленіяхъ и замѣчаніяхъ относительно проповѣдничества, но нельзя не сознаться, что онъ изучилъ свою науку весьма обстоятельно и изложилъ её ясно, отчетливо, послѣдовательно, какъ знатокъ дѣла. „Бесѣды о приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Мессіи“—другое сочиненіе прот. Өаворова—свидѣтельствуютъ и объ его зрѣлыхъ понятіяхъ изъ области христіанской догматики и объ его искусствѣ излагать съ церковной кафедрой возвышенныя истины вѣры просто, вразумительно и съ назиданіемъ. Остальныя сочиненія: „Жизнь и творенія св. великомученика Кипріяна епископа карфагенскаго“ и „Жизнь и творенія блаженнаго Августина“—написаны перомъ ученаго изслѣдователя, очень близко знакомаго съ предметами богословской науки—патристики. На основаніи всѣхъ означенныхъ достоинствъ разсмотрѣнныхъ мною сочиненій, я полагалъ бы, что авторъ ихъ—протоіерей Өаво-

ровъ можетъ быть удостоенъ ученой степени доктора богословія¹⁾.

Будучи харьковскимъ архипастыремъ, преосв. Макарій исполнялъ нѣкоторыя важныя порученія высшаго начальства, имѣвшія административный характеръ. Такъ, въ 1864 году онъ, по распоряженію Св. Синода, отправлялся въ г. Екатеринославль для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній и епархіи по всѣмъ частямъ ея управленія. Изъ предложенія его харьковской духовной консисторіи отъ 28 іюня 1864 года видно, что для занятій съ собою онъ бралъ члена консисторіи протоіерея І. Шероцкаго и секретаря консисторіи. На ревизію Екатеринославской епархіи и духовно-учебныхъ заведеній ея онъ употребилъ около мѣсяца времени. Но больше всего смущала его въ данномъ случаѣ непріятность самаго порученія. „Ну, слава Богу“,—писалъ онъ 28 іюля 1864 года брату,—„окончилъ возложенное на меня порученіе: съѣздивъ въ Екатеринославль и—главное—написавъ уже отчетъ—вещь очень щекотливая, хлопотливая и непріятная. На дняхъ отправлю въ Петербургъ“²⁾.

Уже въ самомъ концѣ своего служенія въ Харьковѣ, именно въ ноябрѣ 1868 года преосв. Макарій, по распоряженію Св. Синода, отправлялся въ г. Вильно для совершенія погребенія тѣла скончавшагося литовскаго митрополита Іосифа.

¹⁾ Мы имѣли подъ руками подлинныя—указъ Св. Синода отъ 10 мая 1862 года и отвѣтъ преосв. Макарія отъ 6 іюня того же года, сохранившіеся въ архивѣ этого послѣдняго.

²⁾ Изъ нежданнаго письма.

5) *Частныя отношенія и жизнь преосв. Макарія, вызовъ его въ Св. Синодъ и назначеніе въ Вильно.*

(Образъ жизни преосв. Макарія въ Харьковѣ. Нѣкоторыя замѣчательныя черты въ характерѣ его за это время. Благотворительность его въ Харьковѣ. Замѣчательное пожертвованіе его. Отношенія высшаго начальства и подчиненныхъ къ преосв. Макарію. Вызовъ въ С.-Петербургъ. Прошаніе съ Харьковомъ. Побѣдка въ Вильно. Назначеніе литовскимъ архіепископомъ. Скорбь Харьковской части по поводу перехода преосв. Макарія. Послѣдующія отношенія харьковского духовенства къ своему бывшему архипастырю).

Образъ жизни преосв. Макарія въ Харьковѣ, по общему свидѣтельству лицъ, знавшихъ и имѣвшихъ возможность близко наблюдать его въ это время, отличался аккуратностію и точностію во всемъ. „Онъ всегда вставалъ въ 5 часовъ утра, часъ гулялъ въ саду лѣтомъ и зимою во всякую погоду. По выслушаніи ранней литургіи, ровно въ 9 часовъ принималъ просителей и занимался съ секретаремъ дѣлами епархіальнаго управленія. Это продолжалось обыкновенно до половины 12-го или до 12 часовъ, затѣмъ лѣтомъ архипастырь купался, гулялъ въ рощѣ и кушалъ въ половинѣ перваго. Затѣмъ онъ ходилъ по комнатѣ, въ видѣ отдыха до половины 4-го часа читалъ книги духовнаго содержанія, послѣ чего слѣдовали серьезныя занятія, относившіяся къ исторіи русской церкви. Въ шестомъ часу архипастырь давалъ себѣ непродолжительный отдыхъ, когда пилъ чай, и затѣмъ снова занимался исторіей до 8-го часа. Въ лѣтнее время архипастырь около 8 часовъ вечера снова купался и затѣмъ, послѣ продолжительной, обыкновенно быстрой прогулки по рощѣ, принимался за выписываніе отрывковъ для своего церковно-историческаго труда. Въ 11 часовъ вечера архипастырь, послѣ продолжительной молитвы, уходилъ ко сну“¹⁾. По воспоминаніямъ другого, близко знаваго преосв. Макарія въ Харьковѣ, лица, „образъ жизни архипастыря былъ

¹⁾ Изъ собственноручныхъ воспоминаній прот. І. Д. Чижевскаго.

размѣренъ и рассчитанъ по минутамъ, и отъ однажды введеннаго порядка жизни онъ никогда не отступалъ. Весь день его былъ распределенъ такъ, что большая часть времени приходилась на серьезные умственные занятія. Но и служебными дѣлами онъ занимался усердно. Для этого у него были опредѣленные часы. Доступъ къ нему въ эти часы былъ свободенъ для всякаго. Только пустыхъ рѣчей онъ не любилъ, дорожа временемъ и своимъ и чужимъ. Онъ требовалъ быстрого, краткаго и яснаго изложенія дѣла, которое большею частію тутъ же и рѣшалось¹⁾.

Преосв. Макарій, послѣ аккуратности и точности во всемъ, больше всего любилъ чистоту и опрятность въ обстановкѣ, среди которой онъ жилъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ его кабинетъ, въ которомъ онъ проводилъ большую часть времени. Преосв. Макарій занимался всегда стоя у письменной горки, писалъ гусинымъ перомъ, которое часто погружалъ въ чернильницу, страхивалъ при этомъ въ сторону, отъ чего полъ и коверъ были всегда забрызганы чернилами. Когда же ученый архипастырь углублялся въ размышленіе, то онъ быстро ходилъ по кабинету, отрывалъ отъ чего нибудь кусочки бумаги и разбрасывалъ ихъ по комнатѣ. Весь кабинетъ, кромѣ того, былъ заваленъ книгами. Преосв. Макарій ежедневно получалъ множество газетъ, журналовъ и книгъ. Книги въ безпорядкѣ были разбросаны на столахъ и подъ столами, на диванахъ и подъ диванами. Но въ порядокъ приводить ихъ архипастырь строго запрещалъ своимъ келейникамъ. „Пойми, братъ“,—говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ,—„эта книга открыта, заломлена, или заложена: это все мои замѣтки и ты меня путать не смѣй. Иногда, впрочемъ, преосвященный въ такомъ множествѣ раскладывалъ книги около своего письменнаго стола (горки), что онѣ, наконецъ,

¹⁾ Изъ собственноручныхъ воспоминаній архим. Алимпія.

препятствовали ему ходить по комнатѣ, даже двигаться. Тогда получалось приказаніе прибрать книги“¹⁾...

Преосв. Макарій любилъ уединенную жизнь. Покончивъ пріемъ просителей, или вообще лицъ, желавшихъ его видѣть, онъ немедленно же запирался въ свой кабинетъ и тамъ принимался за свои обычные занятія. Онъ любилъ также наслаждаться природой, чистымъ, открытымъ воздухомъ. Поэтому, раннею весною онъ выѣзжалъ во „Всѣхсвятское“, на архіерейскую дачу и оставался тамъ обыкновенно до глубокой осени. Дача эта въ высшей степени нравилась ему своимъ уединеннымъ положеніемъ. „Дача у меня здѣсь“,— писалъ онъ брату 8 июня 1859 г., черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Харьковъ,—„превосходнѣйшая, очаровательная: просто рай. Домикъ небольшой, деревянный, но со вкусомъ и весь въ саду“²⁾... Впослѣдствіи преосв. Макарій нѣсколько поустроилъ и привелъ въ порядокъ рощу, среди которой находилась архіерейская дача, и ежегодно съ удовольствіемъ проводилъ здѣсь весну, лѣто и часть осени, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и природою. „Пишу въ 8 часовъ вечера“,— замѣчалъ, напр., онъ въ одномъ письмѣ къ брату,—„при растворенномъ окнѣ, когда вокругъ распѣваютъ десятки соловьевъ. Прелесть“³⁾. „Теперь у насъ—совершенная весна“,— писалъ онъ ему 2 мая 1862 года,—„деревья покрылись листьями, сирень распускается, соловьи свищутъ, и я еще съ 23 апрѣля живу на дачѣ“⁴⁾. „Какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе на дачу“,—замѣчалъ онъ въ письмѣ 4 апрѣля 1863 года,—„тамъ уже совершенно сухо, снѣгу нигдѣ нѣтъ и помину, а въ первый день Пасхи даже начиналъ запѣвать соловей“⁵⁾. „Ахъ, какъ прекрасно поетъ теперь у меня со-

¹⁾ Изъ воспоминаній того же лица

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 2 мая 1861 года.

⁴⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁵⁾ Изъ неизданнаго письма.

ловей, совершенно подъ окномъ на той высокой липѣ, что противъ моего кабинета. Поетъ и щелкаетъ на всѣ лады, когда я пишу это письмо въ 8 часовъ прекраснѣйшаго утра“¹⁾).

Та же любовь къ уединенію и къ наслажденію природою побуждала преосв. Макарія ежегодно посѣщать харьковскій Святогорскій монастырь, который привлекалъ его къ себѣ, кромѣ святости и древности своей, именно прекраснѣйшимъ своимъ мѣстоположеніемъ, по поводу котораго одинъ изъ предшественниковъ его по харьковской архіерейской кафедрѣ, преосв. Иннокентій сказалъ: „нельзя не удивляться, какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества... Невольно вспомнишь, что и нашимъ русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда египетскимъ пустынноикамъ, служила одна и та же природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и въ продолженіе всей своей жизни никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой всемірной книги“²⁾). Преосв. Макарій еще до назначенія своего въ Харьковъ зналъ и слышалъ о величественномъ, невольно возбуждающемъ въ чловѣкѣ молитвенный духъ, мѣстоположеніи Святогорскаго монастыря. Поэтому, вскорѣ-же по пріѣздѣ въ Харьковъ, преосв. Макарій посмѣшилъ посѣтить Святогорскую обитель, которую привѣтствовалъ слѣдующими словами: „наконецъ, исполнилось давнее желаніе моего сердца узрѣть тебя, пустынная обитель Святогорская! И мало этого: Господь сподобилъ меня посѣтить тебя не въ качествѣ только поклонника святыни, а въ качествѣ духовнаго пастыря страны, и потому порадоваться на тебя съ особеннымъ участіемъ и любовію, помолиться здѣсь съ особеннымъ усердіемъ. О, какъ же мнѣ не воскликнуть нынѣ вмѣстѣ съ царемъ—пророкомъ: „благослови душе

¹⁾ Изъ неваданнаго письма.

²⁾ См. у прот. Буткевича цитов. соч. стр. 251.

моа, Господа* (Ис. 102, 1)¹⁾. Впослѣдствіи преосв. Макарій также любилъ посѣщать Святогорскій монастырь, посѣщалъ его иногда по нѣскольку разъ за лѣто и непременно всякій годъ въ день Успенія пресв. Богородицы. Въ письмахъ къ брату онъ постоянно восторгается прекраснымъ мѣстоположеніемъ этого монастыря, располагавшимъ къ сосредоточенной, усердной, горячей молитвѣ. И кто видѣлъ харьковскій Святогорскій монастырь, кто любовался величавыми вершинами горъ, на которыхъ пріютилась эта обитель, тотъ долженъ сказать, что преосв. Макарій нисколько не преувеличивалъ, сравнивая харьковскія святія горы съ библейскимъ Оаворомъ²⁾. „Привѣтъ вамъ, святія горы, съ новою святынею, которою вы освятились еще“,—говорилъ онъ 13 августа 1864 года, по освященіи новаго храма въ Святогорскомъ монастырѣ.— „Немало уже храмовъ Божіихъ освящали васъ. Одни красуются тамъ—у самой подошвы вашей, вмѣстѣ съ святою обителью иночествующей братіи. Другіе возвышаются надъ тѣми и углублены въ нѣдрахъ вашихъ, во мракѣ пещеръ, испоконныхъ руками святыхъ отшельниковъ. Еще выше, надъ пещерами, возносится чудный храмъ, изсѣченный въ мѣловой скалѣ и далеко блистающій своимъ куполомъ на всю окрестность. А вотъ, наконецъ, и на самой вершинѣ вашей воздвигнуть новый храмъ во имя Преображенія Господня. Это какъ бы золотой вѣнецъ, достойно украсившій вашу сѣнистолиственную главу и ярко отражающій въ себѣ лучи свѣта оаворскаго. Снизу и до верху вы усеяны святыми жилищами Святѣйшаго Святыхъ; сверху и до низу по васъ невидимо ліются чрезъ нихъ потоки Божественной благодати, освящающей васъ и отнынѣ еще умножившейся надъ вами съ устроеніемъ новаго святилища... О, если гдѣ, если въ какомъ храмѣ можно помолиться Господу сосредоточенно, усерд-

¹⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 434.

²⁾ См. тамъ же стр. 593—594.

но и пламенно: то не здѣсь ли? Здѣсь такъ далеко отъ земли, отъ ея шума, суеты и соблазновъ, такъ близко къ небу и самому престолу Всевышняго. А эти величественныя картины природы во всей ихъ красотѣ и разнообразіи, открывающіяся отсюда предъ взорами нашими почти въ непредѣльность, какъ восторгаютъ онѣ духъ нашъ, какъ настраиваютъ его къ горнымъ помысламъ, какъ естественно вызываютъ его къ молитвеннымъ изліяніямъ предъ Вседержителемъ“¹⁾).

Въ характерѣ преосв. Макарія, кромѣ указанныхъ уже нами свойствъ, замѣчалась еще легкая раздражительность и вспыльчивость, хотя надъ ними всегда господствовала доброта. „Онъ былъ неуловимъ“,—говорить о немъ лице, близко знавшее его,—„хотя и гнѣвался на кого, но великодушіе его скоро обнаруживалось тѣмъ, что онъ извинялся и даже просилъ прощенія у тѣхъ, на кого гнѣвался. Вообще же въ отношеніи ко всѣмъ онъ былъ весьма ласковъ“²⁾).

Рѣдкую доброту своей души преосв. Макарій засвидѣтельствовалъ въ Харьковѣ на дѣлѣ. Благотворительность его, какую онъ проявлялъ иногда и прежде, здѣсь обнаружилась особенно широко. Намъ уже извѣстны нѣкоторые случаи благотворительной дѣятельности преосв. Макарія въ видѣ пожертвованій его на Харьковскую духовную семинарію, мужскія духовныя училища и училище дѣвицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, равно какъ и на построеніе храма въ родномъ селѣ Сурковѣ. Кромѣ того, онъ ежегодно жертвовалъ по 50 руб. въ пользу миссіонерскаго общества, по 100 руб. въ пользу кіевскаго свято-владимірскаго и виленскаго свято-духовскаго братствъ; въ 1862 году пожертвовалъ 1000 экземпляровъ исторіи русскаго раскола для безмездной раздачи книгъ въ бѣднѣйшія церковныя бібліотеки тѣхъ приходовъ въ Россіи, гдѣ существовалъ расколъ; жер-

¹⁾ См. тамъ же стр. 592. 594.

²⁾ Изъ воспоминаній архим. Алипія.

твовалъ онъ въ пользу симбирской и вятской публичныхъ библіотекъ, въ пользу ученической библіотеки Волынской духовной семинаріи, въ 1868 году пожертвовалъ 100 руб. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, при чемъ къ пожертвованіямъ на тотъ же предметъ приглашалъ и все харьковское духовенство, которое, по зову архипастыря, собрало до 1444 руб.¹⁾ и т. д. Но особенно замѣчательное пожертвованіе преосв. Макарій совершилъ въ 1867 году, чѣмъ онъ сдѣлалъ свое имя навсегда незабвеннымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и чѣмъ облагодѣтельствовалъ въ будущемъ сотни тысячъ тружениковъ на поприщѣ этого послѣдняго. 6 января 1867 года преосв. Макарій обратился къ синодальному оберъ-прокурору съ слѣдующимъ предложеніемъ. „Въ 1841 году“,—писалъ онъ графу Толстому,—„переходя изъ—за студенческой скамьи на кафедру бакалавра Кіевской духовной Академіи съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, по мѣрѣ силъ, и на поприщѣ духовной литературы, я далъ себѣ слѣдующій обѣтъ: если Богъ благословитъ мое намѣреніе и труды, то всѣ деньги, какія будутъ слѣдовать за мои сочиненія, хранить неприкосновенными дотолѣ, пока изъ нихъ составитъ значительная сумма и тогда положить эту сумму въ Государственное Кредитное Учрежденіе навсегда, чтобы на проценты съ нея учредить ежегодныя преміи для поощренія отечественныхъ талантовъ, посвящающихъ себя дѣлу науки и общепользныхъ знаній. Мною руководила мысль, что самъ я, моими слабыми силами, въ мой короткій вѣкъ, могу весьма мало сдѣлать для пользы отечественнаго просвѣщенія, если только сдѣлаю хоть что-нибудь,—тогда какъ капиталъ, приобрѣтенный моими сочиненіями и употребленный предполагаемымъ мною образомъ, будетъ способствовать достиженію той же цѣли гораздо болѣе, вѣрнѣе и, можетъ быть, впро-

¹⁾ На основаніи подлинныхъ документовъ, сохранившихся въ архивѣ преосв. Макарія.

долженіе не одного столѣтія. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 25 лѣтъ. При помощи Божіей, мною издано нѣсколько сочиненій; нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣли по два, даже по три изданія и всѣ вмѣстѣ вознаградили меня съ избыткомъ. Такъ: 1) „Введеніе въ православное Богословіе“, изданное уже три раза и проданное въ числѣ девяти тысячъ экземпляровъ, доставило до 22 тысячъ рублей ¹⁾; 2) „Православно-догматическое Богословіе“, изданное два раза и проданное въ числѣ 7.200 экземпляровъ, доставило до 45 тысячъ рублей ²⁾; 3) „Исторія русскаго раскола“, изданная два раза и проданная въ числѣ 6.200 экземпляровъ, доставила до 14 тысячъ рублей ³⁾; 4) „Исторія Русской Церкви“, которой первые три тома разошлись въ числѣ 3.600, а два послѣдніе—пока въ числѣ одной тысячи экземпляровъ, доставила до 22 тысячъ рублей ⁴⁾; 5) „Исторія Киевской Академіи“, „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“, „Слова и Рѣчи“ въ трехъ книгахъ, хотя изданы были и разошлись въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ, но вмѣстѣ доставили до 6 тысячъ рублей ⁵⁾; 6)

¹⁾ Въ первый разъ издано въ числѣ 3.600 экземпляровъ по 3 рубля за каждый экземпляръ, во второй—въ числѣ 3.600 экземпляровъ по 2 р. 50 к. за экземпляръ, въ третій—въ числѣ 2.400 экземпляровъ по 2 р. за экземпляръ. Последнее изданіе еще не все разошлось.

²⁾ Въ первый разъ издано было въ пяти томахъ—въ числѣ 3.600 экземпляровъ по 7 р. 50 коп. за каждый экземпляръ, во второй разъ—въ двухъ томахъ—въ 3.600 экземплярахъ по шести рублей за экземпляръ.

³⁾ Въ первый разъ издана въ числѣ 3.600 экземпляровъ по 2 р. 50 к. за каждый экземпляръ, а во второй разъ также въ числѣ 3.600 экземпляровъ по 2 р. за экземпляръ. Но эти послѣдніе проданы не всѣ—изъ числа ихъ одна тысяча мною принесена была въ даръ для духовно-учебныхъ заведеній и сѣдѣвшихъ въ нихъ переквѣтъ тѣхъ приходоу, гдѣ есть раскольники, и тогда же представлена въ Св. Синодъ.

⁴⁾ Первые три тома продавались по 5 рублей за экземпляръ, а два послѣдніе тома продаются по 4 руб. за экземпляръ.

⁵⁾ „Исторія Киевской Академіи“ издана въ числѣ 1.200 экземпляровъ по 1 руб. 50 к. за экземпляръ; „Исторія христіанства въ Россіи“—въ числѣ 1.200 экземпляровъ по 2 р. за каждый; первая двѣ книги „Слова и Рѣчи“ изданы въ числѣ 1.300 экзempl. по 3 руб. за каждый, а третья книга издана послѣ въ такомъ же числѣ по 1 р. 50 к. за экземпляръ. Но „Исторія Киевской Академіи“ и особенно „Слова и Рѣчи“ разошлись далеко не всѣ.

наконецъ, мои разныя статьи, каковы: „Очеркъ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій“, „Три памятника русской духовной литературы“ и многія другія, помѣщавшіяся въ теченіе почти 15 лѣтъ въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“, издаваемомъ при С.-Петербургской духовной Академіи, доставили до 8 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, вся сумма, приобретенная моими сочиненіями, простирается нынѣ до ста двадцати тысячъ рублей и хранится у меня въ пятипроцентныхъ билетахъ Государственнаго банка: не говорю о процентахъ съ этой суммы, постепенно возраставшихъ по мѣрѣ увеличенія ея, которые я издерживалъ частію на изданіе самыхъ моихъ сочиненій, а частію и на себя, какъ справедливое вознагражденіе за мои труды.

Чувствуя постепенное ослабленіе моихъ физическихъ силъ и опасаясь, чтобы, въ случаѣ моей смерти, особенно внезапной, не остался почему-либо неисполненнымъ мой давній обѣтъ, я рѣшился еще при жизни, если не совершенно осуществить его, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить его осуществленіе. И съ этою цѣлію осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, и какъ къ господину оберъ-прокурору Св. Синода и какъ къ господину Министру Народнаго просвѣщенія, и всепокорнѣйше просить Вашего ходатайства о томъ,—чтобы а) вся означенная сумма, сто двадцать тысячъ рублей пятипроцентными билетами, теперь же была принята отъ меня въ Государственный банкъ или въ Государственное казначейство навсегда, безъ всякаго умаленія этихъ пяти процентовъ ея на всѣ послѣдующія времена; б) на ежегодные проценты съ означенной суммы, состоящіе изъ шести тысячъ рублей, были учреждены ежегодныя преміи подъ моимъ именемъ: двѣ полныхъ по полторы тысячи рублей каждая и три неполныхъ—по тысячѣ рублей каждая; в) преміи эти были установлены съ двоякою цѣлію: во-первыхъ, за достойныя сочиненія по всѣмъ предметамъ наукъ богословскихъ и во-вторыхъ, за достойныя сочиненія по

всѣмъ предметамъ наукъ небогословскихъ, или свѣтскихъ; г) по тому самому, въ одинъ годъ вся сумма процентовъ, шесть тысячъ рублей, отпускаема была въ распоряженіе Св. Синода для раздачи премій за сочиненія перваго рода, а въ другой годъ поступала въ распоряженіе Академіи Наукъ, или другого подобнаго учрежденія, для раздачи премій за сочиненія послѣдняго рода, и такая очередь соблюдалась всегда и неизмѣнно; д) какъ отпускъ означенныхъ процентовъ въ вѣдѣніе Св. Синода и Академіи Наукъ, такъ и раздача самыхъ премій подъ моимъ именемъ начались отнюдь не прежде, какъ со времени моей смерти, и е) наконецъ, до самой моей смерти всѣ означенные проценты были выдаваемы мнѣ и для этого сдѣлано было правительственное распоряженіе, по которому несомнѣнно и безпрепятственно я могъ бы получать ихъ по полугодіямъ изъ банка ли, или изъ его конторы и отдѣленія, или изъ губернскаго или уѣзднаго казначейства, гдѣ бы я ни находился. Выѣстъ съ тѣмъ имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, если тольکو всѣ изложенныя мною предположенія удостоятся Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества, сдѣлать начальственное распоряженіе о составленіи подробныхъ правилъ, согласно съ моими желаніями, относительно вновь учрежденныхъ премій“.

Пожертвованіе преосв. Макарія было принято всѣми съ величайшею благодарностію. Да иного отношенія къ подобному пожертвованію, конечно, и быть не могло. Не говоря уже о значительности пожертвованнаго капитала, оно имѣло самыя высокія и самыя благородныя побужденія и цѣль. Вниманіе всѣхъ особенно обращало на себя то обстоятельство, что для раздачи премій за ученые сочиненія жертвовался капиталъ, собранный отъ продажи ученыхъ же сочиненій. Не менѣе благородна и высока была и цѣль пожертвованія. Эту цѣль своего пожертвованія самъ преосв. Макарій въ „проектѣ положенія о наградахъ за сочиненія по предметамъ богословскихъ наукъ и вообще духовнаго просвѣщенія“, составленномъ имъ, по порученію Св. Синода и

Высочайше утвержденномъ 23 января 1868 года, такъ опредѣлялъ. Преміи его имени должны были а) содѣйствовать возвышенію и усиленію образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; б) содѣйствовать возвышенію и усиленію богословской учености въ нашемъ духовенствѣ и распространенію основательныхъ познаній о предметахъ вѣры и духовной науки во всей отечественной церкви и в) содѣйствовать появленію и распространенію популярныя духовно-назидательныхъ сочиненій въ нашемъ обществѣ, а особенно между простымъ народомъ. Такъ понималъ самъ преосв. Макаріи цѣль своего пожертвованія собственно въ отношеніи къ богословской наукѣ и духовному просвѣщенію. Но пожертвованіе его имѣло гораздо болѣе широкое значеніе, оказывало великую услугу всей вообще обширной области русскаго просвѣщенія. Это послѣднее значеніе пожертвованія преосв. Макарія Академія Наукъ такъ опредѣляла. „Одно изъ важнѣйшихъ средствъ для поощренія ученыхъ трудовъ и для содѣйствія чрезъ то усиленію просвѣщенія“,—говорилось въ донесеніи особой комиссіи, назначенной Императорскою Академіей Наукъ для разработки правилъ о преміяхъ имени преосв. Макарія,—„представляютъ преміи, раздаваемыя за лучшія сочиненія по предметамъ наукъ. Такое средство особенно важно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ ученые труды въ столь значительной степени нуждаются еще во внѣшней поддержкѣ. Поэтому, общество съ глубокою признательностію должно провозносить имена людей, которые, движимые патріотизмомъ и любовью къ просвѣщенію, жертвовали немалою частію своего достоянія для учрежденія премій; подобными поощрителями у насъ умственной дѣятельности были П. Н. Демидовъ, графъ А. С. Уваровъ и пр. Къ этимъ почтеннымъ именамъ въ настоящее время присоединяется имя Архипастыря, который посвятилъ себя съ самой юности своей занятіямъ наукою, и многочисленными учено-литературными трудами своими послуживъ дѣлу отечественнаго просвѣщенія, возымѣлъ благородную

мысль: матеріальныя плоды своихъ трудовъ обратить въ незсякаемый источникъ, изъ коего почерпались бы средства для поощренія трудовъ многихъ, многихъ будущихъ ученыхъ“.

Преосв. Макарій принималъ самое живое участіе въ составленіи правилъ касательно выдачи премій на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала. Какъ сказано, правила относительно премій за сочиненія по предметамъ богословской науки и духовнаго просвѣщенія вообще имъ самими были составлены. Правила же касательно премій за сочиненія по свѣтскимъ наукамъ были имъ тщательно пересмотрѣны и, по его настоянію, въ эти правила было внесено, между прочимъ, одно очень важное измѣненіе. Въ правилахъ, первоначально составленныхъ особою комиссіею, по порученію Императорской Академіи Наукъ, предполагалось „кругъ дѣйствія этихъ премій ограничить только тѣми науками, которыя, по уставу Академіи Наукъ, составляютъ область ея занятій, такъ что сочиненія по наукамъ юридическимъ, военнымъ, медицинскимъ и пр. въ такомъ случаѣ не могли быть премированы на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго преосв. Макаріемъ капитала. Но этотъ послѣдній, ссылаясь „на свое главное и завѣтное желаніе, чтобы къ соисканію его премій были допускаемы сочиненія по всѣмъ вообще отраслямъ наукъ, безъ всякаго исключенія“, просилъ, чтобы правила, проэктированныя Академіею Наукъ, были измѣнены въ этомъ смыслѣ. И, дѣйствительно, въ правилахъ для присужденія Императорскою Академіею Наукъ премій имени преосв. Макарія“, Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1867 года, первый пунктъ этихъ правилъ былъ изложенъ согласно желанію жертвователя ¹⁾.

Ревностная, безъ преувеличенія говора, дѣятельность по управленію Харьковскою епархіей, точное исполненіе поруче-

¹⁾ Трататъ о пожертвованіи 120.000 руб. составленъ на основаніи подлинныхъ документовъ, сохранившихся въ архивѣ преосв. Макарія.

ній высшего начальства и выдающіеся учено-литературные труды не могли, конечно, не обращать особеннаго вниманія высшего начальства на преосв. Макарія. Прежде всего, его заслуги для церкви и отечества чтить и съ уваженіемъ относился къ нему покойный Государь Императоръ Александръ II, лично знавшій его. Государь Императоръ неоднократно посѣщалъ Харьковъ въ то время, когда здѣшнюю епархію управлялъ преосв. Макарій, который всегда встрѣчалъ Государя привѣтственными словами. Вотъ какъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ брату описывалъ преосв. Макарій пребываніе Государя Императора въ Харьковѣ осенью 1859 года и отношеніе его къ нему. „Сейчасъ только мы проводили Государя Императора“,—писалъ преосв. Макарій,—„и я спѣшу подѣлиться съ тобою впечатлѣніями. Слава Богу: все обошлось прекрасно! Онъ пріѣхалъ въ Харьковъ около трехъ часовъ дня прямо въ соборъ, гдѣ была собрана вся здѣшняя знать. Я встрѣчалъ Его рѣчью. Онъ выслушалъ рѣчь внимательно и благосклонно. Потомъ, по обычаю, послѣ литіи поднесъ Ему икону, подводилъ къ чудотворнымъ иконамъ, отвѣчалъ на нѣсколько Его вопросовъ и съ крестомъ проводилъ Его до самой кареты. Все сдѣлалъ, славу Богу, весьма удачно. Вечеромъ была необыкновенная иллюминація. Государь принялъ балъ отъ дворянства и былъ весьма доволенъ всѣмъ и всѣми. Нынѣ онъ посѣтилъ разныя заведенія, сдѣлалъ смотръ солдатамъ и остался всѣмъ доволенъ, кромѣ университета, гдѣ велѣлъ посадить трехъ студентовъ на гауптвахту. Къ тремъ часамъ пригласилъ на обѣдъ и меня. Предъ обѣдомъ, когда уже собрались всѣ гости, позвалъ меня одного въ кабинетъ и говорилъ около четверти часа. Сказалъ, что Онъ меня помнитъ, спросилъ, доволенъ ли я перемѣщеніемъ въ Харьковъ, и когда я отвѣтилъ утвердительно и объяснилъ—почему, Онъ замѣтилъ: Я очень радъ этому. Потомъ спрашивалъ о духовенствѣ, о семинаріи и сказалъ: очень жалѣю, что время не позволило Мнѣ посѣтить её и пр. и пр.

За обѣдомъ посадилъ меня по правую руку Свою и болѣе всѣхъ разговаривалъ со мною. Былъ чрезвычайно ласковъ, добръ и простъ въ разговорѣ, такъ что я нимало не стѣснялся и даже самъ заводилъ рѣчь, когда она прерывалась. Вообще я вполне доволенъ приѣмомъ Государя¹⁾. Въ 1861 году 14 августа преосв. Макарій снова встрѣчалъ Государя Императора, который и теперь отнесся къ нему благосклонно. А нѣсколько раньше, именно 7 августа онъ встрѣчалъ Государыню Императрицу Марію Александровну, которая, по его словамъ въ письмѣ къ брату, „пригласила его на обѣдъ, была чрезвычайно ласкова и разговорчива и обнаружила, что Она очень помнитъ его и знаетъ даже разныя частности его жизни и его службы“²⁾. Въ томъ же году 18 октября Государыня Императрица снова посѣтила Харьковъ, при чемъ,—читаемъ въ письмѣ преосв. Макарія къ брату,—„удостоила посѣтить училище дѣвицъ духовнаго званія, гдѣ принималъ и водилъ ее я самъ. Она осталась всѣмъ очень довольна, изволила написать, въ память своего пребыванія, на особомъ листѣ свое имя, по моей просьбѣ, и, возвратившись въ квартиру, прислала воспитанницамъ конфетъ. Меня пригласила къ своему обѣду въ пять часовъ, за которымъ была ко мнѣ очень внимательна и ласкова. Слава Богу, все окончилось благополучно“³⁾. Въ 1863 году Харьковъ посѣтилъ Государь Наслѣдникъ, также отнесшійся къ преосв. Макарію съ рѣдкимъ вниманіемъ. „5 октября“,—писалъ этотъ послѣдній своему брату,—„я встрѣчалъ Государя Наслѣдника съ привѣтственной рѣчью, 6-го служилъ въ моей Покровской церкви въ Его присутствіи и непосредственно послѣ обѣдни принималъ Его у себя въ комнатахъ, а черезъ часъ встрѣчалъ и провожалъ Его по училищу дѣвицъ духовнаго званія; 7-го

¹⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 17 сентября 1859 года.

²⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 9 августа 1861 года.

³⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 19 октября 1861 года.

числа ѣдиль, около часу, благодарить Его за посѣщеніе меня и въ пять часовъ обѣдалъ у Него... Великій Князь былъ вообще очень ласковъ“¹⁾...

Св. Синодъ также былъ внимателенъ къ заслугамъ преосв. Макарія. Кромѣ неоднократнаго изъявленія признательности за разныя частныя заслуги, преосв. Макарій, по представленію Св. Синода, получилъ въ Харьковѣ слѣдующія награды: 1) 8 апрѣля 1862 года онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа „во вниманіе къ отлично-усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ его“²⁾; 2) 4 апрѣля 1865 года онъ былъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени большого креста³⁾, при чемъ въ Высочайшей грамматѣ говорилось: „ревностное служеніе Ваше церкви, начавшееся отличными учеными трудами, и нынѣ обращаетъ Наше вниманіе заботливостію о распространеніи духовнаго просвѣщенія и назидательнымъ поученіемъ паствы“⁴⁾; 3) наконецъ, 16 апрѣля 1867 года преосв. Макарію былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, при чемъ въ Высочайшей грамматѣ на имя его говорилось: „служеніе Ваше, въ теченіе многихъ лѣтъ совершаемое, протекло въ особыхъ трудахъ на пользу духовнаго просвѣщенія. Являясь всегда успѣшнымъ руководителемъ и дѣятельнымъ благоустроителемъ на поприщѣ и учебнаго и епархіальнаго управленія, требовавшего многихъ отъ васъ заботъ, вы въ то же время ревностно посвящали силы ваши на изданіе многочисленныхъ сочиненій, составляющихъ украшеніе духовной отечественной письменности. Между тѣмъ какъ плоды трудовъ этихъ врѣютъ, вы обнаруживаете замѣчательную заботливость о возможномъ усиленіи отечественнаго просвѣщенія и въ грядущихъ поколѣніяхъ, жертвуя всѣ сбереженныя вами при-

¹⁾ Изъ незаданнаго письма отъ 8 октября 1863 года.

²⁾ См. брошюру: „Кончина и погребеніе м. Макарія“ М. 1882 стр. 37.

³⁾ См. тамъ же.

⁴⁾ См. Духовн. Дневн. 1865 г. № 8 прилож.

обрѣтенія по изданію сочиненій на учрежденіе премій, навсегда, за лучшія произведенія нашей ученой и учебной литературы“¹⁾).

Духовенство Харьковской епархіи, къ которому преосв. Макарій, какъ мы видѣли, относился всегда участливо, глубоко чтило и любило своего ученаго и заботливаго архипастыря. Такія свои чувства въ отношеніи къ нему харьковское духовенство выразило однажды даже публично. 18 января 1868 года депутаты перваго харьковскаго общепархіальнаго съѣзда поднесли преосв. Макарію слѣдующій адресъ отъ лица всего духовенства: „Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Духовенство Харьковской епархіи, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ членовъ епархіальнаго съѣзда, поставляетъ для себя священною обязанностію повергнуть предъ особою Вашего Высокопреосвященства тѣ чувства признательности и сыновней любви къ Вамъ, какими одушевлено оно изъ края въ край епархіи. Имя Ваше славно въ православномъ отечествѣ нашемъ и далеко за предѣлами его. Но имя Ваше благословенно и будетъ благословеннымъ на многія лѣта въ епархіи, Вами управляемой. Мысль объ улучшеніи быта приходскаго духовенства нашла въ Васъ ревностнаго дѣателя въ исполненіи благихъ намѣреній Державнаго Вѣдѣносна. Отъ Васъ мы получили право мѣстнаго самоуправленія чрезъ выборныхъ благочинныхъ, чрезъ окружныя совѣты. Лучшее устройство, во всѣхъ отношеніяхъ, нашихъ епархіальныхъ училищъ было предметомъ постоянныхъ, неуспынныхъ трудовъ и попеченій Вашихъ. И они-то—эти труды и Ваше имя—причиною того, что училища наши раньше другихъ, съ нынѣшняго же года, будутъ пользоваться правами и выгодами, Высочайше дарованными духовно-учебнымъ заведеніямъ. Благодаря Вашей высокой мысли и попечительной заботливости о всѣхъ насъ и въ особенности о нашихъ сиротахъ, стеклись

¹⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. за 1867 г. № 9.

мы и теперь сюда со всѣхъ мѣстъ епархіи для того, чтобы положить начало нашему взаимному сближенію и нашимъ общимъ единодушнымъ заботамъ о судьбѣ семействъ нашихъ“¹⁾.

Чувство глубокаго уваженія и преданности своему архипастырю харьковское духовенство особенно ясно обнаружило при прощаніи съ преосв. Макаріемъ. Этотъ послѣдній оставилъ Харьковъ навсегда нѣсколько неожиданно. 20 іюля 1868 года послѣдовалъ указъ о вызовѣ преосв. Макарія въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ²⁾. Получивъ извѣщеніе объ этомъ, преосв. Макарій 23 іюля, между прочимъ, писалъ своему брату: „сообщенная вами новость меня очень порадовала съ перваго разу, потому что обѣщаетъ свиданіе съ вами. Но потомъ мнѣ стало очень грустно, когда я представилъ, сколько нужно хлопотъ предъ переѣзкою, при переѣздкѣ и послѣ переѣздки... Вѣдь это не то, что сѣлъ да переѣхалъ; а надобно перевозить съ собою почти все, особенно книги... Я еще не получилъ указа и не знаю, скоро ли получу. Но во всякомъ случаѣ едва-ли выѣду прежде сентября“³⁾. Только 17 августа былъ полученъ въ Харьковѣ указъ о вызовѣ преосв. Макарія въ Св. Синодъ и онъ тогда же назначилъ свой отъѣздъ въ С.-Петербургъ на первыя числа сентября.

Время отъѣзда преосв. Макарія изъ Харькова, между прочимъ, совпало со временемъ второго харьковскаго общепархіальнаго съѣзда и полнаго введенія новаго устава въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова. Все это привлекло въ Харьковъ множество епархіальнаго духовенства. „Съ перваго по десятое сентября 1868 года Харьковъ видѣлъ у себя столько іереевъ, сколько никогда не видѣлъ ихъ прежде“,—писалъ тогдашній харьковскій хроникеръ. „Кромѣ духовенства, много и свѣтскихъ лицъ, съ разныхъ концовъ

¹⁾ См. тамъ же за 1868 г. № 3.

²⁾ См. тамъ же за 1868 г. № 17.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

епархіа, нарочно приїхали съ цѣлю проститься съ Владыкою и въ теченіе пяти дней, съ ранняго утра и до поздняго вечера, буквально наполняли покои преосв. Макарія: одни входили, другіе выходили. Архипастырь одинаково ласково со всѣми прощался, всѣхъ благословлялъ: и одному давалъ потребное наставленіе, другому—совѣты, а всѣмъ и каждому благожеланія и утѣшалъ скорымъ своимъ возвращеніемъ въ Харьковъ¹⁾.

8 сентября 1868 года преосв. Макарій совершалъ въ послѣдній разъ божественную литургію въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. Въ концѣ литургіи онъ произнесъ прощальную рѣчь, обращенную ко всей харьковской паствѣ и трастрогавшую всѣхъ присутствовавшихъ. „И тамъ, вдалекѣ отъ васъ“,—говорилъ архипастырь,—„я духомъ буду посреди васъ. И тамъ, вдалекѣ, главною моею молитвою будетъ молитва о васъ. И тамъ, вдалекѣ, я буду приносить безкровную жертву Господу Богу прежде всего о спасеніи душъ вашихъ. Прошу и васъ сохранить о мнѣ добрую память; прошу не забывать меня въ вашихъ молитвахъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ; умоляю васъ, въ особенности, пребывать твердыми и непоколебимыми въ истинахъ вѣры, надежды и любви христіанской, въ которыхъ я, при помощи Божіей, старался наставлять и укрѣплять васъ. При такихъ условіяхъ нашъ духовный союзъ останется цѣль и нерасторжимъ, несмотря на нашу разлуку... Но... разставаясь съ вами только на время, я долгомъ совѣсти считаю проститься съ вами по христіански. Прошу всѣхъ васъ, кого только я когда-либо обидѣлъ дѣломъ или словомъ, намѣренно или ненамѣренно, искренно прошу простить меня. А съ своей стороны я отъ всей души прощаю и разрѣшаю всѣхъ, кто также когда-либо оскорбилъ меня дѣломъ или словомъ, намѣренно или ненамѣренно. Увы, братіе—христіане, какъ прилично, какъ нуж-

¹⁾ См. Хар. Ел. Вѣдом. за 1868 г. № 18 стр. 73.

но намъ и всегда взаимное снисхожденіе и прощеніе обидѣ другъ другу,—всегда, живемъ ли мы вмѣстѣ, или въ дальней разлукѣ; всегда, продолжится ли еще наша жизнь, или, быть можетъ, скоро прекратится“¹⁾.

Такимъ образомъ, преосв. Макаріій прощался съ харьковскою паствою навсегда, какъ бы предчувствуя, что ему больше не видать Харькова. И предчувствіе его на этотъ разъ не обмануло.

На другой день, 9 сентября 1868 года, по выслушаніи напутственнаго молебствія, совершеннаго преосв. Германомъ съ многочисленнымъ градскимъ и сельскимъ духовенствомъ, преосв. Макаріій, напутствуемый благожеланіемъ своей паствы, буквально запрудившей архіерейскій дворъ, выѣхалъ изъ Харькова въ 10 ч. утра. Путь преосв. Макарія изъ Харькова въ сѣверную столицу лежалъ чрезъ родную епархію. 10 сентября онъ ночевалъ въ Бѣлгородѣ, въ монастырѣ, и на слѣдующій день посѣщалъ семинарію, гдѣ нѣкогда воспитывался. Въ тотъ же день онъ прибылъ въ Курскъ, гдѣ пробылъ три дня, при чемъ однажды совершалъ богослуженіе. Въ Москвѣ онъ также рассчитывалъ пробыть нѣсколько дней, но затѣмъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ выѣхать отсюда въ С.-Петербургъ на другой же день. Въ С.-Петербургѣ преосв. Макаріій имѣлъ пребываніе на псковскомъ подворьѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ прибытія преосв. Макарія въ С.-Петербургъ, 23 ноября 1868 года скончался литовскій митрополитъ Іосифъ Симашко. По полученіи извѣстія объ этомъ, Св. Синодъ, желая почтить память покойнаго архипастыря, оказавшаго великія услуги православной церкви, назначилъ преосв. Макарія для погребенія тѣла почившаго митрополита. 26 ноября преосв. Макаріій отправился изъ С.-Петербурга въ Вильно и 29 числа того же мѣсяца совершилъ погребеніе

¹⁾ См. Слова и Рѣчи. СПб. 1891 г. стр. 710—711.

тѣла м. Іосифа вмѣстѣ съ 5 другими архіереями и съ безчисленнымъ множествомъ духовенства, собравшагося со всѣхъ сторонъ Литовской епархіи¹⁾. При этомъ преосв. Макарій почтилъ память почившаго митрополита надгробнымъ словомъ, въ которомъ, охарактеризовавъ почившаго какъ великаго борца и защитника православной вѣры, просилъ литовскую паству быть вѣрною завѣщанному покойнымъ архипастыремъ уроку—непоколебимо хранить вселенское православіе, которое съ такою заботливостію старался утвердить среди своей паствы онъ—духовный вождь, приведшій литовскій народъ къ свѣту православія²⁾.

Многіе въ самомъ порученіи преосв. Макарію совершить погребеніе митрополита Іосифа видѣли предуказаніе на предназначеніе перваго въ преемники этого послѣдняго. Ожиданіе это скоро оправдалось. 10 декабря 1868 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи преосв. Макарія архіепископомъ литовскимъ и вилецкимъ.

¹⁾ На основаніи подлиннаго (чернового) донесенія преосв. Макарія Св. Синоду объ исполненіи имъ порученія. Въ концѣ своего донесенія преосв. Макарій замѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее: „изъ бумагъ, оставшихся послѣ митрополита Іосифа, большая часть оказались относящимися до мѣстной епархіи, в потому мною переданы, надлежащимъ порядкомъ, литовской консисторіи. А бумаги, очень немногія, имѣющія болѣе общее значеніе и отчасти относящіяся до бывшей униі, имѣю честь при селѣ представить Св. Синоду вмѣстѣ съ краткою ихъ описью. Къ сему долгому считаю присовокупить, что самыя важныя изъ бумагъ скончавшагося митрополита литовскаго Іосифа, относящіяся до бывшей униі, заключаются въ составленныя имъ „Запискахъ“ о его жизни. Записки эти состоятъ изъ пяти частей съ приложеніемъ безчисленныхъ документовъ и оставлены покойнымъ митрополитомъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ экземпляръ съ подлинными документами назначенъ имъ въ духовномъ завѣщаніи Академіи Наукъ для напечатанія, для чего имъ же завѣщана сумма въ пять тысячъ рублей. А другой экземпляръ, составляющій только копію съ тѣхъ же записокъ и документовъ (впрочемъ, не всѣхъ), предназначенъ покойнымъ въ томъ же завѣщаніи для передачи г. оберъ-прокурору Св. Синода. Этотъ послѣдній экземпляръ я передалъ мною лично, еще въ Вильно, гр. Д. А. Толстому“.

²⁾ См. Слова и Рѣчи Макарія, бывшаго архіепископа литовскаго и вилецкаго (нынѣ м. московскаго). СПб. 1860 г. стр. 153—158.

Назначеніе это было сколько пріятно для преосв. Макарія, столько же и скорбно, потому что вызывало въ немъ сожалѣніе о Харьковѣ и харьковской паствѣ, для блага которой онъ столько потрудился и которую за девять съ лишнимъ лѣтъ успѣлъ отечески полюбить. „Чувало сердце мое, при моемъ выѣздѣ изъ Харькова“,—писалъ онъ 12 декабря 1868 года одному изъ харьковскихъ протоіереевъ,—„что я уже не увижу его. И я прощался съ нимъ, прощался со всею моею дорогою паствою, въ моей прощальной рѣчи такъ, какъ будто прощался навсегда. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ,—и я уже разлученъ съ Вами навсегда. Да будетъ воля Божія¹⁾).

Вѣсть о переводѣ преосв. Макарія въ Вильно, полученная въ Харьковѣ, повергла, по свидѣтельству современнаго мѣстнаго епархіальнаго органа, всю харьковскую паству и особенно харьковское духовенство въ неописанное горе. „Не будемъ говорить“,—читаемъ здѣсь,—„не будемъ говорить, чѣмъ былъ для Харьковской епархіи высокопреосвященный Макарій: для насъ это видно само собою, а потомкамъ скажетъ исторія. Но не можемъ умолчать, что духовенство нашей епархіи цѣнило и дорожило его мудрымъ, отечески-разумнымъ и милостивымъ управленіемъ и, какъ бы, предчувствуя близкую свою разлуку съ нимъ, еще въ первыхъ числахъ января прошедшаго (т. е. 1868) года, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ членовъ епархіальнаго съѣзда, поставило для себя священною обязанностію повергнуть предъ нимъ, въ адресѣ, тѣ чувства признательности и сыновней любви къ нему, какими все оно одушевлено изъ края въ край епархіи, и, въ память этого событія, тогда же, съ разрѣшенія Владыки, фотографомъ сдѣланъ снимокъ со всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ поднесеніи адреса, и съ Его высокопреосвященства въ томъ видѣ, какъ онъ сидѣлъ и бесѣдовалъ

¹⁾ Изъ незаданнаго письма.

съ ними. Снимокъ этого, какъ дорогая намъ историческая картина, будетъ постоянно переходить изъ рода въ родъ въ семействахъ нашего духовенства, и имя Макарія „пребудеть благословеннымъ на многія и многія лѣта“. А если-бы Владыка сталъ теперь среди насъ, чтобы спросить отъ насъ отвѣта на себе предъ Господомъ, мы иваче отвѣчать не смѣли бы, какъ словами Израиля: „не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси насъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чія что“ (1 Цар. XII, 4). А преемнику его не обинуясь скажемъ: „по всѣмъ, елика слушахомъ Моисеа, тебе послушаемъ: токмо да будетъ Господь Богъ нашъ съ тобою, якоже бѣ съ Моисеемъ“ (Ис. Нав. I, 17) ¹⁾.

Глубокая духовная связь, установившаяся между архипастыремъ и паствою, не прекратилась и послѣ видимой разлуки и неизмѣнно продолжалась до самой кончины преосв. Макарія. Этотъ послѣдній искренно любилъ харьковскую паству и всегда относился къ ней съ особеннымъ участіемъ. Состоя присутствующимъ въ Св. Синодѣ въ санѣ архіепископа литовскаго и будучи потомъ московскимъ митрополитомъ, онъ съ особенною радостію и удовольствіемъ принималъ у себя всѣхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ разныхъ сословій Харьковской епархіи, пріѣзжавшихъ по своимъ дѣламъ, въ С.-Петербургъ и Москву и являвшихся къ нему за полученіемъ святительскаго его благословенія. При этомъ онъ всегда cadaго узнавалъ, называлъ по имени, припоминалъ важнѣйшіе случаи изъ жизни cadaго, спрашивалъ, кто живъ, кто умеръ и кто какъ живетъ, и постоянно слѣдилъ за всѣми важными событіями въ Харьковской епархіи ²⁾.

Въ свою очередь, и харьковская паства, особенно харьковское духовенство не забывало своего бывшаго архипастыря

¹⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. 1869 г. № 1 стр. 22—23.

²⁾ Изъ воспоминаній прот. І. А. Чижевского.

и съ напряженнымъ вниманіемъ и гордостію слѣдило за плодотворною дѣятельностію его во благо церкви и отечества, искренно раздѣляя и радость и скорбь его. Когда въ 1876 году 28 января исполнилось двадцать пять лѣтъ службы преосв. Макарія въ епископскомъ санѣ, то харьковское духовенство, движимое чувствомъ сыновней преданности къ своему незабвенному архипастырю, привѣтствовало его адресомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорило: „мы воспоминаемъ въ настоящій день всѣ тѣ мудрыя указанія, жѣры и распоряженія, которыя предначертаны были Вами и приведены были Вами въ исполненіе впервые въ нашей Харьковской епархіи во время управленія Вами оною (выборы епархіальныхъ благочинныхъ, благочинническіе совѣты, благочинническіе и епархіальные съѣзды, мѣстныя епархіальныя вѣдомости), которыя приняты были потомъ и въ другихъ епархіяхъ православной Россійской церкви, содѣйствуя сближенію духовенства между собою и возбужденію въ немъ мысли и дѣятельности, и благотворныя послѣдствія которыхъ и нынѣ испытываетъ харьковское епархіальное духовенство, благодарно памятуя всегда высокое имя Вашего Высокопреосвященства“. Съ истиннымъ восторгомъ и радостію привѣтствовало также харьковское духовенство адресомъ преосв. Макарія по поводу возведенія его 10 апрѣля 1879 года въ санъ московскаго митрополита. Когда же вечеромъ 10 іюня 1882 года въ Харьковъ пришла скорбная вѣсть о преждевременной кончинѣ преосв. Макарія, то харьковское духовенство все какъ одинъ человекъ по собственному побужденію посѣтило вознести на слѣдующій день всенародную молитву объ упокоеніи блаженной души своего незабвеннаго архипастыря. Слѣдующее предложеніе епархіальнаго начальства только вторило внутреннему голосу всего харьковскаго духовенства. „Предлагаю всему духовенству епархіи“,—писалъ 11 іюня 1882 года преосв. Іустинъ,—„во всѣхъ церквахъ, совершать заупокойныя литургіи и панихиды по преставль-

шемся святителѣ, высокопреосвященномъ митрополитѣ Макаріи, болѣе десяти лѣтъ управлявшимъ Харьковскою епархією; такія жъ литургіи и панихиды совершать въ девятый, сороковой, полугодичный дни кончины его и въ годовщину; совершать годовичное поминаніе; приснопамятнаго свят

(1

ПРОТОІЕРЕЙ А. А. САМБОРСКІЙ.

(ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I).

По поводу столѣтія со дня кончины имп. Екатерины II.

(1796 $\frac{6}{\text{ноября}}$ 1896 г.).

Придворный протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, духовникъ и наставникъ по Закону Божію и англійскому языку великихъ князей Александра и Константина Павловичей, принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей Екатерининскихъ временъ изъ лицъ бѣлаго духовенства. Человѣкъ строгой честности, большого ума, воспримчивый и любознательный, о. Самборскій, въ бытность свою въ Англіи, на службѣ при нашей миссіи въ Лондонѣ, имѣлъ удобный случай усовершенствовать свое богословское образованіе. Кромѣ того, онъ основательно изучилъ англійскій языкъ и писалъ на немъ совершенно свободно. Въ свое время Самборскій считался однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ по части сельскаго хозяйства, памятникомъ чего служить сохранившееся его сочиненіе: „Описаніе практическаго аглицкаго земледѣлія, собранное изъ разныхъ аглинскихъ писателей А. А. Самборскимъ, протоіереемъ находящимся при Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, изданное подъ смотрѣ-

¹⁾ См. Хар. Ел. Вѣд. 1883 г. № 11 стр. 250.

писемъ профессора Семена Десницкаго, въ Москвѣ, въ унив. типографіи у Н. Новикова 1781 г.“¹⁾

Хотя главнѣйшія обстоятельства жизни и дѣятельности прот. Самборскаго уже довольно извѣстны въ печати²⁾, но безпристрастное и окончательное сужденіе объ этой вполне достойной уваженія личности еще не произнесено судомъ исторіи. Тогда какъ одни изъ историковъ (баронъ М. Корфъ)³⁾, проф. В. Ламанскій⁴⁾, Е. Шумигорскій⁵⁾ и др.) высказыва-

¹⁾ Изъ бѣлаго петербургскаго духовенства Екатерининской эпохи по своему образованію съ о. Самборскимъ могутъ идти въ сравненіе развѣ только такія личности, какъ напр. священникъ Казаваго собора Петръ Андреевъ, исповѣдававшій извѣстную самозванку, княжну Тараханову и умѣвшій свободно говорить по-нѣмцки, да діаконъ церкви Семеновскаго полка Василій Нахимовъ переведшій на французскій языкъ въ 1792 году богословіе Теофилакта Горскаго („Памятныя записки Храповицкаго“, стр. 63. Чтен. об. Истор. и Древн., кн. I, 1867 г. стр. 89. ср. 46 и др.). Опытоуменно же духовенство того времени, даже петербургское, представляло поразительный примѣръ невѣжества и грубости. Въ спискахъ тогдашняго столичнаго духовенства фигурируютъ: протоіереи, необучавшіеся псалмѣ, напр. Иванъ Троянскій, или дошедшіе до одного грамматическаго класса,—священники, возведенные въ этотъ санъ изъ потерявшихъ голосъ придворныхъ протодіаконовъ, изъ митрополичьихъ посолонниковъ, подьячиковъ и пѣвчихъ („Иезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“, ч. I, М. Морошина, стр. 268).

²⁾ Свѣдѣнія о немъ можно находить въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Сѣверная Почта или новая Санктпетербургская газета“ 1815 г., № 82; Историко-стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. V, 1858 г., стр. 84—88; „Жизнь графа Сперанскаго“ барона Корфа, Спб. 1861 г., т. I, стр. 9 прим.; „Чтенія об. Истор. и Древн.“ 1868г. кн. I, смѣсь, стр. 238—240; „Иезуиты въ Россіи“... Морошина, ч. II, 1870 г., стр. 20—25; „Памятники новой русской исторіи“ изд. В. Каширева, т. II, Спб. 1872, стр. 47 и дал.; „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 9, стр. 732—735; „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтителъный центръ свободной Украины до учрежденія въ Харьковѣ университета“ проф. А. Лебедева, Москва 1886 г., стр. 25. 26; „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, Спб. 1888 г.; „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 311. 312. „Христ. Чтеніе“ 1894 г., ноябрь—декабрь, стр. 425—429; „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи, въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія дух. училищъ“ И. А. Чистовича Сп. 1894 г.; стр. 151, примѣч. и др. „Русская посольская церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.“, В. Александренко, Варшава, 1895 г.

³⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 9.

⁴⁾ „Памятники новой русской исторіи“, т. II, стр. 47.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 311 и дал.

Труды Киев. дух. Академии. Т. III. 1896 г.

ють объ о. Самборскомъ самые лестные отзывы не только въ отношеніи его религіозно-нравственныхъ качествъ и познаній, но и какъ о законоучителѣ императора Александра Павловича,—другіе (о. Морошкинъ¹⁾), а за нимъ проф. В. Надлеръ²⁾, по недостатку имѣвшихся у нихъ подъ руками точныхъ документальныхъ данныхъ, наоборотъ, набрасываютъ тѣнь на доброе имя законоучителя императора Александра Благословеннаго, утверждая, что Самборскій, будучи человекомъ самымъ зауряднымъ, не сумѣлъ надлежащимъ образомъ исполнить возложеннаго на него важнаго порученія и не развилъ въ душѣ царственнаго своего питомца истиннаго религіознаго чувства и преданности къ православной церкви. Въ сравнительно недавнее время были обнародованы новые документы, могущіе, безъ сомнѣнія, способствовать болѣе вѣрной оцѣнкѣ личности о. Самборскаго³⁾. Въ этихъ документальныхъ данныхъ протоіерей Самборскій выступаетъ съ совершенно другой, болѣе выгодной для него стороны, такъ что появленіе въ литературѣ упомянутаго, можно сказать, оскорбительнаго для свѣтлой памяти законоучителя императора Александра I, сужденія, представляется по меньшей мѣрѣ опрометчивымъ. Задача настоящаго біографическаго очерка—на основаніи новоопубликованныхъ документовъ снять, по возможности, несправедливыя нареканія на личность знаменитаго въ свое время протоіерея А. А. Самборскаго.

Андрей Афанасьевичъ Самборскій родился 1-го августа 1732 года въ деревнѣ Сыроваткѣ, Харьковской (прежде Сло-

¹⁾ „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 20—25.

²⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 9, стр. 732—735.

³⁾ Разумѣемъ: 1) нѣкоторыя письма Самборскаго къ разнымъ Высочайшимъ особамъ и рукописи, изданныя одною изъ его вучекъ, владѣющею обширною перепискою своего дѣда, въ брошюрѣ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 24—72, напечатанной въ 1886 году въ С.-Петербургѣ всего въ количествѣ ста экземпляровъ и 2) письма же о. Самборскаго къ ипп. Александру Павловичу и оберъ-прокурору св. Синода, князю А. Н. Голицыну (1806—1815 гг.), напечатанныя свщ. В. Жмакинѣмъ въ „Христ. Читенія“ за 1894 годъ.

бодско-украинской) губернии, Ахтырского уезда ¹⁾; отец его Афанасій Самборскій, священник—изъ дворянъ, былъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ и состоялъ въ родствѣ съ извѣстнымъ Царевборисовскимъ сотникомъ Андреемъ Самборскимъ ²⁾. Желая дать своему сыну хорошее образованіе, родители первоначально отправили его въ Бѣлгородъ (нынѣшней Курской губернии), гдѣ онъ „обучался латинскому языку“, а потомъ онъ поступилъ въ Кіевскую академію, гдѣ „отчасти богословіе выслушалъ“ ³⁾. При отправленіи въ Кіевъ, молодой Самборскій, напутствуемый родительскимъ благословеніемъ, вышелъ изъ дома отца пѣшкомъ, имѣя въ карманѣ полученныя на дорогу отъ матери три серебряныхъ рубля, изъ которыхъ онъ израсходовалъ на путевыя издержки только одинъ рубль, остальные же два хранилъ до конца жизни и ими родные закрыли ему глаза.

Въ то время, императрица Екатерина II, возымѣвшая благое намѣреніе чрезъ сельскихъ священниковъ распространить между народомъ раціональныя познанія о земледѣліи и тѣмъ поднять народное благосостояніе, предписала выбрать лучшихъ учениковъ изъ Кіевской академіи и послать ихъ въ Англію для изученія агрономіи. Андрей Самборскій, по окончаніи академическаго курса, какъ одинъ изъ отличныхъ учениковъ, былъ избранъ въ числѣ другихъ и отправленъ въ Великобританію. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, изучая главнымъ образомъ земледѣліе и англійскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ 1765 году, при отправленіи въ Лондонъ для служенія при тамошней греко-россійской церкви учителя Кіевской академіи іеромонаха Ефрема Діаковского, опре-

¹⁾ Авторъ Истор. стат. опис. харьк. епарх. (отд. V, стр. 87), а за нимъ проф. А. Лебедевъ („Харьковскій коллегіумъ“..., стр. 25) ошибочно называютъ родиной Самборскаго с. Никитовку Ахтырскаго уезда. Точно также ошибается и И. Чистовичъ, называя родиной его г. Бѣлгородъ (Руковод. дѣят. дух. просвѣ., стр. 151 прим.).

²⁾ Ист. стат. опис. Харьк. епарх., отд. V, стр. 87. Ср. 55 и сл.

³⁾ Архивъ канц. обер. прокур. св. Синода 1765 г., № 496.

дѣленъ былъ при немъ церковникомъ ¹⁾). Въ 1768 году, по смерти настоятеля Лондонской православной церкви Стефана Ивановскаго ²⁾, причетникъ Самборскій, предварительно женившійся на одной молодой англичанкѣ, по ходатайству дипломатическаго представителя Мусина-Пушкина, назначенъ былъ на настоятельское мѣсто, какъ человѣкъ, могущій отправлять на греческомъ языкѣ все церковное богослуженіе, и при томъ знавшій англійскій языкъ, который крайне необходимъ для англичанъ, воспринявшихъ православіе ³⁾).

Свою невѣсту, дѣвицу Елизавету Петровну Фильдингъ, сироту, жившую у престарѣлой тетки, Самборскій въ первый разъ увидѣлъ въ церкви. Познакомившись поближе съ молодой англичанкой, онъ перевелъ для нея православный катихизисъ и убѣдилъ ее принять православіе. 5 мая 1769 года она была миропомазана, при чемъ крестнымъ отцомъ у нея былъ Петръ Парадизъ, англійскій дворянинъ православнаго исповѣданія, служившій нѣкогда консуломъ въ Греціи отъ британскаго правительства; а 6 мая того же года молодая Фильдингъ была повѣнчана съ Андреемъ Аѳанасьевичемъ греческимъ іеромонахомъ Серафимомъ, капелланомъ Іерусалимскаго патріарха, случившимся на то время въ Лондонѣ, какъ засвидѣтельствовано объ этомъ самимъ Самборскимъ ⁴⁾). По вступленіи въ бракъ Самборскій уѣхалъ въ Россію для рукоположенія во священники. Тамъ, съѣхавшись съ своимъ братомъ Владиміромъ Аѳанасьевичемъ, онъ отправился сначала въ Сумскую провинцію къ своимъ родителямъ, получилъ ихъ

¹⁾ Чистовичъ, „Руковод. дѣят. дух. просвѣщенія“..., стр. 151, прим.

²⁾ Изъ воспитанниковъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи.

³⁾ „Іезуиты въ Россіи“ Морозкина, ч. II. стр. 21.

⁴⁾ Въ небольшой тетради, хранящейся вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ с. Стратилатовкѣ, Харьк. губерніи, Изюмскаго уѣзда. Поэтому, сообщеніе Чистовича (указан. сочиненіе, стр. 151, прим.), что будто бы Самборскій былъ повѣнчанъ въ Амстердамѣ, по отсутствію священника въ Лондонѣ, лишено основанія.

благословеніе и затѣмъ уже возвратился въ С.-Петербургъ ¹⁾, гдѣ началъ готовиться къ посвященію, живя въ покояхъ петербургскаго митрополита Гавріила, въ Александро-Невской лаврѣ. Въ діаконы Самборскій рукоположенъ 6 сентября 1769 года, а во священники, въ церкви Казанской Божіей Матери—8 сентября. 14 сент., когда освященъ былъ аятиминскъ для Лондонской греко-россійской церкви, о. Самборскій служилъ литургію съ митрополитомъ. 22 сент. представленъ былъ Ея Императорскому Величеству Екатеринаѣ Алексѣевнѣ и Его Высочеству Павлу Петровичу; на другой день былъ на поклонахъ у графовъ Никиты Ивановича Панина, Григорія Григорьевича Орлова, Захарія Григорьевича Чернышева, вице-канцлера князя Голицына и у другихъ тогдашнихъ сановниковъ; вечеромъ того же дня видѣлся съ о. архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры, законоучителемъ Наслѣдника престола и синодальнымъ членомъ, Платономъ, который подарилъ ему на память нѣсколько книгъ и другихъ вещей. Наконецъ 26 и 27 сент. о. Андрей Самборскій представлялся членамъ Св. Синода, которые приняли его весьма благоклонно; а 29 сент. отправился въ обратный путь—въ Лондонъ, гдѣ и оставался до 1782 года, ревностно исполняя свои обязанности по должности настоятеля церкви при русской миссіи, сообразно инструкціи, данной ему отъ 25 сент. 1769 г. Въ столицѣ Великобританіи о. Самборскій оказывалъ возможное содѣйствіе и помощь очень многимъ русскимъ людямъ, пріѣзжавшимъ туда для изученія наукъ. Особенною задачею его было руководить русскихъ молодыхъ людей и путешественниковъ въ изученіи англійскаго земледѣлія ²⁾. Въ бума-

¹⁾ На возвратномъ пути въ сѣверную столицу, вблизи слободы Черной (Курской губ.), Самборскій встрѣтился съ преосвященнымъ бѣгородскимъ Самуиломъ, бывшимъ своимъ учителемъ богословія по Киевской академіи, который принялъ его весьма благосклонно и угостилъ обѣдомъ въ поставленномъ въ полѣ шатрѣ.

²⁾ „Сѣверная Почта“... 1815 г. № 82. Ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“

гахъ Самборскаго сохранилось немало писемъ отъ разныхъ лицъ всѣхъ сословій и званій, изъ которыхъ видно, съ какою довѣрчивостію всѣ обращались къ настоятелю Лондонской православной церкви. Изъ другихъ писемъ, оставшихся послѣ о. Самборскаго, можно видѣть, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ многихъ высшихъ духовныхъ особъ того времени. Таково, напр., письмо къ нему извѣстнаго митрополита московскаго Платона, въ которомъ послѣдній проситъ Самборскаго о покровительствѣ сыну своего пріятеля и друга Шишковскаго, который учился въ Лондонѣ, въ чемъ-то проштрафился и попалъ въ тюрьму¹⁾. Вотъ это письмо: „Преподобнѣйшій о. Андрей! Любезный о Господѣ братъ! Г. статскаго совѣтника Степана Ивановича Шишковскаго сынъ, Иванъ Степановичъ, находится нынѣ въ Англіи для обученія наукамъ. Какъ родитель его Степанъ Ивановичъ есть мнѣ пріятель и другъ, то и прошу Васъ о сынѣ его приложить. Ваше въ пользу его попеченіе, чего не токмо я могу отъ Васъ ожидать по вашей ко мнѣ любви, но и по способности *Вашихъ дарованій и честности*, коими Вы всякому полезны быть восхощете и поможете. За что не токмо родители, но и я ко всегдашней обязанъ буду благодарности; а нынѣ при желаніи Вамъ благословенія Божія пребываю Вашъ доброжелатель Платонъ Архіепископъ Московскій. 1778 мая 19 д. С.П.Б.“.

Вспоминая о своемъ пребываніи въ Англіи, о. Самборскій въ письмѣ къ императору Александру I, отъ 29 декабря 1804 г., между прочимъ писалъ: „По неисповѣдному Божію providѣнію, началъ я первое священнослуженіе въ Великобританіи. Сія просвѣщенная страна да засвидѣтельствуетъ, съ какою ревностію и чистотою совершалъ я чрезъ многіе годы богослуженіе, чувствуя, что чистое богослуженіе рождаетъ и

1893 г., кн. I, стр. 1—14: „Изъ жизни рус. студентовъ въ Оксфордѣ въ царств. императрицы Екатерины II“—В. Александренко.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1871 г., стр. 1943.

утверждаетъ въ челоѣкахъ чистую вѣру, которая едина утверждаетъ царскіе престолы и сохраняетъ ихъ непоколебимыми, содѣйствіемъ которой народы не мнутъ, но пребываютъ въ тишинѣ и единодушїи, пребываютъ всегда вѣрными своему Богу и своему Государю. По совершенїи священной должности во храмѣ Божіемъ все прочее время употреблялъ я для прїобрѣтенїя не собственной пользы, но соединенной съ благомъ общимъ: *успѣхамъ россійскихъ художниковъ, кораблестроителей, мореходцевъ и земледѣльцевъ жертвовалъ я весьма охотно всеми возможными случаями и способами. А дабы толико нужное попеченїе тамо не прекратилось, то на собственномъ моемъ изждивенїи, воспитавъ я благонадежнаго челоѣка, поставилъ его преемникомъ моего священнослуженїя и попеченїя, который онъ исправляетъ со всякимъ прилежанїемъ и во многихъ случаяхъ съ доказанными успѣхами¹⁾. Сѣмена моей ревности посѣяны уже въ нѣкоторыхъ частяхъ любезнѣйшаго отечества“.*

II.

Въ 1782 году Самборскій, имѣвшій тогда уже санъ протоіерея, былъ вызванъ изъ Англіи императрицей Еваториною II для сопровожденїя, въ званїи духовника, великокняжеской четы—цесаревича Павла Петровича съ Марїей Ѳеодоровною въ путешествїи ихъ по западной Европѣ, подъ именами „графа и графини сѣверныхъ“ (Comte et Comtesse du Nord)²⁾. Это путешествїе, во время котораго протоіерей Самборскій познакомился со многими образованнѣйшими людьми того времени, дало ему возможность еще болѣе усовершенствоваться

¹⁾ Разумѣется протоіерей Яковъ Смирновъ—изъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума. См. о немъ „Рус. Архивъ“ 1879 г. т. I, стр. 355. Ср. „Рус. посольск. церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.“, стр. 15—17. 23.

²⁾ Въ домашнемъ архивѣ с. Стратилатовки находится большая печатная карта этого путешествїя и печатный маршрутъ.

свое образование и обратило на него вниманіе высокопоставленныхъ лицъ. По возвращеніи его изъ-за границы съ ихъ Высочествами, императрица Екатерина, въ знакъ особаго своего благоволенія, собственноручно возложила на него наперсный крестъ съ изображеніемъ распятія, на фонъ изъ синей эмали, осыпанный брильянтами на голубой (Андреевской) лентѣ¹⁾. Извѣщая свою жену, все это время остававшуюся въ Англіи, о полученіи этой монаршей милости, о. Самборскій (отъ 10 марта 1783 года) писалъ: „Я имѣлъ счастье получить отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей и милосердной Матери, очень высокій знакъ отличія. Сегодня Ея Величество изволила почтить меня *бриллиантовымъ крестомъ на голубой лентѣ*, который она возложила на меня *собственными руками*. И наградила меня Своею материнскою бесѣдою. Благодареніе Богу за это“.

Послѣ аудіенціи у императрицы протоіерей Самборскій немедленно отправился на родину получить благословеніе отъ своей престарѣлой матери—вдовы. Объ этомъ своемъ свиданіи съ матерью онъ упоминаетъ въ письмѣ къ женѣ (отъ 21 іюня того же года) въ слѣдующихъ теплыхъ выраженіяхъ: „Радость, которую наша престарѣлая и почтенная мать почувствовала, при моемъ пріѣздѣ, невыразима! Благодареніе Богу! Она живетъ и переноситъ свои преклонныя лѣта съ христіанскою твердостью, на удивленіе всѣмъ и къ нашему истинному утѣшенію. Она всегда усерднѣйше молится о тебѣ и дѣтяхъ²⁾; и когда вы соединяетесь въ обоюдной молит-

¹⁾ Этотъ крестъ, по смерти о. Самборскаго, представленъ былъ въ императорскій кабинетъ, который выдалъ за него сиротамъ по двѣ тысячи рублей. Но импер. Александръ Павловичъ, согласно желанію дочери протоіерея Самборскаго, повелѣлъ передать его въ церковь с. Стратилатовки на украшеніе дарохранительницы. Вдѣланный въ золотую дарохранительницу, имѣющую видъ креста, этотъ крестъ и нынѣ находится въ стратилатовской церкви (Ист. ст. опис. х. еп., отд. V, стр.).

²⁾ Въ Англіи у Самборскаго родились дѣти: Анна, Софія, Александръ, скончавшіяся на 22 году жизни и Исидъ, умершій 4 лѣтъ.

вѣ и въ упованіи на Провидѣніе, вы будете жить въ спокойствіи до старости и увидите дѣтей вашихъ дѣтей. Она посылаетъ свое любящее благословеніе всѣмъ вамъ. Чрезъ нѣсколько дней я оставляю Москву и постараюсь достигнуть Лондона со всевозможною поспѣшностію“.

Во время своего пребыванія на родинѣ о. Самборскій старался устроить матеріальное положеніе своей многочисленной бѣдной родни. Выѣстъ съ тѣмъ, проѣзжая по Малороссіи, онъ не опускалъ случая познакомиться съ тамошнимъ сельскимъ хозяйствомъ, чтобы, по оставленіи службы въ Англіи, можно было съ большимъ успѣхомъ примѣнить въ родной странѣ свои агрономическія познанія. Въ письмѣ отъ 9 сент. 1783 г. къ князю Александру Андреевичу Безбородко Самборскій пишетъ о себѣ слѣдующее: „я отправился къ моей матери. Престарѣлую вдову съ сиротами и другихъ моихъ многочисленныхъ родственниковъ нашелъ въ *превеликой бѣдности и безъ всякаго призрѣнія!* Пребѣдное ихъ состояніе заставило меня *ходатайствовать* объ нихъ у разныхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ, между которыми графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ великія сдѣлалъ одолженія. А какъ я *въ перепздахъ моихъ* повстрѣчался съ земледѣльческими работами, коихъ я доселѣ одну только зналъ поверхность, то я нашелъ необходимо нужнымъ *испытать всю практику* здѣшнюю съ тѣмъ, чтобы съ *большою точностію* могъ я *апликовать* правила, *приобрѣтенныя мною въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, къ здѣшнему климату*, и съ увѣреніемъ теперь могу Вамъ сказать, что во всѣхъ мѣстахъ имперіи Россійской можно завести доброе и весьма прибиточное государству хозяйство. О нынѣшнемъ Россійскомъ доношу Вамъ, что оно есть въ самомъ бѣднѣйшемъ состояніи. Крестьяне вообще не разумѣютъ никакаго порядка; слѣдственно теряютъ они по крайней мѣрѣ третью часть времени, которое, по долговременной здѣшней зимѣ, должно быть весьма дорого. Теряютъ они почти половину хлѣба, а при

томъ весьма изнуряють и свои силы и своихъ скотовъ, что и причиняетъ наибольшій вредъ государству. Я ѣздилъ такожь и въ Херсонъ, дабы узнать, какого роду хозяйство тамъ можно завести. О семъ мѣстѣ долженъ я сказать, что оно изобилуетъ благословенною землею. Подвигъ сей я для того теперь сдѣлалъ, что когда я, *по возвращеніи изъ Англїи, вступлю въ должность и практику*, то мнѣ невозможно будетъ тогда отлучиться¹⁾.

По возвращеніи въ Москву изъ поѣздки на родину протоіерей Самборскій, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма его къ женѣ отъ 21 іюня 1783 г., хотѣлъ было поскорѣе съѣздить въ Лондонъ, чтобы навѣстить свою соскучившуюся по немъ семью, но въ началѣ 1784 года онъ совершенно неожиданно назначенъ былъ законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, и это заставило его измѣнить свое прежнее намѣреніе. По этому случаю Самборскій отъ 20 марта 1784 г. писалъ своей женѣ: „самыми непостижимыми путами божественнаго providѣнія и волею Екатерины Великой назначенъ я преподавать Законъ Божій Ихъ Императорскимъ Высочествамъ молодымъ Великимъ Князямъ. Это неожиданное событіе оправдываетъ предъ тобою мое долгое отсутствіе. Такъ какъ моя настоящая должность имѣетъ важнѣйшее значеніе для нашего Отечества, и можно сказать для человѣчества вообще, то я обязанъ пройти чрезъ самое строгое самоиспытаніе, чтобы узнать: достоинъ ли я столь высокой довѣренности отъ такой великой, такой мудрой и предусмотрительной монархини. Всякія мелкія испытанія я перепосилъ съ твердостію и благодарностію—теперь со всевозможнымъ усердіемъ и бдительностію я долженъ начать мою священную обязанность. (Такъ серьезно смотрѣлъ протоіерей Самборскій на возложенное на него

¹⁾ Русскій Архивъ 1890 г., кн. III, стр. 158. 159.

Высочайшею властію чрезвычайно важное порученіе ¹⁾!—Ни время, ни полнота моего сердца не позволяют мнѣ распространяться о семъ предметѣ. Только я радъ сказать тебѣ, что мнѣ навѣрно обещаю отпускъ въ Англію весною, чтобы привести васъ домой. Будущій іюль назначенъ для возвращенія нашего въ Россію. Я надѣюсь, что ты принесла горячія молитвы Всемогущему Богу за Его неизреченное милосердіе и за благоденствіе нашей Царской семьи, подъ покровительствомъ которой, ты, моя дражайшая супруга, и потомство наше будемъ проживать счастливые дни“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по повелѣнію императрицы Екатерины II, о. Самборскій долженъ былъ обучать великихъ князей англійскому языку и разбить для великаго князя Александра Павловича близъ Павловска паркъ, по тексту нравоучительной аллегорической сказки, сочиненной самой императрицей для любимаго внука, будущаго наслѣдника престола, подъ заглавіемъ: „Царевичъ Хлоръ и роза безъ шиповъ“ ²⁾. Впослѣдствіи, въ тѣхъ же самыхъ званіяхъ законоучителя и преподавателя англійскаго языка протоіерей Самборскій состоялъ и при великихъ княжнахъ Александрѣ, Еленѣ и Маріи Павловнахъ.

Въ бытность свою законоучителемъ великихъ князей и княженъ А. А. Самборскій получилъ отъ правительства мызу Бѣлозерку, находившуюся на дорогѣ изъ Павловска (любимое мѣстопробываніе императора Павла Петровича) въ Царское Село. Здѣсь онъ велъ образцовое хозяйство ²⁾. Любовь о. Самборскаго къ агрономіи, въ его умѣлыхъ рукахъ, давала ему богатый матеріалъ для законоучительскихъ бесѣдъ съ

¹⁾ Видъ этого извѣстнаго по своей вычурной, сентиментальной идилличности „Александрова парка“, и поэма въ стихахъ, описывающая его, находятся во многихъ экземплярахъ изъ семейнаго архива с. Стратилатовки. Александрова дача впослѣдствіи была подарена главному воспитателю великихъ князей Н. И. Салтыкову.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. III, стр. 159, прим. 1.—Это, сколько извѣстно, первый примѣръ сельско-хозяйственныхъ фермъ въ Россіи.

его царственными учениками и ученицами. Известно, что съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ онъ иногда совершалъ прогулки по полямъ, въ окрестностяхъ Бѣлозерки, объясняя ему пользу земледѣлія, входилъ съ нимъ въ избы бѣдныхъ крестьянъ, знакомилъ его съ ихъ бытомъ, нуждами и тяжкимъ трудомъ ¹⁾. Когда Александръ Павловичъ былъ уже императоромъ, протоіерей Самборскій, вспоминая о времени своего законоучительства, между прочимъ, писалъ ему (отъ 29 декабря 1804 г.): „Время оное было для меня золотое и драгоценное, тѣмъ паче, что Ваше Величество могли весьма ясно познать мою *прямую систему религии евангельской, и религии сельской*, изъ которыхъ происходитъ благонравіе и трудолюбіе, которая суть твердое основаніе народнаго благоденствія. Когда Монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріемнымъ и праведнымъ судією Богомъ“.

Лѣтомъ 1787 года о. Самборскій находился въ Москвѣ и селѣ Коломенскомъ при августѣйшихъ ученикахъ своихъ Александрѣ и Константиנѣ Павловичахъ, прибывшихъ сюда изъ Царскаго Села на встрѣчу возвращавшейся изъ Крымскаго путешествія императрицѣ Екатеринѣ ²⁾. При встрѣчѣ государыни, Самборскій произнесъ рѣчь, которая тогда же была напечатана въ Москвѣ ³⁾. Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, протоіерей Самборскій, въ положеніи законоучителя великихъ князей, остановился во дворцѣ. Здѣсь, между прочимъ, навѣстилъ его знакомый ему съ дѣтства Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, въ то время еще только студентъ Владимірской семинаріи ⁴⁾.

¹⁾ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 9.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 1944, прим.

³⁾ Истор. стат. опис. харьк. епарх., отд. V, стр. 88.

⁴⁾ Въ оти́тъкахъ „студента философіи“ Сперанскаго въ календарѣ 1786 г., за три года пребыванія его въ Владимірской семинаріи (см. „Жизнь графа Сперанскаго“ Корфа, т. I, стр. 18—24), между прочимъ, читаемъ: „1787 года 23

Протоіерей Самборскій исполнялъ обязанности законоучителя великихъ князей и княженъ съ примѣрнымъ усердіемъ, и приобрѣлъ этимъ любовь и расположеніе своихъ царственныхъ учениковъ и ученицъ.

іюня пріѣхалъ я (изъ семинаріи) въ село Черкутино (родина Сперанскаго), взявъ паспортъ въ Москву на мѣсяць, т. е. отъ 22 іюня до 22 іюля. 24-го отъправился на ночь въ Москву, т. е. съ 23-го на 24-е. Прибыли въ Москву 25 числа, по утру въ 11 часовъ. Ъздили ко двору и были у отца протоіерей *Андрея Аванасьевича* (Самборскаго). — О. Самборскій впервые посѣтилъ родину Сперанскаго, вмѣстѣ съ Черкутинскимъ владѣльцемъ, княземъ Н. И. Салтыковымъ, главнымъ воспитателемъ великихъ князей, во время его дѣтскаго возраста (Сперанскій родился 1 янв. 1772 г.). Въ это время Самборскій познакомился съ родителями малолѣтняго Сперанскаго (священникомъ с. Черкутина *Михаиломъ Васильевичемъ* Сперанскимъ и женой его *Прасковьей* Теодоровной), нѣсколько разъ бывалъ у нихъ, любовался бѣлошнымъ мальчикомъ, бѣгавшимъ, запросто, босикомъ, бралъ его на руки, говорилъ съ нимъ, звалъ, въ шутку, къ себѣ въ Петербургъ («Жизнь графа Сперанскаго» Корша, т. I, стр. 9). Это первое знакомство Самборскаго съ Сперанскимъ, возобновленное въ 1787 году въ Москвѣ, постоянно поддерживалось и послѣ того. Въ 1788 году Сперанскій окончилъ философскій классъ въ Владимірской семинаріи и долженъ былъ перейти въ богословію въ Суздальской семинаріи (за переводомъ въ Суздаль семинаріи изъ Владиміра). Въ то время Сперанскому шелъ 17-й годъ, и онъ хотѣлъ поступить въ Московскій университетъ, для изученія математики и французскаго языка. По этому случаю семинаристъ Сперанскій обратился къ Самборскому, занимавшему тогда важное положеніе въ духовномъ мірѣ, съ просьбой — похотѣтайствовать предъ мѣстнымъ архіереемъ о переходѣ его изъ семинаріи въ университетъ. «Ваше Высокопреподобіе, Милостивый Государь! писалъ онъ отъ 16 іюля 1788 года о. Самборскому, — «особенная благосклонность отцу моему въ бытность Вашу въ селѣ Черкутинѣ, равно и мнѣ въ Москвѣ Вами оказанная, возбуждаетъ во мнѣ смѣлость просить въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ Вашего вспоможенія. Въ бывшей Владимірской семинаріи окончилъ я философскій курсъ. Послѣ вакаціи въ Суздальской долженъ буду вступать въ богословскій классъ; но мнѣ желательнее слушать богословію вмѣстѣ съ изученіемъ французскаго языка и математическими заняться науками, концы въ семинаріи не преподають. Охота къ познанію сихъ наукъ убѣждаетъ меня изъ духовнаго училища перейти въ Московскій университетъ; но я увѣренъ совершенно, что архіепастырь мой сему желанію моему исполниться не дозволитъ. Для чего низжайше прошу Васъ, Милостивѣйшій Государь, принять на себя трудъ попросить чрезъ письмо Его Преосвященства о моемъ увольненіи. Вы тѣмъ увеличите цѣну Вашихъ ко мнѣ благодѣній, и премного обожете человека, который съ глубочайшимъ къ Вамъ высокопочитаніемъ пребывалъ, за счастье себя почитаетъ быть Вашего Высокоблагословенія покорѣйшимъ слугою бывшей Владимірской семинаріи философій студентъ М. Сперанскій».

Какія искреннія чувства преданности питали къ своему законоучителю великія князья,—объ этомъ всего лучше говорятъ письма ихъ къ о. Самборскому, когда послѣдній, по случаю весьма продолжительной болѣзни, долгое время не могъ прїѣзжать къ своимъ воспитанникамъ на уроки и, хотя изрѣдка, долженъ былъ посылать имъ письменныя наставленія.

12 декабря 1787 года, по случаю дня рожденія великаго князя Александра Павловича, протоіерей Самборскій писалъ юному своему ученику слѣдующее: „Ничто въ жизни толико меня не утѣшаетъ, какъ желаніе Ваше, устремляющееся къ истинному познанію Бога и Его святого закона. Посему, дражайшій мой ученикъ, судить можете, коликимъ прискорбіемъ объята есть душа, что я *по причинъ моей болѣзни не могу имѣть съ Вами душеспасительной бесѣды*, паче же въ сіе радостное торжество, которымъ воспоминается рожденіе Ваше. Что дражайшая жизнь Ваша воспріяла свое начало отъ безначальнаго и всемогущаго Творца; что всесовершенная Его премудрость украсила Вашу душу и тѣло всѣми совершенствами и превосходными талантами; что неисповѣдимая Его благодать ниспосылаетъ Вамъ вся благая и что непрестанно пекущееся Его провидѣніе Васъ сохраняетъ,—во всемъ томъ утверждаетъ Васъ чистѣйшая и непоколебимая вѣра, которую Вы пріобрѣли прилежаніемъ и долговременнымъ испытаніемъ какъ естественнымъ, такъ и евангельскимъ. Но какъ при томъ оказалось, что вѣра едина есть мертвая безъ добрыхъ дѣлъ, которыя въ томъ единственно состоятъ, дабы возлюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душою, и ближняго своего какъ самого себя, то Вы, Благочестивѣйшій Государь, и должны *всемирно стараться преуспѣвать въ оныхъ добрыхъ дѣлахъ*. Десять лѣтъ уже Вамъ исполнилось; здравый Вашъ разумъ, возрастающій съ лѣтами, сильнѣе теперь будетъ увѣщать Васъ, что со всевозможнымъ благоговѣніемъ подобаетъ размышлять о Богѣ, приносить благодареніе и совершать молитвы такъ, что-

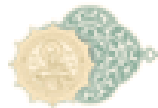
бы уста и сердце всегда были единогласны, а не какъ фари-
сеи, которые, какъ св. Евангеліе Вамъ извѣстило, устами
только Бога чтутъ, сердце же ихъ далече отстоятъ. И такое
благопочитаніе есть паче оскорбленіе величеству Божію, а
не жертвоприношеніе! По совершеніи усерднѣйшихъ молитвъ,
должны Вы обратить все вниманіе на тѣ науки, которыя
способствуютъ просвѣщенію Вашего высокаго рожденія.
Неоднократно напоминалъ я, что время есть невозвратно, въ
чемъ и вы всегда были со мною согласны. Напоминалъ я
Вамъ и то, что Богъ, одаривъ щедро Васъ душевными и тѣ-
лѣсными талантами, взыщетъ строго отъ Васъ отчетъ въ
употребленіи оныхъ, по подобію евангельской притчи о та-
лантахъ. Многократно представлялъ я Вамъ о самовольнѣй-
шей должности Вашихъ наставниковъ и хранителей. Сямъ
во всякой кротости, довѣренности и чистосердечіи должны
Вы повиноваться и для двухъ причинъ: первое, что Ваша
Великая и Премудрая Прародительница благоизволила ихъ
избрать; второе, что они жертвуютъ всѣмъ своимъ спокойстві-
емъ, да и самую жизнь, Вашему благоденствію. Впрочемъ,
старайтесь находить во всякомъ человѣческомъ состояніи сво-
его ближняго. Тогда никого не обидите; и тогда исполните
Законъ Христовъ. Я же, преклонивъ колѣна и проливая сле-
зы, молю Всевышняго, да ниспослетъ на Васъ всесильную
благодать Свою, къ преуспѣянію во всѣхъ благахъ! Пріймите,
Благочестивѣйшій Государь, сей мой даръ съ таковою от-
кровенностію души, каковую приношу, и вѣрьте, что пребуду
пока живъ, буду Вашего Императорскаго Высочества всепод-
даннѣйшій богомолецъ Андрей Самборскій“.

Въ отвѣтъ на это письмо своего законоучителя писалъ
еще *совсѣмъ дѣтскимъ почеркомъ великій князь Александръ*
Павловичъ: „Андрей Аѳанасьевичъ! Я Васъ очень благодарю за
Ваше письмо и за Ваши наставленія, которыя буду старать-
ся всѣмъ моимъ сердцемъ исполнять, я сердечно сожалею, что
Вы нездоровы and I wish with all my heart the restoration

of your health, пребывая въ Вамъ навсегда доброжелательный, и прошу Вашего благословенія. Городъ святого Петра. 14 декабря 1787 года. Александръ“.

Подобное же письмо получилъ о. Самборскій отъ великаго князя Александра Павловича и въ слѣдующемъ году. „Милостивый Государи! писалъ своему законоучителю Александръ Павловичъ,—Я чрезвычайно обязанъ Вамъ за Ваше ласковое письмо; *правила и советы, заключающіеся въ немъ, глубоко проникнули меня, и я надѣюсь примѣнить ихъ сообразно Вашему желанію, Я очень сожалею, что болѣзненное состояніе Ваше препятствуетъ мнѣ пользоваться ими лично.* Ген. Салтыковъ (главный воспитатель великихъ князей) извѣщаетъ меня, что Вамъ гораздо лучше; *я радуюсь этому и надѣюсь на совершенное выздоровленіе Ваше.* Я читалъ по англійски три раза въ недѣлю съ Парландомъ и соотвѣтственно желанію Вашему перевелъ Ваше письмо на русскій языкъ. Я надѣюсь, что Вы скоро будете здѣсь, чтобы одобрить его. Пребываю съ *глубочайшимъ уваженіемъ* Вашъ покорнѣйшій слуга Александръ. С.-Петербургъ. Фев. 19. 1788 г.“.

Наступалъ великому князю Александру Павловичу 14-й годъ отъ рожденія, а Самборскій все никакъ не могъ оправиться отъ своей болѣзни. По этому случаю онъ опять писалъ своему августѣйшему питомцу: „Благочестивѣйшій Государь! Всесильнымъ содѣйствіемъ Божіей благодати и Вы уже совершили возрастъ отрочества. Сей златой вѣкъ жизни человѣческой хотя и не возвратится, Вы однако жъ съ подобающимъ благоговѣніемъ и непрестанною благодарностію должны чувствовать, что возрасту сему всѣмъ Вашимъ просвѣщеніемъ, будущимъ благоденствіемъ Вы одолжены; поелику Вы приобрѣли въ немъ истинное Богопознаніе, познаніе самого себя и познаніе должностей къ ближнему; ибо отъ познанія сихъ открывается прямой путь безсмертной душѣ къ вѣчному блаженству! По многимъ причинамъ, безъ сомнѣнія, чув-

ствуєте и Сами, Ваше Высочество, что уже миновался возраст Вашего отрочества. Я долженъ Вамъ теперь сказать съ отличною твердостію духа, Вы же, Благочестивѣйшій Государь, съ равномѣрною принять, что миновалась уже Ваша сладчайшая невинность и душевное спокойствіе, ибо Вы уже вступили въ юношество, которое обыкновенно бываетъ распаляемо свирѣпѣйшими страстями и влекомо къ вреднымъ пожеланіямъ и разнообразнымъ предметамъ, которымъ тотъ юноша точію жертвою не бываетъ, который Божій Законъ и здравый разумъ поставляютъ бдительнымъ стражемъ и судьей надъ всѣми своими дѣяніями. Къ собственному утѣшенію Вашему и къ счастью рода человѣческаго и любезнѣйшаго нашего отечества, долженъ я и то сказать, что Ваше Высочество любите Бога и Его святой Законъ, и что Вы отменно предъ прочими одарены здравымъ разумомъ и честнымъ сердцемъ, которыя сопряжены купно могутъ Васъ сохранить отъ всякихъ попятновеній о чемъ, съ истинною вѣрою, Вы всегда и я купно съ Вами должны возсылать горячайшія ко Всемоущему Богу молитвы“.

На это письмо своего законоучителя великій князь Александръ Павловичъ отвѣчалъ: *„Покорнѣйше Васъ благодарю, Андрей Аѳанасьевичъ, за Ваше письмо. Жалю весьма, что такъ домо мшенъ удовольствія Васъ видѣть и самолично свидѣтельствовать ту искренность, съ которою навсегда пребуду Вамъ усерднѣйшій Александръ. 13 декабря 1791 г. С. Петербургъ“.*

Такія же письма, съ изъявленіемъ сердечнаго сочувствія и признательности, получалъ протоіерей Самборскій и отъ другого своего царственнаго ученика—великаго князя Константина Павловича. Такъ, отъ 1 февр. 1788 г. Константинъ Павловичъ писалъ своему законоучителю: *„Преподобный Отецъ! Благодарю Васъ за поздравленіе и добрые совѣты. Сожалю сердечно о болѣзни Вашей и желаю скорого и совершеннаго*

выздоровленія. Впрочемъ, препоручая себя молитвамъ Вашимъ, пребываю навсегда съ отличнымъ уваженіемъ Вашъ усердный и доброжелательный Константинъ“.

Что и великія княжны чувствовали расположеніе къ своему законоучителю,—объ этомъ можно заключить напр. изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда императоръ Павелъ Петровичъ, рескриптомъ своимъ отъ 4 марта 1797 года ¹⁾, пожаловалъ протоіерею Самборскому, въ награду за ревностные труды его по законоучительству, землю и деревню Стратилатовку съ пятьюстами крестьянъ въ Харьковской губерніи, то старшая изъ великихъ княженъ, Александра Павловна, узнавъ объ этомъ отъ своей матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ дѣтскою радостію поспѣшила сообщить Андрею Афанасьевичу, что онъ получитъ большой подарокъ, но просила при этомъ ее не выдавать ²⁾.

Воспитаніе великаго князя Александра Павловича окончилось очень рано. Императрица Екатерина Алексѣевна, уже на закатѣ жизни, нетерпѣливо желала видѣть своего любимаго внука супругомъ и отцемъ семейства ³⁾. 31 окт. 1792 года прибыли въ Петербургъ на смотрины, въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Степана Ѳеодоровича Стрекалова и статсъ-дамы графини Екатерины Петровны Шуваловой ⁴⁾, двѣ дочери наслѣднаго принца Баденъ-Дурлахскаго: Луиза Марія-Августа и Фридерика-Доротея-Вильгельмина, изъ которыхъ первая (14-лѣтняя принцесса) должна была сдѣлаться невѣстою 16-лѣтняго великаго князя ⁵⁾. 9-го мая 1793 года было совершено миропомазаніе старшей

¹⁾ Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд V, стр. 88.

²⁾ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 9.

³⁾ Кромѣ другихъ причинъ здѣсь имѣли мѣсто и чисто политическія.

⁴⁾ Она была дочерью извѣстнаго фельдмаршала, героя семилѣтней войны и женою графа Андрея Петровича Шувалова, задушевнаго друга Вольтера.

⁵⁾ Говорятъ, что будто-бы этотъ столь ранній бракъ разстроилъ здоровье юныхъ супруговъ; дочери ихъ, Марія и Елизавета, скончались въ младенчествѣ.

принцессы Луизы, нареченной при этомъ Елизаветой Алексѣвной, а на другой день—обрученіе ея съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ¹⁾. По случаю обрученія своего царственнаго питомца о. Самборскій почелъ своею обязанностію въ послѣдній разъ послать ему письменное наставленіе, которое, къ слову сказать, отличается строгостію тона, свидѣтельствующею о нравственномъ мужествѣ его составителя. Вотъ оно: „Пресвятая Троице! Боже нашъ слава Тебѣ. День сей толико есть важенъ для Вашего Императорскаго Величества, колико и первый день Вашего дражайшаго рожденія! День сей, разсмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ, должно по всей справедливости признать для Васъ самоважнѣйшимъ. Доселѣ Премудрая Прародительница Ваша, доселѣ чадолюбивые Родители Ваши неусыпное имѣли попеченіе о бытіи Вашемъ и какъ бы неразлучно хранили Васъ въ своемъ лопѣ. Доселѣ ревностные наставники Ваши просвѣщали Васъ познаніемъ священнаго Закона Божія и непреложнаго закона общегитія, но въ нынѣшній день неисповѣдимыя судьбы разрѣшаютъ Васъ отъ сего союза. *Воспитаніе Ваше кончилось.* Теперь всѣ вообще ожидаютъ отъ Васъ полезныхъ плодовъ. Теперь Вы, Благовѣрный Государь, должны Богу, отечеству и всякому порознь человѣку сами отвѣчать во всѣхъ дѣланіяхъ за себя! Вы должны отвѣчать не за себя точію, но и за Вашу будущую супругу, съ которой въ сей день Вы обручаетесь, Благовѣрную Государыню Елизавету Алексѣвну. По истинѣ дѣло есть крайне трудное отвѣчати тако! А паче въ Вашемъ высокомъ рожденіи, которое обстоитъ коварное и зловерное ласкательство, угнетающее правду. Проходя всѣхъ прошедшихъ вѣковъ событія, находимъ, что почти всѣ земные владыки больше или меньше сдѣлались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тотъ въ страшнѣйшее превратился чудовище! И такъ, дабы Вы спаслись

¹⁾ Самое бракосочетаніе ихъ совершилось 28 сент. того же года.

бы будущихъ несчастій, должны, во-первыхъ, остерегаться всевозможнымъ образомъ ласкательства; во-вторыхъ, сохранить свято обязанность брака, который начинается теперь обрученіемъ. Важное сіе дѣло, какъ и вчерашнее (разумѣется св. миропомазаніе Высоковареченной невѣсты), начнемъ горячими молитвами и возымѣемъ твердую вѣру, что Благодать Божія во всемъ Вамъ будетъ содѣйствовать“.

Священникъ Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

ОПИСАНІЕ открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго Черниговскаго чудотворца.

9 сентября настоящаго года въ городѣ Черниговѣ совершилось великое торжество православно-христіанской русской церкви. Въ этотъ день земная русская православная церковь и весь православный русскій народъ еще разъ видимымъ образомъ и непосредственно вступили въ живое общеніе съ церковью торжествующею на небесѣхъ. Въ этотъ день православные русскіе христіане еще разъ слились воедино, проникшись однимъ молитвеннымъ настроеніемъ, однимъ святымъ чувствомъ, исполнившимъ души всѣхъ ихъ. Такія торжества бывають весьма рѣдко. Это событія въ полномъ смыслѣ слова вѣковыя. Потому мы должны какъ можно болѣе дорожить подобными событіями, проникать въ ихъ внутренній смыслъ и постигать ихъ великое значеніе.

Глубоко знаменательное для всей православно-русской церкви, черниговское торжество 9 сентября вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ церкви кievской и, въ частности, къ нашей Кіевской духовной Академіи. Святитель

Оеодосій Углицкій, Черниговскій чудотворецъ, большую часть своей служебной дѣятельности посвятилъ на пользу Кіевской епархіи сначала въ низшихъ священнослужительскихъ должностяхъ и затѣмъ въ санѣ игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря и намѣстника мѣстоблюстителя кіевской митрополіи. Не менѣе близкія отношенія имѣеть святитель Оеодосій и къ нашей Академіи, какъ ея воспитанникъ. Потому открытіе честныхъ мощей святителя Оеодосія есть истинное торжество для Кіевской духовной Академіи.

Кіевская духовная Академія, доживающая уже третье столѣтіе своего существованія, сослужила великую и разнообразную службу для русскаго государства и для русской православной церкви. Она воспитала многихъ и весьма многихъ замѣчательныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія и особенно на поприщѣ духовно-учебномъ. Въ числѣ существующихъ нынѣ архіерейскихъ кафедръ русской православной церкви нѣтъ почти ни одной такой, которая бы не украшалась славными воспитанниками Кіевской духовной Академіи.

Но, безъ сомнѣній, самую важную (въ высшемъ, нравственномъ отношеніи) заслугу для русской православной церкви Кіевская Академія оказала воспитаніемъ замѣчательныхъ подвижниковъ духа, своею святою жизнію составлявшихъ и составляющихъ истинную славу своей воспитательницы. Кіевская Академія единственная посреди своихъ духовныхъ сестеръ—другихъ академій имѣеть великое и рѣдкое счастье въ числѣ своихъ бывшихъ питомцевъ видѣть угодниковъ Божіихъ, достигшихъ блаженства своею богоугодною жизнію и причисленныхъ русскою православною церковію къ лику святыхъ. Какое великое утѣшеніе для школы—матери видѣть своихъ питомцевъ въ ликѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, которые, конечно, въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ не оставляютъ и воспитавшей ихъ духовной матери! А между тѣмъ въ лицѣ святителя Оеодосія Углиц-

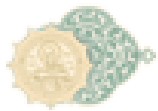
каго, Черниговскаго чудотворца, Кіевская духовная Академія приобрѣтаетъ для себя уже третьяго святаго ученика, третьяго своего угоднаго молитвенника предъ престоломъ Божиимъ.

Понятна теперь та радость, съ какою Кіевская духовная Академія отнеслась къ вѣсти о предположенномъ открытіи честныхъ мощей святителя Θεодосія. Понятно также и то искреннее участіе, какое приняла академія въ самомъ торжественномъ открытіи честныхъ мощей своего бывшего питомца. Безъ преувеличенія можно сказать, что черниговское торжество, сдѣлавшееся всероссійскимъ праздникомъ, благодаря участію въ немъ представителей всѣхъ концовъ Россіи, было вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ Кіевской духовной академіи.

Въ виду всего сказаннаго органъ Кіевской духовной академіи не можетъ пройти молчаніемъ совершившагося въ Черниговѣ великаго торжества православной русской церкви. Онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ дать возможно подробное описаніе этого торжества, показать его значеніе для всей вообще христіанской церкви и, въ частности, для русской православной церкви и, наконецъ, познакомить своихъ читателей съ жизнію и дѣятельностію новоявленнаго угодника и чудотворца русской православной церкви.

I.

Черниговъ началъ готовиться къ торжественному открытію честныхъ мощей святителя Θεодосія заблаговременно. Рано обнаружилось и участіе всего православнаго русскаго народа къ этому рѣдкому событію въ его жизни. Вѣсть о состоявшемся рѣшеніи открыть честныя мощи святителя Θεодосія была получена преосв. Антоніемъ, епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ еще на пасхальной седмицѣ настоящаго года. Понятна радость, съ какою приняли эту вѣсть граждане Чернигова и обитатели всей Черниговской епархіи.

Черниговъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ и славный своимъ историческимъ прошлымъ, отселѣ долженъ былъ сдѣлаться священнымъ городомъ для русскаго народа, какъ мѣсто упокоенія новаго чудотворца и угодника русской православной церкви. Изъ Чернигова вѣсть о рѣшеніи открыть мощи святителя Ѳеодосія скоро облетѣла и всю православную Русь, вызвавъ вездѣ радость и желаніе благочестивыхъ людей принять личное участіе въ столь рѣдкомъ торжествѣ. Поэтому, рано, еще за-долго до назначеннаго для открытія мощей времени, начали собираться въ Черниговъ благочестивые поклонники со всѣхъ концовъ православной Россіи. Приходили въ Черниговъ пѣшкомъ изъ Архангельска, Оренбурга и Перми, шли сюда изъ-за Кавказа и изъ-за Урала. Особенно усиленный притокъ богомольцевъ въ Черниговъ начался предъ самымъ торжествомъ.

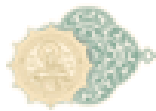
Черниговъ, съ своей стороны, началъ заблаговременно готовиться къ имѣвшему совершиться въ немъ торжеству. Одинаково живое участіе въ этихъ приготовленіяхъ принимала какъ духовная, такъ и свѣтская власть. Духовное начальство образовало особую комиссію по устройству всего необходимаго для предстоящаго торжества подъ предсѣдательствомъ викарія Черниговской епархіи, преосв. Цитирима, епископа новгородъ-сѣверскаго. Судя по тому порядку, какой замѣчался во время торжества, комиссія выполнила возложенную на нее отвѣтственную задачу съ полнымъ успѣхомъ. То же самое должно сказать и относительно дѣятельности свѣтскаго начальства. Этимъ послѣднимъ было приготовлено все, необходимое для пріема многочисленныхъ поклонниковъ, имѣвшихъ собраться въ Черниговъ. Были приготовлены квартиры въ страннопріимныхъ и частныхъ домахъ для состоятельныхъ богомольцевъ, бараки для простого бѣднаго люда, которые весьма хорошо были названы „городкомъ святителя Ѳеодосія“, было заранѣе устроено все необходимое для оказанія скорой помощи больнымъ или тѣмъ поклонни-

Словомъ, Черниговъ, значительно пріукрасившійся и пригото-
вившійся къ рѣдкому торжеству, принялъ весьма радушно и
душевно своихъ многочисленныхъ посѣтителей—поклонниковъ,
которые, безъ сомнѣнія, сохранятъ самыя добрыя воспомина-
нія о дняхъ, проведенныхъ ими въ Черниговѣ, и разнесутъ
добрую славу о черниговскихъ гражданахъ по всѣмъ угол-
камъ нашего обширнаго отечества.

Собственно самое торжество открытія честныхъ мощей
святителя Θεодосія началось съ вечера 4 сентября. Вечеромъ
этого дня преосвященными Антоніемъ и Питиримомъ, ректоромъ
Черниговской семинаріи, прот. К. В. Ефремовымъ и нѣ-
которыми другими духовными лицами было совершено пере-
облаченіе честныхъ мощей святителя Θεодосія. Когда было
свято съ святителя облаченіе, въ которомъ онъ былъ по-
гребенъ въ 1696 году, то оказались нетлѣнными шейный
крестъ на снурѣ и парамандъ съ отпечатанными на немъ
орудіями страданій Спасителя и кафтанъ святителя, сшитыя
изъ шелковой матеріи, украшенной мушками. Честныя мощи
были облачены въ новое архіерейское облаченіе изъ бѣлой
парчи съ вышитыми по ней золотыми двѣтами, при чемъ на
святителя были надѣты тѣ же самыя митра и панагія, какія
возложены были на него при погребеніи въ 1696 году.

На слѣдующій день, 5 сентября, послѣ литургіи въ ка-
едральномъ соборѣ была совершена преосв. Питиримомъ
торжественная панихида, при чемъ поминались всероссійскій
патріархъ Адріанъ, совершавшій хиротонію святителя Θεодо-
сія въ епископа въ 1692 году, русскіе Государи и Госуда-
рыни отъ Петра I до Александра III, родители святителя
Θеодосія и всѣ почившіе черниговскіе архипастыри.

Какъ 5 сентября, такъ и на слѣдующій день замѣчал-
ся особенно усиленный приливъ богомольцевъ въ Черниговъ,
такъ что Черниговъ въ эти дни принялъ праздничный видъ
и въ немъ наблюдалось необыкновенное оживленіе. Пишущій

эти строки путешествовалъ въ Черниговъ именно 6 и 7 сентября. Уже начиная съ самаго Кіева наблюдалось, съ одной стороны, обиліе пассажировъ, направлявшихся въ Черниговъ, а съ другой стороны, какое-то особенное настроеніе этихъ пассажировъ. Это не были обыкновенные путешественники по желѣзной дорогѣ. На лицахъ ихъ было напечатлѣно какое-то особенно серьезное спокойствіе и сосредоточенная дума. И чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ все больше и больше отгнѣнялось подобное настроеніе путешествующихъ. Несмотря на совершенное переполненіе вагоновъ, не было шума и крика, столь обычныхъ на желѣзной дорогѣ. Все дѣлалось всѣми какъ-то ровно, серьезно и спокойно; каждый охотно уступалъ мѣсто другому. Съ приближеніемъ поѣзда къ станціи „Круты“ сталъ замѣчаться особенный наплывъ богомольцевъ на платформы, при чемъ многіе, за недостаткомъ мѣстъ въ вагонахъ, должны были ожидать слѣдующихъ поѣздовъ. На станціи „Круты“, въ ожиданіи отправленія поѣзда по черниговской вѣткѣ, въ вокзалѣ собралась чрезвычайная масса народа. И какъ разнообразно было это собраніе! Здѣсь были и высшія духовныя лица, и богатое великороссійское купечество, и военные, и больше всего представители нашего простаго народа. Въ средѣ богомольцевъ можно было подмѣчать весьма большое количество больныхъ разными недугами людей. Ровный и спокойный говоръ собравшагося съ разныхъ концовъ Россіи народа нерѣдко нарушался сильнымъ крикомъ грудныхъ дѣтей, которыя, очевидно, не могли удержать ихъ благочестивыхъ матерей отъ посѣщенія Чернигова въ столь рѣдкіе дни торжества. Большею частію богомольцы собирались отдѣльными небольшими группами, о чемъ-то оживленно толковавшими. Почти исключительнымъ предметомъ этихъ разговоровъ было предстоящее торжество, подвиги святителя Оеодосія, чудеса, совершавшіяся отъ честныхъ мощей угодника и т. п. У всѣхъ на лицахъ, не смотря на позднее ночное время, замѣчалась бодрость, и въ настроеніи путешественни-

ковъ, не смотря на присутствіе многихъ больныхъ и другія неудобства путешествія, наблюдался какой-то особенный, необычный подъемъ духа.

6 сентября въ Черниговъ, въ числѣ многихъ другихъ богомольцевъ, прибыли особенно дорогіе гости въ лицѣ представителей общества хоругвеносцевъ московскихъ кремлевскихъ соборовъ и монастырей и храма Христа Спасителя въ числѣ 75 человекъ. Они привезли съ собою двѣ дорогія хоругви вызолоченныя и украшенныя эмалью. На одной изъ нихъ находились изображенія московскихъ святителей и чудотворцевъ, а на другой—изображенія святители Θεодосія и святыхъ, память которыхъ празднуется 9 сентября. Московскіе хоругвеносцы, какъ представители благочестивой и боголюбивой Москвы, были встрѣчены черниговцами съ подобающею честію. На вокзалѣ ихъ привѣтствовалъ кафедральный протоіерей, а на городской чертѣ ихъ встрѣтилъ крестный ходъ съ участіемъ всего черниговскаго духовенства. Въ теплыхъ рѣчахъ московскихъ хоругвеносцевъ привѣтствовали и благодарили кафедральный протоіерей и г. начальникъ губерніи. Къ собственно московскимъ хоругвеносцамъ 8 сентября присоединились еще представители общества хоругвеносцевъ Сергіева Посада, которые также привезли съ собою 4 хоругви къ рацѣ святители Θεодосія. Здѣсь нелишне будетъ замѣтить, что московскіе хоругвеносцы немало потрудились во время послѣдующихъ торжествъ. Своею ровною, спокойною и увѣренною распорядительностію они весьма много содѣйствовали тому порядку и благочинію, съ какими совершилось черниговское торжество и какіе только и возможны въ подобныхъ случаяхъ, когда люди, подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія, нерѣдко не помнятъ, что они дѣлаютъ.

Вечеромъ 6 сентября во всѣхъ черниговскихъ храмахъ было совершено всенощное бдѣніе, а на слѣдующій день—послѣдняя заупокойная литургія по святители Θεодосіи. Въ

каатедральномъ соборѣ заупокойную литургію совершалъ преосв. Питиримъ, который въ обычное время сказалъ глубоко-назидательное слово о значеніи святыхъ мощей. Приводимъ это слово въ подлинникѣ, въ виду его интереса.

„Въ настоящій предпразднественный день торжества св. вѣры нашей молитвенно воспоминаемъ угодника Божія св. Оеодосія, да упокоитъ Господь душу его со святыми. Этимъ послѣднимъ заупокойнымъ моленіемъ о немъ приносимъ ему какъ бы послѣдній даръ любви нашей къ нему. Послѣднюю молитвою къ Богу о упокоеніи его подвигаемъ его къ тѣмъ болѣе усерднымъ молитвамъ его о насъ и во дни прославленія его въ особенности.

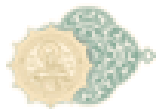
Слѣдуетъ ли говорить о томъ, какъ пламенно онъ желаетъ, какъ и всѣ святые, содѣйствовать нашимъ прошеніямъ, помогать нашимъ нуждамъ своимъ ходатайствомъ и своею молитвою за насъ предъ престоломъ Всевышняго.

Во дни своей жизни онъ всѣ заботы и труды, опытность духовную и Божіе къ себѣ благоволеніе съ радостью посвящалъ пользѣ и спасенію паствы своей; сердце его до того преисполнено было небесной любви къ ввѣренному ему стаду, что не тѣсно вмѣщало всѣхъ въ себѣ. Нынѣ, когда всѣ желанія его, обращенныя къ небу, всѣ чаянія сердца его исполнены, ему остается только воспѣвать пѣснь славословія и благодаренія Богу всяческихъ, не столько уже за себя преклонять колѣна предъ Господомъ, сколько за насъ странствующихъ еще на землѣ.

Что Тебѣ принесемъ, или что Тебѣ воздадимъ, всеблагій Промыслителю нашъ Господи, Который и въ наши скудныя вѣрою времена и изъ среды насъ самихъ—земнородныхъ, воздвигаетъ близкихъ намъ благопріятныхъ молитвенниковъ за насъ и удивляешь милости Твои къ намъ, сохраняя въ неплѣннѣ святые останки Твоихъ угодниковъ, какъ говоритъ объ этомъ одинъ учитель церкви Христовой: „Владыко Христосъ даровалъ намъ мощи святыхъ, какъ спасительные источники ,

которые источаютъ многочисленныя благодѣнія, какъ тихія пристанища или спасительныя маяки среди волнующагося моря доставляютъ безопасное убѣжище отъ бури и потопленія“. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не бываетъ съ нами въ этой жизни? Удовольствія, по выраженію вселенскаго учителя церкви Григорія Богослова, отнимаютъ твердость, роскошь измѣняетъ мужество, уныніе разслабляетъ силы, клеветы насъ оскорбляютъ, лесть злоумышляетъ противъ насъ, страхъ приводитъ въ отчаяніе. Не только горести жизни нестерпимы, но и то, что, повидимому, пріятно, печалитъ насъ своею превратностію. Такова жизнь человѣческая. И хотя буря страшна, плаваніе опасно: однакоже мы — пловцы часто спимъ безпечно. Скорби ревутъ, какъ волны; злоумышленія скрываются, какъ подводные камни; враги лаютъ, похитители окружаютъ, приходитъ старость, какъ зима, настать смерть, какъ кораблекрушеніе. Видишь бурю, предостерегаетъ Григорій Богословъ, правъ искуснѣе; смотри, какъ плывешь, не затопи своей ладьи, нагрузивъ ее или богатствомъ, приобретаемымъ неправдою или бременемъ страстей.

Чѣмъ, поэтому, можемъ мы воздать Владыкѣ Христу за дарованіе намъ спасительнаго пристанища чрезъ святыхъ? И какое безчисленное множество чудесъ, которыя совершалъ Господь и чрезъ самыя мощи и другіе останки святыхъ для всѣхъ, кто съ вѣрою притекалъ къ нимъ! Съ совершеннымъ убѣжденіемъ свидѣтельствовали объ этомъ еще древніе св. отцы и учителя церкви предъ своими современниками, нерѣдко призывая ихъ самихъ во свидѣтели истины. Для насъ, сыновъ Россіи благословенной, особенно отрадно, что по всему обширному пространству ея разсѣянные нетлѣнные останки святыхъ служили и служатъ видимыми источниками помощи для вѣрующихъ. Потому и радуемся мы, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, при самыхъ гробахъ ихъ. „Возрадуйся и ты, церковь черниговская, и воспользуйся драгоцѣннымъ сокровищемъ, которое торжественно являетъ тебѣ Богъ въ

нетлѣнныи мощей твоего святителя, къ благополучію твоему временному и вѣчному, къ помощи твоей въ бѣдахъ и злоключеніяхъ и къ утвержденію тебя въ св. вѣрѣ и благочестіи. Отнынѣ тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ обращайся за помощію къ нему“.

Нужно ли вамъ, сыны православной церкви, доказывать благотворность обращенія къ молитвенной помощи святителя и благоговѣйнаго прикосновенія къ мощамъ его? Мы знаемъ цѣлый рядъ засвидѣтельствованій истинности сего отъ лицъ, съ клятвеннымъ призываніемъ имени Божія подтвердившихъ испытанное ими на себѣ и видѣнное на другихъ. Если же кого и это не убѣждаетъ, то пусть вспомнить поясняющія это слова одного изъ приснопамятныхъ святителей отечественной церкви нашей: „какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И такъ какъ сила Христова нетлѣнна, то естественно, что, вселяясь въ людей, иже Христовы суть, и тѣламъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; такъ какъ сила Христова всемогущая, то естественно, что чрезъ нихъ и чудодѣйствуетъ, когда это благоугодно Господу, подобно тому, какъ нѣкогда чудодѣйствовала эта сила Христова чрезъ платки и полотенца, которые были на тѣлѣ святого апостола Павла и приняли въ себя потъ его, или чрезъ одно осѣненіе тѣнію святого апостола Петра.

Впрочемъ, кого не убѣждаетъ и не трогаетъ самое нетлѣніе и жизнь и чудеса св. Божіихъ, можетъ ли на того подѣйствовать слово человеческое?

Служа источникомъ многоразличныхъ благодѣяній для насъ, нетлѣніе тѣлесъ св. Божіихъ, которыми красуется наша церковь, служить вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ Божественности нашей вѣры,—что принятая предками на-

шими во всей чистотѣ своей, эта вѣра есть спасающая насъ. Но истинная вѣра какъ не спасаетъ тѣхъ, кто неправо исповѣдуетъ ее, такъ не можетъ быть вполне благотворна и для тѣхъ, кто не заботится о соблюденіи чистоты ея и не старается осуществлять ее въ своей жизни.

Святая вѣра, которая спасла многихъ святыхъ Божиихъ и прославила нетлѣніемъ тѣла ихъ, можетъ послужить къ нашему осужденію, если мы, имѣя въ рукахъ спасительныя средства, стали бы однако пренебрегать ими. Въ послѣднемъ случаѣ и святитель Христовъ Ѳеодосій, отнынѣ прославляемый угодникъ Божій, не станетъ ли противъ насъ на всемірномъ судѣ и не обличитъ ли нашего небреженія и нашей безпечности?

Итакъ, приступи всякій и всецѣло отдайся Господу. Учись, скажемъ словами св. Григорія Богослова, евангельскому образу жизни, воздержности языка, поработенію тѣла, смиренному о себѣ мнѣнію, чистотѣ мысли, истребленію въ себѣ гнѣва! Вынуждаютъ у тебя силою, приложи отъ себя; отнимаютъ, не судись; неавидяты, люби; гонятъ, терпи; хулятъ, молись; умертви себя грѣху; распнись со Христомъ, всю любовь свою обрати къ Господу. Но это трудно! Какое же благо достается легко? Кто, почивая, воздвигъ себѣ побѣдный памятникъ? Кто, предаваясь роскоши и услаждаясь звуками свирѣли, украсился вѣнцомъ терпѣнія? Никто, не пробѣжавъ поприща, не беретъ награды.

Труды рождаютъ славу. Сему училъ жизнью своею, а нынѣ прославленіемъ своимъ святитель Христовъ, коего тѣла не утаила земля, а душа, вошедшая въ небеса, упокоивается въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, видитъ лики ангеловъ, славу и великолѣпіе блаженныхъ, выражаясь словами Григорія Богослова, ~~расплывшись~~ *расплывшись*, посмѣваясь всему здѣшнему богатству, ничтожнымъ достоинствамъ, обманчивымъ почестямъ, заблужденію чувствъ, превратностямъ сей жизни. Но, святителю Христовъ, предстоя нынѣ Великому Папѣ, милостивъ ли будь

на насъ съ высоты, управлѣй нашими словами и жизнью, па-си какъ прежде священную паству, направляй ее къ лучшему, гони отъ нея прочь всякое невѣріе и лжевѣріе, озарай насъ свѣтомъ Святыя Троицы, Которой ты предстоишь, Которой и мы поклоняемся и служимъ, Которую славимъ и Которой всякая слава подобаетъ, честь и держава во вѣки вѣковъ“.

Во время литургіи 7 сентября въ кафедральный соборъ прямо съ вокзала прибылъ Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій вмѣстѣ съ архіепископами—волинскимъ Модестомъ и херсонскимъ Іустиномъ. Послѣ литургіи торжественную послѣднюю панихиду по святителю Оеодосію совершилъ Владыка митрополитъ въ сослуженіи четырехъ архипастырей и многихъ архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ. Соборный храмъ весь былъ наполненъ молящимися, которые, не имѣя никакой возможности помѣститься въ церкви, густою толпою окружали соборъ со всѣхъ сторонъ.

Вечеромъ 7 сентября всенощное бдѣніе въ главныхъ храмахъ Чернигова совершалось съ необыкновенною для этого города торжественностію. Въ Сласо-Преображенскомъ соборномъ храмѣ служилъ херсонскій архіепископъ Іустинъ, въ Борисоглѣбскомъ, въ которомъ находится и пещера, гдѣ покоились мощи святителя до 8 сентября, служилъ волинскій архіепископъ Модестъ, въ Елецкомъ монастырѣ, гдѣ святитель былъ архимандритомъ и настоятелемъ,—преосвященные Гурій и Питиримъ. Тѣже архипастыри, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, совершали на слѣдующій день и литургію въ поименованныхъ храмахъ. Оба соборные храма, всѣ монастырскія и приходскія церкви были рѣшительно переполнены молящимися, которые не могли вмѣститься въ самыхъ храмахъ и потому плотною стѣною наполняли церковныя ограды и стояли далеко за этими послѣдними. Во время богослуженія—вечерняго 7 сентября и утренняго 8 сентября,—замѣчалось особенное религіозное возбужденіе среди

молящихся. Нерѣдко можно было слышать громкіе возгласы — просительные и благодарственные и покаянные, видимо исходившіе изъ самой глубины сердца молившихся. При этомъ было чрезвычайное множество желавшихъ очистить совѣсть свою посредствомъ таинства покаянія. Видимо, что собравшійся народъ готовился къ чему-то великому, священному, таинственному. Во время литургіи 8 сентября было громадное множество причастниковъ во всѣхъ храмахъ Чернигова, такъ что наличные священнослужители по нѣсколькимъ часамъ удовлетворяли духовной жадѣ религиозно возбужденнаго народа. На лицахъ причастниковъ отображалась свѣтлая радость и вмѣстѣ усиленное особеннѣйшее религиозное настроеніе. Это было необычное приобщеніе св. Таинъ. Въ Елецкомъ, напр., монастырѣ нѣкоторые причастники публично предъ самымъ принятіемъ св. Таинъ горячо кались въ своихъ грѣхахъ.

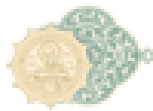
Пишущій эти строки послѣ поздней литургіи 8 сентября нѣкоторое время провелъ въ пещерѣ, гдѣ двѣсти лѣтъ покоились мощи святителя Θεодосія и откуда онъ скоро должны были быть перенесены на особо приготовленное для нихъ мѣсто въ другомъ соборномъ храмѣ. Въ пещерѣ непрерывно совершалось молебное пѣніе и непрерывно спускались въ нее богомольцы, по нѣскольку уже дней ожидашіе той блаженной минуты, когда они могутъ приложиться къ честнымъ мощамъ святителя Θεодосія. И нужно было видѣть, съ какимъ усердіемъ, какъ пламенно молились эти люди предъ гробницею угодника Божія. Особенно памятна будетъ для очевидцевъ молитва матери, просившей молитвеннаго ходатайства святителя о своей больной малюткѣ. Нѣсколько разъ она припадала къ гробницѣ, нѣсколько разъ полагала свое больное дитя на честныя мощи и при этомъ громко, дерзновенно взывала къ святителю о помощи. Да, такъ можетъ молиться только любящая мать! Такъ можетъ молиться только русская женщина — мать! И молитва этой любящей матери не осталась тщетною. Она вышла изъ пещеры успокоенною и увѣренною въ томъ, что ея молитва будетъ услышана Богомъ и Его свя-

тымъ угодникомъ. Другіе молились болѣе спокойно, но съ такимъ пламеннымъ усердіемъ и съ такою глубокою вѣрою, какія рѣдко можно видѣть, и при этомъ всѣ просили себѣ хоть какихъ-либо предметовъ въ благословеніе отъ гробницы святителя Оеодосія—кто—лишковъ, кто—масла, кто—крестиковъ. Да, велика и глубока вѣра русскаго народа,—вѣра чистая, неповрежденная, нетронутая сомнѣніемъ! И какое умиленное дѣйствіе производитъ она на окружающихъ! Думается, что, при видѣ такой вѣры, не устоялъ бы даже самый невѣрующій и сомнѣвающийся челоуѣкъ! Поистинѣ вѣра можетъ все дѣлать!

Наконецъ, наступило время и для совершенія самаго главнаго дѣйствія того торжества, ради котораго многіе десятки тысячъ богомольцевъ собрались съ разныхъ концовъ Россіи. Ровно въ шесть часовъ вечера 8 сентября началось въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ всенощное бдѣніе, которое совершалъ Владыка - митрополитъ въ сослуженіи съ 6 архіереями, 10 архимандритами и 14 протоіереями и священниками. Съ началомъ пѣнія литійныхъ стихиръ крестный ходъ, имѣвшій во главѣ Владыку - митрополита, вышелъ изъ Спасо-Преображенскаго собора и направился къ Борисоглѣбскому храму. У западныхъ вратъ этого послѣдняго крестный ходъ остановился и въ пещеру храма, гдѣ покоились мощи святителя Оеодосія, вошли Владыка - митрополитъ, всѣ прочіе архипастыри и 16 архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ. Здѣсь, при полномъ безмолвіи, благоговѣйной тишинѣ и совершенномъ порядкѣ, производившихъ особенно трогательное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, произошло переложеніе честныхъ мощей святителя изъ прежней гробницы во вновь приготовленную. Владыка митрополитъ сначала окропилъ св. водою гробницу, лентіоны и покровы, а затѣмъ прочіе архипастыри совершили самое переложеніе честныхъ мощей въ новый гробъ, который тотчасъ же былъ закрытъ и запертъ на замокъ. Послѣ того священнослужители

Труды Киевской дух. Академіи. Т. III. 1896.

тели подняли гробъ и начали благоговѣнно выносить честныя мощи изъ пещеры. Когда св. мощи были вынесены изъ Борисоглѣбскаго храма, крестный ходъ съ Владыкою митрополитомъ и другими архипастырями во главѣ направился, при пѣніи литійныхъ стихирь, къ Спасо-Преображенскому собору. Съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовало болѣе ста священнослужителей, мощи святителя Θεодосія были обнесены вокругъ Спасо-Преображенскаго собора. Противъ западныхъ и южныхъ вратъ храма, противъ алтаря, сѣверныхъ и снова западныхъ вратъ храма крестный ходъ останавливался и въ это время произносилось по одному прошенію литійной ектеніи. При вторичной остановкѣ у западныхъ вратъ храма, послѣ произнесенія прошенія ектеніи, была прочитана литійная молитва: „Владыко многомилостиве“ и затѣмъ крестный ходъ вошелъ въ соборъ, гдѣ посреди храма были поставлены св. мощи. На прошеніяхъ и въ молитвѣ литійной впервые воспоминался святитель Θεодосій въ ряду другихъ россійскихъ святителей и чудотворцевъ. Обнесеніе мощей вокругъ собора составило одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ торжества открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія. Несеніе святыхъ мощей въ тихую совершенно лѣтнюю ночь, при блѣдномъ электрическомъ освѣщеніи, при торжественномъ перезвонѣ колоколовъ въ соборномъ и во всѣхъ городскихъ храмахъ, при стройномъ пѣніи хора и многочисленнаго сонма священнослужителей, которымъ вторили многіе изъ народа, при безмолвно и чинно стоявшей съ возжженными свѣчами массою молящихся,—все это производило впечатлѣніе чего-то необыкновеннаго, таинственнаго, все это какъ-то невольно приводило на мысль первыя времена христіанства, когда подобныя событія совершались гораздо чаще. Народъ, окружавшій со всѣхъ сторонъ соборную ограду, все время благоговѣнно и безмолвно молился. И только изрѣдка долетали раздирающіе душу крики нервно больныхъ, или громкіе вопли горячо

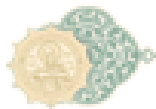

молившихся иныхъ недужныхъ и ихъ родныхъ. И съ какою пламенною вѣрою, съ какимъ горячимъ усердіемъ, съ какимъ, можно сказать, дерзновеніемъ молились больные во время обнесенія честныхъ мощей. „Святитель Оеодосій! Умилосердись, пощади! Угодникъ Божій, исцѣли болящую Елену! Десять лѣтъ страдаетъ, ужасно мучится! О, святитель Божій! Услышь молитву изстрадавшейся матери!“—эти слова пламенной молитвы и доселѣ еще слышатся пишущему сіи строки.

По внесеніи честныхъ мощей въ соборъ, совершенно было Владыкой митрополитомъ благословеніе хлѣбовъ и затѣмъ всенощное бдѣніе продолжалось по уставу до полудня. Въ промежуткѣ между каѳизмами преосв. Антоній, епископъ черниговскій и нѣжинскій, произнесъ глубоко назидательное слово, въ которомъ воспроизведеніемъ житія святителя Оеодосія, какъ добраго пастыря церкви, поучалъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Вотъ это слово, сказанное на текстъ: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, епрою, чистою“ (Тим. IV, 12). „Между другими наставленіями, какія заповѣдалъ своему ученику—епископу ефесскому Тимоѳею св. ап. Павелъ, содержится и такое наставленіе: *будь образцомъ для вѣрныхъ въ словъ, въ житіи, въ любви, въ духъ, въ вѣрн, въ чистотъ* (Тим. IV, 12). Этотъ завѣтъ апостольскій епископы, какъ предстоятели церквей, старались осуществлять въ своей жизни. И нашъ великій святитель, архіепископъ черниговскій Оеодосій Углицкій, въ себѣ самомъ воплощалъ образецъ истиннаго пастыря. Слово его было умно, растворено благодатію. Онъ назидалъ своими рѣчами своихъ пасомыхъ при жизни: назидаетъ всѣхъ насъ и теперь. Въ своихъ видѣніяхъ онъ нерѣдко наставлялъ людей вѣрующихъ на путь спасительной жизни: научалъ ходить въ храмы Божіи, говѣть, исполнять уставы св. церкви, слушать въ храмахъ молебныя и акаѳистныя пѣнія, молиться предъ чудотворными иконами, чтить праздники церковныя, исповѣдываться въ своихъ согрѣшеніяхъ и пріобщаться св. тѣла

и крови Господней. Былъ святитель Θεодосій правдивъ и говорилъ только слова правды. Когда нужно было, онъ защищалъ своихъ подчиненныхъ и требовалъ правосудія; доказательствомъ чего служить недавно напечатанное одно изъ писемъ его къ владѣльцу с. Обтова Ив. Петр. Забѣлѣ, написанное имъ въ м. мартѣ 1691 года. „Честный отецъ Григорій, священникъ обтовскій слезно просилъ меня“,— пишетъ святитель Θεодосій Забѣлѣ,—„обратиться къ вашей милости, чтобы небылъ удаляемъ онъ отъ церкви обтовской, для которой онъ и посвящался. Прощу за него Вашу милость, чтобы Вы относились къ нему благосклонно, если онъ званіе свое носить достойно; но если онъ къ несчастію будетъ поступать не такъ, какъ подобаетъ, то удалять его съ прихода надѣ по закону, т. е. предъ судъ духовный позвать, исполнѣ доказать его виновность и тогда уже, если будетъ изгнанъ изъ прихода, это будетъ правильно и безгрѣшно.

Подавалъ собою святитель Θεодосій образецъ „въ вѣрѣ и въ житіи“. Сильна и непоколебима была вѣра святителя въ живого Господа Бога и въ Его святой Промыслъ. Всею душою и сердцемъ святитель Θεодосій былъ преданъ Господу Богу и Его заповѣдямъ. Жилъ онъ такъ, какъ велитъ законъ христіанскій. Съ юности святитель отличался смиреніемъ, терпѣніемъ, воздержаніемъ и трудолюбіемъ. Съ ранняго возраста онъ началъ жизнь подвижническую, святую,—былъ инокъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Любя иночество самъ, святитель Божій старался проводить иноческое житіе и среди другихъ: какъ игуменъ сперва Корсунской обители, потомъ Выдубицкой, а по переходѣ въ Черниговъ—Елецкой обители, святитель Θεодосій много заботился объ устройствѣ въ нихъ жизни на строгихъ иноческихъ началахъ. При томъ не только устраивалъ прежніе монастыри, но заботился объ устройствѣ и новыхъ обителей: такъ въ 1680 году онъ устроилъ скитъ на монастырской землѣ Выдубицкаго монастыря въ Мозырскомъ уѣздѣ; а при управленіи Черниговскою епархіею положилъ основаніе для двухъ монастырей:

Пченицкаго и близъ Любеча. Святая подвижническая жизнь Оеодосія Углицкаго доставила ему великое уваженіе сначала со стороны кіевлянъ, а потомъ и отъ жителей Черниговской области. Ему давали важныя порученія, напр., отправляли въ Москву къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи епископа лудкаго Гедеона на каедрѣ митрополита кіевскаго. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, блюститель кіевской митрополіи, еще въ 1674 году въ письмѣ своемъ пророчески передавалъ Оеодосію желаніе свое, чтобы „имя его написано было на небесахъ“. Когда тотъ же архіепископъ Лазарь Барановичъ сблизился съ Оеодосіемъ и узналъ его высокія нравственныя качества, то пожелалъ имѣть его своимъ постояннымъ помощникомъ. Самый добрый отзывъ далъ объ архимандритѣ Оеодосіи патріарху Адріану архіепископъ Лазарь, когда вмѣстѣ съ гетманомъ Малороссіи просилъ патріарха: назначить Оеодосія помощникомъ ему, Лазарю, въ управленіи Черниговскою епархією. Вмѣстѣ съ гетманомъ преосвященный Лазарь Барановичъ засвидѣтельствовалъ, что „пречестный архимандритъ Оеодосій мужъ благій, украшенный добродѣтелями монашеской жизни, которую ведетъ съ молодыхъ лѣтъ, опытенъ въ управленіи монастырями, исполненъ страха Божія и духовной опытности, просвѣщенъ, весьма усерденъ къ церковному благолѣпію, способенъ управлять домомъ каедрѣ и епархією Черниговскою“. За свои высокія нравственныя качества Оеодосій и былъ возведенъ въ Москвѣ патріархомъ Адріаномъ 13 сентября 1692 года въ санъ архіепископа, до самой кончины преосвященнаго Лазаря († 3 сентября 1693 года) былъ у него ревностнымъ помощникомъ, а послѣ смерти Лазаря Барановича „съ отрадою и утѣшеніемъ для паствы“ (какъ говорится въ одномъ донесеніи отъ гетмана Малороссіи изъ Батурина) „восприѣлъ архіерейскій черниговскій престолъ преосвященный Оеодосій Углицкій, который (сказано въ томъ же документѣ) своими добротами можетъ украсить церковь и благоразсмотрѣніемъ устроить дѣлъ правленіе“.

До какой высокой степени нравственного совершенства святитель Θεодосій достигъ въ своемъ святительскомъ званіи, — видно изъ того, что Господу Богу было угодно сохранить нетлѣнными его мощи послѣ погребенія его тѣла въ Борисоглѣбскомъ соборѣ. На это нетлѣніе его мощей, а также вообще на его святую, подвижническую жизнь указываетъ въ особыхъ стихахъ, составленныхъ въ похвалу его, преемникъ его по кафедрѣ черниговской и первый получившій отъ него исцѣленіе отъ болѣзни—архіепископъ черниговскій Іоаннъ Максимовичъ: „Θеодосій—даръ Божій Углицкій прозванный, въ Архіереи Богомъ въ Черниговъ поданный. Вмалѣ здѣ проживе, исполнь лѣта многа, сподобился вскорѣ небесна чертога. На земли всѣмъ явился во плоти яко ангелъ, и восхищевъ на небо, яко второй Павелъ. Нетлѣнныя мощи свидѣтельствуяють,—кто не вѣритъ, зри во гробѣ, дѣломъ извѣствуютъ. Въ тысяча девятьдесять шести стахъ шестомъ году пріять кончину по житіи святомъ; за живота своего въ елецкомъ мя постави архимандритомъ; въ свѣта того въ катедрѣ остави тогожде Іоанна на архіерействѣ. Самъ нынѣ пребываетъ въ серафимской цаствѣ. Архіерею Божій, святой Θεодосій! На твой престолъ вздохъ,—всякъ глаголетъ, кто сій. Истинно недостойнъ монахъ нарецися, твоими молитвами въ сіе облечися“. Свидѣтельство Іоанна Максимовича о святой жизни Θεодосія Углицкаго и о нетлѣнни его мощей многократно подтверждалось и въ прошломъ столѣтіи и особенно въ настоящемъ многоразличными проявленіями милости и благодати Божіей: чудесными исцѣленіями многихъ лицъ отъ различныхъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ, необычайными видѣніями и знаменіями; утѣшеніями и вразумленіями. Такъ поистинѣ нужно сказать о святителѣ Θεодосіи: исполнилъ онъ въ совершенствѣ завѣтъ св. ап. Павла,—былъ образцомъ для вѣрныхъ въ вѣрѣ и въ житіи“, и доселѣ остается тѣмъ же „образцомъ“ для вѣрныхъ чадъ православной церкви.

На основаніи приведенныхъ въ текстѣ словъ св. ап.

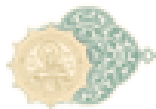
Павла (изъ его перваго посланія къ Тимоѳею), нужно восполнить образъ святителя Теодосія Углицкаго еще нѣкоторыми высокими нравственными чертами. Епископы, по апостолу, кромѣ того, что должны служить для „вѣрныхъ образцами въ словѣ, въ вѣрѣ и въ житіи“,—должны еще подавать въ себѣ самихъ „примѣръ въ любви, въ духѣ и въ чистотѣ“. Святитель Теодосій пламенѣлъ любовію къ живому Господу и къ своимъ ближнимъ. Любовь къ Богу превосполняла все его существо съ самыхъ раннихъ лѣтъ: умомъ онъ возносился къ Творцу, когда пребывалъ въ храмахъ Божіихъ и по иноческимъ обѣтамъ слушалъ въ нихъ службы Божіи. Духъ, или настроеніе его, отъ частаго обращенія къ Создателю все болѣе и болѣе отрѣшался отъ мірскихъ суетъ и заботъ. Помыслы становились все чище и чище; чувствованія приближались къ небесному; воля направлялась на предметы свойства неземнаго. Такъ постепенно все существо его претворялось; плотскія помышленія уничтожались, а духовныя брали надъ ними верхъ; въ сердцѣ водворялась чистота, сродная съ ангельскою чистотою; миръ неземной водворялся въ его душѣ. Такъ сталъ онъ человѣкомъ, который былъ въ постоянномъ общеніи съ Христомъ Спасителемъ. Благодать Св. Духа дѣйствовала въ немъ и чрезъ него и претворяла все его существо. По Апостолу, сталъ онъ человѣкомъ „духовнымъ“, который имѣетъ въ себѣ самыя высокія христіанскія качества: *„любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе“* (Гал. V, 22—23). Благодать Св. Духа претворяла и самый тѣлесный его составъ. Тѣло его, по Апостолу, становилось „храмомъ Св. Духа“ (1 Кор. VI, 19); оно готовилось къ тому, чтобы, какъ говоритъ св. псалмопѣвецъ, „ни одна кость его не сокрушалась“. (Псал. 33). Духъ Св. оживотворялъ тѣло Теодосія Углицкаго,—и оно осталось въ нетлѣніи. Теперь прошло уже 200 лѣтъ со времени кончины Угодника Божія Теодосія Углицкаго, а тѣлесный составъ его пребываетъ въ нетлѣніи и

до сихъ поръ, источая многообразныя исцѣленія для притекающихъ съ вѣрою ко гробу его. Какъ нѣкогда при апосто-
лѣ Петрѣ „выносили больныхъ на улицы и полагали на по-
стеляхъ и кроватяхъ, дабы хотя тѣнь проходящаго Петра
осѣнила кого изъ нихъ“ (Дѣян. V, 15); или, какъ свидѣтель-
ствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, во время двухлѣтняго
пребыванія въ Ефесѣ другого апостола св. Павла „Богъ тво-
рилъ не мало чудесъ руками“ его, Павла, „такъ что на боль-
ныхъ возлагали платки и опоясанія съ тѣла его, и у нихъ
прекращались болѣзни, и злые духи выходили изъ нихъ
(Дѣян. XIX, 11 и 12); какъ нѣкогда отъ тѣлесныхъ соста-
вовъ апостоловъ—Петра и Павла—совершались великія чу-
деса и знаменія: такъ угодно было Господу Богу, чтобы и
въ наши времена отъ нетлѣннаго тѣлеснаго состава святи-
теля Θεодосія Углицкаго тоже совершались многоразличныя
исцѣленія и знаменія. Господь Богъ удостоилъ меня, грѣ-
шнаго, присутствовать при допросахъ, а потомъ и самому
производить допросъ лицъ, испытанныхъ на себѣ знаменія
милости Божіей чрезъ угодника Θεодосія Углицкаго. Какъ
многообразны эти проявленія милости Божіей чрезъ святи-
теля Θεодосія! То слышишь изумительный рассказъ отъ са-
мой исцѣленной (Анны Стефановской) и отъ ближайшихъ
къ ней лицъ: какъ она страдала болѣе 3¹/₂ лѣтъ отъ неиз-
лѣчимой болѣзни, какъ бесплодно лѣчили ее многіе врачи,
какъ ее несчастную, съ трудомъ довели до собора въ эки-
пажѣ на подушкахъ, какъ внесли на подушкахъ же въ цер-
ковь и потомъ въ пещеру, какъ, по совершеніи панихиды
у мощей Угодника Божія, больная вдругъ взялась сама
за желѣзную рѣшетку у гроба святителя, потомъ сама
встала и приложилась къ святымъ мощамъ, затѣмъ вышла
по крутой лѣстницѣ изъ пещеры, отправилась въ Троиц-
кій монастырь и слушала, сидя въ креслахъ, молебенъ и
акаѳистъ предъ чудотворнымъ Черниговскимъ Ильинскимъ
образомъ Пресвятыя Богородицы, и стала совершенно здо-
ровою. То слышишь не менѣе удивительное повѣствованіе

отъ почтенной старушки—инокини Каменскаго монастыря, какъ Господь Богъ исцѣлилъ по молитвамъ святителя Оеодосіа ее, приговоренную уже къ смерти,—пославъ къ ней ночью невѣдомую монахиню съ блюдомъ святителя Оеодосіа, изъ котораго она выпила невыразимо пріятную воду, и она, лежавшая въ совершенномъ разслабленіи тѣла, получила тотчасъ же полную возможность стать самой съ одра смерти, пасть на колѣна предъ иконами съ усердною молитвою и потомъ свободно говорить, ходить и дѣйствовать (укаживавшая за этою инокинею монахиня упала въ обморокъ, когда въ первый разъ увидѣла ее здоровой въ кельи послѣ случившагося необычайнаго чуда исцѣленія). Приходилось изслѣдовать случаи изгнанія бѣсовъ изъ бѣсноватыхъ, исцѣленія отъ нѣмоты, отъ глухоты, отъ слѣпоты, отъ неизлѣчимыхъ разныхъ болѣзней внѣшнихъ, когда врачи оказывались совершенно безсильными; приходилось выслушивать рассказы простыхъ людей, которые съ полною вѣрою свидѣтельствовали о знаменіяхъ милости Божіей, проявленной чрезъ Угодника Божія Оеодосіа или на нихъ самихъ, или на лицахъ къ нимъ близкихъ. Кто сохранилъ еще вѣру въ живого Господа Бога изъ лицъ образованныхъ, бывшихъ свидѣтелями того или другого чуда,—тотъ также свидѣтельствовалъ предъ нами (входившими въ комиссію по изслѣдованію чудесъ отъ святителя Оеодосіа) о чудесныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ по молитвамъ святителя Оеодосіа. (Какъ, наприкладъ, укажу на доктора Матвѣева, котораго сынъ чудесно исцѣленъ по молитвамъ святителя Оеодосіа въ 1889 году и котораго жена сама лично съ исцѣленнымъ сыномъ явилась въ комиссію, приняла присягу, дала нужное предъ нами показаніе и удостовѣряла что мужъ ея докторъ также признаетъ въ исцѣленіи сына чудо Божіе, что онъ дѣйствительно и засвидѣтельствовалъ потомъ, приславъ въ комиссію особую бумагу изъ гор. Рязани—теперешняго мѣста своей службы).

Можно было бы долго и много бесѣдовать о разныхъ чудесныхъ проявленіяхъ любви къ ближнимъ отъ святителя Θεодосія Углицкаго, почивающаго своими мощами предъ нами, православные слушатели. Но нѣтъ времени для этого. Вѣрую, что Господь Богъ, дивный во Святыхъ Своихъ пошлетъ человѣка, который, на основаніи уже собранныхъ матеріаловъ и имѣющихъ еще поступить къ намъ, подробно и обстоятельно изложить предъ нами по возможности полный образъ и въ чудесныхъ знаменіяхъ и милостяхъ, отъ него совершавшихся и совершающихся, укажетъ намъ силу Божію, которая такъ многообразно проявляется и въ немощахъ человѣческаго естества, когда всемогущему Господу угодно это по судьбамъ Его Промысла.

Въ наши времена нескрѣпя и различныхъ сомнѣній, когда такъ много людей удаляющихся отъ св. церкви православной, прославленіе Богомъ святителя Θεодосія имѣть еще особое значеніе. Болѣе честные и добросовѣстные изъ людей невѣрующихъ и сомнѣвающихся, взирая тѣлесными очами на нетлѣнныя мощи угодника Божія Θεодосія Углицкаго и слыша и читая о разнообразныхъ проявленіяхъ милости Божіей чрезъ того же угодника, при томъ о такихъ проявленіяхъ, о которыхъ рассказываютъ люди живые, достовѣрнѣйшіе свидѣтели-очевидцы,—говорю, такіе люди, хотя не въ большемъ числѣ, не вразумятся-ли сами, не поймутъ-ли, что доселѣ они глубоко заблуждались и шли по невѣрному пути? О, если бы Господь Богъ Своею благодатію въ эти дни коснулся сердець и этихъ людей! Душа дороже всего міра; а она несомнѣнно погибнетъ, если будетъ идти до конца по пути, не указанному Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые сектанты и раскольники, удалившись отъ св. церкви „на страну далече“, но присутствуя тѣломъ въ эти дни на нашемъ преславномъ торжествѣ, не озарятся-ли свѣтомъ истинной Христовой вѣры? Благодать Св. Духа не смягчитъ ли и ихъ каменныхъ сердець? Не уразумѣютъ-ли и они,

что спасительный путь только и можно обрѣсти въ св. церкви православной, гдѣ находятся истинные пастыри стада Христова, подобные святителю Оеодосію Углицкому, которые и жили свято, и удостоились отъ Господа петлѣнія тѣлесныхъ составовъ, и источаютъ отъ мощей своихъ токъ чудотвореній и разнообразныхъ милостей. Далъ бы Богъ, чтобы хотя немногіе изъ раскольниковъ и сектантовъ обратились къ истинѣ въ свѣтлые дни нашего торжества! Всѣмъ чадамъ церкви православной подается также урокъ при семъ торжествѣ: твердо непоколебимо держаться святой вѣры православной; укрѣплять въ ней колеблющихся братій; вразумлять заблудшихъ; наставлять перазумныхъ; подражать въ житіи угоднику Божію, святителю Оеодосію Углицкому.

Угодниче Божій, святителю Оеодосіе! молитвами твоими ходатайствуй предъ Господомъ Богомъ за всѣхъ насъ—чадъ твоихъ! Ты—нашъ пастырь, а мы—овцы твоего словеснаго стада! сохрани насъ твоими молитвами предъ Богомъ въ чистой вѣрѣ православной и утверди въ житіи христіанскомъ! Аминь“.

Въ обычное время на полудей вышли только участвовавшіе въ совершеніи богослуженія Владыка митрополитъ, преосвященные архипастыри и священнослужители. При пѣніи хвалитныхъ псалмовъ, Владыка митрополитъ раздалъ свѣчи священнослужителямъ, а преосвященные архипастыри—находившемуся въ храмѣ народу. Предъ величаніемъ Владыка митрополитъ сошелъ съ амвона и, воздавъ поклоненіе святителю, отперъ замокъ и отерылъ крышку гроба. Пѣніе величанія святителю, который здѣсь присутствовалъ видимо своимъ честнымъ тѣломъ и незримо своимъ духомъ,—пѣніе, въ которомъ принимали участіе многочисленный сонмъ священнослужителей и многіе изъ народа, производило весьма трогательное и умилительное дѣйствіе на душу.

По прочтеніи евангелія, начали прикладываться къ честнымъ мощамъ сначала Владыка митрополитъ и сослужившіе

ему архипастыри и духовенство, а потомъ и народъ; при чемъ все время два архіерея стояли съ двухъ сторонъ гроба и помазывали елеемъ подходившихъ къ мощамъ богомольцевъ. Поклоненіе народа честнымъ мощамъ продолжалось въ теченіе всей ночи вплоть до ранней литургіи, при чемъ желавшихъ приложиться была такая масса, что далеко не всѣ изъ нихъ могли исполнить свое желаніе.

Всенощное бдѣніе въ Спасо - Преображенскомъ соборѣ окончилось весьма поздно, но никто никакого утомленія не чувствовалъ. Весьма многіе желали оставаться въ храмѣ на всю ночь и большая часть богомольцевъ всю ночь провели въ бодрственномъ состояніи, такъ что въ теченіе всей ночи вокругъ собора стояла громадная масса народа и по улицамъ города происходило оживленное движеніе.

Незамѣтно наступило и 9 сентября, — день, который отсѣлъ долженъ сдѣлаться праздничнымъ днемъ для всего русскаго народа, день открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія. Въ Спасо - Преображенскомъ соборѣ позднюю литургію совершалъ Владыка митрополитъ въ сослуженіи тѣхъ же архипастырей и священнослужителей, которые участвовали наканунѣ и въ совершеніи всенощнаго бдѣнія. Во время малаго входа съ евангеліемъ, при пѣніи: „Прійдите поклонимся“ священнослужители подняли гробницу со св. мощами и внесли ихъ въ алтарь чрезъ царскія врата. Въ алтарѣ св. мощи были поставлены сначала предъ св. престоломъ, къ которому было обращено и лице святителя. Владыка митрополитъ и преосвященные архипастыри стояли по сторонамъ святителя Θεодосія, а прочіе священнослужители по сторонамъ св. престола. Затѣмъ во время пѣнія трисвятого честныя мощи святителя Θεодосія были перенесены на горнее мѣсто и поставлены на особомъ возвышеніи, при чемъ ликъ святителя былъ обращенъ къ престолу и настолько былъ приподнятъ, что молящіеся могли видѣть святителя, какъ бы предстоявшаго въ совершеніи Божественной литургіи. Во время апостольска-

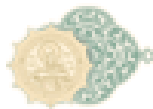
го и евангельскаго чтеній Владыка митрополитъ и преосвященные архипастыри стояли по сторонамъ святителя ѳеодосія, какъ сослужившіе ему. А въ продолженіе всей литургіи четыре ѳнодіакона держали надъ святителемъ рипиды, трикирій и дикирій съ возжженными свѣщами. Божественная литургія, совершавшаяся при столь необыкновенной обстановкѣ, въ предстояніи самаго угодника Божія, незримо присутствовавшего духомъ своимъ въ храмѣ, производила на священнослужителей и на всѣхъ присутствовавшихъ глубоко умиленное дѣйствіе, такъ что многіе не могли удержаться отъ слезъ. Въ концѣ литургіи высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ кievскій и галицкій произнесъ глубоко назидательное слово, которое напечатано выше.

Во время совершенія литургіи, около 11 ч. утра къ кафедральному собору начали подходить крестные ходы со всѣхъ черниговскихъ церквей. Всѣ они становились на погостѣ, около западныхъ вратъ соборнаго храма. По окончаніи литургіи, честныя мощи святителя ѳеодосія были вынесены священнослужителями изъ алтаря и поставлены на срединѣ храма. Тотчасъ же началось молебное пѣніе святителю ѳеодосію и вслѣдъ затѣмъ крестный ходъ во главѣ съ Владыкою митрополитомъ и съ мощами святителя ѳеодосія вышелъ изъ храма, у западныхъ вратъ котораго къ нему присоединились всѣ другіе крестные ходы черниговскихъ храмовъ. Образовался одинъ многочисленный крестный ходъ, въ которомъ участвовало болѣе 100 священнослужителей. При торжественномъ звонѣ колоколовъ, пѣніи многочисленнаго хора и игрѣ полковыхъ оркестровъ музыки, началось обнесеніе честныхъ мощей, которое совершилось въ точномъ согласіи съ заранѣе составленнымъ церемоніаломъ. Противъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ и противъ алтаря крестный ходъ останавливался, при чемъ въ порядкѣ совершалось молебное пѣніе и Владыка митрополитъ окроплялъ народъ св. водою. По возвращеніи въ храмъ, честныя мощи святителя ѳеодосія были вложены въ пригото-

вленную для нихъ раку на особомъ возвышеніи въ правой сторонѣ Спасо-Преображенскаго Собора. Непосредственно послѣ того протодіаконъ возгласилъ: „паки и паки преклонше колѣна, святителю и чудотворцу Θεодосію помолимся“ и Владыка митрополитъ прочиталъ предъ св. мощами особо составленную молитву святителю. Затѣмъ началось общее поклоненіе честнымъ мощамъ.

Обнесеніе мощей святителя Θεодосія съ крестнымъ ходомъ 9 сентября составило безспорно одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ общемъ ходѣ всего торжества. Вокругъ пути, по которому направлялся крестный ходъ, стоялъ плотно стѣною народъ, за которымъ въ церковной оградѣ отдѣльными группами помѣщались воспитанники духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній. За оградой же церковной на соборной площади, во всѣхъ окрестныхъ домахъ и даже на крышахъ этихъ послѣднихъ—находился народъ. Религіозное воодушевленіе всего вообще собравшагося народа и возбужденіе больныхъ и страждущихъ къ этому времени достигли высшей степени. Народъ участвовалъ вмѣстѣ съ священнослужителями въ пѣніи духовныхъ пѣснопѣній и это пѣніе вмѣстѣ съ игрою хоровъ военной музыки и перезвономъ колоколовъ сливалось въ одну общую гармонию, которая могла тронуть всякое сердце человеческое и возбудить въ немъ пламенное религіозное воодушевленіе. Воодушевленіе и молитвенное возбужденіе проявлялись въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: одни громко, дерзновенно молились и взывали о помощи къ святителю Θεодосію, другіе—старались хотя на секунду прикоснуться къ ракѣ съ честными мощами, а большинство передавало чрезъ ближайшихъ богомольцевъ священнослужителямъ, неспимъ гробницу, разные вещи—платки, крестики, иконки и др. для приложенія ихъ къ гробу святителя. Да, велика вѣра русскаго человѣка!

Церковное торжество окончилось около 2 ч. и затѣмъ

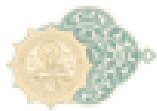
началось поклоненіе народа новоявленному угоднику Божію и непрерывно продолжалось до самаго вечерняго богослуженія.

Въ тотъ же день около 5 ч. в. въ залѣ черниговскаго епархіальнаго женскаго училища, прекрасно убранномъ къ этому времени, состоялась трапеза, предложенная черниговскимъ духовенствомъ собравшимся на его рѣдкое торжество гостямъ. Въ залъ къ назначенному времени прибыли высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій, волынскій архіепископъ Модестъ, херсонскій архіепископъ Іустинъ, самарскій епископъ Гурій, черниговскій епископъ Антоній, гдовскій епископъ Назарій и новгородъ-сѣверскій епископъ Питиримъ, предсѣдатель Комитета министровъ И. Н. Дурново, г. товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода сенаторъ В. К. Саблеръ, командующій войсками кіевского военнаго округа генераль-адъютантъ М. И. Драгоміровъ, г. начальникъ Черниговской губерніи Е. К. Андреевскій, губернскіе предводители дворянства—черниговскаго и нѣжегородскаго и множество другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Во время трапезы первый тостъ былъ предложенъ высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ за здоровье Государя Императора, затѣмъ слѣдовали тосты за Владыку митрополита, преосв. Антонія, предсѣдателя Комитета министровъ и за командующаго войсками кіевского военнаго округа. Послѣдній тостъ былъ предложенъ преосв. Антоніемъ и въ отвѣтъ на этотъ тостъ генераль-адъютантъ М. И. Драгоміровъ произнесъ слѣдующую рѣчь о единеніи духовнаго и военнаго сословій, закончивъ ее тостомъ въ честь русскаго духовенства. „Я, какъ представитель кулака, физической силы, не ожидалъ тоста, провозглашеннаго Его Преосвященствомъ“,—сказалъ генераль-адъютантъ Драгоміровъ. „Но Преосвященный не ошибся: мы—представители физической силы, если и пускаемъ ее въ дѣло, проливаемъ кровь, то, полагая по заповѣди Спасителя, души своя за

други своя. И, несмотря на все различіе между военнымъ и духовными сословіями, между ними есть и сходство, и нравственная связь: то и другое ведетъ борьбу со врагомъ,—одно съ вѣншимъ, другое съ внутреннимъ, то и другое полагаетъ души своя за други своя. Правда, вы крови не проливаете,—ваше царство не отъ міра сего, а намъ приходится это дѣлать, ибо, по слову Спасителя, надлежитъ быть и войнамъ на землѣ. Но въ минуты общей опасности мы съ вами соединяемся и ведемъ борьбу противъ врага за нашу вѣру и отечество, вы—духовными средствами, мы—физическими. Да процвѣтаетъ же наше духовенство и да неоскудѣваетъ въ немъ та святая доблесть, которая даетъ намъ такихъ подвижниковъ, какъ св. Оеодосій“.

За рѣчью генералъ-адъютанта Драгомірова, произнесенною съ большимъ чувствомъ, слѣдовали тосты за г. синодальнаго оберъ прокурора К. П. Побѣдоносцева и его товарища В. К. Саблера. Послѣдній на тостъ за него, предложенный преосв. Питиримомъ, отвѣчалъ слѣдующею задушевною рѣчью: „Господь Богъ удостоилъ насъ присутствовать въ эти дни при торжественномъ событіи въ Черниговѣ. Этимъ событіемъ поистинѣ славенъ г. Черниговъ. Изъ многомилліоннаго и обширнѣйшаго отечества нашего, даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири, пришли сюда православные люди поклониться нетлѣннымъ мощамъ святителя Оеодосія. Въ молитвенномъ умиленіи созерцали благочестивые странники дивныя дѣла Божіи, явленныя чудотворцемъ Черниговскимъ. И этотъ молитвенный восторгъ разнесутъ они во всѣ концы Россіи. Отнынѣ среди именъ святыхъ будетъ воспоминаться и имя святителя Оеодосія, чудотворца Черниговскаго. И потекутъ сюда сыны православной Россіи изъ всѣхъ мѣстъ поклониться святителю и у раки его испросить молитвенной помощи въ своихъ нуждахъ и получить молитвенное утѣшеніе, какое мы получили здѣсь въ эти дни. Да свѣтло сіяетъ наша православная вѣра въ сердца русскаго человѣка и да благоденствуетъ русскій народъ“.

Послѣ провозглашенія тостовъ за г. начальника Черниговской губерніи и за духовенство, поднялся преосв. Питиримъ и провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе того разсадника духовнаго просвѣщенія, въ которомъ получилъ воспитаніе святитель Θεодосій, за процвѣтаніе Киевской духовной академіи, воспитавшей святителя Θεодосія и многихъ доблестныхъ архипастырей и пастырей православной русской церкви и за главнаго начальника ея, высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, митрополита кіевскаго и галицкаго.

Вслушавъ этотъ послѣдній тостъ, Владыка митрополитъ сказалъ: „Да, Киевская академія всегда была разсадникомъ истиннаго просвѣщенія въ духѣ святой православной церкви. Она воспитала святителя Θεодосія, чудотворца Черниговскаго, воспитала и многихъ другихъ доблестныхъ архипастырей и пастырей православной церкви и большинство изъ присутствующихъ здѣсь архипастырей—ея бывшіе питомцы. Я хорошо знаю Киевскую академію, въ которой и самъ учился, училъ и начальствовалъ. Правда, проходитъ время, измѣняются обстоятельства внѣшней жизни, мѣняются самые люди. Но духъ просвѣщенія и направленіе его пребываютъ въ ней неизмѣнными. Дай Богъ, чтобы духъ просвѣщенія—строго православный, русскій пребывалъ въ ней и во вѣки“.

Всѣ тосты, провозглашавшіеся въ собраніи, принимались весьма сочувственно и покрывались единодушнымъ пѣніемъ многолѣтія.

Во время же трапезы были, кромѣ того, произнесены рѣчи редакторомъ газеты „Крымъ“ и редакторомъ журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ В. М. Скворцовымъ. Обѣ послѣднія рѣчи были посвящены уясненію великаго нравственнаго значенія совершившагося въ Черниговѣ духовнаго торжества какъ для всей вообще православной—русской церкви, такъ, въ частности, и для мѣстнаго края, издавна служивша-

го центромъ сильнаго распространенія раскольническихъ заблужденій.

Рѣдкое черниговское торжество вызвало радостные отголоски со всѣхъ концовъ великой православной Россіи. Кроме множества представителей различныхъ епархій и учрежденій, лично явившихся (представителей) въ Черниговъ для принятія участія въ торжествѣ, на имя преосв. Антонія, епископа черниговскаго и нѣжинскаго были присланы еще привѣтствія съ радостнымъ и свѣтлымъ торжествомъ отъ многихъ лицъ и учреждений. Такъ были присланы привѣтствіемъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, новгородскаго архіепископа Теоноста, литовскаго архіепископа Иеронима, рижскаго архіепископа Арсенія, каменецъ-подольскаго епископа Димитрія, смоленскаго епископа Никандра, ректора Казанской духовной академіи, архимандрита Антонія, инспектора Киевской духовной академіи, архимандрита Димитрія, отъ новгородъ-сѣверскаго духовенства и духовнаго училища, отъ каменецъ-подольскаго уѣзднаго предводителя дворянства и мн. др.

Духовное торжество продолжалось въ Черниговѣ три дня. На другой послѣ открытія честныхъ мощей день, 10 сентября въ кафедральномъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ Божественную литургію совершалъ преосв. Гурій, епископъ самарскій и ставропольскій, а молебное пѣніе святителю Θεодосію послѣ нея совершалъ самъ Владыка митрополитъ въ сослуженіи всѣхъ присутствовавшихъ архипастврей и многочисленнаго духовенства. Торжественное богослуженіе совершалось также и на слѣдующій день, 11 сентября, въ какой день двѣсти съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ происходила хиротонія святителя Θεодосія во епископа.

Но и послѣ того не прекратилось и даже не ослабѣло религиозное воодушевленіе и торжественно-радостное настроеніе, распространившееся изъ Чернигова по всему нашему обширному отечеству. И доселѣ еще русскій народъ продол-

жизнь ежедневно прибывать цѣлыми сотнями и даже тысячами въ Черниговъ для поклоненія новоявленному угоднику Божію.

Такъ совершилъ... святителя Θεодосія, †

Какой же смыс

КРЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

СЪ ПОЛОВИНЫ XVIII-го ВѢКА ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ
ВЪ 1819-мъ ГОДУ.

(Продолженіе) *).

б) Академическія зданія.

Изъ представленнаго обзрѣнія средствъ академіи за разсматриваемый періодъ времени видно, что, кромѣ вспомо- ществованія Братскаго монастыря изъ общей казны и нѣко- торыхъ незначительныхъ доходовъ съ вакантныхъ приходовъ, ставленниковъ и штрафовъ, до введенія штатовъ на починку старыхъ и постройку новыхъ академическихъ зданій изъ по- стоянныхъ академическихъ суммъ отпускалось только 35 р. изъ числа 200 рублей, выдаваемыхъ изъ малороссійскаго войскового скарбу. Эти средства были такъ не велики, что ихъ не всегда доставало даже для починки старыхъ академи- ческихъ зданій. Поэтому, когда была необходимость воздвигать новыя зданія, то приходилось обращаться къ благотворите- лямъ за пожертвованіями. Благодаря этому, зданія академи- ческія рѣдко бывали въ благоустроенномъ состояніи. Послѣ назначенія штатной суммы на академию указомъ Екатерины

*) См. Труды Кіевской дух. Академіи за м. сентябрь 1896 г.

П 15-го марта 1787 года повелѣно „имѣющіся въ оной строенія содержать въ исправности изъ суммы, на ту академію опредѣленной, исключая что вновь для пользы нужно построить, о томъ сносится съ Нашимъ Генералъ-Губернаторомъ, дабы отъ него по порядку, посредствомъ Сената Нашего Намъ представлено быть могло“ ¹⁾. Значительность суммы, постепенно увеличиваемой правительствомъ—съ одной стороны, съ другой—обѣщаніе помощи со стороны правительства ²⁾ содѣйствовали увеличенію и улучшенію академическихъ зданій. Хотя, благодаря постоянно огромному количеству учащихся, а также частымъ несчастіямъ, постигавшимъ академію въ рассматриваемый періодъ, помѣщеніе академіи, особенно для учащихся, вообще не отличалось большими удобствами.

Въ самомъ началѣ рассматриваемаго періода академія владѣла двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ ³⁾. Въ нижнемъ этажѣ этого дома находилось шесть комнатъ, а въ верхнемъ—двѣ комнаты и между ними зала и конгрегаціонная церковь. Въ комнатахъ находились классы или такъ называемыя школы, поэтому весь корпусъ обычно назывался „классическимъ“ или „школами“. Въ верхнемъ этажѣ были философскій и богословскій классы, а въ нижнемъ остальные ⁴⁾. Учительскія квартиры, называвшіяся чуланами, находились частію въ общемъ монастырскомъ помѣщеніи ⁵⁾, частію были пристроены къ каменному корпусу ⁶⁾. Для учениковъ, не мог-

¹⁾ Полное собр. зак. Т. XXII, № 16517, п. 1.

²⁾ Правительство въслѣдствіи, дѣйствительно, исполнило свое обѣщаніе.

³⁾ Построено въ 1693 г. гетманомъ Иваномъ Мазепою въ одинъ этажъ („Ист. Киевск. акад.“ Иером. Макарія Булгакова, стр. 49 и 50. Пріавленіе къ описанію Києво-Софійскаго собора—митр. Евгенія, стр. 217), а въ 1735 г. митр. Рафаиломъ Заборовскимъ надстроены второй этажъ, украшенный тосканскою колоннадою („Ист. К. ак.“, стр. 113, „Кіевъ съ ак.“ Ч. 2, стр. 81).

⁴⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 4, № 7, л. 12.

⁵⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

⁶⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. № 70 (рук. б. к. ак. № 725). По свидѣтель-

шихъ на свой счетъ нанять квартиры, существовалъ по южную сторону Братскаго монастыря въ его оградѣ, особый домъ, называвшійся „студентскимъ домомъ“, „бурсою“ или „великою бурсою“. Онъ построень былъ по завѣщанію митр. Іоасафа Краковскаго на его собственныя средства ¹⁾).

Всѣ академическія зданія въ это время находились въ плохомъ состояніи. Еще въ 1755 году ректоръ Манассія Максимовичъ доносилъ митрополиту, что „школы давно уже не малой требуютъ репараціи, а наипаче подъ сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“, „только репарировать оныя мѣста нѣтъ за что“. Съ разрѣшенія митрополита починка была

студ. Новгородцева въ 1784 году въ Братскомъ монастырѣ было „келій 9—начальничья каменная 1, для монашествующихъ деревянныхъ восемь“. „Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева“ Кіевъ 1874 года, стр. 144.

¹⁾ Когда донесено было митр. Арсенію Могилянскому о необходимости ремонтировать бурсу, и въ консисторіи сдѣланъ былъ въ академію запросъ о томъ, между прочимъ, кѣмъ построена бурса, требующая ремонта; то префектъ академіи Самуилъ Миславскій отвѣтилъ, что о томъ „письменнаго нѣтъ въ академіи нѣтъ“... однако съ подлису въ реторичской бурсѣ на сволокѣ можно смякать... что домъ тотъ коштомъ Преосвященнаго митрополита Іоасафа Краковскаго 1719 года августа 1 дня соорудился“ (Акты К.-Бр. м. и ак., собр. Асоч., т. 2, № 1). Преосв. Макарій („Ист. Кіев. ак.“ стр. 112) и В. Асоченскій (ч. 2, стр. 80—81) говорятъ, что кромѣ этого была еще вторая бурса,строенная м. Рафаиломъ Заборовскимъ на мѣстѣ бывшей бурсы, устроенной изъ гостиницы Петромъ Могиломъ. Но правильнѣе, кажется, думать, что митр. Рафаилъ не строилъ бурсы. Во-первыхъ, о ней не упоминаетъ м. Евгенийъ въ „Описанія К.-Софійск. собора“: во-вторыхъ, нѣтъ о ней никакого упоминанія въ сохранившихся документахъ. Въ нихъ всегда говорится о сиротскомъ домѣ въ единственномъ числѣ, даже и тогда, когда дѣло идетъ о всѣхъ бурсахъ. Въ такомъ родѣ, т. е. употребляя слово „сиротскій домъ“ въ единственномъ числѣ, напримѣръ, доносила академія м. Гаврилу Крамленецкому въ 1772 году, когда онъ спрашивалъ, сколько всѣхъ живущихъ въ немъ, какихъ они классовъ и пр. (акты К.-Бр. м. и ак. (рук. б. к. ак. № 725, № 12). Между тѣмъ въ это время несомнѣнно существовалъ сиротскій домъ, построенный м. Арсеніемъ Могилянскимъ. Въ исторической запискѣ объ академіи, представленной послѣднее въ 1773 году 4 февраля м. Гаврилу, въ которой, между прочимъ, при изложеніи біографическихъ свѣдѣній о Самуилѣ Миславскомъ говорится весьма подробно о „прежней студентской бурсѣ“, построенной Іоасафомъ Краковскимъ, о ея пожарѣ и о постройкѣ новой при м. Арсеніѣ Могилянскомъ, о бурсѣ построенной при м. Рафаилѣ Заборовскомъ нигдѣ не упоминается даже и въ біографіи ректоровъ, бывшихъ при немъ.

произведена на занятые въ долгъ 100 рублей. Состояла она во вставкѣ стеколъ въ залѣ и другихъ мѣстахъ и починкѣ дверей, а внѣ школы—въ поправкѣ мостковъ и входовъ. Но школы обветшали настолько сильно, что такой незначительной починкой нельзя было ограничиться. Поэтому уже чрезъ полгода послѣ нея ректоръ снова доносилъ, что „школы приходятъ въ крайнюю обветшалость, которія репарировать Кіево-Братскій училищный монастырь не въ состояніи“. Поэтому онъ просилъ митрополита—и митрополитъ согласился—просить помощи у гетмана. Между тѣмъ подошла новая нужда: въ конгрегаціонной церкви подгнилъ полъ. Но эта нужда не доставила большого затрудненія. Въ кафедральной кассѣ хранились деньги, которыя спеціально были назначены на починку Кіево-Братскихъ церквей. Изъ нихъ, по распоряженію м. Тимофея Щербацкаго, было взято 70 руб. и въ 1757 г. церковь была уже починена ¹⁾).

Дальнѣйшія заботы о школахъ достались на долю м. Арсенія Могилянскаго, занявшаго послѣ Тимофея Щербацкаго кіевскую кафедру. Въ началѣ 1758 года префектъ академіи Самуилъ Миславскій съ учителями доносилъ новому митрополиту, что, хотя при митр. Тимофее Щербацкомъ школы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены, но „покрытте школъ толь обветшало есть, что какъ въ школахъ философской, залѣ, богословской, такъ и надъ церковью поверхъ своду надъ крыльцомъ обрѣтающимся предъ вышеписанными школами, во время ненастья превеликая бываетъ течь“. Несмотря, однако, на столь настоятельную нужду починки школъ, вниманіе митрополита было обращено на другой не менѣе важный предметъ ²⁾).

Сеньоръ бурсы ученикъ философіи Михаилъ Павловскій съ товарищами подалъ прошеніе митрополиту о постройкѣ

¹⁾ Консистор. арх. д. 1757 г. № 71.

²⁾ Консист. арх. д. 1757 г. № 71.

новой бурсы. Вызвана была эта просьба тѣмъ, что сиротскій домъ „вообще называемый бурса“ пришелъ въ такую обветшалость, „что жить въ ономъ крайне невозможно; ибо въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пѣшаки поперегивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ придѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю ввошли, что подъ часъ вейсни и другихъ мокротныхъ временъ нельзя воспятить, дабы в оіе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, но еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные пары таковыя болѣзни приключились, что миновавшей зимы више тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало“¹⁾).

Прежде всего были потребованы изъ консисторіи справки, сколько въ наличности имѣется академическихъ суммъ, и сколько нужно денегъ на починку старой бурсы, пока будетъ построена новая. Изъ доношенія академіи видно, что она не располагала никакими средствами къ постройкѣ бурсы. „Консисторіи не безвѣстно“, писалось въ доношеніи академіи, „сколько въ скарбцѣ денегъ, также церковныхъ и другихъ когрегаційскихъ вещей, коликое число бурсацкихъ денегъ было въ наличности и что оныхъ въ кредитъ ни у кого не имѣется“, изъ наличныхъ же денегъ „нѣкоторые на необходимые вещи уже здержани, а нѣкоторые, тое 65 рублей оставшіеся отъ 100 рублей присланныхъ отъ преосвященнаго Сарскаго и Подонскаго, и понынѣ ради крайнихъ нуждъ больныхъ студентовъ найти въ зимнее время обрѣтающихся, также и ради погребенія мертвыхъ въ цѣлости сохраняются“²⁾).

Несмотря на скудость академическихъ средствъ, митрополитъ приказалъ академіи представить смѣту на починку

¹⁾ Акты. К.-Бр. мов. и ак., собр. Аскач. Т. 2, №

²⁾ Тамъ же.

старой и постройку новой бурсы. По представленной академіей смѣтѣ предполагено было произвести въ старой бурсѣ только самыя необходимыя починки: сдѣлать новыя грубы взаимѣнъ совершенно негодныхъ, исправить мало-мальски годныя, вымыть столы, лавки, окна, починить двери, избы снаружи обмазать глиною и потомъ побѣлить; въ слѣдующемъ же году предполагалось построить новую бурсу. По смѣтѣ на исправленіе старой бурсы нужно 8 рубл. Эти деньги приказано взять изъ 31 руб. 36 коп. штрафныхъ денегъ, бывшихъ въ консисторіи. На матеріалъ и плату работникамъ для новой бурсы вычислено было 1054 руб. 70 копѣекъ. Но митрополитъ не удовлетворился этою сравнительно скромною смѣтою и вскорѣ приказалъ представить новую, а вмѣстѣ съ этимъ прислана была консисторіею книга, къ которой приложенъ просительный листъ съ воззваніемъ къ благотворителямъ. Самъ митрополитъ первый пожертвовалъ 400 руб.

Кромѣ того, приказано продать немного негоднаго для постройки лѣсу изъ кущи Карпиловки, а на вырученныя деньги купить годнаго. Привлечены были къ участію въ постройкѣ одиннадцать подвѣдомственныхъ митрополиту монастырей (Софійскій, Пустынно-Николаевскій, Золото-Верхо-Михайловскій, Братскій, Выдубицкій, Кирилловскій, Петропавловскій, Греческій, Флоровскій, Іорданскій и Богословскій). Они должны были представить нѣкоторые матеріалы, необходимыя для постройки ¹⁾. Построить новую бурсу предполагено было на берегу рѣки Днѣпра, въ приходѣ Набережно-Николаевскомъ. Мѣстомъ для нея послужилъ, во-первыхъ, дворъ, подаренный по просьбѣ студентовъ академіи 20 іюня 1760 года архимандритомъ Кіево-Печерскимъ Лукою Бѣлоусовичемъ ²⁾,

¹⁾ Такъ, наирявѣрь, Софійскій монастырь, по резолюціи митрополита 15 іюня 1764 года, обязанъ былъ представить на четыре печи кафель и на двадцать окошекъ стеколъ. Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

и, во-вторыхъ, три двора, купленные академіею у полковника слободскихъ полковъ Іоакима Кононовича ¹⁾).

Самая постройка бursы производилась въ слѣдующемъ порядкѣ. „Бурса студентская, или по новому въ Европѣ принятому названію“, такъ писалось въ доношеніи отъ академіи каедральному писарю, „сиротскій и нищенскій домъ“ строеніемъ (промѣ забора) совершенно окончены. На оную начало заготовленія матеріала послѣдовало въ 1760 году марта 5 дня, каменный фундаментъ заложенъ 1763 года апрѣля 8. На опый фундаментъ деревянное строеніе начато 1764 г. декабря 2. Оное строеніе окончено сего 1765 года мѣсяца сентября и того-же сентября 24 дня всѣ избы по чиноположенію церковному освящены“ ²⁾. Постройка всей бursы обошлась въ 5523 р. 37 коп. ³⁾. Размѣры вновь построенной бursы были довольно велики, такъ какъ въ ней жило обычно отъ 380 до 400 человекъ ⁴⁾. Вновь выстроенный домъ вполне замѣнилъ собою старую бурсу, такъ какъ въ слѣдующемъ, послѣ постройки его, году—1766-мъ 14 апрѣля старая бурса, выстроенная Іоасафомъ Краковскимъ, сгорѣла ⁵⁾.

Одновременно съ постройкой бursы дѣлались приготовленія къ тому, чтобы поставить новую крышу на школахъ. Еще по первому доношенію въ 1758 году отъ ректора академіи съ учителями митрополитъ въ іюлѣ 1759 года приказалъ

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 3. № 41, т. 2, № 1.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Асоч. т. 2, № 1.

³⁾ Деньги эти составились изъ пожертвованій митрополита Арсенія и другихъ лицъ, а также штрафныхъ денегъ, коихъ за время постройки бursы набралось 799 р. 18 к. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 2, № 1.

⁴⁾ Акты К.-Бр., мон. и акад. № 12 (рук. б. к. ак. № 725). О размѣрахъ ея можно судить также по тому, что она стояла болѣе 5½ тысячъ рублей, дайте, что для отопленія всѣхъ ея зданій нужно было 29 печей, а для освѣщенія 180 оконъ. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 2 № 1.

⁵⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр., Асоч. т. 3, № 41.

представить смѣту того, сколько будетъ стоить новая желѣзная и новая деревянная крыша. На это доношеніе ректоръ Давидъ Нащинскій отвѣтилъ весьма уклончиво, что желѣзная крыша весьма дорога, а деревянная хотя и дешево стоитъ, но въ настоящее время въ Кіевѣ нѣтъ мастера, который могъ бы сдѣлать ее. Между тѣмъ еще въ январѣ мѣсяцѣ 1759 года онъ просилъ митрополита позволить употребить купленные въ 1755 году тогдашнимъ ректоромъ Георгіемъ Конисскимъ для покрывки школъ 13 бочекъ бѣлой мѣди на обивку деревянной крыши на колокольнѣ Братскаго монастыря съ обязательствомъ возвратитъ мѣдь или деньги за нее. Занятый заботами о постройкѣ бурсы, митрополитъ позволилъ это сдѣлать — и дѣло покрывки школъ затнулось. Только въ 1761 году, уже въ ректорство Самуила Миславскаго, возвращены были Братскимъ монастыремъ 468 руб. за жѣсть. Къ нимъ присоединены были 246 р. 70 к., собранные за три года изъ денегъ, выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу. Въ это же время 9 іюня 1761 г. выдана была риторическому учителю книга для сбора подацій на покрывку „классическаго“ корпуса¹⁾. Въмѣстѣ съ этимъ начата была заготовка матеріала²⁾. Къ этимъ деньгамъ митрополитъ отъ себя прибавилъ 1404 р. 77 коп., еще за послѣдующіе годы изъ Глухова получено было 251 руб. 41 $\frac{1}{2}$ коп., за проданный отъ постройки бурсы остатокъ 36 р. 60 к., да 756 р. 88 $\frac{1}{2}$ к. штрафныхъ, — всего же на крышу было израсходовано 2960 р. 15 коп. Окончена она въ 1766 году³⁾. Такимъ образомъ, въ 1766 году академическія зданія пришли съ внѣшней стороны въ весьма благоустроенное состояніе. Однако это не значитъ, что помѣщеніе академіи было вполнѣ удовлетворительно. Если при-

¹⁾ Но въ дальѣйшемъ ходѣ дѣла мы не видимъ именъ жертвователей, кромѣ самого митрополита.

²⁾ Конс. арх. д. 1757 г. № 71. Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аск. т. 2, № 1.

³⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. собр. Аскоч. т. 2, № 1.

нять во вниманіе общее количество учениковъ академіи, обычно равнявшееся приблизительно тысячѣ, то ясно, что оно было весьма недостаточно, а потому и теперь было весьма много такихъ, которые жили по церковно-приходскимъ школамъ, а иные помѣщались въ классическомъ корпусѣ.

Сознавая недостаточность помѣщенія для учениковъ, м. Гавріилъ Кременецкій задумалъ, приведши его совнѣ въ лучшее состояніе, построить при немъ каменную кухню и сдѣлать пристройку. По смѣтѣ на это понадобилось 1549 р. 18 коп.¹⁾ Уже началось заготовленіе матеріала, но „1775 г. августа 2, ночью, въ 10-мъ часу исполня близъ сиротинного дому, называемаго бурса, здѣлался изъ мѣщанскаго двора пожаръ, отъ котораго съ иными многими новой сиротинной домъ, съ бывшими въ немъ разными лѣсными припасами, совсѣмъ до основанія сгорѣлъ“²⁾. Неотложная нужда построить для бѣднѣйшихъ учениковъ домъ была очевидна. Черезъ четыре съ половиною мѣсяца митрополитъ „благословилъ, въ надеждѣ Божіей помощи и щедраго любителей наукъ къ пользѣ церкви святой и отечеству предпринимаемыхъ отъ скудныхъ и собою содержаться не могущихъ отроковъ и юношей, подаванія, впредъ для прочности отъ пожарнаго (отъ чего Боже избави) случая охраненія сиротопитательный домъ, просто называемый бурса, строит каменнымъ зданіемъ“³⁾.

¹⁾ Актн К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

²⁾ Актн К.-Бр. мон. и акад. № 21 (рук. б. к. акад. № 725).

³⁾ Актн К.-Бр. мон. и ак. № 21 (рук. б. к. ак. № 725). Отсюда ясно неправильность мнѣнія преосвящен. Макарія („Истор. Киев. акад.“ стр. 117) и В. Аскоченскаго (ч. 2, 304), что митрополитъ собственнымъ издѣваніемъ построилъ одно-этажную каменную бурсу. Пожертвованія на академію действительно были. Это видно изъ доношенія Ичанскаго духовнаго правленія отъ 1780 г. 31 января, въ которомъ говорится, что на постройку каменной бурсы по книгѣ, присланной въ 1776-мъ году, собрано 144 р. 16 копѣекъ. 100 руб. изъ нихъ отослано въ академію въ 1777 г., 40 р.—въ слѣдующемъ, а 4 р. 16 коп. посылается теперь. Очевидно и въ другихъ правленіяхъ производился подобный сборъ. Актн К.-Бр. мон. и акад. собр. Аскоч. т. 3, № 48.

Окончена бурса была въ 1778 году ¹⁾. Она построена была въ одинъ этажъ ²⁾ и состояла изъ 13 камеръ, при чемъ къ нимъ пристроена была каменная же поварня. Изъ указанныхъ 13 камеръ—2 заняты были больницею ³⁾. Во дворѣ находились деревянные амбары ⁴⁾. Въ такомъ, сравнительно—благоустроенномъ, состояніи академія пробыла до 1785 г. Но около этого времени сгорѣла трапезная во имя свв. Бориса и Глѣба Братская церковь, а съ нею вмѣстѣ—находившаяся на ея второмъ этажѣ библіотека ⁵⁾.

Не успѣла академія оправиться отъ одного несчастія, какъ подоспѣло другое. 10 апрѣля 1786 года послѣдовалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Кіевской

¹⁾ Въ этомъ году кафедральный писарь іером. Іеронимъ и учитель нѣмецкаго и польскаго языковъ іером. Амаросій, заведывавшіе работами, отдавали уже отчетъ въ расходахъ на постройку бурсы. Акты К.-Бр. мон. и акад. № 21 (рук. б. к. ак. № 725).

²⁾ Другой этажъ надстроенъ былъ впоследствии.

³⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 98.

⁴⁾ Тамъ же. Г. 4, № 7.

⁵⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Изданіе временной комиссіи. Кіевъ 1874 г. Извѣстія Новгородцева стр. 144. Записки Тимковского стр. 165. Преосв. Макарій (стр. 135) и Аскоченскій (необозначая въ текстѣ—ч. 2, стр. 307) въ оглавленіи въ своему труду относятъ пожаръ библіотеки къ 1780 году. На основаніи мнѣнія преосв. Макарія и Н. Мухинъ говорятъ, что пожаръ библіотеки былъ 29 февраля 1780 года. (Нужно замѣтить, что у преосв. Макарія числа мѣсяца вовсе не указано). Съ этимъ однако нельзя согласиться, такъ какъ въ описаніи Кіева Новгородцева сказано, что библіотека находилась тогда на верху трапезной во имя Бориса и Глѣба церкви.

Описаніе Кіева не могло быть составлено имъ ранѣе 1784 года 31-го іюля, каковымъ числомъ помѣчена помѣщеніемъ въ описаніи „Вѣдомость о числѣ кіевскихъ церквей“ („сборникъ“, стран. 125). Новгородцевъ, какъ кіевлянинъ, не могъ не знать о пожарѣ въ Братскомъ монастырѣ, если бы онъ случился во время описанія имъ Кіева. Изъ записокъ И. О. Тимковского (тамъ же, стран. 165), учившагося въ академіи съ 1785 по 1889 годъ, видно, что уже въ началѣ его ученія остатки библіотеки послѣ пожара были перенесены на хоры большой церкви Братскаго монастыря. Слѣд., пожаръ библіотеки былъ въ концѣ 1784 или началѣ 1785 г.

академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ и Кіево-Печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой академіи, обратить на главную госпиталь по его положенію¹⁾. Такимъ образомъ, академіи приходилось разставаться съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она пробыла болѣе, чѣмъ полтора столѣтія,—которое благословили константинопольскіе патріархи. Но нужно было покориться. 5 іюня митрополитъ Самуилъ Миславскій уже сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ при Трехсвятительской церкви на Старомъ Кіевѣ новой бурсы для учениковъ. Распорядителемъ работъ назначенъ былъ выдубицкій архим. Іеронимъ²⁾. Въ ожиданіи новыхъ помѣщеній академія оставалась въ Братскомъ монастырѣ. Но перемѣщенію академіи не суждено было осуществиться. Въ 1787 году въ Кіевъ пріѣхала сама Государыня Екатерина II. По личному ходатайству м. Самуила, она измѣнила свое прежнее повелѣніе. Теперь она приказала 1) академіи всегда оставаться въ бывшемъ Братскомъ монастырѣ; 2) для академическихъ разнаго званія служителей приказано оставить академіи конюшенный бывшаго Братскаго монастыря домъ, а для выгрузки изъ воды и храненія дровъ—находящійся при Днѣпрѣ такъ называемый Броварный домъ, освободя эти дома отъ постоя; равнымъ образомъ приказано къ академіи оной отвести загородный домъ и выгонную землю противъ второкласныхъ монастырей; 3) приказано оставить въ пользу академіи каменныя строенія подлѣ каменной колокольни бывшаго Братскаго монастыря для отдачи ихъ въ наймы³⁾. Этимъ же указомъ академіи приказывалось „имѣющіяся въ оной строенія содержать въ исправности“⁴⁾. Согласно этому

¹⁾ Полн. собр. зак. т. XXII, № 16, 375 п. 6.

²⁾ Консистор. арх. д. 1786 г. № 859.

³⁾ Указъ 1787 г. 15 марта. Полн. собр. зак. т. XXII, № 16517.

⁴⁾ Тамъ же, п. 1.

повелѣнію, немедленно было приступлено къ исправленію обветшалыхъ академическихъ построекъ. На вновь подаренномъ академіи конюшенномъ дворѣ оказавшіяся въ неисправности избы для служителей, сараи и конюшни въ томъ же 1787 году были частію исправлены, частію вновь выстроены ¹⁾. Черезъ два года академическое начальство ходатайствовало о позволеніи взаимнѣ обветшалыхъ деревянныхъ учительскихъ келій выстроить новыя, что и сдѣлано было съ разрѣшенія митрополита. Выстроены были: одинъ деревянный домъ о трехъ покояхъ съ келіями для префекта академіи и другой о четырехъ покояхъ для учителей ²⁾. Въ это же время была исправлена каменная ограда съ западной стороны монастыря ³⁾. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого была выстроена при учительскихъ келіяхъ каменная поварня ⁴⁾. Въмѣстѣ съ приказаніемъ содержать въ исправности академическія зданія въ указѣ приказано было „построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу и для того оной домъ распространить сколько потребно“ ⁵⁾. Но, благодаря большимъ расходамъ на исправленіе обветшалыхъ зданій, съ одной стороны, съ другой—потому, что городъ не отводилъ для больницы мѣста ⁶⁾, приказаніе это не могло тотчасъ исполниться. Больница академическая по прежнему находилась въ сиротскомъ домѣ, вмѣстѣ съ помѣщеніемъ здоровыхъ учениковъ ⁷⁾.

Только въ 1798 году, когда была уже увеличена штат-

¹⁾ Акті К.-Бр. мон. и акад., собр. Асоч. т. 3, № 66.

²⁾ Тамъ же, т. 3, №№ 70 и 98; т. 4, № 7.

³⁾ Тамъ же, т. 3, № 70.

⁴⁾ Такъ можно думать на томъ основаніи, что въ 1795 году митрополитъ приказалъ сломать, какъ совершенно вѣнужную, старую деревянную поварню бывшую при учительскихъ келіяхъ (Акті К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 3, № 81).

⁵⁾ Полное собр. зак. т. XXII, № 16, 517, л. 5.

⁶⁾ Акті К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 3, № 98.

⁷⁾ Тамъ же.

ная академическая сумма, начата была постройка новой больницы на броварномъ дворѣ близъ студентскаго дома. Къ декабрю слѣдующаго года она была окончена ¹⁾ и обошлась въ 2161 р. 71 к. штатной суммы ²⁾. Это было деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе съ десятью окнами, четырьмя печами, отдѣланными изразцами и особымъ помещеніемъ для служителей ³⁾. Въ немъ находилось три покоя и баня ⁴⁾. Постройка столь благоустроенной больницы свидѣтельствуетъ, что благосостояніе академіи все увеличивалось и увеличивалось. Академія въ 1801 году нашла для себя возможнымъ даже выстроить собственную баню для всѣхъ учениковъ. Но противъ этого вооружились содержатели городскихъ и общественныхъ бань ⁵⁾. Несмотря на неоднократное ходатайство м. Гавріила Банулеско, академія такъ и не могла достигнуть разрѣшенія отъ администраціи на постройку собственной бани ⁶⁾. Но за то въ это время академія выстроила каменное одноэтажное зданіе въ три покоя для академическаго правленія ⁷⁾. Благодаря увеличенію средствъ, академія получила возможность содержать большее количество учениковъ на казенной нищѣ; а отсюда явилась потребность расширить столовый покой при сиротскомъ домѣ. Въ 1804 году, съ разрѣшенія м. Серапіона, приступлено было къ составленію плана и смѣты для новой пристройки къ старой столовой, при чемъ митрополитъ принималъ во всемъ

¹⁾ Консист. арх. д. 1800 г. № 422.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 120.

³⁾ Консист. арх. д. 1800 г. № 422.

⁴⁾ Изъ дней м. Серапіона. Тр. к. д. ак. 1882 г., октябрь, стр. 228.

⁵⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 78 (рук. б. к. ак. № 725).

⁶⁾ Въ описаніи академіи, представленномъ въ ноябрѣ 1802 г. графу Завадовскому, нѣтъ упоминанія объ академической банѣ (ак. К.-Бр. мон. и ак. т. 4, № 7).

⁷⁾ Тамъ же.

личное участіе. Въ слѣдующемъ году 28 августа онъ благословилъ и начало работы ¹⁾. Еще чрезъ годъ заключенъ былъ контрактъ на починку иконостаса въ конгрегаціонной церкви ²⁾. Въ 1807 году средства академіи увеличились вдвое. Это дало возможность въ іюлѣ слѣдующаго года начать постройку второго этажа на каменномъ сиротскомъ домѣ ³⁾. Чрезъ два года онъ былъ возведенъ, но еще не былъ отдѣланъ ⁴⁾, когда академію постигло страшное несчастье.

9-го іюля 1811 года вспыхнулъ на Подолѣ пожаръ, испепелившій до 1400 домовъ. Жертвою этого пожара была и академія ⁵⁾. Изъ всѣхъ зданій послѣ пожара внѣ монастыря остался невредимъ каменный сиротскій домъ, но принадлежавшія ему деревянныя постройки погорѣли всѣ. Изъ монастырскихъ зданій наименѣе пострадала монашеская трапезная, гдѣ на время и была построена Братская церковь ⁶⁾. Несмотря на такое опустошеніе, академія продолжала свое существованіе. Сиротскій домъ уцѣлѣлъ для помѣщенія учениковъ. Такъ какъ это было каникулярное время, то въ немъ могли помѣститься почти всѣ ученики. Нѣкоторые же изъ нихъ помѣщены были въ митрополичьемъ домѣ; тамъ же помѣстились и трое изъ учителей ⁷⁾.

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. № 117 (рук. б. к. ак. № 725) и ак. К.-Бр. м. и ак., собр. Аскач, т. 4, № 18.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. собр. Аскач. т. 4, № 19.

³⁾ Акты К.-Бр. м. и ак. № 141 (рук. б. к. ак. № 725). Изъ дневн. м. Серапіона. Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 340.

⁴⁾ „Изъ дневн. митр. Серапіона“. Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 351 и 358.

⁵⁾ „Изъ дневн. м. Серапіона“. Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 354. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскач. т. 4, № 33. Здѣсь говорится, что академія сгорѣла 9 іюля, а потому мнѣніе Аскачовскаго (ч. 2, стр. 463—464) о пожарѣ академіи 8 іюля невярно.

⁶⁾ „К.-Брат. училищный монастырь“ Н. Мухина, стр. 209.

⁷⁾ „Изъ дневн. м. Серапіона“ Труды к. д. академіи 1882 г., ноябрь, стр. 354, 367 и др.

Немедленно приступлено было къ поправкѣ академическаго корпуса, въ которомъ находились классы. Наиболѣе пострадала верхняя часть этого зданія, нижняя же часть уцѣлѣла настолько, что въ ней почти не поотпадала штукатурка. Поэтому къ началу учебнаго года нижній этажъ зданія былъ исправленъ, и въ немъ размѣщены всѣ классы. Но такъ какъ такое размѣщеніе было очень стѣснительно, то съ разрѣшенія митрополита нижній грамматическій классъ былъ помѣщенъ въ трапезѣ сиротскаго дома, а російскій классъ перемѣщенъ въ Софійскій соборный домъ ¹⁾. Въ сиротскомъ же домѣ устроена была конгрегаціонная церковь. Сюда перенесена была церковь изъ лаврскаго митрополичьяго дома ²⁾. Вслѣдъ за этимъ произведена покрывка академическихъ зданій частію годнымъ старымъ, а частію новымъ желѣзомъ ³⁾. Контрактъ на покрывку академическихъ зданій былъ заключенъ 7-го декабря 1811 года, а на слѣдующій день митрополитъ приказалъ лаврской типографіи выдать въ долгъ академіи 8000 рублей ⁴⁾. Вскорѣ же дана была книга для сбора пожертвованій въ пользу академіи. Въ первые же дни было собрано отъ знатнѣйшихъ лицъ города 4950 рублей, въ томъ числѣ 2000 руб. отъ самого митрополита ⁵⁾. Расходовалась также и процентная сумма. Въ апрѣлѣ 1812 года на построеніе погорѣвшей академіи по Высочайшему повелѣнію приказано было выдать 29000 р. ⁶⁾. Эти деньги употреблены были на поправку корпуса, въ которомъ помѣщались классы; изъ нихъ же возвращена была сумма, занятая изъ процентныхъ денегъ ⁷⁾. Послѣ покрывки корпуса

¹⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 167 (руч. б. к. ак. № 725).

²⁾ „Изъ дневн. м. Серапіона“ Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 358.

³⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 4, № 35.

⁴⁾ „Изъ дневн. м. Серапіона“ Труды к. д. акад., ноябрь, стр. 356.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 356—357.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 359.

⁷⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асоч. т. 4, № 42.

приступлено было къ его отдѣлкѣ. Между тѣмъ доканчивалась отдѣлка второго этажа сиротскаго дома, не оконченная до пожара ¹⁾, а также приступлено было къ постройкѣ деревянныхъ зданій при сиротскомъ домѣ. Въ 1813 году были построены амбары, сараи и заборъ вокругъ сиротскаго дома ²⁾. Въ слѣдующемъ году приступлено было къ постройкѣ больницы ³⁾. Черезъ два года она была окончена и въ присутствіи митрополита освящена 25 марта ⁴⁾. Въ 1815 году окончень былъ отдѣлкою и такъ называемый классическій корпусъ. По указу дикастеріи назначена была комиссія при участіи трехъ постороннихъ лицъ—протоіереевъ—Алышевскаго, Маньковскаго и Семеновскаго для приѣма починеннаго корпуса. По осмотрѣ оказалось, что не все сдѣлано исправно. Подрядчикъ обязанъ былъ исправить указанные недостатки. Приказаніе было исполнено, и въ началѣ слѣдующаго года корпусъ былъ совершенно окончень ⁵⁾. Очевидно, что въ это время, когда строились академическія зданія, академія не имѣла всѣхъ тѣхъ удобствъ въ помѣщеніи, которыми она пользовалась до пожара. Но въ это же время ей пришлось испытать и новое несчастіе. Въ печальную годину отечественной войны, по приказанію военнаго губернатора Милорадовича, не смотря на несогласіе митрополита, была занята часть сиротскаго дома аптекою—6 комнатъ въ верхнемъ этажѣ и 5 въ нижнемъ, да, кромѣ того, половина поварни. Только въ сентябрѣ 1814 года, послѣ долгихъ хлопотъ митрополита, аптека была переведена изъ сиротскаго дома ⁶⁾. Обзоръ исторіи академическихъ зданій показываетъ, что въ началѣ разсма- триваемаго нами періода помѣщеніе академіи было весьма

¹⁾ Тамъ же, т. 4, № 39.

²⁾ Акты К.-Бр. мон. и акад. № 183 (рук. б. к. ак. № 725).

³⁾ „Изъ дневн. и. Серапіона“ Труды к. д. ак. 1883 г., февр., стр. 319.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 325.

⁵⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак., № 194 (рук. б. к. ак. № 725). Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 42.

⁶⁾ Акты К.-Бр. мон. и ак. № 175 (рук. б. к. ак. № 725).

неудовлетворительно. Затѣмъ, оно постепенно улучшалось, исключая времени пожара въ 1775 году. Къ 1811 году академическія зданія достигли значительной степени благоустройства. Нарушенное въ этомъ году пожаромъ, оно мало по малу начало возстановляться къ концу существованія академіи.

В. Серебrenиковъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И ДУХА.

Вопросы жизни и духа,—вопросы чрезвычайно важные, близкіе уму каждого мыслящаго человѣка, поднимаются и рѣшаются въ недавно вышедшей книгѣ: „*Московский Сборникъ, Москва, 1896, изданіе К. П. Побѣдоносцева*“. Сборникъ состоитъ изъ двадцати, иногда очень небольшихъ по объему, статей, написанныхъ, какъ видно, въ весьма различное время, по разнымъ злобамъ дня. Статьи эти носятъ такое заглавіе: „Церковь и Государство“, „Новая демократія“, „Великая ложь нашего времени“, „Судъ присяжныхъ“, „Печать“, „Народное просвѣщеніе“, „Гербертъ Спенсеръ о народномъ воспитаніи“, „Законъ“, „Болезни нашего времени“, „Званіе и дѣло“, „Вѣра“, „Идеалы невѣрія“, „Новая вѣра и новые браки“, „Духовная жизнь“, „Церковь“, „Характеры“, „Власть и начальство“, „Изъ Карлейля“, (I, Дѣтство; II, Простое правило жизни; III, Воспитаніе; IV, Дѣло; V, Религія), „Гладстонъ объ основахъ вѣры и невѣрія“ и „Дѣла и дни“. Нельзя сказать, чтобы статьи эти были расположены совершенно случайно: между большинствомъ изъ нихъ есть связь,—иногда прямая, непосредственная, какъ напр. между статьями о вѣрѣ и невѣріи, иногда—непрямая, скрытая, какъ между статьями „Церковь и государство“ и „Новая демократія“. Всѣ статьи самостоятельны, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, образующихъ переводъ или передѣлку выдающихся англійскихъ авторовъ.

Каждая статья Сборника читается съ большимъ интересомъ, такъ что, взявши книгу въ руки, трудно отложить ея не прочитавши до конца. Каждая статья написана чрезвычайно сильно, живо, прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ. Вездъ въ книгѣ виденъ мыслитель сколько глубокий и основательный, столько же необыкновенно осторожный въ своихъ выводахъ сужденіяхъ,—умъ тонкій, чрезвычайно наблюдательный; вездъ просвѣчиваетъ искреннее, горячее убѣжденіе, одушевляемое глубокою вѣрою въ силу истины и добра.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи изложить важнѣйшія мысли и сужденія почтеннаго автора Сборника по нѣкоторымъ затрогиваемымъ имъ вопросамъ.

Въ началѣ статьи „Церковь и Государство“ встрѣчаемся съ такими прекрасными разсужденіями. „Когда начинается борьба изъ-за началъ духовно-религіозныхъ, невозможно разсчитывать, какими предѣлами она ограничится и какіе элементы привлечетъ въ себя; до чего дойдетъ и гдѣ уляжется море страстей, взволнованное споромъ за убѣжденія и вѣрованія. Въ вопросахъ вѣрованія народнаго государственной властью необходимо заявлять свои требованія и устанавливать свои принципы съ особливою осторожностію, чтобы не коснуться тѣхъ ощущеній и духовныхъ потребностей, къ которымъ и допускаетъ прикасаться самосознаніе массы народной. Какъ бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на иномъ чемъ, какъ на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и правительствомъ, на вѣрѣ народной: власть подкапывается съ той минуты, какъ начинается раздвоеніе этого, на вѣрѣ основаннаго, сознанія. Народъ, въ единеніи съ государствомъ, много можетъ понести тягостей, много можетъ уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не въ правѣ требовать, одного не отдадутъ—того, въ чемъ каждая вѣрующая душа въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, полагаютъ основаніе духовнаго бытія своего и связываютъ себя съ вѣчностью

Есть такія глубины, до которыхъ государственная власть не можетъ и не должна касаться, чтобы не возмутить коренныхъ источниковъ вѣрованія въ душѣ у всѣхъ и каждаго“. Въ дальнѣйшемъ авторъ, путемъ главнымъ образомъ историческихъ справокъ, убѣдительно доказываетъ, что нужно думать не объ отдѣленіи церкви отъ государства, что теперь проповѣдуется, а о тѣснѣйшемъ, гармоническомъ единеніи церкви и государства, ибо нельзя отдѣлять духъ отъ тѣла, а духъ и тѣло живутъ единою жизнью; нравственное начало, носительницею и выразительницею котораго является церковь, есть начало единое, объемлющее собою всѣ отношенія—и частныя, и семейныя, и политическія. Въ государствѣ должна быть преобладающая церковь, господствующее вѣроисповѣданіе, которому государство исключительно покровительствуетъ и поддерживаетъ. Хотя система господствующей церкви „имѣетъ много недостатковъ, соединена со множествомъ неудобствъ и затрудненій, не исключаетъ возможности столкновеній и борьбы“, но это есть система самая древняя, имѣющая за собою всѣ неоспоримыя преимущества. Безразличное отношеніе государства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ равносильно его полному индифферентизму къ дѣлу вѣры, религіи, а такой индифферентизмъ вреднѣйшимъ образомъ отразится на государственной цѣлости, подорветъ централизующую, собирательную силу государства. Простое разсужденіе показываетъ, что уравниеніе всѣхъ вѣроисповѣданій въ государствѣ никогда невозможно. „Положимъ, что сегодня провозглашено будетъ въ государствѣ самое строгое и точное уравниеніе всѣхъ церквей и вѣрованій предъ закономъ. Завтра же окажутся признаки, по которымъ можно будетъ заключить, что относительная сила вѣрованій совсѣмъ не ровная; пройдетъ 30, 50 лѣтъ со времени законнаго уравниенія церквей—и тогда обнаружится на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, слишкомъ неожиданно для отвлеченнаго представленія, что въ числѣ церквей есть одна, которая въ

сущности пользуется преобладающимъ вліяніемъ и господствуетъ надъ умами и рѣшеніями,—или потому, что она ближе къ церковной истинѣ, или потому, что ученіемъ и обрядами болѣе соотвѣтственна съ народнымъ характеромъ, или потому, что организація ея и дисциплина совершеннѣе и даетъ ей болѣе способовъ къ систематической дѣятельности, или потому, что въ средѣ ея возникло болѣе живыхъ и твердыхъ вѣрою дѣятелей“.

Мысль объ уравниніи всѣхъ церквей и вѣрованій въ государствѣ есть совершенно ложная мысль, опирающаяся на той ложной посылкѣ, будто свобода тоже, что равенство, —уравненіе вѣрованія есть свобода вѣрованія. Къ чему приводитъ погоня за такимъ призракомъ свободы, отождествляемой съ равенствомъ, въ области государственной, это разъясняется въ статьяхъ „Новая демократія“ и „Великая ложь нашего времени“. Описавши закулисную сторону демократическаго правленія и парламентаризма, авторъ характеризуетъ ту и другую форму государственнаго правленія въ такихъ чертахъ. „При демократическомъ образѣ правленія, правителями становятся ловкіе подбиратели голосовъ, съ своими сторонниками, механики, искусно орудующіе закулисными пружинами, которыя приводятъ въ движеніе куколъ на аренѣ демократическихъ выборовъ. Люди этого рода выступаютъ съ громкими рѣчами о равенствѣ, но въ сущности любой деспотъ или военный диктаторъ въ такомъ же, какъ они, отношеніи господства къ гражданамъ, составляющимъ народъ... Игра въ собираніе голосовъ подъ знаменемъ демократіи составляетъ въ наше время обыкновенное явленіе во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ, и предъ всѣми, кажется, обнаружилась ложь ея; однако никто не смѣетъ явно возстать противъ этой лжи“. „На фронтонѣ зданія, продолжаетъ авторъ, именуемаго парламентаризмомъ“, красуется надпись: „все для общественнаго блага“. Но это не что иное, какъ самая лживая формула; парламентаризмъ есть

торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здѣсь расчитано на служеніе своему я. По смыслу парламентской фикціи, представитель отказывается въ своемъ званіи отъ личности и долженъ служить выраженіемъ воли и мысли своихъ избирателей; а въ дѣйствительности избиратели—въ самомъ актѣ избранія отказываются отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу избраннаго представителя“.

Ложныя идеи о равенствѣ вносятъ вреднѣйшую путаницу и въ дѣло народнаго просвѣщенія, которое желаютъ совершенно обезличить, лишить его живого народнаго духа, нивелировать на основаніи искусственно созданныхъ отвлеченныхъ теорій. А между тѣмъ только та школа любя и дорога народу, которая своими корнями выросла въ народъ, не расходится съ условіями его быта, его потребностями. Народная школа не должна отрывать дѣтей отъ жизни, отъ семьи, отъ того труда, къ которому они привыкли и которымъ должны снискивать хлѣбъ насущный. „Понятіе народное о школѣ есть истинное понятіе, но, къ несчастью, его перемудрили повсюду въ устройствѣ новой школы. По народному понятію, школа учить читать, писать и считать, но, въ нераздѣльной связи съ этимъ, учить знать Бога и любить Его, и бояться, любить отечество, почитать родителей... А мы все препираемся о курсѣ для народной школы, о курсѣ обязательномъ, съ коимъ будто бы соединяется полное развитіе“.

Роковыя идеи о свободѣ, отождествляемой съ равенствомъ, повлекшія за собою печальныя послѣдствія въ сферахъ церковной, государственной и воспитательной, далеко не составляютъ единственной болѣзни нашего времени. Существуютъ и другія болѣзни, и о нихъ авторъ говоритъ въ особой статьѣ „Болѣзни нашего времени“. Къ этимъ болѣзнямъ нужно отнести: разочарованіе и недовольство всѣмъ и всѣми, происходящее отъ того, что безмѣрно расширились наши потребности и желанія, слишкомъ много мы ожидаемъ отъ жизни, появилось на житейскомъ рынкѣ множество фальши-

выхъ, дутыхъ пѣнностей, которыя быстро возвышаются, но также быстро и разлетаются въ прахъ, и оставляютъ своихъ владѣльцевъ нравственными банкротами; исчезновеніе въ жизни духа любви и правды, которыя испарились за всякими облакающими ихъ внѣшними формулами; стремленіе нивелировать жизнь по своимъ абстрактнымъ положеніямъ и правиламъ, имѣющимъ будто бы безусловное значеніе; стремленіе ко всякимъ преобразованіямъ, или преобразовательная горячка,—вмѣсто того, чтобы дѣлать положительное, реальное дѣло, котораго у насъ такъ много.

Но самую важную болѣзнь нашего времени является распространяемое невѣріе, въ корни подрывающее духовную жизнь человѣка. Въ Сборникѣ, какъ сказано, есть нѣсколько статей, посвященныхъ разъясненію сущности вѣры и невѣрія; къ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ статья „о церкви“. Важнѣйшія мысли, развиваемыя въ этихъ статьяхъ, таковы.

Какъ бы умъ человѣка ни былъ развитъ, какъ бы горделиво онъ ни возвышался надъ міромъ, душа человѣческая всегда имѣетъ сильнѣйшую, неотразимую потребность вѣры, потому что только послѣдняя открываетъ человѣку безусловную, абсолютную истину, только она можетъ разгадать намъ ту тайну жизни, которая вездѣ насъ окружаетъ. И сами люди невѣрующіе, отвергая вѣру, фанатически вѣрятъ въ свои излюбленныя теоріи и формулы, которымъ придаютъ безусловное значеніе, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эти формулы всегда условны, относительны. Стараясь прикрыть свое невѣріе, начали говорить о построеніи новой религіи—религіи безъ Бога, именно религіи природы, человѣчества, красоты. Величайшій обманъ! потому что никакая религія не возможна безъ супранатуральнаго элемента. „Въ старой вѣрѣ нашей“,—которую считают разбитою и уничтоженною и желаютъ ее замѣнить новою мечтательною религіею,—„истина природы человѣческой, исти-

на непосредственнаго ощущенія и сознанія,—та истина, которая отзывается въ правду, изъ глубины духа, на слово божественнаго откровенія. Эта истина есть—и зерно ея лежитъ въ каждой душѣ. Про нее сказано: „всякъ иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего“. Старая вѣра наша основана на томъ, что каждый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ живую душу, бессмертную, единую, и этой живой души не смѣшиваетъ ни съ природою, ни съ человѣчествомъ, въ ней сознаетъ себя предъ Богомъ и предъ людьми, и въ ней хочетъ жить вѣчно. Своею живою душею вступаетъ онъ въ свободный союзъ любви съ другими людьми... ею ощущаетъ онъ своего Создателя“. Когда говорятъ, что новая вѣра построена на основаніи разума, то говорятъ ложь, потому что разумъ, правильно дѣйствующій, не закрывающій отъ себя очевидныхъ фактовъ, данныхъ въ природѣ и въ духѣ человѣческомъ, не можетъ не прибѣгать къ идеѣ о Богѣ. Истинная причина невѣрія покоится не столько въ разумѣ, сколько въ сердцѣ,—не столько интеллектуальная, сколько нравственная,—преобладаніе матеріальнаго, чувственнаго надъ духовнымъ сверхчувственнымъ. Гладстонъ справедливо говоритъ: „Напрасно искать корень зла (т. е. невѣрія) въ наукѣ, дѣйствительной или мнимой, даже въ заблужденіяхъ и невѣрностяхъ вѣрующихъ людей, на которыя неправо ссылается невѣріе. Нѣтъ, не то: возрастающая въ насъ сила чувственныхъ и мірскихъ влеченій и побужденій,—вотъ что даетъ невидимаго союзника всякому аргументу сомнѣнія и невѣрія, чего бы онъ въ существѣ ни стоилъ, вотъ что пріобрѣтаетъ массу учениковъ отрицательнымъ ученіемъ. Человѣкъ воображаетъ, что, давая волю сомнѣнію, онъ слѣдуетъ изысканію истины, а въ сущности онъ только мирволитъ низшимъ наклонностямъ своей природы; имъ уже овладѣли онъ, а онъ еще усиливаетъ ихъ, допуская новыхъ имъ союзниковъ безъ всякой провѣрки тигула ихъ и права (стр. 275)“.

Какъ мечтательна попытка созданія новой вѣры, такъ

Труды Кіев. дух. Акад. Т. III. 1896 г.

17**

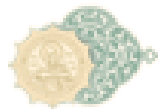
Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарією,
<http://kdais.kiev.ua>

учрежденіяхъ съ ихъ самостоятельными интересами.... Выборъ людей—дѣло труда и пріобрѣтаемаго трудомъ искусства распознавать качества людей. Но власть нерѣдко склоняется устранять себя отъ этого труда, и замѣняетъ его внѣшними или формальными признаками качествъ... Къ несчастью, по мѣрѣ ослабленія нравственнаго начала власти въ начальникѣ, имъ овладѣваетъ пагубная страсть патронатства, страсть покровительствовать и раздавать мѣста и должности высшаго и низшаго разряда. Великая бѣда отъ распространенія этой страсти, лицемерно прикрываемой видомъ добродушія и благодѣянія нуждающимся людямъ... Благодѣянія этого рода раздаются часто на счетъ блага общественнаго, на счетъ благоустройства служебныхъ отправленій, наконецъ на счетъ казенной и общественной кассы... Два знанія существенно необходимы для посвященія человека во власть. Одно—вѣковѣчное правило: „познай самого себя“, другое „познай окружающую тебя среду“. То и другое необходимо для того, чтобы человекъ могъ сознательно опредѣлять волю свою и дѣйствовать,—дѣйствовать на воли человѣческія и двигать событія, въ какой бы ни было обширной или тѣсной сферѣ“ (стран. 254. 255. 257. 261).

Мы далеко, конечно, не исчерпали всего существеннѣйшаго содержанія разсматриваемаго Сборника. Советуемъ прочитать эту книгу каждому, кто имѣетъ возможность ее пріобрѣсть¹⁾. Рѣдко можно встрѣтить книгу, которая бы читалась съ такимъ живымъ интересомъ, написана была такъ тепло, сердечно, съ такимъ знаніемъ жизни и потребностей духа. И ни на что, замѣтимъ, авторъ такъ часто не нападаетъ, ни противъ чего такъ часто не вооружается, какъ противъ распространившагося теперь стремленія конструировать жизнь по чисто абстрактнымъ, искусственно составленнымъ теоріямъ и формуламъ, разлетающимся въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, съ которою эти теоріи и формулы вовсе не желаютъ справляться.

Z.

¹⁾ Книга продается въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ и цѣна ея 1 р. 25 коп.

ГОМИЛЕТИКА ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ,

ПОСЛѢ РЕФОРМАЦІИ ЛЮТЕРА ¹⁾).

IV. Гомилетика Мосгейма.

(*Anweisung erbaulich zu predigen*).

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ являлось въ печати изумительное множество руководствъ по церковному краснорѣчію. Но для уясненія историческаго развитія науки о проповѣдничествѣ и видоизмѣненій гомилетическихъ взглядовъ нѣтъ надобности не только подвергать ихъ болѣе или менѣе подробному разбору, но даже и перечислять ихъ, съ поименованіемъ всѣхъ, мало извѣстныхъ болѣею частію, ихъ авторовъ. Это было бы слишкомъ длинною матеріею, и пользы отъ изложенія этой длинной матеріи было бы не много. Болѣею частію гомилетики, являвшіяся въ эти вѣка, похожи въ существенномъ одна на другую, отличаясь только въ подробностяхъ и частностяхъ, и мало представляють оригинальности въ направленіи и содержаніи. Мосгеймъ, имя котораго выставлено въ заголовкѣ нашей статьи, указывая на безчисленное множество руководствъ по гомилетикѣ во время, предшествующее его ученой и проповѣднической дѣятельности, дѣлаетъ о нихъ одинъ общій неодобрительный отзывъ. „Огромное большинство ихъ (говоритъ онъ) ²⁾ грѣшатъ тѣмъ, что не представляютъ себѣ правильной цѣли проповѣди или духовнаго краснорѣчія“.

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи за м. августъ 1896 г.

²⁾ *Anweisung erbaulich zu predigen*,—Johann Lorenz von Mosheim, 1763 Vorbereitung, § 3, S. 19.

Обозрѣнію и разбору въ исторіи гомилетики мы считаемъ нужнымъ подвергать такія руководства по проповѣдничеству, которыя выдаются чѣмъ-либо изъ ряда другихъ и служатъ болѣе или менѣе яркимъ выраженіемъ особаго направленія въ проповѣднической литературѣ.

Къ такимъ гомилетикамъ, заслуживающимъ вниманія историка, несомнѣнно принадлежитъ гомилетика Мосгейма, изданная въ 1763 году.

Мосгеймъ былъ сынъ англійскаго офицера, жившаго въ Любенѣ, римско-католика по вѣроисповѣданію, но воспитывался въ протестантскихъ учебныхъ заведеніяхъ у учителей протестантовъ, и, съ согласіемъ отца, съ дѣтства присталъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Началъ онъ свою дѣятельность въ Килѣ, гдѣ онъ учился въ университетѣ, первоначально въ званіи помощника пастора (Альбрехта), своего учителя и друга своего отца, и былъ потомъ членомъ тамошняго философскаго факультета. Оттуда онъ переселился въ Гельмштедтъ, въ тамошній университетъ, гдѣ пробылъ десять лѣтъ и своею дѣятельностію пріобрѣлъ всеобщее вниманіе. Въ виду его популярности его старался переманить къ себѣ вновь основанный тогда геттингенскій университетъ. Послѣ неоднократныхъ приглашеній Мосгеймъ перешелъ въ Геттингенъ въ 1747 году, и былъ канцлеромъ Геттингенскаго университета до самой своей смерти въ 1755 году, составляя славу и украшеніе этого университета.

Мосгеймъ извѣстенъ въ исторіи, какъ ученый,—историкъ и моралистъ, но въ свое время онъ пользовался большою славою, и какъ проповѣдникъ. Онъ проповѣдывалъ и въ Килѣ и въ Гельмштедтѣ и въ Геттингенѣ, и вездѣ производилъ обаятельное впечатлѣніе на слушателей. Знаменитаго проповѣдника приглашали проповѣдывать въ Вольфенбюттель, Бланкенбургъ, Брауншвейгъ и другіе города, гдѣ находился княжескій дворъ, и онъ долженъ былъ часто проповѣдывать въ

присутствія князей и ихъ придворныхъ. Стеченіе народа на его проповѣди было такъ велико, что въ церквахъ, гдѣ онъ долженъ былъ проповѣдывать, ставилась стража, чтобы не было давки и беспорядковъ, и она съ трудомъ очищала ему дорогу къ кафедрѣ. Между нѣмецкими протестантскими проповѣдниками XVIII вѣка Мосгеймъ несомнѣнно пользовался наибольшею популярностію и пріобрѣлъ такую славу, какой не имѣлъ ни одинъ изъ нихъ: онъ первый изъ нихъ по признанному достоинству своихъ произведеній.

Руководство по проповѣдничеству весьма желательно было отъ такого знаменитаго церковнаго оратора. Тѣмъ болѣе желали видѣть въ печати его руководственные наставленія для проповѣдниковъ, что онъ неоднократно держалъ чтенія по гомилетикѣ въ университетѣ для молодыхъ богослововъ. Но при своей жизни онъ не успѣлъ обработать ихъ для печати и издать для общаго пользованія. Это сдѣлалъ послѣ его смерти его зять Виндгеймъ: онъ собралъ, привелъ въ порядокъ и издалъ въ печать тѣ академическія чтенія, какія во время своей профессорской дѣятельности держалъ его славный родственникъ, въ 1763 году, подъ заглавіемъ: *Johann Lorenz von Mosheim Anweisung erbaulich zu predigen. Aus den vielfältigen Vorlesungen des seeligen Herrn Kanzlers verfasst und zum Drucke befördert von Chr. E. von Windheim* (Іоанна Лоренца Мосгейма руководство назидательно проповѣдывать. Изъ многократныхъ чтеній покойнаго господина канцлера составлено и приготовлено къ печати Христіаномъ Эрнстомъ фонъ Виндгеймъ).

Мосгеймъ, по согласному признанію изслѣдователей историческаго движенія и развитія проповѣди, открываетъ новую эпоху въ исторіи нѣмецкой протестантской проповѣди ¹⁾, и

¹⁾ *Geschichte der Veränderungen des Geschmacks im Predigen, von Schuler. Th. II, s. 159. Richard Rothe's Geschichte der Predigt, 1881, § 104 S. 424. Geschichte der christlichen Homiletik, von Lentz, 1639. Th. II, S. 188.*

реформа, имъ рекомендуемая и проводимая въ проповѣди, увѣнчалась болѣе счастливымъ успѣхомъ, чѣмъ реформы другихъ его предшественниковъ.

Мосгеймъ представитель искусства или ораторскаго на-
правленія въ проповѣди. Въ то время, когда другіе дѣятели
церковно-учительнаго слова и науки о проповѣдничествѣ,
возставали противъ всякой искусственности въ проповѣди,
ставили главнымъ ея качествомъ простоту, цѣлостное счита-
ли неумѣстнымъ на церковной кафедрѣ, Мосгеймъ, напротивъ,
полагалъ и утверждалъ, что краснорѣчіе не только допустимо,
но и существенно необходимо на церковной кафедрѣ, въ ви-
дахъ большей дѣйственности проповѣди, и что проповѣдь
подлежитъ тѣмъ же законамъ, какимъ подчиняется свѣтское
краснорѣчіе, и если отличается чѣмъ отъ него, то содержа-
ніемъ или предметами, подлежащими разсмотрѣнію на
церковной кафедрѣ. Основное положеніе, изъ котораго Мос-
геймъ выводилъ всѣ частныя гомилетическія правила,—то,
что проповѣдь не разсужденіе, не простое дидактическое со-
чиненіе, а рѣчь, обращенная къ слушателямъ, имѣющая цѣлю
подѣйствовать на нихъ. Какъ рѣчь, проповѣдь подпадаетъ
подъ категорію ораторскихъ произведеній, и не можетъ до-
вольствоваться сухимъ прозаическимъ изложеніемъ ученыхъ
сочиненій, а требуетъ больше одушевленія, больше изобра-
зительности и живости, вызывая у проповѣдника на работу
не одинъ разумъ, но и другія силы. Своею проповѣдниче-
скою практикою Мосгеймъ отвѣчалъ тѣмъ требованіямъ, какія,
въ теоріи, предъявлялъ къ проповѣди, какъ ораторскому про-
изведенію, и въ печатномъ изданіи своихъ проповѣдей оза-
главливалъ или называлъ ихъ не проповѣдями, а „священными рѣ-
чами о важнѣйшихъ истинахъ ученія Іисуса Христа (Heilige
Reden über wichtige Wahrheiten der Lehre Jesu Christi)“.

Многими обстоятельствами обуславливалось такое напра-
вленіе, проводимое Мосгеймомъ, и теоретически и практиче-
ски, въ церковной проповѣди. Самъ онъ одаренъ былъ не-

дюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, и по складу своихъ душевныхъ силъ чувствовалъ естественное стремленіе къ живой, образной, одушевленной рѣчи. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ чтеніи классическихъ произведеній какъ древнихъ ораторовъ, такъ и новыхъ церковныхъ проповѣдниковъ, отличавшихся краснорѣчіемъ. Во время, предшествующее выступленію Мосгейма на общественное служеніе, въ сосѣдственныхъ странахъ, упредившихъ Германію своимъ просвѣщеніемъ, церковная проповѣдь достигла высокой степени своего развитія, и при этомъ въ ней дано было широкое мѣсто внѣшнему художественному слову. Въ вѣкъ Людовика XIV римско-католическая церковная кафедра имѣла блистательныхъ представителей церковнаго краснорѣчія, возвышавшихся надъ своими предшественниками и силою мысли и изяществомъ слова, — Бурдалу, Боссюэта и Массильйона, и ихъ вліяніе чувствовалось не въ одной Франціи, но и далеко за ея предѣлами. Рядомъ съ ними въ протестантскомъ мірѣ большою славою пользовался ихъ современникъ изъ французскихъ реформатовъ — Сорень, человѣкъ высокаго таланта, являвшійся на церковной кафедрѣ сколько проповѣдникомъ, столько и ораторомъ. Въ англиканской церкви также, какъ и во Франціи, проповѣдь приняла тогда ораторское направленіе, и тамъ были проповѣдники, блиставшіе искусствомъ слова, изъ которыхъ наибольшую популярностію пользовался Тиллотсонъ. Мосгейму извѣстны были эти проповѣдники, и онъ зачитывался ихъ одушевленныхъ и обработанныхъ проповѣдей, и тѣмъ охотнѣе подчинялся ихъ вліянію, что ихъ литературное и проповѣдническое направленіе совершенно отвѣчало его природному расположенію. Каждая его проповѣдь не простое учительное слово, а обработанное ораторское произведеніе. Внѣшнія условія, какими обставлялась его проповѣдническая практика, располагали его къ ораторской постановкѣ своего проповѣднаго слова и давали ему возможность обрабатывать свои произведенія, соотвѣтственно требованіямъ краснорѣчія.

Ему приходилось проповѣдывать главнымъ образомъ предъ избранною публикою, въ которой большинство составляли или ученые, или придворные и люди высокопоставленные. Чтобы отвѣчать и удовлетворять ихъ вкусу, нужно было вышаться надъ простотою учительнаго слова, которою могла удовлетвориться не требовательная публика, а давать нѣчто болѣе изысканное и обработанное, что могло бы привлечь вниманіе людей образованныхъ и требовательныхъ. Приходилось проповѣдывать Мосгейму не часто, и онъ всегда имѣлъ достаточно досуга для обработки своихъ проповѣдей и для приданія имъ требуемаго ораторскаго совершенства, въ соотвѣтствіе художественному вкусу, тогда утверждавшемуся при содѣйствіи самого же Мосгейма.

Гомилетическое руководство Мосгейма состоитъ изъ трехъ частей. Этимъ тремъ частямъ предпослано длинное введеніе или особая предварительная часть (Vorbereitung), заключающаяся въ 14 §§, и занимающая въ изданіи 108 страницъ. По примѣру многихъ учебныхъ нѣмецкихъ книгъ, каждый параграфъ въ книгѣ имѣетъ два отдѣленія: въ одномъ представлено кратко существенное содержаніе параграфа, отмѣченное въ изданіи болѣе крупнымъ шрифтомъ, а въ другомъ болѣе обширномъ дано объясненіе и развитіе этого содержанія. Первый существенный отдѣлъ параграфа диктовалъ профессоръ своимъ слушателямъ, и ученіе, въ немъ выраженное, слушатели должны были усвоить себѣ съ особымъ вниманіемъ, а второй отдѣлъ былъ только дополненіемъ, поясняющимъ сказанное въ первомъ отдѣлѣ, но по объему это дополненіе значительно было больше перваго отдѣла, выражающаго главные общія положенія параграфа. Текстъ, передающій главное содержаніе параграфа, не многословенъ; но издатель гомилетическаго руководства Мосгейма замѣчаетъ въ предисловіи, что Мосгеймъ никогда не диктовалъ параграфы въ такихъ многихъ словахъ, какъ они напечатаны, и что онъ нѣчто включилъ въ нихъ изъ старыхъ записокъ Мос-

гейма, и при этомъ въ иныхъ параграфахъ измѣнялъ выраженіе, въ другихъ ничто выбрасывалъ, а иногда вставлялъ цѣлый параграфъ ¹⁾). Но отъ этихъ немногихъ частныхъ измѣненій гомилетическая система, въ свое время преподаваемая Мосгеймомъ, не измѣнилась ни въ чемъ существенномъ, и осталась такою же, какою знали ее его непосредственные ученики и почитатели.

Наибольшаго вниманія въ гомилетикѣ Мосгейма заслуживаютъ часть предварительная или введеніе, и изъ трехъ составныхъ частей первая, излагающая основныя гомилетическія начала, и соответствующая принципіальной части позднѣйшихъ нѣмецкихъ гомилетикъ.

Въ предварительной части, послѣ понятія о проповѣди и духовномъ краснорѣчїи, послѣ указанія задачи науки, посвященной духовному краснорѣчію и необходимости проповѣди въ христіанской общинѣ, изложена исторія проповѣди отъ первыхъ временъ христіанства и до послѣднихъ дней. Это изложеніе исторїи христіанскаго проповѣдничества (§§ 5—14) составляетъ главное содержаніе обширнаго введенія гомилетики Мосгейма и вмѣстѣ съ тѣмъ особенность, выгодно отличающую гомилетику Мосгейма отъ другихъ предшествующихъ гомилетикъ. Мосгеймъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на исторію проповѣди, прежде совершенно запущенную, первый далъ ей мѣсто, и по своему времени дозволяло широкое, въ наукѣ о проповѣдничествѣ, указавъ ея важное значеніе для гомилетическаго образованія. По его примѣру и вліянію, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка очень усердно стали заниматься исторіею проповѣди, и явилось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ ученой разработкѣ этого предмета. Между ними отмѣченъ ученою исторіею 1) „Опытъ исторїи публичныхъ религіозныхъ изложеній въ греческой и латинской церкви отъ временъ Христа до рефор-

¹⁾ Anweisung erbaulich zu predigen. Vorrede, S. 1—2

маціи“, Эшенбурга ¹⁾); вышло въ печати только одно первое отдѣленіе отъ І. Христа до Златоуста и Августина. 2) Въ гомилетикѣ Шмидта ²⁾), состоящей изъ трехъ частей, исторіи проповѣди посвящена вся третья часть, и здѣсь изложена исторія проповѣди отъ перваго появленія памятниковъ христіанскаго проповѣдничества до послѣднихъ временъ; такимъ образомъ данъ полный обзоръ исторіи христіанской проповѣди. 3) Шулеръ въ 1787 году издалъ „Исторію популярнаго изъясненія Писанія у христіанъ отъ начала христіанства до настоящихъ временъ ³⁾), и въ 1792—99 годахъ „Исторію измѣненій вкуса въ проповѣди, въ особенности у протестантовъ въ Германіи“ ⁴⁾), въ трехъ частяхъ, съ особымъ дополненіемъ къ нимъ.

Очеркъ исторіи проповѣдничества, представленный въ введеніи къ гомилетикѣ Мосгейма, при всей краткости своей, даетъ изображеніе хода развитія и видоизмѣненій церковной проповѣди на всемъ протяженіи христіанскихъ вѣковъ, хотя это изображаетъ довольно обще и не всегда строго отвѣчаетъ дѣйствительности.

Начинается онъ замѣчаніями о проповѣди апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ. Рѣчи апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ не дошли до насъ, хотя о нихъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (XX и XVII), и мы точно не знаемъ, какъ они проповѣдывали. Ихъ посланія, до насъ дошедшія,—не проповѣди и не могутъ быть для насъ образцомъ проповѣдей. Но если бы и сохранились до насъ тѣ про-

¹⁾ Versuch einer Geschichte der öffentlichen Religionsvorträge in der griechischen und in der lateinischen Kirche von den Zeiten Christi zur Reformation. Jena. 1785.

²⁾ Anleitung zum populären Kanzelvortrag, zum Gebrauch bey academischen Vorlesungen. Jena 1800.

³⁾ Geschichte der populären Schrift-Erklärung Christen von dem Anfang des Christenthums bis auf die gegenwärtigen Zeiten.

⁴⁾ Geschichte der Veränderungen des Geschmacks im Predigen, insonderheit unter den Protestanten in Deutschland.

повѣди, какія въ свое время говорили апостолы, онѣ, по замѣчанію Мосгейма, не могли бы быть для насъ образцами. Ибо апостолы были совершенно другіе люди, съ которыми мы не можемъ равнять себя. Они не имѣли нужды въ краснорѣчій и человѣческихъ средствахъ, какими пользуются обыкновенные ораторы. Духъ Божій жилъ въ нихъ и одушевлялъ ихъ, и Онъ давалъ ихъ рѣчамъ силу и убѣдительность. Мы не можемъ подражать апостоламъ, потому что не имѣемъ тѣхъ даровъ, какими они владѣли. И слушатели у насъ не такіе, какіе были у апостоловъ. Мы проповѣдуемъ христіанамъ, уже знающимъ основныя истины своей вѣры, и состоящимъ членами Церкви Христовой. А они проповѣдывали невѣрующимъ іудеямъ и язычникамъ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсть ихъ для царства Божія, и побуждали ихъ оставить ту вѣру, въ которой они рождены и воспитаны. Премудрое Провидѣніе, по сужденію Мосгейма, съ нарочитою цѣлію не сохранило для потомства проповѣдей апостоловъ. Если бы онѣ были въ нашихъ рукахъ, то, безъ сомнѣнія, нашлись бы такіе простаки, которые смотрѣли бы на нихъ, какъ на образцы, и стали бы подражать имъ, несмотря на все различіе въ положеніи своемъ и положеніи апостоловъ и въ обстоятельствахъ апостольскаго вѣка и вѣка нашего. Рѣчи апостоловъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ представляются рѣчами простыми, состоящими не *въ препрѣльныхъ* *человѣческихъ* *премудрости словесехъ*, но *въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. 11, 3), чуждыми человѣческаго искусства. Но съ этой стороны, по мнѣнію Мосгейма, они не могутъ и не должны быть обязательнымъ образцомъ для насъ.

Съ III вѣка произошло измѣненіе въ состояніи и направленіи церковной проповѣди, когда въ христіанство стали переходить люди, получившіе образованіе, въ которомъ тогда очень высоко цѣнилось краснорѣчіе, какъ главный предметъ вниманія учащихся, и когда дѣти достаточныхъ христіанскихъ фамилій считали нужнымъ, по требованію духа своего вре-

мени, учиться въ риторическихъ и софистическихъ школахъ. Тогда постепенно стала пропадать простота апостольской проповѣди, и проповѣдь мало по малу усвоила всѣ искусственные приемы свѣтскаго краснорѣчія. По тому началу, котораго держится и которое проводить Мосгеймъ, то ораторское направленіе, которое приняла проповѣдь у отцовъ III, и въ особенности IV вѣка, должно бы заслужить у него полное одобреніе, и нужно было ожидать, что онъ съ совершенною похвалою отмѣтитъ внѣшнее художественное совершенство, какого достигла проповѣдь тѣхъ вѣковъ, подъ вліяніемъ современнаго риторическаго образованія. Но вмѣсто этого мы встрѣчаемъ у него двойственное и нерѣшительное сужденіе. Признавая усовершенствованіе церковной проповѣди съ внѣшней стороны, по образцу свѣтскаго классическаго краснорѣчія, онъ не воздастъ отеческой проповѣди должной похвалы. Онъ сожалѣетъ, что духъ міра овладѣлъ церковною кафедрою, на которой долженъ господствовать только духъ Господень. Но проповѣдь святыхъ отцовъ IV вѣка не только отличается силой и совершенствомъ внѣшняго краснорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ богата духомъ помазанія, исходящаго отъ Святаго,—болѣе, конечно, богата, чѣмъ проповѣдь позднѣйшихъ главныхъ представителей протестантизма. И это святое одушевленіе, съ какимъ отцы—проповѣдники излагали на церковной кафедрѣ слово вѣры и правды, составляетъ ихъ неотъемлемое преимущество, предъ которымъ умаляется другое ихъ достоинство,—внѣшняя художественность. Мосгеймъ какъ будто просмотрѣлъ это ихъ преимущество, и въ сужденіяхъ о нихъ допустилъ весьма значительную односторонность и ошибочность. Въ этомъ случаѣ на Мосгейма дѣйствовали преданія, сложившіяся въ протестантскомъ ученомъ мірѣ гораздо раньше выступленія Мосгейма на учено-литературное поприще, и живущія донинѣ. Протестантскіе ученые не могутъ и не хотятъ поставить себя въ правильныя отношенія къ представителямъ классическаго (четвер-

таго) вѣка церковнаго краснорѣчія,—не могутъ потому, что въ ихъ твореніяхъ они находятъ обличенія своихъ отступленій отъ полноты христіанской истины. Руководствуясь установившимися, нынѣ предвзятыми взглядами, они видятъ недостатки тамъ, гдѣ, по существу дѣла и по вѣрному воззрѣнію православныхъ, представляется достойное вниманія и похвалы. Напримѣръ, однимъ изъ видовъ церковнаго панигирическаго краснорѣчія, достигшаго подъ перомъ отцовъ IV вѣка высокаго совершенства, были похвальные рѣчи въ честь мучениковъ, прославляемыхъ Церковію. Въ дни памяти этихъ мучениковъ святые отцы превозносили пышными похвалами ихъ подвиги, и, указывая на ихъ святость, признавали ихъ ходатайственное значеніе предъ Богомъ за насъ, живущихъ на землѣ и чтущихъ подвижниковъ, увѣнчанныхъ отъ Господа вѣнцомъ славы небесной, и приглашали всѣхъ вѣрныхъ обращаться къ нимъ съ молитвами объ испрошеніи намъ у Бога благодатной помощи и защиты отъ бѣдъ, намъ угрожающихъ. Но лютеране, какъ извѣстно, отвергли догматъ о почитаніи святыхъ, и чествованіе, какое святые отцы воздавали мученикамъ, имъ казалось соблазнительнымъ и не согласнымъ съ духомъ искаженнаго ими христіанства. И вотъ они объявляютъ заблужденіемъ то утѣшительное ученіе объ общеніи представителей земной церкви съ усопшими праведниками, святыми небожителями, о призваніи ихъ въ молитвахъ и молитвенномъ ходатайствѣ ихъ за насъ предъ Богомъ, какое съ древнихъ вѣковъ никогда не переставала внушать своимъ чадамъ святая Церковь. У Мосгейма именно это вмѣняется въ вину отцамъ проповѣдникамъ IV вѣка, въ рѣчахъ въ честь мучениковъ и святыхъ проявившимъ свой ораторскій талантъ и свое классическое риторическое образованіе, и за это онъ подвергаетъ осужденію ихъ церковно-ораторскія произведенія высокаго достоинства. Онъ, впрочемъ, желалъ бы представить великихъ проповѣдниковъ IV вѣка единомысленными съ собою. При обсужденіи произведеній панигирическаго краснорѣчія от-

цовъ IV вѣка онъ, вопреки прямому смыслу текста, выставлѣть на видъ то, что чествованіе мучениковъ, воздаваемое ихъ памяти отцами проповѣдниками, въ той формѣ и томъ тонѣ, какими отмѣчено ихъ слово, происходило не изъ вѣры въ православный догматъ о почитаніи святыхъ, котораго будто они не исповѣдывали, а было просто риторическимъ увлеченіемъ. Въ своихъ похвальныхъ рѣчахъ они, въ подражаніе свѣтскимъ ораторамъ, пользовались тѣми риторическими украшеніями, какія узаконяла тогдашняя наука краснорѣчія,—восклицаніями, олицетвореніями, апострофами, преувеличеніями и другими фигурами, чтобы ярче выразить достоинства хвалимыхъ лицъ и возбудить удивленіе къ нимъ. Простота не понимала смысла и значенія подобнаго фигуральнаго образа выраженія, и изъ преувеличенныхъ восхваленій выводила заключенія, которыя стояли въ противорѣчіи съ истиною. Такъ, по словамъ Мосгейма, явилась вѣра (которую онъ считаетъ совершенно неосновательно заблужденіемъ), что мучениковъ можно и нужно призывать къ молитвахъ. Такое же происхожденіе и многихъ другихъ вѣрованій, которыя Мосгеймъ, какъ протестантъ, причисляетъ къ заблужденіямъ. Въ краснорѣчіи онъ видитъ начало и вину тѣхъ, хранимыхъ православною церковію, ученій, которыя отвергло лютеранство, какъ несогласныя съ Писаніемъ, и по этой причинѣ такой видный представитель лютеранства, какъ Мосгеймъ, не воздаетъ должнаго отеческому церковному краснорѣчію¹⁾.

До какой степени странны и оскорбительно несправедливы сужденія представителей протестантства о проповѣдникахъ древней вселенской Церкви, показываетъ отзывъ основателя протестантскаго общества Лютера о Златоустѣ, въ которомъ церковное краснорѣчіе достигло высшей степени своего развитія. Лютеръ,—пигмеей предъ Златоустомъ въ проповѣдническомъ дѣлѣ,—этого величайшаго и несравненнаго

¹⁾ Anweisung erbaulich zu predigen. Vorbereitung, § 6. S. 47—49.

христіанскаго проповѣдника называетъ болтуномъ (Schwätzer). Мосгеймъ считается съ этимъ отзывомъ Лютера. Онъ признаетъ достоинство Златоуста, какъ проповѣдника, но привелъ отзывъ Лютера о немъ, хотя ограничиваетъ его, но въ то же время старается найти нѣкоторое основаніе для него и тѣмъ нѣсколько оправдать его. „Златоустъ (по словамъ Мосгейма)—мужъ, который живо, пристойно и съ большимъ естественнымъ краснорѣчіемъ излагалъ свои вещи. Лютеръ называетъ его болтуномъ. Это сужденіе въ одномъ смыслѣ имѣетъ свою справедливость, а въ другомъ фальшиво. Если болтуномъ называется тотъ, кто говоритъ безъ искусства, безъ порядка, нестройно, безъ доказательства, то этого церковнаго учителя (Златоуста) никакъ нельзя назвать болтуномъ. Но если подъ болтуномъ разумѣть того, кто въ своихъ рѣчахъ употребляетъ больше словъ, чѣмъ сколько надобно для изясненія предмета, кто иногда многоглаголивѣе, чѣмъ слѣдуетъ, то въ этомъ смыслѣ Златоуста можно назвать болтуномъ; но тогда порицаніе не слишкомъ важно ¹⁾. Мосгеймъ и съ своей стороны прибавляетъ нѣчто къ умаленію славы св. Златоуста, какъ проповѣдника. Златоустъ особенно великъ и неподражаемъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ правоучитель. Его правоученіе—правоученіе чистое и основательное, тонкое и впечатлительное, живое, полное и широкое, обнимающее всѣ стороны жизни, въ которомъ можно найти мѣткіе отвѣты на всѣ вопросы, касающіеся порядка богоугодной жизни. Но Мосгеймъ не усмотрѣлъ въ проповѣдяхъ Златоуста того, чѣмъ особенно великъ и славенъ этотъ вселенскій учитель. Его правоученіе кажется протестантскому критику узкимъ и поверхностнымъ. Въ его проповѣдяхъ, по сужденію Мосгейма, много добраго, но его увѣщанія, въ большей части своей, касаются только вѣшнихъ нравовъ, а не направляются на внутреннее очищеніе души. На-

¹⁾ Anweisung erbaulich zu predigen. Vorbereitung. § 5, S. 46.

примѣръ, онъ сильно ратуетъ противъ моды антиохійскихъ женщинъ носить высокіе башмаки, и изъ-за этого отнимаетъ у нихъ надежду на спасеніе“. И вообще въ правоучительныхъ проповѣдяхъ его времени, по словамъ Мосгейма, больше обращали вниманія на внѣшнія вещи, и забывали внутреннее существо ¹⁾).

Если у Мосгейма не нашли справедливой и достойной оцѣнки представители IV классическаго вѣка церковнаго краснорѣчія, то тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ него добраго слова о проповѣди отцовъ V и VI вѣка. Когда онъ говоритъ о проповѣди этихъ вѣковъ, его сужденія поражаютъ своею рѣзкостію и пренебрежительнымъ тономъ. Не упомянуто имъ ни одно имя, которое бы могло заслуживать какого либо вниманія, хотя между дѣятелями церковнаго слова являлись въ пятомъ вѣкѣ такіе славные и сильные ученостію и талантомъ проповѣдники, какъ блаж. Феодоритъ и св. Кириллъ александрійскій. Не найдено имъ въ проповѣдническихъ произведеніяхъ того времени ни одной доброй стороны. Онъ только отмѣчаетъ быстрое паденіе церковнаго краснорѣчія съ ~~пя~~таго вѣка какъ между греками, такъ и между латинянами. Такое отрицательное отношеніе Мосгейма къ проповѣди пятаго и шестого вѣка вызвано было опять тѣмъ, что содержаніе ея не сочувственно было протестантству и содержитъ въ себѣ много такого, что служить прямымъ обличеніемъ лютеранства. Содержаніе проповѣди отцовъ V и VI вѣка, безупречное съ православной точки зрѣнія, онъ отмѣняетъ слишкомъ густыми темными красками, съ своей протестантской точки зрѣнія усматривая въ богопреданномъ ученіи церкви, ими излагаемомъ,—ложь и заблужденіе. „Съ ~~пя~~таго вѣка (говоритъ онъ) греки начали выносить на церковную кафедру свои споры, свои суевѣрія, свои ложныя и вы-

¹⁾ Anw. erb. zu predigen. Vorbereitung, § 6, S. 48—49.

мысленныя чудеса, свои сказки о силѣ святаго креста, о святыхъ, объ иконахъ и другихъ подобныхъ нелѣпостяхъ, и наконецъ дошли до того, что уже больше не проповѣдывали или только въ большіе праздники читали народу какую нибудь проповѣдь древняго учителя" ¹⁾). Человѣку, хоть немного знакомому съ греческою проповѣдію тѣхъ вѣковъ, о которыхъ говоритъ Мосгеймъ, и чуждому предвзятыхъ воззрѣній, совершенно очевидна грубая ошибочность такихъ сужденій. Но они встрѣчаются и у позднѣйшихъ протестантскихъ писателей и даже выражаются въ болѣе рѣзкой формѣ.

Такой же несправедливый отзывъ Мосгейма и о латинской проповѣди пятого и шестого вѣка. „Латиняне (по его словамъ) впали въ грубѣйшее невѣжество и съ пятого вѣка почти не проповѣдывали болѣе" ²⁾). Между тѣмъ латинская проповѣдь въ пятомъ вѣкѣ достигла высшаго развитія въ сравненіи съ предыдущимъ вѣкомъ, и больше имѣла видныхъ представителей, чѣмъ проповѣдь четвертаго вѣка. Тогда проповѣдывали и проповѣдію приобрѣли высокій авторитетъ св. Левъ Великій, Петръ, архіепископъ равеннскій, Максимъ туринскій, Иларій арелатскій, Фавстъ регійскій и другіе. Первые памятники латинскаго проповѣдничества, до насъ дошедшіе, не восходятъ ранѣе половины четвертаго вѣка, и латинская проповѣдь четвертаго вѣка, хотя имѣла такихъ дѣятелей, какъ св. Амвросій медіоланскій и блаж. Августинъ, носила явно подражательный характеръ. Съ пятого вѣка начался періодъ самостоятельной латинской проповѣди, и тогда выработался и утвердился особый оригинальный типъ латинской проповѣди, отличный отъ проповѣди греческой,—типъ краткаго практическаго поученія.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ исторіи проповѣди сужденія Мосгейма болѣе отвѣчаютъ дѣйствительности, и здѣсь яснѣе

¹⁾ Anweisung. erb. zu pred. Vorbereitung, § 7, S. 50.

²⁾ Ibidem.

высказываются его сочувствія ораторскому направленію проповѣди. Указывая улучшение проповѣди со времени возрожденія наукъ и явленія реформаціи, онъ между причинами, содѣйствовавшими этому улучшенію, ставитъ то обстоятельство, что тогда извѣстїе стали сочиненія Цицерона и Квинтиліана, и по правиламъ ихъ многіе проповѣдники старались устроить свои проповѣди ¹⁾. Когда сравниваетъ онъ Лютера и Меланхтона, какъ проповѣдниковъ, онъ предпочтеніе отдаетъ Меланхтону и его послѣдователямъ именно потому, что онъ законы риторики и свѣтскаго краснорѣчія примѣнялъ къ краснорѣчію духовному, и хвалитъ Меланхтона за то, что онъ училъ юношество, какъ нужно по правиламъ искусства располагать и построить публичныя рѣчи. Бесѣды Лютера онъ хвалитъ за содержаніе, но не за форму, и порицаетъ подражателей его въ проповѣдническомъ дѣлѣ за то, что они проповѣдывали безъ метода и порядка ²⁾.

Изъ проповѣдниковъ римско-католической церкви Мосгеймъ даетъ предпочтеніе французскимъ проповѣдникамъ, и ихъ преимущество предъ другими объясняетъ тѣмъ, что у французовъ, имѣющихъ отъ природы даръ краснорѣчія, болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, процвѣтаетъ греческое и римское краснорѣчіе, и они по правиламъ риторики обыкновенно излагаютъ свои проповѣди. Между ними самый славный и великій ораторъ Бурдалу, который умѣлъ превосходно излагать религіозныя истины, и котораго потому всѣ другіе позднѣйшіе проповѣдники ставили для себя образцомъ для подражанія ³⁾.

Самая система гомиластики, построенная Мосгеймомъ, не поражаетъ искусственностію и сложностію правилъ, и авторъ ея не претендуетъ на какую-либо оригинальность и особенное достоинство своего творенія. Приступая къ изложенію го-

¹⁾ Vorbereitung. § 8, S. 59.

²⁾ Vorbereitung, § 9, S. 61—68.

³⁾ Vorbereitung. § 13, S. 99—93.

милегическихъ правилъ, послѣ обозрѣнія исторіи проповѣдничества, онъ скромно сознается, что онъ не думаетъ „сказать ничего высокаго, но излагаетъ только такія вещи, которыя понятны всякому разумному челоуѣку. Чѣмъ искусственнѣе гомилетика, тѣмъ она хуже; и не можетъ быть никакого лучшаго искусства проповѣдывать кромѣ того, которое всего легче и естественнѣе ¹⁾).

Въ теоріи проповѣди у Мосгейма пѣтъ такихъ ошибокъ и неосновательныхъ сужденій, какими по мѣстамъ страдаетъ его очеркъ исторіи проповѣди. Его руководственныя гомилетическія указанія заслуживаютъ вниманія людей, призываемыхъ къ проповѣдническому служенію.

Все главное и существенное, служащее къ болѣе правильной постановкѣ проповѣдническаго дѣла, и поясняющее основные гомилетическіе законы, раскрыто имъ въ первой части его системы. Въ оглавленіи ея авторъ означилъ ея содержаніе, назвавъ ее частію „о всеобщихъ правилахъ духовнаго краснорѣчія, или о гомилетическомъ благоразуміи“. Слово „благоразуміе (Klugheit)“ Мосгеймъ отличаетъ отъ слова „мудрость (Weisheit)“ и придаетъ ему, въ отличіе отъ мудрости —знанія теоретическаго, практическое значеніе. Мудрость избираетъ средства, ведущія къ цѣли, а благоразуміе есть способность или умѣнье пользоваться средствами, ведущими къ цѣли, въ практической области. Это есть практическій тактъ, при которомъ проповѣдникъ правильно и надлежащимъ образомъ ведетъ дѣло, ему порученное.

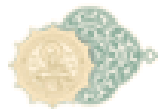
Три основные пункта ставитъ Мосгеймъ, на которыхъ построиваетъ и изъ которыхъ выводитъ всеобщія правила духовнаго краснорѣчія, обязательныя для проповѣдника: 1) цѣль проповѣди или ея задачу, 2) свойство слушателей и 3) родъ и характеръ произведеній, именуемыхъ рѣчами, особый видъ

¹⁾ Anweisung erbaulich zu predigen. S. 108.

которыхъ составляетъ церковная проповѣдь. Съ требованіями, вытекающими изъ этихъ основныхъ понятій, должно сообразоваться гомилетическое благоразуміе, въ видахъ усильнаго выполненія проповѣдническаго долга.

Наиболѣе вниманія Мосгеймъ посвящаетъ разъясненію перваго пункта—цѣли проповѣди, и изъ него выводитъ главныя гомилетическія правила. Въ его системѣ въ двѣнадцать параграфахъ излагаются правила, выводимыя изъ понятія о цѣли проповѣди. А разъясненіе втораго и третьяго пункта дается только въ трехъ параграфахъ, и правила, въ нихъ начертываемыя, служатъ только дополненіемъ къ тѣмъ основнымъ законамъ, которые выводятся изъ разъясненія перваго пункта.

Цѣль проповѣди—способствовать спасенію людей, на что указываетъ Апостолъ, говоря: *сія твоя, и самъ спасеніи и слушающіи тебе* (I Тим. IV, 16). Эта цѣль хорошо означается взятымъ изъ Писанія и принятымъ въ гомилетикѣ словомъ „назиданіе“, которое часто употреблялъ апостолъ Павелъ. Назидать, по словопроизводственному значенію, значитъ строить домъ на готовомъ, уже положенномъ, основаніи. Въ приложеніи къ проповѣди назидать значитъ вести христіанъ далѣе въ познаніи истины вѣры и исполненіи христіанскаго закона, утверждать ихъ въ вѣрѣ и благочестіи. Первое общее правило для проповѣдника не говорить на кафедрѣ ничего, что не служитъ къ назиданію, а говорить только то, что назидаетъ, то есть, что утверждаетъ и укрѣпляетъ вѣру слушателей, и что возбуждаетъ и усиливаетъ любовь къ Богу и ближнимъ. По этому правилу не должны быть допускаемы на церковной кафедрѣ, какъ не способствующіе назиданію,—греческіе, латинскіе или еврейскіе цитаты, различныя мнѣнія толковниковъ, утонченныя богословскіе и спорные вопросы, напримѣръ, о родословіи Іисуса Христа въ евангеліи Маттея и Луки, изреченія древнихъ языческихъ писателей. Всякій разъ, когда проповѣдникъ обдумываетъ свою проповѣдь, при

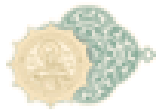

всякой мысли, ему представившейся, онъ долженъ задавать себѣ вопросъ: полезно ли это народу? Содѣйствуетъ ли это утвержденію его въ вѣрѣ и благочестіи?

Анализируя понятіе назиданія, Мосгеймъ указываетъ два вида назиданія. Назиданіе относится къ двумъ силамъ души, — разуму и волѣ, и благоразумный проповѣдникъ долженъ такъ устроить свою проповѣдь, чтобы она освѣщала разумъ, и вмѣстѣ возбуждала, трогала и направляла волю. Въ проповѣди долженъ быть дидактическій элементъ—ученіе для разума, и вмѣстѣ увѣщательный для воли. Не новое это требованіе. Его выставялъ еще Оригенъ, первый изъ христіанскихъ писателей давшій починъ къ усовершенствованію церковной проповѣди и подвергавшій обсужденію тѣ условія, какія долженъ выполнить служитель церковнаго слова, для успѣха въ своемъ служеніи. Не обладая самъ ораторскимъ талантомъ, и представляя въ своихъ бесѣдахъ большею частію сухія прозаическія изъясненія священнаго Писанія, онъ, однако, признавалъ совершенно такую проповѣдь, при составленіи которой приведены были въ дѣятельность всѣ силы души, и слово которой направлено сколько на умъ, столько же и на сердце, сколько на просвѣщеніе, столько же на улучшеніе и успокоеніе: въ одно время проповѣдь должна и освѣщать и согрѣвать. Сужденіе великаго христіанскаго ума, какимъ во всѣ вѣка считался Оригенъ, согласное съ основными началами гомилетической теоріи Мосгейма, не можетъ не придавать ей силы и значенія. Ученіе должно предшествовать увѣщанію, дидактическій элементъ нравственному. Кто хочетъ назидать своихъ слушателей, тотъ долженъ сначала назидать разумъ, а потомъ волю. Это потому, что наша воля направляется разумомъ и ни на что не рѣшается безъ побудительныхъ основаній, указываемыхъ разумомъ. Вѣра даетъ волѣ побудительныя основанія, которыми она ободряется и воспаляется. Дѣйствительнаго благочестія не можетъ быть въ душахъ, въ которыхъ нѣтъ убѣжденій въ религіозныхъ вѣстипахъ или вѣры.

По отношенію къ назиданію разума двѣ задачи у проповѣдника: во-первыхъ, онъ долженъ наставить слушателя,—сообщить ему болѣе полное и чистое понятіе о религіозной истинѣ, и во-вторыхъ, убѣдить его,—твердыми основаніями привести его къ сознанію того, что предлагаемое ему ученіе истинно и должно быть принято, какъ несомнѣнное. Наставленіе и убѣжденіе должны быть неразлучны въ проповѣди: недостаточно дать ясное понятіе о предметѣ, если хотять назидать разумъ, а нужно еще основательными доводами отогнать всякое сомнѣніе въ истинѣ; иначе не будетъ плода, какой долженъ достигаться чрезъ проповѣдь.

Итакъ первое требованіе отъ проповѣди, удовлетворяющей цѣли назиданія,—доброе, основательное содержаніе, дающее пищу уму и склоняющее его къ убѣжденію. Безъ выполненія этого требованія проповѣдь не будетъ отвѣчать своему назначенію и будетъ словомъ празднымъ, мѣдью звенящею, хотя бы она и имѣла нѣкоторые внѣшнія достоинства. Противъ этого требованія погрѣшаютъ тѣ, которые проповѣдуютъ только для памяти, т. е., повторяютъ только извѣстныя религіозныя истины, но не изъясняютъ ихъ и не приводятъ новыхъ основаній къ ихъ подтвержденію. Для слушателя въ проповѣди должно быть нѣчто новое, сообщающее больше свѣта въ темную область его сознанія. Погрѣшаютъ и тѣ, которые на каедрѣ хотять блистать остроуміемъ или забавлять слушателей чувственными образами и картинами, не заботясь о твердой разумной основѣ въ содержаніи проповѣди. Не заслуживаютъ у Мосгейма одобренія и тѣ проповѣдники, которые заботятся только о внѣшней художественности слова. То ораторство, котораго требуетъ Мосгеймъ отъ проповѣдника, и которое желаетъ водворить на церковной каедрѣ, отнюдь не состоитъ въ одной внѣшней красотѣ слова. Такихъ проповѣдниковъ Мосгеймъ называетъ проповѣдниками для слуха (Ohrenprediger), проповѣдниками чешущими слухъ (2 Тим. IV, 3). Проповѣдывать для слуха зна-

читать, по словам Мосгейма, направлять все вниманіе на то, чтобы излагать свои мысли красивыми словами, округлять періоды, въ избыткѣ пользоваться всяческими фигурами и оборотами рѣчи, производящими благозвучіе. Такіе проповѣдники могутъ снискивать себѣ большое одобреніе у слушателей; но цѣль проповѣди этимъ не достигается. Конечно, не запрещено проповѣдникамъ такъ украшать свои проповѣди, чтобы онѣ нравились слуху, не запрещено пользоваться правилами свѣтскаго краснорѣчія и художественно излагать свои мысли. Но при этомъ должно быть непременно достойное содержаніе. Красота изложенія желательна въ проповѣди, но она должна быть только вспомогательнымъ средствомъ для того, чтобы возбудить и поддержать вниманіе слушателей, и чтобы служащее къ назиданію охотнѣе воспринималось ими. Такъ должно стоять дѣло, и если такъ стоитъ оно, проповѣдника нельзя назвать, хотя бы онъ и художественно излагалъ свои мысли, проповѣдникомъ, чешущимъ слухъ.

Выходя изъ понятія назиданія для разума, Мосгеймъ опредѣляетъ матерію проповѣдей и форму ихъ, уясняетъ, о чемъ должно проповѣдывать, т. е., чѣмъ можно назидать разумъ, и какъ должно проповѣдывать.

Касательно содержанія проповѣдей Мосгеймъ ставитъ такое общее правило: мы должны излагать главнымъ образомъ такія истины, знаніе которыхъ нужно для нашего спасенія. Такъ какъ слушатели проповѣдей христіане, вѣрующіе въ Откровеніе, то главная матерія проповѣдей—истины о спасеніи, содержащіяся въ Откровеніи, освѣщающія нашъ разумъ и способствующія назиданію воли или спасенію людей! Но не все, заключающееся въ Писаніи, должно быть излагаемо съ кафедръ. Тамъ есть такія вещи или истины, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ спасенію людей, и которыя не служатъ къ уясненію главныхъ истинъ вѣры и нравственности и къ направленію воли на путь добродѣтели. Таково, напримѣръ, подробное описаніе ковчега Ноева, скинѣи

свидѣнія, ковчега завета, съ указаніемъ ихъ матеріала, устройства и измѣренія; таково подробное перечисленіе родословій патріарховъ. Знаніе подобныхъ вещей можетъ ли способствовать нашему спасенію? Разъясненіе такихъ предметовъ—дѣло катедры школьной, университетской, а не церковной.

При разъясненіи пункта о матеріи проповѣди, Мосгеймъ входитъ въ обсужденіе вопроса о томъ, умѣстно ли и нужно ли на церковной кафедрѣ излагать истины естественной религіи, или иначе, умѣстно ли и нужно ли проповѣднику говорить отъ разума и пользоваться доказательствами, почерпаемыми не изъ вѣры и Откровенія, а изъ естественныхъ разсудочныхъ соображеній. Церковно-проповѣдническая практика, особенно послѣднихъ временъ, повидимому, дѣластъ почти излишнимъ этотъ вопросъ. Въ вѣка, когда оскудѣваетъ вѣра, и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ много вольномыслящихъ, многіе проповѣдники, пользующіеся авторитетомъ, не только говорятъ отъ разума, но даже предпочитаютъ говорить отъ разума, а не отъ вѣры, и думаютъ, что проповѣди раціональнаго содержанія больше могутъ подѣйствовать на слушателей, чѣмъ проповѣди, все утверждающія на началахъ вѣры и Откровенія. Но это направленіе, при которомъ проповѣдники, пренебрегая простымъ ученіемъ вѣры, хотя бы на церковной кафедрѣ питать души слушателей мудрованіемъ человѣческимъ,—направленіе опасное. Оно можетъ проистекать и изъ добраго чувства, когда проповѣдникъ замѣчаетъ неуваженіе къ библейскимъ и церковнымъ доказательствамъ въ окружающемъ его обществѣ; но приспособленіе къ слушателямъ и ихъ настроенію должно быть крайне осторожное, и не должно выходить изъ границъ, предписываемыхъ благоговѣніемъ къ Откровенію и вѣрѣ, на немъ основываемой. Иначе, незамѣтно для самаго проповѣдника, имъ овладѣваетъ духъ, чуждый Церкви. Онъ будетъ говорить, не какъ служитель Божій и человѣкъ вѣры, а какъ служитель разума: въ его ученіе могутъ вторгнуться мнѣнія, уклоняющіяся отъ строгихъ и чистыхъ началъ вѣры, и онъ навывкнетъ подчи-

нять законамъ ума все, содержащееся въ откровенномъ ученіи Церкви. Проповѣдники, слишкомъ много мѣста дающіе въ проповѣдяхъ разсудочному элементу, по словамъ Амфитеатрова, сравниваются съ корчемниками, которые ради сквернаго прибытка мѣшаютъ вино съ водою ¹⁾.—Мосгеймъ соблюдаетъ надлежащую осторожность при рѣшеніи вопроса о допущеніи на церковную кафедру разсудочнаго элемента. Онъ не изгоняетъ совершенно съ церковной кафедры истинъ естественной религіи и доводовъ разума, но ограничиваетъ ихъ употребленіе здѣсь. Они могутъ быть допускаемы на церковную кафедру, но только тогда, когда это вызывается и оправдывается особыми обстоятельствами. По сужденію Мосгейма, доказательства отъ разума на церковной кафедрѣ и въ глазахъ вѣрующихъ не могутъ имѣть равнаго достоинства съ доказательствами церковно-библейскими, и истинно-вѣрующіе въ нихъ не нуждаются. Но обстоятельства мѣста, времени и слушателей могутъ оправдывать явленіе на церковной кафедрѣ проповѣдей философскаго характера, и даже иногда дѣлаютъ ихъ необходимыми. Если между нашими слушателями есть люди скептическаго настроенія, которые, довѣряя своему, ложно направленному, разуму, сомнѣваются въ истинности христіанскаго ученія и готовы выступать противъ него съ своими возраженіями, тогда нужно на церковной кафедрѣ пользоваться оружіемъ разума, чтобы такихъ людей научить лучшему и привести къ сознанію истины; иначе изложеніе христіанскаго ученія не принесетъ имъ пользы. Вольнодумство проявляется и господствуетъ въ высшихъ сословіяхъ, кичащихся своимъ, часто поверхностнымъ, образованіемъ, не имѣющимъ корня въ христіанствѣ и вѣрѣ церковной. Кому приходится пропо-

¹⁾ Читенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, 7, 11, стр. 91—2. Игнатія Богоносца посл. къ Тралланамъ, Θεοδορίτα и Θεοφιλάκτα на 2 Кор. 11, 17, гдѣ говорится о многихъ, не чисто проповѣдающихъ слово Божіе.

вѣдывать предъ такими людьми, зараженными вольнодумствомъ, тогъ не погрѣшнѣть, а исполнить свой долгъ, когда изъ разума будетъ черпать доказательства для защиты христіанскаго ученія и для разсѣянія сомнѣній и возраженій людей маловѣрующихъ. А гдѣ слушатели все преданы вѣрѣ, тамъ благоуміе должно предписывать проповѣднику оставаться при простомъ ученіи христіанства, и для назиданія слушателей излагать спасительныя истины, данныя и содержащіяся въ Откровеніи, не прибѣгая къ ухищреніямъ разума.

Послѣ уясненія вопроса о содержаніи проповѣдей, Мосгеймъ переходитъ къ изложенію правилъ касательно формы проповѣдей, исходя изъ той же исходной точки,—главной цѣли проповѣди, именно назиданія слушателей. Онъ отличаетъ форму вѣшнюю,—стиль или слогу проповѣдей, и форму внутреннюю,—образъ представленія или изъясненія вещей.

Касательно стиля или слога проповѣдей, Мосгеймъ представляетъ четыре главныхъ положенія, которыми опредѣляются существенныя свойства проповѣдническаго изложенія. Первое свойство проповѣдническаго изложенія—ясность. Ясность главнымъ свойствомъ проповѣдническаго изложенія представляетъ и блаж. Августинъ въ *Христіанской наукѣ* ¹⁾. На это свойство, какъ первый и обязательный законъ для человѣка, говорящаго рѣчь предъ собраніемъ народа, указываетъ и Квинтиліанъ въ своихъ *Ораторскихъ наставленіяхъ* ²⁾. Ясная рѣчь, по Мосгейму,—такая рѣчь, которая легко можетъ быть понята каждымъ слушателемъ. Проповѣдникъ, говоря съ церковной кафедры народу, имѣетъ цѣлю назиданіе разума;—неясная рѣчь была бы въ такомъ случаѣ противорѣчіемъ цѣли проповѣди. Чтобы соблюсти требованіе ясности, проповѣдникъ долженъ употреб-

¹⁾ Христ. наука, кн. IV, гл. 22.

²⁾ Institutiones orator. VIII, с. 2

лять слова всѣмъ извѣстныя и избѣгать школьнаго и ученаго языка, въ которомъ много техническихъ словъ, значеніе которыхъ неизвѣстно народу, много выраженій и оборотовъ, могущихъ затруднять для простаго человѣка пониманіе излагаемаго дѣла. Такъ какъ проповѣдникъ излагаетъ ученіе о высокихъ и важныхъ предметахъ, то второе свойство проповѣдническаго стиля—священное приличіе, соотвѣтствующее высотѣ и важности предметовъ наставленія. Въ силу этого приличія въ проповѣднической рѣчи не должны быть допускаемы низкія слова и обороты. Языкъ тоже, что одежда. Лице высокопоставленное унижить себя и заслужить осужденіе у народа, если явится въ худой и грязной одеждѣ. И божественныя истины, если будутъ излагаемы грубымъ языкомъ, для умныхъ могутъ показаться смѣшными, а для простыхъ не внушающими уваженія. Далѣе, такъ какъ мы своими проповѣдями хотимъ возбуждать слушателей и, выступая на кафедру, являемся ораторами, то третье свойство проповѣдническаго изложенія—живость и нѣкоторая художественность. Сухое и вялое изложеніе не годится для церковной кафедры; при такомъ изложеніи заснуть могутъ слушатели, и истина тронетъ только немногихъ слушателей, когда она будетъ предложена въ голый видъ, чуждомъ всякихъ украшеній. Проповѣдникъ долженъ украшать свое изложеніе, чтобы возбудить болѣе вниманія къ своей рѣчи, и чтобы слушатели съ большимъ удовольствіемъ принимали истину. Сводя свои замѣчанія о проповѣдническомъ языкѣ, Мосгеймъ дѣлаетъ такое общее заключеніе по этому предмету: проповѣдникъ долженъ говорить такимъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорятъ и пишутъ образованные люди. Только языкъ краснорѣчія долженъ быть энергичнѣе и возбужденнѣе, чѣмъ языкъ, какой мы употребляемъ въ обыкновенномъ разговорѣ, и такъ какъ проповѣдь есть рѣчь (ораторская), то языкъ церковной кафедры требуетъ болѣе украшеній, чѣмъ языкъ обыкновенной прозы, или языкъ умныхъ и образованныхъ людей въ ихъ простой бесѣдѣ. Какъ

это соблюсти на практикѣ,—трудно опредѣлить правилами. Здѣсь дѣло должно быть предоставлено естественному расположенію и таланту каждаго.

Внутренняя форма проповѣди слагается изъ двоякаго рода изясненія истинъ, предлагаемыхъ слушателямъ: 1) внутренняго (Erklärung) и 2) внѣшняго (Erläuterung). При изясненіи истины нужно наблюдать разумный порядокъ въ изложеніи, то есть, представлять истину такъ, чтобы она естественнымъ образомъ вѣдрялась въ душѣ и безъ большого затрудненія удерживалась въ ней. Кто хочетъ наставлять другихъ, тотъ не долженъ болтать, какъ ему вздумается. При безпорядочномъ и безсвязномъ изложеніи трудно усвоить то, что хочетъ передать проповѣдникъ; въ умѣ слушателей тогда пробуждаются неясныя понятія, а изъ памяти улетучивается суть дѣла. Но порядокъ проповѣдническаго изложенія долженъ отличаться отъ порядка школьнаго изложенія. Предъ церковною каедрою стоятъ не школьники, систематически изучающіе науку, при наставленіи которыхъ учитель пользуется различными искусственными методами, а люди простого здраваго смысла. Этого не нужно забывать, и потому не слѣдуетъ переносить изъ школы на церковную каедрю школьныя методы и школьныя начала дѣленія,—напримѣръ, разсматривать вещи по методу четырехъ причинъ,—дѣйствующей, орудальной, матеріальной и конечной. вмѣстѣ съ тѣмъ и самое изложеніе при изясненіи истины въ проповѣди, должно быть болѣе свободно и болѣе пространно, чѣмъ то, какимъ пользуются въ учебникахъ или философскихъ книгахъ, и это потому, во-первыхъ, что проповѣдникъ хочетъ не только учить, но и трогать; а сухое изложеніе кладетъ истину только на поверхность сердца, и не способенъ тронуть душу, и потому, во-вторыхъ, что слушатели проповѣдника въ большинствѣ не владѣютъ такъ разсудкомъ, какъ изучающіе науки въ школѣ, и для нихъ краткое изложеніе, требующее большого размышленія, представляетъ болѣе затрудненія для пониманія вещи, и

можетъ сопровождаться въ ихъ сознаніи темнотою и неясностію представленія вещи, имъ предлагаемой.

Отъ изъясненія—*Erklärung* Мосгеймъ отличаетъ другой родъ изъясненія—*Erläuterung*. Различіе этихъ двухъ видовъ изъясненія состоитъ въ томъ, что первый видъ изъясненія имѣетъ непосредственное отношеніе къ разсудку: въ немъ мысли, служація къ изъясненію истины, почерпаются изъ самой истины, извнутри ея; оно раскрываетъ то, что содержится въ самой истинѣ, и въ болѣе подробномъ видѣ представляетъ разсудку. Здѣсь дается то, что можно назвать оказательствомъ или доказательствомъ истины. Другой видъ разъясненія беретъ поясняющіе элементы совнѣ и имѣетъ цѣлію сдѣлать истину болѣе наглядною и понятною для нашихъ чувствъ и воображенія. Такими поясняющими элементами, заимствуемыми отовнѣ, служатъ сравненія, примѣры и свидѣтельства.

Необходимость такихъ разъясненій въ проповѣдяхъ, въ особенности чрезъ сравненія, Мосгеймъ доказываетъ ссылкой на священное Писаніе какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, гдѣ такіа разъясненія духовныхъ предметовъ очень часто встрѣчаются, и тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство людей, имѣя слабый, мало развитый разсудокъ, не способны понимать и усвоить отвлеченныя истины, если не будетъ призвано на помощь воображеніе, и если воображенію не будетъ наглядно представлена истина. Сравненіе въ этомъ случаѣ является главнымъ поясняющимъ средствомъ, и о немъ главнымъ образомъ говоритъ Мосгеймъ, когда даетъ правила касательно поясненія истины внѣшними элементами.

Говоря о сравненіяхъ и ихъ значеніи для уясненія истины предъ людьми, живущими больше чувствами и воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ, Мосгеймъ подвергаетъ строгому осужденію злоупотребленіе этимъ средствомъ, какое дозволяли себѣ многіе схоластическіе проповѣдники. Злоупотребленіе состояло въ томъ, что проповѣдники вмѣсто того, чтобы сравненіями объяснять то или другое положеніе, цѣлю про-

повѣды превращали въ сравненіе. Были въ модѣ когда-то схематическія и аллегорическія проповѣди: брали какой-нибудь предметъ изъ природы и человѣческой жизни, и, указывая его свойства, прилагали ихъ къ какому-либо духовному предмету, и проводили длинную фигурную аналогію между тѣмъ и другимъ. Такъ Іоаннъ Креститель изображается то подъ образомъ утренней звѣзды или соловья, Божія мать подъ образомъ зеркала, Спаситель подъ образомъ кокоши и т. под. Не въ средніе только вѣка, но и въ новыя у протестантовъ находились защитники такой методы построенія проповѣдей. Но Мосгеймъ, вслѣдъ за Іоакимомъ Ланге, послѣдователемъ Шпенера, считаетъ это нелѣпою манерою.

Касательно употребленія сравненій Мосгеймъ ставитъ слѣдующія правила: 1) сравненія нужно брать отъ вещей, извѣстныхъ слушателямъ: такъ дѣлалъ Господь, такъ дѣлали и апостолы. 2) Сравненія нужно брать отъ предметовъ достойныхъ. Если для сравненія берется предметъ низкій, изъ разряда вещей, пренебрегаемыхъ народамъ, то чрезъ это унижается истина, объясняемая сравненіемъ, и можетъ возбуждаться неуважительное представленіе о ней; такъ какъ слушатели достоинство объясняемаго предмета могутъ измѣрять достоинствомъ непригляднаго образа. 3) Но недостаточно избрать хорошее сравненіе, близкое къ предмету и приличное; нужно еще заботиться о томъ, какъ бы избранное сравненіе не навело слушателей на какія-либо непристойныя или по крайней мѣрѣ чуждыя мысли, чрезъ что ихъ вниманіе удаляется отъ цѣли, преслѣдуемой проповѣдникомъ. 4) Что касается истинъ, составляющихъ тайны вѣры, то ихъ не слѣдуетъ объяснять сравненіями. Эти тайны не могутъ быть выражены внѣшними образами: какой образъ земной вы ни возьмете, онъ будетъ слишкомъ далекъ отъ таинственнаго предмета, и сходство будетъ слишкомъ слабо. А между тѣмъ эти образы могутъ возбуждать въ слушателяхъ грубыя и недостойныя представленія о предметѣ, вредящія истинѣ.

Другой видъ назиданія разума—убѣжденіе у Мосгейма не разсматривается съ такою подробностію, какъ первый, состоящій въ наставленіи или разъясненіи истины. Для убѣжденія и истинѣ нужно представить неотразимыя доказательства, которыя бы заставили слушателя признать, что излагаемое ученіе несомнѣнно, и что оно должно быть принято умомъ, какъ составляющее непреложную истину. Гдѣ же проповѣднику почерпнуть эти неотразимыя доказательства для убѣжденія слушателей въ истинности предлагаемаго имъ ученія? Конечно, первѣе всего и главнымъ образомъ эти доказательства должны и могутъ быть заимствуемы изъ священнаго Писанія; такъ какъ проповѣдникъ разъясняетъ по преимуществу откровенныя истины, касающіяся нашего спасенія, и доказательства отъ Писанія наиболѣе отвѣчаютъ цѣли и наиболѣе убѣдительно для слушателей, живущихъ вѣрою больше, чѣмъ разумомъ. Но ихъ не нужно громоздить слишкомъ много; довольно привести два или три изреченія Писанія, доказывающія наше положеніе. Далѣе, для доказательства нужно выбирать изъ Писанія мѣста наиболѣе ясныя и важныя. И если что въ мѣстахъ Писанія уклоняется отъ нашего образа рѣчи и представляется неяснымъ, то нужно изъяснить, не пускаясь въ многословіе. Но не могутъ быть совершенно запрещены проповѣднику для убѣжденія слушателей, какъ и при изъясненіи истины, доказательства и отъ разума, что умѣстно тогда, когда предметомъ его слова служатъ истины, относящіяся не къ тайнамъ вѣры а къ естественной религіи. И въ этомъ случаѣ онъ долженъ избирать такія разумныя доказательства, которыя были бы доступны и понятны и неученымъ людямъ. Кромѣ того, эти доказательства онъ долженъ излагать не философски, а ораторски, какъ требуетъ свойство публичной рѣчи: школьный спарядъ здѣсь неумѣстенъ и вредитъ достиженію той цѣли, какую имѣетъ въ виду и преслѣдуетъ проповѣдникъ.

Другая главная задача проповѣдника, также обязательная для него, какъ и назиданіе разума,—назиданіе воли. Для

достиженія этой цѣли, стоящей на виду у проповѣдника, требуется и сила и искусство, которыя означаются общимъ именемъ *праснорѣчїи*. Если для назиданія разума, то есть, для разъясненія истины и убѣжденія въ ней, можетъ быть пригодна рѣчь, относительно болѣе простая и спокойная, то для дѣла назиданія воли такая рѣчь оказывается недостаточною; она не произведетъ на слушателей желаемого дѣйствія.

Назиданіе воли состоитъ или въ возбужденіи въ ней добрыхъ намѣреній и рѣшеній или въ укрѣпленіи и утвержденіи въ ней добрыхъ намѣреній, уже существующихъ. Первое дѣйствіе называется у Мосгейма обращеніемъ, а второе освященіемъ, которое выражается въ рѣшеніи болѣе и болѣе преуспѣвать въ любви къ Богу и повиновеніи Ему. Между этими двумя главными рѣшеніями,—рѣшеніемъ обратиться на путь благочестія и рѣшеніемъ болѣе и болѣе преуспѣвать на немъ, заключается много частныхъ движеній воли, имѣющихъ основаніе въ вѣрѣ и любви и имѣющихъ связь съ указанными главными рѣшеніями.

Какія средства у проповѣдника для дѣйствія на волю?

Первое средство, указываемое Мосгеймомъ вмѣстѣ съ древними риториками,—возбужденіе желаній и страстей, понимаемыхъ въ благородномъ смыслѣ этого слова (аффектовъ). Въ волѣ не можетъ произойти никакого рѣшенія, если слушатель не будетъ приведенъ въ движеніе. А воля приводится въ движеніе желаніями и стремленіями (аффектами), въ ней живущими. Значитъ, проповѣднику нужно дѣйствовать на возбужденіе этихъ желаній и страстей. Главное наше желаніе—желаніе быть счастливымъ: стремленіе къ счастью непосредственнымъ образомъ соединено съ природою человѣка. Потому ораторъ, желающій назидать волю, долженъ стараться показывать, что рѣшеніе, имъ вызываемое, или удаляетъ отъ насъ несчастіе, или способствуетъ нашему счастью. Такимъ образомъ возбуждаются въ насъ чувства (аффекты) любви и не-

навести, радости и печали... Но чтобы возбужденное движение воли было твердо, воля должна быть приводима въ движение разумнымъ образомъ, то есть, разумными представленіями. Чѣмъ живѣе и яснѣ эти представленія, тѣмъ тверже рѣшеніе воли, отъ нихъ проистекающее. Требуя разумнаго возбужденія воли, Мосгеймъ прогивополагаетъ ему слѣпое возбужденіе, и это послѣднее подвергаетъ осужденію. Слѣпое возбужденіе воли бываетъ тогда, когда ораторъ дѣйствуетъ только на чувство и воображеніе. На чувства и воображеніе можно дѣйствовать живымъ красивымъ стилемъ, голосомъ и произношеніемъ, трогательнымъ тономъ и жестикуляціею. Все это правится людямъ; все это можетъ возбуждать нѣкоторый жаръ въ душѣ слушателя. Но для цѣли проповѣдника этого недостаточно. Огонь, воспламеняемый внѣшними средствами краснорѣчія, скоро потухаетъ, и разгоряченное отъ нихъ сердце быстро охладѣваетъ. А гдѣ даны разумныя основанія, тамъ вызванное ими рѣшеніе глубже задегаетъ въ душѣ и пускаетъ въ ней корни, не дающіе ему заглухнуть и улетучиться.

Раскрывая далѣе ученіе о назиданіи воли и о средствахъ возбужденія страстей, Мосгеймъ предлагаетъ слѣдующія правила: 1) проповѣдникъ, желающій дѣйствовать на волю, долженъ собрать всѣ силы своего духа, и долженъ представлять тѣ истины, посредствомъ которыхъ онъ хочетъ произвести въ волѣ доброе рѣшеніе, такъ живо, какъ это только возможно для него. Назиданіе воли много зависитъ отъ искусства изложенія. Если изложеніе мертво и холодно, и если сухо и вяло передаются соображенія разсудка, то можетъ ли такая рѣчь воспламенить души слушателей? 2) Проповѣдникъ долженъ проникнуться тѣми истинами, которыми хочетъ возбудить другихъ: кто самъ не возбужденъ, тотъ не можетъ возбудить и тронуть слушателей. Но какъ скоро проповѣдникъ тронутъ и проникнутъ извѣстнымъ дѣломъ, онъ будетъ говорить языкомъ сердца; онъ будетъ говорить живѣе и энергичнѣе, и удивительнымъ образомъ будетъ возбуждать и увлекать своихъ слушателей. Это правило всѣхъ древнихъ

риторовъ. 3) Проповѣдникъ обязанъ стараться тѣ предметы, которые должны трогать и возбуждать слушателей, картинно изображать и, живо описывая ихъ, какъ бы ставить ихъ прямо предъ глазами слушателей. Это великое искусство какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго краснорѣчія изображать вещи или состоянія такъ, чтобы слушатели видѣли ихъ какъ бы предъ своими глазами. Можно способствовать этому искусству правилами; но оно предполагаетъ природный талантъ оратора, для него нужно сильное и огненное воображеніе. Не всѣ владѣютъ такимъ талантомъ; пусть каждый въ этомъ дѣлѣ сообразуется съ своими собственными силами. Кто, не имѣя ораторскаго таланта, будетъ напрягаться и усиливаться говорить такъ, какъ могутъ говорить люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, тотъ можетъ быть только смѣшнымъ; смѣшнымъ можетъ представиться и то дѣло, которое онъ хочетъ живописно изобразить. Кто отъ природы не получилъ ораторскаго таланта, а между тѣмъ долженъ выступать на служеніе церковнаго слова, тотъ пусть прилежно изучаетъ извѣстныхъ ораторовъ и ихъ примѣромъ старается научиться тому, чего нельзя пріобрѣсти изъ правилъ. Лучшихъ примѣровъ живаго изложенія мы нигдѣ не найдемъ, какъ въ библіи. Не имѣющій ораторскаго таланта пусть дѣлаетъ, что можетъ, а прочее предоставляетъ благодати Божіей; пусть избираетъ живыя сильныя изреченія священнаго Писанія и, произнося ихъ съ выраженіемъ, замѣняетъ ими недостатокъ своей собственной живости и энергіи.

Переходя къ указанію тѣхъ представленій, какими проповѣдникъ можетъ дѣйствовать на волю слушателей и побуждать ее или къ избѣжанію грѣха и отвращенію отъ грѣховной жизни, или къ утвержденію въ добродѣтели, Мосгеймъ ставитъ двоякаго рода побужденія, могущія склонять волю къ извѣстнымъ добрымъ рѣшеніямъ,—истины вѣры и жизни или теоретическое ученіе, и историческіе примѣры, въ которыхъ мы можемъ видѣть осуществленіе высокаго ученія христіанскаго. Истины, которыми мы можемъ дѣйствовать на волю,

могутъ быть почерпаемы и изъ закона и изъ Евангелія. Въ первомъ случаѣ мы можемъ указывать на Законодателя, на заповѣди закона и на награды и наказанія, которыми сопровождается исполненіе или нарушеніе закона; изъ Евангелія для дѣйствія на волю можно почерпнуть представленія о благодати и искупительномъ дѣлѣ Господа Иисуса Христа и о неизреченной любви Божіей къ намъ. Но то и другое, законъ и Евангеліе, дѣло и благодать, не должны быть разрываемы, а представляемы въ совершенной нераздѣльности: иначе будетъ односторонность, которая можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями.

Примѣры Мосгеймъ ставитъ какъ побудительныя причины, служащія для назиданія воли, наравнѣ съ истинами вѣры и жизни; потому что примѣры имѣютъ великую силу надъ душами человѣческими и увлекаютъ ихъ къ подражанію. Потому во всѣ вѣка пользовались примѣрами, когда предлагали практическія наставленія, и катедра церковная никогда не чуждалась ихъ. Примѣры мы можемъ черпать и изъ священнаго Писанія и изъ свѣтской исторіи. Въ средніе вѣка любили безъ разбора приводить примѣры какъ библейски-церковныя, такъ и свѣтскіе, и для облегченія проповѣдниковъ издавались особые сборники историческихъ примѣровъ, изъ которыхъ проповѣдники безъ особеннаго труда брали годные для нихъ историческіе рассказы. Мосгеймъ неодобрительно относится къ обычаю приводить примѣры на церковной кафедрѣ изъ свѣтской исторіи, и не рекомендуетъ проповѣдникамъ пользоваться матеріаломъ этого рода. Для многихъ примѣры, заимствуемые изъ свѣтской исторіи, не кажутся важными и назидательными, и въ глазахъ многихъ они не имѣютъ никакой силы. Кромѣ того, они требуютъ болѣе обширнаго и подробнаго разсказа; такъ какъ большинству они не извѣстны, и имена, съ которыми они связываются, болѣею частію не вызываютъ въ слушателяхъ, по ихъ неизвѣстности, никакихъ воспоминаній. Самые лучшіе примѣры для церковной кафедры тѣ, которые берутся изъ свя-

щеннаго Писанія: слушателямъ они извѣстны, и слушатели увѣрены въ ихъ истинности. Потому проповѣдникъ изъ священнаго Писанія долженъ брать примѣры по преимуществу. Можетъ онъ приводить хорошіе примѣры и не библейскіе; но такими примѣрами онъ долженъ пользоваться бережно и осмотрительно. Примѣры во всякомъ случаѣ должны быть истинны. Если слушатель заподозритъ дѣйствительность разсказаемаго событія, — примѣръ терлетъ свою силу. Примѣры слушателямъ должны быть извѣстны, и они не должны сомнѣваться въ справедливости ихъ или въ дѣйствительности приводимаго въ разсказѣ. Этимъ свойствомъ обладаютъ библейскіе примѣры, и потому они болѣе пригодны для церковной каеедры, чѣмъ другіе примѣры, не имѣющіе этого свойства. Примѣры далѣе должны быть взяты отъ такихъ лицъ, которыя достойны подражанія. Чѣмъ важнѣе лицо, тѣмъ болѣе впечатлѣнія можетъ произвести его примѣръ. Примѣры не должны приводиться сухо и голословно, но должны быть излагаемы со всѣми обстоятельствами и въ надлежащемъ порядкѣ. Напримѣръ, если нужно побудить кого нибудь къ терпѣнію въ страданіи, то недостаточно сказать: такъ дѣлалъ апостоль Павелъ въ узахъ; онъ утѣшался въ страданіяхъ; но должно обстоятельно изобразить его страданія, и то, какъ онъ относился къ этимъ страданіямъ, что чувствовалъ и чѣмъ подкрѣплялъ себя въ страданіяхъ и т. под. И все это нужно изобразить живо и представить какъ бы на картинѣ.

Такова сущность основныхъ гомилетическихъ законовъ, выводимыхъ Мосгеймомъ изъ понятія о цѣли проповѣди. Къ нимъ Мосгеймъ присоединяетъ нѣсколько руководящихъ правилъ, выводимыхъ изъ другихъ источниковъ. Но эти источники не имѣютъ равнаго значенія съ первымъ главнымъ источникомъ, и правила, изъ нихъ извлекаемыя, не такъ существенны, какъ правила, изложенныя нами выше, и потому Мосгеймъ не входитъ при изложеніи ихъ въ такія разслѣдованія и въ

такой подробный анализ, какъ дѣлалъ онъ, при начертаніи законовъ на основаніи понятія о цѣли проповѣди.

Вторымъ источникомъ правилъ, упорядочивающихъ дѣятельность проповѣдника, Мосгеймъ ставитъ слушателей. Конечно, представленіе слушателей источникомъ правилъ—представленіе не точное. Но интересъ дѣла здѣсь не въ названіи. Смыслъ выраженія тотъ, что гомилетическое благоразуміе, при выполненіи проповѣдническаго долга, должно сообразоваться съ свойствомъ слушателей и должно удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія предъявляютъ проповѣднику слушатели своимъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ. Нашъ авторъ разсматриваетъ слушателей, во-первыхъ, какъ людей, во-вторыхъ, какъ христіанъ. Въ первомъ отношеніи выставляются на видъ естественныя слабости людей или большинства ихъ, съ которыми необходимо считаться проповѣднику. Люди въ большинствѣ 1) не сильны въ разсудочномъ отношеніи и управляются больше чувствами и воображеніемъ, чѣмъ разумомъ, 2) разсѣянны и невнимательны, 3) обладаютъ слабою памятію и мало могутъ удерживать изъ предлагаемаго имъ ученія и 4) сонливы и лѣнивы и не имѣютъ особеннаго желанія учиться и усовершенсаться въ жизни. Не можемъ сказать, чтобы эта суровая и не лестная характеристика людскихъ слабостей имѣла широкое приложеніе. Люди, являющіеся слушателями предъ церковною каедрою, лучше, чѣмъ какъ ихъ представляетъ и изображаетъ Мосгеймъ. Но средства, вызываемыя вниманіемъ къ состоянію и настроенію слушателей и рекомендуемыя Мосгеймомъ, могутъ имѣть практическое значеніе. Съ нѣкоторою подробностію онъ указываетъ средства къ возбужденію вниманія слушателей къ проповѣднику и его учительному слову. Свѣтскіе ораторы, а за ними и нѣкоторые изъ проповѣдниковъ, для возбужденія вниманія слушателей, иногда пользовались приѣмами, которые не могутъ быть приняты и оправданы съ церковной точки зрѣнія,—разсказывали какіе нибудь забав-

20.

ные и смѣшныя анекдоты, пожалуй вовсе не идущіе къ дѣлу, т. е., не имѣющіе никакого отношенія къ темѣ, выдумывали занимательныя басни, дозволяли себѣ курьезныя выходки и своими остроумными, а иной разъ и просто глупыми, эпизодами старались доставить удовольствіе слушателямъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Мосгеймъ, что всѣ подобныя средства къ возбужденію вниманія слушателей не сообразны съ достоинствомъ Евангелія и не приличны проповѣднику. Чтобы слушатели со вниманіемъ и усердіемъ слушали проповѣдника для этого, по сужденію Мосгейма, нужны не внѣшніе искусственныя приемы, а нужно, чтобы проповѣдникъ своею личностію внушалъ уваженіе къ себѣ своимъ слушателямъ и снискалъ у нихъ авторитетъ, подобающій церковному учителю. Для снисканія авторитета у слушателей, проповѣдникъ долженъ стараться избѣгать въ своемъ поведеніи всего, что можетъ вредить его чести и достоинству, и что можетъ ослаблять любовь и довѣріе къ нему. Являясь на кафедрѣ, долженъ заботиться съ достоинствомъ держать себя здѣсь и избѣгать всякихъ неприличныхъ тѣлодвиженій, непріятно бросающихся въ глаза слушателямъ, и тѣхъ недостатковъ въ произношеніи, которые могутъ оскорбить ихъ слухъ.

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, касающихся личности проповѣдника и поддержанія его авторитета, Мосгеймъ указываетъ и другое средство къ возбужденію вниманія слушателей, состоящее въ способѣ изложенія. Проповѣдникъ долженъ постоянно напоминать себѣ, что онъ имѣетъ дѣло съ своими слушателями, и ни на минуту не долженъ выпускать ихъ изъ вниманія. Онъ долженъ всецѣло направлять свою рѣчь къ слушателямъ. Если иные говорятъ какъ бы сами съ собою, или какъ будто читаютъ что-либо изъ книги, или обращаются къ цѣлому міру, то печего удивляться, если слушатели засыпаютъ. А если говорятъ, прямо обращаясь къ нимъ, то какъ бы приковываютъ ихъ вниманіе, такъ что они не могутъ своими мыслями удалиться отъ проповѣдника и отъ того пред-

мета, который опъ имъ разъясняетъ. Это не значить, чтобы постоянно, при каждомъ періодѣ, дѣлать обращеніе къ слушателямъ. Но пусть помнитъ проповѣдникъ, что онъ имѣетъ предъ собою людей, которые по природѣ мало внимательны, и потому то возбуждаетъ ихъ, то выводитъ изъ разсѣяніа, обращеніемъ къ нимъ направляя ихъ мысль къ дѣлу. Обращеніе, въ особенности, пужно тогда, когда проповѣдникъ замѣчаетъ, что вниманіе слушателей ослабляется, и еще тогда, когда проповѣдникъ имѣетъ излагать пѣчто важное, требующее особеннаго размышленія.

Не безъ значенія здѣсь самый родъ рѣчи или стиль. Не разъ Мосгеймъ въ своей гомилетикѣ касается этого предмета внушая проповѣдникамъ вниманіе къ этому дѣлу и побуждая ихъ учиться говорить, какъ подобаетъ оратору. Сухое изложеніе утомляетъ слухъ, а изложеніе живое и энергическое возбуждаетъ душу слушателя. Проповѣднику не нужно забывать этого. Изложеніе проповѣдническое не должно быть чуждо всякихъ украшеній. Различаютъ слогъ простой и слогъ ораторскій. Говорить съ церковной кафедрѣ такъ, какъ говорятъ въ обыкновенномъ быту или пишутъ научныя изслѣдованія, значить не пользоваться тѣмъ средствомъ, которое должно быть къ услугамъ оратора, когда онъ хочетъ подѣйствовать на другихъ. Потому люди, призванные быть проповѣдниками, съ усердіемъ пусть читаютъ и изучаютъ сочиненія тѣхъ людей, которые излагали свои мысли съ душею, энергіею и огнемъ, и пусть по мѣрѣ возможности стараются подражать имъ.

Еще правило для проповѣдника, если онъ хочетъ, чтобы его со вниманіемъ слушали: онъ долженъ и извѣстныя вещи излагать такъ, чтобы онѣ слушателю казались новыми. Это величайшее искусство въ краснорѣчїи такъ представлять извѣстное дѣло, чтобы слушателю казалось, какъ будто онъ его никогда такъ не понималъ. Кто овладѣлъ этимъ искусствомъ, тотъ избобрѣлъ великое средство поддерживать вниманіе слу-

шателей. Правила не могутъ дать этого искусства. Немного писателей, овладѣвшихъ этою неоцѣненною тайною; но есть иныя, которые не отъ природы получили, но отъ собственныхъ усилій научились этому искусству, прилежно читая книги писателей, владѣвшихъ этимъ даромъ и умѣвшихъ представлять вещи не такъ, какъ ихъ представляетъ обыкновенный заурядный разсудокъ. Нужно только при этомъ избѣгать слѣпаго подражанія, а слѣдовать своему собственному природному дарованію, и избирать образцы, наиболѣе подходящія къ нашему образу мысленія.

Чтобы помочь памяти слушателей лучше удержать излагаемое ученіе, проповѣднику нужно заботиться о хорошемъ, строгомъ порядкѣ изложенія, и болѣе замѣчательныя мысли повторять предъ слушателями, измѣняя выраженія; но это нужно дѣлать не такъ, какъ дѣлаетъ ученый, повторяя одними и тѣми же словами свое главное положеніе, а ораторски, облекая главную мысль свою въ новыя формы выраженія.

Разсматривая слушателей, какъ христіанъ, Мосгеймъ напоминаетъ проповѣднику, что его слушатели, какъ христіане, уже знаютъ первые начатки христіанства, потому нѣтъ нужды повторять предъ ними основныя катихизическія истины и излагать ихъ такъ, какъ это дѣлаетъ катехетъ, а нужно, когда проповѣдникъ касается ихъ, входить въ болѣе основательное ихъ обсужденіе и въ болѣе подробное ихъ уясненіе. Но съ другой стороны, проповѣдникъ не долженъ представлять ихъ и много знающими. При такомъ представленіи онъ будетъ опускать изъ вниманія то, чего не знаютъ слушатели, или о чемъ имѣютъ смутное понятіе. Въ его ученіи будутъ пробѣлы, которыхъ не восполнятъ слушатели своимъ размысленіемъ, и его доказательства могутъ быть при этомъ не ясны и не убѣдительны для нихъ. Долгъ проповѣдника усовершенствовать познаніе своихъ слушателей, лучше и болѣе разъяснять истины вѣры и болѣе подробно толковать ихъ. Его изложеніе христіанскаго

ученія должно примыкать къ тѣмъ познаніямъ, какія слушатели уже имѣютъ, и способствовать большему и большому расширенію и углубленію ихъ пониманія откровеннаго вѣроученія и нравоученія.

Въ основной части своей системы о гомилетическомъ благо разуміи Мосгеймъ хочетъ выводить особыя правила еще изъ свойства проповѣди, какъ рѣчи. Но не было существенной нужды природу и свойство рѣчи ставить особымъ источникомъ гомилетическихъ правилъ. Понятіе о проповѣди, какъ рѣчи, у него положено въ основаніе всего построенія его системы, и онъ, можно сказать, не выпускаетъ изъ вида этого понятія, когда опредѣляетъ и развиваетъ правила гомилетическаго благоразумія, выводимыя непосредственно изъ понятія о цѣли проповѣди, и когда трактуетъ о томъ, къ чему обязываетъ его вниманіе къ слушателямъ, предъ нимъ стоящимъ. Потому здѣсь осталось сказать ему немного. Прежде всего здѣсь Мосгеймъ хочетъ указать средства къ облегченію для слушателей усвоенія содержанія проповѣди. Въ проповѣди, посвященной раскрытію какого-либо предмета и продолжающейся безъ перерыва не малое время, многимъ, особенно людямъ простымъ, довольно трудно уловить связь мыслей. Проповѣдникъ, желающій доставить назиданіе слушателямъ, долженъ помочь имъ видѣть и удержать эту связь мыслей: для этого онъ долженъ раздѣлять свою проповѣдь на отдѣлы, прямо показываемые и замѣтные для слушателей; но этихъ отдѣловъ не слѣдуетъ громоздить очень много; излишнія дѣленія и подраздѣленія только затемняютъ дѣло вмѣсто того, чтобы облегчить его пониманіе.—Далѣе, проповѣдь говорится быстро, безъ остановокъ, и слушатели, во время произнесенія проповѣди, не имѣютъ времени и возможности собраться съ своими мыслями и размышлять о томъ, что слышать. Потому все, что говоритъ проповѣдникъ, должно быть такъ ясно, чтобы слушатель съ-разу, безъ затрудненія, понималъ то, и

не имѣлъ нужды размышлять о томъ, что хочетъ сказать ораторъ. Дурно поступаютъ тѣ проповѣдники, которые говорятъ такъ, что ихъ проповѣди требуютъ комментарія,—употребляютъ неизвѣстные слова, представляютъ мудренныя, непонятныя доказательства и излагаютъ свои положенія языкомъ школьнымъ, полнымъ многихъ условныхъ техническихъ выражений, не приспособленнымъ къ разумѣнію простого народа.

Другія двѣ части гомилетическаго руководства Мосгейма не представляютъ оригинальности и повторяютъ практическія замѣчанія, встрѣчающіяся въ другихъ гомилетикахъ. Потому нѣтъ надобности и интереса въ подробномъ разборѣ ихъ.

Вторая часть, по заглавію, поставленному Мосгеймомъ, говоритъ объ особенныхъ правилахъ духовнаго краснорѣчія, или о частяхъ, изъ которыхъ состоитъ проповѣдь, ихъ природѣ и устройствѣ. Всѣхъ частей проповѣди Мосгеймъ указываетъ три: приступъ, изслѣдованіе и приложеніе, и о содержаніи и построеніи каждой изъ нихъ даетъ соответственныя замѣчанія, въ изслѣдованіи обращая особенное вниманіе на раздѣленіе, въ которомъ проповѣдникъ показываетъ сущность и порядокъ ученія, предлагаемаго вниманія слушателей. Здѣсь даются особыя правила касательно раздѣленія аналитическихъ проповѣдей, посвященныхъ изъясненію текста, синтетическихъ, раскрывающихъ какую-либо тему, выводимую изъ текста, и смѣшанныхъ, которыя онъ называетъ аналитико-синтетическими.

Послѣдняя часть гомилетики Мосгейма трактуетъ о сочиненіи и обработкѣ проповѣдей. Тщательная обработка проповѣдей предполагается тѣмъ основнымъ направленіемъ, которому слѣдуетъ Мосгеймъ въ развитіи своихъ руководственныхъ гомилетическихъ правилъ, и она прямо требуется имъ. Хотя тотъ не вредитъ вѣрѣ, (говоритъ онъ) кто излагаетъ истину не складно и не стройно; но онъ вредитъ самому себѣ,

вредить своему авторитету въ глазахъ людей разумныхъ¹⁾, и чрезъ то можетъ значительно ослаблять дѣйствіе своего слова.

Изъ руководственныхъ замѣчаній Мосгейма касательно сочиненія проповѣдей, изложенныхъ въ третьей части его системы, мы считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторыя, заслуживающія особеннаго вниманія проповѣдниковъ. Такъ онъ напоминаетъ проповѣднику, что обязанность его—учить народъ на основаніи Писанія, и потому въ основаніи проповѣди долженъ быть текстъ, и всѣ наставленія его должны быть основаны на словѣ Божіемъ. Мосгеймъ при этомъ показываетъ, какъ найти главную мысль текста, какъ анализировать его, и какъ выводить изъ него истины вѣры и жизни, въ немъ содержащіяся. Важнѣйшимъ недостаткомъ проповѣди Мосгеймъ считаетъ нарушеніе единства матеріи. Разбрасываться мыслию въ разныя стороны противно природѣ или основному свойству проповѣди. Когда проповѣдникъ выходитъ на кафедру, отъ него ожидаютъ не назидательныхъ мыслей, а назидательной рѣчи. Что противно природѣ рѣчи, какъ единого цѣльнаго произведенія, того долженъ избѣгать проповѣдникъ.

Далѣе, Мосгеймъ даетъ умное предостереженіе тѣмъ проповѣдникамъ, которые позволяютъ себѣ исправлять принятый переводъ священнаго Писанія. По его совѣту, если это нужно дѣлать, то только развѣ по требованію необходимости, и дѣлать это нужно съ крайнею осторожностію, чтобы не ввести въ смущеніе простыхъ и благочестивыхъ людей, и при этомъ не слѣдуетъ пускаться рѣшительно въ филологическую ученость.

Еще, онъ не совѣтуетъ поднимать на кафедрѣ возвышенные и трудные вопросы и входить въ изслѣдованія, умѣст-

¹⁾ Anweisung erbaulich zu predigen. III Hauptstück. § 5, S. 357.

²⁾ § 12, S. 381—4.

нія въ школѣ, и рекомендуетъ проповѣднику никогда не опускать изъ вида того, что каеэдра церковная не то, что каеэдра профессорская ¹⁾).

Матеріалы, нужные для проповѣдника, легко даются тому, кто хорошо знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ, и богатъ знаніемъ религіозныхъ истинъ. Но не всѣ, призванные въ проповѣднической должности, могутъ похвалиться богатствомъ религіознаго знанія; а часто и у владѣющихъ достаточною полнотою знанія нѣтъ расположенія къ размышленію, и душа очень лѣниво и неохотно извлекаетъ сокровища, внутри ея находящіяся. Въ такомъ случаѣ можно перелистывать школьныя руководства или, лучше, читать писателей, которые свободно и хорошо разсуждали о предметахъ, близко подходящихъ къ вопросамъ, насъ занимающимъ. Чрезъ чтеніе такихъ книгъ умъ нашъ получаетъ возбужденіе, и предъ нимъ въ достаточной мѣрѣ является матерія, ему требуемая для сообщенія назиданія народу ²⁾. Также точно мы должны поступать по отношенію къ силѣ воображенія, имѣющей важное значеніе въ проповѣднической работѣ. Мы должны возбудить и напрячь ее, собираясь составлять проповѣдь. Но если она спитъ и не дѣйствуетъ, то лучше всего четверть часа читать писателя, живо и картинно излагавшаго свои мысли. Чрезъ это чтеніе можетъ придти въ движеніе и наше воображеніе. Вообще, кто хочетъ изъ своей головы черпать мысли и представленія о дѣлѣ, тому полезно напередъ читать хорошо написанную книгу, раскрывающую ту матерію, какую онъ хочетъ избрать темою своей проповѣди. Это облегчитъ ему уясненіе и развитіе своихъ мыслей, и дастъ ему обороты и слова, служащія къ болѣе наглядному представленію предмета.

Въ заключительныхъ параграфахъ своего гомилетическаго руководства Мосгеймъ дѣлаетъ нѣсколько полезныхъ, хотя,

¹⁾ III Hauptstück, § 21, S. 435—8.

²⁾ III. Hauptstück, § 23. S. 445;

впрочемъ, довольно краткихъ замѣчаній касательно произношенія проповѣдей. Краткость этихъ правилъ Мосгеймъ объясняетъ и оправдываетъ тѣмъ, что по вопросу о произношеніи проповѣдей трудно дать указанія, которыя всѣми могли бы быть соблюдаемы и прилагаемы къ дѣлу. Многое здѣсь зависитъ отъ личныхъ индивидуальныхъ особенностей оратора. Общія требованія касательно произношенія проповѣдей, которыя всѣмъ можно предъявить, могутъ состоять въ томъ, чтобы произношеніе было, во-первыхъ, естественное, во-вторыхъ, свободное, въ-третьихъ, живое. Чѣмъ естественнѣе, свободнѣе и живѣе произношеніе, тѣмъ болѣе оно нравится, и тѣмъ болѣе можетъ способствовать дѣйственности проповѣднаго слова. Естественное произношеніе—такое произношеніе, которое отвѣчаетъ природѣ оратора, силамъ его души и голосовымъ средствамъ. Противъ этого требованія погрѣшаютъ тѣ, которые стараются рабски подражать другимъ ораторамъ, не принимая въ расчетъ того, что эти другіе ораторы, можетъ быть, по праву пользующіеся доброю славою; совершенно отличны отъ насъ по своимъ природнымъ свойствамъ,—погрѣшаютъ и тѣ, которые искусственно манерничаютъ, и думаютъ управлять своимъ голосомъ, слѣдуя правиламъ декламации, устанавливающимъ музыкальный образъ произношенія, какія въ избытокъ предписывались съ древнихъ временъ въ древнихъ риторикахъ. Свободное произношеніе бываетъ тогда, когда душа оратора ничѣмъ не связана и не стѣснена. А стѣсняють ее разныя страсти и волненія,—главнымъ образомъ робость и страхъ. Полной свободы духа у насъ не бываетъ, когда мы выступаемъ говорить въ качествѣ публичныхъ ораторовъ. Это каждый испытываетъ на себѣ, одинъ болѣе, другой менѣе. Самые великіе ораторы, напримѣръ, Цицеронъ, сознавались, что они предъ началомъ и въ началѣ своихъ публичныхъ рѣчей чувствовали нѣкоторую робость, и что душа ихъ не вдругъ получала требуемую свободу и входила въ свою обычную колею. Много можетъ помогать здѣсь привычка: кто

чаще говорить, тотъ свободнѣе говорить. Но еще болѣе имѣть значенія чистое сердце и доброе намѣреніе, которымъ одушевленъ ораторъ. Кто честно дѣлаетъ свое дѣло и дѣлаетъ все то, что въ его силахъ, тотъ не будетъ чувствовать за собой большой отвѣтственности, и духъ того легко можетъ придти въ спокойное равновѣсіе и получить свою естественную свободу. Третье свойство хорошаго произношенія—живость и энергичность. Живость и энергія большею частию даръ природы. Но можно и собственными усиліями достигнуть того, чтобы говорить живо и съ энергіею. Кто глубоко убѣжденъ въ истинахъ, какія хочетъ изложить, чье чувство объято этими истинами и тронуто ими, и кто одушевленъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ принести добро своимъ слушателямъ и произвести въ нихъ своимъ словомъ измѣненія, требуемая ихъ благомъ, у того въ произношеніи всегда будетъ чувствоваться нѣкоторый родъ живости и теплоты, придающій силу его слову. Нужно значить быть благочестивымъ, глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и пламенно желающимъ блага и спасенія своимъ собратіямъ, чтобы произносить съ каеэдръ слово истины и спасенія съ огнемъ и силою и своимъ словомъ воспламенять сердца другихъ.

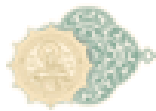
Такова сущность лучшей нѣмецкой гомилетики XVIII вѣка, носящей имя знаменитаго въ свое время ученаго и проповѣдника. Въ ней формулированы и объяснены тѣ гомилетическія требованія, какія можно было вывести, въ назиданіе служителямъ церковнаго слова, изъ практики лучшихъ представителей французскаго и англійскаго проповѣдничества, пользовавшихся большою славою у современниковъ и пріобрѣтшихъ себѣ имя въ исторіи. Авторитетъ самаго автора этой системы, какъ славнаго оратора, собиравшаго вокругъ своей каеэдры толпы слушателей, придавалъ ей особенное значеніе въ глазахъ людей, интересующихся дѣломъ проповѣдничества.

Теорія Мосгейма является противоположностію теоріи Шпенера, которая служитъ въ исторіи гомилетики выдающимся явленіемъ XVII вѣка. Шпенеръ и его послѣдователи возста-

ють противъ всякаго искусства въ проповѣди, и отъ церковнаго слова требуютъ простаго ученія, чуждаго всякой мысли о художественности и ораторскихъ замашкахъ. Мосгеймъ держится другого взгляда. Онъ смотритъ на проповѣдь, какъ на ораторскую рѣчь, и видитъ въ ней своего рода художественное произведеніе. Онъ подчиняетъ церковную проповѣдь общимъ законамъ краснорѣчія ораторскаго, и правила риторовъ, развивавшихъ законы ораторскаго искусства, находитъ умѣстнымъ и нужнымъ прилагать и къ церковному краснорѣчію, составляющему видъ ораторства. Но ораторское краснорѣчіе, законамъ котораго Мосгеймъ подчиняетъ церковную проповѣдь, онъ понимаетъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ оно представляется обыкновенному поверхностному взгляду. Обыкновенный поверхностный взглядъ видитъ въ краснорѣчіи одну внѣшнюю художественность слова, улаждающую слухъ слушателей, независимо отъ того содержанія, какое облекается внѣшнею красивою формою. Понятіе Мосгейма о краснорѣчіи, какъ мы указывали выше,—шире, глубже и болѣе отвѣчаетъ существу дѣла. Въ основаніе краснорѣчиваго произведенія онъ кладетъ доброе содержаніе, первѣе всего требуетъ отъ него истины, основательнаго, яснаго и разумнаго раскрытія этой истины, безъ чего произведеніе не можетъ претендовать на значеніе ораторскаго краснорѣчиваго произведенія, и не можетъ производить надлежащаго впечатлѣнія на слушателей, не можетъ оставлять въ душахъ ихъ ничего твердаго и положительнаго. Двѣ цѣли или двѣ задачи онъ указываетъ для церковнаго краснорѣчія,—просвѣщать умъ, уяснять и раскрывать для него спасительную истину, и дѣйствовать на волю, въ смыслѣ исправленія, улучшенія и возвышенія нравственнаго состоянія чловѣка, для достиженія спасенія или блаженства, ему предназначеннаго. Обѣ эти задачи онъ представляетъ неразрывно связанными между собою, такъ что дѣятельность проповѣдника будетъ не полная, если онъ остановится на од-

ной изъ этихъ двухъ задачъ, т. е., будетъ дѣйствовать или на одинъ умъ, или на одну волю. Этими двумя силами, по его представленію, охватывается вся полнота нашей душевной жизни. Въ то время, когда онъ излагалъ свою систему, еще не была твердо установлена трехчастность нашихъ душевныхъ силъ, и сердце въ психологическихъ теоріяхъ не выдвигалось, какъ самостоятельная душевная сила, параллельная уму и волѣ. Когда Мосгеймъ говоритъ о волѣ и о средствахъ дѣйствія на волю, у него въ представленіи вмѣстѣ съ волею сливается то, что мы называемъ сердцемъ или способностію чувствованій. Проповѣдникъ, какъ ораторъ, долженъ своимъ словомъ дѣйствовать на всю широту душевной жизни слушателей; а чтобы дѣйствовать такимъ образомъ на души слушателей, онъ долженъ привести въ движеніе всѣ свои силы.

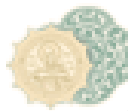
Соотвѣтственно двумъ задачамъ проповѣди, Мосгеймъ отличаетъ два вида церковнаго краснорѣчія,—проповѣдь дидактическую, направленную къ уму, и проповѣдь практическую, направленную къ волѣ. Въ проповѣди дидактической можетъ быть спокойное раскрытіе истины; для нея не требуется особеннаго дѣйствія воображенія, не требуется патетики, живописи и энергіи слова. Это низшій родъ краснорѣчія. Но тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать на сердце и волю (а это существенно необходимо для проповѣдника, и въ проповѣдяхъ дидактическихъ этому служить и для этого назначается такъ называемое приложеніе (*usus*),—тамъ спокойнаго изложенія разумныхъ основаній недостаточно: тамъ вмѣстѣ съ умомъ должна быть призвана къ дѣйствию и сила воображенія и чувство, и вся душа должна быть объята страстію (*πάθος*), понимаемою въ благородномъ смыслѣ этого слова. Тамъ уместны и нужны тѣ риторическіе приемы, которые служатъ къ украшенію рѣчи, и рѣчь проповѣдника должна течь болѣе сильнымъ, волнующимся потокомъ, чѣмъ какъ это бываетъ при раскрытіи истины въ рѣчи дидактической. Но независимо отъ этого различенія по характеру и способу изложенія двухъ

видовъ церковной проповѣди, Мосгеймъ отъ всякой проповѣди, какъ публичной рѣчи, требуетъ изложенія болѣе живого и энергическаго, въ сравненія съ тѣмъ стилемъ, какой допускается въ ученыхъ разсужденіяхъ, школьныхъ книгахъ и литературныхъ статьяхъ, которыя пишутся не для произнесенія предъ собраніемъ слушателей, а для чтенія дома или въ кабинетѣ, и стиль ораторскій онъ не хочетъ отождествлять съ стилемъ ученыхъ и простыхъ прозаическихъ сочиненій, не разъ въ своей книгѣ настаивая на томъ, что проповѣди не должны излагаться такъ, какъ книги: одного разсудочнаго элемента, по его указаніямъ, для проповѣди недостаточно.

Въ основномъ воззрѣніи на задачи церковнаго краснорѣчія и роды его, съ Мосгеймомъ сходится позднѣйшій представитель нашей науки, авторъ лучшей гомилетики римско-католической. Мы разумѣемъ Юнгманна, профессора инспрукскаго университета ¹⁾. Въ своихъ *Чтеніяхъ по теоріи духовнаго краснорѣчія* въ основаніе гомилетическихъ законовъ, имъ развѣсяняемыхъ, онъ ставитъ положенія, взятая изъ психологіи. По его психологическимъ воззрѣніямъ, въ нашей душѣ двѣ главныя силы,—сила познанія и сила стремленія, соотвѣтствующія разуму и волѣ Мосгейма. Сила стремленія обнимаетъ собою и способность желательную—волю, и способность чувствующую—сердце; такъ какъ чувство въ существѣ своемъ есть тоже стремленіе, только еще не перешедшее въ дѣйствіе, и наши желанія, ведущія насъ къ дѣйствию и выражающіяся въ соотвѣтственной имъ дѣятельности, вырастаютъ изъ чувства, какъ своего зачаточнаго сѣмени. Соотвѣтственно этимъ двумъ силамъ души, Юнгманнъ указываетъ двѣ особыя формы проявленія церковнаго краснорѣчія: краснорѣчіе дидактическое, которое имѣетъ дѣло съ силою познанія, и краснорѣчіе патетическое (возбуди-

¹⁾ Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Academische Vorlesungen von Joseph Jungmann, Priester der Gesellschaft Jesu, der Theologie Doctor und ord. Professor an der Universität zu Jnebruck. 1878.

тельное, огъ *παρεγείρω*—возбуждаю), котораго задача дѣйствовать на силу стремленія, возбуждагъ и направлять ее. Какъ въ системѣ Мосгейма, такъ и въ теоріи Юнгманна дидакалическое краснорѣчіе—низшій родъ краснорѣчія, требующій меньшаго напряженія душевныхъ силъ, а высшій родъ краснорѣчія, въ которомъ должны быть приведены въ движеніе всѣ, такъ сказать, пружины, какими можегъ располагать ораторъ,—краснорѣчіе, названное имъ парегирегическимъ, имѣющее свою задачею дѣйствовать на свободное стремленіе слушающихъ.

Подчиняя церковное краснорѣчіе однимъ законамъ съ краснорѣчіемъ свѣтскимъ, Мосгеймъ не отрицаетъ и различія между этими двумя видами краснорѣчія, и довольно рельефно выставляетъ это различіе на видъ. Оно основывается на различіи тѣхъ предметовъ, которыми занимается краснорѣчіе свѣтское и краснорѣчіе духовное. Особенное содержаніе, составляющее удѣльную принадлежность церковнаго краснорѣчія, вызываетъ и некоторые особенности въ примѣненіи къ проповѣди общихъ законовъ краснорѣчія. Эти особенности, вытекающія изъ своеобразнаго содержанія церковнаго краснорѣчія и преслѣдуемой имъ цѣли, служатъ для Мосгейма заднимъ основаніемъ всѣхъ построеній и всѣхъ частныхъ правилъ, раскрытыхъ въ его системѣ. При этомъ его гомилетика, признающая тождество законовъ краснорѣчія какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, отнюдь не является повтореніемъ риторики, а служитъ своей спеціальной цѣли, объясняя и раскрывая собственно гомилетическія, а не риторическія правила, и давая руководство, какъ вести дѣло ораторское, не оратору вообще, а именно проповѣднику церковному. Если онъ разсмагиваетъ проповѣдь, какъ рѣчь, то вмѣстѣ съ тѣмъ смотритъ на нее, какъ на рѣчь духовную, которая, предназначаясь для церковной каѳедры и будучи произносима съ нея, чрезъ то самое подлежитъ особымъ условіямъ въ своемъ содержаніи, характерѣ и цѣли, и ясно отличается отъ рѣчи, произносимой съ свѣтской каѳедры.

Для уясненія понятія о краснорѣчіи, какого держитси Мосгеймъ, не нужно опускать изъ вида то обстоятельство, что онъ, подчиняя проповѣдь законамъ краснорѣчія, въ тоже самое время требуетъ отъ проповѣдника, чтобы въ раскрытіи истинъ, имъ излагаемыхъ, онъ строго сообразовался со степенью развитія своихъ слушателей. А такъ какъ предъ церковною каедрою въ большинствѣ являются люди простые, необразованные, не привыкшіе къ школьному мышленію, то проповѣдникъ не долженъ говорить предъ ними, какъ ученый, и не долженъ пользоваться такими искусственными приемами мышленія и изложенія, какіе годны для людей, развитыхъ умственно. Но это требованіе не должно вести его къ пренебреженію существенными законами краснорѣчія. Краснорѣчіе, какъ его понимаетъ Мосгеймъ, состоитъ не въ высокихъ умствованіяхъ, не въ доказательствахъ искусственно подобранныхъ и требующихъ напряженнаго вниманія для своего пониманія, а въ живомъ и наглядномъ представленіи и изложеніи истины, понятномъ для всякаго, и мало развитого, человека. И въ рѣчахъ предъ простыми людьми нельзя пренебрегать требованіями краснорѣчія. Энергія мысли, живость и образность слова—вотъ тѣ существенныя качества, какими должна обладать рѣчь, предназначаемая для произнесенія народу. Предъ простыми ли людьми, или предъ образованными говоритъ проповѣдникъ, онъ долженъ собрать свои силы, призвать къ своему разуму на помощь воображеніе, чтобы говорить одушевленнымъ языкомъ и произвести впечатлѣніе на слушателей. Рѣчь вялая и бездушная, или что тоже, чуждая всякаго краснорѣчія, и простымъ людямъ не будетъ нравиться, какъ не нравится она людямъ образованнымъ.

Гомилетика Мосгейма, служа отображеніемъ высшаго состоянія церковной проповѣди, до какого довели ее служители церковнаго слова, обладавшіе ораторскимъ талантомъ, и какому въ Германіи содѣйствовалъ не мало и самъ Мосгеймъ

своими священными рѣчами, имѣеть не мало достоинствъ и не можетъ не возбуждать сочувствія людей, понимающихъ и цѣнящихъ значеніе истиннаго краснорѣчія. Этой теоріи можно было бы предрекать долгое существованіе, при которомъ болѣе бы раскрылись основныя начала, на которыхъ строить Мостеймъ свои частныя правила. Но на самомъ дѣлѣ ее постигла общая судьба всѣхъ человѣческихъ системъ и возврѣній, всегда страдающихъ большею или меньшею односторонностію, и схватывающихъ истину не во всей полнотѣ и широтѣ, и потому подверженныхъ измѣнчивости.

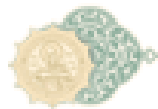
Въ исторіи гомилетики, какъ и въ исторіи другихъ научныхъ построеній, мы замѣчаемъ частую смѣну теорій и руководящихъ началъ, принимаемыхъ въ ихъ основаніе. Когда въ проповѣди является излишняя искусственность, идущая въ параллель съ теоретическими правилами науки о проповѣдничествѣ, рекомендующими разные искусственные приемы, и принимаетъ слишкомъ широкіе размѣры, она вызываетъ реакцію противъ себя, и теорія начинаетъ усиленно рекомендовать простоту и безыскусственность, что вмѣстѣ съ тѣмъ отражается и на практикѣ проповѣднической. Такую сильную реакцію противъ искусственной гомилетики представляетъ теорія Шпенера. Ей поддавались и ею увлекались многіе, при ея появленіи и при сильныхъ возгласахъ въ ея пользу, въ особенности въ виду неприглядныхъ и причудливыхъ явленій, до какихъ доходила предшествующая, искусственно строяемая, проповѣдь. Но когда эта простота, усиленно выдвигаемая, хотѣла быть единымъ общеобязательнымъ закономъ для проповѣди, и когда, съ другой стороны, она вела многихъ къ пренебреженію требуемымъ для церковной катедры приличіемъ и благородствомъ, какъ излишними украшеніями, и сопровождаясь на практикѣ нѣкоторымъ неряшливствомъ,—замѣчали неправильность направленія и невыгодныя практическія слѣдствія начала, ставимаго во главѣ теоріи, и не удовлетворяясь ею, искали новаго направленія и ставили новое начало ру-

ководительнымъ закономъ для проповѣди,—вмѣсто простоты требовали возможнаго облагороженія слова, требовали краснорѣчія. И это начало, постепенно развиваясь, съ теченіемъ времени, такъ сказать, изнашивается, доводится до крайностей, и при этомъ обнаруживаетъ свои слабости. Тогда чувствуется неудовлетворенность имъ, являются протесты и критическія нападенія на него, и самъ собою является поворотъ къ новому началу, исканіе новаго направленія.

Теорія, какую проводилъ Мосгеймъ въ своемъ гомилетическомъ руководствѣ, для своего проведенія на практикѣ требуетъ отъ проповѣдника большаго или меньшаго таланта, требуетъ силы и энергіи духа. Мосгеймъ въ своихъ руководственныхъ правилахъ выражаетъ твердое желаніе, чтобы здравыя и основательныя мысли излагались въ проповѣди одушевленнымъ языкомъ, и чтобы къ работѣ ума присоединялась здѣсь работа воображенія, живописующаго предметы обсужденія, и чтобы въ словѣ ученія слышался голосъ сердца. Душа вялая, прозаичная, не обладающая силою и энергіею, не въ состояніи вполнѣ отвѣчать тѣмъ требованіямъ. Между тѣмъ краснорѣчивыя произведенія талантливыхъ ораторовъ-проповѣдниковъ производили впечатлѣніе, дѣйствовали на слушателей и съ удовольствіемъ были выслушиваемы. Этимъ самымъ они вызывали подражателей. Когда подражателями являлись люди безъ ораторскаго таланта, въ ихъ произведеніяхъ видны были натянутость и искусственность. Дугими, искусственными фразами они старались замѣнить недостатокъ содержанія и силы мысли, и расплывающимся выраженіемъ напускной чувствительности недостатокъ здороваго естественнаго чувства. Проповѣди наполнялись приторными дѣланными выраженіями, которыми проповѣдники безъ таланта, силищіеся быть ораторами, думали восхищать и поражать слушателей. Вмѣсто того, чтобы сказать: Христосъ пролилъ за насъ кровь свою, говорили такъ: „Царь всѣхъ царей сокъ своеѣ пурпуровидной крови излилъ на землю изъ канала своихъ священныхъ жилъ“.

Совѣсть называли „собачкою, лающею подѣ нашей лѣвою грудью“. Понятно, что это не истинное краснорѣчіе, а неискusstная и фальшивая поддѣлка подѣ истинное краснорѣчіе. Такой не естественной иcкyccтвенности слова и расплывающейcя чувствительности, находившей мѣсто на церковной кафедрѣ, благопріятствовало господствовавшее тогда направленіе въ нѣмецкой литературѣ. Тогда въ большомъ ходу у читателей были Мессіада Клопштока, гдѣ широкое мѣсто занимаютъ чувствительныя изліянія сердца, и гдѣ господствуетъ такой напряженный тонъ въ выраженіи мыслей и чувствованій. Вмѣстѣ съ этимъ тогда всплыли изъ неизвѣстности и обратили на себя общее вниманіе стихотворенія Оссіана, навѣвавшія на читателей сантиментальное настроеніе. Общему настроенію подчинялись и проповѣдники. Они брали изъ модныхъ тогда литературно-поэтическихъ произведеній выраженія, обороты рѣчи, сравненія и выступали на кафедре съ чувствительными тирадами, напоминающими отрывки изъ поэмы Клопштока, и думая угождать слушателямъ, ошеломляли ихъ слухъ приторною напыщенной фразеологіею. Эта поэтическая нездоровая струя, вторгшаяся въ церковную проповѣдь подѣ видомъ краснорѣчія, повредила достоинству церковной проповѣди, и вызвавъ оппозицію у людей здраваго смысла и чистаго вкуса, вмѣстѣ съ тѣмъ уронила въ глазахъ ихъ значеніе и умѣстность ораторства въ проповѣди, подѣ знаменемъ коего она являлась.

В. Пьеницкій.

ОПИСАНІЕ

открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго, Черниговскаго чудотворца.

(Окончаніе).

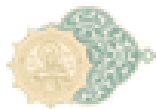
II.

Значеніе черниговскаго торжества.

Открытіе честныхъ мощей святителя Θεодосія, Черниговскаго чудотворца, является великимъ, рѣдкимъ, свѣтлымъ и радостнымъ торжествомъ, во-первыхъ, всей христіанской вѣры и, во-вторыхъ, собственно нашей русской православной церкви.

Открытіе святыхъ мощей новоявленного угодника Божія составляетъ и должно составлять великое торжество всей христіанской вѣры потому, что оно является осязательнымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ истины воскресенія мертвыхъ, которая есть основная, коренная, первоначальная истина нашей христіанской вѣры. „Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста. Аще же Христосъ не воста, тщя убо проповѣданіе наше, тщя же и вѣра ваша“ (1 Кор. XV, 13. 14), говоритъ св. ап. Павелъ. Между тѣмъ и въ древности, и въ наше время однимъ изъ самыхъ общеупотребительныхъ, распространенныхъ, казущихся сильнымъ возраженій противъ основной истины христіанства—воскресенія мертвыхъ служило и служить то обстоятельство, что тѣло человѣческое, послѣ смерти людей, подвергается тлѣнію и превращается въ прахъ. „Какъ востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ прійдутъ“ (1 Кор. XV, 35)? спрашивали коринѣскіе христіане, сомнѣвавшіеся въ возможности воскресенія мертвыхъ,

спрашиваютъ также и современные наши скептики. Самый прямой, ясный и убѣдительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ явившееся въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ и существующее въ одномъ только христіанствѣ нетлѣніе тѣлесъ угодниковъ Божіихъ. До христіанства и внѣ христіанства всецѣло господствовалъ и нынѣ господствуетъ въ человѣческомъ мірѣ законъ смерти и тлѣнія, въ силу приговора Божія согрѣшившему человѣку: „земля еси и въ землю отыдеши“ (Быт. III, 19). Только Господь Іисусъ Христосъ, какъ Побѣдитель ада и смерти, освободилъ человѣка отъ работы тлѣнію. А потому только въ христіанствѣ мы видимъ чудесное явленіе нетлѣнныхъ тѣлесъ, или мощей. Сіи нетлѣнныя мощи даютъ самый краснорѣчивый отвѣтъ на вопросъ: „какъ востанутъ мертвыи? коимъ же тѣломъ приидутъ“? Если Всемогушій Богъ силенъ сохранять отъ тлѣнія тѣла праведныхъ въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ, то, слѣдовательно, Онъ можетъ воскресить и тѣла всѣхъ другихъ людей, подвергшіяся тлѣнію. А, съ другой стороны, если тѣло праведника хранится Богомъ въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій цѣлымъ и нетлѣннымъ, то, очевидно, не за тѣмъ, чтобы тѣло это подверглось разрушенію въ день страшнаго суда. Очевидно, что мертвые востанутъ, по дѣйствию всемогущества Божія, и „приидутъ тѣлами“, какія мы видимъ въ мощахъ угодниковъ Божіихъ, только, разумѣется, измѣненныхъ, одухотворенныхъ. Кто видѣлъ лики угодниковъ Божіихъ, нетлѣнно почивающихъ своими мощами въ различныхъ частяхъ нашего отечества, кто видѣлъ ликъ святителя Феодосія, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, что это ликъ просвѣтленный, какъ-бы радостный, торжествующій, какъ бы чего-то ожидающій. При видѣ подобныхъ ликовъ угодниковъ Божіихъ является, съ одной стороны, сознаніе высшаго достоинства человѣка, господственнаго положенія его въ мірѣ, торжества человѣческаго духа даже надъ смертію, а съ другой,—увѣренность въ будущемъ воскресеніи мертвыхъ. Симеонъ Метафрастъ, собственными глазами видѣвшій нетлѣнныя мощи св.

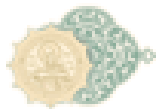

мученика Автонома, вотъ что пишеть о чувствахъ, какія пробудило въ немъ созерцаніе честныхъ мощей: „видя, что добрый подвижникъ и по смерти побѣждаетъ естество, я славлю только Бога, потому что, приникши очами во гробъ мученика, я видѣлъ, что св. мощи его не были побѣждены силою смерти. Смерть можетъ весь животный составъ нашъ разорить въ три дня, а на пресвѣтломъ томъ мужѣ чрезъ столько лѣтъ она не могла истлѣть ни одного волоса: голова съ волосами на немъ невредима; лицо его цѣло и кожа на немъ крѣпка; волоса на вѣждахъ его не пропали, глаза только смежились. И когда я смотрѣлъ на него, мнѣ казалось, что законъ смерти, только повидимому и какъ бы притворяясь молчаніемъ, дѣйствуетъ на него, потому что во всемъ тѣлѣ его находятся въ цѣлости всѣ составы его, такъ что ни отъ головы его ничего не отпало, ни отъ другихъ частей тѣла ничего не отдѣлилось“. Подобнымъ образомъ пресвитеръ Павелъ, жизнеописатель св. Амвросія, говоритъ о мощахъ св. Назарія: „и мы видѣли во гробѣ, въ которомъ лежали мощи мученика, кровь какъ бы сегодня вытекшую; голова же съ волосами и бородою такъ нетлѣнна, что какъ бы сегодня положены во гробъ; а лице его свѣтло, какъ бы сейчасъ омыто: и мы такого исполнились благоуханія, которое превосходить всякіе ароматы“. Все это могутъ сказать и тѣ кто видѣлъ ликъ святителя Теодосія. При видѣ лика святителя и его честныхъ мощей, невольно приходятъ на мысль слова св. Писанія: *„грядетъ часъ, въ онѣже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія... вострубитъ бо, и мертвіи встанутъ нетлѣнни“* (Іоан. V, 28; 1 Кор. XV, 52). Дѣйствительно, ликъ святителя Теодосія производитъ такое впечатлѣніе, что угодникъ Божій какъ бы только ожидаетъ трубнаго гласа, чтобы пробудиться отъ сна и возстать для вѣчной жизни.—Итакъ, открытіе честныхъ мощей святителя Теодосія составляетъ великое торжество всей христіанской вѣры, ибо оно убѣдительно и осязательно подтверждаетъ

будущее воскресеніе мертвыхъ, одну изъ основныхъ, коренныхъ истинъ христіанской вѣры, даетъ краснорѣчивый отвѣтъ на вопросъ: „какъ востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ придутъ“? (1 Кор. XV, 35). Оно увѣряетъ насъ не только въ безсмертіи нашей души, но и въ воскресеніи къ новой, вѣчной жизни нашего тѣла, и учитъ, что какъ духовная часть нашего существа переживетъ это грубое тѣло, которое составляетъ для нея какъ бы *земную храмину* (2 Кор. V, 1) и будетъ продолжать свое бытіе и за предѣлами гроба, такъ и наша тѣлесная природа, самое это грубое тѣло, послѣ того какъ оно будетъ сокрыто въ землѣ, подобно посѣянному зерну, нѣкогда возродится и явится для жизни въ другомъ мірѣ. Правда, тогда оно во многихъ отношеніяхъ будетъ отлично отъ нашего нынѣшняго тѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ то самое тѣло, съ которымъ теперь соединена душа наша, въ которомъ теперь она живетъ, мыслить и дѣйствуетъ, радуется, или страдаетъ.

Но совершившееся въ Черниговѣ открытіе честныхъ мощей святителя Θεодосія есть, въ частности, великое торжество нашей русской православной церкви. Наша православная церковь отличается отъ другихъ христіанскихъ инославныхъ исповѣданій, между прочимъ, тѣмъ, что признаетъ нетлѣніе мощей, которыя почитаетъ, „какъ спасительные источники, многообразно изливающіе благодѣянія на немощныхъ“ (VII вселенск. соб. дѣяніе 6 ср. св. Іоанна Дам. Точное изложеніе прав. вѣры кн. IV гл. 15). Поэтому, православная церковь повелѣваетъ своимъ послѣдователямъ воздавать почитаніе мощамъ святыхъ посредствомъ лобызанія, поклоненія и обращенія предъ ними съ молитвою къ Богу. Такое вѣрованіе и такое обыкновеніе православной церкви есть наслѣдіе древне-христіанской церкви и сохраняется первою неизмѣнно и непрерывно.

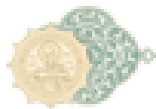
Но, къ сожалѣнію, и въ древней христіанской церкви и въ наше время встрѣчаются люди, сомнѣвающіеся въ истинѣ нетлѣнія мощей и въ законности почитанія святыхъ

мощей. И въ нашемъ краѣ, издревле славившемся своимъ благочестіемъ, явились въ послѣднее время люди, сами невѣрящіе въ нетлѣніе святыхъ мощей и въ другихъ подрывающіе вѣру эту. Въ виду этого, явленіе нетлѣнныхъ мощей святителя Феодосія, Черниговскаго чудотворца, вельзя не признать особенно благовременнымъ и особенно знаменательнымъ торжествомъ православной русской церкви. Прежде всего, событіе это подтверждаетъ самую истину нетлѣнія мощей угодниковъ Божиихъ. Собственно нетлѣніе честныхъ мощей святителя Феодосія не должно бы было возбуждать никакихъ сомнѣній. Оно удостовѣрено свидѣтельствами первосвятителя кievской церкви, многихъ іерарховъ нашей русской церкви и несъма многихъ другихъ лицъ. Однако же, не смотря на столь важныя свидѣтельства, явились лица, пожелавшія осязательно, подобно апостолу Томѣ, убѣдиться въ истинности нетлѣнія честныхъ мощей святителя Феодосія. Къ чести православныхъ русскихъ христіанъ должно сказать, что усомнившіеся вышли не изъ ихъ среды, а изъ среды старообрядцевъ. Послѣдніе прислали своихъ довѣренныхъ уполномоченныхъ, которые должны были осязательно убѣдиться въ нетлѣніи честныхъ мощей святителя Феодосія. И они, дѣйствительно, убѣдились, а нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, сильно поволебались въ своихъ заблужденіяхъ. Въ Черниговъ являлись ко дню торжества уполномоченные именно отъ кубанскихъ, нижегородскихъ и владимірскихъ раскольниковъ. Слыша отъ другихъ и видя сами чудеса, совершавшіяся у гроба угодника Божія, они говорили: „въ истинности чудесъ, бывшихъ въ эти дни, мы не сомнѣваемся. Вотъ если бы намъ мощи по-смотреть, что бы сказать о нихъ что-нибудь несомнѣнное по-славившимъ насъ,—дѣйствительно ли мощи это“. Желаніе ихъ было исполнено. Съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Іоаннiкiя, митрополита кievскаго и галицкаго, имъ были открыты и показаны рука и стопа святителя. Одни изъ старообрядцевъ были глубоко поражены. Съ благоговѣніемъ и слезами на глазахъ они приложились къ святымъ мощамъ и по-

клонились имъ до земли. Кромѣ того, они общали со всею точностію рассказать своимъ единовѣрцамъ все то, что видѣли своими глазами. Только уполномоченный нижегородскихъ старообрядцевъ, хотя и приложился къ святымъ мощамъ и не отрицалъ совершенно бывшихъ у гроба святителя чудесныхъ исцѣлений, но все-таки относительно послѣднихъ выразилъ сомнѣніе, такъ какъ не былъ ихъ очевидцемъ.

Итакъ, нетлѣніе честныхъ мощей святителя Θεодосія есть совершенно несомнѣнная истина. О чемъ же она говорить? Чѣмъ, прежде всего, можетъ быть объяснено сохраненіе мощей святителя Θεодосія нетлѣнными въ теченіе двухсотъ лѣтъ? Оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано явленіемъ естественнымъ, какъ могутъ думать и говорить люди невѣрующіе, имѣющіе притязаніе объяснять нетлѣніе святыхъ мощей естественными причинами. Доказательства тому слѣдующія. Пещера, въ которой мощи святителя Θεодосія пребывали въ теченіе 200 лѣтъ, не отличается сухостію (изъ синодальнаго указа объ открытіи честныхъ мощей святителя Θεодосія). Съ другой стороны, въ томъ же самомъ храмѣ, гдѣ пребывало нетлѣнное тѣло святителя Θεодосія, погребались и многія другія лица, напр., черниговскіе архипастыри, князья и т. п., и однако же тѣла всѣхъ ихъ, въ силу всеобщаго закона, подвергались тлѣнію. Очевидно, что не природа естественная и не сила человѣческая, а сила Божія, дѣйствующая и послѣ смерти угоднаго Богу человѣка, сохраняетъ тѣло его нетлѣннымъ. „Какъ сосудъ“,—говоритъ приснопамятный митрополитъ Филаретъ въ своемъ словѣ о нетлѣніи мощей,—„какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, провицается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику сила Христова нетлѣнна, то естественно, что она, вселяясь (2 Кор. XII, 9) въ человѣковъ, иже Христовы суть (Гал. V, 24), и

тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала чрезъ главоотяжи и убрусцы, которые были на тѣлѣ св. апостола Павла и приняли въ себя потъ его (Дѣян. IX, 12), и чрезъ одно осѣненіе тѣнію св. апостола Петра (Дѣян. V, 15). Очевидно, что *сила Христова*, вселившись во св. Божіихъ человѣковъ, оживотворяетъ, освящаетъ и проникаетъ тѣлеса ихъ, сообщая имъ и нетлѣніе, поелику сама она нетлѣнна и чудодѣйственна и есть сила не человѣческая, а Божественная. Такъ Божественно и благодатно было отъ полноты благодати тѣло Господа нашего І. Христа, къ Которому многіе, прикоснувшись, получали исцѣленіе (Мрк. III, 10); такъ божественны и благодатны были и ризы Его, отъ прикосновенія къ которымъ исцѣлилась женщина кровоточивая (Мрк. V, 27—29). Подобнымъ же образомъ облагодатствованы были мысль и слово Его, посредствомъ которыхъ исцѣлились десять прокаженныхъ мужей и множество другихъ немощныхъ и больныхъ (Лк. XVII, 12—13). Подобнымъ же образомъ благодатны, нетлѣнны и чудодѣйственны и тѣлеса святыхъ и самыя одежды ихъ отъ присутствія въ нихъ силы и благодати Божіей. Очевидно, что нетлѣніе мощей есть особое воздаяніе Божіе благочестивымъ людямъ за ихъ добродѣтельную жизнь, видимое знаменіе прославленія ихъ и вмѣстѣ источникъ благодати Божіей для почитающихъ святая мощи. Слѣдовательно, наша православная церковь право вѣруетъ, почитая мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ „спасительные источники, которые источаютъ многоразличныя благодѣянія“ (св. Іоанна Дамаскина).

Но православная церковь чтитъ мощи святыхъ не за одно только нетлѣніе ихъ, хотя и оно, какъ показано, служить достаточнымъ свидѣтельствомъ святости угодниковъ Божіихъ. Въ мощахъ святыхъ православная церковь видитъ

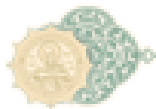
источники милости Божіей къ людямъ, орудія для чудеснаго обнаруженія дѣйствій всемогущества и благодати Божіей. Такими выраженіями благодати и всемогущества Божія служатъ тѣ чудотворенія, тѣ чудесныя исцѣленія, которыя во множествѣ совершались и нынѣ совершаются отъ мощей, чтимыхъ православными христіанами. Такія чудесныя исцѣленія совершались многократно и отъ мощей святителя Θεодосія еще до открытія ихъ. Такія же чудотворенія совершились отъ мощей сего святителя и въ самые дни ихъ торжественнаго открытія, очевидно, въ утѣшеніе вѣрующихъ и для вразумленія невѣрующихъ. Чудеса эти совершались при томъ въ присутствіи цѣлыхъ тысячъ свидѣтелей, такъ что сомнѣнія въ нихъ не можетъ быть никакого. А между тѣмъ чудеса эти такого рода, что они ничѣмъ инымъ не могутъ быть объяснены, какъ только дѣйствіемъ всемогущества Божія чрезъ посредство мощей святителя. Изъ ряда многихъ чудесныхъ исцѣленій, совершившихся въ дни торжественнаго открытія и прославленія честныхъ мощей святителя Θεодосія, можемъ указать на слѣдующія. Такъ, крестьянинъ Орловской губерніи, Діонисій Иванинъ, болѣвшій въ теченіе 15 лѣтъ разслабленіемъ всего тѣла, приложившись, послѣ причащенія св. Таинъ, къ честнымъ мощамъ святителя Θεодосія, всталъ съ своего ложа и всенародно воздалъ хвалу Богу и благодареніе Его угоднику за чудесное выздоровленіе. А вотъ и еще примѣръ. Шестилѣтній слѣпой мальчикъ былъ введенъ въ пещеру, гдѣ до 8 сентября почивали мощи святителя Θεодосія. Мальчикъ ощупью взялъ восковую свѣчу, всталъ на колѣни предъ гробницею святителя Θεодосія и горячо молился, такъ что слезы капали изъ глазъ его. Молитва мальчика была услышана и онъ прозрѣлъ. Невозможно описать радость мальчика, увидѣвшаго свѣтъ Божій, и радость его родителей. Присутствовавшіе при этомъ плакали отъ умиленія. Свидѣтелями этого поразительнаго исцѣленія были многіе образованные люди.

Или вотъ еще примѣръ. Женщина, Орловской губерніи, Мало-архангельскаго уѣзда, села Вошни, деревни Токмакова, мѣщанка Елена Игнатьева Гостаева пріѣхала къ открытію честныхъ мощей святителя Теодосія съ больнымъ 5¹/₂-лѣтнимъ ребенкомъ Симеономъ, который отъ рожденія не только не ходилъ, но и не становился на ноги. Когда же мѣщанинъ Саратовской губерніи, Царицинскаго уѣзда, Петръ Лотышевъ поднялъ больнаго ребенка и приложилъ къ мощамъ, то ребенокъ, къ изумленію Лотышева и матери, самъ побѣждалъ отъ мощей по лѣстницѣ, такъ что одинъ изъ богомольцевъ поспѣшилъ поддержать исцѣленнаго и передать его матери. Подобныхъ чудесъ отъ мощей святителя Теодосія совершилось весьма много и всѣ они осязательно, краснорѣчиво убѣждаютъ насъ въ истинности и животворности нашей православной вѣры, въ истинности почитанія святыхъ мощей. Въ самомъ дѣлѣ, и въ наши дни, какъ и во дни земной жизни Спасителя, „слѣпые прозрѣваютъ, хромы ходятъ“ (Мѡ. XI, 5 и Лук. VII, 22). Какое же нужно еще другое болѣе краснорѣчивое доказательство того, что наша православная вѣра есть вѣра Христова, вѣра евангельская, вѣра апостольская, вѣра истинная и животворная? Вотъ въ какомъ смыслѣ открытіе честныхъ мощей святителя Теодосія должно быть признано великимъ, свѣтлымъ и радостнымъ торжествомъ русской православной церкви.

Будучи торжествомъ всей вообще русской православной церкви, совершившееся въ Черниговѣ открытіе честныхъ мощей святителя Теодосія есть, въ частности, свѣтлый и радостный праздникъ нашего русскаго пастырства и архипастырства. Русскіе православные архипастыри и пастыри всегда оставались вѣрными своему великому и святому призванію быть продолжателями дѣла апостоловъ Христовыхъ на землѣ, быть посредниками между Богомъ и людьми, быть свѣтомъ міра. Архипастыри и пастыри русской церкви всегда стара-

лись и стараются въ своей дѣятельности осуществить идеаль истиннаго пастыря Христова, любящаго свое словесное стадо до готовности положить душу свою за него. И нѣкоторые изъ нихъ въ совершенствѣ осуществили этотъ идеаль подвигами поста, молитвы, отшельнической жизни и самоотверженной дѣятельности на поприщѣ пастырскаго служенія достигнувъ высшей степени нравственнаго совершенства и святости. Русская православная церковь имѣетъ уже цѣлый сонмъ такихъ святыхъ архипастырей и пастырей. И всѣ они служатъ образцами для жизни и дѣятельности нашихъ архипастырей и пастырей и всегда будутъ служить такими же образцами, возбуждая и поддерживая въ нихъ духъ, который долженъ быть свойственъ истинному пастырю, изображенному въ евангеліи Христовомъ.

И не только лица, посвятившія себя высокому пастырскому служенію, но и весь вообще русскій православный народъ любить и глубоко чтить память своихъ святыхъ архипастырей и пастырей, являющихъ собою идеалы высшей нравственной красоты, столь дорогой религіозному духу русскаго народа. Вотъ почему черниговское торжество сдѣлалось праздникомъ всѣхъ русскихъ архипастырей и пастырей и всего вообще русскаго народа. Въ день торжественнаго открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія весь русскій народъ если не тѣломъ, то духомъ былъ въ Черниговѣ и наслаждался тамъ созерцаніемъ святыни, столь дорогой его сердцу. Созерцаніе святыхъ мощей, реально свидѣтельствующихъ объ истинности и животворности нашей православной вѣры, съ особенною силою пробудило молитвенный и благоговѣйный духъ, свойственный русскому народу. Нужно было собственными очами видѣть, съ какимъ усердіемъ и съ какою пламенною вѣрою молился русскій народъ во дни черниговскихъ торжествъ. Можно не сомнѣваться, что многіе и многіе возвратились изъ Чернигова если и не спасенными (хотя и это

возможно, ибо, какъ показываетъ примѣръ благоразумнаго разбойника, для спасенія требуется не многое время, а искренняя и глубокая вѣра), то, по крайней мѣрѣ, направившимися на путь благочестивой нравственной жизни. Да, чиста, истинна, свята вѣра русскаго народа. И долженъ онъ беречь эту свою вѣру, яко зѣницу ока, потому что въ ней сила русскаго народа и въ ней залогъ его будущаго благополучія и величія. Блаженъ русскій народъ, имѣющій у себя столькожъ молитвенниковъ предъ престоломъ Божиимъ. Слава Богу, явившему намъ новаго угодника и ходатая за насъ!

Наконецъ, черниговское торжество, будучи свѣтлымъ и радостнымъ праздникомъ всей христіанской вѣры, всей православной церкви, всего русскаго архипастырства и всего русскаго народа, является вмѣстѣ съ тѣмъ особеннымъ праздникомъ и для Киевской духовной Академіи. Независимо отъ того, что Киевская духовная Академія въ лицѣ святителя Оеодосія приобрѣла себѣ „своего“ святаго молитвенника предъ Богомъ, она въ самомъ „торжественномъ всенародно-церковномъ прославленіи“ своего святаго ученика справедливо можетъ видѣть рѣдкую похвалу и прославленіе всей прошлой своей исторіи и важное ободреніе къ дальнѣйшему продолженію своей нравственно-просвѣтительной дѣятельности. Не можемъ здѣсь не привести слѣдующей выдержки изъ отвѣтно-благодарственнаго письма инспектора Киевской духовной Академіи о. архимандрита Димитрія на имя преосв. Антонія черниговскаго, приглашавшаго его принять личное участіе въ „торжествѣ открытія честныхъ мощей святителя Оеодосія“,—выдержки, которая выразительно характеризуетъ великое нравственное значеніе черниговскаго торжества для Киевской духовной Академіи. „Съ сердечнымъ умиленіемъ созерцаю“,—говоритъ о. архимандритъ Димитрій,—„какъ незабвенное прошлое нашей академіи, давно уже прославленное обильными плодами знанія въ славныхъ писаніяхъ св. Дими-

трія Ростовскаго на Сѣверѣ, дивными апостольскими подвигами *отры* св. Иннокентія Иркутскаго на далекомъ Востокѣ, нынѣ вновь славно озаряется немеркнувшимъ тихимъ сіяніемъ смиренно-высокаго *благочестія* св. Θεодосія Черниговскаго на нашемъ Югѣ. Молю Бога, чтобы духъ высокаго *благочестія*, укрѣпленнаго силою правой вѣры и просвѣщеннаго свѣтомъ мудрости божественной и знанія человѣческаго, оживлявшій старую Кіевскую школу и воплотившійся въ приснопамятныхъ воспитанникахъ ея—Θеодосіи Углицкомъ, Димитріи Туптало и Иннокентіи Кульчицкомъ, навсегда сохранился въ нашей, дорогой мнѣ, академіи, живилъ ее, обновлялъ ея жизнь и двигалъ ее къ новому и новому совершенству.

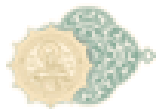
Да благоспѣшатъ ей въ семъ иже во святыхъ питомцы ея, три святителя Россійскіе, покровители и молитвенники Кіево-братскіе“.

III.

Жизнеописаніе Святителя Θεодосія.

Новоявленный угодникъ Божій, святитель Θεодосій происходилъ изъ древняго знатнаго рода за-днѣпровскихъ дворянъ Полонидскихъ—Углицкихъ. Время и мѣсто рожденія святителя съ точностію неизвѣстно. Съ наибольшею вѣролпностію мѣстомъ родины святителя Θεодосія можетъ быть признана за-днѣпровская Украина, такъ какъ онъ прибылъ въ Черниговскую губернію изъ-за Днѣпра, слѣдовательно, съ правой стороны его. Время рожденія святителя Θεодосія можетъ быть полагаемо въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ XVII в. Мірское имя святителя Θεодосія доселѣ остается неизвѣстнымъ.

Родителями святителя Θεодосія обыкновенно признаются іерей Никита и жена его Марія. Изъ поминальныхъ записей

въ синодикахъ святителя Теодосія, кромѣ того, видно, что въ его родѣ было весьма много лицъ духовнаго званія и даже иноческаго чина. Такимъ образомъ, святитель происходилъ отъ одного изъ тѣхъ благочестивыхъ древнихъ малороссійскихъ дворянскихъ родовъ, которые скромное духовное служеніе предпочитали всякимъ другимъ мірскимъ служеніямъ.

Въ частности, родители святителя Теодосія, по сохранившемуся о нихъ преданію, отличались искреннимъ благочестіемъ, проводили всегда „богобоязненную жизнь“. Въ духѣ истинно христіанскаго благочестія они старались воспитывать и своихъ дѣтей, которыхъ у нихъ, по сохранившемуся преданію, было трое, при чемъ братъ святителя Теодосія также имѣлъ иноческій чинъ. Въ средѣ родственниковъ святителя также преобладали духовныя лица.

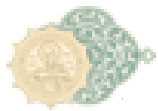
Такимъ образомъ, среда, въ которой получилъ первоначальное воспитаніе святитель, была самая лучшая и благоприятная. Воспитаніе подъ надзоромъ благочестивыхъ родителей и при общемъ высоко-нравственномъ настроеніи всѣхъ окружающихъ лицъ дало, конечно, соотвѣтствующіе плоды. Дитя, „по природѣ своей кроткое и послушное“, съ юныхъ лѣтъ горѣло пламенною любовію къ Богу и ко храму Божію. Такъ, еще въ домашней средѣ и въ раннемъ дѣтствѣ святитель Теодосій получилъ задатки того высокаго благочестія, которымъ украшалась вся послѣдующая его жизнь.

Въ родительской же семьѣ дитя получило и первоначальное образованіе, научившись читать и писать. Но образованный и любящій отецъ, священникъ Никита Углицкій не ограничился этимъ первоначальнымъ обученіемъ сына. По окончаніи домашняго образованія и достиженіи надлежащаго возраста, сынъ его былъ опредѣленъ имъ въ Кіево-братскую коллегію. Это было, какъ обыкновенно полагають, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ XVII в.

Кіево-братская коллегія, бывшая тогда главнымъ разсадникомъ просвѣщенія для всей южной православной Рос-

сії, переживала тогда тяжелое время. Съ одной стороны, усиленіе польско-католической пропаганды въ южной Россіи и даже въ самомъ Кіевѣ, а съ другой—постоянныя возстанія малороссовъ противъ польскаго гнета, отвлекавшія молодя силы Малороссіи отъ школьныхъ занятій, весьма неблагоприятно должны были отражаться на внутреннемъ состояніи Кіево-братской коллегіи. Подъ вліяніемъ этихъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, Кіево-братская коллегія въ 1651 году должна была даже прекратить на-время у себя преподаваніе наукъ.

Но неблагоприятное вліяніе внѣшнихъ условій, въ какихъ находилась Кіево-братская коллегія во время обученія въ ней святителя Θεодосія, въ значительной степени ослаблялось добрымъ внутреннимъ состояніемъ ея. Коллегія находилась тогда подъ управленіемъ такихъ глубокопросвѣщенныхъ и преданныхъ дѣлу науки мужей, какъ Иннокентій Гизель, (1645—1650 г.) и Лазарь Барановичъ (1650—1651 г.). Составъ наставниковъ коллегіи также былъ весьма хорошій. Въ числѣ наставниковъ святителя Θεодосія по Кіево-братской коллегіи были, кромѣ сейчасъ названныхъ ректоровъ ея, такія извѣстныя въ нашей духовной литературѣ лица, какъ Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Θεодосій Баевскій, Θεодосій Софоновичъ и Мелетій Дзизъ. Если справедливо принятое въ литературѣ заключеніе о внутреннемъ состояніи школы и достоинствѣ наставниковъ ея на основаніи жизни и дѣятельности вышедшихъ изъ нея питомцевъ, то въ отношеніи къ Кіево-братской коллегіи за вторую половину сороковыхъ годовъ XVII в. должно быть сдѣлано самое лучшее заключеніе. Сверстниками святителя Θεодосія были, между прочимъ, Сумеонъ Полоцкій, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивилевскій, Варлаамъ Ясинскій и др. Вообще же должно сказать, что въ Кіево-братской коллегіи, бывшей главнымъ оплотомъ православія противъ католичества и уніатства, былъ особенно силенъ тогда духъ православно-христіанскій, кото-

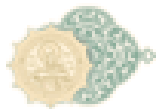
рымъ и проникались души питомцевъ collegiи. Здѣсь-то, подъ вліяніемъ благочестивыхъ наставниковъ, упражняясь въ чтеніи св. Писанія и твореній св. отцевъ и учителей Церкви и стараясь по нимъ расположить свою жизнь, будущій святитель Оеодосій возрасталъ и совершенствовался духомъ, укрѣплялся въ познаніи истинъ православной вѣры, слагая ихъ въ сердце своемъ, и въ подвигахъ истиннаго благочестія. Богомысліе, чтеніе слова Божія и молитва преимущественно церковная были любимыми занятіями святителя Оеодосія во время обученія его въ Кіево-братской collegiи. Здѣсь же, какъ полагають, онъ основательно познакомился съ партеснымъ пѣніемъ въ пѣвческой школѣ, устроенной Лазаремъ Барановичемъ.

Святитель Оеодосій, какъ есть основаніе думать, не окончилъ полнаго курса ученія въ Кіево-братской collegiи, которая въ 1651 году, послѣ разоренія Кіево-Подола поляками подъ предводительствомъ литовскаго гетмана Яна Радзивила, опустѣла и прекратила у себя учебныя занятія. Но это обстоятельство не принесло существеннаго вреда общему образованію святителя Оеодосія, который изъ Кіево-братской collegiи выбылъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами въ „заграничныя“ школы, какъ полагаетъ новѣйшій историкъ Кіевской духовной Академіи Н. И. Петровъ.

Такимъ образомъ, святитель Оеодосій получилъ высшее и лучшее по тому времени образованіе, которое должно было содѣйствовать полному развитію его умственныхъ дарованій. При этомъ обыкновенно полагають, что святитель Оеодосій еще во время обученія своего въ Кіево-братской collegiи, или, по крайней мѣрѣ, непосредственно послѣ выхода изъ нея принялъ монашеское постриженіе, такъ какъ сохранившіяся историческія свидѣтельства представляютъ его „отъ юности въ иноческомъ чину добрѣ пожившимъ“, „изъ юностиныхъ лѣтъ монашескимъ житіемъ въ добродѣтеляхъ украшеннымъ“. Мѣстомъ постриженія святителя Оеодосія въ ино-

чество былъ, потому, Кіевъ, гдѣ застаеъ его и первоначальная его служебная дѣятельность. По свидѣтельству одного памятника, святитель Θεодосій „въ юности своей многочестно архиѡдиаконствовалъ при престолѣ кіевскомъ митрополитскомъ“. Самый родъ первоначальной служебной дѣятельности образованнаго инока и мѣсто, занятое имъ, указываютъ на его глубокое, искреннее смиреніе, побуждавшее его укрываться отъ мірскихъ почестей. Дальнѣйшая служба его совершенно подтверждаетъ такое заключеніе. Можно думать, что сравнительно шумная жизнь въ Кіевѣ не удовлетворяла внутреннему влеченію скромнаго инока къ уединенію и желанію пребывать въ постоянномъ молитвенномъ общеніи съ Богомъ. Поэтому, влекомый „любовію къ подвигамъ благочестія“, святитель скоро оставилъ Кіевъ и поселился въ отдаленномъ, уединенномъ и небольшомъ монастырѣ Кіевской епархіи—Крупидкомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ издавна славился строгостію иноческой жизни пребывавшихъ въ немъ монаховъ. Въ Крупидкомъ монастырѣ мы видимъ святителя Θεодосія уже въ санѣ іеромонаха.

Но само собою разумѣется, что образованный инокъ, какъ бы онъ ни скрывался отъ міра, не могъ остаться незамѣченнымъ со стороны высшаго духовнаго начальства. Дѣйствительно, вскорѣ, именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ХVІІ в. іеромонахъ Θεодосій былъ назначенъ игуменомъ Корсунскаго монастыря Кіевской епархіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что новое назначеніе святителя Θεодосія должно было вполне удовлетворять внутреннему влеченію его. Хотя званіе игумена и требовало отъ святителя нѣкоторыхъ заботъ по устройству монастыря, но за то самый монастырь, находившійся на островѣ р. Роси, вдали отъ мірскихъ жилищъ, и отличавшійся живописностію своего мѣстоположенія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ стремленію его игумена къ уединенію и подвигамъ благочестія вдали отъ мірской суеты. По всей вѣроятности, главная дѣятельность игумена Θεодо-

сія была направлена на внутреннее устройство Корсунскаго монастыря, почему вышнихъ проявленій ея и не сохранила намъ исторія, отъ которой болышею частію остаются сокрытыми дѣла внутренняго благочестія и подвижнической жизни.

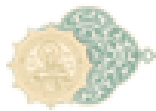
Въ 1664 году корсунскій игуменъ Оеодосій былъ назначенъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, одного изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ монастырей Кіевской епархіи. Кіево-Выдубицкій монастырь незадолго предъ тѣмъ былъ отобранъ отъ униатовъ православными и потому находился въ сравнительно неустроенномъ состояніи. Святитель Оеодосій оставался игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря въ теченіе 24 лѣтъ и за это время сдѣлалъ весьма много для благоустройства своей обители. Прежде всего, при содѣйствіи малороссійскаго гетмана Дорошенко, онъ закрѣпилъ за монастыремъ прежнія его владѣнія для того, чтобы оградить ихъ на будущее время отъ притязаній со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ. Тотъ же самый гетманъ, по ходатайству игумена Оеодосія, подарилъ Кіево-Выдубицкому монастырю еще нѣкоторыя новыя имущества. Затѣмъ, по ходатайству игумена Оеодосія, жалованною грамотою московскихъ государей Іоанна и Петра Алексѣвичей отъ 11 февраля 1685 года Кіево-выдубицкому монастырю даровано было право черезъ каждыя пять лѣтъ присылать въ Москву своихъ чернецовъ для испрошенія царской милостины, при чемъ въ томъ же году монастырю дана была особо щедрая царская милостыня. Изъ другихъ распоряженій касательно благоустройства Кіево-Выдубицкаго монастыря видно, что святитель Оеодосій былъ весьма заботливымъ игуменомъ обители, благомъ которой онъ дорожилъ больше всего. Благо своего монастыря онъ ставилъ выше даже дружескихъ отношеній и собственной чести. Особенно ясно эта черта въ характерѣ святителя Оеодосія, выступила во время столкновенія Кіево-Выдубицкаго монастыря съ Кіево-печерскою лаврою,—столкновенія, возникшаго на почвѣ неопредѣленности границъ монастырскихъ и лавр-

скихъ земельныхъ имуществъ. Святитель Θεодосій настолько ревностно защищалъ интересы ввѣренной ему обители, что поставилъ этимъ въ крайнее затрудненіе кіево-печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, своего бывшаго ректора по Кіево-братской коллегіи. Этотъ послѣдній обратился къ посредничеству черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, который по его просьбѣ писалъ нѣсколько писемъ къ святителю Θεодосію. „Возвѣщая вамъ миръ“,—писалъ, напр., архіепископъ Лазарь 16 іюля 1672 года,—„желаю очень, чтобы онъ былъ между вами... Давно сказано: уступи старшему.—Больше чести тому, кто ее воздаетъ, нежели тому, кто ее принимаетъ. Вамъ будетъ честь, когда вы почтете того, кто столько заслужилъ ее, и не станете огорчать угнетеннаго бѣдами.—Сами вы—стѣна въ церкви Божіей. Совѣтую вамъ пастырски, отечески и братски и совершенно убѣжденъ въ томъ, что совѣтъ мой не падетъ, какъ горохъ къ стѣнѣ, а упадетъ на добрую землю, какъ сѣмя доброе. Постарайтесь Господа ради, убѣждаю и прошу васъ—сдѣлать такое снисхожденіе, поклонившись честнѣйшей херувимъ, поклониться и Ея стражу и пасть въ отеческія его объятія, а непріятную тяжбу по судамъ оставить.—Любовь все созидаетъ“... Но увѣщаніе не подѣйствовало, вслѣдствіе великой ревности игумена Θεодосія о монастырской собственности. Поэтому, архіепископъ Лазарь Барановичъ снова писалъ святителю Θεодосію письмо, въ которомъ увѣщавалъ его „ради Господа Бога, ради Спасителя нашего Христа и рождшей Его Матери, ради архангела Михайла.., умиловити какъ наискорѣе прогнѣванную сію знаменитую особу. (Письмо отъ 20 октября 1674 года). Но святитель Θεодосій и послѣ того продолжалъ ревновать о благѣ ввѣренной ему обители. И только, кажется, начальственное распоряженіе архіепископа Лазаря, принятое святителемъ Θεодосіемъ съ глубочайшимъ смиреніемъ, охладило его ревность о ввѣренной ему обители и заставило его прекратить искъ о владѣніяхъ монастыря.

Но какъ и прежде, такъ и теперь въ званіи игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря святитель Феодосій прежде и больше всего заботился о внутреннемъ благоустройствѣ своей обители. Извѣстны, прежде всего, его попеченія о благочиніи и благолѣпії богослуженія въ монастырѣ. Заботами игумена Феодосія въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ былъ образованъ такой прекрасный хоръ, что онъ славился не только въ Кіевѣ и во всей Малороссіи, но сдѣлался извѣстнымъ даже и въ Москвѣ. Въ 1685 году Кіево-Выдубицкій игумень Феодосій посылалъ своихъ пѣвчихъ въ Москву, очевидно, въ качествѣ устроителей пѣнія здѣсь. Съ другой стороны, еще съ большимъ усердіемъ святитель Феодосій заботился о поддержаніи подвижническаго духа въ своей обители, при чемъ самъ своею высоко подвижницею жизнію подавалъ самый лучший примѣръ монастырской братіи. Свѣтлая личность Кіево-Выдубицкаго игумена привлекала къ нему многихъ другихъ иноковъ, искренно желавшихъ вести строго подвижническую жизнь, такъ что съ теченіемъ времени около святителя Феодосія, какъ можно полагать, образовался цѣлый кружокъ подвижниковъ. А такъ какъ самъ Кіево-Выдубицкій монастырь, имѣвшій много братіи, не представлялъ полнаго удобства для выполненія строго-подвижническихъ обѣтовъ, то заботами святителя Феодосія былъ основанъ и устроенъ въ 1680 г. на участіи Кіево-Выдубицкаго монастыря, на „островѣ Михайловщинѣ“, скитокъ исключительно для лицъ, искавшихъ мѣста для уединенной, строго отшельнической жизни. Устроителемъ этого скитка, по назначенію святителя Феодосія, былъ одинъ изъ строгихъ подвижниковъ, окружавшихъ Кіево-Выдубицкаго игумена, іеромонахъ Іовъ Опалинскій.

Къ концу служенія святителя Феодосія въ званіи игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря дѣятельность его значительно расширилась. Когда черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи, то онъ самъ оставался въ Черниговѣ, а своимъ

намѣстникомъ по управленію митрополіею назначилъ Кіево-выдубицкаго игумена Θεодосія. Это было высокое отличіе для святителя Θεодосія, выдѣлявшее его изъ ряда всѣхъ другихъ лицъ высшаго южно-русскаго духовенства. Назначеніе намѣстникомъ мѣстоблюстителя Кіевской митрополіи свидѣтельствовало, съ одной стороны, о глубокомъ уваженіи, какимъ пользовался игуменъ Θεодосій въ Кіевѣ, а съ другой—объ искреннемъ расположеніи къ нему со стороны черниговскаго архипастыря, занимавшаго тогда первое мѣсто въ ряду высшаго малороссійскаго духовенства. Назначеніе это, безъ сомнѣнія, принесло въ послѣдствіи великую пользу и самому Кіево-Выдубицкому игумену, давъ ему возможность ближе познакомиться съ состояніемъ южно-русской церкви. Есть основаніе думать при этомъ, что игуменъ Θεодосій, какъ намѣстникъ мѣстоблюстителя Кіевской митрополіи, принималъ дѣятельное участіе въ управленіи этою послѣднею и вообще въ судьбахъ южно-русской церкви. По крайней мѣрѣ, достоверно извѣстно, что въ качествѣ Кіево-Выдубицкаго игумена и намѣстника мѣстоблюстителя кіевской митрополіи святитель Θεодосій принималъ самое горячее участіе въ нѣкоторыхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ того времени. Такъ, онъ участвовалъ въ качествѣ первостепеннаго дѣятеля въ избраніи князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго въ санъ кіевскаго митрополита (въ 1685 г.). Онъ же былъ и представителемъ посольства, которое соборъ отправлялъ къ новоизбранному съ приглашеніемъ принять престолъ Кіевской митрополіи. Въ томъ же 1685 году „пречестный и въ церкви малороссійской заслуженный“ игуменъ Θεодосій путешествовалъ въ Москву, какъ представитель посольства отъ новоизбраннаго кіевскаго митрополита и малороссійскаго гетмана съ просьбою о принятіи Кіевской митрополіи подъ покровительство московскаго патріарха. Результатомъ этого посольства было, какъ извѣстно, великое дѣло присоединенія южно-русской церкви къ Московскому патріаршеству,—событіе, имѣвшее самую

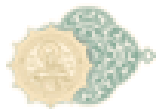

благодарныя послѣдствія для южно-русской церкви, которая столько претерпѣла отъ вреднаго вліянія со стороны римско-католичества и отъ внутреннихъ смутъ и волненій. Самъ святитель Теодосій весьма сочувствовалъ этому соединенію малорусской церкви съ Московскимъ патріаршествомъ, вполне вѣрно оцѣнивъ своимъ проникательнымъ умомъ великія послѣдствія этого событія. Несмотря однако же на это, святителю Теодосію пришлось перенести великое огорченіе изъ-за этого дѣла. Бывшій предъ тѣмъ мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи, епископъ мстиславскій Меѳодій, обличенный въ измѣнѣ Московскому государству и въ интригахъ противъ присоединенія Кіевской митрополіи къ всероссійскому патріаршеству, желая какъ-нибудь оправдаться, началъ слагать съ себя вину на другихъ и обвинилъ, между прочимъ, святителя Теодосія въ сношеніяхъ съ лицами, враждебно относившимися къ дѣлу присоединенія малороссійской церкви къ Московскому патріаршеству. Святитель Теодосій, какъ это ни тяжело ему было, долженъ былъ защищаться. Какъ видно изъ недавно обнаруженныхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, московское правительство признало полную невинность святителя Теодосія во взведенномъ на него преступленіи и торжественно объявило объ этомъ во всенародное свѣдѣніе, выразивъ благодарность святителю за его особенную ревность по православію и любовь къ отечеству.

Въ санѣ игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря святитель Теодосій оставался до 1688 года. Въ этомъ послѣднемъ году онъ былъ назначенъ архимандритомъ черниговскаго Елецкаго монастыря. Новое назначеніе святителя Теодосія состоялось, кажется, главнымъ образомъ по желанію черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, который, очевидно, успѣлъ хорошо узнать и вполне оцѣнить высокія достоинства личности кіево-выдубицкаго игумена за время своего управленія Кіевскою митрополіею. Архіепископъ Лазарь видимо желалъ пользоваться сотрудничествомъ святителя Теодосія и

въ Черниговѣ, какъ онъ пользовался имъ и во время завѣдыванія дѣлами Кіевской митрополіи. Но еще больше, кажется, ихъ сближала одинаковая склонность къ строго подвижнической жизни. Изъ сохранившейся переписки между ними видно, что архіепископъ Лазарь глубоко уважалъ въ святителѣ Θεодосіи его добродѣтельную жизнь, между прочимъ, его строгое постничество. „Не знаю, угоденъ ли будетъ при этомъ постъ вашъ?“ — замѣчалъ онъ, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ писанныхъ по поводу недоразумѣній между святителемъ Θεодосіемъ и кіево-печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ. Въ пользу того, что сближеніе архіепископа Лазаря и святителя Θεодосіа произошло именно на почвѣ одинаковаго расположенія ихъ къ подвижнической жизни, говоритъ также и слѣдующее обстоятельство. Вокругъ архіепископа Лазаря Барановича въ это время собирается, повидимому, цѣлый кружокъ образованныхъ монаховъ-подвижниковъ, между которыми выдающееся мѣсто занимаетъ святитель Θεодосій.

Будучи еще архимандритомъ Елецкаго черниговскаго монастыря, святитель Θεодосій оказывалъ важное содѣйствіе своему покровителю, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ предпріятіяхъ архіепископа Лазаря. Такъ, напр., въ концѣ восьмидесятихъ годовъ XVII в. архимандритъ Θεодосій содѣйствовалъ архіепископу Лазарю Барановичу въ составленіи отвѣта московскому патріарху Іоакиму, желавшему знать ученіе южно-русской церкви о времени пресуществленія св. даровъ и взгляды на книгу Θεодосія Софоновича подъ заглавіемъ: „Выкладъ о церкви святой“. Кромѣ того, въ 1689 году архимандритъ Θεодосій лично путешествовалъ въ Москву съ письмомъ архіепископа Лазаря Барановича къ патріарху Іоакиму по тому же самому дѣлу. Возложеніе этого порученія на святителя Θεодосіа весьма краснорѣчиво говоритъ о томъ высокомъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ южно-русской церкви, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ онъ являлся предъ лицомъ всероссійскаго

патріарха представителемъ православія всей южно-русской церкви и выразителемъ ея мнѣній о важныхъ предметахъ вѣры. Нельзя не замѣтить при этомъ, что вмѣстѣ съ святителемъ Теодосіемъ путешествовалъ въ Москву и св. Димитрій Ростовскій, бывшій въ то время батуринскимъ игуменомъ, въ качествѣ представителя кіевскаго митрополита по тому же самому дѣлу. Вскорѣ послѣ того мы видимъ архимандрита Теодосія принимающимъ дѣятельное участіе въ недоразумѣніяхъ между архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ и кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, возникшихъ изъ-за отчисленія трехъ протопопій отъ черниговской архіепископіи къ Кіевской митрополіи. По этому поводу въ 1691 году архимандритъ Теодосій путешествовалъ даже лично въ Москву, хотя посольство это и не имѣло успѣха.

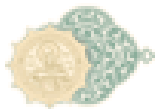
Являясь помощникомъ и замѣстителемъ архіепископа Лазаря Барановича въ особенно важныхъ событіяхъ, святытель Теодосій, въ бытность свою елецкимъ архимандритомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и постояннымъ сотрудникомъ престарѣлаго іерарха по управленію обширною Черниговскою епархіей. Сохранилось множество документальныхъ свидѣтельствъ этой дѣятельности архимандрита Теодосія.

Что же касается дѣятельности святителя Теодосія собственно по управленію ввѣреннаго ему Елецкаго монастыря, то она состояла главнымъ образомъ въ заботахъ о внутреннемъ благосостояніи обители, въ частности, объ утвержденіи и поддержаніи въ ней истинно монашеской жизни. Лучшимъ образцомъ такой жизни былъ самъ настоятель монастыря.

Истинно подвижническая жизнь елецкаго архимандрита вмѣстѣ съ его умною и тактичною дѣятельностію доставили ему широкую извѣстность и глубокое уваженіе не только въ Черниговской епархіи, но и во всей южно-русской церкви, высшее духовенство и паства которой цѣнила его теперь еще больше, чѣмъ въ прежнее время. Въ годы своего управленія

черниговскимъ Елецкимъ монастыремъ святитель Θεодосій въ 1690 г. былъ представляемъ въ качествѣ кандидата на высокія должности кіевскаго митрополита и архимандрита Кіево-печерской лавры. Ни того, ни другого званія онъ не получилъ, только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ.

Между тѣмъ, здоровье черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, которому еще съ 1688 года дѣятельно помогаль святитель Θεодосій, весьма ослабѣло. Онъ сталъ чувствовать себя рѣшительно не въ силахъ управлять обширною епархією безъ ущерба для благосостоянія этой послѣдней. Поэтому онъ рѣшился съ вѣдома высшаго духовнаго начальства и открыто сдѣлать елецкаго архимандрита Θεодосія своимъ помощникомъ. Въ 1691 году онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ патріарху Адріану, которому писалъ отъ себя и малороссійскій гетманъ о томъ же самомъ. Съ письмами архіепископа и гетмана къ патріарху отправлялся въ Москву самъ же архимандритъ Θεодосій. Патріархъ исполнилъ желаніе архіепископа Лазаря Барановича и особою грамотою утвердилъ елецкаго архимандрита Θεодосія въ званіи помощника черниговскаго архіепископа, при чемъ въ патріаршей граматѣ о святителѣ Θεодосіи, между прочимъ, говорилось слѣдующее: „слышахомъ его благоправіе и въ епархіи Черниговской преосвященному архіепископу (яко мужу уже исполнену дніи) въ правленіи способна и послушна, во угожденіи и гдѣлѣхъ благоискусна... Тѣмже ваша мѣрность, видяще въ немъ такое благоимство, въ тожде служеніи и поспѣшество преосвященному архіепископу Лазарю правленія епархіи и дома архіерейскаго благословляемъ. Аще же благотворя въ терпѣніи здѣшнихъ всякихъ приключенныхъ скорбіи благодушнѣй явится и во исполненіи должности сея непороченъ пребудетъ, убо возиметъ Богу хотящу и вѣщее достоинство и по немъ архіепископѣ Лазарѣ степене архіерейства наслѣдство; ибо Господь Богъ чловѣку изрядну даетъ въ чести быти славну“. Крімъ того, въ осо-

ОПИСАНІЕ ОТВЕРТІЯ МОЩЕЙ СВЯТ. ОЕОДОСІЯ УГЛИЦКАГО. 335

бомъ писемъ на имя архіепископа Лазаря Барановича патріархъ такъ отзывался о святителѣ Ѳеодосіи: „его же и наша мѣрность видяще чловѣка честна и отъ насъ въ добротельствѣ извѣстнаго, на новое служеніе благословляемъ: да великая тобою дѣла онъ управляетъ, въ дому вещи да сохраняетъ всякія, слушаай тебе яко и прежде“...

Изъ патріаршей грамоты на утвержденіе архимандрита въ званіи помощника черниговскаго архіепископа видно, что патріарху уже въ это время было извѣстно тайное желаніе Лазаря Барановича имѣть своимъ преемникомъ того, кого онъ просилъ себѣ въ помощники. Такъ оно, дѣйствительно, и случилось съ тою особенностію, что архіепископъ Лазарь пожелалъ передать своему преемнику черниговскую архіепископію еще при своей жизни. Трудно сказать, какими собственно соображеніями руководился въ данномъ случаѣ архіепископъ Лазарь Барановичъ. Несомнѣнно только то, что главнѣйшее значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣли ослабленіе здоровья архіепископа Лазаря и та любовь, то глубокое уваженіе, какія онъ питалъ къ святителю Ѳеодосію. Но какъ бы то ни было, только, по предложенію архіепископа Лазаря, въ 1692 году, съ согласія малороссійскаго гетмана, было назначено собраніе для выбора черниговскаго архіепископа. Въ назначенное время собрались гетманъ, представители духовенства и уполномоченные отъ народа. Никакихъ преній и продолжительныхъ разсужденій не было при этомъ. Всѣ единогласно „избраша въ таковое церкви Божія служеніе мужа благочестна и въ духовномъ жителствѣ извѣстна и суца имъ на пользу черниговскаго Пресвятыя Богородицы Елецкаго монастыря архимандрита Ѳеодосія Углицкаго“.

Единогласно избранный въ санъ черниговскаго архіепископа архимандритъ Ѳеодосій тогда же отправился лично въ Москву къ патріарху, которому теперь была подчинена черниговская архіепископія. Новоизбранному были вручены письма на имя паріарха отъ архіепископа Лазаря Барановича

и гетмана, при чемъ послѣдній, между прочимъ, характеризоваль святителя Θεодосія, какъ, „добродѣтельнаго мужа, постигшѣ чести и власти тоя достойна, доволна суща еже управлять ввѣренную себѣ паству: словомъ премудра, житіемъ полезна, отъ юности во иноческомъ чину добрѣ поживша, въ Божественныхъ книгахъ искусна и могуща наставляти словесныя Христовы овцы на духовную пажить“...

Желаніе архіепископа Лазаря Барановича и ходатайство малороссійскаго гетмана на первыхъ порахъ поставили патріарха Адріана въ немалое затрудненіе. Собственно противъ удостоенія архимандрита Θεодосія епископскаго сана всероссійскій патріархъ не могъ имѣть и, дѣйствительно, не имѣлъ ничего. Но архимандритъ Θεодосій имѣлъ быть поставленъ черниговскимъ архіепископомъ въ то время, когда былъ еще живъ прежній архіепископъ, который при томъ, хотя и ходатайствовалъ о назначеніи себѣ преемника, но и самъ не отказывался совершенно отъ управленія епархіею. Такимъ образомъ, черниговская архіепископія должна была одновременно имѣть двухъ архіепископовъ съ равными правами и властію. Такое явленіе выходило изъ обычнаго порядка вещей и даже прямо противорѣчило каноническимъ постановленіямъ. Неудивительно, поѣтому, если въ Москвѣ было „сумненіе и разглагольствіе“ по поводу необычной просьбы черниговскаго архіепископа и ходатайства малороссійскаго гетмана. Но послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, рѣшено было исполнить просьбу архіепископа Лазаря Барановича и посвятить архимандрита Θεодосія въ архіепископскій санъ. 9 сентября 1692 года было нареченіе, а 11 числа того же мѣсяца происходила хиротонія архимандрита Θεодосія во епископы. при чемъ онъ тогда же былъ возведенъ и въ званіе архіепископа.

По возвращеніи изъ Москвы, святитель Θεодосій около года управлялъ Черниговскою епархіею въ званіи коадъютора, при чемъ въ это время онъ состоялъ и священно-

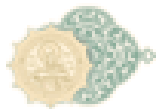

архимандритомъ Елецкаго черниговскаго монастыря. Когда же въ сентябрѣ 1693 года умеръ архіепископъ Лазарь Барановичъ, то святитель Теодосій началъ уже единолично управлять Черниговскою епархією. Здоровье святителя Теодосія и прежде не отличалось особенною крѣпостію. Труды же и постоянныя заботы по управленію обширною епархією еще больше ослабили его. Скоро святитель Теодосій началъ чувствовать слабость силъ и невозможность единолично нести бремя управленія епархією. Поэтому, лѣтомъ 1695 года святитель Теодосій, по примѣру своего предшественника, избралъ помощника себѣ по управленію Черниговскою епархією въ лицѣ архимандрита Елецкаго черниговскаго монастыря—Іоанна Максимовича.

Управленіе святителя Теодосія Черниговскою епархією было сравнительно весьма непродолжительно и свѣдѣній объ этомъ управленіи сохранилось до насъ немного. Скромный всегда и во всемъ, святитель Теодосій остался вѣренъ себѣ и на этотъ разъ. Впрочемъ, въ будущемъ, можетъ быть, и будутъ открыты болѣе многочисленные слѣды плодотворной дѣятельности святителя Теодосія по управленію Черниговскою епархією. Извѣстные же теперь памятники даютъ возможность сказать о дѣятельности святителя Теодосія въ качествѣ епархіальнаго начальника слѣдующее. Особенное вниманіе святитель Теодосій обращалъ на пробужденіе и поддержаніе духа истинно-христіанскаго благочестія въ средѣ своихъ пасомыхъ. Съ этою цѣлью онъ заботился, напр., о возстановленіи прежнихъ и устроеніи новыхъ храмовъ и монастырей. Такъ, при его содѣйствіи и помощи, окончено построеніе новаго каменнаго храма во имя Пресвятыя Троицы въ Ильинской черниговской обители. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1695 году святителемъ Теодосіемъ и доселѣ еще возбуждаетъ удивленіе и благоговѣніе въ молящихся своимъ благолѣпнымъ и величественнымъ видомъ. Святитель Теодосій, да-

лѣе, содѣйствовали устроению Печенижской женской обители (въ нынѣшнемъ Стародубскомъ уѣздѣ), учрежденной благочестивою вдовою стародубскаго полковника Марією Поповичъ. Сохранилась, между прочимъ, и благословенная грамота святителя Θεодосія на устроение этой обители,—грамота, краснорѣчиво свидѣтельствующая о великой ревности святителя объ умноженіи иноческихъ обителей и о насажденіи истинно-христіанскаго благочестія въ средѣ его пасомыхъ при посредствѣ этихъ обителей. Во время же управленія святителя Θεодосія Черниговскою епархіею въ этой послѣдней, вѣроятно, при содѣйствіи самого святителя, были учреждены еще мужескій Домнижскій и мужескій же Радковскій Успенскій монастыри. Да и вообще время управленія святителя Θεодосія Черниговскою епархіею отмѣчается особеннымъ подъемомъ и усиленіемъ иночества, подвижничества въ этой епархіи. Видимо, что святитель и самъ былъ строгій подвижникъ и заботился о насажденіи подвижничества въ своей епархіи.

Впрочемъ, въ своихъ заботахъ о нравственномъ благосостояніи своей епархіи святитель Θεодосій не ограничивался однимъ только насажденіемъ подвижничества. Онъ вообще заботился объ очищеніи и возвышеніи нравственной жизни всѣхъ своихъ пасомыхъ. А такъ какъ нравственность мірянъ весьма много и существенно зависитъ отъ образа нравственной жизни духовенства и отъ степени вліянія приходскаго духовенства на своихъ прихожанъ, то святитель Θεодосій обращалъ главное свое вниманіе на духовенство. Онъ, прежде всего, былъ строго разборчивъ въ выборѣ кандидатовъ священно-служительскихъ мѣстъ и въ опредѣленіи ихъ на мѣста. Самое важное значеніе въ данномъ случаѣ онъ придавалъ и наибольшее вниманіе обращалъ на нравственную жизнь избираемыхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ святитель Θεодосій старался содѣйствовать и образованію черниговскаго

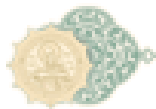
духовенства, считая образованіе однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ усиленію добраго пастырскаго вліянія духовенства на прихожанъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ особенно покровительствовалъ черниговскимъ духовнымъ школамъ, переведеннымъ при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ изъ Новгородъ-Сѣверска въ Черниговъ и находившимся здѣсь при Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Между прочимъ, онъ приглашалъ изъ Кіева въ Черниговъ учителями ученыхъ иноковъ, изъ числа которыхъ особенно замѣчательнъ Іоаннъ Максимовичъ, бывшій впослѣдствіи помощникомъ и преемникомъ святителя Оеодосія по кафедрѣ и настоящимъ устройтелемъ черниговскихъ духовныхъ школъ.

Независимо отъ указанныхъ сейчасъ мѣръ, принимавшихся святителемъ Оеодосіемъ къ усиленію пастырски-просвѣтительной дѣятельности приходскаго духовенства, онъ постоянно внушалъ этому послѣднему быть совершенно справедливымъ въ отношеніи къ пасомымъ и больше всего дорожить добрымъ именемъ и своею честію въ глазахъ прихожанъ. Вообще же строгая справедливость въ отношеніи къ духовенству и паствѣ, глубокое смиреніе, состраданіе и величайшая снисходительность были отличительными чертами епархіальной дѣятельности святителя Оеодосія, судя по сохранившимся скуднымъ свѣдѣніямъ о ней.

Въ епархіальной дѣятельности святителя Оеодосія заслуживаетъ вниманія еще его защита православія противъ вліяній католичества и уніатства и русской народности противъ поляковъ. Кромѣ того, онъ принесъ немало пользы русскому государству тѣмъ, что, благодаря своему нравственному вліянію, краснорѣчію и христіанскому миролюбію, всегда умѣлъ успокаивать вспышки горячихъ и своевольныхъ украинцевъ и тѣмъ самымъ предохранять государство отъ вредныхъ и опасныхъ волненій.

Вообще наибольшее вліяніе на паству святитель Оеодосій оказывалъ не столько своею внѣшнею дѣятельностію, сколько самымъ характеромъ и образомъ своей святой жи-

зни. Онъ былъ подобенъ свѣтильнику, освѣщавшему своимъ тихимъ свѣтомъ всю Черниговскую епархію и всѣхъ согрѣвавшему теплотою своего любвеобильнаго сердца. Какъ ни скудны свѣдѣнія о жизни святителя, любившаго скромность, постоянно искавшаго уединенія и удаленія отъ мірской суеты, тѣмъ не менѣе они даютъ намъ возможность составить ясное представленіе объ образѣ жизни угодника. Прежде всего, онъ былъ истинный подвижникъ. Такимъ знали и считали его лица, находившіяся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ нему; напр., преосв. Лазарь Барановичъ уважалъ святителя за его постничество. Такимъ представляли его тотъ же архіепископъ Лазарь Барановичъ и малороссійскій гетманъ всероссійскому патріарху, когда просили его назначить архимандрита Θεодосія помощникомъ черниговскаго архіепископа. Такимъ же призналъ его и самъ патріархъ, обстоятельно познакомившійся съ нимъ и хорошо испытавшій его предъ тѣмъ. Будучи строгимъ подвижникомъ и постникомъ, святитель Θεодосій, въ частности, отличался глубочайшимъ смиреніемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ новгородъ-сѣверскому архимандриту архіепископъ Лазарь Барановичъ, между прочимъ, замѣчалъ: „преподобный отецъ игуменъ выдубицкій (т. е. святитель Θεодосій), подпавъ подъ мое запрещеніе, не касался и епитрахили, пока не выполнилъ архіерейскаго приказанія“. Запрещеніе архіепископа Лазаря Барановича было вызвано, вѣроятно, тою ревностію, съ какою святитель Θεодосій защищалъ имущество Кіево-Выдубицкаго монастыря и которую уважалъ въ немъ, какъ видно изъ другихъ писемъ архіепископа, и этотъ послѣдній. Можно, кромѣ того, думать, что архіерейское запрещеніе имѣло совершенно частный характеръ, значеніе не столько административной, сколько нравственной мѣры, такъ что если бы не смиреніе святителя Θεодосія и не глубокое уваженіе его къ личности своего учителя, то запрещеніе это могло бы быть оставлено запрещеннымъ безъ всякаго вниманія. Слѣдовательно, смиреніе святителя Θεодосія имѣло тѣмъ большую цѣну, что оно выте-

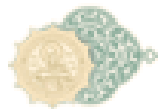

кало не изъ какихъ-либо внѣшнихъ побужденій, а изъ внутренней глубины благоговѣйнаго чувства его самого.

Истинно подвижническая жизнь святителя Оеодосія возбуждала во всѣхъ знавшихъ его глубокое уваженіе къ нему еще при жизни его. При этомъ замѣчательно, что святителя за его благочестіе уважали и почитали не только православные, но даже и инославные христіане. Нѣкоторые изъ римско-католиковъ принимали православіе подъ вліяніемъ благотворнаго дѣйствія на нихъ благочестивой подвижнической жизни святителя Оеодосія. Таковъ, напр., былъ Полубинскій, хорунжій воеводства смоленскаго.

Святитель Оеодосій скончался 5 февраля 1696 года. Честныя мощи его были погребены въ каедральномъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, въ особо сдѣланномъ для того склепѣ, который не замуравывался въ теченіе 40 дней. Но уже въ теченіе этого времени, съ одной стороны, обнаружилось нетлѣніе мощей почившаго святителя, а съ другой стороны, у гробницы его начали совершаться чудотворенія. Вслѣдствіе этого, по распоряженію преемника святителя Оеодосія, архіепископа черниговскаго Іоанна Максимовича, который первый получилъ исцѣленіе по молитвамъ угодника Божія, для гробницы святителя Оеодосія была устроена въ фундаментѣ храма особая довольно просторная каменная пещера съ однимъ окномъ и ходомъ въ нее изъ собора. Съ того же времени вѣрующіе начали прибѣгать къ молитвенному ходатайству святителя и многіе изъ нихъ получали чудесную помощь и чудесныя исцѣленія отъ недуговъ по молитвамъ угодника Божія. Съ теченіемъ времени почитаніе мощей святителя не только не ослабѣвало, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе усиливалось, вслѣдствіе умноженія чудотвореній, совершавшихся отъ мощей святителя. Все это и дало вполне достаточное основаніе для открытія честныхъ мощей святителя Оеодосія, Черниговскаго чудотворца, которое и совершилось 8 и 9 сентября настоящаго года.

Священникъ О. Титовъ.

ПРОТОІЕРЕЙ А. А. САМБОРСКІЙ. ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

По поводу столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II.

(1796 $\frac{9}{\text{ноября}}$ 1896 г.).

(Продолженіе *).

III.

Уже изъ приведенныхъ нами писемъ протоіерея Самборскаго къ своему августѣйшему ученику, великому князю Александру Павловичу, кажется, ясно, что онъ, какъ законоучитель послѣдняго, стоялъ на высотѣ своего призванія. Между тѣмъ, священникъ Морошкинъ, а за нимъ проф. Надлеръ, какъ замѣтили мы выше, отзываются о законоучительской дѣятельности о. Самборскаго съ весьма невыгодной для него стороны. Для соблюденія безпристрастія приведемъ дословно самые эти отзывы. „Вліяніе уроковъ Самборскаго на будущаго царя Россіи“,—пишетъ о. Морошкинъ, „было слабое, какъ отзывался самъ царственный ученикъ, и ограничивалось только знаніемъ краткаго катихизиса, сочиненнаго для сельскихъ школъ, и формальнымъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ православныхъ, безъ всякаго знанія ихъ смысла и значенія¹⁾...

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, м. октябрь 1896 г.

¹⁾ См. дневникъ квакера Грелье, гдѣ онъ описываетъ свой разговоръ съ Александромъ и сужденіе Александра о своемъ религіозномъ воспитаніи. „Онъ (императоръ)“, пишетъ Грелье (приводимъ слова Грелье въ переводѣ съ французскаго), „изложилъ намъ нѣкоторыя подробности относительно своего воспитанія подъ наблюденіемъ его бабки, императрицы Екатерины. Воспитатели, которые были приставлены къ нему, отличались извѣстными достоинствами, но

Вліяніе Самборскаго на Александра едва-ли могло простираться далѣе области изученія имъ на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ. По образованію своему Самборскій былъ не великій богословъ, онъ обучался, по его офіціальному засвидѣтельству, въ Киевской академіи, гдѣ „отчасти богословіе слушалъ“. По складу ума своего, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, это былъ болѣе хорошій агрономъ, чѣмъ богословъ, англичанинъ, чѣмъ православный русскій священникъ, можетъ быть, болѣе развитой, чѣмъ современныя ему духовныя лица, но за то, можетъ быть, болѣе прочей своей братіи удалившійся отъ чистоты и духа православія... Екатерина, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для своего внука, главнымъ образомъ имѣла въ виду предохранить его отъ религіознаго фанатизма и поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, но отъ этого въ сердцѣ его образовалась религіозная пустота, въ которой онъ впоследствии торжественно признавался¹⁾).

Проф. Надлеръ, повторяя о. Морощина, еще болѣе сгущаетъ краски въ своемъ неблагопріятномъ отзывѣ о законоучителѣ императора Александра Павловича. По его словамъ, „на религіозное воспитаніе будущаго самодержца было обращено вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне поверхностное. Оупущеніе страшное, особенно если мы сообразимъ, какое колоссальное значеніе имѣетъ въ жизни народа русскаго начало религіозное, начало православія. Извѣстно, что законоучителемъ императора Павла Петровича былъ одинъ изъ зна-

это не были вѣрующіе христіане; слѣд. первоначальное его воспитаніе не со- общило ему религіозной настроенности, и однако онъ выѣлъ обыкновеніе, со- гласно правиламъ греческой церкви, утромъ и вечеромъ читать извѣстныя мо- литвы, но это ему не нравилось“.

¹⁾ „Графъ Блудовъ и его время“ И. Ковалевскаго, стр. 58—63. См. „Ие-зуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 20—25.

менитѣйшихъ архипастырей русской церкви, митрополитъ Платонъ. Утверждаютъ, что императрица Екатерина осталась недовольна уроками Платона¹⁾, что она приписывала даже многіе изъ недостатковъ Павла вліянію его законоучителя. Какъ-бы то ни было, но религиозное воспитаніе Александра было поручено не Платону и не какому-либо изъ выдающихся свѣтилъ русской церкви, а человѣку мало извѣстному и во всякомъ случаѣ не выдававшемуся ни своими богословскими познаніями, ни религиозно-нравственными качествами. Протоіерей Андрей Афанасьевичъ Самборскій обучался по его собственному свидѣтельству въ Киевской академіи, гдѣ „отчасти слушалъ богословіе“. Судьба забросила его въ Англію... Оставаясь въ Англіи цѣлыхъ 19 лѣтъ (?), о. Самборскій... до такой степени усвоилъ себѣ англійскіе привычки и взгляды, что не могъ отдѣлаться отъ нихъ и по возвращеніи въ Россію. По всему складу своего ума, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, Самборскій былъ скорѣе человѣкъ свѣтскій, нежели духовный. Онъ былъ хорошій агрономъ, отличный садовникъ, но весьма посредственный богословъ... И въ Царскомъ Селѣ о. Самборскій занимался больше хозяйствомъ и садоводствомъ, нежели богословіемъ. Не кто другой, какъ онъ, распланировалъ, между прочимъ, знаменитый Царско-сельскій садъ... Мы не знаемъ, насколько былъ развитъ о. Самборскій въ общеобразовательномъ смыслѣ. Быть можетъ, онъ стоялъ въ этомъ отношеніи даже выше многихъ изъ своихъ братій; но возникаетъ вопросъ, не уступалъ-ли онъ имъ въ другихъ болѣе существенныхъ отношеніяхъ, не удалялся-ли онъ отъ чистоты и духа православія?... Въ Самборскомъ мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ твердымъ въ своей вѣрѣ, чуждымъ страха человѣческаго, не съ глубокимъ богословомъ, а съ свѣтскимъ

¹⁾ Объ отношеніяхъ Екатерины къ Платону см. Морозовъ „Лезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 19 – 20. „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 539 „Воспоминанія Снегирева“, „Записки Храповицкаго“, стр. 33. 59.

и ловкимъ дипломатомъ, лишеннымъ всякихъ глубокихъ и сильныхъ убѣжденій. Такой человѣкъ навѣрное не воспитаетъ фанатика, но онъ не разовьетъ въ духѣ воспитанника истинно-религіознаго чувства, не утвердитъ его въ догматахъ православной церкви, не ознакомитъ его достаточно съ внутреннимъ смысломъ православнаго вѣроученія. Екатерина, говорятъ намъ, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для своего внука, главнымъ образомъ, имѣла въ виду предохра- нить Александра отъ религіознаго фанатизма, поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей¹⁾. Эта цѣль была дѣйствительно достигнута, но достигнута дорогою цѣною. Уроки о. Самборскаго обнаружили весьма слабое вліяніе на Александра, можно сказать даже, что это вліяніе было скорѣе отрицательное, нежели положительное. Онъ заставлялъ своего Царственнаго питомца учить наизусть краткій катихизисъ, составленный для сельскихъ школъ, онъ научилъ его формально соблюдать обряды православной церкви, но никогда не давалъ себѣ труда растолковать ему сокровенный смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ. Впослѣдствіи самъ Александръ горько жаловался на такой способъ религіознаго воспитанія²⁾. Въ душѣ его, по его собственнымъ словамъ, господствовала страшная пустота³⁾. Онъ не зналъ Бога. Онъ произносилъ утромъ и вечеромъ молитвы, но онъ дѣлалъ это сначала по принужденію, а потомъ по привычкѣ. Изъ всѣхъ его воспитателей ни одинъ не въ состояніи былъ пополнить страшнаго пробѣла, оставленнаго о. Самборскимъ⁴⁾.

Итакъ, по взгляду Морошкина и Надлера, протоіерей Самборскій, какъ законоучитель великаго князя Александра

¹⁾ Морошкинъ „Іезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 25.

²⁾ См. свидѣтельство квакера Грелле у Морошкина, т. II, стр. 20.

³⁾ См. Ковалевскаго: „Графъ Вудовъ и его время“, стр. 58 и слѣд.; Eylert, Charakterzüge aus dem Leben Alexanders, т. I, стр. 246—248.

⁴⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 9, стр. 733—735

Павловича, имѣлъ на будущаго царя Россіи весьма слабое вліяніе, и именно потому, что онъ былъ плохой ~~богословъ~~ и къ тому-же человѣкъ не твердый въ православіи. Правда-ли это? Что законоучительскіе уроки о. Самборскаго не имѣли полнаго вліянія на царственнаго его ученика,—это, въ виду нѣкоторыхъ документальныхъ свидѣтельствъ, хотя, впрочемъ, и не совсѣмъ надежныхъ (разумѣемъ квакера Грелье), быть можетъ и правда, но въ данномъ случаѣ виноватъ былъ не законоучитель, а вся та обстановка воспитанія, которая была создана для Александра Павловича самой императрицей Екатериной II. Какъ извѣстно, императрица Екатерина сама начертала планъ воспитанія своего любимаго внука, руководясь модными въ то время идеями Локка и Жанъ-Жака Руссо. Памятникомъ заботъ ея о воспитаніи великаго князя Александра Павловича остались: „Бабушкина Азбука“, собственно-ручно ею написанная, и „Наставленія“, ею же составленные для воспитателя его Николая Ивановича Салтыкова¹⁾. При многихъ несомнѣнно хорошихъ сторонахъ системы воспитанія, усвоенной Екатериною для ея внука, развившей въ Александрѣ Павловичѣ много добраго и возвышеннаго, нельзя не замѣтить въ ней и много несовершеннаго и даже страннаго. Важнѣйшимъ недостаткомъ этой системы воспитанія было отсутствіе религіозно-нравственнаго элемента. Самый составъ воспитателей далеко не благопріятствовалъ развитію этого элемента.

Главный воспитатель великаго князя Александра Павловича, генералъ-аншефъ графъ (впослѣдствіи князь и фельд-маршалъ) Н. И. Салтыковъ, уже по самому свойству своей натуры, не могъ имѣть преобладающаго нравственнаго вліянія на своего царственнаго питомца. По словамъ Грибовскаго и

¹⁾ О воспитаніи великаго князя Александра Павловича говорятъ подробно Пыпкинъ въ своихъ „Очеркахъ общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I-мъ“ и Богдановичъ въ своей „Истории царствованія императора Александра I“.

другихъ современниковъ, онъ „почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; въ дѣлахъ же собственно ему порученныхъ былъ управляемъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ—неограниченною графинею, работѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшихъ въ немилость“. На попеченіи такого человѣка лежали заботы о сохраненіи здоровья и нравственномъ воспитаніи августѣйшаго питомца; но самое большее, что могъ онъ сдѣлать въ послѣднемъ отношеніи, это познакомить великаго князя съ не совсѣмъ безупречными въ нравственномъ смыслѣ правилами тогдашней придворной политики, и только¹⁾. Во всѣхъ отношеніяхъ графъ Салтыковъ принужденъ былъ уступить первое мѣсто человѣку, занимавшему официально положеніе второстепенное, но руководившему въ дѣйствительности дѣломъ воспитанія, восторженному сыну свободной республиканской Швейцаріи, полковнику Ф. Ц. Лагарпу, проникнутому до глубины души либеральными идеями энциклопедической философіи XVIII вѣка²⁾. Относясь къ своему царственному воспитаннику съ безусловною преданностію, онъ старался внушить ему все то, что волновало его душу. Гуманныя, но въ то же время отвлеченныя идеи о гражданской свободѣ человѣка, договорномъ происхожденіи обществъ, могуществѣ человѣческаго разума, равенствѣ людей и нелѣпости деспотизма,—идеи, поясняемыя примѣрами, заимствованными изъ латинскихъ и греческихъ писателей: Демосоена, Плутарха

¹⁾ О Салтыковѣ, какъ воспитателѣ великаго князя Александра Павловича см. „Отрывки обществ. движенія при императорѣ Александрѣ I“, т. I, гдѣ приведено, между прочимъ, свидѣтельство Грибовскаго, и „Восстание Европы“ 1870 г., т. I, стр. 739. 740.

²⁾ О Лагарпѣ см. его „Мемуары“, изд. въ Парижѣ въ 1864 г.; „Русскій Архивъ“ 1866 и 1869 гг.; Русская Старина“ 1870 г. и „Отрывки обществ. движенія при императорѣ Александрѣ I“.

и Тацита, а также английских и французских философов¹⁾, должны были, по его глубокому убѣжденію, всецѣло вліять на развитіе ума и характера будущаго государя Россіи. Изъ религіозныхъ понятій Лагарпъ могъ сообщить великому князю Александру развѣ только туманное представленіе о Верховномъ существѣ, о какой-то невѣдомой, непостижимой и таинственной силѣ, вліяющей на судьбы міра и людей, и насадить въ душѣ будущаго государя сѣмена масонскаго и мартинистскаго мистицизма²⁾).

Ближайшимъ послѣ Лагарпа воспитателемъ Александра Павловича былъ А. Я. Протасовъ. Будучи вѣрнымъ сыномъ православной церкви и строгимъ хранителемъ дворянскихъ традицій, Протасовъ чуждался философскаго духа вѣка и утверждалъ гражданскія чувства не на отвлеченныхъ началахъ нравственности, а на христіанскомъ ученіи и уже сложившихся формахъ русской общественной жизни. Горячо любивъ великаго князя, онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и старался ослабить вліяніе на него Лагарпа³⁾. Но консерватизмъ Про-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 75 – 94.

²⁾ См. Caréigues. La baronne Krüdener, pag. 76: „Наставникомъ царя былъ швейцарскій подковникъ Лагарпъ, имѣвшій связь съ масонскими ложами и мартинистами. Подъ его вліяніемъ Александръ слѣдовалъ въ политикѣ очень либеральному направленію“.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 97. Призывая честность намѣреній Лагарпа, Протасовъ не считалъ осуществленіе ихъ полезнымъ для великаго князя Александра. „Je lis souvent, писалъ Протасовъ князю Воронцову въ 1798 году, le nom de l'aimable La Harpe. J'ai, comme vous savez, rendu toujours justice à son savoir, mais jamais à ses sentimens“. Архивъ кн. Воронцова, XV, 124. Въ своихъ запискахъ о воспитаніи великаго князя Александра Протасовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Александръ Павловичъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ... говорилъ, что равенство между людьми хорошо, и что французскіе дворяне напрасно беспокоятся лишеніемъ сего достоинства, понеже оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося никакой за собою ощутительной пользы. Я за долгъ и честь почесть доказать Его Высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя что оныя ему вложены человекомъ, любящимъ народное правленіе, хотя, впрочемъ, съ честнѣйшими намѣреніями“ (намекъ на Лагарпа).

тасова естественно не могъ удовлетворить мечтательнаго юношу, которому защищаемые гувернеромъ взгляды казались уже отжившими свой вѣкъ. Къ Протасову великій князь Александръ Павловичъ относился тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ, что онъ былъ человѣкъ весьма ограниченный и безхарактерный, подвергавшійся насмѣшкамъ всего двора ¹⁾.

Наконецъ, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, извѣстный писатель, на обязанности котораго лежало преподавать Александру Павловичу російскую словесность, самъ былъ большимъ поклонникомъ французской философіи и потому дѣйствовалъ только въ духѣ системы Лагарпа, такъ что на урокахъ русской словесности великій князь слушалъ въ сущности тоже, что Лагарпъ излагалъ ему по-французски ²⁾. Независимо отъ того, Муравьевъ, по примѣру Лагарпа, старался привить своему питомцу ту сентиментальную чувствительность, то умиленіе красотами природы, то полувосторженное, полуплаксивое восхищеніе идеалами человѣческой добродѣтели, безъ серьезнаго намѣренія осуществить ихъ на самомъ дѣлѣ,—которыя были въ его глазахъ обязательно принадлежностію каждаго философски образованнаго человѣка.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ русскихъ воспитателей не могъ поставить въ надлежащія рамки всеобъемлющее европейское вліяніе Лагарпа на царственнаго питомца. Только отъ своего законоучителя, протоіерея А. А. Самборскаго, великій князь принималъ нѣкоторое умственное и нравственное противоядіе. Онъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ его коллегъ, могъ понять пагубный характеръ вліянія Лагарпа на своего августѣйшаго ученика и менѣе всего могъ согласиться съ его религіозными воззрѣніями и потому прилагалъ всѣ усилія противоdѣйствовать тому, что называлъ онъ въ своихъ письмахъ „суетвѣріемъ“. По собственному сознанію о. Самборскаго,

¹⁾ Богдановичъ, Исторія царствов. императора Александра I, т. I, стр. 17.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 311.

„труды его оказались не напрасны въ велико-важномъ служеніи, которому самъ Всевышній Творецъ споспѣшествовалъ“. Когда Александръ Павловичъ сдѣлался уже императоромъ, Самборскій, отъ 29 декабря 1804 г., писалъ ему: „Единый (Всевышній Творецъ) не допустилъ, дабы я сдѣлался невинною жертвою *страшному суетврію!* Нѣтъ надобности входить во всѣ прошедшія подробности, которыя сопряжены суть и съ настоящими. Ваше Императорское Величество были очевидный свидѣтель, что я не уважалъ своей жизни, *противоборствуя богопротивному суетврію*. Впрочемъ, никто не можетъ быть столько удостовѣренъ, какъ Вы, Всемиловѣйшій Государь. Съ какою правотою моя душа, съ какою искренностію моего сердца, съ какою пламенѣющею любовію, вѣрностію и всесовершенною преданностію, я всемѣрно старался во все время служить Вашему Императорскому Величеству“. Исторія должна быть благодарна протоіерею Самборскому и за то сравнительно малое, что онъ успѣлъ заронить, среди самыхъ сильныхъ неблагопріятныхъ вліяній, въ душу великаго князя и въ чемъ не могутъ отказать ему и его противники. Безъ сомнѣнія, только благодаря вліянію о. Самборскаго развилось и окрѣпло то здоровое и религіозное чувство Александра Павловича, которое съ такою силою возгорѣлось въ его душѣ въ годину страшныхъ испытаній отечественной войны и которое не оставляло его до самой послѣдней минуты жизни. По крайней мѣрѣ самъ императоръ Александръ I о себѣ заявилъ, что „мы во всемъ сходились съ Лагарпомъ, *кромя религии*“¹⁾).

Мы видѣли, что слабое вліяніе о. Самборскаго на будущаго царя Россіи о. Морошкинъ и проф. Надлеръ поставляютъ въ связь съ его яко-бы невысокимъ богословско-образовательнымъ цензомъ и затѣмъ съ предполагаемою нетвердостью его въ православныхъ воззрѣніяхъ. Это уже вопіющая

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, „Полное собраніе сочиненій“, VП, стр. 347.

и оскорбительная для свѣтлой памяти законоучителя императора Александра Благословеннаго несправедливость. По отзыву безпристрастныхъ историковъ, „Самборскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; но ни знакомство съ философскими сочиненіями энциклопедистовъ, ни долгое пребываніе за границей не подорвали въ немъ глубокой вѣры въ чистоту православнаго ученія и любви къ своему народу“ ¹⁾).

Хотя руководствомъ по Закону Божію дѣйствительно предписанъ былъ протоіерею Самборскому „Православный катихизисъ“, составленный для народныхъ училищъ, и на своихъ урокахъ онъ придерживался его общаго плана, тѣмъ не менѣе его солидное богословское образованіе, прочное основаніе которому было положено въ той же Киевской академіи, откуда вышли знаменитые іерархи-малороссы Екатерининскаго времени—Самуилъ Миславскій и Георгій Конисскій, а завершеніе достигнуто самообразованіемъ и постояннымъ обращеніемъ съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени,—никоимъ образомъ не могло позволить ему во „вліяніи его на Александра“ ограничиваться одною „областію изученія на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ“, какъ полагаетъ о. Морошкинъ. Что это такъ,—въ этомъ мы убѣждаемся изъ сохранившихся двухъ рапортовъ о. Самборскаго о характерѣ преподаванія имъ Закона Божія и еще изъ рѣчи, сказанной имъ во время испытанія въ Законѣ Божіемъ великой княжны Александры Павловны. Въ виду особенной важности въ данномъ случаѣ этихъ документовъ приводимъ ихъ въ извлеченіи.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1891 г. кн. II, стр. 311.—There are few men whom I esteem more than this same Samborski; the degree of respect he meets with here (т. е. въ Петербургѣ) is very great“ писалъ о немъ 13 (24) дек. 1782 г. изъ Петербурга Самуилъ Бентамъ своему брату извѣстному философу Іереміи Бентаму въ Лондонѣ. см. „Рус.-посольск. церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.“, стр. 16, прим.

„Съ самаго того времени, какъ великая и премудрая Екатерина благоизволила опредѣлять меня христіанскаго закона учителемъ своимъ любезнѣйшимъ воспитанникамъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Александру Павловичу и Константину Павловичу“,—писалъ протоіерей Самборскій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ¹⁾,—„я непрестанно помышлялъ о способахъ, коими бы возможно было наилучнѣйше и вразумительнѣе преподавать истинное познаніе невидимаго Бога, неисповѣдимаго Его Провидѣнія и превосходство и совершенство Евангельскаго закона; поелику первое впечатлѣніе вещей толь сильно дѣйствуетъ надъ человѣкомъ во всю жизнь его, что оное ничѣмъ почти перемѣниться не можетъ. И оное единственно бываетъ источникомъ пользы и вреда, счастья и несчастья, въ чемъ какъ древніе, такъ и настоящіе неисчетные примѣры насъ увѣряютъ.—*Катихизисъ, употребляемый въ народныхъ училищахъ, предписанъ мнѣ руководствомъ. Превосходный онаго порядокъ начинаетъ познаніе Бога отъ познанія самихъ себя и прочихъ тварей, подлежащихъ нашимъ чувствамъ. Долговременное и простое изслѣдованіе многоразличныхъ тварей и оныхъ свойствъ и природное Ихъ Высочество остроуміе произвело самопроизвольное заключеніе, что оныя твари сами собою сотвориться не могли и что первоначальный есть и долженъ быть Творецъ. И какъ Онъ всѣ вещи сотворилъ изъ ничего, единымъ Своимъ всемогуществомъ, то со всякимъ благоговѣніемъ и признали они Его всемогущимъ. Вникая хотя юнымъ, но весьма здоровымъ разсудкомъ въ существо, совершенство и связь всѣхъ видимыхъ вещей, усмотрѣли Они, что всѣ оныя вещи премудро сотворены; потому и заключили, не по единому токмо повторительному внушенію, но по собственному своему разсудку, что Творецъ есть премудрый.—Похвальное Ихъ Высочество любопытство, устремляющееся познавать на-*

¹⁾ Въ сохранившейся черновой рукописи этого рапорта, къ сожалѣнію, не означено, кто та особа, на имя которой оный былъ адресованъ.

чало и конецъ вещей и ежедневное оныхъ вещей употребленіе, удостовѣрило Ихъ, что всѣ видимыя вещи суть сотворены для нашего блага. Отъ сего естественнаго испытанія непосредственно родилась чистѣйшая и несомнѣнная вѣра, что *Творецъ колико есть всемогущъ и премудръ, толико есть и благъ*; отъ сего купно родилась самая чувствительная первая священная обязанность: *дабы возлюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всюю душою*.—Продолжая разсматриваніе сего видимаго міра, усмотрѣли Они непрестанное объ немъ Божіе провидѣніе, усмотрѣли Они и преудивительную связь вещей, а особливо взаимное и неразрывное отношеніе человѣка. Не трудно было возчувствовать Имъ, что всякій человѣкъ по образу внѣшнему и тѣлесному и по свойству внутреннему и душевному есть твореніе совершенно сходственное во всемъ съ Ними, и что единъ человѣкъ разнствуеетъ отъ другого единымъ только состояніемъ. Не трудно было узнать Имъ, что всякое состояніе, какъ бы оно низко и мало ни было, есть столь важно и необходимо нужно въ родѣ человѣческомъ, что отнявъ оное отъемлется общественное благо. Сіи убѣдительныя истины воспламенили въ нѣжныхъ Ихъ сердцахъ и *вторую обязанность: дабы возлюбить ближняго какъ самаго себя*.—Посвятивъ тако большую часть времени *естественному Богопознанію* и утвердився въ истинной непоколебимой вѣрѣ, возчувствовавъ и узнавъ свою *непреложную обязанность къ Богу и ближнему*, приступили Ихъ Величества къ *вторъ Евангельской*. Тутъ повстрѣчались Они съ вещами превосходящими понятіе; но когда узнали, что человѣкъ дерзновенно согрѣшилъ и нынѣ согрѣшаетъ противу величества и благодати своего Творца, а чрезъ то лишился первобытнаго блаженнаго состоянія, столь подверженъ разнообразнымъ слабостямъ и жестокимъ болѣзнямъ, а паче лютѣйшему совѣсти угрызению и терзанію, то и признали Они необходимо нужнымъ дабы Премилосердный Творецъ низпослалъ свыше *Посредника*, который бы избавилъ человѣка отъ столь плачевнаго состоянія и

паки присоединилъ его къ Божію величеству и благодати. Что присоединеніе сіе инаково быть не можетъ, какъ чрезъ точное исполненіе Евангелія, проповѣданнаго Самимъ Сыномъ Божиимъ, который ради нашего спасенія, спедъ съ небесъ, вочеловѣчился, распялся и воскресъ со славою.—Какъ сія, такъ и прочіе члены *впры и непостижимыя таинства православныя нашей Церкви воспріяли Они съ отмыннымъ и превосходящимъ Ихъ возрастъ удостовѣреніемъ, котораго душе-спасительныя плоды неоднократно уже изъявлены во храмъ Божій.*—Всячески старался я, дабы Ихъ Высочества не почитали урокомъ слово Божіе; почему Они слушали и читали весьма охотно *Евангеліе съ изъясненіями, сочиненное для народныхъ училищъ, прелая притомъ церковный славянскій діалектъ на обыкновенный російскій*“. Въ заключеніе докладной записки о. Самборскій говоритъ о результатахъ своей законоучительской дѣятельности слѣдующее: „Выше и драгоцѣннѣе самой жизни моей поставляю сей торжественный случай, которымъ могу возвѣстить любезнѣйшему отечеству, что Ихъ Высочества *сердца суть расположены ко всякой благодати, что благоугодно есть предъ Богомъ*“...

6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II и на престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ Петровичъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого событія протоіерей Самборскій вступилъ къ императору Павлу съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Созерцая во священнѣйшемъ благоволеніи Вашего Императорскаго Величества неусыпные и богоугодные подвиги, стремящіеся къ утвержденію благословеннаго, кроткаго и всевожденнѣйшаго Вашего возшествія на всеросійскій престолъ, не дерзалъ и доселѣ беспокоить Васъ, сердобольнѣйшій Отецъ, начертаніемъ того, что есть ближе всего Вашему нѣжному сердцу, сирѣчь: *донесеніемъ порядка, каковъ былъ наблюдаемъ въ наставленіи христіанскимъ законамъ Вашихъ Порфирородныхъ Дщерей, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ, зело возлюбленныхъ отечествомъ.*

Сіе донесеніе со всякимъ благоговѣніемъ, подобающимъ Вашему Освященнѣйшему лицу, съ чистою совѣстію, съ истинною христіанскою радостію и со всесовершенною сыновнею преданностію предлагаю нынѣ Вашему благоразсмотрѣнію. Первое: *Пространный катихизисъ*, выбранный изъ богословія, преподанной въ юности Вашему Величеству преосвященнѣйшимъ митрополитомъ Платономъ, былъ чтомою многократно съ доказательствами священнаго Писанія и со всевозможнымъ наблюденіемъ осторожности, дабы непорочныя души Ихъ Высочествъ были предохранены отъ всякихъ заблужденій и темныхъ школьных умствованій... Второе: разумъ Ихъ Высочествъ былъ направляемъ къ познанію таинственныхъ догматовъ всегда съ чистою вѣрою; а сердце напаяемо было чистѣйшимъ благонаправленіемъ естественнымъ и евангельскимъ, для утвержденія коего св. *Евангеліе* было чтено и для лучшаго разумнѣя предлагемо съ славянскаго языка на обыкновенный... А какъ во всемъ Евангеліи сильнѣйшія и яснѣйшія доказательства увѣряютъ, что свисходительное воплощеніе Сына Божія, смиренная и убогая Его жизнь и лютейшія страданія, нашего дражайшаго Спасителя не имѣли иного конца, какъ единую любовь къ человѣку, то взирая на примѣръ благоутробнаго Насгавника, сердца и Ихъ Высочествъ образовались главно къ благодѣланію ближнему, а по превосходству христіанскаго закона и къ любленію враговъ. Третье: Ихъ Императорскія Высочества Александра Павловна и Елена Павловна учатъ наизустъ положенія богословскія, расположенныя на вопросы и отвѣты для лучшаго впечатлѣнія въ памяти... При томъ продолжается постоянно чтеніе *Дѣяній Апостольскихъ* и *Посланій* съ нужнымъ объясненіемъ. Четвертое: *Церковная исторія* объяснитъ состояніе первенствующей церкви и освященныя преданія и обряды, къ ней принадлежащія. Такожъ покажетъ, какія церкви и по какимъ причинамъ въ продолженіи времени отдѣлились; и какая въ оныхъ находится разность противъ первенствующей

церкви. Все это вмѣстѣ докажетъ, что *грекороссійская церковь никогда не была претѣняема, потому и нынѣ претѣняться не можетъ*.—Утвердясь Ихъ Императорскія Высочества въ сихъ познаніяхъ, конечно, пребудутъ во всю жизнь свою истинными, твердыми и вѣрными Дщерями первенствующей церкви... Но еще каковы, кромѣ вышесказанныхъ правилъ, суть еще потребны, то сіе подлежитъ Вашему высочайшему и благочестивѣйшему расположенію, которому я всесовершенно предалъ себя съ того времени, какъ Ваше Величество узнали и испытали въ достопамятномъ путешествіи прямая движенія моей души и намѣренія, стремящіяся къ истинному богопочитанію, къ славѣ Вашего Величества и къ пользѣ ближняго“.

Наконецъ, въ „Рѣчи, сказанной учителемъ Божьяго закова, протоіереемъ Андреемъ Самборскимъ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны, во время испытанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Павловны“, между прочимъ, читаемъ: „Черезъ вниманіе Ваше обращеніе къ Александрѣ Павловнѣ), обращенное на изслѣдованіе самихъ себя и всѣхъ тварей видимыхъ, возчувствовали Ваше Высочество и удостоувѣрились, что *Богъ есть Всемоущій, Премудрый и Преблагій* и что Онъ, будучи во всемъ Всесовершенный, не по нуждѣ, а по единой безпредѣльной любви сотворилъ человѣка, дабы благости Своея сдѣлать причастникомъ; отъ ангелъ малымъ чимъ умалилъ его, славою и честію вѣнчалъ его и поставилъ его надъ дѣлами рукъ своихъ. Познавъ столь великое и блаженное свое преимущество, познали Вы свободно *первую обязанность или заповѣдь: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и всею душою“*. Узнавъ также единообразіе и неразрывный союзъ всѣхъ человѣковъ, признали Вы и *другую обязанность: „возлюбивши ближняго твоего, какъ самого себя“*. Чѣмъ болѣе восходите Вы въ союзъ всѣхъ тварей, паче же человѣка, тѣмъ болѣе Вы были убѣ-

ждены, что Божій Промыселъ необходимо нуженъ челоѣку, а особливо когда онъ, преступивъ заповѣдь, впалъ въ крайнее отчаяніе, побуждающее сильно всякаго челоѣка желать себѣ спасенія, каковое спасеніе и обрѣтается явственно въ *вѣрѣ Евангельской*, въ *вѣрѣ*, соединявшей насъ съ Самимъ Богомъ и содѣлавшей насъ совершенно блаженными въ настоящей и будущей жизни.—Соединеніе же сіе духовное бываетъ чрезъ совершеніе непостижимыхъ *Таинствъ*, которыя Самъ нашъ дражайшій *Ходатай и Искупитель Сынъ Божій* благоизволилъ установить въ *Христіанской церкви*. Въ крещеніи челоѣкъ соединяется съ Богомъ; это же глаголетъ священное Писаніе: „Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь“. Причащеніе же тако: „Ядый мою плоть и пійй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ“.—Состояніе же христіанской церкви отъ перваго ея основанія до нынѣшнихъ временъ представилъ я Вашему Императорскому Высочеству, также и несчастнымъ перемѣнамъ челоѣческихъ разномыслий, вослѣдовавшихъ въ разныя времена по разнымъ причинамъ. И сравнивая Греко-Россійскую церковь съ первымъ самого Спасителя и Апостоловъ его постановленіемъ, должно по всей справедливости сказать, что *Греко-Россійская церковь есть первенствующая, что она никогда не перемѣнялась и перемѣняться не можетъ; следовательно рожденныя въ ней чада искупленныя святыишою Кровью Христовой должны остаться въ ней тверды и непреложны до послѣдняго своего издыханія*“.

Какъ видно изъ приведенныхъ документовъ, протоіерей Самборскій былъ далеко не заурядный законоучитель-богословъ, умѣвшій преподавать своимъ царственнымъ ученикамъ высокія истины вѣры и нравственности христіанской въ строгой логической связи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ достаточной вразумительности, а не ограничивавшійся одною „областію изученія на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ“. Основные начала и приемы

его законоучительской дѣятельности таковы. Сначала онъ старался раскрыть предъ своими высокими учениками и ученицами истины „естественнаго Богопознанія“, а потомъ переходилъ къ разъясненію истинъ „вѣры Евангельской“ или „закона Евангельскаго.“ Выходя изъ мысли о Богѣ, какъ Всемогущемъ, Премудромъ и Всеблагомъ Творцѣ міра, и подтверждая это примѣрами, взятыми изъ окружающей природы, законоучитель старался довести своихъ августѣйшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ до познанія первой и священнѣйшей обязанности (или заповѣди) человѣка—искренней любви къ Богу; затѣмъ посредствомъ описанія гармонической связи видимыхъ вещей и взаимныхъ отношеній человѣческихъ, онъ поставлялъ своею задачею возбудить въ ихъ сердцахъ вторую обязанность человѣка—это любовь къ ближнему, какъ самому себѣ. Послѣ этого уже о. Самборскій старался все вниманіе своихъ питомцевъ сосредоточить на важнѣйшемъ догматѣ евангельскаго вѣроученія—на домостроительствѣ человѣческаго спасенія, совершенномъ воплотившимся Сыномъ Божиимъ,—плоды котораго сохраняются въ церкви Христовой въ ея св. таинствахъ. Всѣ эти христіанскія истины Самборскій раскрывалъ на основаніи слова Божія, которое при этомъ ученики и ученицы читали по-славянски и подъ его руководствомъ переводили на обыкновенный русскій языкъ. Для лучшаго запечатлѣнія разъясненныхъ уже богословскихъ положеній въ умахъ учащихся, они должны были въ концѣ концовъ заучивать ихъ и на память. Въ программу Закона Божія, выработанную о. Самборскимъ, помимо сказаннаго, входила, какъ особый отдѣлъ, церковная исторія, характеръ преподаванія которой въ особенности обличаетъ въ законоучителѣ императора Александра Благословеннаго *прославленнѣйшаго* человѣка.

А между тѣмъ, о. Морозкинъ ¹⁾ и за нимъ проф. Надлеръ ²⁾ считаютъ протоіерея Самборскаго „удалившимся отъ

¹⁾ „Иезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 23—25.

²⁾ „Вѣра и разумъ“ 1884 г., № 9, стр. 733. 734.

чистоты и духа православія“, ссылаясь при этомъ на одно изъ его собственныхъ писемъ къ митрополиту новгородскому и петербургскому Амвросію, въ которомъ самъ о. Самборскій даетъ разумѣть, что о его релігіозномъ настроеніи въ духѣ православія ходили слухи, не совсѣмъ благопріятные для него. „Ваше отнѣнное ко мнѣ благоволеніе и вниманіе“,—писалъ онъ къ митрополиту,—„оказанныя во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе, полезнѣе и спасительнѣе для меня, что я, какъ внутри любезнѣйшаго моего отечества, такъ и внѣ онаго, *вкушалъ горькіе и опасные плоды страшнаго суетврія. Мое рѣшительное повиновеніе благонамѣреннымъ Божиимъ помазанникамъ навекло на меня различные толкованія.* Время, содержащее въ себѣ строгое испытаніе всему, исполненіе моего многотруднаго служенія, одобренія и безпристрастныя свидетельства Высочайшихъ лицъ, должны теперь положить единый и ясный смыслъ на оныя *многообразныя толкованія*“¹⁾). Какъ видно изъ этого письма въ основѣ не совсѣмъ хорошихъ слуховъ, ходившихъ на счетъ православія Самборскаго, лежало ни что другое, какъ зависть, которая вызывалась противъ него благосклонностію къ нему Высочайшихъ особъ. Если же это такъ, то бросать тѣнь, ссылаясь на приведенный документъ, на чистоту православныхъ воззрѣній о. Самборскаго, по меньшей мѣрѣ неосновательно.

Хорошимъ поводомъ для „многообразныхъ“ нареканій на протоіерея Самборскаго могло быть еще и то, что онъ носилъ свѣтскую одежду и брилъ бороду²⁾. Живя часто и

¹⁾ Архивъ канц. петербургскаго митрополита 1806 г., № 385.

²⁾ По этому послѣднему обстоятельству вышло у него даже недоразумѣніе съ петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Когда въ 1788 году 20 мая духовенство собралось для освященія новоустроеннаго тогда въ г. Софіі (въ Царскомъ Селѣ) собора, первымъ протоіереемъ котораго, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ Самборскій (см. „Сѣверная Почта“ 1815 г. № 82), то предъ освященіемъ въ алтарь, до прибытія императрицы, произошла разшолвка у митрополита Гавріила съ о. Самборскимъ изъ-за бритья его бороды (см. „Записки Храповицкаго“ по рукописи П. И. Греча, стр. 63).

подолгу за-границей, гдѣ, какъ извѣстно, наше духовенство носило обыкновенно (да и теперь носить) свѣтское платье и брило бороду, о. Самборскій привыкъ къ этой одеждѣ и не измѣнялъ ее и по возвращеніи въ Россію, тѣмъ болѣе, что императрица Екатерина сама повелѣла ему носить такое платье и брить бороду ¹⁾. Несмотря, однакоже, на уклоненіе отъ нѣкоторыхъ изъ принятыхъ въ нашемъ духовенствѣ обычаевъ, протоіерей Самборскій строго держался основныхъ установленій православной греко-россійской церкви, постоянно внушая слѣдовать этому же и своимъ августѣйшимъ питомцамъ, и неоднократно доказывалъ свою ревность къ православію упорною и опасною для него борьбою съ римско-католическимъ духовенствомъ въ Австріи, о чемъ подробно говорить будемъ впереди. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ святости церковныхъ таинствъ, и когда приготавлился къ совершенію Божественной литургіи, то за цѣлые сутки почти ничего не ѣлъ ²⁾.

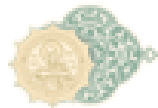
Представивъ эти соображенія въ опроверженіе несправедливыхъ и обидныхъ нареканій на свѣтлую личность законоучителя императора Александра I, можно перейти къ изложенію послѣдующихъ событій жизни протоіерея Самборскаго.

Въ 1797 году, при учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и Опекунства иностранныхъ и сельскаго духовенства, о. Самборскій избранъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, и ему, какъ любителю и извѣстному знатоку агрономіи, былъ порученъ надзоръ надъ школою земледѣлія, учрежденною тогда же близъ Царскаго Села, на дачѣ Бѣлозеркѣ, гдѣ онъ и жилъ въ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, управляя этимъ заведеніемъ, въ качествѣ директора его (до 1799 года) ³⁾, и не оставляя въ

¹⁾ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 15.

²⁾ Тамъ же, стр. 16.

³⁾ Въ 1798 году изъ Харьковскаго коллегіума были вызваны и поступили

то же время обязанностей законоучителя великих князей (воспитание великих князей уже окончилось к этому времени). Изъ расположенія къ бывшему своему законоучителю и великіе князья навѣщали о. Самборскаго на дачѣ Бѣлозеркѣ, гдѣ старшая дочь его, Анна Андреевна, угощала ихъ чаемъ ¹⁾. Здѣсь же бывалъ у него и старый его знакомый М. М. Сперанскій, въ то время уже чиновникъ генераль-прокурорской канцеляріи, который лѣтомъ, по обязанностямъ своей службы, часто пріѣзжалъ въ Павловскъ къ своему начальнику, князю Алексію Борисовичу Куракину (тогдашнему генераль-прокурору сената). Въ домѣ протоіерея Самборскаго, на дачѣ Бѣлозеркѣ, произошло и первое знакомство Сперанскаго съ будущею его женою, молодою англичанкою, дочерью одной вдовы, Елизаветой Стивенсъ, которую Самборскій зналъ еще въ бытность свою въ Лондонѣ и даже былъ ея восприемникомъ ²⁾, и которая теперь воспитывалась въ частномъ пансіонѣ въ Петербургѣ и по воскресеньямъ и пра-

въ Царскосельскую земледѣльческую школу 12 человѣкъ. Изъ другихъ духовныхъ школъ, сколько извѣстно, вызововъ въ эту школу не было. На коллегіумистовъ Самборскій, стоявшій во главѣ этого заведенія, предпочтительно могъ обратить вниманіе просто по чувству, такъ сказать, землячества, какъ на своихъ единоземцевъ (см. нашъ „Харьковский коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году“, Харьковъ, 1895 г., стр. 163)

¹⁾ Самборскій лишился своей жены еще въ 1794 году. Вскорѣ послѣ этого скончался отъ чахотки, на 22 году жизни, и его любимый сынъ Александръ въ датскомъ городѣ Эльсинорѣ, на пути изъ Петербурга въ Англію, гдѣ онъ учился. По смерти сына, у о. Самборскаго остались двѣ дочери, изъ которыхъ младшая, Софія, вышла замужъ за Василя Феодоровича Машиновскаго, служившаго тогда въ иностранной коллегіи, а съ 19 окт. 1811 г. бывшаго первымъ директоромъ Царскосельскаго лицей; старшая же дочь, Анна, осталась дѣвицею навсегда и постоянно жила съ отцомъ своимъ, замѣняя ему по смерти жены хозяйку въ домѣ.

²⁾ По этому случаю Сперанскій, когда испрашивалъ на бракъ свой съ этой дѣвицею благословеніе родителей, писалъ имъ, что, послѣ давняго знакомства съ протоіереемъ Самборскимъ, Провидѣніе соединяетъ ихъ съ нимъ теперь родствомъ (см. „жизнь графа Сперанскаго“ барона Корфа, т. 1, стр. 72, прим.).

здникамъ приѣзжала къ своему крестному отцу ¹⁾. Случилось это такъ. Сперанскій имѣлъ обыкновеніе являться къ отцу Самборскому въ вечернюю пору, когда ему было свободно отъ занятій. Кругъ знакомыхъ Самборскаго, сохранившаго по прежней службѣ своей въ Лондонѣ тѣсную связь со многими англичанами, состоялъ наиболѣе изъ людей, говорившихъ обыкновенно на незнакомомъ Сперанскому англійскомъ языкѣ. Однажды, когда уже всё сидѣли за ужиномъ, напротивъ генераль прокурорскаго чиновника оставалось не занятое мѣсто. Не обративъ на это вниманія среди разговоровъ съ сосѣдомъ, Сперанскій, спустя нѣкоторое время, случайно взглянулъ на пустое прежде мѣсто, гдѣ сидѣла теперь вошедшая незамѣтно для него дѣвушка, которая, при полной свѣжести своихъ шестнадцати лѣтъ и правильной и вмѣстѣ нѣжной красотѣ лица, съ первой же минуты очаровала молодого человека. Эта дѣвица и была Елизавета Стивенсъ. „Мнѣ каза-

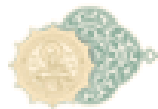
¹⁾ Самборскій, во время своего пребыванія въ Лондонѣ, имѣлъ случай познакомиться съ швейцарскимъ семействомъ Плавта, издавна перѣхавшемъ на жительство въ Англію. Это семейство состояло въ то время изъ двухъ братьевъ и четырехъ сестеръ. Младшая изъ сестеръ Елизавета Андреевна, не смотря на свое блестящее образованіе и другія выдающіяся достоинства, была обречена судьбою на большіе лишенія. Полюбивъ сельскаго пастора Генри Стивенса, она бѣжала изъ дому и обитчилась съ нимъ противъ желанія своихъ братьевъ. У мужа не было ничего кромѣ доходовъ отъ его бѣднаго прихода, близъ Нью-кестла, а жевѣ родные ея не помогали. Поэтому матеріальное положеніе г-жи Стивенсъ было весьма незавидное; но оно сдѣлалось еще болѣе ужаснымъ, когда, въ 1789 году, умеръ мужъ и она осталась съ тремя малолѣтними сиротами: двумя дочерьми, Елизаветою и Маріанною, и сыномъ Франсисомъ, разслабленнымъ отъ самаго рожденія. Въ этой крайности вдова Стивенсъ, безуспѣшно прибѣгавшая къ разнымъ средствамъ для поддержанія своей семьи, рѣшилась наконецъ, почитать счастья въ гостепріимной Россіи. Въ 1790 году о. Самборскій, уже давно тогда возвратившійся изъ Лондона въ Петербургъ, по связямъ своимъ, скоро помѣстилъ ее гувернанткой въ одномъ изъ первыхъ домовъ того времени въ Петербургѣ—въ домъ графа А. П. Шувалова. Пристроившись такъ образомъ, Стивенсъ выписала изъ Англіи своихъ дочерей, которыя вскорѣ были опредѣлены ею въ частный пансіонъ („жизнь графа Сперанскаго“, т. I, 67--70).

лось“,—разсказывалъ въ послѣдствіи самъ Сперанскій,—„что я *тутъ* впервые въ своей жизни почувствовалъ впечатлѣніе красоты. Дѣвушка говорила съ сидѣвшею возлѣ нея дамою по-англійски и обворожительно гармоническій голосъ довершилъ дѣйствіе, произведенное на меня ея наружностію. Одна лишь прекрасная душа можетъ издавать такіе звуки, подумалъ я, и если хоть слово произнесетъ на знакомомъ мнѣ языкѣ это прелестное существо, то она будетъ моею женою. Никогда въ жизни не мучили меня такъ сомнѣніе и нетерпѣливость узнать мою судьбу, пока на вопросъ, сдѣлавный кѣмъ-то изъ общества по-французски, дѣвушка, закрасившись, отвѣчала тоже по-французски, съ замѣтнымъ, правда, англійскимъ удареніемъ, но правильно и свободно. Съ этой минуты участь моя была рѣшена и, не имѣя понятія ни о состояніи и положеніи дѣвушки, ни даже о томъ, какъ ее зовутъ, я *тутъ же* въ душѣ съ нею обручился...“ Черезъ годъ послѣ этого памятнаго для него ужина въ домѣ протоіерея Самборскаго, именно 3 ноября 1798 года, Сперанскій былъ обвинчанъ съ своею „тайно обрученною“ въ церкви преподобнаго Сампсонія страннопримца на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ ¹⁾).

Священникъ Н. Усталецки.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. 1, стр. 70—72.

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДРЕВНЯГО КІЕВА.

(Продолженіе *)

Б) Софійское отдѣленіе Стараго города обязано своимъ происхожденіемъ Ярославу I. Когда въ 1036 году Ярославъ отлучился изъ Кіева въ Новгородъ, дикіе печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Получивъ о томъ извѣстіе, Ярославъ поспѣшилъ на помощь стольному городу съ варагами и новгородцами. Выйдя изъ западныхъ воротъ Владимірова города, называвшихся впослѣдствіи Софійскими и Батыевыми, Ярославъ далъ рѣшительную битву печенѣгамъ подъ самыми стѣнами города и одержалъ блистательную побѣду. На мѣстѣ этой побѣды „заложи Ярославъ городъ великій (въ отличіе отъ прежняго малаго) Къевъ, у него же града врата суть златая, заложи же церковь Святыя Софѣя, премудрость Божию, митрополію, и по семъ церковь на златыхъ вратѣхъ камену святыя Богородица Благовѣщеніе.., посемъ святаго Георгія монастырь и святыя Орины“³⁾. Впослѣдствіи въ этомъ великомъ градѣ являются еще древнія церкви св. Екатерины и въ XVII вѣкѣ деревянныя церкви Златоустовская, Троицкая и Срѣтенская или Скорбященская. Мы скажемъ только о древнѣйшихъ зданіяхъ и церквяхъ этого города.

*) См. Труды Кіевской дух. Академіи за м. сентябрь 1896 г.

1) „Сборникъ матеріаловъ для исторіи, топографіи Кіева“, 1874, г. I, 8.

1. *Кіево-Софійскій соборъ* названъ въ лѣтописи „митрополіек“. Это названіе показываетъ, что храмъ имѣлъ особое назначеніе быть церковію не только соборною, но и главною для всего государства, въ которой предстоятелемъ имѣлъ быть митрополитъ не только кіевскій, но и всея Руси. Поэтому строитель Софіи кіевской хотѣлъ сдѣлать ее достойною ея высокаго назначенія и построить ее по образцу цареградской Софіи и для выполненія своего плана вызвалъ греческихъ художниковъ. Но общимъ видомъ и отношеніями частей Кіево-Софійскій соборъ мало напоминаетъ соименную ему великую Софію цареградскую.

Кіевская Софія въ основаніи своемъ представляла почти правильный четвероугольникъ, нѣсколько удлиненный съ восточной стороны пятью алтарными полукружіями, изъ коихъ главное помѣщается въ срединѣ. Планъ средней части храма представляетъ собою крестъ, въ которомъ поперечный нефъ приходится возлѣ алтарныхъ абсидъ, такъ что церковь имѣетъ форму греческой буквы Т. Съ западной стороны храмъ имѣлъ одинъ притворъ или паперть, а съ сѣверной и южной—по три параллельныя галлерей, образуемая 18-ю столбами, соединенными между собою арками. На этихъ столбахъ и аркахъ устроены хоры или палаты, представляющія, по тремъ сторонамъ храма, какъ бы второй ярусъ или этажъ его. Храмъ былъ увѣнчанъ 13-ю верхами или куполами: надъ серединою зданія, на четырехъ основныхъ аркахъ, возвышался главный, обширный куполъ, а по сторонамъ его располагались 12 малыхъ куполовъ; они обиты были свинцомъ. Эта свинцовая крыша плотно облежала куполы, арки и своды зданія и потому представляла не прямолинейные скаты, а волнообразныя линіи, уступами понижавшіяся отъ срединнаго или большаго купола. Кромѣ того, на западной сторонѣ храма, налѣво отъ входа, въ сѣверо-западномъ углу храма, возвышалась круглая башня или вежа, съ винтообразною лѣстни-

цею вокругъ каменнаго столба, ведущею на хоры или палаты храма и на наружную открытую галлерею ¹⁾.

Къ этому Ярославову храму, во второй половинѣ XI вѣка (1055—1062 г.г.), при сынѣ и преемникѣ Ярослава I Изяславѣ Ярославичѣ, пристроены были низкія одноэтажныя паперти или галлерей съ западной, сѣверной и южной сторонѣ, и другая башня или вежа съ винтообразной лѣстницей на хоры въ юго-западномъ углу храма ²⁾.

Создавъ Софійскій храмъ, Ярославъ I „украсилъ его всякими украшеніями: золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, дорогими сосудами“ ³⁾. Остатки каменныхъ украшеній сохранились еще на горнемъ мѣстѣ съ архіерейскимъ сѣдалищемъ или каедрою, въ карнизахъ и перилахъ на хорахъ и въ обломкахъ мраморныхъ колоннъ и досокъ, хранящихся нынѣ въ такъ называемой крещальнѣ.

Къ внутреннимъ украшеніямъ храма относятся также мозаики и фрески.

Мозаикою, т. е. разноцвѣтными камешками, вдавленными въ цементъ стѣнъ, украшены были въ Софійскомъ соборѣ алтарь, отдѣляемый прежде отъ храма не высокимъ иконостасомъ, а низкою алтарною преградой и подвижною высокою завѣсою, а также нѣкоторыя предалтарныя части и главный куполь съ парусами подъ нимъ. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, на самомъ полусводѣ алтаря, на золотомъ мозаичномъ же полѣ, возвышается величественное изображеніе Божіей Матери, стоящей съ воздѣтыми горѣ руками, называемое обыкновенно „Нерушимою Стѣною“. Подъ нею, во

¹⁾ „Описаніе Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г., стр. 5, 9 и др. Можетъ быть, первоначальный видъ Кіево-Софійскаго собора изображенъ на двухъ бронзовыхъ экикліонахъ въ собраніи Б. И. Хавенка, въ Кіевѣ. На одномъ изъ нихъ въ среднѣй изображены св. Софья и св. Николай, а на другомъ — Вседержитель.

²⁾ Тамъ же, стр. 5.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Захревскаго, стр. 772.

всю ширину алтарнаго полувружія, идетъ мозаическое изображение Тайной Вечери, а по сторонамъ ея, на внутреннихъ стѣнкахъ триумфальной арки,—Ааронъ и другой неизвѣстный ветхозавѣтный праведникъ. Подъ Тайною Вечерею изображенъ рядъ святителей первыхъ вѣковъ христіанства, какъ то: св. Николай, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ папа Римскій и др. На уступѣ, который отдѣляетъ Нерушимую Стѣну отъ верхней части алтарнаго полусвода, помѣщено въ трехъ кругахъ поясное изображение Деисуса, т. е. Спасителя съ Богородицею и Предтечею по сторонамъ. На наружныхъ стѣнкахъ столбовъ алтарной триумфальной арки изображено Благовѣщеніе, раздѣленное на двѣ части: на правой сторонѣ—св. Дѣва съ веретеномъ и съ клубкомъ нитокъ въ рукахъ, а на лѣвой благовѣстующій архангелъ Гавріилъ. Далѣе, на четырехъ аркахъ главнаго купола изображены 40 мучениковъ, по 10-ти на каждой; въ четырехъ трехугольникахъ (парусахъ), заключенныхъ между дугами этихъ арокъ,—четыре евангелиста; въ простѣнкахъ купола помѣщены апостолы и архангелы, а въ самомъ куполѣ—колоссальное изображение Вседержителя.

Вся остальная внутренность Ярославова храма въ изобилии росписана была фресковою живописью. Эта живопись находилась на стѣнахъ боковыхъ алтарей, на наружныхъ стѣнахъ всѣхъ алтарныхъ арокъ до высоты мозаического изображения Благовѣщенія или до высоты древней алтарной завѣсы, и на стѣнахъ и столбахъ самаго храма. Здѣсь помѣщены были какъ изображенія разныхъ событій изъ священной исторіи, такъ и отдѣльные лики Христа, Богородицы, древнихъ отцовъ церкви и мучениковъ. Исключеніе изъ общаго священнаго характера фресокъ представляетъ изъ себя фресковое изображение княжескаго семейства, вѣроятно, самого основателя храма, на правой или южной стѣнѣ главнаго нефа, ошибочно принятое восстановителемъ фресокъ въ на-

стоящемъ столѣтіи за мученицъ Вѣру, Надежду Любовь и мать ихъ Софію ¹⁾).

Судя по росписанію стѣнъ главнаго и боковыхъ алтарей, главный алтарь посвященъ былъ Дѣвѣ Маріи и Ея Предвѣчному Сыну; придѣлъ направо отъ алтаря—богоотцамъ Іоакиму и Анніѣ; налѣво—апостолу Петру; крайній южный придѣлъ—великомученику Георгію, а крайній сѣверный—архистратигу Михаилу. Кому посвящены были придѣлы въ пристроенныхъ съ трехъ сторонъ папертяхъ и на хорахъ,—неизвѣстно ²⁾).

Были росписаны фресками и одноэтажныя паперти или галереи, придѣланныя къ храму съ западной, сѣверной и южной его сторонъ около половины XI вѣка, и часть этихъ фресокъ открыта была въ 1882 и 1893 годахъ на аркахъ этой

¹⁾ Мозаики и фрески Софійскаго собора изданы и описаны въ „Древностихъ Россійскаго Государства: Киевскій Софійскій соборъ“, изд. Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, С.-Петербургъ, вып. I—IV, 1871—1887 г.г., и въ книгѣ „Кіево-Софійскій соборъ,—изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи“, Д. Айвазова и Е. Рѣдина, С.-Петербургъ, 1889 года. Послѣ того, вновь открыты были еще слѣдующія фрески. Въ 1888 году, по снятіи верхняго яруса иконостаса, закрывавшаго главный алтарь собора, на наружныхъ стѣнкахъ столбовъ триумфальной арки, непосредственно подъ мозаическимъ изображеніемъ Благовѣщенія, открыты были двѣ одноличныя фрески. Въ 1893 году, по случаю снятия иконостаса для перезолоты, подъ двойной побѣлкой открыты были фрески на лицевыхъ и частью на боковыхъ стѣнкахъ арочныхъ столбовъ главнаго алтаря и четырехъ боковыхъ: на столбахъ триумфальной арки—еще шесть фигуръ и въ числѣ ихъ великомученикъ Евстафій и двѣ великомученицы; на аркахъ праваго Іоакимо-Аннинскаго придѣла—два святителя; въ Михайловскомъ—въ пролетѣ царскихъ вратъ великомученикъ Димитрій, а на стѣнѣ поперечной арки, примыкающей къ этому придѣлу,—Богородица съ воздѣтыми руками; на аркахъ лѣваго придѣла во имя ап. Петра—мученикъ съ крестомъ въ рукѣ, а въ Георгіевскомъ придѣлѣ, на стѣнѣ поперечной арки,—Предтеча. Нижніе ряды этихъ фресокъ наполовину закрыты чугунною настѣлкою ишійской содеи, которой, очевидно, въ старину не было.—Соображенія о высотѣ алтарной завѣсы въ древнихъ храмахъ см. „Труды Киев. дух. Академіи“, декабрь, 1894 г., стр. 659.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 771 и 772; „Кіево-Софійскій соборъ“, Д. Айвазова и Е. Рѣдина, С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 7—10.

паперти въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ углахъ ея или въ нынѣшнихъ придѣлахъ Апостольскомъ и Срѣтенскомъ, а также въ такъ называемой крещальнѣ, въ западной паперти, направо отъ главнаго западнаго входа ¹⁾).

Ко второй же половинѣ XI вѣка нужно отнести росписаніе сѣверной и южной лѣстницъ собора свѣтскою живописью, такъ какъ, при одинаковомъ характерѣ росписанія обѣихъ лѣстницъ, одна изъ нихъ придѣлана къ храму уже послѣ Ярослава, въ началѣ второй половины XI вѣка. На этихъ фрескахъ изображены цирковыя представленія и зрѣлища ипподрома, совершавшіяся въ Византіи въ народныя празднества при окончаніи стараго и началѣ новаго года, при участіи въ этихъ играхъ и представленіяхъ варваровъ, какъ восточныхъ, такъ и сѣверо-западныхъ. Не имѣя ничего общаго съ священными предметами самаго храма, эти несвященные изображенія имѣли смыслъ простыхъ украшеній лѣстницъ, тѣмъ болѣе, что входъ на эти лѣстницы первоначально былъ не изнутри храма, а извнѣ, съ церковнаго двора ²⁾).

¹⁾ Въ 1881 году причтъ Кіево-Софійскаго собора испросилъ разрѣшеніе возстановить бывшую до начала XVII вѣка у западной стороны собора паперть и открыть въ южной паперти собора одну изъ трехъ, закладенныхъ въ позднѣйшее время, арокъ для образованія здѣсь боковаго входа. При открытіи этой арки, на стѣнахъ и отчасти сводахъ ея оказались два фресковыя изображенія неизвѣстныхъ святыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ профессоръ А. В. Праховъ открылъ подобныя фрески въ пролетахъ и другихъ арокъ сѣверной и южной папертей, а именно: въ Апостольскомъ придѣлѣ, въ одной аркѣ, двѣ одиночныя фрески ятыхъ и въ числѣ ихъ св. Домна, и въ Срѣтенскомъ придѣлѣ, въ двухъ аркахъ,—шесть фресокъ, изъ коихъ одна съ изображеніемъ мучениковъ Адріана и Патаміи. Затѣмъ, остаются еще заложеными или полузаложеными кирпичемъ до 15-ти арокъ этихъ папертей, въ пролетахъ которыхъ тоже предполагаются фрески. Кромѣ того, открыты и профессоромъ Праховымъ очищены фрагменты фресокъ въ такъ-называемой крещальнѣ, пристроенной въ юго-западному углу собора. А между этой крещальней и правой лѣстницей на хоры есть пустое пространство, заложеное со всѣхъ сторонъ кирпичемъ. По словамъ г. Прахова, изъ щели крещальни виднѣются въ этомъ пространствѣ на стѣнахъ фрески.

²⁾ „О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора“, Н. П. Кондакова въ „Запискахъ Импер. Русскаго Археологич. Общества“ за 1888 г., т. III, стр.

Величественности постройки и роскоши росписанія стѣнъ Софійскаго собора, конечно, соответствовала и утварь церковная, отъ которой, однако, до нашего времени не сохранилось почти ничего, за исключеніемъ чудотворной иконы святителя Николая, называемаго Мокраго. Икона эта есть древнѣйшая въ Россіи изъ иконъ сего имени, греческаго письма, не позже X вѣка. Она издревле находилась на хорахъ Софійскаго собора и уже въ XII вѣкѣ прославилась чудесами, изъ коихъ одно состояло въ спасеніи, въ 1092 году, младенца, уроненнаго его матерью въ Днѣпръ, а другое—въ исцѣленіи, въ 1106 году, отъ тяжелой болѣзни сына Владимира Мономаха, новгородскаго князя *Мстислава Владиміровича*. Въ Софійскомъ же соборѣ, въ алтарѣ, „на десной сторонѣ“, стоялъ крестъ св. великой княгини Ольги, съ такою надписью: „Обновися Руская земля святымъ крестомъ, его же пріяла Ольга, благовѣрная княгиня“. Но дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этого креста мы не имѣемъ. Можетъ быть, это тотъ самый большой золотой крестъ съ частію животворящаго древа креста Господня и со старинною надписью о принадлежности его Кіевской митрополіи, который находится нынѣ въ Краковѣ, въ ризницѣ кафедральнаго собора св. Вацлава.

Софійскій соборъ въ первоначальномъ его видѣ оконченъ былъ отдѣлкою не позже 1049 года, а въ 1054 году „преставился князь Ярославъ, и положиша его въ рацѣ мраморянѣ, въ церкви св. Софійи“. Первоначально эта гробница находилась въ западной части собора, влѣво отъ главнаго, западнаго входа въ соборъ, а теперь находится въ сѣверо-восточномъ углу собора, въ алтарѣ Владимірскаго придѣла, у южной стѣны.—Кромѣ великаго князя Ярослава, въ св. Со-

287 и сл., в отдѣльными оттисками; „Объ одной изъ фресокъ лѣстницы Кіево-Соф. собора“, графа А. А. Бобринскаго, тамъ же, т. IV, 1889 г., вып. 2, стр. 81 и сл., в отдѣльными оттисками.

фіи были погребены еще великіе князья Всеволодь Ярославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, а изъ удѣльныхъ князей—Ростиславъ Всеволодовичъ и Вячеславъ Владиміровичъ, бывшій нѣкоторое время великимъ княземъ. Одному изъ этихъ князей, вѣроятно Владиміру Мономаху, принадлежитъ бѣломраморная гробница, находящаяся теперь во Владимірскомъ придѣлѣ, у проходныхъ южныхъ дверей.

Въ Кіево-Софійскомъ же соборѣ погребены и первые кіевскіе митрополиты, бывшіе до нашествія татаръ на Россію, за исключеніемъ Михаила II, ушедшаго изъ Кіева въ Грецію.

Но богатства Софійскаго собора не разъ служили приманкою для хищниковъ. Сами русскіе князья, борясь за Кіевъ, неоднократно брали его и грабили какъ городъ, такъ и особенно св. Софію. Въ 1169 году сынъ великаго князя Владимірскаго Андрея Боголюбскаго Мстиславъ, взявъ Кіевъ на щитъ, отдалъ его на разграбленіе, при чемъ ограблена была и св. Софія. Въ 1203 году Рюрикъ Ростиславичъ, взявъ Кіевъ, ограбилъ „и митрополію св. Софію“. Наконецъ, въ 1240 году, вмѣстѣ съ Кіевомъ, ограбленъ и опустошенъ былъ татарами „Кіево Софійскій соборъ“ ¹⁾, хотя стѣны его и даже главный куполъ уцѣлѣли лучше другихъ древнихъ церквей кіевскихъ.

Послѣ татарскаго погрома, Софійскій соборъ теряетъ свое прежнее значеніе и подвергается новымъ татарскимъ опустошеніямъ, какъ напр. въ Эдигеево нашествіе на Кіевъ въ 1416 году. Правда, онъ долго еще считался и назывался въ грамотахъ главнымъ храмомъ Русской церкви, матерью

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго. стр. 778, 779, 786, 818 и 821; „Описаніе Кіево-Соф. кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1832 г., стр. 18—21, 47—49, 55, 61 и 52. Бѣломраморная гробница у южныхъ дверей похожа, по описанію, на гробницы святыхъ Бориса и Глѣба, сдѣланныя и поставленныя при Владимірѣ Мономахѣ въ Вышгородской Борисоглѣбской церкви.

русскихъ церквей, святѣйшею митрополіею, превысочайшимъ престоломъ Русской митрополіи; но до начала XVII вѣка перестаетъ быть мѣстомъ постоянного жительства кіевскихъ митрополитовъ, которые временами только наѣзжали въ Кіевъ. Въмѣсто прежняго государственнаго и церковнаго центра Руси Кіева, теперь образуются новые центры въ галицко-волинскомъ княжествѣ, въ Литвѣ и въ Москвѣ, и являются попытки усвоенія названія кіевской митрополіи этимъ новымъ центрамъ, или даже образованія въ нихъ особыхъ митрополій, съ другими названіями. Эти попытки отразились и на судьбѣ Кіева и Кіево-Софійскаго собора, который сталъ предметомъ домогательствъ со стороны соперничавшихъ между собою митрополитовъ, пока наконецъ въ 1474 году не отдѣлились окончательно одна отъ другой митрополіи московская и литовско-кіевская. Въ этотъ періодъ времени Софійскій соборъ имѣлъ еще нѣкоторыя сокровища, о которыхъ упоминается въ 1415 году и въ половинѣ XV столѣтія ¹⁾).

Вскорѣ послѣ отдѣленія литовско-кіевской митрополіи отъ московской, Кіевъ подвергнется новому и едва ли не самому страшному разоренію. Въ 1482 году крымскій ханъ Менгли-Гирей взял и выжегъ Кіевъ, ограбивъ снова и Софійскій храмъ. Лѣтописи передаютъ, что изъ награбленной добычи Менгли-Гирей отослалъ въ подарокъ московскому князю золотую чашу и дискосъ, взятые изъ Софійскаго собора. Литовско-кіевскіе митрополиты, проживая въ Новогрудкѣ и Вильнѣ, не рѣшались посѣщать стольнаго своего Кіева, подверженнаго татарскимъ нападеніямъ. Только св. Макарій, митрополитъ литовско-кіевскій, въ 1497 году отправился было изъ Новогрудка въ Кіевъ, но на пути „усѣченъ бысть

¹⁾ „О пачалѣ Галицкой и Литовской митрополій“, А. С. Павлова, Москва, 1894 г.; „Очеркъ исторіи Кіевской земли“, М. Грушевскаго, Кіевъ, 1891 г., стр. 506—512 и др.

отъ татаръ надъ рѣкою Припятью въ с. Стриголовѣ^а, недвижимыя же мощи его принесены въ Софію кievскую.

Послѣ этого, въ теченіе 80-ти лѣтъ, Софійскій соборъ оставался въ опустошенномъ видѣ. На кровлѣ св. Софіи росли деревья. Только при митрополитѣ Ильѣ Кучѣ (1577—1578 г.г.) софійскій намѣстникъ его „Богущъ Гулькевичъ Глѣбовскій своими власными пѣтязми учинилъ немалый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрылъ и побилъ“. Но затѣмъ наступаетъ еще болѣе унылокъ Софійскаго собора. Около 1585 года онъ отданъ былъ „еретику-жолнеру“: кровли на немъ уже не было, верхніе своды его сильно обветшали; и вообще онъ былъ въ такомъ состояніи, что богослуженіе въ немъ не совершалось¹⁾. Къ 1595 году относится извѣстіе о немъ кievскаго польско-католическаго бискупа Верещинскаго, который говоритъ слѣдующее о кievской Софіи: „храмъ этотъ былъ отстроенъ роскошно и не имѣлъ цѣны. Не только самое зданіе храма было возведено изъ камня, похожаго на халцедонъ, но и внутри, вмѣсто живописи красками, онъ былъ украшенъ изображеніями святыхъ лицъ изъ золоченыхъ и эмальированныхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ; иконы эти были сдѣланы съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что изображенные на нихъ святые могли показаться живыми людьми... Вверху онъ (храмъ) увѣнчанъ двѣнадцатю куполами, а тринадцатый куполъ, на подобіе фонаря, высится надъ серединой церкви. Внутри этотъ послѣдній куполъ украшенъ изящными мозаическими изображеніями четырехъ евангелистовъ и иныхъ апостоловъ и прекрасно освѣщаетъ почти всю церковь. Весьма многіе согласны въ томъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ храмовъ, которые по драгоцѣнности и изящности украшеній стояли бы выше константинопольскаго и кievскаго... Къ сожалѣнію, эта святыня

¹⁾ „Описаніе Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г., стр. 80 и 81.

въ настоящее время не только сдѣлалась помѣщеніемъ рогатаго скота, лошадей, собакъ и свиней, но и теряетъ свои украшенія отъ дождей, проникающихъ сквозь дырявую крышу. Кое-гдѣ и стѣны начали уже падать. Виною тому—плохой присмотръ со стороны кievскихъ митрополитовъ и равнодушіе господъ греческой вѣры¹⁾. Въ 1596 году Гейденштейнъ, секретарь короля Сигизмунда III, писалъ о кievской Софiи слѣдующее: „это прекрасное зданіе, притворъ и колонны котораго изъ порфира, мрамора и алебаstra, въ такомъ находится запустѣніи, что на немъ нѣтъ кровли, и оно все болѣе и болѣе близится къ уничтоженію“²⁾. Въ этомъ году, послѣ провозглашенія Брестской церковной уніи, Софiйскій соборъ захваченъ былъ уніатами и находился въ завѣдываніи попа Филиппа, который еще при жизни отступника отъ православія митрополита Мыхайла Рагозы (1588—1599 г.г.) взялъ съ престола св. Софiи серебряный ковчегъ со св. мощами и передалъ его кievскому протопопу Ивану Островецкому³⁾, а по смерти Рагозы отдалъ чашу, кадильницу, напрестольный крестъ и нѣкоторые другіе предметы въ закладъ разнымъ лицамъ⁴⁾. Въ 1605 году Софiйскій соборъ взятъ былъ у попа Филиппа⁵⁾ и вскорѣ сдѣлался соборнымъ храмомъ для всего кievскаго духовенства. Но „року 1609... св. Софiя отстала отъ службы, не почали священники до ней со кресты ходити и службы Божой отправовати“⁶⁾. Послѣ этого Софiйскій соборъ пришелъ въ совершенный упадокъ. По свидѣтельству Аѳанасія Кальнофойскаго, „6 сентября 1625 года, при воеводѣ Оомѣ

¹⁾ „Кievская Старина“, мартъ, 1894 г., стр. 404 и 405.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., II, 23 и 24.

³⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ, 1891 г., III, 137 и слѣд.

⁴⁾ „О св. Софiи Кievской“, П. Г. Лебединцева, въ „Трудахъ III археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, т. I, Кіевъ, 1878 г., стр. 67.

⁵⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ 1891 г., III, 137 и слѣд.

⁶⁾ „Кievская Старина“, декабрь, 1887 г., стр. 781.

Замойскомъ, двери собора были завалены большою грудю павшей стѣны и кучею разваливъ; видны даже были сквозныя трещины въ стѣнахъ¹⁾. Вѣроятно, не надѣясь удержать за собою полуразрушенный храмъ, уніаты сорвали въ св. Софійі мраморныя плиты и мозаику и увезли въ свои церкви²⁾. Памятниками плачевнаго состоянія, въ какомъ находился Софійскій соборъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, и доселѣ остаются польско-латинскія надписи, нацарапанныя досужими посѣтителями опустѣвшаго храма на Ярославовой гробницѣ и отчасти на наружныхъ стѣнкахъ алтарныхъ арокъ между 1585 и 1622 годами³⁾.

Въ 1633 году православный кievскій митрополитъ Петръ Могила, на основаніи королевскаго привилея отъ 1 полбра 1632 года, отобралъ отъ уніатовъ Кіево Софійскую церковь, но „безкровную, украшенія внутренняго и вишняго, св. иконъ, св. сосудовъ и св. одеждъ и единого не имущую“, возстановилъ ее и учредилъ при ней монастырь. Въ письмѣ своемъ къ царю Алексію Михайловичу, 1639 года, Петръ Могила упоминаетъ только о восьми дольнихъ и двухъ горнихъ придѣлахъ⁴⁾, изъ которыхъ 8 и перечисляются въ 1653 году архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, а именно: главный алтарь; направо отъ него придѣлы во имя Рождества Богородицы, а за нимъ—архангела Михаила; налѣво—страстей Христовыхъ, Напечатлѣннаго убруса и св. Николая; на хорахъ—два придѣла, одинъ противъ другого⁵⁾. Слѣдовательно, въ паружныхъ

¹⁾ Гераторуртца, Кальнофойскаго, 1633 г., стр. 195 и 196.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., II, стр. 77.

³⁾ Вотъ нѣсколько надписей, скопированныхъ нами въ 1893 году. На гробницѣ Ярослава: Waw. Berezeckij, Jan Odwinowickij, Matias Wieszczowski, A. Rutk.; въ одной надписи читается 1585 годъ. На нижней части новооткрытой фрески Предтечи передъ Георгіевскимъ алтаремъ: Jan Wedrynsky anno 1622.

⁴⁾ „Описаніе Кіево-Соф. кафедральнаго собора“, II, Г, Л., Кіевъ, 1882 г., стр. 82; „Описаніе Кіева“ Закровскаго, стр. 784.

⁵⁾ „Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева“ 1874 г., II, 78 и 79.

папертяхъ не было еще устроено придѣльныхъ алтарей, равно какъ не былъ, повидимому, возстановленъ и третій на правой сторонѣ придѣлъ прец. Антонія и Θεодосія. Для внутренняго украшенія Софійскаго храма въ 1644 году присланъ былъ въ Кіевъ, по просьбѣ Петра Могилы, царемъ Михайломъ Θεодоровичемъ московскій сусальникъ Іоакимъ Евтихіевъ, который „преславно иконы въ св. Софїи украси, воеже всѣмъ дивитися преславному сицевому дѣлу, и съ миромъ отпущенъ въ Москву“. Къ этому-то времени должно быть отнесено написаніе и храмовой иконы Софїи Премудрости Божіей и намѣстныхъ иконъ Спасителя и Богородицы¹⁾. Но внѣшній видъ храма остался неизмѣненнымъ противъ прежняго: наружныя паперти къ сѣверной и южной сторонъ храма были еще низкія и концы ихъ не закруглены въ алтарныя полу-кружія, а башни надъ лѣстницами на хоры не замѣнены еще куполами. Въ такомъ видѣ Софійскій соборъ изображенъ на чертежѣ Аѳанасія Кальнофойскаго, 1638 года, и на двухъ рисункахъ 1651 года. Лишь у восточнаго конца южной наружной паперти на обоихъ послѣднихъ рисункахъ изображена пристроенною деревянная колокольня, да на юго-востокъ отъ храма видѣется громадная круглая трехъярусная башня съ куполомъ и крестомъ на ней, вѣроятно, служившая митрополычьиъ замкомъ или дворцомъ, и рядомъ съ нею—жилой деревянный корпусъ, должно быть для монастырской братіи²⁾.

Но Петръ Могила не успѣлъ окончить возстановленія Софійскаго собора. Даже въ 1653 году архидіаконъ Павелъ

¹⁾ „Описаніе Кіево-Соф. кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г. стр. 83. Объ иконѣ Софїи Премудрости Божіей см. „Кіевскую Старину“, декабрь, 1884 г., стр. 563 и слѣд.

²⁾ Планъ Кальнофойскаго, 1638 года, табл. 3, № 48. Одинъ изъ рисунковъ 1651 г. см. въ „Обозрѣніи Кіева“ Фуидуклен, 1847 г., № 1- стр. 4; а другой—въ приложеніи къ „Описанію Кіево-Соф. кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г. Первый изъ нихъ составленъ ранѣе 1651 года. На немъ, въ видѣ башени, изображены ратуша и бискупскій замокъ.

Алеппскій писалъ о Софійской церкви, что половина ея съ западной стороны трапезы—въ развалинахъ. На правой рукѣ отъ главнаго западнаго входа были еще два разрушенныхъ придѣла, одинъ—божественной колонны или столба бичеванія, съ крещальнею изъ краснаго камня, а другой—непоименованный, занимавшій остальную часть пригвора¹⁾. Преемникъ Петра Могилы, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ (1647—1657 г.г.), продолжалъ возстановленіе Софійскаго собора и возобновилъ нѣсколько новыхъ придѣловъ: по крайней мѣрѣ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, въ 1653 г. упоминавшій только о двухъ придѣлахъ на хорахъ собора, въ 1655 г. говорить уже о четырехъ, изъ коихъ два во имя святыхъ Николая и Дмитрія находились на правой сторонѣ хоръ, а два другіе—на лѣвой²⁾. При этомъ же митрополитѣ, около 1657 года, перенесена была изъ Кіево-Братскаго монастыря въ Софійскій соборъ Купятицкая икона Богородицы, принесенная въ іюнѣ 1655 года Лазаремъ Барановичемъ изъ Купятицкаго монастыря въ Кіевъ и поставленная первоначально въ Кіево-Братскомъ монастырѣ³⁾.

Послѣ Сильвестра Коссова, кіевскіе митрополиты съ 1657 по 1685 годъ, въ смутныя времена такъ называемой „руины“, не жили въ Кіевѣ, почему Софійскій храмъ и монастырь опять оставались безъ надлежащаго надзора и попеченія, вплоть до митрополита Гedeона Святополкъ-Четвертинскаго. Этотъ митрополитъ, оставаясь въ Кіевѣ и подчинившись въ церковномъ отношеніи московскому патріарху, вмѣсто цареградскаго, имѣлъ особенное дерзновеніе просить помощи у царей

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г., II. стр. 77 и 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 81. Въ этомъ отрывкѣ говорится о постройкѣ въ Кіевѣ стѣнъ и насыпей крѣпости паремъ Алексѣемъ Михайловичемъ (стр. 83); слѣдов., онъ писалъ уже по присоединеніи Малороссіи въ Россію въ 1654 году.

³⁾ Тамъ же, стр. 175. Переводчикъ ошибочно разумиѣтъ здѣсь Вышгородскую, или Братскую икону Богородицы. Вѣроятно, Барановичъ передалъ Купятицкую икону въ Софійскій соборъ въ 1657 году, передъ отъѣздомъ своимъ въ Черниговъ. См. мое соч. „Кіевская Академія во второй половинѣ ХУІ в.“, Кіевъ, 1895 г. стр. 25.

Іоанна и Петра Алексѣвичей для своего кафедральнаго собора и получили отъ нихъ разные церковные сосуды, утварь, облаченія и большой колоколъ, а для монастыря—окладъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья. Въ то же время митрополитъ Гedeонъ просилъ у царей пособія на возобновленіе самаго храма св. Софіи и разрѣшенія разсбратъ и употребить на починку его „двѣ церкви каменные, гораздо худыя, что стоятъ пусти въ городѣ, св. Екатерины и св. Василія“,—и по царскому указу отъ 12 октября 1688 года повелѣно было „болрину Бутурлину съ товарищи осмотрѣть церковь св. Софіи, измѣрить длиною и шириною, и поперекъ и въ вышину, и двери и окна и въ немъ всякое строенье и худые и опалые мѣста въ немъ описать именно и учпнить той церкви и всему строенью и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать, да той прислать къ нимъ великимъ государямъ въ приказъ Малыя Россіи безъ мотчанья“. Не дождавшись исполненія этого проекта, митрополитъ Гedeонъ и отъ себя завѣщалъ 20,000 złotych польскихъ на то, „чтобы храмъ Божій св. Софіи въ позосталыхъ руинахъ своихъ оправляно“. Онъ завѣщалъ также португаль въ 11 червопцевъ на устройство оклада для чудотворной Купятицкой иконы Богородицы. Къ послѣднему году жизни этого митрополита нѣкоторые относятъ перенесеніе въ Киево-Софійскій соборъ чудотворной Любечской иконы Богородицы изъ м. Любеча, Черниговской губ., родины преп. Антонія Печерскаго.

При преемникѣ мигроп. Гedeона, Варлаамѣ Яснисконѣ (1690—1707 г.г.), Софійскій храмъ былъ обновленъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ значительно передѣланъ, благодаря щедротамъ царскимъ и помощи гетмана Мазепы. Въ это время на древнихъ, низкихъ папертяхъ собора надстроены были второй ярусъ или этажъ, и въ обоихъ этажахъ устроены нынѣшніе придѣлы: внизу—справа Успенскій и Апостольскій, а слѣва—Благовѣщенскій (прежде Предтеченскій) и Срѣтенскій (прежде Прелтечи и Рождества Христова); вверху справа

бывшій прежде Воскресенскій, гдѣ нынѣ библіотека, а слѣва— Богословскій (прежде Христорождественскій). Возстановленъ также третій правый придѣлъ внизу Антоно-Феодосіевскій, не упоминаемый у архидіакона Павла Алеппскаго. Наружные ходы на сѣверо-западную и юго-западную лѣстницы заложены и вмѣсто нихъ сдѣланы внутренніе, изъ храма. Заложены окна въ 8-ми куполахъ верхнихъ галлерей. Обветшавшіе верхи башенъ или вежъ разобраны, а вмѣсто ихъ устроены новые купола на барабанахъ съ продолговатыми окнами и съ пристройками къ восточной стѣнкѣ, въ которыхъ устроены придѣльные алтари Вознесенія и Преображенія Господня. Въ такомъ видѣ Софійскій соборъ является уже на планѣ Кіева 1695 года, и при немъ были въ это время деревянныя трапеза, колокольня и, кажется, архіерейскій домъ съ домовою церковію. При переустройствѣ самаго храма устроена новая кровля надъ всѣмъ зданіемъ съ чердакомъ подъ стропилами, измѣнена шатровая форма древнихъ куполовъ на венигсбергскую, устроены фронтоны, и щиты и наружныя стѣны собора подведены подъ одинъ карнизъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Снаружи придѣланы контрфорсы для укрѣпленія зданія, сильно обремененнаго новыми надстройками. Мозаики купола и древнія фресковая живопись на стѣнахъ храма были забѣлены известью¹⁾. Пресмники Варлаама Ясинскаго, вмѣсто древнихъ фресокъ, въ XVIII вѣкѣ постепенно расписывали внутреннія стѣны и столбы собора новою живописью, которая отчасти уцѣлѣла и донынѣ на западномъ концѣ главнаго свода и въ другихъ мѣстахъ храма, несохранившихъ на себѣ древнихъ фресокъ.

¹⁾ „О св. Софій Кіевской“ П. Г. Лебединцева, въ „Трудахъ III археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, т. I, Кіевъ, 1878 г., стр. 70, 71 и 73; „Описаніе Кіево-Соф. кафедральнаго собора“ П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г., стр. 21 и др.; „Историч. замѣтки о Кіевѣ“. П. Л-ва, въ „Кіевской Старинѣ“, Октябрь, 1884 г., стр. 236; „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году“, Кіевъ 1893 года; мы увеличиваемъ число вновь устроенныхъ въ концѣ XVII вѣка придѣловъ на основаніи приведеннаго свидѣтельства архидіакона Павла Алеппскаго.

Изъ послѣдующихъ сооружеій въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и монастырѣ можно отмѣтить слѣдующія. Въ 1721 г. Кіево Софійская церковь покрыта новою крышею между главами. При архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ (1722—1730 г.г.) построены противъ западныхъ дверей собора каменный митрополитанскій домъ, а на южной сторонѣ собора—каменная трапеза съ церковью св. Лазаря, въ 1822 году переименованная въ Христорождественскую. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій (1731—1747 г.г.) устроилъ въ митрополитанскомъ домѣ домовую Воскресенскую церковь, началъ возобновленіе колокольни, оконченное уже въ 1748 году, сдѣлалъ каменную ограду вокругъ Софійскаго двора¹⁾ и для старо-кіевского базара построилъ новыя лавки²⁾. При немъ же начатъ новый рѣзной иконостасъ для собора и сдѣланы серебряныя позлащенные царскія врата. При митрополитѣ Тимоѳеѣ Щербакомъ (1747—1757 г.г.) вызолочены маковицы Софійскаго собора и съ сѣверной стороны, надъ каменной братской палатой, надстроенъ второй этажъ съ пристройками, гдѣ съ 1840 года помѣщается Кіево-Софійское духовное училище.

Въ 1786 году, при мит. Самуилѣ Миславскомъ, упраздненъ былъ монастырь при Софійскомъ соборѣ, учрежденный Петромъ Могилою, а вмѣстѣ съ тѣмъ отошли изъ его вѣдѣнія малые монастыри и скитки съ ихъ землями и угодьями, дотолѣ принадлежавшіе Кіево-Софійскому монастырю³⁾.

Съ XVIII вѣка, какъ бы въ замѣнъ утраченныхъ драгоценностей, Софійскій соборъ начинаетъ обогащаться царскими приношеніями и вкладами, какъ-то: царей Іоанна и Петра

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 785, 786, 826—828.

²⁾ „Кіевская Старица“, іюль, 1791 г. стр. 132.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 785, 786 и 827. По „реестру Кіево-Софійскаго монастыря о монашествующихъ“, съ 1763 по 1767 годъ, Кіево-Софійскому монастырю въ это время подчинены были: скиты Трехсвятительскій въ Кіевѣ, Моревскій Онуфріевскій на Деснѣ, Зазимскій, Задесевскій Николаевскій, Нехворощанскій, Сорочинскій и Сокольскій, подворье въ Запорожской Сѣчѣ и хуторъ въ Рославичахъ.

Алексѣвичей, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II. Кромѣ того, въ 1829 году сюда переданы были императоромъ Николаемъ I для храненія 4 турецкія знамена, отбитыя у турокъ при взятіи крѣпости Силистріи 18 іюня 1829 года, и ключъ отъ этой крѣпости ¹⁾).

Съ 1843 года въ судьбѣ Софійскаго храма начинается рѣшительный поворотъ къ возстановленію его древняго устройства и внутренняго украшенія. По волѣ императора Николая I Павловича, съ 1843 года начато было открытіе и возобновленіе въ Софійскомъ храмѣ древней фресковой живописи XI вѣка, оконченное въ 1853 году ²⁾). Въ 1882 году построена была стѣна западной паперти собора, вмѣсто обрушившейся въ 1625 году, и открыта въ южной паперти собора одна изъ трехъ закладенныхъ въ позднѣйшее время арокъ, для образованія болѣе удобнаго съ этой стороны входа въ соборъ. При этихъ работахъ и по поводу ихъ, найдены были слѣды фресокъ какъ въ открытой юго-западной аркѣ ³⁾ и сосѣднемъ съ нею окнѣ, такъ и въ противоположной ей сѣверо-западной аркѣ и сосѣднемъ окнѣ. Одновременно съ тѣмъ открыты были остатки фресокъ въ древней крещальнѣ, находящейся въ западной паперти собора, а также между юго-западной башнею и сосѣднею западною папертью, и найдены слѣды древняго кафельнаго пола. Въ 1884 году вновь открыты въ Кіево-Софійскомъ соборѣ древнія мозаики: І. Христа, ангела и ап. Павла въ главномъ куполѣ и Аарона въ главномъ алтарѣ ⁴⁾). Въ 1888 году снятъ былъ верхній

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Загребскаго, стр. 786 и 824; „Описаніе Кіево-Соф. кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г., стр. 50, 56 и слѣд.

²⁾ „Возобновленіе Кіево-Соф. собора въ 1843—1853 г.г.“, П. Г. Лебединцева, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, августъ. 1878 г.

³⁾ „Возстановленіе древней паперти Кіево-Соф. собора“. въ „Кіев. Старина“, августъ, 1882 стр. 359 и 390.

⁴⁾ „Кіев. Старина“, сентябрь, 1884 г., стр. 162—165; „Древности, — Труды Импер. Москов. Археологическаго Общества“, Москва, 1887 г., т. XI, вып. 3, стр. 7 и 8.

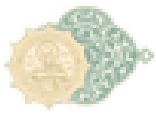
ярусъ иконостаса въ Софійскомъ храмѣ, съ цѣлю приблизить укороченный иконостасъ къ древней формѣ алтарной сравнительно низкой преграды, при чемъ на арочныхъ столбахъ главнаго алтаря, непосредственно подъ мозаическимъ изображеніемъ Благовѣщенія, открыты были двѣ одиночныя древнія фрески. Въ 1893 году, по случаю снятія укороченнаго въ 1888 году иконостаса для перезолоты, подъ двойной побѣлкой замѣчены и открыты были древнія фрески на наружныхъ стѣнкахъ арокъ главнаго и четырехъ побочныхъ алтарей, а также на стѣнкахъ предалтарныхъ арокъ, поддерживающихъ хоры. Наконецъ, въ 1894 году на стѣнахъ средняго нефъ, подъ хорами, вмѣсто позднѣйшихъ изображеній трехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ, написаны по древнимъ образцамъ Рождество Христово съ поклоненіемъ волхвовъ, Срѣтеніе и Крещеніе Господне ¹⁾).

При Софійскомъ соборѣ есть и довольно значительная библіотека, составившаяся постепенно, начиная со времени м. Петра Могилы. Она заключаетъ въ себѣ 1546 названій печатныхъ книгъ и 695 рукописей, а также высочайшіе рескрипты на имя кіевскихъ митрополитовъ, грамоты высочайшія и патріаршія и указы Св. Синода ²⁾).

2. *Золотыя ворота и Благовѣщенская на нихъ церковь.* Золотыя ворота, остатки которыхъ существуютъ и доселѣ, заложены были Ярославомъ I, вѣроятно, въ подражаніе золотымъ воротамъ Константинополя, построеннымъ Θεодосіемъ Великимъ въ память побѣды его надъ Максимомъ. Вскорѣ надъ воротами Ярославъ I устроилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы. Снаружи ихъ была икона Благовѣщенія пресв. Богородицы, вѣроятно фресковая, писанная на стѣнѣ

¹⁾ На основаніи архива Церковно-археологическаго общества при Киевской Дух. Академіи и личныхъ наблюденій. Перечень новооткрытыхъ фресокъ см. выше.

²⁾ „Описаніе Кіево Софійскаго кафедральнаго собора“, П. Г. Л., Кіевъ, 1882 г. стр. 67 и 68.

и упоминаемая въ лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ такомъ видѣ Золотыя ворота, по свидѣтельству Аѳ. Кальнофойскаго, весьма похожи были на уцѣлѣвшія доселѣ св. врата Печерской лавры, съ каменною надъ ними церковью св. Троицы. При взятіи Кіева Батыемъ въ 1240 году, должны были пострадать и Золотыя ворота; но еще до половины XVII вѣка въ крѣпостномъ валу видѣлись развалины этихъ воротъ, съ остатками на нихъ Благовѣщенскаго храма, а именно входными дверями, окнами и высокими стѣнами. Въ 1682 году они укрѣплены были желѣзною рѣшеткою, подъемнымъ мостомъ, калитками и вѣшнымъ бастиономъ. Вѣроятно, тогда же благочестивые московскіе военные люди, завѣдывавшіе старокіевскою крѣпостію, поставили надъ этими воротами икопу Богородицы, ошибочно названную Казанскою, которая въ 1699 году передана была въ кіевскую Троицкую церковь, гдѣ находится и нынѣ. Въ 1743 году возникъ на мѣстѣ вопросъ о ремонтѣ Золотыхъ воротъ, въ разрѣшеніе котораго сенатъ предписалъ въ тотъ же годъ, „въ самой крайней скорости, въ верхнемъ городѣ Кіевѣ валгангъ и выходъ, какъ потребно, починить и исправить, сдѣлавъ для твердости каменный фундаментъ, но подъ Золотыми проѣзжими воротами церковныхъ стѣнъ, которыя изъ древности болѣе 500 лѣтъ стоятъ, не ломать“. Въ 1745 году кіевскій генералъ-губернаторъ Леоптьевъ доносилъ, что столбы деревянныя, поставленные внутри золотыхъ воротъ съ перекладинами и досками, погнили и пошатались, а своды и стѣны воротъ грозятъ паденіемъ. Назначенный, вслѣдствіе сего, военной коллегіей для осмотра этихъ воротъ инженеръ подполковникъ Дебосетъ въ 1750 году проэктировалъ построить другія ворота каменныя, а прежнія Золотыя, для сохраненія вида древности, засыпать внутри ихъ сторонъ землею, „при этомъ на нихъ старыя церковныя каменныя стѣны и своды по прежнему оставить, и ежели понадобится, то поддѣлать ихъ снизу новымъ камнемъ“. Этотъ проэктъ былъ утвержденъ и выполненъ, вѣроятно, въ 1751

году. Но отъ новыхъ воротъ, существовавшихъ до 1799 года, не осталось и слѣдовъ, а Золотныя въ 1832 году открыты были г. Лохвицкимъ и, по указу императора Николая I Павловича, въ 1836—1837 г. укрѣплены контрфорсами и желѣзными связями¹⁾. Разрушавшіяся верхнія части остатковъ Золотыхъ воротъ задѣланы около 1887 г. кирпичемъ и накрыты листовымъ желѣзомъ.

3). *Георгиевская церковь*, съ монастыремъ при ней, „предъ враты св. Софіи“, освящена была 26 ноября кіевскимъ митрополитомъ Иларіономъ, вступившимъ на престолъ въ 1051 г., слѣдовательно не раньше этого года. Въ ней обыкновенно совершалось наставленіе новопоставляемыхъ епископовъ, т. е. торжественное возведеніе ихъ на епископскую кафедру. Въ этомъ монастырѣ принялъ монашество и окончилъ въ 1063 году жизнь свою сынъ св. Владиміра, несчастный князь псковскій Судиславъ, который засаженъ былъ Ярославомъ I въ порубъ или темницу, 24 года томился въ ней и выпущенъ былъ на свободу племянниками своими по смерти Ярослава. Затѣмъ, до конца XVII вѣка нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ монастырѣ. Уже по воссоединеніи Кіева съ Россіей, кіевскій воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой въ 1674 г. доносилъ отъ себя и отъ имепи московскихъ ратныхъ людей, находившихся въ Кіевѣ, царю Алексѣю Михайловичу, что они начали строить на прежнемъ мѣстѣ деревянную Георгіевскую церковь съ придѣломъ во имя преп. Сергія Радонежскаго. Черезъ 70 лѣтъ эта церковь пришла въ ветхость. Въ 1744 году императрица Елизавета Петровна, въ бытность

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 325—327; „Гетатобурґія, Кальнофойскаго, 1638г., стр. 21; „Къ исторіи кіевскихъ Золотыхъ воротъ“, Д. Сапожничова, въ „Кіевской Старинѣ“, Май, 1886 г. стр. 163—168; „Изъ Бумагъ К. А. Лохвицкаго“, Н. Н. Оглобина, тамъ же, іюль 1889 г. стр. 250; „Къ исторіи открытія Золотыхъ воротъ“, Н. Н. Оглобина, въ „Чтеніяхъ въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 5, Кіевъ, 1891 г., II, стр. 142—171.

свою въ Кіевѣ, пожаловала значительную сумму денегъ на воссозданіе нынѣшней каменной церкви, которая заложена была въ томъ же 1744 году, а окончена въ 1752 году, съ присоединеніемъ придѣла во имя Захаріи и Елизаветы. Въ 1783 году эта церковь была обновлена. Въ ней погребено тѣло молдавскаго господаря К. А. Инсиланти, бѣжавшаго въ Россію въ 1798 г. и скончавшагося въ Кіевѣ въ 1816 г.¹⁾

4 и 5) *Ирининскій монастырь и Екатерининская церковь*. Ярославъ I, кромѣ мужскаго Георгіевскаго монастыря, построилъ также и женскій Ирининскій „недалече отъ св. Софіи“²⁾. Но близъ Софіи была еще другая церковь Екатерининская, которую одни совершенно отвергаютъ, а другіе смѣшиваютъ съ Ирининскою. Мы съ своей стороны можемъ утверждать, что дѣйствительно существовали обѣ церкви, независимо одна отъ другой. Первая открыта Лохвицкимъ въ 1833 году на углу Ирининскаго переулка и Большой Владимирской улицы, на югъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Ирининскій памятникъ³⁾. Она была крайнею, самою близкою къ древнему крещатицкому оврагу, со стороны котораго въ XVI и XVII вѣкахъ былъ „Орининскій провалъ“, получившій названіе отъ монастыря⁴⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка развалины этого монастыря засыпаны были землянымъ валомъ и оставались подъ землею до 1833 г.⁵⁾

Другая церковь—Екатерининская—тоже была недалеко отъ Софіи, гдѣ стѣны ея видѣлы въ 1594 году Ляссота⁶⁾. Въ 1688 году кіевскій митрополитъ Гедeonъ Святопольскій—Чет-

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 264—268; „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, Кіевъ, 1874 г., II, 148.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 332 и 333.

³⁾ „Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго“, въ „Кіев. Старинѣ“, іюль, 1889 г. стр. 251.

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, III, 106 и 114.

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 334.

⁶⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“, II, 18.

вертинскій просилъ у царей Іоанна и Петра Алексѣвичей разрѣшенія разобрать ветхую каменную церковь св. Екатерины для употребленія ея матеріаловъ на починку Софійскаго собора, а м. Варлаамъ Ясинскій около 1691 года просилъ уже о восстановленіи и обновленіи Екатерининской церкви ¹⁾. По всей вѣроятности, фундаменты этой Екатерининской церкви открыты были въ 1746 году около Софійской монастырской ограды ²⁾, но никакъ не Ирининской церкви, находившейся тогда подъ землянымъ валомъ. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ говоритъ, что слѣды древней каменной церкви можно было примѣтить въ недавнее время при самомъ выходѣ изъ южныхъ воротъ Софійской ограды, что подъ башней, и что ещѣ они накрыты мостовою. Здѣсь и могла быть церковь св. Екатерины ³⁾; но когда и кѣмъ она построена,—неизвѣстно.

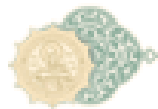
Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Историческія замѣтки о Кіевѣ“, П. Д-ва, въ „Кіев. Старинѣ“, октябрь 1884 г., стр. 235 и 237.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 334.

³⁾ „Кіев. Старина“, октябрь, 1884 г., стр. 238 и 239.

ОТЧЕТЪ

о состояніи

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ.

Кіевская Академія ведетъ достовѣрную свою исторію съ 1615 года, слѣдовательно существуетъ 281 годъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она испытала три болѣе важныя преобразованія: первое въ 1819 году, вдвинувшее ее въ число другихъ духовныхъ академій С. Петербургской и Московской, къ которымъ въ 1842 году прибавилась и Казанская Академія; второе—въ 1869 году, приблизившее духовныя академіи къ типу русскихъ университетовъ, и наконецъ третье—въ 1884 году.

Настоящій отчетный годъ, знаменательный въ судьбахъ Россіи торжественнымъ, священнымъ коронованіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, ознаменовался особыми монаршими милостями и для Кіевской дух. Академіи. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года, въ видахъ облегченія учащихся и учащихся, послѣдовало правительственное распоряженіе о томъ, чтобы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, кромѣ Москвы, выпускныя экзамены окончить не позже 30 мая, освободивъ учащихся отъ занятій на время коронаціонныхъ торжествъ; переводныя же испытанія въ академіяхъ, кромѣ Мос-

ковской, окончить къ 11 мая, и чтобы учебныя занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ 1896/7 учебномъ году начать 1 сентября. Ко дню священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и въ ознаменованіе его, разрѣшено было академическому начальству сдѣлать представленіе объ удостоеніи профессоровъ и служащихъ при академіи лицъ соотвѣтствующими, въ порядкѣ постепенности, орденами по сокращеннымъ срокамъ и въ увеличенномъ противъ обыкновеннаго количествѣ, вслѣдствіе чего представлено было къ награжденію орденами и удостоено ихъ 6 человекъ. Участвовавшій въ обрядѣ коронаціи Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, „въ благодареніе Господу Богу за благополучно совершившееся священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и во всегдашнее воспоминаніе о семъ радостномъ для всей Россіи событіи“, учредилъ при Академіи стипендію имени Императора Николая II. Во время же посѣщенія Кіева Ихъ Императорскими Величествами и 4-дневнаго пребыванія Ихъ здѣсь во второй половинѣ августа сего года, начальствующія лица и нѣкоторые профессора Академіи, въ качествѣ представителей ея, имѣли счастье представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Независимо отъ сего, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, всеподданнѣйше подноситъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ нѣкоторыя изданія Кіевской дух. Академіи и профессоровъ ея.

I.

СОСТАВЪ АКАДЕМІИ.

А) Служащія при Академіи лица.

Въ началѣ минувшаго учебнаго года состояло на службѣ при Академіи 39 лицъ, а именно:

- 1) *Ректоръ Академіи*, докторъ богословія, *Сильвестръ*, епископъ Каневскій, первый викарій кіевской епархіи.

2) *Инспекторъ Академіи*, магистръ богословія, настоятель Андреевской церкви, священникъ Іоаннъ *Коромковъ*, экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческаго языка и его словесности.

Ординарные профессеры.

3) По кафедрѣ психологіи, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій *Поспѣховъ*.

4) По кафедрѣ исторіи русской Церкви, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ *Малышевскій*.

5) По кафедрѣ гомилетики, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій *Пѣвницкій*.

6) По кафедрѣ священнаго Писанія Новаго Заѣта, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ *Сольскій*.

7) По кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай *Петровъ*.

8) По кафедрѣ логики и метафизики, докторъ богословія, статскій совѣтникъ Петръ *Линицкій*.

9) По кафедрѣ новой общей гражданской исторіи, докторъ церковной исторіи, статскій совѣтникъ Алексѣй *Розовъ*.

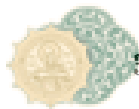
10) По кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи, докторъ богословія, статскій совѣтникъ Акимъ *Олесницкій*.

Семь изъ нихъ—Поспѣховъ, Малышевскій, Пѣвницкій, Сольскій, Петровъ, Линицкій, и А. Олесницкій имѣли званіе *заслуженнаго* ординарнаго профессора.

Экстраординарные профессеры:

11) По кафедрѣ церковнаго права, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Петръ *Лашкаревъ*.

12) По кафедрѣ церковной исторіи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Михаилъ *Ковальницкій*.

13) По кафедрѣ догматическаго богословія, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Митрофанъ *Ястребовъ*.

14) По кафедрѣ нравственнаго богословія, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Маркеллинъ *Олесницкій*.

15) По кафедрѣ латинскаго языка и его словесности, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Николай *Дроздовъ*.

16) По кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русскаго языка, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Василій *Малининъ*.

17) По кафедрѣ патристики, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Константинъ *Поповъ*.

18) По кафедрѣ библейской исторіи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Ѳеодоръ *Покровскій*.

Доценты:

19) По кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола магистръ богословія, статскій совѣтникъ Степанъ *Голубевъ*.

20) По кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Ѳеодоръ *Орнатскій*.

21) По кафедрѣ русскаго гражданскаго исторіи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Владиміръ *Завитневичъ*.

22) По кафедрѣ церковной археологіи и литургіи магистръ богословія, статскій совѣтникъ Алексѣй *Дмитріевскій*.

23) По кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, магистръ богословія, коллежскій совѣтникъ Аѳанасій *Булгаковъ*.

24) По кафедрѣ исторіи философіи, магистръ богословія, коллежскій совѣтникъ Дмитрій *Богдасевскій*.

25) По кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогики магистръ богословія, надворный совѣтникъ Никола *Маккавейскій*.

26) По кафедрѣ общей древней гражданской исторіи, магистръ богословія, надворный совѣтникъ, Феодоръ *Титовъ*.

27) По кафедрѣ священнаго писанія ветхаго Заѣта, магистръ богословія Владимиръ *Рыбинскій*.

Лекторы новыхъ языковъ:

28) Лекторъ нѣмецкаго языка, кандидатъ богословія Эрлангенскаго университета, коллежскій совѣтникъ Германъ *Кульманъ*.

29) Лекторъ французскаго языка, коллежскій ассессоръ Александръ *Тарасевичъ*.

30) Лекторъ англійскаго языка, кандидатъ богословія Николай Мухинъ.

Кромѣ преподавателей, состояли при Академіи слѣдующія должностныя лица:

31) Помощникъ инспектора, кандидатъ богословія, коллежскій ассессоръ Герасимъ *Скибинъ*.

32) Помощникъ инспектора, кандидатъ богословія, коллежскій секретарь Михаилъ *Петрушевскій*.

33) Секретарь Совѣта и Правленія Академіи, кандидатъ богословія, коллежскій секретарь Сергѣй *Песоцкій*.

34) Помощникъ секретаря, студентъ семинаріи, коллежскій ассессоръ Григорій Николаевичъ.

35) Библіотекаръ, кандидатъ богословія, коллежскій ассессоръ Амвросій *Крыловскій*.

36) Помощникъ библіотекаря, коллежскій ассессоръ Петръ *Старевскій*.

37) Экономъ, коллежскій ассессоръ Алексѣй *Устиновъ*.

38) Врачъ, докторъ медицины, Константинъ *Леплинскій*.

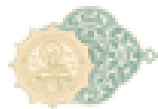
39 Почетный блюститель по хозяйственной части, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ *Детеревъ*.

Въ теченіе отчетнаго года послѣдовали слѣдующія перемѣны въ составѣ служащихъ при Академіи лицъ. Экстра-

ординарный профессоръ, священникъ І. Корольковъ, по назначеніи его настоятелемъ кіевской Андреевской церкви, отъказался отъ должности инспектора Академіи, на каковую должность указомъ Св. Синода отъ 9 августа 1895 года назначенъ заслуженный экстраординарный профессоръ той же Академіи, статскій совѣтникъ Михаилъ Ковальницкій, съ возведеніемъ его, по постриженіи, согласно выраженному имъ желанію, въ монашество и рукоположеніи въ іеромонаха, въ санъ архимандрита. 12 сентября 1895 года профессоръ и инспекторъ Ковальницкій принялъ монашество съ именемъ Дмитрія, 17 того же сентября посвященъ въ іеромонаха, а 24 того же мѣсяца произведенъ въ санъ архимандрита.—Заслуженный ординарный профессоръ Академіи Д. В. Пospѣховъ, прослужившій въ должности наставника Академіи 50 лѣтъ, указомъ Св. Синода отъ 13 декабря 1895 года уволенъ былъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ профессорской должности, съ назначеніемъ ему пенсіи, съ правомъ ношенія мундира, должности присвоеннаго, и съ предоставленіемъ права, въ качествѣ сверхштатнаго профессора, безмездно читать одну лекцію въ недѣлю изъ области опытной психологіи по особой представленной имъ совѣту программѣ. Тѣмъ же указомъ Св. Синода экстраординарный профессоръ Маркеллинъ Олесницкій перемѣщенъ съ кафедры нравственнаго богословія на кафедру психологіи, вслѣдствіе просьбы его о томъ. Чтеніе лекцій по нравственному богословію, съ 16 января 1896 года и до конца учебнаго года, временно поручено было тому же профессору М. Олесницкому, а 6 іюня сего года Совѣтомъ Академіи избранъ на кафедру нравственнаго богословія, съ званіемъ исправляющаго должность доцента, профессорскій стипендіатъ, кандидатъ богословія іеромонахъ Платонъ (Рождественскій). Такимъ образомъ, къ концу учебнаго года опять замѣщены были въ Кіевской Академіи всѣ кафедры.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, вслѣдствіе ходатайства Высокопре-

освященнѣйшаго Іоанннкія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, объ-отлично ревностныхъ 50-лѣтнихъ трудахъ заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской дух. Академіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. В. Поспѣхова, Всемиловѣйше соизволилъ въ 23 день сентября 1895 года пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Владиміра второй степени. Ко дню священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, за-отлично усердную службу, Всемиловѣйше пожалованы кавалерами орленовъ: Св. Станислава первой степени ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Сольскій (по должности городского головы г. Кіева); св. Владиміра 3-й степени ординарные профессора, статскіе совѣтники: Петръ Лашкаревъ, Акимъ Олесницкій и Алексѣй Розовъ; Св. Анны 3-й степени доцентъ, статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевскій; и Св. Станислава 3-й степени доцентъ Теодоръ Титовъ и помощникъ инспектора Мих. Петрушевскій.—Пожалованы знаки безпорочной службы заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Д. Поспѣхову за 50 и Ив. Малышевскому и В. Пѣвницкому за 40 лѣтъ. Всѣ начальствующія и служащія при Академіи лица, состоявшія на службѣ въ царствованіе блаженной памяти Государа Императора Александра III Александровича, удостоены серебряныхъ медалей, Высочайше утвержденныхъ въ 26 день февраля сего 1896 года въ память въ Божѣ почившаго Императора Александра III, для ношенія на Александровской лентѣ. За выслугу лѣтъ, доцентъ А. И. Булгаковъ произведенъ изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники. Ординарный профессоръ А. В. Розовъ получилъ званіе *заслуженнаго* ординарнаго профессора. Экстраординарный профессоръ, настоятель Кіевской Андреевской церкви, священникъ І. Корольковъ награжденъ набадренникомъ, камилавкою и наперснымъ крестомъ, выдаваемымъ изъ Св. Синода, и назначенъ настоятелемъ Кіевскаго Владимірскаго собора, съ званіемъ протоіерея и съ оставленіемъ за нимъ и академической каведры. Доцентъ Академіи О. Титовъ рукополо-

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

женъ во священника и назначенъ настоятелемъ Кіевской Андреевской церкви, съ оставленіемъ за нимъ и доцентской должности.

Б) Почетные члены Академіи.

Кромѣ служащихъ въ Академіи лицъ, занимающихъ кафедры и должности, положенныя по Высочайше утвержденному Уставу православныхъ духовныхъ академій, Академія, на основаніи § 9 Устава и в. 3, § 81, вмѣняетъ себѣ въ особенную честь имѣть въ своемъ составѣ почетныхъ членовъ, избираемыхъ изъ лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами церкви и учеными трудами. Къ началу отчетнаго года въ званіи почетныхъ членовъ Академіи состояло 21 лицо, а именно: Высокопреосвященный Михаилъ, архіепископъ Бѣлгородскій и митрополитъ сербскій, и графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой—съ 1869 года; Высокопреосвященный Іоаннскій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, дѣйствительный тайный совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ—съ 1882 года; Высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій и Коломенскій,—съ 1887 года; Высокопреосвященный Сергій, архіепископъ Владимірскій и Суздальскій—съ 1888 года; Преосвященный Арсеній, епископъ Кирилловскій, викарій Новгородской епархіи,—съ 1889 года; Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительный тайный совѣтникъ, академикъ и членъ Государственнаго Совѣта Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ—съ 1890 года; Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Архтырскій, предсѣдатель Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, протоіерей Алексѣй Ивановичъ Парвовъ, и заслуженный ординарный профессоръ богословія въ университетѣ св. Владиміра, докторъ богословія, протоіерей Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ,—съ 1891 года; Высокопреосвященный Савва, архіепископъ Тверскій и Кашинскій,

кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ, графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ, и бывшій ректоръ Казанской дух. Академіи, протоіерей Александръ Поликарповичъ Владимірскій,—съ 1892 года; Высокопреосвященный Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Высокопреосвященный Іонаѳанъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, Высокопреосвященный Владиміръ, архіепископъ Казанскій и Свіязскій, Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ Владиміръ Карловичъ Саблеръ, бывшій директоръ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, тайный совѣтникъ Андрей Григорьевичъ Ильинскій, кафедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ и настоятель Кіевской Троицкой церкви, протоіерей Алексѣй Михайловичъ Колосовъ,—съ 1893 года.

Въ теченіе отчетнаго года скончался почетный членъ Академіи, графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой. Вновь избранъ въ почетные члены и Св. Синодомъ утвержденъ въ этомъ званіи заслуженный ординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи, д. с. с. Д. В. Поспѣховъ, по случаю исполненія, 24 сентября 1895 года, 50-лѣтія его службы.

В) Учащіеся въ Академіи.

Къ началу отчетнаго года, для поступленія въ составъ новаго 1 курса, къ приѣмнымъ испытаніямъ явилось 89 человекъ. Изъ нихъ 82 воспитанника русскихъ духовныхъ семинарій, 1 студентъ университета, 1 воспитанникъ гимназіи и 5 иностранцевъ (1 грекъ, 3 серба и 1 черноморецъ). Изъ русскихъ семинарскихъ воспитанниковъ 23 явилось по назначенію начальства и 59 по собственному желанію. Изъ нихъ 5 воспитанниковъ не допущены были къ экзаменамъ, такъ какъ не представили всѣхъ требуемыхъ для поступленія въ Академію документовъ, а 8 воспитанниковъ сами оставили Академію, не окончивъ приѣмныхъ испытаній. Такимъ образомъ, всѣхъ воспитанниковъ, подвергавшихся приѣмнымъ испытані-

амъ, было 76 человѣкъ. Экзаменовавшіеся написали три письменныя упражненія на темы богословскаго, философскаго и историческаго содержанія и сдали устное испытаніе по пяти предметамъ—догматическому богословію, общей церковной исторіи, логикѣ, по одному изъ древнихъ и по одному изъ новыхъ языковъ. По окончаніи экзаменовъ, принято въ число студентовъ 1 курса 62 человѣка, изъ коихъ 30 на казенное содержаніе, 2 на стипендіи Н. П. Соколова, 2 на стипендіи І. В. Рождественскаго, 1 на стипендію П. Д. Юркевича, 1 на Варваринскую стипендію, 1 на стипендію преп. Николы Печерскаго, 5 иностранцевъ на спеціальныя стипендіи изъ синодальныхъ средствъ, и 20 принято своекоштными пансіонерами, съ предоставленіемъ двумъ изъ нихъ права жить у родителей въ Кіевѣ на собственные средства. Отказано въ приѣмѣ въ Академію двумъ воспитанникамъ по неудовлетворительному состоянію здоровья и 12 по неподготовленности ихъ къ прохожденію академическаго курса. Въ теченіе учебнаго года вновь приняты въ Академію 2 серба по особому экзамену и переведены 1 сербъ изъ С.-Петербургской и 1 болгаринъ изъ Казанской Академіи. Исключены изъ списковъ 2 умершихъ русскихъ студента и 1 уволился по болѣзни. Изъ остальныхъ 62 студента написали положенныя въ семъ курсѣ сочиненія и проповѣдь, окончили испытанія по всѣмъ предметамъ сего курса, по поведенію имѣють баллы 5 и 4 и переведены на II курсъ; 1 русскій студентъ оставленъ безъ перевода потому, что не держалъ годичнаго экзамена по болѣзни; 1 русскій студентъ и 1 болгаринъ, уже по окончаніи годичныхъ экзаменовъ, уволились изъ Академіи: первый—для поступленія въ Кіевскій университетъ, а второй—по болѣзни. Въ настоящее время на этомъ курсѣ состоитъ 60 человѣкъ, кромѣ 1 студента, оставленнаго безъ перевода. Кромѣ того, во второй половинѣ отчетнаго года приняты въ Академію 3 грека (въ числѣ ихъ 1 іеродіаконъ), въ качествѣ вольнослушателей, съ правомъ держать экзаменъ въ началѣ наступившаго учебнаго года.

Во II курсѣ, въ началѣ отчетнаго года, было 49 студентовъ. Въ теченіе учебнаго года 1 русскій студентъ умеръ и 1 сербъ переведенъ изъ С. Петербургской дух. Академіи. Изъ 49 студентовъ этого курса: 39 русскихъ студентовъ (въ числѣ ихъ 2 священника) и „10 иностранцевъ (4 грека, 4 болгарина и 2 серба). Всѣ они удостоены перевода въ III курсъ, но 1 русскій студентъ уволился изъ Академіи по домашнимъ обстоятельствамъ, такъ что нынѣ на этомъ курсѣ состоитъ 48 человекъ.

Въ III курсѣ, въ началѣ отчетнаго учебнаго года, было 47 студентовъ. Въ теченіе года переведены, согласно прошеніямъ: изъ Кіевской Академіи въ С. Петербургскую 1 австрійскій сербъ, а изъ Петербургской въ Кіевскую 1 черногорецъ. Въ составѣ этого курса было: 42 русскихъ студента (въ числѣ ихъ 1 іеродіаконъ) и 5 иностранцевъ (1 сиріецъ, 2 румына, 1 сербъ и 1 черногорецъ). Изъ 47 студентовъ этого курса 2 не держали годичнаго экзамена, по болѣзни, и оставлены безъ перевода въ слѣдующій курсъ, а 1 уволился изъ академіи по болѣзни. Остальные 44 человека переведены на IV курсъ.

Въ IV курсѣ было 36 студентовъ, изъ коихъ 34 русскихъ и 2 иностранца. Изъ нихъ 1 не окончилъ экзаменовъ по болѣзни, а 35 выбыли изъ Академіи, за окончаніемъ полнаго академическаго курса. Изъ послѣднихъ 33 удостоены степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ 9-ти изъ нихъ права на полученіе степени магистра богословія, безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительной для сего печатной диссертации и публичное защищеніе, а двое, не представившихъ кандидатскаго сочиненія, выпущены съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи.

Всего въ началѣ отчетнаго года во всей Академіи было 194 студента, а къ концу того же года 192 студента и 3 вольнослушателя. Изъ нихъ было 1 сиріецъ, 8 грековъ, 2 румына, 5 болгаръ, 10 сербовъ и 3 черногорца,—всего 29 иностранцевъ, а остальные 163 русскіе подданные.

14 студентовъ и 1 вольнослушатель состояли въ священномъ санѣ. Изъ нихъ 2 іеромонаха (русскіе), 7 священниковъ (5 русскихъ, 1 сербъ и 1 румынъ), 5 іеродіаконовъ (2 русскіе и 3 грека) и 1 діаконъ (русскій). Послѣдній изъ нихъ принялъ монашество, а 2 іеродіакона (русскіе), по окончаніи академическаго курса, рукоположены во іеромонаха. Кромѣ того, 2 студента IV курса вновь приняли монашество и, по окончаніи академическаго курса, рукоположены въ іеромонаха.

По состояніямъ, изъ 163 русскихъ студентовъ 126 были дѣти священно-церковнослужителей, 11 дѣти дворянъ, 11 чиновниковъ, 4 низшихъ военныхъ чиновъ и 22 дѣти мѣщанъ и крестьянъ.

Изъ русскихъ студентовъ 120 пользовались казенными стипендіями, положенными по штату Академіи, по 30 на каждый курсъ, и кромѣ того 10 студентовъ пользовались такъ называемыми юбилейными стипендіями, Высочайше учрежденными изъ суммъ Св. Синода по случаю 50-лѣтняго юбилея Академіи 28 сентября 1869 года. 18-ти студентамъ предоставлены были существующія при Академіи частныя стипендіи, а именно: три стипендіи профессора Казанской Академіи Н. П. Соколова, двѣ протоіерея І. В. Рождественскаго, двѣ кіевскаго городского Общества, учрежденныя при Академіи въ день 50-лѣтняго ея юбилея для дѣтей кіевскихъ гражданъ, 1 стипендія Высокопреосвященнаго Іоанникія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 1 Высокопреосвященнаго Арсенія, бывшаго митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 1 Высокопреосвященнаго Іоанникія, бывшаго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, 1 Высокопреосвященнаго Никандра, бывшаго архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, 1 П. Д. Юркевича, бывшаго профессора Кіевской Академіи, а потомъ Московскаго Университета, учрежденная для студентовъ изъ Полтавской семинаріи, 1 Варваринская стипендія, учрежденная штабсъ-капитаншею Львовою, 1 лаврская стипендія, учрежденная въ память спасенія Государя Императора Александра II отъ зло-

дѣйскаго покушенія 4 апрѣля 1866 года для уроженца Кіевской или Костромской губерніи, 1 стипендія имени Александра II, учрежденная кіевскимъ духовенствомъ въ память 25-лѣтія царствованія покойнаго Гусударя Александра II для студентовъ изъ воспитанниковъ Кіевской семинаріи, 1 екатеринославскаго духовенства для студентовъ изъ воспитанниковъ Екатеринославской семинаріи, и 1 стипендія имени преп. Николы Печерскаго, учрежденная кіевскимъ домовладѣльцемъ Николой Вертипорохомъ для студентовъ изъ русскихъ подданныхъ, пожелавшихъ принять монашество. Студентъ П курса В. Мысына содержался на средства архіепископа Холмскаго и Варшавскаго Флавіана. Пятнадцать русскихъ студентовъ было своекоштными пансіонерами, а двое жило въ домахъ родителей на собственномъ содержаніи.

Своекоштнымъ студентамъ Правленіе Академіи выдавало пособіе изъ процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ Академіи для выдачи вспомоцествованія недостаточнымъ студентамъ: маіоромъ Свѣнцицкимъ (въ 3000 р.), Высокопреосвященнымъ Платономъ, покойнымъ митрополитомъ Кіевскимъ (въ 2000 р.), Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, Высокопреосвященнымъ Іоанномъ, архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ, и Преосвященнымъ Іосифомъ, бывшимъ епископомъ Владикавказскимъ. Кромѣ того, помогаетъ студентамъ выдачею пособій, большею частію заимообразно, существующее при Академіи Богоявленское Братство. Въ отчетномъ году такихъ пособій выдано было 59 студентамъ 1857 руб. въ количествѣ отъ 5 до 100 руб. каждому. Большая часть вспомоцествованій выдана для взноса за содержаніе въ Академіи. Въ видахъ удовлетворенія личныхъ нуждъ студентовъ, инспекторъ Академіи, архимандритъ Димитрій внесъ въ полное распоряженіе Правленія Академіи 300 р. сер. для устройства, въ видѣ оцта, выдачи краткосрочныхъ заимообразныхъ

Каневскаго, въ составѣ членовъ его, указанныхъ въ § 79 Устава Академіи. Изъ членовъ Совѣта не опустили ни одного засѣданія, кромѣ преосвященнаго ректора,—В. Пѣвnickій, А. Розовъ, М. Ястребовъ, Н. Дроздовъ, К. Поповъ и Ѳ. Покровскій. Не присутствовали въ собраніяхъ четыре раза С. Сольскій, А. Олесницкій и П. Лашкаревъ, три раза М. Ковальницкій, два раза—П. Линицкій и М. Олесницкій и одинъ разъ Д. Поспѣховъ, И. Малышевскій, Н. Петровъ и В. Малининъ. Опушенія эти были всегда по уважительнымъ причинамъ: по болѣзни, по нахожденію въ командировкѣ или въ отпуску, или по причинѣ разсмотрѣнія въ Совѣтѣ дѣлъ, касающихся того или другого члена Совѣта.

Дѣла въ Совѣтѣ рѣшались большею частію единогласно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—по большинству голосовъ, подаваемыхъ открыто.

Для дѣлъ, требовавшихъ предварительнаго обсужденія или спеціальнаго разсмотрѣнія, Совѣтомъ Академіи какъ изъ членовъ его, такъ и изъ прочихъ преподавателей, образуемы были, согласно съ § 80 Устава, особыя коммиссіи, которыя и представляли Совѣту свои соображенія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ ихъ разсмотрѣнію. Самое большее число коммиссій потребовалось для производства пріемныхъ и годичныхъ испытаній.

Пріемныя испытанія во второй половинѣ августа 1895 года произведены были въ пяти одновременно дѣйствовавшихъ коммиссіяхъ, по три лица въ каждой, въ коей предсѣдательствовали ректоръ, инспекторъ и три члена Правленія. Для оцѣнки трехъ экспромптныхъ сочиненій, написанныхъ экзаменуемыми, назначены были также три коммиссіи, изъ двухъ преподавателей въ каждой. Экзаменаціонныя коммиссіи представили въ Совѣтъ Академіи свои отзывы о достоинствахъ и недостаткахъ отвѣтовъ семинарскихъ воспитанниковъ, для представленія въ Св. Синодъ. Въ виду отзывовъ С.-Петербургской и другихъ академій о неволнѣ удовлетво-

рительныхъ отвѣтахъ семинарскихъ воспитанниковъ, на приемныхъ испытаніяхъ, по св. Писанію,—Св. Синодъ указомъ своимъ отъ 24 января сего года, за № 429, съ приложеніемъ записки профессора С.-Петербургской дух. Академіи Глубоковскаго относительно желательнаго измѣненія въ программѣ и методѣ преподаванія св. Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ, предписалъ академическимъ совѣтамъ войти въ соображенія о томъ, какія измѣненія слѣдуетъ произвести въ существующихъ нынѣ программѣ и методѣ преподаванія св. Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ, для достиженія разумнаго усвоенія семинарскими воспитанниками священнаго текста. Во исполненіе сего указа, Совѣтъ Кіевской Академіи составилъ комиссію изъ профессоровъ С. Сольскаго, А. Олесницкаго и Ѳ. Покровскаго и доцента Вл. Рыбинскаго, обязавъ ихъ представить Совѣту Академіи свои соображенія по сему предмету.

Годичныя испытанія въ отчетномъ году, въ виду предстоявшихъ коронаціонныхъ торжествъ, начаты раньше обыкновеннаго, именно 12 апрѣля, и окончены для первыхъ трехъ курсовъ къ 11 мая, а для IV курса—30 мая. Годичныя испытанія производились тоже пятью комиссіями, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспектора и трехъ членовъ Правленія, съ переменными на каждый экзаменъ членами изъ преподавателей, соотвѣтственно предмету испытанія.

По окончаніи годичныхъ испытаній, Совѣтъ составилъ списки студентовъ по сравнительному достоинству ихъ успѣховъ, а также присудилъ ученые степени оканчивавшимъ курсъ воспитанникамъ Академіи.

При одинаковыхъ баллахъ по отвѣтамъ и поведенію, Совѣтъ отдавалъ предпочтеніе относительному достоинству балловъ по сочиненіямъ, допуская даже покрытіе нѣкоторыхъ недостатковъ въ баллахъ по отвѣтамъ баллами по сочиненіямъ, въ тѣхъ однако же случаяхъ, если высшій баллъ принадлежалъ сочиненію по тому же предмету, по которому оказывался недочетъ въ баллахъ по устнымъ отвѣтамъ. Для состав-

ленія списка студентовъ IV курса Совѣтъ принималъ во вниманіе успѣхи и поведеніе студентовъ и при этомъ придавалъ особое значеніе достоинству окончательнаго сочиненія, представляемаго студентами сего курса для полученія ученой степени.

Разсмотрѣніе и оцѣнка сочиненій, представляемыхъ для полученія ученыхъ богословскихъ степеней, согласно правиламъ, изданнымъ Св. Синодомъ въ февралѣ 1889 года въ руководство Совѣтамъ академій, и указу Св. Синода отъ 5 іюня 1895 года, за № 2567, предварительно поручались двумъ преподавателямъ. Каждую диссертацию на ученую степень прочитывалъ сначала тотъ преподаватель, къ спеціальности котораго она относилась по своему предмету, а потомъ одинъ изъ членовъ Совѣта. Какъ диссертациі, такъ и мотивированные отзывы о нихъ, вносились на засѣданія Совѣта, который, по обсужденіи этихъ отзывовъ, дѣлалъ постановленіе объ удовлетворительности или неудовлетворительности диссертациі для искомой ученой степени. Состоявшееся присужденіе степени дѣйствительнаго студента и кандидата богословія Совѣтъ представлялъ, вмѣстѣ съ преподавательскими отзывами о диссертацияхъ, на утвержденіе Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Іоаннікія. Въ отчетномъ году изъ 36 окончившихъ курсъ студентовъ двое не представили диссертаций на ученую степень; остальные же 34 диссертациі признаны удовлетворительными для полученія степени кандидата богословія. Лучшія изъ кандидатскихъ сочиненій, согласно указу Св. Синода отъ 5 іюня 1895 года, могутъ быть передѣлываемы въ магистерскія диссертациі; но академическіе Совѣты обязаны дозволить такую передѣлку съ большою осторожностію и не иначе какъ съ особаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

Кромѣ студентовъ, окончившихъ курсъ въ отчетномъ году, искали ученыхъ степеней и бывшіе академическіе воспитанники прежнихъ курсовъ. Дѣйствительный студентъ Ни-

колай Платоновъ представилъ въ Совѣтъ Академіи сочиненіе, подъ заглавіемъ „Историческій характеръ библейскаго повѣствованія о грѣхопаденіи прародителей“, для полученія степени кандидата богословія, находящееся на разсмотрѣніи рецензентовъ. Кандидатъ богословія Александръ Лобачевскій сдалъ дополнительный экзаменъ по церковному праву, церковной археологіи и литургикѣ и исторіи философіи для приобрѣтенія права на полученіе степени магистра богословія. Секретарь Совѣта и Правленія Кіевской дух. Академіи, кандидатъ богословія, Сергій Песоцкій представилъ, въ качествѣ магистерской диссертациі, сочиненіе свое „Св. Пророкъ Даніилъ, его время, жизнь и дѣятельность“, которое, по выслушаніи подробныхъ о немъ отзывовъ профессора Ѳ. Покровскаго и доцента В. Рыбинскаго, Совѣтъ призналъ заслуживающимъ искомой степени и постановилъ, по напечатаніи, допустить къ защитѣ чрезъ colloquiumъ. Указомъ Св. Синода отъ 29 января сего года, за № 554, утверждень въ степени магистра богословія преподаватель Калужскаго дух. училища, кандидатъ богословія Димитрій Смирновъ, защищавшій свою диссертацию, подъ заглавіемъ „Празднованіе воскреснаго дня, его исторія и значеніе“, въ предыдущемъ отчетномъ году. Экстраординарный профессоръ Кіевской Академіи, магистръ богословія Маркеллинъ Олесницкій представилъ въ Совѣтъ Академіи, въ качествѣ докторской диссертациі, книгу свою, подъ заглавіемъ „Изъ системы христіанскаго правоученія“, находящуюся нынѣ на разсмотрѣніи рецензентовъ.—Не приняты Совѣтомъ къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаций, по несоблюденію правилъ относительно приобрѣтенія ученыхъ богословскихъ степеней, сочиненія: бывшаго профессора С.-Петербургской дух. Академіи, магистра богословія, И. Барсова (Сборникъ отдѣльныхъ печатныхъ статей по исторіи проповѣдничества) для полученія докторской степени, и преподавателя Кишиневскаго дух. училища, кандидата богословія, Ал. Аннинскаго („Исторія Армянской церкви до XIX в.“ въ рукописи) для полученія степени магистра богословія.

Независимо отъ присужденія ученыхъ степеней, наиболѣе замѣчательныя въ ученomъ отношеніи сочиненія удостоивались премій, находящихся въ распоряженіи Совѣта Академіи, или же поощрялись особыми денежными субсидіями.

Въ распоряженіи Совѣта Академіи были слѣдующія преміи, для выдачи за лучшія сочиненія наставникамъ и воспитанникамъ Академіи, а частію и стороннимъ лицамъ: 1) Премія полная въ 1000 р. или половинная по 500 руб. изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго покойнымъ Макаріемъ, митрополитомъ Московскимъ, по случаю 50-лѣтняго юбилея Академіи въ 1869 году, выдаваемая, съ утвержденія Св. Синода, за сочиненія, писанныя на темы, данныя Совѣтомъ, какъ преподавателямъ Академіи, такъ и стороннимъ лицамъ; 2) премія, выдаваемая съ утвержденія Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевского, изъ процентовъ съ помертнаго капитала того же покойнаго митрополита Макарія, въ 800 или 400 руб. преподавателямъ Академіи, и въ 300 или по 150 р. окончившимъ курсъ воспитанникамъ Академіи, за печатныя сочиненія, заслужившія одобреніе; 3) Премія покойнаго Михаила, епископа Курскаго, въ 237 руб. 50 коп., за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, относящіяся къ свящ. Писанію; 4) Евгеніево-Румянцевскія преміи по 100 руб., выдаваемыя студентамъ за сочиненія, писанныя на заданныя темы, относящіяся къ области церковной исторіи и археологіи, и 5) Премія покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа Симашко въ 165 руб., выдаваемая за лучшее кандидатское сочиненіе въ каждое четырехлѣтіе только три раза.

Въ отчетномъ году присуждены были слѣдующія преміи: 1) Полная, юбилейная Макаріевская премія въ 1000 руб. доценту Кіевской Академіи А. А. Дмитріевскому за его книгу „Богослуженіе страстной и пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ“, съ выдачею рецензенту сего сочиненія, профессору П. А. Лашкареву, 200 руб. сер.; 2) половинная юбилейная

Макаріевская премія въ 500 руб. профессору Кіевской Академіи Н. И. Петрову за его сочиненіе „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, съ выдачею рецензенту сего сочиненія, профессору И. И. Малышевскому, 200 руб. На соисканіе же сей преміи въ 1898 году, Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 8 декабря 1895 года оставилъ слѣдующія прежнія темы: а) „Кіевская митрополія до конца XVII вѣка (историко-біографическій очеркъ)“; б) „О богодухновенности свящ. Писанія (по ученію откровенія и церкви)“, и в) „Идея Мессіи и Мессіанскаго царства у Іудеевъ въ послѣдніе два вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ“. 3) Премія изъ процентовъ посмертнаго капитала того же покойнаго митрополита Макарія, для окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи, полная въ 300 р. выдана преподавателю Смоленской дух. Семинаріи Порф. Смирнову за его сочиненіе „Проповѣди св. Ефрема Сирина“, и половинная въ 150 руб. преподавателю Вятской дух. Семинаріи П. Шарову за его сочиненіе „Большой Московскій Соборъ 1666—67 г. г.“. 4) Премія покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа Симашико въ 165 руб. выдана кандидату богословія (нынѣ исправляющему должность доцента Академіи) іеромонаху Платону (Рождественскому) за кандидатское его сочиненіе „Исторія древняго міра при свѣтѣ божественнаго откровенія“.

Для усиленія ученой дѣятельности въ Академіи и для поддержанія издающагося въ Академіи журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“, Совѣтъ 8-го декабря 1895 года постановилъ выдать въ пособіе редакціи журнала 2121 р. 18 коп. годовыхъ процентовъ изъ суммъ, пожертвованныхъ въ день 50-лѣтняго юбилея Академіи, ревнителями духовнаго просвѣщенія на изданіе книгъ и брошюръ въ духѣ православной церкви, изданіе сочиненій по предметамъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ, изданіе сочиненій воспитанниковъ Академіи по церковно-историческому отдѣленію, и др. Доценту С. Т. Голубеву предоставлено было заимообразно пользоваться для печатанія II тома его сочи-

ненія „Петръ Могила“, 200 руб. изъ Антоніевскаго капитала, назначеннаго въ пособіе для изданія сочиненій преподавателей Кіевской Академіи и Семинаріи, съ уплатою установленныхъ процентовъ на заимствованный капиталъ. Командированы были депутатами отъ Академіи на X археологическій съѣздъ въ Ригѣ, бывшій съ 1 по 20 августа сего 1896 года, профессоръ Н. И. Петровъ и доцентъ В. З. Завитневичъ, съ выдачею отъ Совѣта пособія по 100 руб. каждому.

Предъ началомъ учебнаго года составлена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, изъ 8 профессоровъ, для разсмотрѣнія программъ наставниковъ Академіи, раздѣленная на четыре предварительныя подкомиссіи. По надлежащемъ разсмотрѣніи и утвержденіи сихъ программъ Совѣтомъ Академіи, онѣ представлены были, за исключеніемъ программъ преподавателей древнихъ языковъ и лекторовъ новѣйшихъ языковъ, въ Св. Синодъ къ 1 января сего года, согласно требованію указа Св. Синода отъ 10 апрѣля 1895 года, за № 1572. Продолжали свою дѣятельность комиссіи, учрежденныя въ предшествовавшіе годы: комиссія для наблюденія за печатаніемъ каталога академической библіотеки (изъ трехъ лицъ), комиссія для наблюденія за печатаніемъ литургическихъ памятниковъ, собранныхъ доцентомъ А. А. Дмитриевскимъ (изъ двухъ лицъ), комиссія для пересмотра дѣйствующихъ положеній о Макаріевскихъ преміяхъ (изъ семи лицъ); комиссія для исправленія русскаго перевода книгъ св. Писанія Новаго Завѣта (изъ 12 лицъ), окончившая въ отчетномъ году свои занятія, и комиссія по объясненію мѣстъ свящ. Писанія неправильно понимаемыхъ штицистами и другими русскими сектантами, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, съ участіемъ въ ней пяти лицъ изъ академическихъ преподавателей (А. Олесницкаго, С. Голубева, Ѳ. Орнатскаго, Д. Богдашевскаго и В. Рыбинскаго).

Б) Занятія Правленія Академіи.

Правленіе Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея, епископа Каневскаго Сильвестра, составляли: инспекторъ, экстраординарный профессоръ архимандритъ Димитрій, и три члена изъ ординарныхъ профессоровъ—Иванъ Малышевскій, Василиій Пѣвницкій и Николай Петровъ, а по хозяйственнымъ дѣламъ, сверхъ того, экономя Академіи Алексѣй Устиновъ. Почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части состоялъ потомственный почетный гражданинъ Мих. Наро. Дегтеревъ.

Всѣхъ засѣданій Правленія въ отчетномъ году было 61. Не присутствовали: на 6-ти засѣданіяхъ инспекторъ Академіи архимандритъ Димитрій по нахожденію въ отпуску, и на 5 засѣданіяхъ членъ Н. Петровъ по нахожденію въ командировкѣ на археологическій съѣздъ. Въмѣсто инспектора архимандрита Димитріа исполнялъ его должность членъ Правленія, профессоръ В. О. Пѣвницкій, а вмѣсто члена Петрова исполнялъ его обязанности профессоръ О. Я. Покровский.

По силѣ §§ 92—98 Устава, Правленіе завѣдывало хозяйственно-распорядительною частию по Академіи и нѣкоторыми дѣлами по учебно-воспитательной части.

Академія содержится на средства, состоящія въ распоряженіи Св. Синода, и на счетъ процентовъ съ принадлежащаго ей капитала.

По смѣтѣ на 1896 годъ, ассигновано на содержаніе Академіи 137,316 р. 85 к. Къ 1 января 1896 года оставалось наличныхъ денегъ 9902 р. 22 коп. и поступило съ 1 января по 1 августа, въ счетъ смѣтныхъ суммъ (вмѣстѣ съ остаткомъ) 173,536 р. 66 коп. Израсходовано съ 1 января до 1 августа 117,709 р. 15 коп. Къ 1 августа оставалось наличными деньгами 55,827 р. 51 к., и билетами кредитныхъ учрежденій 380,191 р.

Собственный капиталъ Академіи въ разныхъ процентныхъ бумагахъ къ 1 января 1896 года составлялъ 283,691

руб. Послѣ 1-го января сего года, этотъ капиталъ увеличился: 1) 14,486 р. 65 к., полученными, по Высочайше утвержденному 22 мая 1895 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, единовременно на возмѣщеніе потерь въ доходахъ отъ капиталовъ, при конверсіяхъ; 2) 10,000 руб., завѣщанными покойнымъ почетнымъ членомъ Киевской Академіи, д. с. с. Н. А. Леопардовымъ на стипендіи его имени при сей Академіи; 3) 500 руб., пожертвованными почетнымъ блюстителемъ Академіи по хозяйственной части Мих. Царо. Дегтеревымъ, для употребленія по усмотрѣнію академическаго Правленія. Кромѣ того, въ отчетномъ году при Академіи учреждены еще двѣ стипендіи: одна имени императора Николая II, а другая—имени потомственнаго почетнаго гражданина Вас. Ив. Θεолого. Первая учреждена на средства Высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, „въ благодареніе Господу Богу за благополучно совершившееся священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и во всегдашнее воспоминавіе о семъ радостномъ для всей Россіи событіи“. Г. Θεолого завѣщаль учредить при Киевской дух. Академіи стипендію своего имени, съ выдачею на содержаніе стипендіанта въ теченіе четырехъ лѣтъ по 400 руб. въ годъ и, кромѣ того, по окончаніи курса, въ пятый годъ, въ пособіе тому же стипендіанту,—тоже 400 руб. Завѣщаніе г. Θεолого утверждено, но деньги на образованіе стипендіи его имени еще не получены. Проценты съ академическаго капитала, въ количествѣ 3,203 р. 34 коп., отсылаются въ Кіевскую Семинарію на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ, и 12 руб. 85 коп. въ Кіево-Выдубицкій монастырь, согласно завѣщанію жертвователей, а остальные составляютъ собственный доходъ Академіи.

Расходованіе суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе Академіи по штату и смѣтѣ изъ духовно - учебнаго капитала, а также и процентовъ съ принадлежащихъ Академіи капиталовъ, производилось по мѣрѣ надобности, согласно со смѣ-

тою, спеціальнымъ назначеніемъ суммъ и особыми постановленіями высшаго начальства. Наличность кассы ежемѣсячно свидѣтельствовалась членами Правленія и одинъ разъ въ годъ ревизіоннымъ Комитетомъ. Подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ всѣхъ суммъ по Академіи за 1895 гражданскій годъ составленъ Правленіемъ ея въ началѣ 1896 года и переданъ въ мѣстный ревизіонный Комитетъ для провѣрки съ документами и для представленія въ контроль при Св. Синодѣ на окончательное обревизованіе.

По хозяйственной части Правленіе наблюдало, чтобы вновь приобретаемыя для Академіи вещи, по освидѣтельствованіи членами Правленія, аккуратно вносились въ опись, а признанныя совершенно негодными исключались изъ нея, чтобы хозяйственные продукты и матеріалы, закупаемые для Академіи и доставляемые въ нее, были доброкачественны и вполне соотвѣтствовали своему назначенію, чтобы академическая собственность сберегалась отъ порчи и поврежденія, академическія же зданія содержались въ чистотѣ, порядкѣ и исправности, въ особенности студенческія помѣщенія и больница. Врачу вмѣнено въ обязанность по инструкціи, данной ему въ руководство, по мѣрѣ надобности посѣщать помѣщенія студентовъ и наблюдать за здоровьемъ и свѣжестью въ нихъ воздуха. Въ началѣ отчетнаго года инспекторъ и три члена Правленія свидѣтельствовали наличность и сохранность академической библіотеки и прочаго движимаго академическаго имущества.

Особеннаго попеченія со стороны Правленія, требовали въ отчетномъ году: введеніе форменной одежды для студентовъ Кіевской Академіи, устройство канализаціи и капитальный ремонтъ зданія академической библіотеки. Форменная одежда введена, съ разрѣшенія Св. Синода, по примѣру С.-Петербургской Академіи, въ видахъ поддержанія дисциплины между студентами Академіи какъ въ самомъ общежитіи, такъ и внѣ его, для чего исходатайствованъ былъ у Св. Синода едино-

временный отпуск дополнительной суммы в 1500 рублей. Устройство канализации на особо исправленную для сего сумму обошлось в 2456 руб. 36 коп., кроме внутренних работ, исполненных хозяйственным способом. На ремонт здания академической библиотеки составлена и утверждена была особая смета в 23,937 р. 21 к., выполнение которой взял на себя подрядчик Берлинеръ, под наблюдением епархиального архитектора и особого строительного Комитета из 6-ти лиц (профессоров А. Розова, М. Ястребова и К. Попова; доцента А. Булгакова, библиотекаря А. Крыловскаго и священ. Гукевича) и под контролем ревизионного Комитета. К сожалѣнію, работы по ремонту академической библиотеки, по независимымъ от Правленія причинамъ, не были окончены въ назначенному сроку.

Кромѣ хозяйственно-распорядительной дѣятельности, Правленіе Академіи, согласно съ требованіемъ Устава и опредѣленіями Св. Синода, занималось разсмотрѣніемъ вѣдомостей о поведеніи студентовъ и дѣлъ по ихъ проступкамъ, вѣдало дѣла объ увольненіи студентовъ изъ Академіи по ихъ прошеніямъ и распредѣляло между студентами казеннокоштные и стипендіальныя вакансіи, открывающіяся въ теченіе учебнаго года.

В) Занятія наставниковъ Академіи.

Дѣятельность наставниковъ состояла: 1) въ разработкѣ и изложеніи порученной каждому изъ нихъ науки въ лекціяхъ, соотвѣтственно съ современнымъ состояніемъ ея и въ строгомъ согласіи съ духомъ православія, въ порядкѣ составленныхъ каждымъ изъ нихъ и утвержденныхъ Совѣтомъ программъ; 2) въ руководствѣ студентовъ при разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій и въ рецензіи ихъ сочиненій; 3) въ повѣркѣ знаній и оцѣнкѣ успѣ-

ховъ студентовъ на репетиціяхъ и экзаменахъ, и 4) въ особыхъ учено-литературныхъ и другихъ трудахъ.

1) Чтеніе лекцій въ отчетномъ году началось съ начала сентября и окончилось, въ виду предстоявшихъ коронаціонныхъ торжествъ, 22 марта, по программамъ, рассмотрѣннымъ въ началѣ учебнаго года особыми комиссіями, утвержденнымъ Совѣтомъ Академіи и представленнымъ въ Св. Синодъ. Въ видахъ контроля за преподаваніемъ, ректоръ Академіи, по своему усмотрѣнію, посѣщаль лекціи преподавателей.

Всѣ науки, указанныя въ Уставѣ Академій (§§ 100 и 101), преподавались въ Академіи въ отчетномъ году, и при томъ въ болѣе или менѣе полномъ ихъ объемѣ. Преподаваніе нравственнаго богословія, не имѣвшего, съ половины отчетнаго года, штатнаго преподавателя, временно поручено было прежнему преподавателю его.

Преподаваніе наукъ, изучаемыхъ въ Академіи, распредѣлено было по курсамъ соотвѣтственно указанію § 119 Устава Академій. Всѣ науки общеобразовательнаго характера читались исключительно въ I и II курсахъ, а преподаваніе богословскихъ наукъ, начинаясь съ I курса, главнымъ образомъ сосредоточено было въ III и IV курсахъ, студенты которыхъ не слушали лекцій по предметамъ общеобразовательнымъ. И при распредѣленіи богословскихъ наукъ по курсамъ соблюдался порядокъ, опредѣляемый ихъ послѣдовательностію и взаимною зависимостію. Преподаваніе академическихъ наукъ распредѣлялось по курсамъ слѣдующимъ образомъ:

Студентамъ I курса преподавались: а) изъ общеобразовательныхъ предметовъ—психологія, исторія философіи, священное Писаніе ветхаго Завѣта, библейская исторія, патристика и еврейскій языкъ; б., по предметамъ параллельныхъ группъ: первой группы—словесной—теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языкъ и исторія древней русской литературы; второй группы исторической—древняя общая гражданская исторія

и русская гражданская исторія; в., по языкамъ—греческій языкъ и его словесность, латинскій языкъ и его словесность, и новѣйшіе языки французскій, нѣмецкій и англійскій.

Студентамъ II курса: а., по предметамъ общеобязательнымъ—исторія философіи, логика и метафизика, педагогика, введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, священное Писаніе Ветхаго Завѣта и патристика; б., по предметамъ параллельныхъ группъ: первой группы словесной—библейская археологія и исторія новой русской литературы; второй группы исторической—новая общая гражданская исторія и исторія и обличеніе раскола и раціоналистическихъ сектъ; в., по языкамъ—тѣ же языки съ ихъ словесностью, какъ и на I курсѣ.

Студентамъ III курса: а., по общеобязательнымъ предметамъ: догматическое богословіе, нравственное богословіе, гомилетика и исторія проповѣдничества, священное Писаніе новаго Завѣта, церковное право, общая церковная исторія, исторія русской церкви и церковная археологія; по предметамъ второй группы исторической—исторія и разборъ западныхъ исповѣданій и исторія и обличеніе русскаго раскола и раціоналистическихъ сектъ.

Студентамъ IV курса: а) общеобязательнымъ предметамъ—догматическое, нравственное и пастырское богословія, исторія проповѣдничества, священное Писаніе новаго Завѣта, церковное право, общая церковная исторія и литургика; б) по предметамъ второй группы исторической—исторія и разборъ западныхъ исповѣданій.

Всѣ науки академическаго курса распредѣлены были между преподавателями Академіи слѣдующимъ образомъ: Ректоръ и ординарный профессоръ Академіи епископъ-Сильвестръ преподавалъ догматическое богословіе (1-ю часть), ординарные профессора Димитрій Пospѣховъ—психологію (до половины января 1896 г.), Ив. Малышевскій исторію русской церкви, В. Пѣвницкій—гомилетику и исторію проповѣдничества, Ст. Сольскій—свящ. Писаніе новаго Завѣта,

Н. Петровъ—теорію словесности и исторію иностранныхъ литературъ, П. Линицкій—логику и метафизику, Акимъ Олесницкій еврейскій языкъ и библейскую археологію и А. Розовъ—новую общую гражданскую исторію; экстраординарные профессеры—инспекторъ архимандритъ Димитрій—общую церковную исторію, П. Лашкаревъ—каноническое право. М. Ястребовъ—вторую часть догматическаго богословія, Марк. Олесницкій—нравственное богословіе, а съ половины января 1896 года—психологію; протоіерей І. Корольковъ—греческій языкъ и его словесность, Н. Дроздовъ—латинскій языкъ и его словесность, В. Малининъ—русскій и церковно-славянскій языкъ и исторію русской литературы, К. Поповъ—патристику и Ѳ. Покровскій—библейскую исторію; доценты—Ст. Голубевъ—исторію и обличеніе русскаго раскола и рационалистическихъ сектъ, Ѳ. Орнатскій—введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, Вл. Завитневичъ—русскую гражданскую исторію, Ал. Дмитріевскій—церковную археологію и литургику, Аѳ. Булгаковъ—исторію и разборъ западныхъ исповѣданій, Д. Богдашевскій—исторію философіи, Никола Макавейскій—пастырское богословіе и педагогику, священникъ Ѳ. Титовъ—древнюю общую гражданскую исторію и Вл. Рыбинскій—свящ. Писаніе ветхаго Заѳѣта; лекторы Герм. Кульманъ—нѣмецкій, Ал. Тарасевичъ—французскій и Н. Мухинъ—англійскій языкъ. Кромѣ того, сверхштатный профессоръ Д. В. Поспѣховъ съ половины января 1896 года читалъ безмездно курсы практической психологіи, по одной лекціи въ недѣлю.

Въ теченіе отчетнаго года всѣ наставники исправно являлись на лекціи въ назначенные для нихъ по росписанію часы, а если иные и опускали лекціи, то по уважительнымъ причинамъ. Нѣкоторые наставники въ теченіе года не опустили ни одной лекціи, а именно: ректоръ епископъ Сильвестръ, ординарные профессеры В. Пѣвницкій, С. Сольскій и Н. Петровъ, и доценты Ѳ. Орнатскій, А. Дмитріевскій и

священникъ Ѳ. Титовъ. Опустили по *одной лекціи*: профессоры А. Розовъ, М. Ястребовъ (оба по болѣзни), Ѳ. Покровский (по домашнимъ обстоятельствамъ), доценты Вл. Завитневичъ (по болѣзни) и Аѳ. Булгаковъ (по домашнимъ обстоятельствамъ); по *двѣ лекціи* профессоры протоіерей І. Корольковъ (по домашнимъ обстоятельствамъ), В. Малининъ и Н. Дроздовъ (по болѣзни); *три лекціи*—доцентъ Д. Богдасhevскій (по болѣзни); *четыре лекціи*—лекторъ нѣмецкаго языка Г. Кульманъ; *пять лекцій*—лекторъ англійскаго языка Н. Мухинъ (3 по болѣзни и 2 по вызову въ окружной судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя); *шесть лекцій*—доцентъ Н. Маккавейскій (5 по болѣзни и 1 по домашнимъ обстоятельствамъ); по *восьми лекцій*—профессоры Д. Поспѣховъ (по болѣзни) и К. Поповъ (по нахожденію въ отпуску); по *десяти лекцій* профессоры А. Олесницкій, архимандритъ Дмитрій (оба по нахожденію въ отпуску) и П. Лапкаревъ (по болѣзни); по *пятнадцати лекцій*—профессоры Ив. Малышевскій и П. Линицкій (по болѣзни), *двадцать три лекціи* профессоръ М. Олесницкій (по болѣзни); *двадцать девять лекцій* доцентъ Ст. Голубевъ (9 по болѣзни, 13 по нахожденію въ отпуску и 7 по вызову въ окружной судъ), и *пятьдесятъ восемь лекцій*—лекторъ французскаго языка А. Тарасевичъ (по болѣзни).

2) Чтеніе сочиненій приѣмныхъ, третнихъ проповѣдей, диссертаций на ученыя степени и сочиненій, представляемыхъ на преміи, составляло другой значительный трудъ для наставниковъ.

Чтеніе трехъ приѣмныхъ экспромптныхъ сочиненій, написанныхъ каждымъ экзаменовавшимся въ началѣ отчетнаго года, поручено было Совѣтомъ шести преподавателямъ, не участвовавшимъ въ устныхъ приѣмныхъ испытаніяхъ. Чтеніе третнихъ студенческихъ сочиненій лежало на тѣхъ наставникахъ, по предметамъ которыхъ даны были темы для сихъ сочиненій. Третнія сочиненія студентовъ І курса читали:

по патристикѣ—профессоръ К. Поповъ, по свящ. Писанію—доцентъ Вл. Рыбинскій и по философіи доцентъ Д. Богдашевскій; II курса—по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—Θ. Орнатскій, по педагогикѣ доцентъ Н. Маккавейскій и по философіи профессоръ П. Линицкій; III курса по догматическому богословію профессоръ М. Ястребовъ, по общей церковной исторіи архимандритъ Димитрій и по нравственному богословію профессоръ М. Олесницкій. Кромѣ того, студенты всѣхъ курсовъ написали по одной проповѣди. Проповѣди студентовъ I курса читалъ профессоръ М. Олесницкій, II курса—профессоръ В. Малининъ, а III и IV курсы профессоръ В. Пѣвницкій.

Разсмотрѣніе сочиненій, написанныхъ студентами IV курса на степень кандидата, распредѣлено было ректоромъ Академіи между наличными паставниками соотвѣственно ихъ спеціальности, и каждое изъ нихъ разсматривалось двумя рецензентами,—согласно указанію Св. Синода,—спеціалистомъ и членомъ Совѣта. Каждому изъ наставниковъ пришлось составить подробную рецензію на нѣсколько сочиненій, приблизительно до трехъ. Подробныя рецензіи на кандидатскія сочиненія представлялись ректору до засѣданія Совѣта, на которомъ имѣло состояться присужденіе степеней оканчивающимъ курсъ студентамъ, вмѣстѣ съ самими сочиненіями, и просмотрѣнныя имъ прочитывались въ самомъ засѣданіи Совѣта, въ которомъ, при возникновеніи какихъ либо недоумѣній, прочитывались отдѣлы изъ самыхъ сочиненій. Подробный разборъ одного кандидатскаго и одного магистерскаго сочиненій, представленныхъ прежде окончившими курсъ въ Киевской дух. Академіи, а также одной докторской диссертации, представленной профессоромъ Киевской Академіи М. Олесницкимъ, производимъ былъ тѣмъ или другимъ спеціалистомъ изъ преподавателей и затѣмъ однимъ изъ членовъ Совѣта.

Кромѣ сочиненій и диссертаций на ученые степени, нѣкоторымъ изъ преподавателей Совѣтъ поручалъ разсматривать сочиненія на преміи, состоящія въ распоряженіи Совѣта съ требованіемъ обстоятельныхъ рецензій на эти сочиненія. Экстраординарному профессору П. Лашкареву поручено было разсмотрѣть книгу доцента А. Дмитріевскаго „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ“, а ординарному профессору Ив. Малышевскому сочиненіе ординарнаго же профессора Н. Петрова „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, представленныя на соисканіе Макаріевской юбилейной преміи.

3) Третье учебное занятіе, возлагавшееся на наставниковъ Академіи, согласно съ требованіями Устава (§§ 122, 130 и 131) было: производство репетицій изъ пройденнаго и участіе въ переводныхъ (голичныхъ) и приѣмныхъ испытаніяхъ.

Для репетицій не назначалось Совѣтомъ особаго времени, но каждый изъ наставниковъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ дни, когда имѣлъ производить репетиціи, преимущественно по прочтеніи извѣстнаго, болѣе или менѣе обширнаго отдѣла науки, составляющаго нѣчто цѣлостное. О дняхъ производства репетицій по своему предмету каждый изъ наставниковъ предварительно извѣщалъ ректора Академіи посредствомъ записи въ особо заведенную для того книгу. Результаты наблюденій на репетиціяхъ надъ степенью усердія студентовъ въ посѣщеніи, слушаніи и усвоеніи лекцій преподаватели принимали къ свѣдѣнію при составленіи своихъ списковъ, которые, по окончаніи года, представляются ими ректору для внесенія въ совѣтъ Академіи.

Въ переводныхъ голичныхъ испытаніяхъ участвовали всѣ преподаватели, образуя отдѣльныя испытательныя коммисіи. Каждая экзаменаціонная коммисія состояла изъ трехъ лицъ: предсѣдателя, которымъ былъ или ректоръ, или инспекторъ, или одинъ изъ членовъ Правленія,—преподава-

теля той науки, по которой производился экзаменъ, и ассистента изъ преподавателей соприкосновенныхъ наукъ. Ректоръ, предсѣдательствуя лично въ иныхъ комиссіяхъ, нерѣдко посѣщалъ, по своему усмотрѣнію, другія испытательныя комиссіи, въ которыхъ предсѣдательствовали, по росписанію, другіе члены Правленія.

Кромѣ переводныхъ годичныхъ испытаній, почти всѣ преподаватели приглашались къ участию въ пріемныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, образуя отдѣльныя испытательныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспектора и трехъ членовъ Правленія

4) Сосредоточивая свою дѣятельность на исполненіи обязанностей профессорскаго званія, наставники Академіи занимались учено-литературными трудами, нѣкоторые принимали участіе въ занятіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и нѣкоторые занимаютъ должности въ другихъ учрежденіяхъ и обществахъ.

Учено-литературная дѣятельность наставниковъ Академіи за отчетный годъ состояла въ изданіи журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“, въ продолжавшемся переводѣ твореній блаженныхъ Іеронима и Августина въ семь журналь и особыми оттисками, подъ заглавіемъ „Библіотека отцовъ древней западной церкви“, въ составленіи разныхъ статей какъ для ученаго академическаго изданія, такъ и для другихъ періодическихъ изданій, и въ приготовленіи къ печати и печатаніи научныхъ сочиненій. Въ частности учено-литературные труды наставниковъ Академіи и служащихъ при ней лицъ были слѣдующіе:

Ректоръ Академіи, епископъ Сильвестръ, состоялъ главнымъ редакторомъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ и предсѣдателемъ Комиссій,—одной по пересмотру и исправленію русскаго перевода книгъ свящ. Писанія новаго Завѣта, и другой—по изъясненію мѣстъ свящ. Писанія, ложно толкуемыхъ пугнистами и другими сектантами.

Профессоръ Иванъ Малышевскій написалъ рецензіи на сочиненія г. Рункевича „Исторія Минской архіепископіи“ и профессора Кіевской Академіи Н. Петрова „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“; напечаталъ въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи „Галицко-русская депутація въ Римъ, — по поводу 300-лѣтней годовщины Брестской уни“, „Кардинальство галицкаго униатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича“ и „Рѣчь, сказанную въ экстренномъ собраніи кіевскаго Общества ревнителей просвѣщенія въ духѣ православной вѣры 15 мая 1896 года“; напечаталъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ двѣ замѣтки „По поводу празднованія галицко-русскими униатами 300-лѣтія Брестской уни“ и приготовилъ къ печатанію вторую часть книги „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“.

Профессоръ Василій Пѣвницкій состоялъ редакторомъ „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“ и помѣстилъ въ семь журналѣ статьи по исторіи гомилетики. Въ отчетномъ году напечаталъ статьи: 1) „О гомилетическихъ правилахъ Лютера и Меланхтона“; 2) „О гомилетикѣ Гиперія“ и 3) „О гомилетической теоріи Шпенера“ и 4) приготовилъ къ печати статью „О гомилетикѣ Мосгейма“. Кроме того, напечаталъ Слово на пассію, изготавилъ сборникъ нравоучительныхъ статей изъ отеческихъ твореній для „Церковно-приходской Библіотеки“ и въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ помѣщалъ отрывки изъ отеческихъ твореній.

Профессоръ Стефанъ Сольскій напечаталъ въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ Слово на пассію въ пятокъ второй недѣли великаго поста и составилъ и произнесъ рѣчь по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, напечатанную въ мѣстныхъ газетахъ.

Профессоръ Николай Петровъ окончилъ печатаніемъ въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ статьи „Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисоглѣбская церковь“ и „Кіев-

ская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“; напечаталъ въ томъ же журналѣ „Отчетъ“ и „Извѣстія церковно-археологическаго Общества за 1895 годъ“ (всѣ четыре статьи вышли и особыми оттисками), статью „Греческій Екатерининскій монастырь въ Кіевѣ“ и началъ печатаніемъ „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“ (и особыми оттисками). Кромѣ того, помѣстилъ въ „Виленскомъ календарѣ на 1896 годъ“ статью „Супрасльскій монастырь, какъ защитникъ православія въ XVI и въ началѣ XVII вѣка“, нѣскольکو историко-археологическихъ замѣтокъ и статей въ журналѣ „Кіевская Старина“ и въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“; приготовилъ къ изданію, „Древнѣйшій планъ г. Кіева, 1638 года“, изданный Б. И. Ханенко, и книгу „Кіевъ, его святыни и памятники“ для „Церковно-приходской Библіотеки“ и на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ сдѣлалъ сообщеніе, подъ заглавіемъ „Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 г.г.“.

Профессоръ Петръ Линицкій напечаталъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ рядъ статей, подъ заглавіями: 1) „О познаніи“ и 2) „Мышленіе и познаніе“.

Профессоръ Акимъ Олесницкій напечаталъ въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“—„Слово о терновомъ вѣницѣ“, въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, на пассиі.

Профессоръ Петръ Лашкаревъ въ Церковно-археологическомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о мѣстоположеніи древняго Боришева взвоза и теремнаго двора великія княгини Ольги“ и, по порученію Совѣта Академіи, составилъ рецензію на сочиненіе доцента А. Дмитріевскаго „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ“.

Профессоръ, протоіерей Іоаннъ Корольковъ напечаталъ: въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“—„Священное ко-ронованіе Россійскихъ государей“ (и особыми оттисками); въ

„*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*“—Слово на 4-ю недѣлю великаго поста „(О св. Іоаннѣ Лѣстничникѣ)“; въ „*Церковномъ Вѣстникѣ*“—„Смыслъ священнаго коронованія“ (и особыми оттисками), Сообщенія о Кіевскихъ юбилеяхъ (проф. Д. В. Поспѣховъ, прот. Н. А. Оаворовъ и прот. М. М. Богдановъ) и о дѣятельности Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества въ дни коронаціи; въ *Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*—четыре статьи: „Поученіе въ недѣлю 26-ю по пятидесятницѣ“, „Поученіе на повый годъ“, „Поученіе въ 4-ю недѣлю великаго поста“ и „Поученіе въ день священнаго коронованія“, изданныя, для бесплатной раздачи, и отдѣльными оттисками. Въ тѣхъ же изданіяхъ помѣстилъ нѣсколько статей критико-библіографическаго характера и составилъ двѣ проповѣди для произнесенія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Кромѣ того, былъ непремѣннымъ членомъ Комитета для пересмотра трудовъ наставниковъ Академіи по исправленію русскаго перевода книгъ священнаго Писанія Новаго Завѣта.

Профессоръ Митрофанъ Ястребовъ продолжалъ въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ переводъ на русскій языкъ твореній блаженнаго Августина.

Профессоръ Николай Дроздовъ продолжалъ въ томъ же журналѣ переводъ твореній блаженнаго Іеронима на русскій языкъ и состоялъ редакторомъ означеннаго перевода и помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью „Къ вопросу о согласеніи біблейскихъ свидѣтельствъ съ данными ассиріологии и въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“—„О трактатѣ блаженнаго Августина *De catechizandis rudibus*“.

Профессоръ Маркеллинъ Олесницкій издалъ книгу, подъ заглавіемъ „Изъ системы христіанскаго правоученія“ и продолжалъ издавать „Проповѣдническій листокъ“.

Профессоръ Θεодоръ Покровскій въ „Сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ помѣстилъ статью „Мѣсто геосиманской молитвы Спасителя, по евангеліямъ“.

Доцентъ Степанъ Голубевъ издалъ особую книгою „Матеріалы для исторіи Западно-русской Церкви“ и „въ Церковно-Археологич. Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе“ Спорные вопросы относительно древней топографіи г. Кіева“.

Доцентъ Владиміръ Завитневичъ напечаталъ въ „Трудахъ „Кіевской дух. Академіи“ статью „Откуда пошло спасеніе славяно-русскаго міра?“ и въ „Чтеніяхъ въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“ рецензію на сочиненіе проф. А. А. Олесницкаго „Мегалитическіе памятники св. Земли“.

Доцентъ Алексій Дмитріевскій напечаталъ: въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ статьи,—„Малоазійскій Богородичный монастырь τὸν Ἱλίου Θερῶν, XII в., и его типикъ, находящійся въ библіотекѣ Патмоскаго монастыря“ и „Западные, такъ называемые ктиторскіе типиконы“, и въ „Византійскомъ Временникѣ“, рецензія на книгу М. Гедеопа „Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου Τυπικὸν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Ἀδελαντίου σεβασμιᾶς μονῆς Μιχαὴλ τοῦ Ἀρχηγέλου, 1895, Κωνστ.“, и книгу Ф. Мейера „Die Haupturkunden für die Geschichte der Athos klöster. Leipzig. 1894“.

Доцентъ Аѳанасій Булгаковъ напечаталъ: въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ статьи—„Мормонство“, „Адресъ униатовъ напѣ по поводу 300—лѣтія уни“, „Рѣчь на 31 декабря 1895 г.“, нѣсколько статей „Изъ религіозной жизни за границей“, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“—„Библія въ рукахъ баптистовъ“,—и въ „Миссіонерскомъ Обзорѣ“, статьи „О священномъ Писаніи“, и „О священномъ преданіи“.

Доцентъ Дмитрій Богдасhevскій напечаталъ въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ продолженіе статьи „Объ источникахъ къ изученію философіи Сократа“ и критико-библіографическую замѣтку на сочиненіе г-жи Манассеиной „Основы воспитанія“, въ „Миссіонерскомъ Обзорѣ“ статью „Объяснительныя замѣчанія къ мѣстамъ Новаго Завѣта, неправильно понимаемымъ штундистами и другими русскими сектантами: соборныя посланія“.

Доцентъ Никола Макавейскій напечаталъ въ „Трудахъ Киевской дух. Академіи“: рѣчь произнесенную въ торжественномъ собраніи Академіи, подъ заглавіемъ „*Религія и народность, какъ основы воспитанія*“; статью— „К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи“ и „Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста“.

Доцентъ, священникъ Теодоръ Титовъ напечаталъ особыми книгами: 1) „Макарій Булгаковъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій,—историко-біографическій очеркъ“, т. I, Кіевъ, 1895 г. 2) „Духовныя школы Курско-Бѣлоградской епархіи, вып. 3 (Исторія дух. школъ курско-бѣлоградской епархіи въ эпоху такъ называемыхъ Протасовскихъ реформъ, 1840—1867 гг.), К. 1896 г.“; 3) въ „Трудахъ Киевской дух. Академіи“ продолженіе монографіи „Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ“; 4) въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ печаталъ „Исторію русскаго сектантства (Ч. 1: Исторія раціоналистическихъ сектъ)“; и 5) въ „Кіевской Старинѣ“ Критико-библіографическія статьи.

Доцентъ Владиміръ Рыбинскій напечаталъ въ „Трудахъ Киевской дух. Академіи“: продолженіе статей „Очерки исторіи Самарянъ“ и „Слово на великій пятокъ“.

Исправляющій должность доцента іеромонахъ Платонъ напечаталъ въ „Трудахъ Киевской дух. Академіи“ критическую статью по поводу 4-го изданія книги Ж. Масперо „Древняя исторія народовъ Востока“, въ русскомъ переводѣ.

Секретарь Совѣта Академіи, кандидатъ богословія, Сергій Песоцкій, началъ печатать въ „Трудахъ Киевской дух. Академіи“ и особыми оттисками свою магистерскую диссертацию „Св. пророкъ Даніилъ, его время, жизнь и дѣятельность“.

Библіотекаръ, кандидатъ богословія, Амвросій Крыловскій продолжалъ заниматься составленіемъ и печатаніемъ „Систематическаго каталога книгъ академической бібліотеки“: въ отчетномъ году издалъ IV выпускъ сего каталога.

Двое изъ преподавателей за прежніе ученые труды свои

удостоены были, независимо отъ Академіи, денежныхъ наградъ. Доцентъ А. Дмитріевскій получилъ назначенную ему Св. Синодомъ Макаріевскую премію въ 1000 рублей серебромъ за сочиненіе „Патмосскіе очерки,—изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 года“, а ординарный профессоръ Ив. Малышевскій—150 руб. серебромъ за рецензію сего сочиненія.

Нѣкоторые изъ преподавателей въ отчетномъ году получали ученныя командировки или же на свои средства предпринимали съ ученою цѣлію путешествія. Профессоръ Н. Петровъ и доцентъ В. Завитневичъ командированы были Совѣтомъ Академіи, а профессоръ П. Лашкаревъ—Совѣтомъ Кіевского Университета, на X археологическій съѣздъ въ Ригѣ. Доцентъ А. Дмитріевскій предпринималъ, въ вакаціонное время, на свои средства путешествіе съ ученою цѣлію въ Константинополь, Аѳины, Римъ, Парижъ и Дрезденъ.

Всѣ наставники Академіи состоятъ дѣйствительными членами Церковно-Археологическаго Общества, существующаго при Академіи съ 1872 года, которое имѣетъ своею задачею какъ ученую разработку церковной археологіи,—приведеніе въ извѣстность памятниковъ церковной древности, насколько они могли сохраниться по монастырямъ и церквамъ, и обращеніе ихъ, по возможности, въ составъ музея при Академіи, такъ и вообще принятіе мѣръ къ предупрежденію утраты памятниковъ для науки. Въ семъ Обществѣ, состоящемъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Владиміра Александровича, и покровительствомъ Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевского, предсѣдателемъ былъ ректоръ Академіи, епископъ Сильвестръ, товарищемъ предсѣдателя—каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора Петръ Лебединецъ, казначеемъ профессоръ А. Розовъ, блюстителемъ музея и секретаремъ Общества профессоръ Николай Петровъ и помощникомъ секретаря доцентъ Владиміръ Завитневичъ. Въ отчетномъ году почетныхъ членовъ Общества было 27, изъ коихъ скончался графъ Мих.

Владим. Толстой; дѣйствительныхъ членовъ 113 и членовъ—корреспондентовъ 40. Засѣданій Церковно-Археологическаго Общества въ отчетномъ году было 9, изъ коихъ въ одномъ читанъ годичный отчетъ Общества, а въ остальныхъ—заслушивались доклады и рефераты археологическаго характера. Подробный отчетъ о составѣ, собраніяхъ, дѣятельности Общества, его суммахъ и приобрѣтеніяхъ ежегодно составляется и печатается секретаремъ Общества въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи и особыми оттисками, а до 1896 года составлялись и печатались тамъ же и ежемѣсячныя „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества“.

Всѣ наставники Академіи состоятъ также членами Богоявленскаго Братства при Кіевской дух. Академіи, учрежденнаго въ 1881 году для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея. Отчетъ о составѣ и дѣятельности Богоявленскаго Братства ежегодно составляется секретаремъ Братства и печатается въ академическомъ журналѣ и отдѣльными оттисками.

Независимо отъ состоящихъ при Академіи учреждений, многіе преподаватели ея состояли членами разныхъ ученыхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений внѣ Академіи. Ректоръ Академіи, *епископъ Сильвестръ*, состоитъ почетнымъ членомъ духовныхъ Академій С.-Петербургской, Московской и Казанской; сверхштатный профессоръ Д. В. *Постыховъ*—почетнымъ членомъ академій Московской и Казанской и дѣйствительнымъ членомъ Психологическаго Общества при Московскомъ университетѣ; ординарный профессоръ И. И. *Мальшевскій* почетнымъ членомъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца, членомъ Совѣта Кіевского Славянскаго благотворительнаго Общества, Кіевского Свято-Владимірскаго Братства и Кіевского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Кіевской Археологической Комиссіи, Временнаго Строительнаго Комитета по окончанію собора св.

Владимира въ Кіевѣ, Кіевскаго Общества грамотности и Кіевскаго Общества попеченія о слѣпыхъ; ординарный профессоръ *В. Θ. Пьеницкій*—почетнымъ членомъ Александровскаго Братства въ г. Владимірѣ и членомъ Совѣта Кіевскаго Свято-Владимірскаго Братства и Кіевскаго Епархіальнаго Училищаго Совѣта; ординарный профессоръ *С. М. Сольскій*—дѣйствительнымъ членомъ Кіевскаго отдѣленія Славянскаго благотворительнаго Общества; ординарный профессоръ *Н. И. Петровъ*—почетнымъ членомъ Каменецъ-Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета и дѣйствительнымъ членомъ Археологическаго Института, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Нумизматическаго Общества, Владиміро-Волинскаго братства св. Владиміра и губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій Нижегородской, Орловской и Тамбовской; ординарный профессоръ *А. А. Олесницкій*—почетнымъ членомъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества; ординарный профессоръ *А. В. Розовъ*—дѣйствительнымъ членомъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца и Кіевскаго отдѣленія Славянскаго благотворительнаго Общества; экстраординарный профессоръ *П. А. Лашкарь*—дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Историческаго Общества Нестора лѣтописца, Кіевскаго отдѣленія Славянскаго благотворительнаго Общества, Временнаго Строительнаго Комитета по окончанію собора св. Владиміра въ Кіевѣ и Кіевскаго Общества грамотности; экстраординарный профессоръ, протоіерей *І. Королюковъ*—членомъ Орловской Ученой архивной Комиссіи и Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви; экстраординарные профессора *М. Ястребовъ*, *В. Малининъ*, и *Θ. Покровскій*, и доценты *С. Голубевъ* и *А. Бумаковъ* и бібліотекарь *А. Крыловскій* дѣйствительными членами Исто-

рическаго Общества Нестора лѣтописца; доцентъ *В. Завитневичъ* дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Историческаго Общества Нестора лѣтописца и Московскаго предварительнаго Комитета по образованію международных конгрессовъ; доцентъ *А. А. Дмитриевскій*—почетнымъ членомъ Общества любителей просвѣщенія на островѣ Патмосѣ 'Η ἀγία νησος и дѣйствительнымъ членомъ Константинопольскаго Историч. Общества Μεσαιωνική 'Εταιρία и Историческаго Общества Нестора лѣтописца; и доцентъ, свящ. *Θ. Τιτοβъ*—членомъ Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви.

Участвуя въ занятіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ Обществъ, нѣкоторые изъ преподавателей и должностныхъ лицъ Академіи находили возможнымъ читать лекціи и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или исполнять должности въ другихъ учрежденіяхъ. Два преподавателя читали лекціи въ университетѣ св. Владиміра, въ званіи исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора: экстраординарный профессоръ *П. Лашкаревъ*—по церковному праву и доцентъ *Ст. Голубевъ*—по церковной исторіи. Экстраординарный профессоръ *В. Малининъ* состоялъ инспекторомъ классовъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ и преподавалъ словесность въ старшихъ классахъ сего Института. Въ томъ же Институтѣ преподавалъ русскую гражданскую исторію доцентъ *Вл. Завитневичъ*. Доцентъ *Ае. Булгаковъ* исполнялъ обязанности цензора иностранныхъ книгъ. Лекторъ *Г. Кульманъ* состоитъ учителемъ нѣмецкаго языка въ 3-й Кіевской гимназіи, а лекторъ *Ал. Тарасевичъ*—учителемъ французскаго языка въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Врачъ при Академіи *К. Леплинскій* состоитъ приватъ-доцентомъ Университета св. Владиміра и ординаторомъ при Кіево-Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ. Экстраординарный профессоръ, протоіерей *І. Корольковъ* состоитъ предсѣдателемъ ревизіоннаго Комп-

тета по повѣркѣ училищной отчетности Кіево-Софійскаго дух. училища за 1895 годъ и членомъ Кіевского духовно-цензурнаго Комитета. Ординарный профессоръ Ст. Сольскій состоитъ Кіевскимъ городскимъ головою и почетнымъ мировымъ судьей г. Кіева, а ординарный профессоръ Ал. Розовъ—старшимъ членомъ Городской Управы, заступающимъ мѣсто городского головы, въ его отсутствіе.

Г) Занятія учащихся въ Академіи.

Занятія студентовъ Академіи, согласно съ требованіями Устава (§§ 121 и 145), состояли въ слушаніи лекцій, составленіи сочиненій, чтеніи книгъ, имѣющихъ по своему содержанию отношеніе къ изучаемымъ ими наукамъ, въ повтореніи пройденныхъ отдѣловъ преподаваемыхъ имъ наукъ и въ приготовленіи къ годичнымъ переводнымъ экзаменамъ

1) *Слушаніе лекцій* занимало утренніе часы, отъ 9 часовъ утра до 2 по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, экзаменаціоннаго и вакаціоннаго времени. По составленному Совѣтомъ Академіи на 189⁵/₆ учебный годъ росписанію, студенты выслушивали отъ 3 до 5 лекцій въ день по тѣмъ наукамъ, какія для каждаго курса назначены Совѣтомъ Академіи, на основаніи Устава дух. Академій (§ 81. п. 2 и §§ 118 и 119).

2) *Составленіе сочиненій*—другой важный предметъ занятій студентовъ, наиболѣе способствующій умственному развитію ихъ и дающій преподавателямъ и Совѣту Академіи одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для оцѣнки степени ихъ развитія и зрѣлости сужденій.

На 189⁵/₆ учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ, на основаніи § 123 Устава, Совѣтъ Академіи назначилъ по три сочиненія и одной проповѣди. Студенты I курса писали сочиненія по патристическ., свящ. Писанію Ветхаго Завѣта и

исторіи философіи; студенты II курса по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, педагогикѣ, логикѣ и метафизикѣ; студенты III курса—по догматическому богословію, общей церковной исторіи и нравственному богословію. Для написанія каждаго изъ сочиненій назначенъ былъ Совѣтомъ двухмѣсячный срокъ: отъ 1 октября до 1 декабря, отъ 1 декабря до 1 февраля и отъ 1 февраля до 1 апрѣля. Проповѣди студенты первыхъ трехъ курсовъ писали одновременно съ 10 сентября по 1 октября 1895 года.

Студенты IV курса, согласно требованіямъ § 125 Устава дух. Академій, писали одно сочиненіе для полученія ученой степени къ 1 апрѣля 1896 года и кромѣ того по одной проповѣди по особому росписанію профессора гомилетики. Лучшія изъ проповѣдей ихъ, равно какъ и проповѣдей студентовъ III курса, по рекомендаціи наставника гомилетики и по разсмотрѣніи ихъ ректоромъ Академіи, назначаемы были для произнесенія въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, на ранней или поздней литургіи.

Срокомъ для представленія студентами IV курса сочиненій на ученую степень назначено было 1 апрѣля.

Относительно темъ для кандидатскихъ сочиненій указомъ Св. Синода отъ 30 января сего 1896 года, за № 551, подтверждено постановленіе Св. Синода, отъ 13—31 января 1889 г. за № 55, чтобы не давались на соисканіе ученыхъ степеней темы, не имѣющія строго богословскаго характера, или же направляющія сочинителя исключительно къ изученію какой-либо ереси или какого-либо ложнаго ученія. Для сочиненій на ученую степень студентамъ IV курса даны были темы богословскаго содержанія, объявленныя имъ въ началѣ отчетнаго года и предварительно разсмотрѣнныя и одобренныя Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ.

Изъ предложенныхъ темъ студенты IV курса избрали для своихъ сочиненій на ученые степени слѣдующія темы:

Агапитъ (Вишневскій), іеромонахъ: „Нравственно-аскетическое ученіе преп. Нила, подвижника Синайскаго“.

Адріанъ (Демидовичъ), іеродіаконъ: „Русское монашество въ XVIII вѣкѣ“.

Беренскій Николай: „Архимандритъ о. Павелъ (Прускій) и его противораскольническая дѣятельность“.

Бермесь Гавріилъ: «Св. Авраамій Смоленскій и извѣстныя съ его именемъ литературныя произведенія».

Божики Павелъ: „Ученіе апостола Петра о конечныхъ судьбахъ міра“.

Болховитиновъ Дмитрій: „Св. Анастасія Синайскаго Ὁδὴς (ислѣдованіе объ авторѣ, времени происхожденія, составѣ, церковно-историческомъ и богословскомъ значенія названнаго сочиненія)“.

Бунинъ Иванъ: „Критическій разборъ челобитныхъ первыхъ расколоучителей“.

Бѣлогорскій Николай: „Уничженное состояніе Мессіи по изображенію пророка Ісаія“.

Гераскевичъ Симеонъ: „Религіозное состояніе русскаго общества во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII в.“.

Димитрій (Абашидзе), іеродіаконъ: „Православная Иверская церковь въ борьбѣ съ мусульманствомъ въ XVII вѣкѣ“.

Доброгаевъ Василій: „Черниговскіе архіепископы въ царствованіе Петра Великаго: Θεодосій Углицкій, Іоаннъ Максимовичъ и Антоній Стаховскій“.

Зелинскій Иванъ: „Епифаній Премудрый, какъ авторъ Житій“.

Зачевичъ Михаилъ (сербъ): „Черногорскіе владыки съ конца XVII до половины XVIII в.“.

Зыковъ Іосифъ: „Сословность русскаго духовенства въ ея историческомъ развитіи и значеніи“.

Ивановъ Григорій: „Проповѣди Стефана Яворскаго“.

Игнатенко Дмитрій: „Сношенія между восточными и западными епископами во время аріанскихъ смутъ“.

Касабiевъ Василій: „О сектѣ хлыстовъ“.

Ковалевскій Владимiръ: „Каноническія воззрѣнія патріарха Фотія“.

Лебедевъ Димитрій: „Упоминаемыя въ Библии идоолослуженія, коими по временамъ увлекался древній Израиль“.

Липковскій Сергій: „Учрежденіе церковной іерархіи въ Россіи при св. князѣ Владимiрѣ“.

Лиховицкій Александръ: „Антоній Стаховскій, архіепископъ Черниговскій и митрополитъ Тобольскій и Сибирскій“.

Лотоцкій Александръ: „Очеркъ нравственнаго состоянія русскаго бѣлаго духовенства въ XVIII вѣкѣ“.

Песоцкій Александръ: „Проповѣди св. Григорія Богослова“.

Пимоненко Александръ: „Θеодотъ, епископъ Анкирскій, его творенія и ученіе“.

Покровскій Димитрій: „Нравственное состояніе христіанъ первыхъ вѣковъ“.

Покровскій Симеонъ: „Состояніе іудеевъ въ первое столѣтіе послѣ вавилонскаго плѣна“.

Поповичъ Лазарь (черногорецъ): „Черногорскіе владыки съ конца XVIII до половины XIX столѣтія“.

Рамзевичъ Михайлъ: „Проповѣди и правоучительныя сочиненія св. Тихона Задонскаго“.

Селинъ Василій: „Гомилетическія наставленія въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта“.

Скабаллановичъ Михайлъ: „Изложеніе содержанія книги пророка Іезекіиля“.

Филаретъ (Зоринъ), іеродіаконъ: „Еврейскій судья Сампсонъ и его время“.

Чекуръ Григорій: „Типиконъ великой Константинопольской церкви (историческій очеркъ)“.

Червинскій Евгеній: „Краткій очеркъ баптизма и обличеніе его вѣроученія“.

Честной Павелъ: „Древне-русскій пастырь въ борьбѣ съ народными суевѣріями“.

Теодоровскій Николай: „Ветхозавѣтныя узаконенія о чистой и нечистой пищѣ“.

Изъ взявшихъ эти темы двое Павелъ Божикъ и Симеонъ Покровский по болѣзни не представили кандидатскихъ сочиненій и получили разрѣшеніе представить таковыя на взятія ими темы въ слѣдующемъ учебномъ году. Остальные 34 студента IV курса представили сочиненія, которыя, согласно съ заключеніями ихъ рецензентовъ, признаны удовлетворительными для полученія степени кандидата богословія. Сравнительно лучшими признаны сочиненія: Скабаллановича, іеродіакона Дмитрія (Абашидзе), Касабіева, Лотоцкаго, Покровскаго Дим., (іеродіакона Адріана, Беренскаго, Болховитинова, Бунина, Иванова, Лиховицкаго, Чеура и Червинскаго. Изъ 34 написавшихъ сочиненія, 1 не удостоенъ степени кандидата богословія, такъ какъ, по болѣзни, не окончилъ устныхъ испытаній; а 33) человѣка (въ ихъ числѣ 1 сербъ и 1 черногорецъ) удостоены этой степени, съ предоставленіемъ 9-ти изъ нихъ права на полученіе степени магистра, по представленіи магистерскаго сочиненія, и публичной его защитѣ. Двое изъ магистрантовъ, Д. Покровскій и іеродіаконъ Филаретъ (Зоринъ), оставлены профессорскими стипендіатами при Академіи на годъ, два иностранца возвратились на родину, а объ остальныхъ оксничавшихъ курсъ сообщено высшему начальству, вмѣстѣ съ подробною вѣдомостію объ ихъ учебныхъ успѣхахъ и поведеніи, и съ указаніемъ, на какія кто изъ нихъ духовно-училищныя должности наиболѣе пригоденъ.

3) *Чтеніе книгъ* Уставомъ Академіи (§§ 121 и 127) указано особо въ числѣ занятій студентовъ и должно быть направлено къ болѣе основательному усвоенію преподаваемыхъ имъ наукъ. Сообразно съ этимъ, при обязательномъ слушаніи лекцій по наукамъ и изготовленіи срочныхъ сочиненій, студенты всѣхъ курсовъ пользовались учеными и учебными пособиями изъ академической бібліотеки, въ видахъ лучшаго

усвоенія преподаваемыхъ предметовъ и болѣе обстоятельнаго и основательнаго рѣшенія задачъ или темъ, даваемыхъ для сочиненій; но кромѣ того знакомились съ произведеніями современной русской литературы, духовной и свѣтской, удѣляя часть досуга своего на чтеніе сочиненій и періодическихъ изданій частію изъ той же академической библіотеки, частію изъ особой студенческой библіотеки. Для устраненія обращенія въ послѣдней книгъ, не соотвѣствующихъ цѣли духовнаго образованія, составъ и пополненіе ея, по § 129 Устава Академіи, находились подъ наблюденіемъ ректора и благоустройство библіотеки и порядокъ пользованія книгами состояли подъ надзоромъ инспектора Академіи. Въ отчетномъ году, по докладу инспектора Академіи, Правленіе Академіи выдало ему необходимыя для студенческой библіотеки шнуrowыя книги, за надлежащею скрѣпою: одну для записи статей прихода и расхода, а другую—для каталога, съ обязательствомъ ежегодно представлять Правленію Академіи общій отчетъ о состояніи студенческой библіотеки. Въ отчетномъ году поступило добровольныхъ денежныхъ взносовъ отъ студентовъ Академіи 312 р. 25 к., а израсходовано 302 р. 82 коп. Всѣхъ книгъ въ студенческой библіотекѣ 334 тома отдѣльныхъ сочиненій въ 210 названіяхъ, 111 брошюръ въ 79 названіяхъ, 24 духовные журнала (въ 680 книгахъ), и 25 свѣтскихъ журналовъ, получившихся въ разные годы (въ 569 книгахъ).

4) Особеннаго вниманія и усиленныхъ занятій требовало отъ студентовъ приготовленіе къ репетиціямъ и годичнымъ переводнымъ экзаменамъ.

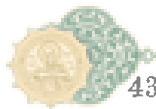
Репетиции введены постановленіемъ Совѣта отъ 26 октября 1884 года, на основаніи §§ 122 и 145 Устава дух. Академій, какъ мѣра важная и полезная въ учебномъ отношеніи. Поощряя студентовъ къ болѣе внимательному слушанію лекцій, онѣ способствуютъ болѣе основательному и отчетливому усвоенію преподаваемыхъ наукъ, и наставникамъ

даютъ средство для повѣрки занятій студентовъ и оцѣнки степени ихъ успѣха въ изученіи наукъ. Требуемый при этомъ отчетъ въ усвоеніи прочитаннаго ограничивался повтореніемъ его въ главныхъ и существенныхъ чертахъ,—и самыя репетиціи имѣли видъ бесѣды наставника съ каждымъ особо студентомъ, при чемъ наставникъ нерѣдко добавлялъ и пояснялъ прочитанное прежде. Результаты своихъ наблюденій надъ степенью усердія студентовъ въ посѣщеніи, слушаніи и усвоеніи лекцій преподаватели принимали къ свѣдѣнію при составленіи списковъ, которые при окончаніи учебнаго года представляются ими ректору Академіи, для внесенія таковыхъ въ Совѣтъ Академіи.

Годичныя испытанія, которыя, по положенію объ испытаніяхъ на ученныя степени, считаются окончательными и принимаются во вниманіе при окончаніи студентами полного академическаго курса во время присужденія имъ степеней и составленія выпускнаго разряднаго списка, студенты первыхъ трехъ курсовъ сдавали, въ виду предстоявшихъ коронаціонныхъ торжествъ, съ 12 апрѣля по 11 мая. Испытанія производились особыми комиссіями, назначенными совѣтомъ Академіи, по росписанію, составленному имъ и утвержденному Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникиемъ. Въ отчетномъ году 3 студента не держали годичныхъ экзаменовъ, по болѣзни, одинъ I и два III-го курса, и оставлены безъ перевода въ слѣдующіе курсы.

Поведеніе студентовъ въ общемъ сообразовалось съ особыми правилами объ ихъ обязанностяхъ, опредѣляемыми назначеніемъ Академіи, какъ высшаго учебнаго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ для просвѣщеннаго служенія по преимуществу на духовно-учебномъ и пастырскомъ поприщахъ. Всѣ вообще воспитанники обнаруживали доброе религиозно-нравственное направленіе. Въ воскресные и праздничные дни, а также по средамъ и пяткамъ великаго поста, они усердно посѣщали богослуженіе и, по возможности, участво-

Труды Кіев. дух. Академіи, 1896 г. Т. III. 29

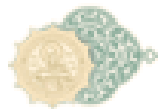
вали въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Въ первую недѣлю великаго поста и въ страстную седмицу всѣ студенты исповѣдывались и приобщались Св. Таинъ.

Состояніе здоровья студентовъ въ отчетномъ году, судя по мѣстнымъ обстоятельствомъ, было вообще довольно удовлетворительно. Изъ общаго числа студентовъ (192) въ больницу пользовалось 79. Такъ какъ нѣкоторые изъ пользовавшихся въ больницу студентовъ поступали въ нее по нѣскольکو разъ то болевшихъ студентовъ въ отчетномъ году собственно было 62 человека. Изъ нихъ поступавшихъ въ больницу по одному разу было 49 человекъ, и по два раза и болѣе 13 человекъ. Изъ числа 79 заболѣваній 68 заболѣваній длились отъ 2 до 30 дней, а 11 заболѣваній отъ 1 до 3 мѣсяцевъ и болѣе. Болѣзни, которымъ наиболѣе подвергались студенты, были брюшной тифъ (9 заболѣваній), грудныя болѣзни (15), расстройство нервовъ (10), болѣзни желудка и кишечника (13), малярия (11), болѣзни зѣва (7), инфлюэнца (2), воспаленіе подкожной кѣличаки и болѣзни кожи (6), коклюшь (1) и малозначущія заболѣванія (5). Умерли: отъ чахотки студентъ II курса Хоговицкій и отъ гифа два студента I курса: Антонъ Куль, заболѣвшій еще во время пріемныхъ экзаменовъ и Николай Васильевскій. Въ виду инфекціонныхъ заболѣваній какъ помѣщенія больницы и студентовъ, такъ и больничное имущество подвергались тщательной дезинфекціи.

III.

Учебно-вспомогательныя учрежденія при Академіи.

Для ученой и учебной дѣятельности своей Академіи имѣетъ два вспомогательныя учрежденія: бібліотеку и церковно-археологическій музей.

А) Библіотека.

Академическая библіотека въ отчетномъ году пополнялась книгами, выписываемыми по рекомендаціи преподавателей насчетъ штатной суммы библіотеки; б) изданіями, поступающими въ обмѣнѣ академическихъ изданій; в) учеными диссертаціями, присылаемыми отъ высшихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, учебныхъ заведеній, и г) книгами и рукописями, жертвуемыми отъ частныхъ лицъ.

Съ 15 августа 1895 года по 15 августа сего 1896 года въ академическую библіотеку поступило:

1) Печатныхъ книгъ и брошюръ 589 названій, въ количествѣ 919 томовъ, изъ которыхъ 191 названіе, въ количествѣ 287 томовъ, получены въ даръ или обмѣнѣ отъ разныхъ лицъ и учрежденій;

2) рукописей 6;

3) учебниковъ 2 названія, въ количествѣ 10-ти экземпляровъ;

4) періодическихъ изданій подъ новыми названіями 19.

Къ концу отчетнаго года или къ 16 августа 1896 года въ академической библіотекѣ состояло:

1) печатныхъ книгъ и брошюръ 24, 962 названія, въ количествѣ 53, 375 томовъ;

2) рукописей 776.

3) актовъ и грамотъ 78;

4) атласовъ и картъ 275;

5) учебниковъ 254 названія, въ количествѣ 1672 экземпляровъ;

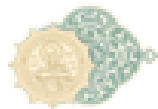
6) періодическихъ изданій 536 и, независимо отъ того, 52 названія епархіальныхъ вѣдомостей.

Изъ числа книгъ, приобрѣтенныхъ для библіотеки Академіи въ отчетномъ году, могутъ быть отмѣчены, какъ библиографическая рѣдкость, полные экземпляры „Древней Россійской Вивліюэки“, въ 20-ти частяхъ, и „Продолженія“ ея же, въ 11-ти частяхъ.

Книгами, рукописями и журналами пользовались как преподаватели и другія частныя должностныя лица Академіи, такъ и студенты ея. Кромѣ того, библіотечныя книги были высылаемы, на короткіе сроки, въ Смоленскую дух. Семинарію, Холмское Братство и Казанскую дух. Академію, а рукописи—въ Волынскую дух. Семинарію. Въ теченіе отчетнаго года занимались въ библіотекѣ: стипендіаты университета св. Владиміра, профессоръ Черновицкаго университета Адольфъ Гальбонтъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, и др.

Сверхъ того, существуетъ студенческая библіотека, поддерживаемая добровольными взносами студентовъ, а также пожертвованіями, преимущественно отъ редакцій духовныхъ журналовъ и отъ наставниковъ Академіи, и находящаяся подъ ближайшимъ надзоромъ академической инспекціи.

Для спеціальныхъ занятій преподавателей Академіи (Н. Петрова, В. Малинина, А. Дмитріевскаго и О. Титова), выписывались, для временнаго пользованія, книги и особенно рукописи изъ другихъ книгохранилищъ, а именно: изъ библіотекъ С.-Петербургской и Московской дух. Академій и Тобольской дух. Семинаріи.

К. Д. УШИНСКИЙ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).

*(Окончаніе *).*

Посмотримъ, насколько отразились общія идеи Ушинскаго въ сужденіяхъ его по вопросу о нашей народной школѣ, занимающему видное мѣсто въ его сочиненіяхъ.

Ушинскій справедливо отмѣчаетъ важное значеніе вопроса о народномъ образованіи, который съ самаго момента освобожденія крестьянъ сразу сталъ у насъ вопросомъ государственной важности. „Боже мой, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни!“ писалъ онъ о своихъ впечатлѣніяхъ по поводу событія 5 марта 1861 года. „И не школъ грамотности только, а такихъ, въ которыхъ бы народъ научился употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу... Хорошія школы необходимы теперь какъ воздухъ“¹⁾. Между тѣмъ, едва лишь зарождавшаяся наша народная школа находилась въ то время въ крайне жалкомъ положеніи: не было ни достаточно подготовленныхъ учителей, „ни книгъ, для того

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, м. январь 1896 г.

²⁾ „5-е марта 1861 года“.—Собр. пед. соч. стр. 285—286.

годныхъ, ни даже самаго понятія о томъ, чѣмъ должна быть русская народная школа“, опредѣленной идеи ея ¹⁾. Однако пора было подумать объ этомъ дѣлѣ, важность котораго чувствовалась и заявлялась повсюду; этого требовало само время. „Теперь, говорить Ушинскій, именно теперь, когда насъ ожидаютъ глубокія общественныя преобразованія, коренная перемѣна въ сельскомъ быту, появленіе въ обществѣ двадцати милліоновъ новыхъ гражданъ“,... народная школа „стала возможною и въ то же время сдѣлалась необходимою. Теперь это уже не преждевременная прихоть, не страсть къ подражанію, не роскошь и даже не просто хорошее богоугодное дѣло, но насущный, жизненный вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія и отъ разрѣшенія котораго, болѣе или менѣе удачнаго, зависитъ правильный исходъ всѣхъ прочихъ реформъ, начатыхъ или предполагаемыхъ въ настоящее время“ ²⁾.

Что же нужно было дѣлать? Какъ рѣшигь этотъ вопросъ?

Легко было соблазниться возможностью взять готовое рѣшеніе его на Западѣ, у другихъ, болѣе культурныхъ народовъ; но такую постановку дѣла менѣе всего могъ одобрить проповѣдникъ началъ народности въ воспитаніи. „Народная школа, говоритъ онъ, не принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ народной жизни, которыя могутъ быть цѣликомъ пересажены изъ одной почвы въ другую и приняты въ средѣ народа. Конечно, мы можемъ занять много полезныхъ педагогическихъ изобрѣтеній у западныхъ нашихъ братій, опередившихъ насъ въ образованіи. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи“ ³⁾. „Выдумать“ путемъ однихъ теоре-

¹⁾ „О нравств. элементѣ въ русскомъ воспитаніи“. — Тамъ же стр. 240

²⁾ Тамъ же стр. 241—242.

³⁾ Тамъ же стр. 241.

тических соображеній эти пачала и основы для воспитанія нашего народа нельзя; это было бы напраснымъ, безплоднымъ трудомъ, потому что они уже даны и есть въ самомъ народѣ; ихъ нужно только разглядѣть и понять. „Воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ,—съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, все его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, принаровившись къ ней же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаосъ, какія враждующія противорѣчія... появились бы въ воспитаніи русскаго народа“ въ противномъ случаѣ. „Мы безумно подкопали бы корень вѣковаго растенія и разсыпались бы потомъ сами, какъ рассыпаются листья съ изсохшаго дерева. Нѣтъ, позаботимся о томъ, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнемъ коснуться его вѣковыхъ корней!“ ¹⁾

Такимъ образомъ, согласно съ общою своею идеею народности воспитанія, Ушинскій настаиваетъ на необходимости предварительнаго изученія началъ нашей народной жизни и народнаго характера для того, чтобы на нихъ уже построить все дѣло народнаго образованія. При этомъ онъ самъ дѣлаетъ попытку указать общія характерныя черты русскаго народа. „Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, говоритъ онъ, чуждые съ одной стороны юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой—меркантильной жесткости и расчетливости; преобладаніе то лющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины правственнаго омуты на вер-

¹⁾ Тамъ же стр. 272—273.

пины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто бессознательная, наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія“ ¹⁾).

Конечно, этою характеристикю нельзя удовлетвориться: въ ней больше красивыхъ фразъ, чѣмъ дѣйствительно характерныхъ указаній. Славянское чувство, обиліе инстинктовъ, воспріимчивость къ чуждому и вмѣстѣ устойчивость въ своемъ—всѣ эти черты мало помогаютъ дѣлу,—не настолько важны и ясны, чтобы ими можно было руководиться въ дѣлѣ воспитанія нашего народа. Но одна черта изъ указанныхъ здѣсь имѣетъ несомнѣнно важное значеніе для этой цѣли, это—„превратившаяся въ плоть и кровь народа“ его исконная православная вѣра, и Ушинскій не разъ возвращается къ ней. „Если русскій крестьянинъ, говоритъ онъ, отличается теперь отъ дикаря, то этимъ онъ почти единственно обязанъ своей все-таки европейской, славянской природѣ, а еще болѣе своему древнему христіанству. Загляните въ самую глухую русскую деревню,... и вы не найдете тамъ почти никакихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи; но тѣмъ не менѣе замѣтите въ характерѣ жителей много природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства...* Христіанскіе элементы совершенно срослись въ душѣ русскаго съ его славянскимъ характеромъ“ (... ²⁾).

Эта коренная черта русскаго народа, глубокая привязанность его къ своей православной вѣрѣ, заставила Ушин-

¹⁾ Тамъ же стр. 274.

²⁾ Тамъ же стр. 226—227.

скаго сказать, что все дѣло народнаго образованія у насъ „должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверіемъ церкви“¹⁾. Имѣя въ виду эту же черту нашего народа, онъ готовъ бы признать лучшимъ учителемъ и воспитателемъ въ народной школѣ религіознаго руководителя народа, пастыря церкви. „По коренному смыслу христіанской религіи, говоритъ онъ, духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, но наставникомъ и учителемъ... Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священно-служительской, но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ. Можетъ ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія какая нибудь дѣятельность приличнѣ воспитанія молодыхъ поколѣній. Какое общество можетъ быть приличнѣ для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ Себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ Онъ такъ строго заповѣдалъ Своимъ ученикамъ“²⁾.

Тѣмъ не менѣе, Ушинскій далекъ отъ мысли представить нашу народную школу въ исключительное вѣдѣніе духовенства. Воспитаніе вообще дѣло настолько важное и трудное, что требуетъ „долговременной спеціальной, теоретической и практической, подготовки“; между тѣмъ, духовенство, современное Ушинскому, таковой подготовки въ своихъ школахъ, по его мнѣнію, не могло получить. „Мы считаемъ совершенно приличнымъ, говоритъ онъ, и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы духовныя лица могли стоять во главѣ не только народныхъ школъ, но быть наравнѣ съ свѣтскими лицами начальниками и главными распорядителями и въ другихъ, высшихъ школахъ. Но для этого надобно, чтобы они, по своему общему образованію и по своему педаго-

¹⁾ Тамъ же стр. 246.

²⁾ Тамъ же стр. 242—243.

гическому подготовленію, были способны къ такой всесторонней воспитательной дѣятельности¹⁾. Но, съ другой стороны, и одна педагогическая опытность, какъ бы ни была она обширна, еще не даетъ права на учительство въ народной школѣ: „если необходимо, чтобы духовныя лица, посвящающія себя воспитательной дѣятельности, были хорошими педагогами, то, съ другой стороны, необходимо также, чтобы свѣтскія лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошіе педагоги, но и *истинные христіане* по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ“... Отсюда общее заключеніе Ушинскаго по этому вопросу должно бы быть таково: „дѣло не въ томъ, кто—духовное или свѣтское лицо—долженъ завѣдывать народною школою, но въ томъ, чтобы завѣдывающій народною школою былъ истинный христіанскій воспитатель, истинный педагогъ по призванію, по цѣли, по знаніямъ и искусству“...²⁾

Однако на этомъ Ушинскій не останавливается, и въ другомъ мѣстѣ³⁾ этотъ средній выводъ принимаетъ у него другой, болѣе рѣшительный и опредѣленный тонъ. „Церковная школа“, т. е. школа, пасаждаемая и возвращаемая руками духовенства, по его мнѣнію, не можетъ привиться въ нашемъ народѣ. У нея нѣтъ для этого ни историческаго прошлаго, ни симпатій народа въ настоящее время. Народъ иногда даже открыто высказывается противъ назначенія лицъ приходскаго духовенства учителями въ свои школы. Почему? Отнюдь не потому, что онъ не расположенъ къ церкви и своимъ пастырямъ, которыхъ онъ очень любитъ и уважаетъ, а по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, здѣсь онъ руководится тою очень вѣрною практическою мыслью, что преподаваніе въ школѣ

¹⁾ Тамъ же стр. 243.

²⁾ Тамъ же стр. 244.

³⁾ Именно въ статьѣ „Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ“, спеціально посвященной вопросу о народныхъ школахъ.

нельзя вести „кое-какъ и урывками, въ часы свободные отъ другихъ главныхъ занятій, что учитель школы долженъ отдать все свое время школьному дѣлу, и что приходскій священникъ никакъ не можетъ этого сдѣлать“. Во-вторыхъ, устраивая школы для своихъ дѣтей по своему собственному желанію и на свои средства, народъ смотритъ на нихъ какъ на *свои* школы и „хочетъ видѣть въ нихъ учителями такихъ лицъ, которые бы вполнѣ отъ него зависѣли, исполняли бы безотговорочно свою учительскую обязанность не по прихоти или изъ милости, а по договору, и оставляли бы школу, если не хотятъ дѣлать дѣло, за которое взялись“. Но такое отношеніе крестьянъ къ учителю, конечно, невозможно, если этотъ учитель—самъ мѣстный священникъ, или діаконъ, или хотя бы даже псаломщикъ.

Такую самостоятельность народа въ отношеніи къ школѣ Ушинскій находитъ явленіемъ естественнымъ, нормальнымъ и желательнымъ: такъ и должно быть. Въ этомъ дѣлѣ правительству нужно соблюдать крайнюю осторожность, чтобы какимъ нибудь насильственнымъ вмѣшательствомъ не повредить народной школѣ, „этому только что начинающему пробиваться изъ земли растенію“. Весь ростъ и развитіе его зависятъ единственно отъ сочувствія этому дѣлу самого народа; понятно поэтому, какъ опасно было бы чѣмъ нибудь подорвать это сочувствіе.

„Такимъ образомъ, мы полагаемъ, говоритъ Ушинскій, что у насъ всего будетъ лучше и естественнѣе оставить народную школу чисто народнымъ дѣломъ“, точнѣе говоря, „чисто семейнымъ дѣломъ народа“, переживающаго теперь именно періодъ семейнаго быта.

Но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, здѣсь нужно бояться различныхъ вредныхъ вліяній, которымъ легко можетъ подчиниться нашъ простой, слишкомъ неопытный и совершенно неразвитой народъ? „Удалимъ отъ себя навсегда ту ложную мысль, отвѣчаетъ на это опасеніе Ушинскій, что простой ма-

жикъ очень грубъ, необразованъ и глупъ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ своего дитяти. Положимъ, онъ грубъ и необразованъ; но онъ вовсе не глупъ, и при томъ имѣетъ еще очень твердыя и ясныя убѣжденія, а кромѣ того, въ груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей дѣтямъ“. Поэтому охраненіе народныхъ школъ отъ всякихъ „противорелигіозныхъ, противонравственныхъ или противогосударственныхъ пропагандъ“ лучше всего ввѣрить, во-первыхъ, *самому же народу*,—изъ котораго исходятъ всѣ основные принципы нашего государственнаго и религіознаго быта, и дѣти котораго учатся въ этихъ школахъ“,—а потомъ тѣмъ, кто въ этомъ охраненіи имѣетъ свой собственный интересъ, именно—*„духовенству*, которое самымъ положеніемъ своимъ поставлено охранителемъ религіозныхъ принциповъ народа, и—*земству*, все благоденствіе котораго основано на охраненіи спокойствія и порядка“. Изъ этихъ двухъ „охранителей“ болѣе дѣятельное участіе въ народномъ образованіи Ушинскій, очевидно, приписываетъ земству, о которомъ говоритъ: „только одно земство, находясь въ ближайшемъ отношеніи къ народу, и имѣя въ своей средѣ и образованныхъ людей, можетъ содѣйствовать дѣлу народной школы, да и то единственно путемъ разъясненія, убѣжденія, вспомошествованія, а не путемъ какихъ нибудь насильственныхъ мѣръ или регламентацій“. Вообще, только такой способъ содѣйствія народному образованію—„убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и, наконецъ, матеріальною или интеллектуальною помощью“—Ушинскій признаетъ единственно разумнымъ и цѣлесообразнымъ ¹⁾).

Наконецъ, кромѣ этихъ общихъ, принципиальныхъ положеній Ушинскій затрогиваетъ и частнѣйшій вопросъ изъ этой области: гдѣ взять учителей, которые вполне удовлетворяли бы столь важнымъ запросамъ народа и всего государства,—

¹⁾ См. въ „Собр. пед. соч.“ стр. 559. 560. 563. 566. 567.

и даетъ посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своемъ „Проектѣ учительской семинаріи“.

Таковы главные мысли Ушинскаго по вопросу о народномъ образованіи, живо затронувшему наше правительство и общество въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Какъ видимъ, и здѣсь педагогъ желаетъ остаться вѣренъ своимъ основнымъ принципамъ: дѣло народнаго образованія у насъ должно быть построено на единственно вѣрномъ и прочномъ фундаментѣ—нашей православной вѣры и нашей народности вообще. Однако нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній по поводу вышеизложенныхъ разсужденій Ушинскаго.

Для того, чтобы наша народная школа дѣйствительно отвѣчала національнымъ запросамъ народа, безъ сомнѣнія, необходимо правильное пониманіе этихъ запросовъ, уясненіе національных особенностей русскаго народа; но попытка Ушинскаго сдѣлать это, какъ уже было указано, крайне слаба: она неспособна вполне опредѣлить постановку народной школы. Эту сторону вопроса Ушинскій, такимъ образомъ, оставилъ неразрѣшенною.

Совершенно справедливо отмѣчая въ числѣ характерныхъ особенностей русскаго народа привязанность его къ своей православной вѣрѣ,—съ которою такъ сжился нашъ народъ, что она представляется теперь уже какъ бы слившеюся съ чертами его славянскаго характера,—Ушинскій однако оказывается не вполне послѣдовательнымъ въ необходимыхъ дальнѣйшихъ заключеніяхъ, повидимому, прямо вытекающихъ изъ этого положенія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ эта „черта“ въ русскомъ народѣ является наиболѣе характерною, то естественно, она должна служить указателемъ и въ дѣлѣ народнаго образованія: ея воспитаніе и развитіе должно быть достигнуто здѣсь прежде всего и непременно. А если такъ, то кто же можетъ занять мѣсто воспитателя и руководителя въ народной школѣ съ большимъ правомъ, нежели пастырь церкви, по самому положенію своему призванный блюсти начала

вѣры православной въ своемъ приходѣ? Этотъ выводъ неизбѣженъ, и съ нимъ соглашается сначала и Ушинскій, требуя лишь лучшей педагогической подготовки для священниковъ — руководителей въ народной школѣ; но послѣ, какъ бы забывая собственные слова, онъ считаетъ такую постановку дѣла прямо нежелательною и — что особенно удивительно — на томъ основаніи, что она, будто бы, не отвѣчаетъ симпатіямъ и требованіямъ самого народа. У Ушинскаго выходитъ дѣло такъ, что народъ, всѣмъ существомъ своимъ сжившійся со своею вѣрою и потому съ любовью и уваженіемъ взирающій на своего пастыря, въ то же время не можетъ довѣрить ему свою школу, потому что, во-первыхъ, у этого пастыря не достанетъ времени для школы, во-вторыхъ, ему нельзя будетъ указывать, имъ нельзя будетъ распоряжаться по собственной волѣ, между тѣмъ народъ самъ хочетъ быть хозяиномъ въ своей школѣ. Откуда такая непоследовательность въ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ народа? Откуда такая сила практическаго смысла съ одной стороны, и самонадѣянности съ другой, побѣждающая эти исконныя народныя симпатіи?

Ушинскій слишкомъ оптимистически смотритъ на нашъ народъ, вручая ему школьное дѣло и надѣясь, что его коренныя твердыя убѣжденія и его родительское чувство вполне уберегутъ это дѣло отъ всякихъ вредныхъ нежелательныхъ вліяній отвлѣ. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли способенъ нашъ, крайне неразвитой и въ интеллектуальной дѣятельности совершенно неопытный народъ самъ выполнить такую миссію? Не страдала ли уже его школа отъ различныхъ просвѣтителей противорелигіознаго, а вмѣстѣ и противогосударственнаго направленія, и именно подъ охраною и наблюденіемъ того самаго земства, на которое такъ надѣется Ушинскій.

Можно ли допустить и то, будто народу нашему настолько чужда самая идея церковной школы, что онъ при случаѣ готовъ даже открыто высказываться противъ назначенія ду-

ховенства въ свои школы? Чтобы признать это, необходимо пришлось бы отказаться отъ несомнѣнно иѣрной основной мысли о привязанности народа къ своей вѣрѣ и ея служителямъ: одно съ другимъ не мирится.

Какъ понимать желаніе Ушинскаго оставить школу „чисто семейнымъ дѣломъ народа“? Кто законный и естественный глава той народной семьи, составъ которой опредѣляется предѣлами родного села или деревни? Не священникъ ли этотъ пастырь и отецъ своего малаго стада, этотъ зачастую, единственный образованный и развитой челоуѣкъ въ этой семьѣ? А между тѣмъ, Ушинскій, предоставляя все дѣло народной школы собственной опытности народа и привлекая сюда въ качествѣ дѣятельнаго помощника земство, неизвѣстно, на какую роль обрекаетъ духовенство, только лишь упоминая его въ числѣ „охранителей“ народной школы. И это послѣ того, какъ было заявлено имъ, что наша народная школа „должна быть преддверіемъ церкви“. Можно ли рассчитывать на такой характеръ народной школы, если во главѣ ея будутъ стоять свѣтскіе люди, опекаемые земствомъ?...

Итакъ, рѣшеніе проблемы нашей народной школы, предложенное Ушинскимъ, нельзя признать удовлетворительнымъ. Сужденія его производятъ то впечатлѣніе, что вопросъ этотъ остался недостаточно яснымъ для самого автора. Отсюда колебаніе, неясность и непоследовательность и въ высказываемыхъ имъ положеніяхъ. Но нельзя забывать при этомъ и всей трудности вопроса, остающагося не вполне рѣшеннымъ и въ настоящее время. За тридцать лѣтъ у насъ успѣли опредѣлиться нѣсколько типовъ народныхъ школъ; но вмѣсто того, чтобы дружно, общими силами идти къ одной цѣли—такъ необходимаго у насъ просвѣщенія народа въ духѣ его исконной православной вѣры и нашей русской народности вообще, одна часть „просвѣтителей“ все еще готова съ недоуверіемъ смотрѣть на другую, не признавая за нею достаточной педагогической опытности, не находя у нея не только вре-

мени, необходимаго для этого дѣла, и матеріальныхъ средствъ, но даже искренняго добраго желанія послужить этому дѣлу. Ушинскій хотя и не указалъ опредѣленно, какую именно роль должно играть въ этомъ дѣлѣ духовенство, однако и не исключилъ его изъ числа дѣятелей, не сталъ въ ряды ярыхъ приверженцевъ противнаго лагеря. Уже и въ этомъ его заслуга.

Но несомнѣнная заслуга его заключается въ рѣшеніи другой, чисто практической стороны вопроса, въ проектѣ учительской семинаріи, предложенномъ Ушинскимъ въ отвѣтъ на живой запросъ времени. Высоко ставя дѣло воспитанія, онъ горячо ратуетъ за необходимость специальной педагогической подготовки къ этому дѣлу, особенно, если оно касается низшихъ сферъ, простого народа¹⁾, и, не входя въ подробности „проекта“, нельзя не признать значительной дѣлесообразности его. Предлагаемыя въ немъ средства: теоретическая педагогическая подготовка, практическіе педагогическіе навыки (пріобрѣтаемые въ имѣющейсѣ при семинаріи специально для этой цѣли обширной практической школѣ), до суровости простой и строгій, съ точностью по часамъ распредѣленный, въ высшей степени дѣятельный образъ жизни

¹⁾ „Чѣмъ ниже сфера учебной дѣятельности наставника или лучше сказать, чѣмъ глубже идетъ она въ массы народа и въ дѣтство человека, говорить онъ, тѣмъ менѣе, конечно, требуется отъ наставника познаній; но за то тѣмъ болѣе долженъ онъ быть хорошимъ воспитателемъ и дѣйствовать своимъ преподаваніемъ не на одно обогащеніе ума познаніями, но на развитіе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ воспитанника. Вотъ почему для такого рода преподавателей въ особенности необходимо специальное педагогическое подготовленіе... Кроме того, въ каждомъ наставникѣ, а особенно въ тѣхъ наставникѣхъ, которые назначаются для низшихъ училищъ и народныхъ школъ, важны не только умѣнье преподавать, но также характеръ, нравственность и убѣжденія, потому что въ классахъ младѣйшихъ дѣтей и въ народныхъ школахъ больше вліянія оказываетъ на учениковъ личность учителя, чѣмъ наука, излагаемая здѣсь въ самыхъ элементарныхъ началахъ. Даже и познанія этого рода учителей должны имѣть вѣкоторую особенность, которой не могутъ дать имъ ни гимназія, ни университетъ“.—„Проектъ учит. семинаріи“. Собр. ред. соч. стр. 287—288.

—все это должно направляться къ воспитанію будущаго воспитателя дѣтей народа: человѣка не обширныхъ, но разнообразныхъ и, непременно, ясныхъ и точныхъ познаній, въ достаточной степени владѣющаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, педагогическимъ искусствомъ передать эти познанія самымъ неразвитымъ дѣтямъ, наконецъ, человѣка высокихъ личныхъ качествъ—безукоризненной нравственности и чистыхъ христіанскихъ убѣжденій¹⁾. Этимъ своимъ проектомъ, навѣяннымъ знакомою ему прекрасною постановкою дѣла на западѣ, Ушинскій, безспорно, оказалъ важную услугу народной школѣ.

Слѣдуя тому же основному своему принципу—народности воспитанія, Ушинскій въ центрѣ учебной программы не только народной школы, но всякой низшей и средней школы вообще считалъ необходимымъ поставить *родной языкъ*. Отсюда, вполнѣ послѣдовательно, онъ долженъ былъ неодобрительно отнестись къ общепринятой классической системѣ образованія, съ преобладающимъ значеніемъ древне-классическихъ языковъ. Въ своемъ критическомъ разборѣ педагогическихъ сочиненій Н. И. Пирогова, коснувшись этого вопроса, Ушинскій, не смотря на все свое уваженіе къ почтенному педагогу, не можетъ согласиться съ его убѣжденіями и горячо отстаиваетъ свой взглядъ,—на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ XVI вѣкѣ классическіе языки сослужили великую службу, открывъ доступъ къ забытымъ сокровищницамъ знаній Греціи и Рима. Но теперь они не имѣютъ уже такого значенія: благодаря переводамъ всѣхъ лучшихъ классическихъ писателей на новыя языки, знанія эти стали доступны каждому, помимо знакомства съ классическими языками. Такимъ образомъ въ настоящее время уже нѣтъ тѣхъ причинъ, чисто историческаго характера, которыя вызвали къ жизни

¹⁾ За подробностями отсылаемъ къ самой статѣ,—тамъ же стр. 288—324.

классическіе языки въ западной Европѣ и способствовали такому укорененію ихъ въ западныхъ школахъ. Изученіе классическихъ языковъ, оказавшееся въ XVI вѣкѣ дѣломъ необходимости, теперь является уже только одною изъ тѣхъ школьныхъ привычекъ, сила которыхъ отъ времени только увеличивается.

Современный міръ далеко превосходитъ міръ классическій—и по объему знаній и, еще болѣе, по высокому міровозрѣнію, невѣдомому народамъ классическимъ и принесенному христіанствомъ. Идеаль чловѣка, выработанный гениемъ Греціи и Рима, уже не удовлетворитъ насъ. Самые лучшіе представители древне-классическаго міра уже не могутъ служить образцомъ современному чловѣку, просвѣщенному христіанскимъ ученіемъ.

Вся современная жизнь Европы слишкомъ не похожа на жизнь греко-римскаго міра. Отсюда—отчужденность всего классическаго образованія отъ современной жизни, которой можетъ совершенно не знать питомецъ классической школы. Последняя никогда не приведетъ къ столь желательному соединенію науки и жизни.

Мы видимъ примѣры другихъ народовъ, которые достигли, при исключительномъ господствѣ въ ихъ школахъ классицизма, высокой степени образованія и культуры. Но и здѣсь еще нужно рѣшить вопросъ: чему именно обязанъ каждый изъ этихъ народовъ своимъ развитіемъ—этому ли исключительно - классическому образованію, или же тому особому народному гению, благодаря которому каждый изъ нихъ и на классическую древность смотрѣлъ „черезъ свои собственные очки“ и извлекалъ изъ нея лишь то, что наиболѣе отвѣчало народному духу и характеру. Поэтому такъ называемый многовѣковой опытъ, на который обыкновенно ссылаются въ этомъ случаѣ, не можетъ имѣть доказательной силы. Классическое образованіе, безъ сомнѣнія, приготовило много высоко развитыхъ людей, но нельзя забывать, сколько воспита-

ло оно и пустыхъ педантовъ, неспособныхъ за буквою видѣть и понимать окружающую ихъ жизнь.

Завершенностью своей формы и своею особенною живостью и непосредственностью, строгою логичностью своего построенія классическіе языки, несомнѣнно, превосходятъ языки новыя; но за то они уступаютъ послѣднимъ въ живенности содержанія и лишены того великаго воспитательнаго значенія, какое принадлежитъ языку только родному; между тѣмъ, на изученіе ихъ, какъ болѣе трудныхъ, тратится гораздо болѣе времени и силъ, чѣмъ на изученіе другихъ предметовъ.

Сами же классическіе народы даютъ наглядное доказательство преимущественнаго значенія родного языка предъ всѣми иностранными въ системѣ образованія. Они создали такой высокохудожественный языкъ и такихъ великихъ писателей, можетъ быть, именно потому, что не справляясь съ языкомъ и жизнью другихъ народовъ, всѣ силы свои отдавали своему родному языку, своимъ роднымъ преданіямъ, своей жизни и исторіи. Именно такимъ путемъ и могли выработаться тотъ непосредственный взглядъ на міръ и та дѣтская и вмѣстѣ мудрая наивность мыслей, которые такъ обаятельно дѣйствуютъ на насъ при чтеніи классиковъ.

Все это приводитъ Ушинскаго къ такому заключенію. Образованіе наше должно носить *чуждый* характеръ, т. е. направляться къ развитію всѣхъ истинно-человѣческихъ силъ и стремленій; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но то, что принято называть *humaniora*, т. е. классическіе языки съ ихъ литературою, этой цѣли не отвѣчаютъ. Изученіе организаціи языка, безспорно, есть лучшее средство духовнаго развитія; но таковымъ должно признать, въ частности, не классическіе языки, а родной языкъ, изученіе котораго есть „вѣрнѣйшій и прямѣйшій путь къ самопознанію... Раскрывая ребенку и юношѣ богатство родного слова, мы раскрываемъ ему богатство его собственной души, которое онъ уже чувствовалъ

прежде, чѣмъ началъ понимать. Изученіемъ родного слова мы вводимъ дитя въ духъ народа, созданіе его многовѣковой жизни, въ тотъ единственный живой ключъ, изъ котораго бьетъ всякая сила и всякая поэзія“. Поэтому родной языкъ, а не классики, долженъ занимать и главное мѣсто въ учебной программѣ нашей общеобразовательной школы. Сдѣлавъ затѣмъ оговорку относительно религіи, что она по своему исключительно высокому значенію не можетъ итти въ сравненіе ни съ однимъ изъ учебныхъ предметовъ, а должна стоять во главѣ всего дѣла нашего общественнаго воспитанія, Ушинскій чертитъ такую программу общеобразовательнаго курса: „за изученіемъ родного слова мы ставимъ изученіе другихъ предметовъ, непосредственно раскрывающихъ челоуѣка и природу, а именно—исторію, географію, математику, естественныя науки; за этимъ помѣщаемъ изученіе новѣйшихъ ипостранныхъ языковъ, а въ изученіи древнихъ видимъ спеціальность, необходимую лишь для извѣстной отрасли ученыхъ занятій“. Поэтому, по мнѣнію Ушинскаго только для поступающихъ на филологическій факультетъ должно быть обязательно хорошее знаніе латинскаго языка и посредственное греческаго; для поступающихъ на медицинскій и юридическій факультеты достаточно посредственнаго знанія одного латинскаго языка; для другихъ же факультетовъ классики вовсе не нужны. Сообразно съ этимъ и въ гимназіяхъ изученіе древнихъ языковъ слѣдовало бы предоставить желающимъ и посвящать ему только три послѣдніе года ¹⁾).

Прочитавъ эти страницы Ушинскаго, можно спросить: много ли приобрѣлъ вопросъ о классической системѣ нашего образованія послѣ автора „Родного слова“? Въ настоящее

¹⁾ См. статью „Педагогическія сочиненія Н. И. Щербова“. Тамъ же, стр. 504—519. Сравн. „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“, стр. XXV—XXVII.

время вопросъ этотъ еще болѣе обострился, и противъ классическихкихъ языковъ нерѣдко поднимаются горячіе протесты. Классическую систему, какъ примѣняется она въ нашихъ гимназіяхъ, нѣкоторые находятъ ненормальною, антипедагогичною, едва доступною для дѣтскихъ и юношескихъ силъ средняго уровня и прямо непосильною для всѣхъ, слабѣе одаренныхъ; въ ней готовы видѣть одну изъ причинъ часто повторяющихся въ послѣднее время случаевъ переутомленія учащихся; ее обвиняютъ въ безжизненности, считаютъ анахронизмомъ и т. п. Но несмотря на такое живое отношеніе къ вопросу, доводы противниковъ классицизма въ принципиальной части своей, въ общемъ, все же почти только повторяютъ высказанное еще Ушинскимъ. И разрабатывающійся въ настоящее время проектъ новаго типа средней общеобразовательной школы, который объединилъ бы оба нынѣ существующіе—классическую гимназію и реальное училище, рѣшаетъ вопросъ о классикахъ почти такъ же, какъ рѣшилъ его Ушинскій ¹⁾.—Однако рядомъ со всѣми вышеизложенными соображеніями Ушинскаго касательно классической системы нашего образованія нельзя не привести его же собственныхъ словъ, обличающихъ нетвердость убѣжденій автора по этому вопросу. Въ статьѣ „О народности въ общественномъ воспитаніи“ (написанной, правда, пятью годами раньше) о томъ же классицизмѣ онъ такъ говоритъ: „классическая древность и до сихъ поръ повсюду оказывается необходимою, не только по содержанію своему, но и по той развивающей и укрѣпляющей разсудокъ силѣ, которую оказываетъ ея изученіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейская

¹⁾ Имѣемъ въ виду проектъ профессора Д. И. Менделѣева, подъ предсѣдательствомъ котораго и работаетъ особая комиссія надъ этимъ вопросомъ. По этому проекту латинскому языку отводится мѣсто именно въ трехъ послѣднихъ классахъ (V—VII) и то лишь въ одномъ *классическомъ отдѣленіи*, т. е. изученіе его предоставляется желающимъ. Греческій же языкъ даже совсѣмъ исключается изъ курсъ этой новой общеобразовательной школы.

педогогика не изобрѣла еще ничего, чѣмъ бы можно было замѣнить классицизмъ“¹⁾).

Главная задача воспитанія по Ушинскому, какъ мы уже видѣли, образованіе цѣльной нравственной личности питомца. Оцѣнивая съ этой стороны современное общественное воспитаніе, онъ находитъ его совершенно неотвѣчающимъ такому своему назначенію: наши школы лишены воспитательной силы. Гдѣ причины этого?

„Воспитательное вліяніе, говоритъ Ушинскій, есть вліяніе развитого характера на характеръ формирующійся; а характеръ—это личность человѣка“. „Дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только подъ прямымъ вліяніемъ человѣческой личности, и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и росписаніями времени занятій не возможно искусственно замѣнить вліянія человѣческой личности. Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить не возможно“²⁾. Между тѣмъ, въ нашихъ школахъ этого благотворнаго вліянія всей цѣльной личности учителя-воспитателя не можетъ быть, потому что учитель и воспитатель здѣсь въ одномъ и томъ же классѣ два различныя лица. Воспитаніе отдѣлено отъ обученія, и въ воспитатели нерѣдко попадаютъ люди не только чуждые наукѣ, но относящіеся къ ней даже враждебно. Учитель заботится *только* о знаніи учениковъ; воспитатель—только объ ихъ „благонравіи“. Учитель приходитъ въ классъ только „на урокъ“ и, уходя съ урока, забываетъ объ ученикахъ; воспитатель смѣняетъ учителя со своимъ неизмѣннымъ „тихо“, „смирно“. Такъ и идутъ у насъ умственное и нравственное воспитаніе дѣтей врозь, отъ чего оба теряютъ свою силу. Но это не все. У насъ введена *предметная* система

¹⁾ Собр. пед. соч. стр. 29—30.

²⁾ Тамъ же стр. 434 и 305.

обученія, благодаря чему въ одномъ классѣ у насъ столько же учителей, сколько преподаваемыхъ предметовъ. Что отсюда получается? „Предъ глазами ребенка учителя разныхъ предметовъ мелькаютъ какъ фигуры въ калейдоскопѣ, такъ же пестро и такъ же безслѣдно. Каждый изъ преподавателей заботится только о томъ, чтобы дѣти знали его предметъ и никто не считаетъ себя обязаннымъ подумать вообще объ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей“... Правда, у насъ есть для этого директоръ и инспекторъ. „Но развѣ чудомъ какимъ могутъ они имѣть вліяніе на душевное развитіе дѣтей, обходя классы и посматривая на скамьи, гдѣ стройными рядами расположена цѣлая масса... Остается классный надзиратель и классная дама; но вѣдь это полиція школы“, а не воспитатели... Въ предметной системѣ, по Ушинскому, заключается главная причина почти совершеннаго отсутствія въ нашихъ школахъ умственно и нравственно развивающей силы ¹⁾.

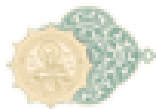
Въ виду этихъ недостатковъ, Ушинскій считаетъ необходимымъ въ элементарныхъ и высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній предметную систему преподаванія замѣнить *классною*, т. е. поставить дѣло такъ, чтобы всѣ предметы въ своемъ классѣ преподавалъ *одинъ* учитель ²⁾. А чтобы такіе учителя стояли на высотѣ своего положенія, т. е. оказывали благотворное воспитательное воздѣйствіе не только своимъ преподаваніемъ, но и всею своею личностью, необходимо напередъ позаботиться о надлежащей широко-педагогической подготовкѣ ихъ. Поэтому Ушинскій считаетъ дѣломъ насущной важности открытіе у насъ въ возможно большемъ количествѣ особыхъ *учительскихъ институтовъ*, которые преслѣдовали бы спеціальную задачу—приготовленіе учите-

¹⁾ Тамъ же стр. 370.

²⁾ Въ высшихъ классахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ эта система, мнѣнію Ушинскаго, не годится. См. стр. 453.

лей для низших и средних школ. Не ограничиваясь этимъ онъ идетъ въ развитіи той же идеи своей еще дальше. Выходя изъ общаго своего высокаго взгляда на дѣло воспитанія, онъ находитъ не только полезнымъ, но прямо необходимымъ внести цѣлую обширную группу предметовъ, такъ или иначе касающихся воспитанія, въ программы нашихъ университетовъ, открывъ при нихъ особые *педагогическіе факультеты*.

„Если въ университетахъ, говоритъ Ушинскій, существуютъ факультеты медицинскіе и даже камеральные и нѣтъ *педагогическихъ*, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи. Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета.“ Такой факультетъ имѣлъ бы громадное практическое значеніе. „Педагоговъ численно нужно не менѣе, а даже еще болѣе, чѣмъ медиковъ, и если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ дѣтей нашихъ, ввѣряемъ ихъ душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность нашего отечества“. Программу этого педагогическаго или, лучше сказать, антропологическаго факультета Ушинскій чертитъ очень широкую. „Если педагогика хочетъ воспитывать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, то она должна прежде узнать его тоже во всѣхъ отношеніяхъ“. „Воспитатель долженъ стремиться узнать человѣка, *каковъ онъ есть въ дѣйствительности*, со всѣми его слабостями и во всемъ его величій, со всѣми его будничными, мелкими нуждами и со всѣми его великими духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ со своею совѣстью... Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой стра-

сти и всякаго характера. Тогда только будетъ онъ въ состояніи почерпнуть въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія¹. Предъявляя такія требованія къ воспитателю, Ушинскій задачею для педагогическаго факультета ставить „изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы съ спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія“¹).

Опять вопросъ глубокой важности и самаго живаго интереса и для настоящаго времени. Кто не жалуется и теперь на наши школы, что онѣ *не воспитываютъ* своихъ учениковъ! Объ этомъ говорятъ теперь не одни педагогическія изданія. Но какъ помочь бѣдѣ,—на этотъ вопросъ мы не находимъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Не тамъ ли заключаются причины зла, гдѣ указывалъ ихъ еще Ушинскій? Въ нашихъ школахъ, повидимому, есть все, что должно бы гарантировать хорошіе результаты во всѣхъ отношеніяхъ: есть учителя по всѣмъ предметамъ, каждый съ спеціальными познаніями въ своей области; есть директора и инспектора съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ,—и однакоже нельзя не признать значительной доли справедливости въ повседневныхъ жалобахъ общества на недостатокъ воспитательнаго вліянія въ этихъ школахъ. Не отъ того ли это происходитъ, что въ нашихъ школахъ нѣтъ одного, но главнаго: единства всего дѣла, цѣльной дружной работы въ одномъ извѣстномъ направленіи, съ яснымъ пониманіемъ и этого направленія, и главной цѣли его, и всѣхъ нитей дѣла всѣми сотрудниками въ немъ? Та же обособленность и разнъ обученія и воспитанія, какъ двухъ областей, будто-бы, совершенно различныхъ, и то же равнодушное отношеніе каждаго отдѣльнаго преподавателя къ результатамъ всего школьнаго дѣла, которыя такъ рельефно отмѣтилъ Ушинскій, не чувствуются ли и те-

¹) „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“. Слб. 1868. Стр. XIII, XIV и XXVII.

перь въ нашихъ школахъ почти съ тою же силою? Однако одною замѣною предметной системы классною едва ли можно устранить эти недостатки, тѣмъ болѣе, что эта система, и по мнѣнію Ушинскаго, можетъ быть съ пользою примѣнена только въ низшихъ классахъ. Главное здѣсь не въ предметной или классной системѣ преподаванія, а въ той широкой педагогической подготовкѣ, которой, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣютъ учителя нашей средней школы и которая, между тѣмъ, одна только можетъ дать имъ широкій и свѣтлый взглядъ на дѣло и умѣнье правильно, на педагогическихъ началахъ, вести его.

На этотъ существенный, можно сказать, пробѣлъ въ дѣлѣ нашего общественнаго воспитанія въ послѣднее время, какъ извѣстно, обратило вниманіе и наше Министерство Народнаго Просвѣщенія. Ученый комитетъ внесъ на разсмотрѣніе подробно разработанный проектъ подготовленія преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній, согласно которому учительскія каѳедры впредь не должны быть замѣняемы такъ легко и скоро, какъ дѣлается это въ настоящее время. По окончаніи университета (по историко-филологическому или математическому факультету) или историко-филологическаго института, кандидатъ на мѣсто учителя долженъ—1) сдать при университетѣ дополнительный экзаменъ по психологiи и дидактикѣ вообще; 2) въ теченіе двухъ лѣтъ потомъ, въ качествѣ сверхштатнаго преподавателя гимназіи и подъ руководствомъ лучшихъ преподавателей въ ней, обстоятельно ознакомиться съ педагогическимъ дѣломъ на практикѣ; 3) заручившись благопріятными отзывами директора гимназіи и своихъ руководителей, сдать въ особой испытательной комиссіи при округѣ экзаменъ по цѣлому ряду предметовъ (по педагогикѣ, логикѣ, методикѣ общей, училищевѣдѣнію, исторіи педагогики и методикѣ избраннаго предмета). Только съ успѣхомъ пройдя весь этотъ путь, кандидатъ, по проекту, имѣетъ право на дипломъ и мѣсто учителя средней школы. Въ виду всѣхъ

этихъ, предстоящихъ будущему учителю испытаній, предполагается внести въ курсъ предметовъ историко-филологическихъ факультетовъ и институтовъ педагогику и дидактику, и, кроме сего, признается весьма желательнымъ учрежденіе для каждаго учебнаго округа особыхъ учительскихъ институтовъ.

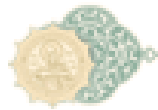
Принесетъ ли эта важная реформа, проектируемая Министерствомъ, на практикѣ тѣ благіе результаты, какихъ ожидаютъ отъ нея, это—вопросъ, рѣшеніе котораго не входитъ въ нашу задачу¹⁾. Напоминая сдѣланное и сказанное Ушинскимъ, мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить здѣсь лишь то, что и въ этомъ важномъ вопросѣ наше время еще только приближается къ осуществленію идей Ушинскаго, не принимая ихъ, впрочемъ, во всей ихъ широтѣ.

Не останавливаясь на другихъ педагогическихъ вопросахъ, затронутыхъ, но недостаточно раскрытыхъ въ сочи-

¹⁾ На этотъ вопросъ нѣкоторые уже посмѣли отвѣтить отрицательно, указывая на то, что главная причина педагогической несостоятельности нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній заключается не въ неподготовленности преподавателей, а въ плохомъ матеріальномъ положеніи ихъ. Все дѣло учителя, вслѣдствіе крайне скуднаго матеріальнаго вознагражденія его, сводится къ тому торопливому механическому „даванію уроковъ“, въ возможно большемъ количествѣ, при которомъ не можетъ быть и рѣчи ни о какой педагогикѣ. Поэтому дѣло вопиющей необходимости въ настоящее время—улучшить матеріальное положеніе учителя, а не создавать еще новыя требованія, которыя, затрудняя доступъ къ учительству, способны лишь уменьшать и безъ того незначительное число ищущихъ его.—Ничего не имѣя противъ улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей,—путемъ другой системы вознагражденія ихъ взаимнѣя увеличенной поурочной платы,—мы съ своей стороны не видимъ никакого основанія не желать и лучшей педагогической подготовки для нихъ. Самое щедрое вознагражденіе учительскаго труда еще не можетъ служить ручательствомъ желательной педагогической постановки нашихъ учебныхъ заведеній. Необходимо позаботиться о томъ, чтобы на учительскихъ мѣстахъ у насъ были люди не только съ хорошими познаніями по классической филологіи, математикѣ, исторіи и пр., но при этомъ и достаточно развитые въ педагогическомъ отношеніи,—знающіе законы развитія человѣческой природы въ многоразличныхъ индивидуальныхъ проявленіяхъ ея, понимающіе дѣтскую природу и умѣющіе обращаться съ нею. Но вужели это дается само собою, приобретається путемъ одной практикѣ въ годы учительства и не требуетъ своевременной спеціальной, теоретической и практической подготовки?

неніяхъ Ушинскаго ¹⁾, не можемъ не напомнить еще одну идею, завѣщанную имъ русскому воспитанію въ прекрасной статьѣ: „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“.

¹⁾ Такъ, напр., относительно *распределенія учебныхъ предметовъ по классамъ*, въ цѣляхъ наибольшаго воспитательнаго вліянія ихъ, Ушинскій высказываетъ такіа мысли: „иное дѣло наука въ своей системѣ, а иное педагогическое развитіе дѣтей и передача имъ необходимыхъ и полезныхъ для жизни свѣдѣній. При распределеніи предметовъ преподаванія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ должно имѣть въ виду не науки въ ихъ отдѣльности, а душу учащагося въ ея цѣлости и ея органическое, постепенное и всестороннее развитіе... Не науки должны схоластически укладываться въ головѣ ученика, а знанія и идеи, сообщаемыя какими бы то ни было науками, должны органически строиться въ одинъ свѣтлый и по возможности обширный взглядъ на міръ и его жизнь... Желалъ бы отъ души, чтобы въ основу распределенія предметовъ и въ программу нашихъ общеобразовательныхъ заведеній вошелъ психологическій законъ развитія души человѣческой, а не схоластическая система раздѣленія знаній“... Въ порывѣ увлеченія этимъ, безспорно вѣрнымъ, принципомъ, Ушинскій доводитъ его уже до крайности, высказывая неосуществимое, да и не педагогичное требованіе, чтобы даже „каждый классъ, начиная съ самаго младшаго, имѣлъ свое округленное міросозерцаніе, доступное возрасту учениковъ“... (тамъ же стр. 411—412.—Самое *преподаваніе*, чтобы достигать той же главной цѣли своей, должно быть, по мнѣнію Ушинскаго, *органическимъ* и, въ частности, удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: „а) все ученіе должно совершаться въ классѣ не только при учителѣ, но вмѣстѣ съ учителемъ, безъ всякихъ домашнихъ уроковъ и задачъ; б) безпрестанно должно повторяться старое съ прибавленіемъ новаго при каждомъ повтореніи, такъ чтобы новое непременно строилось на старомъ; в) какъ можно меньшій ежедневный урокъ; г) возможно меньшія годовыя задачи въ младшихъ классахъ и постепенное увеличиваніе ихъ въ старшихъ; д) при каждомъ годовомъ экзаменѣ слѣдуетъ спрашивать все пройденное въ прежнихъ классахъ“). Такое „органическое“ преподаваніе, какъ ни трудно этого достичь при обычной постановкѣ нашихъ школъ, должно быть введено, „потому что оно единственно разумное, основано на общихъ законахъ развитія души человѣческой и есть необходимое условіе хорошей, плодотворной школы“. Стр. 392.—Ушинскій, далѣе, глубоко понималъ значеніе *семейнаго начала* въ дѣлѣ воспитанія. „Первоначальное воспитаніе и ученіе дѣтей, по крайней мѣрѣ до 8-лѣтнаго и даже 10-лѣтнаго возраста, говоритъ онъ, болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и самая школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она вполнѣ проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу. Желалъ бы отъ всей души, чтобы на моей родинѣ... развивались первоначальныя воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. И желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого на-

Какое значеніе принадлежит труду въ жизни человѣка?

Исходя отъ человѣка на природу, трудъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обратно, на человѣка, и при томъ не однимъ удовлетвореніемъ потребностей послѣдняго, а своею особою, ему одному присущею, внутреннею силою. Въ этой своей внутренней психической основѣ, какъ особая животворная сила, трудъ является величайшимъ благомъ для человѣка. Въ немъ заключается не только необходимый законъ человѣческой природы и всей земной жизни человѣка, личной и общественной, но и необходимое условіе всякаго человѣческаго совершенствованія—физическаго, умственнаго и нравствен-

слаженія никому безъ крайней необходимости. Что женщины врождено стремленіе учить и развивать свое дитя и вмѣстѣ съ тѣмъ даны и необходимы для этого способности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“. „Въ женскомъ характерѣ есть удивительно размягчающій элементъ, сдѣлающій нечувствительно ту грубую кору, облекающую сердце, которая такъ упорно мѣшаетъ развитію мальчика, заброшеннаго въ дѣтствѣ“. „И если многія матери, не смотря на все свое желаніе не разставаться рано со своими дѣтьми и учить ихъ самимъ, тѣмъ не менѣе поручаютъ его дѣлу школѣ или чужимъ лицамъ, то это объясняется практической неподготовленностью матерей къ дѣлу первоначальнаго обученія“. См. „Руководство къ пренед. по Родному Слову“, Ч. 1, стр. 1—2. „Собр. пед. соч.“ стр. 186. Сравни стр. 302—303. Въ связи съ этимъ стоитъ широкій взглядъ Ушинскаго на *образованіе русской женщины*, который онъ настойчиво проводилъ на практикѣ въ Смольномъ институтѣ. — Пережившій въ собственной душѣ благотворныя вліянія прекрасной *физической природы*, Ушинскій признавалъ необходимыми въ возможно большей степени пользоваться этимъ факторомъ въ дѣлѣ воспитанія. „Природа, говоритъ онъ, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе безъ участія этого агента всегда будетъ отзываться сухостію, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ зеленой травы! Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая: развитіе его всегда будетъ отзываться душное атмосферою запертыхъ зданій“. Тамъ же стр. 375. — Не мало прекрасныхъ мыслей высказываетъ Ушинскій о значеніи, задачахъ и постановкѣ нашихъ *воскресныхъ школъ* (въ статьѣ „Воскресныя школы“), о дурныхъ и хорошихъ сторонахъ нашего *семейнаго* (въ частности—дворянскаго) *воспитанія* (въ статьѣ „О нравств. элементѣ въ русск. воспит.“ стр. 249—270), о значеніи *педагогической литературы*, какъ средства участія общества въ дѣлѣ воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленія слишкомъ монотонной, усыпляющей умъ и энергію, дѣятельности учителя (въ статьѣ „О пользѣ педагогической литературы“) и др.

наго, а вмѣстѣ съ этимъ—его человѣческаго достоинства и, наконецъ, его земного счастья. Всякій серьезный трудъ тяжелъ и представляется несноснымъ бременемъ, несчастіемъ для человѣка, стремящагося къ наслажденіямъ и въ нихъ ищущаго свое счастье. Но въ наслажденіяхъ, сколько бы ни было собрано ихъ въ одну жизнь, человѣкъ не найдетъ счастья. Истинное счастье человѣкъ утратилъ вмѣстѣ съ своимъ грѣхопаденіемъ и взамѣнъ его человѣку данъ трудъ, который и составляетъ съ тѣхъ поръ единственное, доступное человѣку на землѣ, счастье. „Карая, Господь сострадалъ своему созданію; посылая смерть, полагалъ сѣмена новой жизни. „Трудисы“ сказалъ Онъ человѣку, и въ этомъ словѣ выразилась вся неполнота падшей природы человѣка и все достоинство его земной жизни. Трудъ сдѣлался отличительнымъ признакомъ сына земли, знакомъ его паденія и указаніемъ пути къ совершенствованію, признакомъ безсилія и залогомъ силы,... клеймомъ рабства и печатью свободы; жизнь и самое счастье стали трудомъ; но за то въ трудѣ же нашелъ человѣкъ и жизнь, и единственно-достойное его счастье“.

Этотъ необходимый законъ земной жизни человѣка должно имѣть въ виду и воспитаніе и руководиться имъ въ своей дѣятельности. Не для счастья,—этого неуловимаго призрака, за которымъ обыкновенно съ такимъ упорствомъ гонятся люди,—а для труда, свободного, разумнаго, серьезнаго и честнаго труда всей жизни должно оно приготовить человѣка. Правда, потребность труда заложена въ каждомъ человѣкѣ самою природою; но она удивительно способна какъ разгораться въ яркое пламя, такъ и совсѣмъ гаснуть въ зависимости отъ обстоятельствъ и особенно подъ влияніемъ обстоятельствъ дѣтства и юности. Поэтому именно воспитаніе, какъ имѣющее дѣло съ этою порою жизни человѣка, должно взять на себя задачу—зажечь въ питомцѣ врожденную искру труда и потомъ *развить и укрѣпить любовь и привычку къ нему.*

Чтобы достичь этой цѣли, необходимо внушить питомцу серьезный взглядъ на жизнь, въ виду чего уже все обученіе его должно имѣть серьезный тонъ и характеръ. „Трудно представить себѣ что нибудь противнѣе цѣли истиннаго воспитанія, говорить Ушинскій, какъ тотъ легкій, шутовской отъѣпокъ, который придаютъ ученію и даже вообще воспитанію нѣкоторые педагоги, желающіе позолотить для дѣтей горькую пилюлю науки... Учить играя можно только самыхъ маленькихъ дѣтей до семилѣтняго возраста; далѣе наука должна принимать серьезный, ей свойственный тонъ“... Самый процессъ обученія должно вести такъ, чтобы оставалось возможно болѣе мѣста самостоятельности учащагося: не учить, а лишь помогать учиться. Благодаря этому, уже на школьной скамьѣ человѣкъ узнаетъ благотѣльную силу труда, преодолевая тяжесть его и испытывая высокія наслажденія, связанные съ этимъ. Весьма важно, въ тѣхъ же цѣляхъ, чтобы не только часы ученія, но *все время* воспитанника было наполнено интересующимъ его занятіемъ (включая сюда, конечно, и всѣ игры и забавы его). Нужно сдѣлать положительно невозможнымъ для него „то лакейское препровожденіе времени, когда человѣкъ остается безъ работы въ рукахъ, безъ мысли въ головѣ; потому что въ эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность“. Поэтому въ часы ученія всѣми доступными средствами преподаватель долженъ стараться поддерживать вниманіе учащихся; въ часы же, свободные отъ ученія, самый отдыхъ для учениковъ долженъ быть лишь перемѣною одного вида дѣятельности на другой, болѣе способный въ это время возбудить вниманіе и энергію ихъ.

Этой задачи своей—приготовить человѣка къ серьезному жизненному труду не долженъ обходить ни одинъ воспитатель, какъ бы ни было, повидимому, обеспечено матеріальное благосостояніе его воспитанника. Напротивъ, въ такихъ случаяхъ заботы его объ этомъ должны быть еще серьезнѣе, старанія еще настояннѣе. *Бѣднѣе трудъ самъ нахо-*

дѣть, принося съ собой и счастье, а чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему найти трудъ, который наполнилъ бы его жизнь. Но безъ этого ни богачъ, ни бѣднякъ не пройдутъ жизненнаго поля съ человѣческимъ достоинствомъ и счастьемъ...¹⁾.

Неутомимый труженикъ, всю жизнь свою съ необыкновенною энергіею и настойчивостію стремившійся къ осуществленію своихъ высокихъ идей, Ушинскій глубоко постигъ все значеніе труда въ жизни человѣка, и этихъ прекрасныхъ мыслей его не долженъ забывать ни одинъ воспитатель, желающій добра своимъ питомцамъ.

На этомъ свой бѣглый очеркъ и оканчиваемъ.

Мы желали лишь напомнить, въ общихъ чертахъ, жизнь и дѣятельность Ушинскаго и главнѣйшія изъ его педагогическихъ воззрѣній. Но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы опредѣлить значеніе Ушинскаго въ исторіи нашего воспитанія.

Человѣкъ идеи, идеалистъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ справедливо называютъ его, Ушинскій всѣ свои идеалы, можно сказать, сконцентрировалъ въ одной высокой идеѣ—воспитанія русскаго человѣка на его самобытныхъ, православно-русскихъ началахъ. Проведенію этой идеи своей въ общественное сознаніе путемъ педагогическихъ статей своихъ, возможно широкому осуществленію той же идеи въ воспитаніи русскаго народа путемъ для этой цѣли написанныхъ имъ учебныхъ руководствъ и пособій, наконецъ, осуществленію той же идеи и путемъ собственной практической педагогической дѣятельности посвятилъ Ушинскій всѣ лучшіе годы своей жизни, со времени вступленія на педаго-

¹⁾ Собр. пед. соч. стр. 150—176.

гическое поприще и до смерти. Если мы примемъ во вниманіе, что силы Ушинскаго были далеко не дюжиннаго характера,—что это былъ свѣтлый умъ, прекрасно развившійся подъ вліяніемъ разнообразныхъ, чрезвычайно благопріятныхъ обстоятельствъ и дѣтства, и юности, что въ груди этого человѣка билось искреннее, отзывчивое ко всему доброму и исполненное горячей любви ко всему родному сердце, что дѣятельностью этого человѣка заправляла крѣпкая, настойчивая воля, словомъ, если мы ясно представимъ себѣ всю богато одаренную личность Ушинскаго, то мы легко поймемъ, что 15-ти лѣтнее служеніе его нашему педагогическому дѣлу не могло пройти въ исторіи послѣдняго безслѣдно. Не такъ ли и случилось?

Что *сдѣлано* было лично Ушинскимъ на практикѣ за время инспекторства его въ Смольномъ, мы видѣли: отъ прежняго института осталось одно названіе. По всѣмъ направленіямъ учебно-воспитательнаго дѣла здѣсь прошла самая существенная, коренная реформа. Въ три года сдѣлано было здѣсь такъ много, что по сравненію съ нимъ измѣненія въ постановкѣ и программахъ нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, появившіяся въ теченіе тридцати пяти лѣтъ послѣ Ушинскаго, кажутся весьма незначительными.

Что *сказано* было Ушинскимъ въ его педагогическихъ сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ его педагогическихъ положеній, мы также знаемъ¹⁾. Въ своихъ талантливыхъ статьяхъ онъ выдвинулъ цѣлый рядъ вопросовъ самаго живого интереса не только для своего времени, но остающихся такими же и въ наши дни. И рѣшенія этихъ вопросовъ, предложенныя имъ, способы осуществленія ихъ на практикѣ заключаютъ въ себѣ много жизненной правды и отличаются при томъ такою широтою, что до сихъ поръ наша педагогія не воспользовалась ими вполне.

¹⁾ должно оговориться при этомъ, что въ нашу задачу не входилъ разборъ всѣхъ педагогическихъ произведеній Ушинскаго съ спеціальнымъ практическимъ назначеніемъ.

И теперь еще мы не имѣемъ своей собственной системы воспитанія, и наши молодыя поколѣнія по прежнему обучаются и воспитываются по системамъ, заимствованнымъ на западѣ. Въ частности, даже такое, повидимому, простое, разумное и не трудно осуществимое требованіе—преимущественнаго вниманія къ своему родному языку въ системѣ нашего общественаго воспитанія, первенства его здѣсь и возможно широкой учебной постановки—до сихъ поръ остается въ числѣ тѣхъ же *ria desideria*, которыя еще ждутъ своего осуществленія.

Уже поэтому, конечно, воспитательный элементъ въ нашихъ школахъ по прежнему слабъ. Но удалена ли и та причина этого печальнаго явленія, на которую указывалъ Ушинскій: наши «педагоги» могутъ ли похвалиться хорошею педагогическою подготовкою?

И вопросъ о народной школѣ только въ послѣднее время, повидимому, начинаетъ возбуждать въ русскомъ обществѣ тотъ живой интересъ, какой старался возбудить Ушинскій. Однако до необходимаго повсемѣстнаго распространенія народныхъ школъ и опредѣленія одного общаго типа для всѣхъ ихъ, кажется, не близко.

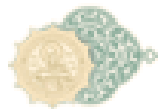
Ушинскій такъ убѣдительно доказывалъ пользу и необходимость возможно болѣе широкаго участія общества въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ нашего воспитанія: только такимъ путемъ, справедливо говорилъ онъ, и могутъ когда нибудь исполнѣ опредѣлиться національныя черты нашего воспитанія. Важное значеніе въ этомъ отношеніи онъ признавалъ, между прочимъ, за педагогическою литературой. И вотъ, какъ бы во исполненіе этихъ словъ Ушинскаго, мы имѣемъ теперь довольно обширную литературу педагогическаго содержанія. Цѣлая серія нашихъ періодическихъ изданій посвящаетъ свои силы разработкѣ всевозможныхъ педагогическихъ вопросовъ. Не мало выходитъ у насъ и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ по предметамъ воспитанія. И однако результатовъ, на которые рассчитывалъ Ушинскій, мы не видимъ: важнѣйшіе

изъ вопросовъ, поднятыхъ имъ, и теперь остаются открытыми. Гдѣ причина этого? Почему всѣ эти педагогическія статьи, длинныя и короткія, теоретическаго и практическаго характера, которыя наполняютъ теперь въ такомъ большомъ количествѣ наши педагогическіе журналы, большею частію проходятъ совершенно безслѣдно, не оказывая никакого вліянія на практику нашего воспитанія? Почему послѣ Ушинскаго, на протяженіи цѣлой четверти вѣка, мы не видимъ примѣра, чтобы чье нибудь слово или дѣло въ области воспитанія до такой степени привлекло къ себѣ общественное вниманіе, пробудило въ обществѣ такое живое участіе къ судьбамъ нашего воспитанія, какъ то удалось сдѣлать Ушинскому?

Безъ сомнѣнія, то было другое, въ своемъ родѣ исключительное, время, эпоха коренныхъ преобразованій во всѣхъ областяхъ русской жизни и необыкновенной чуткости, отзывчивости общества ко всему, что обѣщало разумную, полезную замѣну старыхъ отжившихъ началъ новыми. Но такъ же несомнѣнно и то, что какъ разъ въ отвѣтъ на запросы этого времени явился человѣкъ, въ которомъ высокія духовныя дарованія соединились съ замѣчательною, можно сказать, необыкновенною любовью къ дѣлу своего родного воспитанія, поглотившему всѣ силы его. Только такой человѣкъ и могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Ушинскій,—создать эпоху въ исторіи русскаго воспитанія. Ни до, ни послѣ педагогическая идея не имѣла у насъ поборника, по силамъ равнаго Ушинскому, и кто можетъ сказать, когда настанетъ опять (да и настанетъ ли?) время такого же педагогическаго возбужденія и пойдетъ для себя второго Ушинскаго.

Въ надеждѣ на то, что когда нибудь это сбудется, пока можно и должно пожелать, по крайней мѣрѣ, одного: для всѣхъ, кому дороги судьбы русскаго воспитанія, да будутъ незабвенными—и поучительная жизнь К. Д. Ушинскаго, и его широкія благотворныя педагогическія идеи.

Н. Маккавейскій

СВ. АМВРОСІИ МЕДІОЛАНСКИИ, КАКЪ ТОЛКОВАТЕЛЬ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

(Окончаніе)*).

ГЛАВА V-я.

Главнѣйшіе пункты толкованій св. Амвросія: ученіе его объ отношеніи Ветхаго и Новаго Завѣта; толкованіе мессіанскихъ псалмовъ, пророчествъ и прообразовъ.

Исходною точкою всѣхъ толкованій св. Амвросія служитъ его взглядъ на отношеніе Ветхаго и Новаго Завѣта. Толкованія пророчествъ, мессіанскихъ псалмовъ и прообразовъ являются у него раскрытіемъ и выясненіемъ этого взгляда. Въ виду такой исключительной важности въ системѣ толкованій св. Амвросія объ отношеніи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, мы изложимъ здѣсь взглядъ св. епископа на отношеніе Завѣтовъ и—далѣе тѣ пункты толкованія, которые съ этимъ основнымъ стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи,—въ частности скажемъ о его толкованіяхъ мессіанскихъ псалмовъ, пророчествъ и прообразовъ.

По вопросу объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому во время св. Амвросія существовало два крайнихъ мнѣнія. Одно изъ нихъ принадлежитъ крайнимъ представителямъ школы антиохійской, другое—такимъ же представителямъ школы александрійской. Первые рѣзко разрывали связь между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами и общность откровеній полагали не въ содержаніи, а преимущественно (если не исключительно) въ

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. сентябрь 1896 г.

единствѣ субъекта, въ первовиновникѣ. Они утверждали, что новозавѣтныя тайны, подобныя тройственности ипостасей при одной сущности, содержатся только въ новозавѣтномъ благовѣствованіи и не могли быть въ словѣ ветхозавѣтномъ. Такое воззрѣніе—неправое съ точки зрѣнія догматической—было не вполне безопасно и въ экзегетическомъ отношеніи. Руководясь имъ, толкователь лишалъ бы себя главнѣйшей опоры для правильнаго истолкованія,—ибо новозавѣтное есть полное и абсолютно-истинное раскрытіе ветхаго,—и неизбѣжно пришелъ бы къ узкости въ сужденіяхъ. Отверженіе пророчествъ было непосредственнымъ результатомъ такого ложнаго взгляда на отношеніе Заѣтовъ.

Другая крайность была у александрійцевъ, главнымъ образомъ у Оригена. При своемъ мистически-созерцательномъ направленіи, вытекавшемъ изъ глубокаго христіанскаго одушевленія, этотъ учитель находитъ у Моисея то же, что и у апостола Павла съ тою лишь разницей, что у перваго—образы, у втораго—разсужденія. Новый Заѣтъ, по Оригену, былъ только комментариемъ той картины, какая была нарисована ветхозавѣтными священными писателями.

Св. Амвросій въ своихъ толкованіяхъ старается избѣгать этихъ крайностей и до нѣкоторой степени достигаетъ этого, хотя нельзя не замѣтить, что онъ склоняется болѣе къ александрійцамъ. Его стремленіе при толкованіи Ветхаго Заѣта отыскивать и устанавливать смыслъ мессіанскій ясно говорить за это. Впрочемъ, онъ вполне правильно разсуждаетъ, когда Ветхій Заѣтъ въ его отношеніи къ ученію о спасеніи сравниваетъ съ глубокимъ и мутнымъ источникомъ, изъ котораго безъ помощи Новаго Заѣта съ трудомъ могутъ быть выяснены новозавѣтныя истины;—и когда говоритъ о Новомъ Заѣтѣ, что въ немъ въ изобиліи преподается источникъ воды живой ¹⁾).

¹⁾ Epist. 63, 78.

Ветхій Завѣтъ, по ученію св. Амвросія, имѣеть свою задачу—предвозвѣститъ Христа, предызобразить его страданія, указать на Его воскресеніе, пробудить и воспытать надежду на будущее блаженство; Новый Завѣтъ въ полнотѣ раскрываетъ все это: здѣсь ясно указывается и является Самъ Христосъ ¹⁾. Хотя и въ Евангеліи мы не имѣемъ еще истины полной,—она—на небѣ; но все же мы имѣемъ въ немъ образъ ея, тогда какъ законъ былъ только тѣнью ея ²⁾.

Но тѣнь не можетъ существовать сама по себѣ. Поэтому св. Амвросій вполне справедливо изъясняетъ, что Ветхій Завѣтъ, если опредѣлить его отъ Новаго и не взирая на конечную цѣль закона Христа ³⁾,—самъ по себѣ не имѣеть никакого достоинства. Онъ часто повторяетъ: „буква убиваетъ, духъ животворитъ“. „Законъ, по своему дѣйствию, не долженъ быть только чисто внѣшнимъ,—онъ, взирая на Христа, долженъ внутренно преобразовывать и облагораживать сердца. Поэтому псалмопѣвецъ говоритъ: „бездна бездну призываетъ во гласъ хлѣбій твоихъ“ (41, 8), т. е. Ветхій Завѣтъ вызываетъ къ Новому, чтобы онъ совершилъ освященіе и принесъ полную благодати“ ⁴⁾. Духовной стороны закона іудеи часто не видѣли. Они принимали обрѣзаніе, но не видѣли того, что оно должно быть прообразомъ будущаго“ ⁵⁾; „не видѣли того, что оно должно быть также знаменіемъ внутренняго очищенія“ ⁶⁾.

Этимъ намѣчается, по св. Амвросію, дальнѣйшая цѣль закона. Онъ долженъ былъ возбуждать сознаніе грѣховности, —указывать на грѣхъ и нравственную порчу и чрезъ то воз-

¹⁾ De bened. patr. 11, 51; Ps. 43 en. 57; Ps. 118 expro. 16, 39; Epist. 65, 8.

²⁾ Ps. 38 en. 25. Также учитъ и Оригенъ въ толкованіи того-же псалма.

³⁾ Ps. 118, expro. 13, 6.

⁴⁾ Ps. 35 en. 18.

⁵⁾ Ps. 43 en. 58.

⁶⁾ Ps. 118 expro. 13, 6.

грѣвать ревность о спасеніи и стремленіе къ нему, какъ началу избавленія ¹⁾. Онъ долженъ былъ быть, по апостолу, пѣстуномъ во Христа (Гал. 3, 24). Народъ іудейскій былъ жестоковѣрный, склонный къ невѣрію. Поэтому законъ, подобно педагогу, долженъ былъ указать прямой путь ко спасенію для непостояннаго и слабаго народа ²⁾.

Такимъ образомъ, цѣль закона, по ученію св. Амвросія, двойная,—съ одной стороны, предызобразить Христа и тайны Его царства, съ другой, руководить и воспитывать народъ іудейскій.

Подобно закону, псалмы, по ученію св. Амвросія, имѣютъ своею задачею предвозвѣстить Христа и тайны Его царствія. Поэтому цѣлый рядъ псалмовъ,—по крайней мѣрѣ отдѣльныя мѣста изъ нихъ,—св. епископъ толкуетъ въ смыслѣ мессіанскомъ. Сюда могутъ быть отнесены толкованія слѣдующихъ псалмовъ и мѣстъ изъ нихъ этого рода.

Пс. 2, 7: сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя ³⁾.

Псалмы 3-й, 21-й и 40, по Амвросію, предвозвѣщаютъ страданія Христа ⁴⁾.

Пс. 15, 10—„не оставиши души моея во адѣ“,—указываетъ, по нему, на воскресеніе ⁵⁾.

Пс. 30-й указываетъ на уничиженіе Христа, принятіе Имъ зрака раба ⁶⁾.

Пс. 35, 10, согласно съ 7, 27 книги Премудрости, учитъ, что Христосъ есть сіяніе вѣчнаго свѣта—Его Отца,—зеркало безъ порока, потому что Отецъ видимъ въ Сынѣ ⁷⁾.

Пс. 44, 2, говоритъ о происхожденіи Сына отъ Отца ⁸⁾.

¹⁾ Epist. 73.

²⁾ Epist. 74, 3.

³⁾ Luc. expos. III, 9.

⁴⁾ Apol. Dav. 3, 12; Ps. 118 expos. 15, 8; Ps. en. 19

⁵⁾ Interpell. Iob. I, 9, 30.

⁶⁾ De fide I, 7, 49.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ De bened. patr. 11, 51.

Пс. 44, 3—о Его превосходствѣ надъ людьми ¹⁾).

Пс. 68-й—о Его бѣдности, злословіяхъ и поношеніи, которыя Онъ претерпѣлъ насъ ради ²⁾).

Пс. 65-й—псаломъ воскресенія ³⁾),

Пс. 84-й ясно пророчествуетъ о пришествіи Христа ⁴⁾).

Пс. 87, 5—учить, что Христосъ при совершеніи дѣла спасенія не имѣлъ нужды ни въ чьей помощи ⁵⁾).

Въ пс. 88-мъ Христосъ предызображается какъ царь ⁶⁾).

Слова пс. 117-го предызображаютъ страданіе Христа ⁷⁾).

Пс. 118-й также часто говоритъ о Христвѣ ⁸⁾).

Пс. 131-й пророчествуетъ о рожденіи Христа изъ рода Давидова ⁹⁾).

„Короче сказать, пишетъ св. Амвросій, въ псалмахъ мы находимъ всю жизнь Христа. Въ нихъ онъ не только рожденъ, но и перенесъ спасительныя страданія, лежитъ во гробѣ, вознесенъ на небо, сидитъ одесную Отца“ ¹⁰⁾).

Всѣ эти псалмы и мѣста псалмовъ, приведенныя здѣсь и многія другія изреченія псалмовъ, которыя встрѣчаемъ въ произведеніяхъ св. Амвросія, въ дѣйствительности частію прямо мессіанскія, частію же по крайней мѣрѣ могутъ быть относимы ко Христу.

Писанія пророческія, по воззрѣнію св. Амвросія, во всей полнотѣ начертали образъ Христа-Мессіи. Это воззрѣніе проводится св. Амвросіемъ вездѣ, гдѣ касается пророческихъ писаній. Послѣднія, по нему, потому и носятъ такое наиме-

¹⁾ Ibid. 11, 55.

²⁾ Ps. 40 en. 6.

³⁾ Apolog. Dav. 3, 10.

⁴⁾ Ps. 118 expro. 6, 2, 3.

⁵⁾ Ps. 36 en. praef. 2.

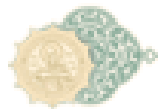
⁶⁾ Luc expro. III, 43.

⁷⁾ Ps. 118 expro. praef. 3.

⁸⁾ Ps. 118 expro. 1, 7; 3, 2; 10, 17.

⁹⁾ Luc. expro. III, 8, и 39.

¹⁰⁾ Ps. 1 en. 8.

нованіе, что предызображаютъ Христа: „пророкомъ не можетъ быть названъ тотъ, кто не пророчествовалъ о Сынѣ Божіемъ“¹⁾).

Кромѣ писаній пророческихъ, мессіанскія пророчества содержатся, по св. Амвросію, и въ другихъ книгахъ Священнаго Писанія. Пророчество Наана Давиду—„я возставлю сѣмя твое послѣ тебя, которое будетъ изъ сыновъ твоихъ, и утвержу царство твое. Онъ построятъ мнѣ домъ, и утвержу престолъ Его на вѣки“ (I Парал. 17, 11—13)—св. Амвросій относитъ ко Христу и приводитъ къ тому слѣдующія основанія. Царство Соломона имѣло конецъ; не имѣетъ конца только царство Христа. Соломонъ былъ рожденъ при жизни Давида; о сѣмени же говорится, что оно произойдетъ послѣ смерти Давида²⁾.

Въ словахъ книги Іова—„бездна говоритъ: не во мнѣ премудрость“—по св. Амвросію, разумѣется также Христосъ: „Его болѣе не заключаетъ бездна, ибо Онъ воскресъ“³⁾.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ, по Амвросію, Христосъ былъ не только предсказанъ, но и указанъ. Онъ участвуетъ прежде всего при твореніи; по Его образу былъ созданъ человѣкъ; Онъ ниспослалъ на Содомъ огонь и жупель. Христосъ есть тотъ, кто явился Аврааму и допустилъ его облобызать ноги; Онъ именно могъ сказать: „Авраамъ увидѣлъ день Мой и возрадовался (Іоан. 8, 56)⁴⁾. Христосъ же явился въ образѣ ангела среди юношей въ пещи огненной⁵⁾.

Священное Писаніе Ветхаго Завѣта, по толкованію св. Амвросія, содержитъ въ себѣ указаніе и на третье лице Святой Троицы—Святаго Духа. Онъ былъ соучастникомъ при твореніи:

¹⁾ Luc. expos. VII, 10.

²⁾ Luc. expos. III, 8 и 9.

³⁾ De interpell. Job. 1, 9, 29—30.

⁴⁾ De fide I, 3, 23—25.

⁵⁾ Ibid. I, 4, 33.

леталь надъ водою ¹⁾; Онъ былъ при созданіи человѣка: Іовъ называетъ Его своимъ Творцомъ, когда говоритъ: „Духъ Божій сотворилъ меня“ (33, 4) ²⁾. Онъ сопутствовалъ Сампсону въ лагерѣ (Суд. 13, 25) и оставался при немъ, пока онъ не дозволилъ остричь себѣ волосы; Онъ же возвратилъ ему силу; это есть Духъ Святый (Суд. 16, 17), Господь, какъ названъ Онъ ниже (ст. 20) ³⁾. Его псалмопѣвецъ называетъ благимъ, когда говоритъ: „Духъ твой благій наставитъ мя на путь правый“ (142, 4) ⁴⁾. Его называетъ Исаія „Духомъ премудрости“ (64, 4) ⁵⁾. Онъ называется „всеисполняющимъ“ (Премудр. 1, 7.) и „вездѣсущимъ“ (Пс. 138, 7) ⁶⁾. Духъ Святый обпояваетъ лице земли, безъ Него человѣкъ возвращается въ персть свою (Пс. 103, 29—30) ⁷⁾. Онъ не отдѣлимъ отъ Отца, такъ какъ Онъ Духъ устъ Его“ (Пс. 32, 6) ⁸⁾. Колесница, которую пророкъ Іезекіиль созерцалъ въ видѣніи при Ховарѣ (Іез. 1.) была движима духомъ жизни, Духомъ Святымъ ⁹⁾. Людямъ онъ былъ обѣщанъ чрезъ пророка Іоіила (2, 28) ¹⁰⁾.

Встрѣчаются, по Амвросію, въ Священномъ Писаніи Ветхаго Заветѣ указанія на третье лице и подъ другими наименованіями Его. У псалмопѣвца Онъ названъ свѣтомъ сіянія Господня (4, 7) ¹¹⁾. Въ изреченіи—„посли свѣтъ твой и истину твою“—(Пс. 42, 3) подъ „свѣтомъ“ можно разумѣть Святаго Духа и подъ „истиною“ Христа или же наоборотъ ¹²⁾. Духъ Святый

¹⁾ De Spiritu Sancto II, 5, 32.

²⁾ De Spiritu Sancto II, 5, 44.

³⁾ Ibid. prol. 2, 5 и II, 1, 17 sqq.

⁴⁾ Ibid. 5, 72.

⁵⁾ Ibid. II, 11, 122.

⁶⁾ Ibid. I, 7, 82 и 88.

⁷⁾ Ibid. II, 5, 33.

⁸⁾ Ibid. I. 11, 120.

⁹⁾ Ibid. I. 15, 171.

¹⁰⁾ Ibid. I, 7, 85.

¹¹⁾ Ibid. I, 14, 169.

¹²⁾ Ibid. Писано въ Киевской Духовной Академіи и Семинаріи,
<http://kdais.kiev.ua>

называется потокомъ веселья, который веселитъ градъ Господень (Пс. 45, 5) ¹⁾;—елеемъ радости, которымъ по преимуществу былъ помазанъ Христосъ. (Пс. 44, 8) ²⁾.

Очень многія изъ приведенныхъ мѣстъ, несомнѣнно, указываютъ на Святаго Духа, но не всѣ. Духъ Святой есть по-длинно свѣтъ и истина. Онъ можетъ быть сравненъ съ потокомъ веселья. Всѣ эти и имъ подобныя выраженія можно относить къ Духу Святому, но, добавимъ, не въ строгомъ смыслѣ. Строго же говоря, не всѣ указанные мѣста и не всегда можно понимать именно такъ, какъ понимаетъ ихъ св. Амвросій. Св. Амвросій въ этомъ отношеніи расширяетъ границы толкованія ветхозавѣтныхъ изреченій въ смыслѣ новозавѣтномъ. Онъ слѣдуетъ александрійцу—Дидиму

Дальнѣйшій пунктъ, который долженъ быть рассмотрѣнъ въ связи съ вопросомъ объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому,—есть пунктъ о *прообразахъ*. Прообразы, по существу своему, не что иное, какъ особый родъ мессіанскихъ пророчествъ. Отцы церкви, по примѣру Іисуса Христа и апостоловъ, съ особенною любовію и тщательностью занимались истолкованіемъ ветхозавѣтныхъ прообразовательныхъ лицъ и событій. Св. Амвросій не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Христа, церковь, спасительныя таинства онъ находитъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не только предсказанными, но и предызображенными нѣкоторыми событиями и чертами изъ жизни библейскихъ лицъ ³⁾ и закономъ ⁴⁾.

Уже Адамъ и Ева предызобразили собою образъ Христа и церкви, потому что бракъ, по слову св. апостола Павла, (Ефес. 5, 23) во Христа и во церковь есть тайна великая ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. I, 16, 177.

²⁾ Ibid. I, 9, 100 и 102.

³⁾ Typus itaque et figura nobis sunt gesta majorum Ps. 43, 58.

⁴⁾ Ps. 118 expro. 8, 16.

⁵⁾ Luc. expro. IV, 66.

Христосъ предызображенъ далѣ въ Мелхиседекѣ. Онъ есть истинный царь правды и мира, безъ матери по Божеству и безъ отца—по человѣчеству, Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца ¹⁾.

Богоугодная жертва Авеля указываетъ на жертву, которую добровольно принесъ за насъ Христосъ ²⁾. Исаакъ, рожденный сверхъ ожиданія Саррою въ преклонныхъ лѣтахъ, въ самомъ рожденіи есть образъ Христа и еще болѣе—прообразъ Христа (страждущаго) въ жертвоприношеніи его (Исаака) Авраамомъ. Какъ и Спаситель, онъ самъ несъ жертвенныя дрова, и какъ Прообразуемый имъ, былъ сопровождаемъ при этомъ отцомъ ³⁾.

Сама Сарра есть также прообразъ. Чрезъ рожденіе Исаака она предуказала Потомка—второго Адама, который возстановитъ жизнь и свободу, данныя Адаму—первому.

Мессія предызображенъ въ Іаковѣ,—собственно въ двухъ его женахъ. Лія—это законъ, синагога, которую превзошла Рахиль, т. е. благодать или церковь ⁴⁾. Рахиль—прообразъ церкви. Она скрыла изображенія божествъ, которыхъ не признаетъ и церковь. Вполнѣ сообразно поэтому поставленъ ей памятникъ въ видѣ столпа: церковь есть столпъ и утвержденіе истины ⁵⁾.

Подобно Іакову,—Іуда также—прообразъ Христа. Два сына его невѣстки Фамари суть образы двухъ Заветовъ, двухъ народовъ—іудейскаго и христіанскаго ⁶⁾. Зара прежде простеръ руку изъ утробы матери своей и однако Фаресъ былъ рожденъ прежде его,—это означаетъ, что благодать была ранѣе, чѣмъ законъ ⁷⁾. Зара и самъ по себѣ есть

¹⁾ Epist. 63, 43; ep. De myst. 8, 45 sq.; de fide III, 11, 88.

²⁾ Ps. 39 en. 12.

³⁾ Ibid.; De Cain et Ab. I, 2, 7; De Abr. I, 8, 71 и 72.

⁴⁾ Apolog. Dav. 3, 11; De Jacob et vita beata II, 5, 25.

⁵⁾ De Jacob et vita beata II, 7, 34.

⁶⁾ Apolog. Dav. 3, 11.

⁷⁾ Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

образъ Христа, Который по человечеству былъ рожденъ въ концѣ вѣковъ, будучи по Божеству въ истинѣ и силѣ отъ начала. Красная пряда на рукахъ Зары указываетъ на крестъ и пролитіе крови Христа ¹⁾).

Два сына Авраама—прообразъ двухъ народовъ—іудейскаго и христіанскаго ²⁾).

По преимуществу же прообразъ Христа представляетъ Іосифъ. Давидъ также многое предызображаетъ собою во Христѣ. Его побѣда надъ Голиафомъ предвозвѣщаетъ побѣду Христа надъ діаволомъ. Оба были въ презрѣніи и безъ помощи. Женщины, встрѣчавшія Давида съ пѣніемъ и ликованіемъ (1 Царств. 18, 6), суть души, воспѣвающія хвалебныя пѣсни Христу. Царь родилъ кровосмѣсника и братоубійцу Авесалома, какъ знаменіе того, что кровосмѣсническій и братоубійственный народъ будетъ осквернять вознесенное на крестъ тѣло своего Творца ³⁾).

Наконецъ, Моисей и пророкъ Іона также—прообразы Христа ⁴⁾).

Въ облачномъ столпѣ, который шелъ впереди Израиля и показывалъ ему путь, св. Амвросій видитъ образъ какъ Христа, такъ и Маріи. „Христосъ“—пишетъ онъ—„пришелъ на облакахъ: Его отѣняло облако тѣла. Легко было это тѣло, потому что не было отягощено грѣхами. Но тотъ облачный столпъ указываетъ и на то, что Христосъ вошелъ въ легкое облако, именно въ Марію, приснодѣву. Она была—легкое облако, потому что осталась приснодѣвою,—зачала и родила не во грѣхѣ, но по благодати Святаго Духа ⁵⁾).

Какъ образы церкви, кромѣ упомянутыхъ, указываются

¹⁾ Ibid. III, 24.

²⁾ Apolog. Dav. 3, 11.

³⁾ Ibid. 3, 12.

⁴⁾ De Cain et Ab. I, 2, 7; De fuga вавес. 4, 19.

⁵⁾ Ps. 118 екрос, 5, 3 sq.

еще Руоѣ, блудница Раавъ и Вирсавія; въ нихъ св. Амвросій видитъ предуказаніе на языческіе народы, уже участвующіе въ таинствахъ христіанскихъ ¹⁾). Соломонъ, создавши храмъ in specie, предызобразилъ въ немъ церковь in mysterio ²⁾). Наконецъ, Авель есть образъ церкви, Каинъ—синагоги ³⁾).

Какъ и лица, ветхозавѣтные событія и предметы, по св. Амвросію,—прообразы тайнъ Новаго Завѣта. Пасхальный агнецъ предуказываетъ Агнца Божія, страждущаго Спасителя ⁴⁾), нашу пищу духовную, а также и—отпущеніе грѣховъ ⁵⁾). Собираніе манны въ извѣстной мѣрѣ предызображаетъ отношеніе вѣрующихъ къ крови Христа Спасителя ⁶⁾). Манна была брэнною,—ее можно было ѣсть только до восхода солнца. Какъ скоро возсіяло Солнце правды, какъ скоро открылось во всей силѣ и блескѣ таинство тѣла и крови, тотъ брэнный хлѣбъ уступилъ мѣсто другому, и люди стали наслаждаться этимъ совершеннымъ ⁷⁾).

Вода, вышедшая изъ скалы,—образъ воды живой, которая удовлетворитъ окончательно жажду въ вѣчности ⁸⁾).

Ветхозавѣтныя жертвы предуказываютъ жертву Христа. Жертвенныя животныя предуказываютъ свойства этой жертвы: козелъ предуказываетъ въ ней то свойство, что она будетъ жертвою за грѣхи; овца,—что она будетъ жертвою добровольною; агнецъ,—что она будетъ жертвою агнца непорочнаго—Христа ⁹⁾).

Посохъ, повергнутый Моисеемъ на землю и превратив-

¹⁾ Luc. expos. III, 30; VIII, 40; Epist. 31, 7.

²⁾ Luc. expos. VII, 126.

³⁾ De Cain et Ab. I, 2, 5.

⁴⁾ Ibid. I, 8, 31.

⁵⁾ Luc. expos. V, 94; Epist. 26, 6.

⁶⁾ Epist. 7, 8.

⁷⁾ Epist. 64, 8.

⁸⁾ De myster. 8, 48.

⁹⁾ De Spiritu Sancto prol. 4.

шійся въ змїя, чувственно предызображаетъ воплощеніе Христа. Подобное означаютъ и руки Моисея. Поднятыя на грудь, онѣ были бѣлы, какъ снѣгъ; опущенныя—принимали прежній видъ. Въ первомъ случаѣ онѣ предызображаютъ Божество во Христѣ, во второмъ—воспріятіе Имъ человѣческой плоти ¹⁾. Мѣднй змій предызображалъ Христа, вознесеннаго на крестъ ²⁾.

Въ особенности много, по св. Амвросію, прообразовъ крещенія. Оно предызображается въ потопѣ ³⁾, въ обрѣзаніи ⁴⁾, въ переходѣ чрезъ Чермное море, въ источникъ Мерра (Исх. 15. 23 сл.) ⁵⁾. Типически предызображается крещеніе въ окропленіи, при помощи иссопа, кровію жертвеннаго животнаго ⁶⁾; въ семикратномъ погруженіи Неемана Сиріянина ⁷⁾;—во многихъ событіяхъ изъ жизни пророка Іліи, именно—въ раздѣленіи имъ Іордана ⁸⁾, отверстіи, по его молитвѣ неба ⁹⁾, въ пожраніи его жертвы огнемъ небеснымъ ¹⁰⁾.

Подобное же предызображается въ жертвѣ за грѣхъ. Какъ здѣсь, по книгѣ Левитъ (гл. 4), должно быть сожжено все жертвенное животное, такъ и въ крещеніи должно всецѣло совлещись человѣка внѣшняго и обновиться внутренно ¹¹⁾.

Въ произведеніяхъ св. Амвросія можно встрѣтить большее количество подобныхъ приведенныхъ нами прообразовъ; но и указанныхъ достаточно, чтобы видѣть какъ широко пользуется онъ ветхозавѣтною типологією и какое она имѣетъ

¹⁾ De offic. ministr. III, 15, 94.

²⁾ Ps. 118 expos. 6, 15.

³⁾ De mysteriis 3, 10.

⁴⁾ Luc. expos. II, 89.

⁵⁾ De myst. 3, 12.

⁶⁾ Ibidem 3, 14.

⁷⁾ Ibidem. 3, 16—18.

⁸⁾ Luc. expos. I, 37.

⁹⁾ De Elia et jejuniis 20, 83 sq.

¹⁰⁾ De off. ministr. III, 18, 107 sq.

¹¹⁾ Ibid. III, 18, 108.

для него значеніе. Она служить ему яснымъ доказательствомъ гармоническаго отношенія между Ветхимъ и Новымъ Заѣвѣтами. Прекрасный образъ этой гармоніи св. Амвросій видитъ въ картинѣ Преображенія. Христосъ является здѣсь въ срединѣ между Моисеемъ и Іліею, чтобы предвозвѣстить единство Ветхаго и Новаго Заѣвѣтовъ¹⁾. Единство же это выражается, по нему, въ томъ, что самъ по себѣ загадочный, полный прообразовъ Ветхій Заѣвѣтъ находитъ свое исполненіе и восполненіе въ Заѣвѣтѣ Новомъ²⁾.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подводя итогъ всему сказанному о св. Амвросіи, какъ толкователь Священнаго Писанія Ветхаго Заѣвѣта, мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Св. Амвросій, какъ справедливо замѣчаютъ Фѳрстеръ³⁾ и Келльнеръ⁴⁾, сравнительно съ своими предшественниками не указываетъ библейскому экзегезису новаго пути, основы и метода. Вышесказанное о зависимости его отъ другихъ толкователей Свящ. Писанія и нѣкоторыя сопоставленія его толкованій съ толкованіями Филона, Оригена и Василія Великаго ясно подтверждаютъ это. Св. Амвросій желалъ быть и дѣйствительно является передъ нами въ области толкованія Свящ. Писанія, какъ и въ области богословскаго вѣдѣнія вообще, человекомъ благочестивой традиціи. Онъ привнимаетъ до него приобрѣтенныя сокровища богословскаго вѣдѣнія и, на основаніи ихъ, сообразно съ вопросами и потребностями времени, истолковываетъ ту или другую истину, не обосновывая ея самостоятельно и оригинально. Онъ не былъ экзегетомъ, такъ сказать, по профессіи и въ

¹⁾ De fide I, 13, 82.

²⁾ Ps. 43 en. 55.

³⁾ S. 123.

⁴⁾ S. 163.

своихъ экзегетическихъ трудахъ не имѣлъ въ виду представить научныхъ истолкованій Библии. Задачею его, при написаніи экзегетическихъ сочиненій, было,—утвердить слушателей и читателей въ истинахъ вѣры и благочестія. Этимъ, между прочимъ, и объясняется то обстоятельство, что среди истолковательныхъ трудовъ св. Амвросія мы не встрѣчаемъ труда цѣльнаго, посвященнаго всестороннему изъясненію той или другой книги Священнаго Писанія или той или другой библейской исторіи. Св. отецъ избираетъ для истолкованія обыкновенно то, что болѣе подходитъ къ его задачѣ, и раскрываетъ подлежащую его разсмотрѣнію истину со стороны, соотвѣтствующей его цѣли. Онъ много, напр., занимается изъясненіемъ книги Бытія и все же не даетъ полнаго ея истолкованія. Онъ толкуетъ ее отрывочно, по частямъ,—иногда стихъ за стихомъ, иногда тематически; иногда въ смыслѣ буквальномъ, иногда же въ смыслѣ моральномъ и мистическомъ. То-же должно сказать и о другихъ экзегетическихъ трудахъ св. Амвросія. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ его толкованіе нѣкоторыхъ псалмовъ, особенно толкованіе пс. 118-го. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ послѣднемъ трудѣ болѣе мѣсто отводится толкованію въ смыслѣ моральномъ.

Говоря такимъ образомъ, мы далеки отъ мысли умалить достоинство экзегетическихъ трудовъ св. Амвросія и вмѣстѣ съ Рихтеромъ безусловно утверждать, что „ученость Амвросія не очень основательна и широка; его толкованія Библии—искусственны, сбивчивы и странны, безъ остроты діалектики и системы..., страдаютъ преувеличеніемъ и безвкусіемъ; его спекуляція при этомъ не возвышается надъ нижейскою, христіанскою системою“¹⁾. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что толкованія св. Амвросія иногда искусственны и сбивчивы, а иногда страдаютъ преувеличеніями, мы не можемъ, вопреки Рих-

¹⁾ Фёрстеръ S. 124.

теру, не отмѣтить обширной учености св. отца и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ основательности ея, насколько можно судить о ней по богатству матеріала, привлеченнаго св. епископомъ къ истолкованію Библии, какъ изъ области вѣдѣнія богословскаго, такъ и изъ наукъ свѣтскихъ. Св. Амвросій, какъ мы знаемъ, стоялъ на высотѣ современнаго ему образованія.

Толкованія св. Амвросія, дѣйствительно, страдаютъ искусственностію,—излишнимъ аллегоризмомъ. Но это обстоятельство находитъ себѣ оправданіе, какъ мы выше сказали, какъ въ характерѣ и міровоззрѣніи св. отца, такъ и въ условіяхъ его времени.

Въ своемъ богословствованіи, при толкованіи Свящ. Писанія, св. Амвросій не возвышается надъ „никейскою“ системою¹⁾. Но эта черта составляетъ истинное достоинство св. Амвросія, какъ ревностнаго пастыря церкви, —стража вселенской истины въ ея евангельской чистотѣ и неповрежденности. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что онъ первый изъ западныхъ отцевъ церкви для раскрытія библейскихъ истинъ обращается за матеріаломъ къ твореніямъ отцевъ церкви восточной; смѣло идетъ на встрѣчу богословскимъ направленіямъ; первый изъ латинскихъ церковныхъ учителей углубляется въ духъ греческихъ писателей и всѣ приобрѣтенныя здѣсь сокровища переносятъ на почву латинскую, и, такимъ образомъ, на себѣ выносятъ процессъ объединенія въ этомъ отношеніи востока съ западомъ. Св. Амвросій, по замѣчанію Фѳрстера, съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ начинателемъ западнаго богословія во второй стадіи его развитія¹⁾. Въ его толкованіяхъ нѣкоторые пункты богословскаго вѣдѣнія получаютъ „особенное удареніе“ и этимъ обуславливаютъ будущее развитіе церковнаго ученія на западѣ²⁾. Келльнеръ продолжаетъ и рѣзче (чтобы

¹⁾ Фѳрстеръ S 125.

²⁾ Ibid.

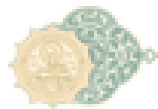
не сказать неправильно) выражает эту мысль. Какъ учитель и духовный отецъ бл. Августина, св. Амвросій, замѣчаетъ онъ, является родоначальникомъ того направленія, которое впоследствии развили Августинъ, а послѣ него Тома Аквинатъ¹⁾.

Недостатокъ діалектической остроты и системы въ толкованіяхъ св. Амвросія ставятъ его въ этомъ отношеніи ниже другихъ западныхъ отцевъ, напр., Августина. Этотъ пробѣлъ и вышеуказанные недостатки толкованій св. Амвросія восполняются несомнѣнными, отмѣченными нами въ своемъ мѣстѣ, достоинствами ихъ.

Въ заключеніе не можемъ не повторить отчасти сказаннаго нами выше. Если бы Господь продолжилъ жизнь св. Амвросія, онъ восполнилъ бы пробѣлы своихъ толкованій, несомнѣнно освободился бы отъ излишняго увлеченія аллегоризмомъ и примкнулъ бы къ здоровому толкованію умѣренныхъ антиохійцевъ, къ чему онъ уже приближался, благодаря Василию Великому. Но онъ скончался послѣ двадцатисемилѣтняго служенія церкви на 57 году жизни. Припомнимъ здѣсь труды св. Амвросія за указанный періодъ служенія церкви на благо общества и императорскаго двора! Приведемъ на память его неусганную борьбу съ врагами церкви,—аріанами, манихеями и другими еретиками! Примемъ во вниманіе и то, что экзегезисъ не былъ исключительною областью св. Амвросія, надъ которою онъ трудился въ сферѣ богословской литературы. Помимо трудовъ экзегетическихъ у него есть труды характера чисто догматическаго и моральнаго. Не въ правѣ ли мы послѣ всего этого смотрѣть на экзегетическіе труды св. Амвросія, какъ на труды достойные особеннаго вниманія, и самому св. Амвросію воздавать достойную его трудовъ хвалу и честь!

С. Лосевъ.

¹⁾ Кельнеръ. S. 186.

ПРОТОІЕРЕЙ А. А. САМБОРСКИЙ.
ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

По поводу столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II.

(1796 $\frac{6}{\text{ноябрд}}$ 1896 г.).

(Окончаніе) *).

IV.

Съ начала марта 1793 года и до конца октября 1797 года велись переговоры между шведскимъ и русскимъ дворами по поводу сватовства шведскаго короля Густава IV Адольфа съ великой княжной Александрой Павловной. Но, какъ извѣстно, эти столь продолжительные переговоры не привели къ желанной цѣли. Причиною такой неудачи главнымъ образомъ былъ вѣроисповѣдной вопросъ: русское правительство никакъ не могло согласиться на рѣшительное требованіе шведскаго короля, чтобы его будущая супруга приняла и лютеранское вѣроисповѣданіе ¹⁾. Черезъ два года послѣ того (19 окт. 1799 г.) 16-лѣтняя великая княжна Александра Павловна ²⁾ вступила въ бракъ съ эрцгерцогомъ австрійскимъ осифомъ, палатиномъ венгерскимъ (угорскимъ), безъ обяза-

*) См. Труды Киев. дух. Академіи, м. ноябрь 1896 г.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1887 г. кн. I, стр. 59—38.

²⁾ Она родилась 29 іюля 1783 года.

тельства перемѣнить свою православную вѣру. При этомъ императоръ Павелъ I назначилъ протоіерея Самборскаго состоять при великой княгинѣ домовымъ священникомъ и духовникомъ, пожаловавъ ему орденъ св. Анны перваго класса¹⁾.

Однако не на радость вышла замужъ Александра Павловна: въ замужествѣ этомъ она прожила всего 15 мѣсяцевъ²⁾, испытавъ такіа огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую болѣе крѣпкую натуру, нежели эту со-всѣмъ еще юную женщину. Ея русское происхожденіе и высокое положеніе въ свѣтѣ, съ одной стороны, ея благосклонность, доступность, кротость, ласковое обращеніе со всѣми и миловидность³⁾, съ другой—сразу обратили на нее общее вниманіе въ Венгріи, особенно православнаго ея населенія, и списали ей всеобщую любовь, которая и была, кажется, главнѣйшею причиною ея ранней кончины. Носилась молва.

¹⁾ „Сѣверная Почта“ 1815 г. № 82.—Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, первый изъ русскихъ государей, началъ давать ордена лицамъ духовнаго званія. Это нововведеніе многимъ тогда не понравилось. Люди, предавшие старинѣ, отнеслись съ неудовольствіемъ къ этому, въ сущности, невяному нововведенію. Такъ, при востшествіи на престолъ Павла Петровича, Платонъ, митрополитъ московскій, долженствовавшій выѣхать съ Гаврииломъ, митрополитомъ новгородскимъ, совершать священный обрядъ вѣнчанія на царство новаго государя, чуть было не разсорился съ прежнимъ своимъ августѣйшимъ ученикомъ за возлагаемый на него противъ его желанія орденъ св. Андрея Первозваннаго. Обиженный отказомъ его Государь, выслушавъ возраженія Платона, перебилъ его рѣчь при многихъ свидѣтеляхъ и, посявъ рукою поцѣлуй, сказалъ ему: прощайте, съ Вами не сговорись“. Другой разъ митрополитъ Платонъ при письмѣ возвратилъ Павлу присланный отъ него александровскій орденъ, сказавъ, что „при божественномъ на груди его знавѣ Господа Іисуса Христа другіе свѣтскіе знаки отличія не могутъ быть совмѣстны; но императоръ съ гнѣвомъ и угрозами принудилъ его принять орденъ (см. Записки Шишкова, т. I, стр. 85, 86.). Точно также митрополитъ Гавриилъ надѣлъ на себя андреевскій орденъ только послѣ того, какъ получалъ рѣшительное приказаніе Государя. Быть можетъ протоіерей Самборскій, удостоившійся пожалованія ордена св. Анны I степени, подвергнулся извѣстнымъ нареканіямъ и за пожалованію ему звѣзду.

²⁾ Она умерла, 16 марта 1801 года.

³⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1891 г, кн. II, стр. 304.

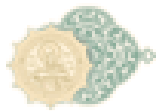
что чрезмѣрная преданность благородныхъ венгровъ эрцгерцогинѣ австрійской возбудила въ вѣнскомъ дворѣ опасеніе, чтобы, при участіи могущественной Россіи въ судьбѣ супруги венгерскаго палатина, Венгрія не отдѣлилась отъ Австріи и не сдѣлалась особымъ королевствомъ¹⁾, и что огорченія, претерпѣваемая эрцгерцогинею въ этомъ отношеніи, разстроили ея здоровье, а наконецъ и преждевременно свели ее въ могилу²⁾.

О. Самборскій, весьма подробно и трогательно описавшій пребываніе и особенно кончину великой княгини Александры Павловны въ Венгріи³⁾, оставался тамъ, въ г. Буда-Пештѣ или Офенѣ, мѣстопробываніи венгерскаго палатина, при великой княгинѣ до послѣдней минуты ея недолгой жизни. Самборскій окружалъ ее всевозможными доказательствами своей беззаветной преданности и напутствовалъ ее духовными утѣшеніями. Въ бытность свою въ Вѣнѣ великая княгиня Александра Павловна почувствовала себя беременною. Въ беременности обыкновенно бываетъ позывъ на разныя купанья. Палатинъ, отвлеченный отъ больной супруги дѣлами по приготовле-

¹⁾ Известно, что въ 1795 году открытъ былъ политическій заговоръ въ Венгріи. Вожди его — епископъ Іосиф-Игнатій Мартиновичъ, Сиграй, Гантоця, Ладковичъ и Сенмаріай, были казнены. Они замыслили совершенно отложиться отъ Австріи, образовать изъ Венгріи самостоятельное государство и возвести на престолъ тогдашняго палатина венгерскаго, эрцгерцога австрійскаго Александра-Леопольда. По открытіи заговора эрцгерцогъ оставилъ Венгрію въ началѣ іюля 1795 г. прѣбхалъ въ Вѣну, гдѣ вскоре и скончался. Мѣсто венгерскаго палатина занялъ въ 1795 году братъ умершаго Леопольда, эрцгерцогъ Іосифъ, женившійся на великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Стремленіе венгровъ къ отдѣленію отъ Австріи могло обнаружиться и во время пребыванія тамъ русской великой княгини, на которую возлагали всѣ свои лучшія надежды единоутробныя намъ славянскія племена, находившіяся въ Венгріи подъ австрійскимъ игомъ.

²⁾ См. сочиненія Державина, 2 академ. изд., II, стр. 362—374.

³⁾ См. „Памятники новой русской исторіи“, т. II, стр. 53—67, ср. газету „Дѣнь“ 1862 г.

нію венгерскаго войска въ виду нашествія французовъ, далъ приказаніе своему оберъ-гофмейстеру доставлять палатинѣ все самое лучшее и по вкусу. Оберъ-гофмейстеръ, вѣрный послѣдователь австрійской политики¹⁾, въ свою очередь далъ приказаніе комиссару, а комиссаръ, наблюдая собственную выгоду, подносилъ великой княгинѣ такіа кушанья, которыхъ она никакъ не могла употреблять. Въ такомъ положеніи Александра Павловна рѣшилась обратиться за содѣйствіемъ къ о. Самборскому; она пожелала въ одно время покушать свѣжей рыбы... Самборскій тотчасъ же самъ отправился на рынокъ, купилъ рыбы и, перемѣняя часто при переноскѣ ея свѣжую воду, представилъ предъ ея глаза животрепещущую рыбу; она была весьма довольна. Дочь его, Анна Андреевна, состряпала блюдо по ея вкусу, и великая княгиня поѣла въ сытость. „Такимъ образомъ“, — пишетъ Самборскій, — „я имѣлъ счастье исправлять должность вѣрнаго комиссара, а дочь моя преусердной поварихи“. Другой разъ протоіерей Самборскій постарался устранить всѣ препятствія, которыя хотѣли противопоставить желанію великой княгини Александры Павловны говѣть. Дѣло было такъ. За недѣлю до разрѣшенія отъ бремени, великая княгиня вознамѣрилась исповѣдываться и причаститься св. Таинъ, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться къ предстоящему испытанію. Вѣнскіе акушеры противодѣйствовали этому, указывая на то, что она, проходя въ церковь чрезъ нѣсколько комнатъ, легко можетъ простудиться и что такое священнодѣйствіе можетъ вызвать опасное для ея здоровья смущеніе духа. О. Самборскій на это

¹⁾ Во главѣ всемогущей тогда австрійской политической партіи, отличавшейся ненавистію къ Россіи, стояла императрица Тереза, супруга слабохарактернаго императора Франца II, дочь известной неаполитанской королевы Карлины. Гордая неаполитанка показала свое нерасположеніе къ русской великой княгинѣ уже тѣмъ, что почти ежедневно проѣзжая мимо ея квартиры (въ то время Александра Павловна была въ Вѣнѣ), ни разу не освѣдомилась о состояніи ея здоровья, хотя и слышала о трудной ея беременности.

возразилъ, что, не подвергая великую княгиню Александру Павловну опасности переменнаго воздуха, онъ осятитъ причастіе въ церкви, принесетъ его въ тронную залу, гдѣ, по совершеніи исповѣди и прочтеніи положенныхъ молитвъ, великая княгиня причастится безъ всякой опасности для своего здоровья. Александра Павловна исповѣдывалась и причастилась св. Тайнъ, послѣ чего, къ удивленію однихъ и къ утѣшенію другихъ, въ душѣ ея водворилось спокойствіе, ясно отразившееся и въ ея лицѣ. Наступило время разрѣшенія отъ бремени. Послѣ весьма продолжительныхъ и мучительныхъ родовъ великой княгини, младенецъ—дочь ея жила только нѣсколько часовъ, и когда доктора поручили о. Самборскому увѣдомить ее о смерти новорожденной принцессы, то сердобольная мать не была поражена этимъ печальнымъ извѣстіемъ, но съ спокойнымъ духомъ перекрестилась и твердымъ голосомъ сказала своему духовному отцу: „Благодареніе Богу, что моя дочь переселилась въ число ангеловъ, не вкусивъ тѣхъ горестей, которымъ мы здѣсь подвержены“!

Римско-католическое духовенство въ Венгріи всячески старалось прельстить русскую великую княгиню къ уніи съ папизмомъ, а когда Александра Павловна скончалась, то выпустило ложную молву, что будто-бы она, предъ своею смертію, признавъ заблужденіе своей церкви, перешла въ ихъ вѣроисповѣданіе. Всѣ эти старанія папистовъ клонились къ тому, чтобы принудить славянскія племена, жившія въ Австріи, отречься отъ православія и, по примѣру яко бы русской великой княгини, присоединиться къ римско-католической церкви. При такихъ обстоятельствахъ протоіерей Самборскій не могъ не вступить съ римско-католическимъ духовенствомъ въ упорную борьбу, изъ которой, къ счастью, онъ вышелъ побѣдителемъ.

Еще до прибытія изъ Россіи невѣсты венгерскаго палатина римско-католическая церковь уже было приготовила всѣ возможные способы къ принятію ея въ свои объятія.

Оберъ-гофмейстеръ палатинова двора устроилъ было для русской великой княгини церковь по католическому обряду и поручилъ ее вѣдѣнію одного греческаго епископа. Этотъ епископъ въ свое время игралъ недостойную роль шпиона въ Бѣлградѣ, откуда бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и получилъ въ управленіе офенскую (будимскую) греко-славянскую епархію. Какъ членовъ королевскаго совѣта, такъ и другихъ знатныхъ особъ, онъ старался увѣрить, что россійская церковь во многомъ отступила отъ греческой и потому нуждается въ радикальныхъ реформахъ. Подъ этимъ предлогомъ онъ всячески домогался самъ совершать въ русской придворной церкви богослуженіе, быть духовникомъ великой княгини и тѣмъ способствовать скорѣйшему присоединенію ея къ папизму¹⁾; къ тому же самому стремился и богатый князь Батіани, кардиналъ и венгерскій примасъ. Значительную часть своихъ доходовъ онъ употреблялъ на поднесеніе великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, кромѣ того купилъ близъ города роскошный садъ и подарилъ его палатину въ тѣхъ видахъ, чтобы почаще имѣть возможность вести наединѣ съ великою княгинею бесѣды о присоединеніи ея къ римской церкви. Въ томъ же родѣ дѣйствовали и многіе другіе. На такихъ своихъ докучливыхъ соблазнителей часто жаловалась о. Самборскому великая княгиня. Она повелѣла своему духовному отцу устроить во дворцѣ собственную художественно расписанную церковь, которая была подарена ей августѣйшими родителями. Когда протоіерей Самборскій устанавливалъ этотъ иконостасъ на мѣсто католической церкви, паписты не задумались пустить противъ него дерзкую клевету, что будто бы онъ, разодравъ ихъ иконостасъ, топталъ его ногами и съ

¹⁾ По искорѣ этотъ епископъ потерялъ прежнее всеобщее довѣріе, приобретенное коварствомъ и осужденъ былъ на изгнаніе изъ епархіи. Покровительствованній ему доселѣ оберъ-гофмейстеръ предложилъ быхо о. Самборскому принять епископскій санъ, съ содержаніемъ 62 тысячъ флориновъ, но Самборскій отказался.

презрѣніемъ выбросилъ за порогъ. „Для отвращенія таковыхъ страшныхъ поношеній“,—пишетъ о себѣ Самборскій,—„заключилъ я себя въ четырехъ стѣнахъ, почти годъ не имѣя ни съ кѣмъ обращенія, кромѣ моей церковной должности“.

Гораздо энергичнѣе боролся о. Самборскій противъ римско-католическаго духовенства по смерти великой княгини Александры Павловны. Для опроверженія наглої лжи, распущенной папистами, что русская великая княгиня, предъ своею кончиною, присоединилась къ ихъ церкви, протоіерей Самборскій не допустилъ заключить гробъ ея въ тѣсное капуцинское кладбище ¹⁾, а также рѣшительно воспротивился сильному желанію католическихъ епископовъ участвовать съ своею музыкою въ погребальной процессіи при перенесеніи августѣйшаго гроба изъ дворца во временно-устроенную имъ подвижную церковь ²⁾, гдѣ онъ въ теченіе шести недѣль служилъ ежедневно заупокойную литургію. Перенесеніе тѣла покойной великой княгини Александры Павловны совершилось при многочисленномъ стеченіи народа, безутѣшно оплакивавшаго преждевременную кончину юной, обожаемой своей покровительницы. Народная скорбь выражалась такъ громко, что когда гробъ, все время предшествуемый о. Самборскимъ со св. Евангеліемъ и кадиломъ, былъ наконецъ поставленъ въ церкви, невозможно было начать богослуженія, пока не утихли рыданія и вопли.

Такое-же противодѣйствіе оказалъ протоіерей Самборскій папскимъ приспѣшникамъ и при послѣдующемъ перенесеніи августѣйшаго гроба и совершеніи отпѣванія въ часовнѣ капуцинскаго кладбища, гдѣ запечатанный гробъ оставался до окончательнаго перенесенія его во вновь сооруженную

¹⁾ Это былъ небольшой темный погребъ подъ капуцинскою церковію, имѣвшій входъ съ площади, на которой торговки продавали лукъ, чеснокъ и всякую зелень, и что оставалось отъ продажи, то онѣ въ этомъ погребѣ хранили, отъ чего тамъ былъ нестерпимый воздухъ.

²⁾ Въ четырехъ верстахъ отъ города, въ саду, подаренномъ покойной палатникѣ послѣ родовъ ея супругомъ.

православную церковь. Оберъ-гофмейстеръ официально написалъ Самборскому: „Народъ ропщетъ, что доселѣ августѣйшая персона не погребена: чтобы сію печальную церемонію окончить *въ наивеличайшемъ инкогнито, разумѣется, ночью и безъ всякихъ почестей*“. На это о. Самборскій отвѣчалъ, что онъ „готовъ во всякое время запечатлѣть Ея Высочества гробъ послѣдними погребальными молитвами и земною перстію, по обряду православной церкви, въ которой Ея Высочество и крещена св. крещеніемъ; *наивеличайшее же инкогнито не принадлежитъ сему августѣйшему лицу*, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что Ея Высочество дочь Всероссійскаго Императора (нынѣ покойнаго) и сестра Всероссійскаго же Императора, нынѣ царствующаго“. Опасаясь гнѣва русскаго двора, оберъ-гофмейстеръ отмѣнилъ инкогнито и согласился, чтобы гробъ былъ препровожденъ въ капуцинское кладбище днемъ и съ подобающею честію. Протоіерей Самборскій, сопровождавшій августѣйшій гробъ, при входѣ въ упомянутое кладбище, окропиль его святою водою. Это поставлено было ему въ большое преступленіе римско-католическимъ духовенствомъ, собравшимся тамъ съ гѣмъ, чтобы встрѣтить и принять гробъ по своему обряду. Видя ихъ намѣреніе, Самборскій оставался у гроба, читая тихимъ голосомъ нѣкоторыя молитвы до тѣхъ поръ, пока паписты со злостію не разошлись. Несмотря на всѣ препятствія, чинимыя капуцинами, о. Самборскій и здѣсь совершалъ, по обряду нашей церкви, ланихиды по усопшей великой княгинѣ, во свидѣтельство всѣмъ, что она и по смерти своей, какъ и при жизни, пребыла въ лоно гречко-россійской церкви.

Для предотвращенія непріятностей, могущихъ послѣдовать отъ императора Павла, оберъ-гофмейстеръ на другой же день смерти русской великой княгини представилъ палатину проектъ, чтобы построить въ недавно купленной деревнѣ, Иромѣ, въ 10 верстахъ отъ Офена, православную церковь, въ которую бы перенести гробъ изъ города. Въ то же время онъ

поручилъ Самборскому осмотрѣть эту мѣстность. О. Самборскій нашелъ, что деревня Иромъ, какъ удаленная отъ столицы, не можетъ соответствовать достоинству русской великой княгини и что гораздо лучше было бы построить церковь надъ гробомъ въ собственномъ Ея Высочества саду. Тѣмъ не менѣе православная церковь была построена не близъ города, но въ захолустной деревнѣ и не такъ, какъ было представлено въ проектѣ къ русскому двору, но въ видѣ надгробной пирамиды, и столь стѣсненной внутри, что ни иконостасъ, пожалованный русскимъ императоромъ, не могъ вмѣститься¹⁾, ни священникъ въ алтарѣ не могъ ходить свободно вокругъ престола. Сдѣлано это было для того, чтобы, по перенесеніи гроба изъ капуцинскаго кладбища, запереть церковь и прекратить богослуженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ положить конецъ той преданности, какую народъ, приходившій въ церковь помолиться, выражалъ покойной палатницѣ²⁾. Но твердость и ревность Самборскаго къ поддержанію достоинства православной

¹⁾ Поэтому изъ иконостаса были исключены шесть намѣстныхъ иконъ, которыя съ трудомъ помѣстились въ тѣсномъ алтарѣ.

²⁾ Это обстоятельство, равно какъ и вообще вѣсть о скоростижной смерти великой княгини Александры Павловны, такъ мало жившей на свѣтѣ и такъ много пострадавшей, произвели въ Россіи въ свое время самое тяжелое впечатлѣніе. Общее негодованіе къ австрійской политикѣ, возбужденное въ русскомъ обществѣ извѣстнымъ обращеніемъ вѣнскаго двора съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи, ожило тогда въ Россіи съ новою силою. Стихотвореніе Державина „Эродій надъ гробомъ праведницы“ довольно наглядно воспроизводитъ это негодованіе русскаго общества. Вотъ нѣсколько наиболее характеристическихъ стиховъ:

Прочь, фурия зависни, отъ гроба
Блаженной и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда вугрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!
Теките жъ къ праведницы гробу,
О, влахъ и сербъ, близнецъ славянъ
И, презри сокровенну злобу,
Ея лобзайте встугая,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ

церкви и августѣйшаго гроба превозмогли всѣ препятствія: онъ убѣдилъ венгерскаго палатина присутствовать при освященіи новоустроеннаго храма, чему сильно противодѣйствовали паписты. Это присутствіе палатина необходимо было потому, что чрезъ это онъ далъ нашей православной церкви право свободнаго богослуженія, которое было запрещено предписаніемъ оберъ-гофмейстера. Впрочемъ, самое перенесеніе гроба великой княгини въ русскую церковь совершенно было не такъ, какъ бы слѣдовало, со всѣми почестями, принадлежащими достоинству Ея Императорскаго Высочества, но гробъ перевезенъ былъ на разсвѣтъ, самимъ оберъ-гофмейстеромъ, въ сопровожденіи только немногихъ придворныхъ служителей и небольшого коннаго отряда солдатъ. Для постояннаго совершенія богослуженія въ Иромской церкви, сооруженной надъ августѣйшимъ гробомъ, въ помощь протоіерею Самборскому, жаловавшемуся уже въ то время на свою старческую слабость, по его представленію, назначенъ былъ русскимъ правительствомъ, состоявшій при Туринской миссіи и жившій то-

Синѣ раиѣ и намъ снѣгѣмъ залогомъ,
 Что нѣкогда предъ нами вашъ мечъ
 Въ защиту вѣры облажится..
 Какъ урны глиняны, скудальны,
 На круговратной зиждѣхъ дскѣ,
 И зданья, буйно вознесенны
 На рыхлосыпчатомъ пескѣ,—
 Такъ точно всѣ чрезъ коварство
 Распространившіеся царства
 И козвѣи славныя страны
 Въ короткое время разрушатся,
 Страсти свои сокрушатся,
 И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тьмы...
 Врожденно русскимъ есть геройство,
 И ваше намъ подобно свойство;
 Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!
 Не раздѣляетъ гдѣхъ пространство,
 Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ.

да въ Триестѣ, священникъ Николай Васильевичъ Музовскій¹⁾. Онъ же остался и преемникомъ о. Самборскаго.

Палисты распространяли молву о присоединеніи великой княгини Александры Павловны къ римской церкви, не только въ Австріи, но и въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, во время пребыванія Самборскаго въ Яссахъ, митрополитъ молдавскій, со слезами на глазахъ, просилъ его сказать ему всю правду касательно этой молвы. О. Самборскій постарался убѣдить опечаленнаго митрополита—старца, что это наглая ложь. Для вѣщаго же удостовѣренія въ томъ, что русская великая княгиня скончалась въ лонѣ православной церкви и погребена по ея святому обряду, протоіерей Самборскій заказалъ картину, на которой художественно изображены: усопшая великая княгиня во гробу, окруженномъ свѣтильниками, о. Самборскій въ полномъ облаченіи, совершающій на литургіи большой выходъ со св. дарами, пѣвчіе и нѣсколько присутствовавшихъ лицъ. Внизу картины изображенъ православный Иромскій храмъ, окруженный кипарисами, оливами, лаврами и миртами²⁾, съ надписью: „Его Королевское Высочество Венгерскій палатинъ Іосифъ своимъ самоличнымъ присутвіемъ въ ономъ отперзъ входъ всѣмъ безызъятно и далъ право свободнаго богослуженія“. Картина эта была гравирована въ Вѣнѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпля-

¹⁾ Архивъ канц. петерб. митрополита 1803 г., № 299.—В. Б. Бруневскій, черезъ десять лѣтъ по смерти великой княгини Александры Павловны посѣтившій бывший дворецъ венгерскаго палатина и описавшій это въ своей книгѣ: „Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 году“, (Москва, 1828 г.), о свящ. Н. Музовскомъ говоритъ слѣдующее: „Отецъ Николай заслужилъ здѣсь великое уваженіе. Крестьяне протестантскаго исповѣданія приходятъ къ нему изъ дальнихъ деревень, онъ читаетъ имъ Евангеліе на нѣмецкомъ языкѣ; по праздникамъ же посѣщаютъ церковь его добрые сербы изъ соседнихъ деревень“. Впоследствии о. Музовскій былъ оберъ-священникомъ, духовникомъ императора Николая Павловича, законоучителемъ императрицы Александры Феодоровны (до замужества) и великой княгини Елены Павловны, и членомъ св. Синода, умеръ въ 1848 году; ему преемствовалъ протоіерей Василій Борисовичъ Бажановъ.

²⁾ Всѣ эти деревья вокругъ церкви были насаждены Самборскимъ.

ровъ, которые Самборскій раздавалъ всѣмъ, начиная съ вѣнскаго двора и венгерскаго палатина до бѣднѣйшихъ жителей-славянъ. Раздавалъ онъ эти картины и въ Россіи; между прочимъ, въ покояхъ московскаго митрополита Платона хранится одна изъ этихъ картинъ, съ надписью, свидѣтельствующею о глубокомъ уваженіи митрополита къ протоіерею Самборскому ¹⁾).

Такова была дѣятельность протоіерея Самборскаго въ Венгріи по охраненію достоинства августѣйшаго гроба и православной церкви. За такую дѣятельность о. Самборскій, предъ отъѣздомъ своимъ въ Россію, удостоился получить отъ Его Королевскаго Высочества венгерскаго палатина и главнаго его министра Кобенцеля весьма лестныя письма, свидѣтельствующія о высокомъ уваженіи къ нему со стороны лучшихъ людей Венгріи. „Многоуважаемый мой отецъ“! писалъ къ нему палатинъ, — „я съ удовольствіемъ получилъ Ваше письмо изъ Ирома отъ сего ¹¹/₂₃ мая (1804 г.), въ которомъ Вы просите меня дать Вамъ свидѣтельство въ томъ, какъ Вы проходили обязанности своего священнаго служенія. Я исполняю Ваше справедливое желаніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что не только моя покойная незабвенной памяти ²⁾

¹⁾ Въ оригиналъ эта картина находится въ часовнѣ, бывшей доковой церкви протоіерея Самборскаго, въ с. Стратилатовѣ.

²⁾ Венгерскій палатинъ горячо любилъ покойную свою супругу; въ моментъ ея кончины онъ упалъ безъ чувствъ возлѣ смертнаго одра, такъ-что его вынесли какъ мертваго, а когда пришелъ въ себя, то, для облегченія гложущей сердце скорби, отправился на богомолье по монастырямъ. Дворецъ свой въ Офенѣ, по смерти Александры Павловны, палатинъ навсегда оставилъ. Броневскій, посѣтившій этотъ дворецъ послѣ смерти палатинны, пишетъ: „Во дворцѣ мебель, всѣ вещи сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при жизни Александры Павловны. Такъ, на открытомъ фортепіано лежала тетрадь русскихъ арій, эрцъ-герцогъ зажималъ своею рукою пѣсню: „Ахъ, скучно, мнѣ на чужой сторонѣ“, которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ жизни“ (см. „Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 году“.

свѣтлѣйшая супруга всегда была въ высшей степени довольна той особенной ревностію, съ которою Вы предались исполненію всѣхъ своихъ обязанностей и Вашимъ образцовымъ совершеніемъ божественнаго служенія, но также и вслѣдствіе того, что послѣ плачевной смерти блаженной памяти супруги моей Вы съ тѣмъ же самымъ благорасположеніемъ и благочестіемъ отправляли священнослуженіе въ церкви, тако что мое сердце испытало отъ этого полное удовлетвореніе. Итакъ, давая Вамъ это вполне заслуженное Вашимъ похвальнымъ поведеніемъ при исполненіи своихъ обязанностей свидѣтельство, желаю Вамъ отъ всей души всегдашняго благополучія и съ благорасположеніемъ къ Вамъ, мой многоуважаемый отецъ, пребываю благосклонный Іосифъ палатинъ¹⁾. А вотъ письмо венгерскаго министра: „Милостивый Государь Въ тотъ моментъ, когда повелѣнія Его Величества, Императора Всероссійскаго, вынуждаютъ Васъ оставить обязанности которыя Вы исполняли въ Будѣ, я уполномоченъ отъ имени моего господина (венгерскаго палатина) засвидѣтельствовать Вамъ его полное довольство Вашимъ поведеніемъ здѣсь, а также сожалѣніе по случаю Вашего отъѣзда. Исполняя волю Его Королевскаго Высочества, я въ то же время пользуюсь этимъ случаемъ для того, чтобы снова увѣрить Васъ въ полномъ моемъ уваженіи, въ которомъ я имѣю честь оставаться, Милостивый Государь, Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Людовикъ К. Кобенцель“¹⁾. Помимо этого благосклонность венгерскаго палатина Іосифа къ духовному отцу покойной своей супруги выразилась еще въ томъ, что онъ назначилъ ему отъ себя пенсію въ 2,000 рублей.

Вспоминая о своей дѣятельности въ Венгріи по охраненію достоинства православной церкви и августѣйшаго гроба отъ нападеній на нихъ со стороны австрійскихъ политиковъ

¹⁾ Оба эти письма приведены нами съ французскаго языка.

и папистовъ, протоіерей Самборскій въ письмѣ своемъ (отъ 29 декабря 1804 г.) къ императору Александру Павловичу говоритъ слѣдующее: „Еще при жизни Ея Императорскаго Высочества, Богомъ и народомъ возлюбленный безсмертный Александръ Павловичъ, Вашего Величества вселюбезнѣйше сестры, чувствовалъ я всю тягость *немилосерднаго суетнѣ и коварной политики*. По смерти Ея, вѣще и вѣще многіе покушенія были изобрѣтаемы ко уничтоженію нашей *Православной Грекороссійской церкви и Августѣйшаго гроба*. Но съ Божіею помощію и всесильнымъ Вашего Императорскаго Величества вліяніемъ *сохранилъ достоинство обоихъ*. Сіе долженъ былъ исполнить, какъ для священной и вѣрной Вашему престолу моей присяги и душевнаго моего къ Вамъ расположенія, такъ и для утѣшенія единовѣрныхъ, составляющихъ нѣсколько милліоновъ, которые, прибѣгая къ Августѣйшему гробу, омывають оный и до днесь слезами и въ горести вопіютъ: се Наша царица! се Наша мати! се Нашъ твердая надежда, которую сія обитающая на небеси святая душа оставила, аки священное наслѣдіе ко избавленію нашему, Благочестивѣйшему Александру, своему единоутробному брату! Прочіе сихъ единовѣрцевъ глаголы и мои подвиги прекращаю тѣмъ, что все продолженіе моего священнаго служенія увѣнчано сверхъ моего начертаннымъ достохвальнымъ и соотвѣтствующимъ моей ревности свидѣтельствомъ Его Королевскаго Высочества Венгерскаго палатина Іосифа (приведеннымъ нами выше), препровожденнымъ мною изъ Вѣны къ Вашему Величеству (вмѣстѣ съ письмомъ къ императору отъ 14 іюня 1804 г.), а потомъ утвержденнымъ Его Величествомъ Королемъ Венгерскимъ, купно съ даромъ брильянтоваго перстня, котораго утвержденія копію прилагаю при семъ съ подобающимъ благоговѣніемъ“.

Въ подобныхъ же выраженіяхъ протоіерей Самборскій характеризуетъ эту свою дѣятельность въ Венгріи и въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (отъ 26 октября 1805 г.

„Не дерзнулъ бы я отнимать“,—пишетъ онъ императрицѣ,— „драгоцѣнныхъ Вамъ минутъ, для прочтенія сего моего всеподданническаго начертанія, которое, натурально, можетъ нарушить спокойствіе Вашего духа воспоминаніемъ прошедшихъ печалей, но обстоятельства принуждаютъ, какъ для точнаго оныхъ Вашему Величеству представленія, о чемъ и въ прежнихъ Вашихъ Всемиловитѣйшихъ писаніяхъ было мнѣ предписано, такъ и для сохраненія того Вашего матерняго благоволенія, которое я почитаю превыше моей жизни. Благоугодно было Вашему Императорскому Величеству препоручить въ мое духовное попеченіе Вашу Вселюбезнѣйшую Дщерь, Безсмертную Александру Павловну, и нашу Православную Грекороссійскую церковь. Съ Божіею помощію и Вашимъ всесильнымъ вліяніемъ, *сохранилъ я достоинство какъ Августѣйшаго гроба, такъ и святой церкви.* И какъ сіи два великоважные предметы остались для всѣхъ будущихъ временъ священнымъ залогомъ между Венгріею и Россіею, а при томъ, сверхъ чаянія, содѣлались защитою и духовнымъ утѣшеніемъ нѣсколькихъ милліоновъ единовѣрныхъ намъ сербовъ, то я во всякихъ опасностяхъ готовъ былъ жертвовать моею жизнью ко утвержденію оного достоинства. Да въ надлежащей мѣрѣ сохранится оное достоинство, молитъ Васъ, сердобольнѣйшая мати, безмолвный Августѣйшій гробъ! Тѣмъ паче, что онъ обладаемъ не только единовѣрными сербами, но и сообществами евангельской и реформатской церквей, даже и папистами любящими свое отечество. Они всѣ вѣрили, что Божій промыслъ послалъ имъ Венгерскую палатину для избавленія отъ австрійскаго угнетенія. По такому ихъ сердечному расположенію, навѣрно можно считать ихъ приверженными искренно къ Россійскому престолу. О моемъ священнослуженіи я уже имѣлъ счастье представить Вамъ прежде пожалованныя мнѣ одобренія отъ Его Величества Венгерскаго короля и отъ Его Королевскаго Высочества Венгерскаго палатина Іосифа. Сими двумъ священнѣйшимъ лицамъ долженъ

я отдать справедливость, что они не имѣли участія ни въ оскорбленіяхъ, причиненныхъ Ея Императорскому Высочеству Великой княгинѣ Всероссійской при жизни, ни по смерти Ея въ покушеніяхъ, уничтожительныхъ Августѣйшему гробу и нашей православной церкви. Все же и всякое зло содѣяло суетвѣріе, противящееся Богу и Божіимъ Помазанникамъ и коварная политика, разрушающая народное спокойствіе“.

Стремленіе Венгріи, особенно же славянскаго ея населенія, къ отложенію отъ Австріи и къ сближенію съ Россіей, обнаруженное при жизни венгерской палатины Александры Павловны, долго продолжало жить въ умахъ венгровъ и по смерти ея ¹⁾. Живя въ Венгріи, въ Офенѣ, резиденціи палатина, о. Самборскій не могъ такъ или иначе не вступать въ сношенія съ православными сербами, которыхъ очень много было въ предѣлахъ Венгріи, и которые входили въ составъ Офенской православной епархіи, состоявшей въ зависимости отъ митрополита, нынѣ патріарха Карловицкаго. Въ 1804 году протоіерей Самборскій вручилъ въ Вѣнѣ русскому послу записку митрополита сербскаго народа въ Венгріи, Стефана Стратимировича, составленную этимъ послѣднимъ для поднесенія Русскому императору Александру I, о возстановленіи новаго славяносербскаго государства²⁾. Эту записку, написан-

¹⁾ „Исторія Россіи“ Соловьева, т. XV, стр. 210 и др.

²⁾ Записка эта сохранилась въ бумагахъ Самборскаго и въ полномъ видѣ напечатана въ „Чтеніяхъ об. ист. и древн. російскихъ“, смѣсь, стр. 241—256. Настоящее ея заглавіе такое: „Записка Стефана Стратимировича, православнаго сербскаго и валахійскаго митрополита, въ угорскомъ королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство русскаго протоіерея А. А. Самборскаго Государю Императору Александру Павловичу, въ 1804 году, объ освобожденіи сербскаго народа вообще“. Современное сокращенное извлеченіе изъ этой записки, сдѣланное по-русски, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ чиновниковъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщено на страницахъ „Русскаго Архива“ 1868 г., вып. I, 114—120. Русское сокращеніе записки доставлено было въ редакцію этого журнала правнукомъ Самборскаго А. И. Малиновскимъ. Общее содержаніе записки митрополита Стратимировича можно представить въ такомъ

ную на такъ пазыв. славяносербскомъ языкѣ съ приложенными при ней письмами (отъ 14 іюня 1804 г.) Самборскаго къ князю Адаму Чарторижскому, управлявшему въ то время Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и къ императору Але-

видѣ: Каждый Европейскій государь имѣетъ себѣ среди другихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ ему государей вѣрнаго союзника, который бываетъ ему полезенъ въ свое время. Самъ Бонапартъ, сколько ни силенъ и великъ, по своему происхожденію привязанъ къ итальянцамъ и римской церкви. Одинъ только русскій великій и благочестивый государь не имѣетъ такого союзника. Иновѣрные и иноплеменные союзники Россіи ненадежны. Греки одной вѣры съ русскими, но за то народъ этотъ гордъ и подлъ, дружба его ненадежна, во всѣхъ войнахъ Россіи съ Оттоманскою Портою греки не были вѣрными и искренними союзниками. Нѣтъ въ мірѣ народа, который бы такъ любилъ Россію и русскихъ государей, какъ сербы. Единовѣрные и единокровные съ русскими они, при всемъ отдаленіи, полагаютъ надежду на одну Россію. Посему, не слѣдовало ли бы русскимъ государямъ этотъ добрый славянский народъ привести въ самостоятельное политическое существованіе, а со вреchenемъ и въ желаемое политическое сотрудничество? Далѣе, въ своей запискѣ Страичевичичъ излагаетъ, какимъ образомъ изъ подвластныхъ Австріи и Турціи сербовъ можно было бы образовать новое сербское государство. Для болѣе безопасности и утвержденія этого государства, продолжалъ онъ, надлежало бы, чтобы русскій императорскій домъ опредѣлилъ государемъ новой державы одного изъ своихъ великихъ князей. Но если бы русскій государь почему-либо не захотѣлъ или не могъ сдѣлать этого, то тогда слѣдовало бы назначить кого-нибудь изъ рѣцкихъ родственныхъ князей, но непременно такого, который бы, хотя въ нѣмомствѣ, принялъ восточное православіе. Это возстановленіе новаго славяносербскаго государства, настолько выгодно русскому императорскому дому и славно для всего славянства, что никакой величайшій трудъ и никакія затраты не могутъ почтяться великими для достиженія этого. Ибо если Бонапартъ, такъ-сказать вчерашній простой итальянецъ, самъ, безъ союзниковъ, вопреки интересамъ Европы, и даже самой Франціи, могъ безъ всякаго повода, съ нарушеніемъ долга справедливости, одного короля низвергнуть, а другого воздвигнуть, одну республику уничтожить, а другую учредить: то разитъ не можетъ добродѣтельный, мудрый и цѣлю Европою возлюбленный императоръ Всероссійскій мужественно предъ лицомъ неба и земли защитить единовѣрный и единоплеменный народъ, столько вѣковъ подъ игомъ тираническихъ стѣнъ и къ нему, одному непрестанно зывающій о своемъ освобожденіи? Ужели изсякла на святой Руси любовь къ славянскому роду, и бѣдные сербы должны отчаяться выйти изъ-подъ турецкаго и австрійскаго ига? Записка оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу, да вложитъ Онъ въ сердце Александра сочувствіе къ сербамъ.

ксандру Павловичу, посоль препроводилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ къ Его Сіятельству князю Чарторижскому протоіерей Самборскій просить о поднесеніи Его Императорскому Величеству письма своего вмѣстѣ съ препровождаемымъ „начертаніемъ“, которое принялъ онъ отъ славяносербскаго митрополита, „не яко политикъ, но яко служитель церкви, повелѣвающей участвовать въ несчастіи ближнихъ“. Въ письмѣ на имя Его Императорскаго Величества о. Самборскій говоритъ: „предпринимая дальній путь моремъ (по направленію въ Россію), и будучи старъ и слабъ здоровьемъ, я за долгъ поставилъ препроводить Вашему Императорскому Величеству начертаніе митрополита сербскаго народа, Стефана Стратимировича, и, повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ нимъ слезно молю, да не поставится въ вину, что не подписано имени составителя. Митрополитъ не дерзнулъ сего сдѣлать, опасаясь лишенія головы“. Самборскій знаетъ лично этого митрополита и увѣряетъ государя сердцевѣдцемъ Богомъ, что онъ есть истинный и ревностный пастырь церкви и совершенно преданъ Его Величеству. Зная съ младенчества всемилостивѣйшаго государя, что онъ есть другъ рода человѣческаго, и благосостояніе, содѣлываемое людямъ, есть сладчайшая пища души его, о. Самборскій безбоязненно принялъ это начертаніе, и не такъ, какъ политикъ, но какъ служитель христіанской церкви и самовѣрный рабъ, котораго вся жизнь посвящена Его Императорскому Величеству въ искреннюю жертву.

Князь А. Чарторижскій, полякъ по своему происхожденію и симпатіямъ, прочитавъ сужденіе сербскаго православнаго митрополита о полякахъ и іезуитахъ, изложенное въ его запискѣ, разумѣется, не могъ дать ей дальнѣйшаго движенія, и потому возвратилъ ее въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ русскимъ сокращеніемъ ея, протоіерею Самборскому, такъ что остается неизвѣстнымъ, достигъ ли на этотъ разъ до русскаго царя голосъ сербскаго митрополита, или нѣтъ. Исто-

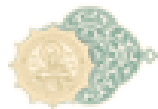
рическимъ подтвержденіемъ его запискѣ послужило вспыхнувшее черезъ годъ послѣ этого возстаніе сербовъ противъ турокъ, поднятое извѣстнымъ Георгіемъ Петровичемъ Чернымъ,—возстаніе, которымъ было положено начало нынѣшнему сербскому королевству. Какъ извѣстно, русская дѣятельная помощь и русское заступничество поддерживали сербовъ въ ихъ геройской борьбѣ съ поработителями и даровали имъ въ Бухарештскомъ трактатѣ первыя условія политической самостоятельности. Несомнѣнно также, что, по возвращеніи въ Россію, протоіерей Самборскій, какъ въ личныхъ бесѣдахъ съ государемъ (бывшимъ ученикомъ своимъ), такъ и въ письмахъ къ нему ¹⁾, могъ раскрыть передъ нимъ истинное положеніе сербскихъ дѣлъ.

V.

Лѣтомъ 1804 года протоіерей Самборскій оставилъ Венгрію и отплавился путешествовать по славянскимъ землямъ. Онъ побывалъ тогда въ Черногоріи, особенно возбуждавшей его сочувствіе, затѣмъ изъ Триеста чрезъ Средиземное море проѣхалъ въ Архипелагъ, посѣтилъ Аѳонскую гору, Корфу, Патмосъ и нѣкоторые другіе греческіе острова, а напослѣдокъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ со скорбнымъ чувствомъ осматривалъ древнюю христіанскую святыню—храмъ св. Софіи, обращенный въ мечеть. Составленный имъ отчетъ объ этомъ путешествіи, котораго цѣлю, между прочимъ, было ближайшее ознакомленіе съ земледѣіемъ и торговлею разныхъ мѣстъ, представленъ былъ высшему начальству ²⁾. Всюду, во время своего путешествія, Самборскій раздавалъ изображенія гроба великой княгини Александры Павловны, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ особамъ, и въ томъ числѣ восточнымъ патріархамъ, находившимся тогда въ Константинополѣ. Въ благо-

¹⁾ „Русская Старина“ 1870 г. т. I.

²⁾ „Истор. стат. опис. Харьк. еп.“, отд. V, стр.

дарность за это, онъ получилъ въ даръ отъ константинопольскаго патріарха серебряный крестъ, въ видѣ звѣзды, съ частицею животворящаго древа Креста Господня и отъ іерусалимскаго патріарха—дарохранилищницу, въ видѣ іерусалимскаго Гроба Господня, съ изваянными изъ золота изображеніями страданій Спасителя¹⁾.

Изъ Константинополя протоіерей Самборскій поѣхалъ въ Крымъ или Тавриду, а оттуда въ Одессу, гдѣ на нѣкоторое время остановился. Отсюда онъ имѣлъ удобный случай переслать съ таврическимъ генераль-губернаторомъ Дюкомъ-де-Ришелье свое письмо на имя Государя Императора (отъ 29 декабря 1804 г.), въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Приплывъ въ пристанищу Севастополя, направилъ я свое шествіе къ древнему Таврическому Херсону, гдѣ равноапостольный Князь Владиміръ освятился христіанскимъ крещеніемъ и просвѣтился Евангельскою вѣрою. Воспоминаніе прошедшихъ временъ и оставшіяся развалины ввергнули было меня въ печальное размышленіе; но вдругъ напедшая, аки бы съ небесъ, на меня мысль преисполнила душу мою духовною радостію. Я, приклонивъ колѣна и воздѣвъ руди къ небесамъ, рекъ тако: Боже всемогущій и преблагій! Иже хочещи спастися всѣмъ человѣкамъ и въ разумъ истины прійти, аще благоугодно было Твоей святой воли, да Владиміръ съ безчисленными народами, подлежащими державѣ его, сущи въ идолопоклонствѣ, обратится къ истинному Богопознанію. Да благоугодно будетъ такожде, да Божій Помазанникъ, Высочайшій Первосвященникъ, Благодетельнѣйшій Александръ, неусынно пекущійся объ истинномъ общемъ благѣ, *исторгнетъ многочисленные народы изъ магометанскаго суетрія и да освятитъ и просвѣтитъ ихъ христіанскимъ*

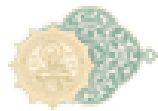
¹⁾ Этотъ крестъ и дарохранилищница нынѣ находятся въ Андреевскомъ придѣлѣ Стратилатовской церкви на престолахъ см. „Истор. стат. опис. Харьк. еп.“, стр. 86.

прещениемъ. Да благоугодно будетъ и Вамъ, сѣрдобольнѣйшій Отецъ, обратите сродное сердцу Вашему вниманіе на народъ погруженный въ невѣжествъ, суевѣріи и бѣдности. Да посредствомъ Вашимъ снисдетъ на нихъ Божія благодать. Я есмь готовъ остатокъ моей жизни посвятить, какъ для Евангельской проповѣди, такъ и для показанія имъ: какимъ образомъ можно обратить дикія степи въ хлѣбородныя поля и учредить хозяйство. Сего я не дерзнулъ бы представить, если бы не было совершенно согласно съ Богоугоднымъ узаконеніемъ Вашимъ: о просвѣщеніи народа. Отдаленной отъ Вашего воззрѣнія опустошенной Тавріи никто не можетъ привести въ лучшее состояніе, какъ мужъ избранный по сердцу Вашего Величества, Дюкъ-де-Ришелье; онъ есть человѣколюбивъ, справедливъ, милосердъ, честенъ, безкорыстенъ, попечителенъ и во всемъ благоразуменъ. О сихъ его свойствахъ дѣйствующая Одесса живое представляетъ свидѣтельство“.

Въ началѣ 1805 года протоіерей Самборскій прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ему, въ награду за понесенные многочисленные труды, императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ брильянтовые знаки на орденъ св. Анны перваго класса при слѣдующемъ Высочайшемъ на сего имя рескриптѣ (отъ 13 окт. 1805 г.): „Отецъ Протоіерей Самборскій! Съ того времени, какъ возложена была на Васъ должность наставника Закону Божию при Миѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію Вашему отправляемыхъ должностей съ отличностію, обратили вниманіе Мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу Всемилоствѣйше пожаловать Васъ брильянтовыми знаками ордена святаго Анны, которые препровождая при семъ, пребываю къ Вамъ благосклонный Александръ“¹⁾.

Не теряя надежды и по пріѣздѣ въ Петербургъ посвятить остатокъ своей жизни духовно-просвѣтительной дѣятель-

¹⁾ Архивъ канц. об. пр. св. Синода 1805г., № 744. Ср., Санктпетербургскія Вѣдомости, 1805 г. № 52.

ности въ опустошенной мусульманами Тавридѣ, о. Самборскій обратился съ письменною просьбою о содѣйствіи въ этомъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „Повергаю себя во всей моей душевной преданности къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“,—писалъ онъ императрицѣ отъ 26 окт. 1805 г.,—и всемирнѣйше молю: да въ свободные часы удостоите прочтеніемъ приложенной при семъ копіи того письма, которое я съ чистою моею совѣстію писалъ еще прошедшаго года изъ Одессы къ Его Императорскому Величеству Вашему вселюбезнѣйшему Сыну, Благодетельнѣйшему Александру Цервому, и которое самолично поднесъ Его Величеству таврической области генераль-губернаторъ Дюкь-де-Ришелье. *Сію опустошенную страну, думаю, что самъ Богъ предназначилъ, въ которой бы я запечатлѣлъ священнослуженіемъ остатокъ ветхихъ дней моихъ.* Сему Божиему гласу я охотно, и ревностно повинуюсь для двухъ причинъ. Первая, что оставшіеся тамо бѣдные и погруженные въ магометанскомъ суевѣріи, провождающіе дикую и необразованную жизнь татары необходимо требуютъ евангельскаго и христіанскаго просвѣщенія. Ибо добрый христіанинъ есть добрый гражданинъ. Представилъ я о семъ министру внутреннихъ дѣлъ, не испрашивая для сего Богоугоднаго подвига ни серебра, ни золота; дабы онъ или кто другой не подумалъ, что сіе священное служеніе предприемлю по пословицѣ: не для Иисуса, а для хлѣба куса. Чувствую, что служеніе сіе должно совершаться апостольскимъ духомъ, христіанскою любовію и постояннымъ терпѣніемъ. Сіи же средства должны быть утверждены на непоколебимомъ благоволеніи и благопріизрѣніи Божіихъ Помазанниковъ, изливающихъ свое неуспяное попеченіе на благоденствіе и на истинное просвѣщеніе своего народа, за котораго состояніе должны Они воздать строгій отвѣтъ въ будущей вѣчной жизни. Не дерзалъ бы я тако изъясняться предъ Вами, но Ваши Богоугодныя дѣла торжественно ~~изъявляютъ~~, что все Ваши возжеланія устремляются въ

сему единственному центру. На семъ основаніи, я себя удостоверяю, что Вы, Благочестивѣйшая Монархиня, *будете споспѣшествовать сему моему христіанскому подвигу и тѣмъ* паче, что образъ моего Богослуженія и мѣра моей ревности Вашему провищанію суть совершенно извѣстны... Вторая причина: кто удостоился Высочайшаго званія быть наставникомъ Божіяго закона всемѣрно долженъ стараться пребыть достойнымъ того званія до послѣдняго своего дыханія. Получивъ изобильную награду и блестящія отличія (разумѣются, конечно, брильянтовые знаки ордена св. Анны), не долженъ онъ ослѣпляться праздностію и быть тунеядцемъ, но оправдать самымъ дѣломъ во всякихъ случаяхъ оное Высочайшее званіе. Сихъ ради причинъ я *жертвую остаткомъ моей жизни опустошенной Таврии*. Да древній Херсонесъ, сущій въ развалинахъ, паки возобновитъ духовное перерожденіе въ народѣ, погруженномъ въ суевѣріи. Да содѣйствіемъ Божіей благодати познаетъ сей народъ истинное Богопочитаніе и свое блаженство. Симъ богоугоднымъ и преполознымъ отечеству священнослуженіемъ *вождемъ запечатлѣть конецъ моей жизни* и снiti въ гробъ ст достохвальнымъ наименованіемъ наставника Божіяго закона¹⁾.

Неизвѣстно почему, только столь усиленные хлопоты протоіерея Самборскаго относительно духовнаго просвѣщенія Тавриды не увѣнчались успѣхомъ. По старости и болѣзненности или по другимъ какимъ причинамъ, только послѣ этого онъ болѣе уже не игралъ роли ни при дворѣ, ни въ духовной іерархіи¹⁾. Онъ вовсе даже оставилъ службу, получивши всѣ

¹⁾ Мѣсто главнаго духовнаго лица въ придворномъ вѣдомствѣ занималъ въ то время человекъ, хотя во многомъ уступавшій Самборскому по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, но имѣвшій поддержку при дворѣ и въ Синодѣ. Это лице былъ духовникъ Государя, протопресвитеръ придворной церкви Исидоръ Петровъ, по сильному выраженію бывшаго оберъ-прокурора св. Синода Яковлева (см. извлеченіе изъ его „Записокъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1868 г., № 3) „добрый и глупый человекъ“, къ тому же старый и больной, подписывавшій въ Синодѣ все что приписывалъ ему митрополитъ Аларосій (онъ былъ членомъ Синода съ 16 ноября 1796 г.). Должность полевого оберъ-священника принадлежала Павлу Яковлевичу Озерецковскому, племяннику митрополита, человеку весьма дѣ

средства къ тому, чтобы благословлять свою старость. По удалении на покой, о. Самборскій имѣлъ солидное содержаніе въ 11,260 рублей, изъ коихъ 7,600 руб. ему выдавались изъ Кабинета Его Величества, 1,000—великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, 660 р.—изъ капитула орденовъ и 2000 р.,—венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ¹⁾. Кромѣ того, онъ, по вниманію къ нему его державнаго питомца, получилъ казенную квартиру въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ нынѣ Артиллерійская академія. Тамъ, въ тиши уединенія, Самборскій предавался воспоминаніямъ. Отсюда онъ отправилъ черезъ оберъ-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына²⁾, письмо (отъ 1 янв. 1806 г.) къ Государю Императору, въ которомъ просилъ дозволить ему совершать богослуженіе въ своей домово́й церкви. „Прежестокую снѣдается сердце мое печалію“, писалъ онъ Государю,—„что, по причинѣ тяжелой моей болѣзни, не удостоиваюсь самолично пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и наичувствительнѣйшую сугубо принести благодарность за изъявленное мнѣ торжественно Высочайшее благоволеніе, которое начертаніемъ³⁾ изволили оправдать и засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ нашимъ любезнѣйшимъ отечествомъ мое ревностное служеніе. Всемилоувиѣннѣйшій Государь! Аще благоугодно было Вашему благодушію украсить мои рамена драгоценными блестящими отличіями, твердо питаю себя надеждою, что благоугодно будетъ Вамъ, яко Помазаннику Божію, украсить мою душу, готовящуюся къ переселенію въ вѣчность, нужными средствами ко спасенію. Я по благости Божіей, приблизился уже къ старости.

ловитому, но хитрому, покорному орудію своего дяди (онъ былъ назначенъ присутствовать въ Синодѣ 27 марта 1799 г.). Второстепенной роли протоиерей, быть можетъ, не хотѣлъ играть, а потому съелъ за лучшее совсѣмъ удалиться со службы.

¹⁾ „Іезуиты въ Россіи“ Морошкина, ч. II, стр. 24.

²⁾ О немъ см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 242 и д.

³⁾ Рѣчь идетъ здѣсь о Высочайшемъ рескриптѣ, даннымъ протоіерею Самборскому, которымъ ему были пожалованы брилліантовые знаки ордена св. Анны.

Ежедневно ощущая слабость и изнеможеніе моего здоровья: не могу и не дерзаю выйти въ какую-либо церковь для совершенія св. Таинъ. Изъ Вашего природнаго великодушія уваженія къ моему болѣзненному состоянію, благоволите, Божій Помазанникъ, слезно Васъ молю, благословить: совершатъ мнѣ священнослуженіе въ той подвижной церкви, которую, къ душевному моему утѣшенію, устроилъ во имя священной мученицы Александры, изъ великопѣнныхъ царскихъ одеждъ купленныхъ мною на публичной продажѣ (въ Венгріи), послѣ смерти Ея Императорскаго Высочества, Вашей вселюбимѣйшей сестры, безсмертныя Александры Павловны. Въ сей церкви, представляющей величественный монументъ, по неимѣнію тогда посольской въ Вѣнѣ, я священнодѣйствовалъ болѣе года. Сію церковь, воздвигнутую въ частной храмѣ, освидѣтельствовалъ и нашелъ соответствующую во всемъ чиноположенію оберъ-прокуроръ св. Синода Его Сіятельство князь Голицынъ¹⁾. По поводу этого письма императоръ Александр Павловичъ соизволилъ поручить оберъ-прокурору снестись съ петербургскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, нѣтъ ли съ ея стороны какихъ-либо препятствій къ исполненію этой просьбы о. Самборскаго. Митрополитъ далъ свое благословеніе имѣ Самборскому домовую церковь и совершать въ ней богослуженіе.

Въ своей квартирѣ, въ большихъ, просторныхъ комнатахъ Михайловскаго замка протоіерей Самборскій устроилъ домовую церковь изъ одежды покойной великой княгини Александры Павловны и изъ тѣхъ ея иконъ, которыя привезены были имъ обратно изъ Венгріи въ Россію, такъ какъ по крайней тѣснотѣ церкви, устроенной надъ могилой великой княгини, онѣ оказались излишними¹⁾. Здѣсь, пока былъ въ сѣ

¹⁾ Эти иконы—работы академика Боровиковскаго, поднесенныя Самборскимъ по возвращеніи изъ Венгріи, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (см. „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 65) и потомъ по Высочайшему повелѣнію г

лахъ, о. Самборскій совершалъ богослуженіе съ однимъ псаломщикомъ Василиемъ Щербинскимъ, взятымъ имъ, съ разрѣшенія митрополита, изъ канцеляристовъ Харьковской духовной консисторіи ¹⁾).

Располагая лѣтомъ проживать въ Высочайше подаренномъ ему имѣніи, въ с. Стратилатовкѣ, Самборскій испросилъ себѣ чрезъ князя Голицына позволеніе служить въ своей походной церкви не только тогда, когда онъ жилъ въ столицѣ, но и когда переѣзжалъ на дачу. По этому случаю онъ писалъ князю Голицыну отъ 24 авг. 1806 года: „За утвержденіе *повсемѣстнаго* священнослуженія въ моей собственной церкви къ возблагодаренію Васъ не нахожу довольныхъ словъ“. Для установленія въ с. Стратилатовкѣ временной церкви устроена была особая часовня, которая существуетъ и нынѣ и въ которой Самборскій приготовилъ было себѣ и гробъ ²⁾. Усерднымъ желаніемъ протоіерея Самборскаго было построить въ имѣніи своемъ настоящую каменную церковь; но онъ не успѣлъ исполнить своего желанія, и уже послѣ смерти его, въ 1832 году, дочь его, Анна Андреевна, и внукъ, полковникъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій, привели въ исполненіе его желаніе, воздвигнувъ, въ память своего отца и дѣда, великолѣпный каменный храмъ о трехъ престолахъ: въ главномъ алтарѣ—во имя Софіи, Премудрости Божіей, въ южномъ придѣлѣ—въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы и въ сѣверномъ придѣлѣ—въ честь св. великомученика Андрея Стратилата. Съ устройствомъ постоянной церкви царскія одежды покойной великой княгини Александры Павловны, изъ которыхъ устроена

реданыя ему, были слѣдующія: 1) образъ Спасителя съ серебряною, позлащенною рамою; 2) Входъ во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи съ золотою рамою; 3) образъ св. Апостола Павла съ рамою; 4) небольшой образъ Пресв. Дѣвы Маріи въ серебряномъ, позлащенномъ окладѣ и 5) образъ священномученицы Александры въ золотой рамѣ и съ украшеніями яхонтовъ и брильянтовъ надъ главою. Всѣ эти иконы нынѣ находятся въ церкви с. Стратилатовки.

¹⁾ Архивъ канц. петерб. митрополита 1806 г., № 385.

²⁾ Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 88.

была временная походная церковь, были обращены въ свящ. облаченіи, сохранившіяся и до настоящаго времени; изъ нихъ болѣе замѣчательны ризы: золотая, глазетовая, глазетовая бланжеваго цвѣта, бѣлая парчевая и темно-зеленая бархатная ¹⁾).

Во время лѣтняго своего пребыванія въ с. Стратилатовкѣ протоіерей Самборскій при богослуженіи пользовался пѣвчими Харьковскаго такъ-называемаго „Христофоровскаго“ хора ²⁾. „Отецъ протоіерей Андрей Аонасьевичъ Самборскій“,—писалъ отъ 23 марта 1806 г. князь Голицынъ слободско-украинскому преосвященному Христофору (Сумимѣ),— „отправляясь въ малороссійскія свои деревни, просить меня отвѣстись къ Вашему Преосвященству *объ откомандированіи къ нему на случай тамошняго пребыванія его изъ Вашего хора двухъ пѣвчихъ для исправленія причетнической должности въ домовую его Всемилостивѣйше пожалованной церкви*. По поводу чего я покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство, ежели возможно, оказать ему въ семъ случаѣ удовлетвореніе,—что самое и я почту себя за одолженіе, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Преосвященства“ ³⁾. Просьба была уважена. Вскорѣ, впрочемъ, о. Самборскій завелъ и собственныхъ пѣвчихъ ⁴⁾.

VI.

Проживая въ своемъ имѣніи, с. Стратилатовкѣ, протоіерей Самборскій усердно занимался улучшеніемъ быта крестьянъ во

¹⁾ Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 85–86.—Въ оградѣ Софійской церкви погребенъ Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій, женатый на внучкѣ протоіерея Самборскаго, одинъ изъ извѣстныхъ генераловъ. Онъ былъ храбрымъ воиномъ, строгимъ въ отношеніи къ себѣ и готовымъ на все для другихъ. Высочайше пожалованную ему аренду онъ обратилъ на погашеніе отцовскихъ долговъ, а пенсію употреблялъ на уплату подушной подати за крестьянъ женою своею. Въ продолженіе своей военной службы онъ былъ въ 6 штурмахъ, 80 сраженіяхъ и перестрѣлкахъ и въ 3 степенныхъ экспедиціяхъ (тамъ же, стр. 89).

²⁾ См. нашъ „Харьковскій коллегіумъ“, стр. 157. прим. I.

³⁾ Прилож. къ Дух. Дневнику 1865 г., стр. 200.

⁴⁾ Истор. статист. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 88

всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, онъ устроилъ судъ изъ стариковъ-крестьянъ, по приговору котораго награждали и наказывали, завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей Закону Божію, чтенію и пѣнію въ церкви, письму и арифметикѣ, устроилъ больницу и богадѣльню для вдовъ и сиротъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался распространять среди своихъ крестьянъ здравыя понятія о земледѣліи, и съ этою цѣлію выписалъ изъ Англіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій. Въ Стратилатовѣ и теперь крестьяне показываютъ то дерево, на которое о. Самборскій вѣшалъ наперсный крестъ свой и ордена передъ тѣмъ, какъ показывалъ ихъ дѣдамъ и отцамъ употребленіе новаго плуга, при чемъ самъ и пахалъ имъ. Немало положилъ труда Самборскій и на пользу усовершенствованій въ разныхъ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Если ко всему этому прибавить, что протоіерей Самборскій, въ качествѣ помѣщика, не обременялъ своихъ крестьянъ ни излишними трудами, ни жестокими наказаніями, и они не иначе называли его какъ своимъ „батьюшкою“, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что мѣстныя власти находили нужнымъ сообщать высшему начальству объ его филантропической дѣятельности, какъ о чемъ-то выходящемъ изъ ряда явленій современной имъ общественной жизни.

28 ноября 1808 года харьковскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину о богоугодныхъ заведеніяхъ „помѣщика господина протоіерея и кавалера, устроенныхъ имъ въ селѣ его Стратилатовѣ, какъ то: 1) о *домѣ для больницы*, въ коемъ можетъ помѣщаться восемь человѣкъ больныхъ, и близъ онаго выстроенномъ другомъ для сего же предмета, 2) о *домѣ для вдовъ и сиротъ*, 3) о *домѣ для училища* малолѣтнихъ поселянъ, въ коемъ находится осьмнадцать учениковъ, и что больные пользуются, и какъ оныя, а равно вдовы, сироты и учащіеся содержатся на его, господина Самборскаго, коштѣ, присовокупя къ сему и то, что

онъ, Самборскій, въ 1807 году принадлежавшій ему въ городѣ Изюмѣ (Харьк. губ.) домъ со строеніемъ отдалъ для помѣщенія штатной и приходящихъ *командъ больныхъ воинскихъ чиновъ*, снабдя оный отъ себя нѣкоторыми нужными вещами“.

На это представленіе губернатора министръ внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ нему отъ 6 окт. 1809 г. отвѣчалъ, что „о сихъ господина Самборскаго богоугодныхъ заведеніяхъ онъ имѣлъ счастье докладывать Государю Императору и Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволить, господину Самборскому за таковыя его подвиги изъяснить *Монаршее благоволеніе*“, которое и было объявлено ему „въ сильныхъ и весьма трогательныхъ терминахъ“ въ письмѣ отъ министра. „Повергая себя къ стопамъ Вашего Величества“,—писалъ по этому случаю Государю о. Самборскій отъ 12 декабря того же года,—„приношу изъ глубины моего души наичувствительную благодарность за Ваше *высокомонаршее благоволеніе, явленное мнѣ за дѣла богоугодныя министрамъ внутреннихъ дѣлъ*. Оно оживило мою душу, которую я всегда тщался, да и впредь потщуся употребить въ пользу ближняго до послѣдняго моего дыханія, а чрезъ то доказать свѣту, что не словомъ точію, но и дѣломъ старался я исправлять служеніе наставника Божіею закона Нанчеловѣколюбивѣйшему Самодержцу“. Одновременно съ этимъ письмомъ на имя Государя Самборскій отправилъ письмо къ князю Голицыну, которому, между прочимъ, писалъ: „Долгомъ поставляю донести Вашему Сіятельству, что я имѣлъ счастье получить *высокомонаршее благоволеніе, сообщенное мнѣ за дѣла богоугодныя господиномъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, Его Сіятельствомъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ*. Какъ я удостовѣренъ, что и Ваше Сіятельство принимали въ семъ участіе, то приношу и Вамъ, милостивый благодѣтель, наичувствительнѣйшую мою благодарность“.

Ободренный такимъ монаршимъ благоволеніемъ, протоіе-

рей Самборскій еще большее началъ прилагать стараніе обьстроеніи въ своей деревнѣ различныхъ богоугодныхъ заведеній. „Нынѣ получилъ я представленіе отъ изюмскаго земскаго исправника“,—доносилъ въ сентябрѣ 1811 г. слободско-украинскій губернаторъ министру полиціи,—„что между другими занятіями по должности своей онъ (земскій исправникъ) входилъ и въ разсмотрѣніе челоѡколюбивѣйшихъ заведеній г. Самборскаго въ селѣ его Стратилатовкѣ устроенныхъ, и нашелъ домъ для сиротъ и вдовъ, также третій домъ для удрученныхъ старостію и больнищу..., при больницѣ особый домъ съ лекарствами и для прививанія оспы довольно видный, а наипаче домъ для пораженныхъ любовстрасною болъзнію простолудиною, становится въ нихъ явнымъ обузданіемъ къ воздержности отъ пороковъ; при семъ онъ, исправникъ, замѣтилъ, что поработившіе себя толикой слабости поселяне очевидно начали постепенно обращаться болѣе къ трезвости, трудолюбію и хорошему поведенію, нежели, какъ до сего времени, обладала ими невоздержность. Сверхъ сихъ богоугодныхъ заведеній одобряетъ онъ и сельское училище, гдѣ подѣ руководствомъ хорошаго священника, крестьянскія дѣти, навывая къ чтенію, письму и ариѡметикѣ, довольно пріятности доставляютъ стройнымъ въ храмѣ Божіемъ пѣніемъ; кромѣ сего, онъ, г. Самборскій, завелъ *шипанской породы овецъ* и завелъ *шелковую плантацію*“¹⁾.

Объ этомъ благоустройствѣ в. имѣніи Самборскаго министра полиціи довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, и Онъ чрезъ князя Голицына изволилъ объявить своему бывшему наставнику [Закону Божію свое благоволеніе. По этому поводу князь Голицынъ отъ 27 декабря 1811 г. писалъ протѣіерею Самборскому слѣдующее: „Государь Императоръ, видѣвъ изъ донесенія министра полиціи, что Вамѣ Высокопреподобіе, по челоѡколюбію къ стражду-

¹⁾ Архивъ канц. оберъ-прокурора св. Синода 1811 г., № 4307.
Труды Киев. дух. Акад. Т. III. 1896 г.

щимъ, учредили въ помѣстьи своемъ Стратилатовкѣ *сиротскіе дома и больницы*, и сверхъ того, ревнуя къ пользѣ общей, одобряете благами своими внушеніями крестьянскихъ дѣтей, обучающихся *въ народномъ училищѣ*,—Высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ сообщить Вашему Высокопреподобію, что богоугодныя заведенія Ваши и усердіе ко благу общему обращаютъ особенное вниманіе и милость къ Вамъ Его Императорскаго Величества“.

Совершенно иначе отнеслось къ благотворительной дѣятельности протоіерея Самборскаго мѣстное такъ - называемое интеллигентное общество. Развивая широкую благотворительность, о. Самборскій своимъ примѣромъ хотѣлъ побудить къ тому же самому и своихъ сосѣдей-помѣщиковъ; но жестокіе и невнимательные къ бѣдственному положенію своихъ крестьянъ помѣщики, по чувствамъ зависти и коварства, все старались истолковать въ худую сторону. Во главѣ этихъ неблагомыслящихъ людей стоялъ отставной ротмистръ, уѣздный изюмскій судья, Иванъ Денисенковъ, съ которымъ Самборскому пришлось вести весьма непріятный судебный процессъ.

Любопытны подробности этого процесса. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Иванѣ Денисенковѣ. „Хотя онъ“ (Денисенковъ), по словамъ о. Самборскаго, „и крестьянскаго происхожденія, однако воспитанъ былъ преискуснымъ законовѣдомъ, который умѣлъ священные народные законы обращать по своимъ пользамъ направо и налѣво. Сей преострый воспитанникъ (Денисенковъ), налитанный до избытка такими правилами, учинился и самъ судія Изюмскаго уѣзда“. Будучи весьма бѣднымъ и многосемейнымъ человекомъ, изюмскій судья упросилъ помѣщика Ерсиванова, грузина по происхожденію, уступить ему одно урочище, въ сорока верстахъ отъ Изюма, покрытое курганами¹⁾, съ пятьюдесятью

¹⁾ Эти курганы или, по мѣстному выраженію, „могилы“ насыпаны были кочевавшими въ свое время въ украинскихъ степяхъ запорожцами, которые зарывали въ нихъ свою награбленную добычу-разныя монеты и ульяры. Нѣкоторымъ удавалось находить здѣсь эти сокровища и обогащаться.

ревизскими душами и съ банковымъ долгомъ. При этомъ онъ просилъ помѣщика, чтобы послѣдній къ наличнымъ пятидесяти крестьянамъ причислилъ и умершихъ и бѣглыхъ числомъ около ста человѣкъ. Это Денисенковъ, какъ послѣ открылось, сдѣлалъ для собственной пользы, въ виду большаго займа изъ банка; въ числѣ пятидесяти ревизскихъ душъ, состоящихъ на лицо, оказалось четырнадцать человѣкъ совсѣмъ престарѣлыхъ и уже неспособныхъ къ труду. Съ остальными же крестьянами изюмскій судья по ночамъ искалъ въ курганахъ кладовъ, при помощи буравовъ или, по мѣстному выраженію, „щуповъ“, и, не нашедши сокровищъ, попалъ на такъ-называемые солончаки, на которыхъ удалось ему открыть минеральныя воды цѣлебнаго свойства. Не имѣя необходимыхъ для устройства этихъ водъ средствъ, онъ обратился съ просьбою о денежномъ пособіи къ Государю Императору. Когда же въ этомъ ему было отказано, Денисенковъ, все время прикрывавшійся филантропическими цѣлями, успѣлъ убѣдить близко знакомаго ему протоіерея Самборскаго взять его деревню съ цѣлительными водами въ промѣнъ на Высочайше пожалованный ему лѣсъ, въ которомъ онъ думалъ заняться винокурениемъ и чрезъ то поправить свое состояніе. Но Самборскій не долго оставался владѣтелемъ этой деревни съ цѣлительными водами. Когда по условію, написанному самимъ Денисенковымъ, онъ сталъ осматривать новопріобрѣтенную деревню, то въ числѣ ревизскихъ душъ немало нашелъ бѣглыхъ крестьянъ, а главное—принадлежащихъ Государю. Не желая быть участникомъ въ похищеніи изюмскимъ судьей государевыхъ крестьянъ, о. Самборскій обратился съ просьбою о защитѣ къ харьковскому губернатору И. И. Бахтину. Хотя губернаторъ, человѣкъ весьма честный и правдивый, и выступилъ горячимъ защитникомъ протоіерея Самборскаго въ процессѣ съ Денисенковымъ, но послѣдній имѣлъ очень многихъ и въ тоже время богатыхъ друзей между мѣстными дворянами, которые сильно поддерживали своего уѣзднаго судью. Одному изъ такихъ друзей Денисенковъ

успѣлъ даже заложить за крупную сумму (90,000 руб.) незаконно присвоенный имъ лѣсъ, который Самборскій рассчитывалъ было современемъ продать и уплатить нажитой имъ широкою благотворительностію долгъ. Независимо отъ того Денисенко въ всячески старался внушать мѣстнымъ дворянамъ, что Самборскій „шпіонъ“, и доносить Его Величеству объ ихъ дурныхъ поступкахъ, или, наоборотъ, что онъ состоитъ въ немилости у Государя, и потому его можно преслѣдовать совершенно безнаказанно. Все это, разумѣется, сильно огорчало протоіерея Самборскаго и дѣлало его пребываніе въ Стратилатовкѣ невозможнымъ. „Признаюсь“,—писалъ онъ Голицыну отъ 12 ноябля 1810 г.,—„что мнѣ нѣкогда было безопасно жить съ невѣрными турками, нежели съ единовѣрными христіанскими сосѣдями въ моемъ отечествѣ“. Въ такихъ обстоятельствахъ о. Самборскій рѣшился искать защиты у самого Государя. Отъ 5 мая того же года онъ писалъ князю Голицыну: „Вы великодушный и единственный мой благодѣтель! можете спасти меня отъ самомучительныхъ безпокойствій; отъ опасности коварныхъ людей и отъ крайняго разоренія моего семейства, если исходатайствуете отъ Всемилоствѣйшаго Государя повелѣніе о скорѣйшемъ рѣшеніи моего дѣла. Сіе самое прибавитъ силу правосудливому губернатору, который меня горячо защищаетъ“. Голицынъ докладывалъ объ этомъ Государю, но послѣдній далъ на письмо Самборскаго уклончивый отвѣтъ. „О тяжёбомъ дѣлѣ Вашемъ съ Денисенковымъ“, писалъ въ декабрѣ 1810 г. Самборскому Голицынъ,—„я докладывалъ Государю Императору. Его Величество соизволивъ усмотрѣть, что дѣло сіе предано законному теченію, Высочайше поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что Его Величество за правило себѣ поставить изволилъ—*въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія, и въ законномъ порядкѣ сужденію преданныя, никогда не вмѣшиваться*“.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ въ печальномъ положеніи протоіерея Самборскаго послужилъ Высочайше по-

жалованный ему чрез графа Н. И. Салтыкова малый мальтійскій крестъ ¹⁾. Вотъ что по этому поводу писалъ отъ 29 мая 1809 г. князю Голицыну о. Самборскій: „Сей новый Высочайшаго благоволенія опытъ принесъ мнѣ величайшее добро: поелику нѣсколько замолкли мои завистливые и неблагомыслиащіе сосѣди, которые утѣшаются вредными для меня слухами—будто бы я нахожусь подъ инъвоиъ Ею Величества и изгнанъ есмь изъ столицы. Таковыя мнѣнія пронзаютъ и терзаютъ мою душу, тѣмъ болѣе, что это относится къ Высочайшему лицу, которое съ кротостію и правосудіемъ взираетъ на всѣхъ вѣрноподанныхъ, въ числѣ коихъ по ревности и честности въ понесенной мною службѣ я долженъ и себя поставить“.

Жестокая зима 1809 г., во время которой прот. Самборскій сильно болѣлъ, такъ-что чуть было не умеръ, заставила его оставить свою деревню и отправиться въ Крымъ („благорастворенную Таврію“). Здѣсь онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, всюду встрѣчался съ единовѣрными намъ греками,—и это обстоятельство дало ему поводъ просить Государя объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ мусульманскаго владычества. Въ письмѣ къ Императору отъ 14 ноября 1809 г. Самборскій писалъ: „По Высочайше дарованному мнѣ праву нитаю теперь слабое свое здоровье благораствореннымъ мѣстнымъ воздухомъ въ Симферополь. Всенародная необыкновенная радость путевождствовала меня въ храмъ Божій, въ которомъ совершалось благодарственное [моленіе о прекращеніи кровопролитной войны, продолжавшейся семь столѣтій ²⁾]. Сіе происшествіе превосходитъ всякое сравненіе всѣхъ царей зем-

¹⁾ Мальтійскіе кресты, большого и малаго разиѣра, стали раздавать въ награду при императорѣ Павлѣ, который, какъ извѣстно, не только далъ убижище въ своемъ государствѣ рыцарямъ Мальтійскаго ордена, но даже привалъ на себя званіе великаго мастера (гроссмейстера) этого ордена (см. манифестъ объ этомъ въ Собр. зак. подъ 16 декб. 1798 г.).

²⁾ Рѣчь идетъ о прекращеніи въ 1809 г. войны съ Швеціей.

ныхъ; а по мѣрѣ сего подобаетъ поставить Ваше Величество превыше всѣхъ. Благочестивѣйшій монархъ! Вы уже бессмертный! Премудростію Вашею утвержденный миръ, столь славный для Россіи, да пребудетъ незыблемъ во вся грядущія времена, есть моя горячайшая молитва, и да въ полномъ и цвѣтущемъ здравіи совершите и другой Богоугодный подвигъ: *во избавленіи христіанскихъ церквей и намъ единовѣрныхъ*. Великость и твердость Вашего духа подаетъ и въ семъ событіи твердую надежду“. Еще настоячѣе протоіерей Самборскій просилъ объ этомъ же самомъ Государя Императора въ письмѣ отъ 12 декабря 1809 года. Поздравивъ Государя со днемъ Его Рожденія, Самборскій продолжаетъ: „Сей высокаторжественный день праздновалъ я въ Евпаторіи, съ *единовѣрными греками*, которые, принося Всесильному Богу горячайшія молитвы, твердо питаютъ себя надеждою: что Рожденіе Ваше, Благочестивѣйшій Монархъ, послѣдовавшее въ день святителя Спиридона Тримифунскаго, есть истинное предзнаменованіе *скаго сихъ страдальцевъ избавленія отъ довременнаго иа магометанскаго*. *Къ сему въ настоящія времена уже и путь открытъ Вашему побѣдоносному оружію*. *Да неподользъ совершатся сія, есть моя горячайшая молитва*“.

Одновременно съ этимъ послѣднимъ письмомъ къ Государю Императору о. Самборскій отправилъ слѣдующее письмо и къ князю Голицыну: „Имѣю счастье поздравить Васъ съ Рожденіемъ Его Императорскаго Величества, которому все-нижайше прошу Васъ поднести мое поздравленіе¹⁾. Сей высокаторжественный день праздновалъ я съ *единовѣрными греками*. Не могу довольно описать ихъ сердечныхъ движеній и пламенѣющихъ моленій, которыя они привосятъ Богу о Благочестивѣйшемъ Императорѣ Александрѣ и твердо надѣются, что Господь Богъ Его избралъ для ихъ *избавленія*...

¹⁾ Это поздравленіе Самборскаго было поднесено Государю 14 янв. 1810г.

Что касается до состоянія моего здоровья, то жестокая зима, какова была пропедшая, онаго не снѣдаетъ. Я, ходя по берегамъ моря, питаю свою старость благораствореннымъ воздухомъ. Доселѣ нѣтъ здѣсь ни мороза, ни снѣгу“.

VII.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи и съѣздивъ оттуда для поправленія здоровья въ Тавриду, протоіерей Самборскій возвратился въ сѣверную столицу, гдѣ онъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе и уваженіе. Кстати сказать, вообще у него было много доброжелателей; объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуется обширная переписка его съ разными лицами, начиная съ вельможъ Екатерининскаго времени и до самыхъ скромныхъ тружениковъ, по преимуществу земляковъ, въ письмахъ которыхъ всего чаще выражается искренняя признательность за оказанныя благодѣянія¹⁾. Но петербургская сырость и морозы сѣвернаго края Россіи пагубно повліяли на хилое, ослабленное старческими недугами, здоровье о. Самборскаго. Желая подкрѣпить свое слабое здоровье благотнымъ климатомъ Малороссіи, онъ рѣшилъ вскорѣ отправиться въ г. Лубны Полтавской губерніи, при чемъ предварительно заручился отъ своего друга князя Куракина рекомендательнымъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору. „Препровождая къ Вамъ при семъ, мой старый, почтеннѣйшій другъ“,—писалъ отъ 11 сент. 1813 г. протоіерею Самборскому князь Куракинъ,—„мое о Васъ письмо къ малороссійскому генералъ-губернатору подъ отверстою печатью²⁾, еще

¹⁾ Многие документы изъ этой переписки Самборскаго хранятся въ семейномъ архивѣ с. Стратилатовки.

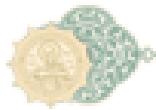
²⁾ Вотъ это письмо: „Подателя сего, довольно Вамъ известнаго почтеннаго Андрея Азавасъевича Самборскаго, препоручаю я симъ, другъ мой сердечный Яковъ Ивановичъ, въ покровительство, неоставленіе и милостивое о немъ, во всемъ отъ Васъ зависящемъ, попеченіе Ваше. Своимъ поведеніемъ и качествами души и ума, вездѣ, гдѣ не былъ, приобрѣталъ онъ себѣ почтеніе и

разъ желаю Вамъ счастливаго пути. Да сохранить Васъ Богъ на многіе годы, съ лучшимъ здоровьемъ и спокойствіемъ и съ исполненіемъ всѣхъ благочестивыхъ желаній Вашихъ! Между тѣмъ помните и любите всегда Вашего вѣрнаго и усерднаго друга и слугу“.

И южный климатъ благодатной Малороссіи уже не могъ возстановить здоровья о. Самборскаго. Въ Петербургъ онъ возвратился больнымъ. Два года до своей смерти Самборскій почти не вставалъ съ постели: лежащимъ въ экипажѣ переносили его въ это время изъ Михайловскаго замка на дачу Александрову близъ Павловска. Здѣсь онъ и дочь его, Анна Андреевна, не разлучавшаяся съ нимъ до самой его кончины, не одинъ разъ принимали воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, котораго директоромъ былъ тогда его зять В. О. Малиновскій. Императрица Марія Ѳеодоровна почти ежедневно освѣдомлялась о здоровьи почтеннаго старца и иногда присылала въ подарокъ ему лучшіе плоды изъ своего Павловскаго сада.

Съ 1815 года болѣзненные припадки у протоіерея Самборскаго, всегда переносимые имъ съ поразительнымъ терпѣ-

нѣнностью. Разныя отличныя употребленія, въ коихъ въ два послѣднія царствованія онъ въ отечествѣ нашемъ находился и продолженное ему благоволеніе отъ нынѣ царствующаго Государя безызвѣстными Вамъ быть не могутъ. *Разслабленное его здоровье немощами, отъ древности лѣтъ происходящими, не перенося сырости и боищихъ морозовъ здѣшняго сѣвернаго края Россіи, онъ идетъ подкрѣпить оное умереннымъ, чистымъ и гораздо лучшимъ воздухомъ Малороссіи, Лубны есть мѣсто имъ избранное, гдѣ по сосѣдству съ однимъ славящимся врачъ Трофимовскаго, основать пребываніе свое располагаетъ; въ Лубнахъ и во всей Малороссіи никто болѣе Васъ помощи и вселенъ милостей оказать ему не можетъ. Онъ меня уже слишкомъ сорокъ лѣтъ знаетъ и любитъ; я самъ не переславалъ въ сію значительную полосу вѣка нашего любить и уважать его, и ему всегда усердно, по мѣрѣ лучшей возможности моей, служить. Я Вамъ предаю его какъ одного изъ самыхъ древнихъ друзей моихъ; примите его и обращайтесь съ нимъ въ семь качествъ и вѣрите, что за всякій подвигъ Вашъ, къ успокоенію его старыхъ дней въ новомъ убѣжищѣ его, буду я Вамъ лично и чувствительнѣйше благодаренъ. Павловское, сент. 11, 1813 года, являзь Александръ Куракинъ“.*

ніемъ, начали усиливаться, но въ промежуткахъ отъ страданій, онъ сохранялъ ясное расположеніе духа. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ о. Самборскій рѣшился написать послѣднее свое предсмертное письмо къ императору Александру Павловичу. „Уже болѣе года протекло“,—писалъ онъ въ іюнѣ 1815 г. Государю“,—какъ я возлежу на одрѣ, изможденный прежде-
стоками болѣзнями! Въ продолженіе сего времени, я, по не-
исповѣдимой Божіей благодати, неоднократно приготавливалъ себя къ переселенію въ вѣчность, чрезъ священноіерея, причащеніемъ св. Таинъ и установленнымъ въ христіанской церкви молитвословіемъ. На послѣднемъ благочестивый и наивѣрнѣй-
шій царедворецъ Вашего Императорскаго Величества, князь Голицынъ, блюститель духовныхъ дѣлъ, присутствовалъ. Сей мужъ, исполненный Божіей благодати, зѣло подкрѣпляетъ духъ мой въ моихъ страданіяхъ. Теперь я устремляю всевозможное вниманіе къ слышанію капона на исходъ души моей! Душа моя должна бы въ сіи минуты мучиться и терзаться, оставляя бременное мое тѣло, поелику я оставляю моимъ сиротамъ тяжкіе долги, нажитые мною не роскошью и мірскою суетностію, но приобрѣтеніемъ общаго блага. Но ознаменованное во всей вселенной Вашего Императорскаго Величества человеколюбіе, щедролубіе и правосудіе меня успокоиваютъ; съ которыми я, соображая мое ревностное и вѣрное служеніе Вашему Престолу, повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашимъ, слезно молю: да воспріимите дочь мою Анну Самборскую съ прочими сиротами¹⁾, зависящими отъ нея, между коими имѣетъ счастье находиться и Ваша крестная дочь Елизавета Малиновская²⁾, подѣ Вашѣ Высочайшій Отческій Покровъ, и во-первыхъ, повелѣть опредѣлить имъ по жизнь

¹⁾ За три года до кончины Самборскаго умерла его младшая дочь Софья, бывшая замужемъ за Малиновскимъ, а черезъ два года, на 45 году жизни, скончался и зять его, оставившій своему тестю шестеро круглыхъ сиротъ. Объ этихъ то сиротахъ и ходатайствуетъ здѣсь о. Самборскій.

²⁾ Крестною матерью ея была императрица Марія Ѣофоровна.

то жилище въ Михайловскомъ замкѣ, въ которомъ по Высочайшему Вашему назначенію, мы теперь живемъ, въ которомъ бы дарованная мнѣ церковь, устроенная мною изъ царскихъ одеждъ Бессмертная Александры, пребыла неподвижною со св. иконами, въ которой бы мои сироты приносили съ теплыми слезами моленія, какъ о непоколебимости Вашего царскаго Престола, такъ и о Бессмертной Александрѣ поминovanje! Во-вторыхъ, дабы по щедролюбію Вашему сооблаговостили опредѣлить по жизни, для насущнаго пропитанія всѣхъ ихъ, тотъ пенсіонъ, который Великая Екатерина, Августѣйшіе Ваши Родители и собственно Ваше Величество назначили мнѣ, то есть: семь тысячъ шестьсотъ рублей и если возможно простили бы великодушно банковскій долгъ“ (въ количествѣ 36,000 руб., лежавшій на имѣніи Самборскаго). Это письмо о Самборскаго княземъ Голицынымъ было доложено Государю уже послѣ смерти его автора и, какъ увидимъ ниже, возымѣло свое дѣйствіе.

Съ глубочайшею вѣрою въ Божественнаго Искупителя и надеждою на неизреченное Его милосердіе ожидалъ протоіерей Самборскій приближающейся кончины, наканунѣ которой, при полномъ сознаніи, приобщился въ послѣдній разъ св. Таинъ, съ обычною ласковостію и привѣтливостію благословилъ дочь, сиротъ-внуковъ и внучекъ, простился со всѣми и 5 окт. 1815 года мирно почилъ о Господѣ на 82 году своей многополезной и многотрудной жизни. Отпѣваніе тѣла почившаго было совершено митрополитомъ Амвросіемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ въ церкви Симеона Богопріимца въ Петербургѣ. При этомъ присутствовали великіе князья, множество знатныхъ особъ и несмѣтная толпа народа. Съ неменьшею торжественностію совершено было 9 октября и самое погребеніе усопшаго протоіерея на кладбищѣ Большой Охты, гдѣ уже были погребены его жена, дочь и зять. На этомъ кладбищѣ и до сихъ поръ сохраняется фамильный

склепъ, окруженный чугуною рѣшоткою, и надъ нимъ два памятника съ соотвѣствующими надписями.

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, не присутствовавшій на погребеніи бывшаго своего любимаго законоучителя, такъ-какъ въ это время онъ находился за-границей оказалъ самое живое сочувствіе къ памяти усопшаго протоіерея Самборскаго. Едва узнавъ о кончинѣ своего духовнаго наставника, онъ немедленно же исполнилъ извѣстную его предсмертную просьбу касательно сиротъ. Отъ 12 фев. 1816 года князь Голицынъ писалъ дочери о. Самборскаго слѣдующее: „ По врученному мною письму покойнаго родителя Вашего къ Государю Императору, я имѣлъ счастье докладывать. Его Величество, въ доказательство особеннаго вниманія къ долговременному и ревностному служенію сего почтеннаго старца, Всемилостивѣйше повелѣлъ: 1) обратить Вамъ, Милостивая Государыня моя, въ пожизненный пенсіонъ всю ту сумму, какая производилась родителю Вашему изъ Кабинета Его Величества, именно по 7,600 рублей въ годъ. 2) Занимаемая имъ комнаты въ Михайловскомъ замкѣ оставить нынѣ за Вами. 3) Утварь церковную и образа послѣ покойной Государыни Великой Княгини Александры Павловны, оставить въ достояніе Ваше; но какъ содержаніе домової церкви Государь находитъ по разстроенному состоянію Вашему слишкомъ стѣснительнымъ, то обратить всю утварь и образа въ церковь вашей деревни (т. е. Стратилатовки), а прилагаемый при семъ наперсный крестъ, пожалованный родителю Вашему блаженной памяти императрицею Екатериною II утвердить, согласно желанію Вашему, на украшеніе дарохранительницы въ ту же церковь¹⁾. Что же касается до бавковаго долга, Его Величество повелѣлъ войти въ разсмотрѣніе онаго министру финансовъ и доложить съ своимъ мнѣ-

¹⁾ Все это въ точности было исполнено дочерью Самборскаго.

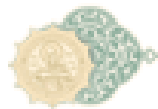
ніемъ“¹⁾). Такъ, значитъ, была священна для императора Александра I послѣдняя воля бывшаго его законоучителя!

Современный хроникеръ, сообщая свѣдѣнія о протоіерей А. А. Самборскомъ, по поводу его кончины и погребенія, въ заключеніе своего сообщенія говоритъ: „Жизнь сего почтеннаго мужа, ознаменованная безпримѣрною дѣятельностію, трудолюбіемъ и усердіемъ къ общей пользѣ, останется незабвенною“²⁾).

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

¹⁾ Долгъ былъ прощенъ.

²⁾ „Сѣверная почта“ 13 окт. 1815 г. № 62.

Т У П І К А

(Addenda et corrigenda).

Въ концѣ 1895 года появилась наша книга: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока. Т. I Тѣтъхъ. Часть первая: Памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе Типиконы“, составляющая начало обширнаго и многотомнаго изданія по изученію памятниковъ богослуженія православной церкви. Книга эта была весьма благосклонно встрѣчена, какъ нашими друзьями и благожелателями, весьма живо интересующимися историческимъ прошлымъ византійской православной церкви, такъ и критикою. Это обстоятельство, давая намъ бодрость и нравственную поддержку къ продолженію предпринятаго изданія, въ то же время налагаетъ на насъ обязанность со всею возможною осторожностію и серьезностію относиться къ дѣлу изданія указанныхъ памятниковъ, не только приготовляемыхъ теперь къ печати, но даже уже и опубликованныхъ нами въ свѣтъ. Въ этомъ сознаніи, пользуясь случаемъ, во время своей ученой экскурсіи по библіотекамъ западной Европы въ минувшій ваникулъ, мы одни изъ изданныхъ нами документовъ сличили съ подлинниками, такъ какъ, при изданіи, по необходимости пользовались лишь копіями съ нихъ, другіе провѣрили по новымъ спискамъ, болѣе, по нашему мнѣнію, тщательно скопированнымъ съ оригиналовъ, нынѣ, кажется, уже безвозвратно потерянныхъ для науки, третьи, наконецъ, памятники, о которыхъ мы писали со словъ

компетентныхъ ученыхъ, постарались увидѣть непосредственно, на мѣстѣ ихъ нахожденія, и, такимъ образомъ составить о нихъ свое самостоятельное сужденіе. Результаты всего этого получились весьма любопытные, подѣлиться которыми мы и считаемъ своимъ долгомъ съ нашими читателями, обратившими свое благосклонное вниманіе на издаваемые нами документы.

Такъ какъ критика наиболѣе всего заинтересовалась Типикономъ Константинопольскаго Пандократорскаго монастыря, даннымъ его основателемъ императоромъ *Іоанномъ Комненомъ* въ 1137 году и обрисовавшимъ передъ нами весьма выпуклыми и характерными чертами высокое филантропическое и просвѣтительное значеніе древнихъ византійскихъ монастырей, какъ ни одинъ изъ доселѣ обнародованныхъ подобныхъ памятниковъ, то на этотъ Типиконъ главнымъ образомъ было направлено наше вниманіе, во время нашихъ занятій въ западныхъ библіотекахъ. При самомъ изданіи этого драгоценнаго документа, чувствовалась настоятельная потребность въ новомъ спискѣ настоящаго Типика, съ цѣлью провѣрить по нему единственно извѣстную намъ въ ту пору копию его по рукописи 1749 года № 85 библіотеки Халкинской богословской школы въ Константинополѣ и восполнить такимъ образомъ тѣ дефекты, которые имѣются въ немъ. Совершенно неожиданно для себя мы нашли удовлетвореніе этой потребности въ парижской національной библіотекѣ въ рукописи XVIII в. основнаго (du Fonds), царскаго, такъ называемаго, собранія № 389, хорошо и съ давнихъ уже поръ извѣстной въ наукѣ подъ именемъ „*Типикона императора византійскаго Іоанна Палеолога*“.

Свѣдѣнія о данной рукописи впервые сообщилъ авторъ „*Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Regiae*“, Parisiis, edit. 1740 an., t. II, pag. 54, описавъ ее въ слѣдующихъ чертахъ: „*Codex chartaceus, Constantinopoli nuper in bibliothecam regiam illatus, quo continetur Ioannis Palaeologi,*

imperatoris Constantinopolitani, Typicum, quo leges in officio divino servandae traduntur, ut et alia nonnulla ad disciplinam monasticam pertinentia. Opus ineditum, cujus unum aut alterum folium desideratur. Ioannes vero Palaeologus consilio Florentino interfuit. Is codex ex alio exemplari, quod in illustrissimi Valachiae principis bibliotheca asservatur, descriptus est". Эти обширныя библиографическія свѣдѣнія въ самой рукописи не находятся, и получены описывателемъ царскихъ кодексовъ, по всей вѣроятности, отъ копіиста рукописи *Іоанна Византія Палеолога* непосредственно, если только не этому послѣднему принадлежитъ замѣтка, вшитая нынѣ въ рукопись между 1 и 2 листами слѣдующаго содержанія: „Codex. chart., e codice fer. Moldaviae principis descriptus, quo continetur Ioannis Palaeologi imperatoris Typicon, sive ordo recitandi divini officii per totum annum. Desiderantur duo prima folia". Что же касается имени автора Типикона, который содержится въ рукописи, то на этотъ счетъ, повидимому, не могло быть у описывателя парижской рукописи № 389 никакого сомнѣнія. Оно ясно и категорически указано копіистомъ рукописи въ припискѣ къ пей въ концѣ, гдѣ въ Халкинской рукописи мы находимъ слѣдующую подпись императора Іоанна Комнѣна съ точною датою изданія Типикона: „Κατὰ μῆνα Ὀκτωβρίου, ἰνδικτιῶνος πεντεκαίδεκάτης, ἔτους ἐξακισχίλιου τοῦ ἐξακοσιοστοῦ τεσσαρακοστοῦ πέμπτου. Ἰωάννης ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς πορφυρογέννητος καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Κομνηνός". (Описан. т. I, ч. I стр. 702). Но легко-мыслию ли, или изъ желанія показать свою родовитость и связь съ фамиліею императоровъ Палеологовъ, или по какимъ-нибудь инымъ побужденіямъ писецъ опустилъ указанную въ оригиналѣ подпись императора Іоанна Комнѣна и вмѣсто нея сдалалъ, кромѣ стереотипной заключительной фразы: „Τῷ συντελεσθῇ τῶν χαλῶν Θεῷ χάρις“, еще своего собственнаго сочиненія слѣдующую четверостишную приписку:

Ἐν αὐτῇ μὲν τῇδε ἐκδέδωκε τὴν βίβλον
 Ὁ Ἰωάννης ὁ καὶ Παλαιολόγος·
 Ὁ δὲ αὐτὴν αὐτὴν μετεγράψας καλεῖται
 Ἰωάννης Βοζάντιος Παλαιολόγος (л. 61).

Вотъ эта-то шутивая приписка копіиста и ввела въ заблужденіе почтеннаго описывателя царскихъ рукописей, не пожелавшаго ближе ознакомиться съ содержаніемъ Типикона, въ которомъ, къ слову сказать, авторъ Типикона до конца прямо и не называется по имени, и онъ выдалъ Пандократорскій, нынѣ нами обнаруженный Типиконъ 1137 г. императора Іоанна Комнена, за *Типиконъ XV столѣтія императора Іоанна Палеолога*. Ошибку эту повторилъ недавно извѣстный въ наукѣ палеографъ и консерваторъ отдѣленія рукописей бібліотеки парижской національной Н. Oumont въ „Полномъ каталогѣ¹⁾ рукописей этой бібліотеки“ 1886 г.

¹⁾ Считаеъ не лишнимъ для тѣхъ, кому это интересно, указать, что въ Каталогахъ рукописей Парижской національной бібліотеки г. Омона, въ своемъ отдѣлѣ мы замѣтили немало неточностей и даже ошибокъ, особенно въ, такъ называемомъ, «*l' Invent. Sommaire de manuscrit du Supplem. grec. de la bibl. nationale*». Этотъ послѣдній всецѣло принадлежитъ г. Омону. Такъ, напр., Илтарій № 410 и № 411 (du Fonds), по словамъ г. Омона (т. I. р. 43, 44), содержитъ въ себѣ литургію *Златоуста*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ нихъ имѣются чины литургіи В. Великаго (т. I. р. 44); рукопись № 403 (du Fonds) именуется «*Liber grecum*» (р. 43), а на самомъ дѣлѣ это книжка для начальнаго обученія грамотѣ; ркп. № 111, № 142 и № 803 (Supplement.) называются *Euchologium* (pag. 218, 222 и 312), тогда какъ въ дѣйствительности первая представляетъ отрывокъ изъ Минея, вторая—сборникъ каноновъ тронныхъ, ²⁾богородичныхъ и др., а третья—отрывокъ изъ Параклитика. Въ опредѣленіи хронологіи рукописей не всегда указываются имѣющіеся въ нихъ даты. Такъ, напр., № 67 (Supplem.) онъ считаетъ просто ркп. лишь XVII в., тогда какъ, въ самой рукописи имѣется точная дата такого содержанія: ἐπὶ ἔτους, ζκβ' = 1614 ind. β'. Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ Μητροφάνους πόνοϋ. (л. 230) Нерѣдко весьма

„Inventair sommair. des manuser. du Fonds Grec.“ t. III p. 40, обозначивъ разсматриваемую нами рукопись № 389 такъ: „Ioannis Palaeologi imperatoris Typicum XVIII s. pap. 61 fol.“.

хронологія рукописей то повышается, то понижается безъ достаточныхъ основаній. Въ обозначеніяхъ содержанія рукописей дается гораздо больше, чѣмъ рукопись въ дѣйствительности можетъ дать, и возбуждается въ читателѣ интересъ къ рукописи, какого она не заслуживаетъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, напр., Типиконъ № 38 (Coisl.) 1432 г. г. Омонъ описываетъ въ своемъ каталогѣ такъ: „*Typicum magnae laurae s. Athanasii*“ (t. III, p. 117), но, при ближайшемъ знакомствѣ съ рукописью, оказалось, что эта рукопись лишь писана въ лаврѣ пр. Аѳанасія іеродіакономъ Діонисіемъ (л. 402) и ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на названіе Типикона лавры св. Аѳанасія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Рукопись содержитъ въ себѣ полныя Тріоды и стѣвную и двѣтную съ прибавленіемъ въ началѣ порядка службы на великій постъ и пятидесятницу подъ заглавіемъ: „Τυπικὸν τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς“ (Манфоконъ читаетъ: μ ο ν ῆ ς p. 112), ἀρχόμενον τῇ κυριακῇ τοῦ τελώνου καὶ τοῦ φαιστίου ἄχρι τῶν ἁγίων πάντων (л. 1). Еще менѣе имѣетъ право называться рукопись XII в. № 362 (Coisl.) «*Ritnale et euchologium laurae s. Sabbae*“ (t. III, p. 189), потому что въ дѣйствительности этотъ еухологіи не имѣетъ никакого отношенія къ іерусалимской лаврѣ пр. Саввы Освященнаго, а случайно попавшій сюда чинъ всенощнаго бдѣнія съ надписью: „Τυπικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας τῶν Ἱεροσολύμων εὐαγῶν μοναστηρίων τῆς μονῆς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σάββα καὶ τῶν λοιπῶν“ (л. 143 об.) не даетъ ему этого права. Г. Омонъ, при описаніи рукописей царскихъ и константиновскаго собранія, въ большинствѣ случаевъ повторяетъ ошибки своихъ предшественниковъ. Такъ, напр., Τυπικόν, рел. № 361 (Coisl.) г. Омонъ называетъ «*Typicum laurae s. Sabbae auctore Sophronio hieromonacho*“ (t. III, p. 189), очевидно, потому, что Манфоконъ, при описаніи этой рукописи, прочелъ заглавіе Типикона очень дурно и передалъ его въ такомъ неестественномъ видѣ: „Τυπικὸν τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις λαύρας τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σάββα, συντεθέν καὶ συγγραφέν παρὰ τοῦ ἁ γ ι ω τ α τ ο υ (титულъ не іеромонашескій), πα τ ρ ὅ ς καὶ ἱ ε ρ ο μ ο μ ο ν ᾱ χ ο υ (правильно слѣдуетъ читать: πατριάρχου Ἱεροσολύμων) κορυβ

Труды Кіев. дух. Академіи, 1896 г. Т. III.

35

При сличеніи обнародованнаго нами списка Пандократорскаго Типикона по Халкинской рукописи № 85 съ новымъ спискомъ его въ національной Парижской библіотекѣ по списку Іоанна Византія Палеолога № 389, мы припили къ тому убѣжденію, что оба эти списка сдѣланы съ одного оригинала, такъ какъ текстъ ихъ тождественъ, и существующіе дефекты составляютъ принадлежность обоимъ, скопированныхъ приблизительно на недалекомъ пространствѣ времени другъ отъ друга, т. е. не позже первой половины XVIII в. Халкинская рукопись № 85 точно называетъ прототипъ свой въ слѣдующей припискѣ: „Ἀντεγράφη ἀπαρχλάχως ἀπὸ χειρογράφου ἐν μεμβράναις βιβλίου, αὐτοῦ φημι τοῦ πρωτοτύπου Τοπικου, σωζομένου ἐν τῇ πληρεστάτῃ βιβλιοθήκῃ τοῦ σοφωτάτου καὶ ἀοιδίμου αὐθέντου Νικολάου βασιβάρδα Μαυροκορδάτου τῇ ἐν Κωνσταντινουπόλει, κατὰ τῆν ἀκρόβριον ἰνδικτιῶνος δεκάτης τρίτης, ἔτος χιλιοστὸν ἑπτακοσιοστὸν τεσσαρακοστὸν ἑννάτου ἀπὸ τῆς ἐνάρχου οἰκονομίας“ (л. 122). Сопоставляя теперь свѣдѣнія описывателя царскихъ рукописей и тѣ, которыя имѣются въ рукописи въ особой припискѣ на бумажкѣ, удостовѣряющія, что этотъ „codex Constantinopoli nuper illatus“, и что онъ „ex alio exemplari, quod in illustrissimi Valachiae (въ припискѣ: Moldaviae) principis bibliotheca descriptus“ съ упомянутою сей часъ припискою въ Халкинской рукописи № 85, мы приходимъ къ заключенію, что здѣсь, въ качествѣ прототипа, разумѣется одинъ и тотъ же пергаменный кодексъ богатой константинопольской библіотеки извѣстнаго мецената, молдавскаго воеводы, князя Николая Маурокардата, почему то неназваннаго прямо по имени въ описаніи царскихъ рукописей.

Σωφρονίου“ (Coislian. Biblioth. Paris. 1715 p. 161). Не сомнѣв мся, что, если бы нужно было обозначить начало этой рукописи, то г. Омонъ повторялъ бы Моисею „Διάταξις τοῦ μικροῦ ἐσπερινου“ написавъ бы въ своемъ Каталогѣ: „Ἀίμεταξὶς (?) τοῦ μικροῦ ἐσπερινου“.

Итакъ, въ рукописи Парижской національной бібліотеки № 389 (du Fonds) мы имѣемъ теперь третій уже списокъ пандократорскаго константинопольскаго устава, разумѣя подъ двумя другими списками—рукопись Халкинской богословской школы въ Константинополѣ—№ 85 и рукопись, которую видѣлъ на островѣ *Занте*¹⁾ проф. новороссійскаго университета П. Безобразовъ, нѣкогда интересовавшійся пандократорскимъ Типикономъ и даже впервые ознакомившій людей науки въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ²⁾. То обстоятельство, что всѣ эти три копии имѣютъ одни и тѣ же дефекты, указываетъ намъ на происхожденіе ихъ отъ одного оригинала и до нѣкоторой степени умаляетъ горечь утраты самого подлинника, неизвѣстно куда нимѣ исчезнувшего, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что наука владѣетъ теперь этимъ любопытнымъ памятникомъ въ копіи, если не вполне точной, то во всякомъ случаѣ весьма близкой къ оригиналу.

Пользуясь случаемъ, мы свѣрили текстъ изданнаго нами пандократорскаго Типикона по рукописи Халкинской бібліотеки № 85, писанной далеко не всегда четкимъ и легко разбираемымъ почеркомъ, съ вновь найденнымъ нами въ Париж-

1) „Другой списокъ устава Пандократора я, пишетъ г. Безобразовъ, нашелъ на островѣ *Занте* у г. *Михалици*. Благодаря необыкновенной любезности владѣльца рукописи, я имѣлъ ее у себя въ теченіе недѣли и могъ убѣдиться, что эта рукопись писана почеркомъ конца прошлаго столѣтія, или даже первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Она, по всей вѣроятности, списана съ Халкскаго кодекса, потому что тѣхъ самыхъ словъ, которыхъ не разобралъ халкскій переписчикъ, не разобралъ и зантскій. Въ зантскомъ спискѣ точно также вѣтъ начала и предисловія, и оно начинается съ тѣхъ же словъ, что и халкская рукопись“. (Журн. Минист. Нар. Просв. 1887, кн. XI, стр. 67, прим. 1). Зантская рукопись на самомъ дѣлѣ не представляетъ ли *второй* копии съ оригинала, хранившагося вѣсегода въ бібліотекѣ князя Маврокордата въ Константинополѣ? Это предположеніе—весьма вѣроятное.

2) Журн. Мин. народн. Просвѣщ 1887 г. стр. 67 и далѣе.

ской библіотекѣ спискомъ въ рукописи № 389, которая написана болѣе четко и старательно, и результатами этой проверки считаемъ весьма полезнымъ подѣлиться съ нашими читателями, отмѣчая болѣе важныя разночтенія новаго списка курсивомъ. Вотъ какія замѣчены нами разночтенія: стр. 656 строк. 16 сверху κατ' ἐκείνην, вмѣсто μετ' ἐκείνην, 656, 20 θαύματα вм. θαυμάσια, 659, 35 νεύματι вм. νεύμασι, 663, 6 διὰ τούτων вм. διὰ τοῦτο, 664, 35 ἐν τοῖς ἀνωτέρω δεξιοῖς вм. ἐν τοῖς ἀνωτέροις δεξιοῖς, 667, 10 οἱ μοναχοὶ вм. οἱ ἀδελφοί, 668, 3 σοὺ Σωτηροῦ вм. τοῦ Σταυροῦ, 668, 14 τοῖς μοναχοῖς вм. τοῖς ἀδελφοῖς, 669, 25 ἡγεμένα вм. ἀρτομένα, 669, 34 οἱ μοναχοὶ вм. οἱ ἀδελφοί, 670, 20 λουτρῷ¹⁾ вм. λουτρῷ, 671, 21 τὸ ἦθος вм. τὸ ἔθος, 673, 6 δεξιόμενος вм. δεξιόμενος, 676, 21 ἐδίδото вм. ἐδίδοτο, 677, 8 Въ Парижской рукописи читается такъ: εἰς τὸν μύχλα ἄπειν κανδήλαν ἀκοίμητον μίαν, ἐν τῷ συνθρόνῳ καθιστήν κανδήλαν μίαν, εἰς τὰς δύο προσκυνήσεις κ. т. л., г. е. подчеркнутыя слова у насъ опущены. 677, 22 ἐπεὶ δὲ вм. ἐπειδὴ δὲ, 678, 25 πεπολιωμένος вм. πενιλιωμένος, 679, 13, πρὸς μερικὴν αὐτῶν παράκλησιν вм. ὑπὲρ μερικῆς αὐτῶν παρακλήσεως, 679, 29 ἐβδομαρικόν вм. ἐβδομαδικόν, 681, 15 ἀνυστέρητον вм. ἀναστέρητον, 682, 11 ἑτέρα ὀκτώ вм. ἐτέρας ὀκτώ, 682, 18 λοονίχια δύο вм. λοονίχια δύο, 682, 21 ἀναγκαῖον μὲν вм. ἀναγκαῖος, 683, 26 κατὰ τὰ δειλινά вм. μετὰ τὰ δειλινά, 683, 36 ἐπιστόφει вм. ἐπιστίφει, 684, 23 ἀντιμετρεῖται ἀμοιβὰς вм. ἀντιμετρεῖ τὰς ἀμοιβὰς, 684, 27 τῶν ἱατρῶν, ὁπουργῶν καὶ λοιπῶν вм. τῶν ἱατρῶν καὶ λοιπῶν, 684, 36 μαγικες вм. μάγισσαι, 686, 9 μολικά вм. μολιστά, 688, 2 ἐξωνήσεως вм. ἐφωνήσεως, 688, 28 πιτσάνης вм. πтосάνης, 688, 35 ισχάδων вм. ισχάδες, 688, 37 πιτόρων вм. πтτόρος, 690, 4 ἐξήμισυ вм. ἕξ, 691, 15 πρὸς τῷ ἡμίσει²⁾ вм. πρὸς τὸ ἡμισυ, 691, 17 ἐκπλύσεως вм. ἐκλύσεως, 692, 7 ἐναποχεῖσονται вм. ἐναποχεῖσθαι, 693, 29 ἱερουργήτω вм. ἱερουργήτωσαν, 697, 8 Δανόνιον вм.

¹⁾ Слово τὸ λουτρόν въ рукописи всюду пишется безъ сокращенія такъ: τὸ λουτρὸν.

²⁾ Въ рукописи нерѣдко употребляется это слово, и всюду оно было предѣлано нами на πρὸς τὸ ἡμισυ, въ виду предлога πρὸς чаще требующаго послѣ себя винительнаго падежа, чѣмъ дательнаго.

Δαονιον, 697, 11 Νεστορίου вм. Νεστορίου, 697, 15 Καρχρῆ вм. Κερχρῆ, тамъ же Ἀχρίσται вм. Ἀχρισταί, 697, 16 αἱ ἔσωθεν вм. καὶ ἔσωθεν, 697, 25 καὶ τῶν ἐν αὐτῷ προστασιῶν вм. τῷ ἐν αὐτῷ προστασίῳ, 697, 26 τὰ Βοῦπι вм. τὰ Βούπη, 697, 35 οἱ Θλάβοι вм. Σθλάβοι 698, 3 Δοξάδα вм. Λοξάδι, 698, 5 Πουμουόδου вм. Πούμδου, 699, 6 Νεσσίων вм. Νεατῶν и 699, 31 προβαίνει вм. προβαίνειν.

Относительно Типикона 1159 года Мамантовскаго константинопольскаго монастыря мы замѣтили въ книгѣ, что „подлинникъ его, находившійся нѣкогда въ патріаршей іерусалимской библіотекѣ, въ настоящее время находится въ Парижской національной библіотекѣ“ (введ. стр. ХСVII, прим. 2). Мы напечатали изъ этого Типикона, по копіи въ рукописи Халкинской библіотеки № 85, прологъ, 40 главу и подписи, а остальной текстъ, въ виду его близкаго сходства съ текстомъ Типикона мало-азійскаго монастыря Богородицы „τῶν Ἱλίου Βορῶν“, изданнаго нами по подлиннику Патмосской библіотеки, мы сличили съ этимъ послѣднимъ, отмѣтивъ разности въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нему. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, мы поинтересовались видѣть подлинный текстъ мамантовскаго Типикона въ рукописи № 92 (du Supplement) національной библіотеки, сличили вторично съ напечатаннымъ у насъ текстомъ его, по константинопольской копіи, и замѣченныя нами несоотвѣстствія подробно отмѣтили. Такъ какъ эти разности *подлиннаго* списка мамантовскаго Типикона представляютъ несомнѣнный интересъ для тѣхъ, которымъ придется изучать этотъ весьма любопытный памятникъ историческаго прошлаго древней византійской церкви, то мы ихъ печатаемъ здѣсь цѣликомъ, подчеркивая наиболѣе важнѣйшія изъ нихъ. Вотъ эти особенности: стр. 702, 21 стрк. слѣдуетъ читать: ἐν γὰρ τοι ταῖς вм. ἐν γὰρ ταῖς, 703, 32 ὑπορεύσαν вм. ὑπορρέουσιν, 704, 21 μὴ πάντας ἀφῆκεν вм. μὴ πάντα ἀφῆκεν, 704, 28 μήποτε τινες вм. μὴ ποτέ τινες, 704, 37 ἐλευθερία διηνεκεῖ вм. ἐλευθερίαν διηνεκεῖ, 705, 1 περιλειομένη вм. περιλειομένην, 705, 3 διδομεν вм. διδομένην, 705, 6 ποιουμεν вм.

ποιημένην, 705, 23 τῷ τότε καιροῦ в.м. τὸν τότε καιροῦ, 705, 31 ζω-
αρχῶν в.м. ζωηρχεῶν, 706, 17 τῷ καὶ προσελομένῃ в.м. τῷ Θεῷ προ-
σελομένῃ, 706, 23 περιουτολογεῖν в.м. περιουτολογεῖν, 707, 5
διὰ τὸ τὴν μικρὰν οὐ μένουσιν ἀ συνεισφορὰν в.м. διὰ
τὸ μικρὸν, 705, 30 Слово: καὶ νέου δομήτορος вѣтъ вѣ подлинникѣ.
705, 35 и 37 καὶ αὐτοὶ в.м. καὶ αὐτός, 709, 2 ὁ ταπεινὸς μοναχὸς
Ἀθανάσιος в.м. ὁ ταπεινὸς Ἀθανάσιος, 709, 11 Слово: ἐπὶ τῆς βασι-
λείᾳ Μανουὴλ τοῦ Κοινηνοῦ вѣтъ подлинникѣ вѣтъ, они при-
писаны на полѣ рукою XVII в., 710, 2 τοῦ στρατῶρος в.м.
στρατιῶς, 710, 3 μοναχοῦ, τοῦ μάγικος в.м. μοναχοῦ τοῦ Μαγικ. .
710, 16 τῆς τοιαύτης μονῆς в.м. τῆς μονῆς, 710, 25 τοῦ διθέτου
в.м. τοῦ αὐθέντου, тамъ же τοῦ μαυрик¹⁾ в.м. τοῦ Μαυρικ..., 710, 26
τῶν Στουδίου в.м. τῶν Στουδίων, 710, 29 τῶν Στουδίου в.м. τοῦ Στοу-
δίου, 710, 30 Μετακληθέντες τὴν σήμερον слѣдуетъ отдѣлити отъ
предыдущаго текста точкою и начать съ красной строки, такъ
какъ далѣе слѣдуетъ совершенно новая мысль. 711, 9 ἐ; ²⁾ τὸ
μηθέν (sic) в.м. εἰς τὸ μηθέν, 711, 23 ὡς ἐκεῖνοι в.м. ὡς ἐκείνος, 712, 20
κῶρ в.м. κῶρις, 712, 21 ἐναχειρίσθη в.м. ἐνεχειρίσθη 712, 22 ἐπιγινώ-
σκοντας в.м. γινώσκοντας, 713, 5 μακαρίτου ἐκεῖνου в.м. μακαρίτου, 713,
25 Ἀντώνιος μοναχός, Νικηφόρος μοναχός, Γεώργιος μοναχός
в.м. Ἀνώλιος μοναχός, Γεώργιος μοναχός, 714, 4 ἐπομένους в.м.
ἐπομένους, 714, 24 λογαριστής в.м. λογάριος, 714 30 τῶν πρωτοτύ-
πων в.м. τοῦ πρωτοτύπου, 718, 10 τοῦ ἡγουμενεύσαντος в.м. τοῦ ἡγουμε-
νεύοντος, 718, 35 ἐκλεγέντων в.м. ἐκλελεγέντων, 721, 10 ἐν χάριτι в.м.
ἐν τοῖς χαρίσι, 721, 23 παρέλ(ε)ουσιν ἡγομενεύσαντος καὶ
τῶν μετ' ἐκεῖνον ἡγουμενεύσόντων в.м. παρελευσιν ἡγουμενευσόν-
των, 721, 35 περὶ τοῦ в.м. περὶ τοῦ ἡγουμενεύσαντος, 722, 11 ἀπελέγξει в.м.
ἀπελέγξειεν, 722, 22 εἰ μὴ καὶ μάλλον, в.м. εἰ μὴ μάλλον, 722, 26
διατεταγμένα в.м. διατετοπωμένα, 722, 33 ἔξω в.м. ἔξωθεν, 722,
35 τῆς μονῆς в.м. τῆς αὐτῆς, 723, 11 ταύτη в.м. τούτη, 723, 14

¹⁾ Это слово намъ неизвестно, и поэтому оно остается безъ окончанія. Въ рукописи оно такъ-же не dokonчено.

²⁾ Предлогъ ἐ; вмѣсто обычнаго εἰς довольно часто употребляется въ данномъ памятникѣ.

ταύτης **BM.** αὐτῆς, 723, 19 ν ω β ε λ λ ί σ ι μ ο ν **BM.** νωβελλίας μου 723, 29 τοῦτο **BM.** τοῦτω, 724, 5 ταύτης **BM.** αὐτῆς 723, 14 προσεῖναι **BM.** προεῖναι 723, 32 καὶ διὰ τοῦ θεοῦ βασιλικοῦ, **BM.** καὶ βασιλικῷ, 725, 11 περὶ τοῦ δεῖν **BM.** περὶ τοῦ, 726, 22 τούτου **BM.** τοῦτου ἐνεκεν. 727, 29 ἐν τῷ ναῷ τῆς μονῆς **BM.** ἐν τῷ ναῷ, 728, 8 σκευοφύλακα δὲ εἶναι **BM.** σκευοφύλακα εἶναι, 728, 11 τῆς καθημερινῆς χρείας **BM.** τῇ καθημερινῇ χρείᾳ, 728, 22 ἐν αὐταῖς **BM.** ἐν αὐτοῖς, 728, 24 καὶ τὰς κλεῖς **BM.** καὶ τὰς τῆς διακονίας κλεῖς, 728, 34 τοῦτου **BM.** τούτων, 728, 35 Въ подлинникѣ слова: τῆς καθημερινῆς χρείας опущены. 729, 13 ἐπ' αὐτοῦ **BM.** ἐξ αὐτοῦ, 729, 26 ἕτερα δὲ νομίσματα οὐκ ἐκβλήθησονται **BM.** ἕτερα δὲ οὐκ ἐκβλήθησονται, 729, 28 ἐξωδίασεν **BM.** ἐξόδιασεν. 729, 31 ἐπεὶ δὲ τὸ λόγῳ **BM.** ἐπεὶ δὲ τῷ λόγῳ, 730, 5 ἀπόλυνται **BM.** ἀπόλληνται, 730, 14 ἐπιτρέφοι **BM.** ἐπιτρέφονται, 730, 33 σὺν δύο **BM.** οὖν δύο, 731, 28 γὰρ αὐτοῦ τοῦ ἡγουμένου **BM.** παρὰ τοῦ ἡγουμένου, 732, 6 τῆς μονῆς τετράκις **BM.** τῆς μονῆς ἐν τῇ τετραπέζῃ τετράκις 733. 12 ὅτε δὲ γε **BM.** ὅτε δὲ, 733, 24 βούλονται διὰ τὴν **BM.** βόβλονται φυλάττειν διὰ τὴν, 734, 15 δύναντ' ἄν **BM.** δύνανται ἄν, 734, 24 μετέχοντα ἐλαίου **BM.** μετὰ ἐλαίου, 735, 34 διακλυομένων **BM.** διακλυσμένων, 735, 35 κὰν τὴν **BM.** καὶ τὴν, 736, 20 ὁ τοῦ μείζονος ἐξαγίου **BM.** ὁ διὰ τοῦ μείζονος ἐξαγίου, 736, 23 εὐχαριστοῦντας **BM.** εὐχαριστοῦντες, 736, 24 ἀγία τεσσαρακοστὴ **BM.** τεσσαρακοστὴ, 736, 27 Слово: ἡ ῥηθεῖσα ἀγία τῶν Χριστοῦ γένων τεσσαρακοστὴ въ подлинникѣ нѣтъ. 736, 29 νηστεία δὲ πάντως **BM.** νηστεία δὲ εἴη πάντως, 736, 35 οὖν въ подлинникѣ не существуетъ. 738, 17 ἀδελφοί μου **BM.** ἀρωγή, 738, 22 ὁπότε **BM.** ὁπότεν, 738, 25 χωρὶς ἀρρώστιας **BM.** χωρὶς σωματικῆς ἀρρώστιας, 739 Примѣчания 3 и 4 подлинникомъ не оправдываются. 740, 1 снизу ὡς φησι **BM.** φησὶν. 741. 14 сверху οἱ κανονάρχαι **BM.** οἱ κανονάρχοι, 741, 21 χάριν ἐρωτήσεως **BM.** ἐρωτήσεως, 741, 35 τοῦ ἀγίου μεγαλόμάρτυρος Μάμαντος **BM.** τοῦ ἀγίου Μάμαντος, 742, 5 ἑαυτοῖς **BM.** ἑαυτοῦς, 743, 5 βουλευθῇ **BM.** βουλευθείη, 743, 22 προβάνας ἐγγράφους **BM.** ἐγγράφους, 743 Примѣчание 4 подлинникомъ не оправдывается. 743, 32 τῷ μακαρίτῃ αὐθέντι **BM.** τῷ μακαρίτῃ ἐκαίνῳ αὐθέντι, 744, 24 διαδόσεις **BM.** διδόρυσιν, 744, 24 ἀνοησί **BM.** ἀνοητί, 745, 13 ἐκεῖσε **BM.** ἐκεῖθεν,

745, 30 ἐαυτοῦ в м. αὐτοῦ, 745 Примѣчаніе 2 подлинникомъ не оправдывается, а въ третьемъ примѣчаніи должно читать лишь ἢ ἐγγινόμενος. 746, 9 τὸν προεστῶτα в м. τὸν προεστῶτα ὑμῶν, 746, 31 καὶ ἐαυτὸν ἐν παντί в м. καὶ ἐαυτῷ παντί, 747, 13 ὅτι в м. καὶ ὅτι, 747, 23 πᾶσαν ἡμέραν в м. πᾶσαν ἰε ρ ο υ ρ γ ι α ν, 747 Примѣчаніе 5 подлинникомъ не оправдывается. 748, 1 καὶ τὸ τοῦ πράγματος δυσχερές в м. καὶ τοῦ πράγματος δυσχερές, 749, 1 ἐπεισεποῦσαν в м. ἐπιπεσοῦσαν, 749, 10 δεξιοῦται в м. δεξιούνται, 750, 8, ὁ γὰρ τοι τοιοῦτον в м. ὁ γὰρ τοιοῦτον, 750, 28 ὅτι δεῖ ἀνεκποίητα в м. περὶ τοῦ ἀνεκποίητα, 750, 32 λῶβη τινα ὑποστάντων в м. λῶβην τινα, 752, 21 μὴ τῶν в м. μὴ τοῖς, 752, 30 κοιμήσεως в м. Κοιμήσεως, 752, 33 παρεγγόμεθα в м. παρεγγόμεθα, 753, 12 καὶ τοῦ ἀγίου в м. καὶ τῆς ὑπεραγίας, 753, 18 τούτους καὶ ζῶντας в м. τούτους ζῶντας, 753, 28 συνθαπτομένων в м. συνθαπτομένου, 755, 27 ἐπισκέφεται в м. ἐπισκεΐφεται, 755, 32 Слова: μόνης и ἴσως въ подлинникѣ не имѣются. 755, 34 Примѣчаніе 3 подлинникомъ не оправдывается. 756, 12 ἀργολογίας, εὐστραпелίας παρρήσιας в м. ἀργολογία, εὐστραпелία, παρρήσια, 756, 21 διαπράττετο в м. διαπράττειτο, 756, 25 ἀναλώσει в м. ἀναλώσειεν, 756, 26 Слово: ἀπο τῶν ἱερῶν κανόνων въ подлинникѣ нѣтъ. 757, 3 ἔσσεται в м. ἔσται, 757, 6 πρὸς αὐτὸν τὸν в м. πρὸς τὸν, 757, 23 παρέποντα в м. παρέποντα, 757, 33 ὧ πατέρες καὶ ἀδελφοί в м. ὧ πατέρες, 758, 22 ἀπεριποίητα в м. ἀπραποίητα, 758, 34 ὡς γε οἷομαι в м. ὡς γε οἶμαι, 759, 9 προτιμήσασιν в м. προτιμήσωμεν, 759, 30 καλέσας ἡμᾶς в м. καλέσας ὑμᾶς, 759, 35 εὐτε λείας в м. συντελείας, 760, 17 ἱσταμένον ἡμῶν в м. ἱσταμένων ὑμῶν, 761, 10 πάντας ἡμᾶς в м. πάντας ὑμᾶς, 761, 13 νηφάλοιός τε в м. νηφάλιός τε, 761, 23 Χριστουγέννων καὶ τὴν διακαινήσιμον ἑβδομάδα в м. Χριστουγεννων, τὴν διακαινήσιμον ἑβδομάδα, 761, 26 τάδε περὶ τῆς τρίτης в м. τὰ δὲ τῆς τρίτης, 761, 31 δηλονότι, ἥτοι μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ τροπαρίου. Τὰς μέντοι κ. т. л. в м. δηλονότι. Τὰς μέντοι κ. т. л., 762, 9 ἐν ἔργῳ в м. ἔργῳ, 762, 11 πᾶσιν ἡμῖν в м. πᾶσιν ὑμῖν, 763, 24 Слова: θνητός ὢν въ подлинникѣ нѣтъ. 763, 30 ἀπροσκόπως в м. ἀπροσκόπτως, 763, 32 νοχθημέρου, в м. νοхтеринῆς, 764, 5 εἴης в м. εἴη, 763, 34 ἐξεκαλέσατο в м. ἐνεκαλέσατο, 765, 8 ἐπιτιμῶν в м. ἐπιτιμίων, 765, 31 ἀπροσκόπους в м. ἀπροσκόπτους, 766, 16 πρὸς ἀρετὴν в м. πρὸς ἀρετῆς, 766, 21 ἐν τῇ καρδίᾳ в м. ἐν καρδίᾳ.

Подлинникъ Типикона монастыря св. Маманта представ-

лаетъ изъ себя въ настоящее время рукопись въ 16 долю листа, 97 листовъ, писанную на пергаменѣ превосходнымъ почеркомъ 1159 года. Въ самомъ началѣ рукописи на двухъ бумажныхъ листикахъ рукою XVII в. написаны „ἀρχαῖα εἰς μοναχοῦ“, начинающіяся такъ:

Φείσαι κορσθεῖς γαστρός ἀθλίω ἀτης
Μέχρι τίνος αὐτῇ τὸν βαρὺν βάλλεις γόμον;
Τί βρομάτων σε ἐραδιζει τεσπνότης;
Χόρτος γάρ ἐστι ἀφρόρωνα τρέχων...

Типикону предпосылается „πίναξ“ или оглавление содержания его, но не сохранившійся до настоящаго времени въ цѣломъ видѣ. „Πίναξ“ обрывается на 17 главѣ. Далѣе слѣдуетъ „πρό-λογος“ или сказаніе: „Περὶ τοῦ μακαρίτου Μουσικοῦ καὶ νέου δομητοροῦ“ и самый Типиконъ, состоящій изъ 48 главъ. Въ концѣ Типикона имѣются подписи, а за ними находимъ „Προσθήκη μετὰ τὴν ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλανθρωποῦ ἀπόθεσιν τοῦ πρωτοτύπου Τοπικοῦ καὶ τοῦ πρωτοτύπου βρεβίου“. Эта послѣдняя статья, равно какъ и полный „πίναξ“, составленный на основаніи оглавленій въ самомъ Типиконѣ, изданы проф. Θ. И. Успенскимъ въ его брошюрѣ: „Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ“. Одесса 1892 стр. 5—8, 27—30. Въ подлинной рукописи „Προσθήκη“ имѣетъ тѣже дефекты, что и въ Халкинской рукописи № 85.

Со словъ о. Антонія Рокки, бібліотекаря Гротта-ферратскаго монастыря, мы назвали всѣ Типиконы, которые такъ или иначе находятся, по своему происхожденію, въ генетической родственной связи съ Типикономъ Гротта-ферратскаго монастыря, даннаго ему въ 1300 году игуменомъ Власіемъ II. Въ числѣ этихъ Типиконовъ мы указали и на „Типикъ сокращенный (Compendium) 1595 года, переписанный монахомъ Гротта-ферратской обители Лукою (Lucas de Felicibus) для Монтесанскаго монастыря и хранящійся нынѣ въ Римѣ въ Казанатенской бібліотекѣ“ (стр. CXXXVIII). Во время своего пребыванія въ Римѣ въ минувшій каникулъ, мы имѣли возможность лично познакомиться съ этимъ Типикомъ, и ре-

зультаты этого знакомства считаемъ не бесполезнымъ предложить вниманію интересующихся этого рода памятниками.

Данный Типиконъ, записанный въ каталогахъ Казантенской публичной библіотеки подъ № 1249 ¹⁾, представляетъ рукопись въ 16 долю листа, состоящую изъ 147 листовъ, писанныхъ четкимъ, хотя и неизящнымъ почеркомъ 1595 года. Дата этого кодекса, имя писца и свѣдѣніе объ оригиналѣ его сообщаются весьма обстоятельно въ обширномъ предисловіи къ Типикону, которое читается такъ: „Τοπικὸς (sic) τοῦ τῆς Κρυπτοφέρρης μοναστηρίου, βραχύτατον ἀντίγραφον, ἦτοι συντομωτάτη ἐπιτομή του, διὰ γρησιν τοῦτου(;) τοῦ ἐν Κρυπτοφέρρη μοναστηρίου, καλῶς κατὰ τὴν ἐγγώριον ἐναυθία συνήθειαν διατεθέντος, καὶ ἀπο τοῦ παλαιοῦ (τοῦ τοποθέντος ἐπὶ τοῦ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Βαρθολομαίου τοῦ νέου) ἀνακαινθέντος Τυπικῷ τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἀναγνωσμάτων ἐπιμελῶς ἐκγραφθεῖσα (sic) παρ' ἐμοῦ τοῦ ἐν ἱερομονάχοις ταπεινοῦ κυροῦ Λουκᾶ Φήλικος τοῦ Τιβοурτίνου, διὰ τὴ κοινῇ λυσετελοῦν ἅπαν, τοῖς ἐκ Κρυπτοφέρρης εἰς τὸ ἐν Μοντεζάνφ μοναστηρίδιον ἐρχομένοις πατέρασιν, ἦτοι τοὺς τῷ μεγάλῳ τῷδε τῆς Κρυπτοφέρρης μοναστηρίῳ ὠφληκότας εἰσπραΐειν, ἢ χρόνον πολὺν τῶν ἐκκλησιαστικῶν κηρῶσεσθαι κτημάτων τε καὶ ἐγκτημάτων οὐκοῦν ἐρρώσθαι οἱ ἀναγινωσκοντες· καὶ ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ τῷ ἡμῶνος ἀμειψωλοῦ οὐ οἶν, ἀλλὰ καὶ τῆς τοῦ παντὸς κόσμου, εἰπερ τότε καὶ νῦν δια τοὺς ἐν τῷ εἰσερχομένῳ ἔται ἐνεστηροῦντος, κατὰ τῶν ἀγαρηνῶν ἀσπόντους πολέμους λίαν κινδυνευούσης, σωμτικῆς σωτηρίας. Εὐχεσθε, ἀδελφοί, ὑμεῖς οἱ ψάλλοντες, οἱ δοξαζόντες, οἱ μελετώντες τὸν νόμον Κυρίου ἡμέρας καὶ νυκτός, καὶ τας ὑψώσεις τοῦ Θεοῦ εἰσαὶ ἐν τοῖς λάριξι φέροντες ἐκ τοῦ ἐν Κρυπτοφέρρη κοινοβίου, ἔται τῷ ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ γεννήσας, αφε' ἐλαφροβλιωνός (sic) ἐξιδόμη ἐπὶ δέσας, ἐπὶ Κρήμεντος ὀγδόου, τοῦ τῆς οἰκουμένης ἐκκλησίας ἐν Ῥώμῃ παναντιχῶς κτεχόντος τα πηδάλια, εἰς τιμὴν καὶ δόξαν τοῦ ἐπὶ τοὺς ἁγίους ἀποστόλους ἐν εἰδ.ι πυρίων γλωσσῶν σήμερον ἐλθόντος Πνεύματος ἁγίου“. Внизу гербъ и подписи: „τοῦ κυροῦ Λουκᾶ Φήλικος Τιβοурτίνου σημειῶν“.

¹⁾ Краткое описание этого кодекса можно видѣть въ «Index codicum Graecorum bibliothecae Casanatensis composuit *Franciscus Bancalari*: Firenze-Roma 1894, pag. 187». Этотъ кодексъ составляетъ извлечение изъ II тома журнала: „*Studii italiani di Filologia classica*“.

Рукопись начинается такъ же, какъ и оригиналъ ея, гротта-ферратскій Типикъ, Синаксаремъ, или изложеніемъ службъ по мѣсяцеслову на цѣлый годъ, начиная съ сентября мѣсяца. Такъ какъ казанатенскій Типикъ, какъ гласить предисловіе, составляетъ „συντομωτάτη ἐπιτομή“ своего оригинала, то эти сокращенія заключаются прежде всего въ опущеніи подробныхъ описаній литаній съ приведеніемъ текстовъ, или лишь начала латинскихъ молитвъ на праздники Рождества Богородицы (стр. 900—901), Воздвиженія животворящаго креста (стр. 902—903), на 17 декабря, когда гротта-ферратская обитель праздновала обновленіе своего соборнаго храма (стр. 905—906), замѣчаній о службѣ Златоуста на 14 сентября (стр. 904), о поклоненіи св. иконѣ праздника подъ 26 сентября (стр. 904), о поклоненіи святымъ алтарямъ подъ 18 декабря (стр. 906), о навечеріи Рождества Христова (тамъ же), о большемъ стеченіи богомольцевъ (ὄχλος ἀπὸ πάσης τῆς περιχώρου) въ гротта-ферратскій монастырь 21 августа (стр. 907), о молитвахъ въ постовыхъ службахъ, объ окончаніи великаго повечерія въ капитоліѣ и о кропленіи братіи св. водою (стр. 908), о чтеніи Синодика въ недѣлю православія, о поклоненіи кресту въ недѣлю крестопоклонную (тамъ же), о благословеніи хлѣбовъ на литургіи великаго четверга и объ утѣшеніи братівъ въ этотъ день, о ниптирѣ или омовеніи ногъ (стр. 909—910), о выходѣ съ евангеліемъ и плащаницею на утрени въ великую субботу, о литургіи въ тотъ же день (стр. 910) и, наконецъ, о Богородичныхъ канонахъ въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы (стр. 912). Но, опуская вышеуказанное, Лука Феликсъ Тивуртинъ позволялъ себѣ дѣлать въ другихъ случаяхъ дополненія и поправки сравнительно съ своимъ оригиналомъ. Такъ, напр., онъ излагаетъ замѣчаніе о рождественскомъ постѣ: „Χρὴ γινώσκειν, ὅτι τῆς ἐξ' τοῦ παρόντος μηνὸς Νοεμβρίου ὁ ἀρχόμεθα νηστεύειν τὴν μὲν τῶν Χριστοῦ γέννων, ἐν τῇ ἐγκρατευσόμεθα ἀπὸ τε τοῦ καὶ ὧν παντελῶς, καὶ διὰ τοῦτο ἐν τῇ ἰδίᾳ τοῦ ῥηθέντος μηνὸς Νοεμβρίου, ἥτοι τῇ ἐν τῇ τοῦ ἀποστόλου Φιλίππου ποιοῦμεν

ἀποτόρωσιν“ (л. 24). На посты Лука Феликсъ Тивуртинъ смотритъ гораздо строже, чѣмъ Власій II, игуменъ Гротта-ферратскаго монастыря, и не допускаетъ разрѣшеніе на пищу полускоромную въ день, напр., Воздвиженія креста Господня. По поводу стеченія службъ праздника Благовѣщенія съ службами недѣль страстной и пасхальной въ разсматриваемомъ Типиконѣ приводятся цѣликомъ замѣчанія Гротта-ферратскаго Типикона, но съ слѣдующею прибавкою: „Ὅτι ἐάν τυχῇ (т. е. праздникъ Благовѣщенія) τῇ κυριακῇ τῶν βαΐων, παραφύλασσωμεν αὐτὴν μέχρι τῆς μεγάλης β'. τὸ δὲ προεόρτιον τοῦ Εὐαγγελισμοῦ ψαλλέσθω εἰς τὴν ε'. πρὸ τῆς κυριακῆς τῆς βαΐφόρου“ (л. 70) О службѣ св. Николая подъ 9 мая говорится: „Εἰς τὸ Κύρι· ἐκέκραξα, ὡς ἔθος. Ἀπολυτίκιον τοῦ προσομοίου, ἥχος δ'. Ἡ σептὴ τοῦ προφήτου τοῦ μάρτυρος. Ὁ μάρτυς σου, Κύριε.. καὶ Κανόνα πίστεως“ (л. 75). Праздникъ Успенія Богоматери, очевидно, подъ вліяніемъ оригинала, вызвалъ у сократителя замѣчаніе, не оправдываемое всѣмъ предыдущимъ содержаніемъ даннаго Типикона, а именно: „ἀναγινώσκωμεν δὲ τὰ εὐαγγέλια συνημμένα τὸ τε λατίνον καὶ τὸ γροῖγον“ (sic) (л. 92).

Въ промежуткѣ между Синаксаремъ по мѣсяцеслову и Синаксаремъ по Тріодямъ постной и цвѣтной изложена полная служба на праздникъ въ честь Тѣла Христова: „Τῇ ε'. μετὰ τῶν ἁγίων πάντων τοῦ τιμίου καὶ ἀχράντου Σώματος καὶ Αἵματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ“ съ замѣчаніемъ: „Ἰστέον, ὅτι ἡ παρούσα εορτὴ εορτάζεται ἡμέραις ὀκτώ, ὡς καὶ αἱ λοιπαὶ δεσποτικαὶ εορταί“ (л. 96) и особая статья подъ заглавіемъ: „Τάξις τοῦ εὐρεῖν ἐν συντόμῳ προκειμένα, ἀποστόλους, ἀλληλουάρια, εὐαγγέλια καὶ κοιωνικά διαφόρων εορτῶν καὶ ἁγίων εἰς τὴν λειτουργίαν“ (л. 97).

Слѣдующая составная часть Типикона: „Συναξάριον σὺν Θεῷ τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς, ἀρχόμενον ἀπὸ τῆς κυριακῆς τοῦ τελώνου καὶ τοῦ φαρισαίου μέχρι τῆς κυριακῆς τῶν ἁγίων πάντων“ (л. 105) отдѣляется отъ предыдущихъ статей четырьмя (101—104) чистыми листами. Выше мы отмѣтили, какія были сдѣланы сокращенія и опущенія въ этой части, теперь лишь укажемъ на

новыя замѣчанія, отличныя отъ оригинала. Такъ о недѣлѣ вай говорится „εις τὴν λειτουργίαν ποιούμεν λιτήν, ὡς ἔθος (;). Μετὰ τὸ τέλος τῶν μακαρισμῶν ὁ ἡγουμενος εὐλογεῖ τοὺς κλάδους τῶν ἐλαιῶν καὶ φοινίκων, ῥαντίζων αὐτοῦ, μετὰ τοῦ ἁγίου ὕδατος, εἴτα λαμβάνει αὐτῶν καὶ διανέμει τοὺς κλάδους πᾶσι τοῖς ἀδελφοῖς καὶ τοῖς ἄλλοις παροῦσι“ (л. 119). Первый часъ великаго понедѣльника вызываетъ замѣчаніе: „τὴν δὲ πρώτην ὥραν ψάλλομεν αὐτήν μετὰ τῆς στιχολογίας αὐτῆς καὶ πάντα ποιούμεν, ὡς ἔθος, χωρὶς οὐκ ἀναγινώσκωμεν εὐαγγέλιον κατὰ Μάρκον. Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἤγγισεν ὁ Ἰησοῦς εἰς Ἱερουσαλὴμ. Ζήτηί τῇ β'. τῆς ἀποκρέου“ (л. 120). Въ службѣ великой пятницы, и именно девятаго часа и вечерни внесено поклоненіе честному кресту. „Ψαλλομένων δὲ τῶν кантакίων, говорится о девятомъ часѣ, প্রতি-
 থেতা ঈ তীমি়া স্তাৱর ত্বে মত্বে চরাস্তাসীয়া, ওস ঈথোস, কৈ প্রসকুনৈতৈ মেত্বে ঈলাবেিয়া, কাতানুসেৱ্য তে কৈ সুনত্রীমোন (মেন্বেস;) বারদিয়া প্রথোন উপো
 তৌ হগুমেণৌ, ঈথ' ওত্বে পারা পঁত্বোন ত্বোন ঈদেলফ্বোন কৈ পরেসত্বীত্বোন
 কাতা তাজিন“ (л. 124). На вечерни послѣ евангелія и ектеній, при пѣніи тропаря: „Егда славиши“ „ἐξερχόμεθα ἐξωθεν τῶν χορῶν ἐμ-
 προσθεν τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ, καὶ δοξαζώμεν σιχηρὰ ἰδιόμε-
 λα, ἥχος πλ. α'. Ὡρωτά σε ἡ κτίσις. Тропарιον. Ὡς ἡ πόρνη προσπι-
 πτω σοι“ (л. 124 об.). На Пасху въ первый день на литургии „εὐαγγέλιον κατὰ Ἰωάννην. Ἐν ἀρχῇ ὁ ἡγούμενος ἀναγινώσκει τήν(;) τῶν λατί-
 νων ἀπόστολον καὶ εὐαγγέλιον, ἀναγινώσκονται δὲ συνημμένα τὰ εὐαγγέλια
 πρώτον εἰς (-να;) στίχον γρῆκοῦ καὶ δεύτερον ἄλλος τοῦ λατίνου“ (л. 129).
 На трапезѣ въ первый день Пасхи „εὐλογεῖνται τὰ ὡά, τὰ ἀρ-
 τοτύρια καὶ τὰ βρουλλογάλατα, καὶ πρώτον ἐξ αὐτῶν ἐσθιέμεν“ (л. 129
 об.) О трапезѣ въ первый день Пятидесятницы внесена слѣду-
 ющая любопытная замѣтка: „Μετὰ δὲ τὴν θείαν λειτουρίαν ψάλλο-
 νται τὸ Εὐλογητός εἶ, Χριστέ, πορευόμεθα πάντες εἰς τὴν τράπεζαν χωρὶς
 τοῦ ἡγουμενου, ἢ τοῦ ἐβδομαδαρίου, τοῦ μέλλοντος νηστεῦσαι μέχρι τοῦ
 ἐκτελέσαι τὴν ἀκολουθίαν τῆς γονυκλισίας. ἔχομεν δὲ παράκλησιν ἐν τῇ
 τραπέζῃ μαγρίαν λαχανῶν μετὰ χλοροῦ, τυρίου καὶ μέλιτι μετὰ γάλατος,
 ἢ ἐρεβίνθου καὶ βρουλλόγαλον, ἢ μεζήθραν καὶ ὑπὸ καίρασιαν. Ἡ δὲ γο-
 νυκλισίας ἀκολουθία ζητήσθῃ ἐν τῷ μεγάλῳ τοῦ ἐν Κρυπτοφέρρῃ μονα-
 στηρίου Τοπιῳ, ὅθεν ἐποιήθη ἡ παρούσα σύντομος ἐπιτομή“ (л. 141).

Между листами 126 и 127 остались не промѣченными

два листа, содержащіе въ себѣ службы 40 мученикамъ 9 марта и св. Безсребренниковъ 1 ноября. Затѣмъ въ концѣ рукописи съ л. 146 до конца ея уже другою позднѣйшею рукою приписаны разнаго рода замѣчанія уставнаго характера, а также прокимень и аллилуарій на праздникъ Тѣла Христова.

Изъ представленнаго нами обзорѣнія содержанія данной рукописи видно, такимъ образомъ, что она, хотя и называется себя „*συνοδική ἐπιστολή*“, но въ дѣйствительности приносить нѣчто и такое въ свое содержаніе, что составляетъ исключительное ея собственное достоинство, весьма рѣдко даже не имѣющее ничего родственнаго или хотя бы напоминающаго бывшій передъ глазами Луки Феликса оригиналъ. На эти-то особенности и индивидуальныя черты данной рукописи мы и желали обратить вниманіе нашихъ читателей, такъ какъ, когда мы писали свое предисловіе, то ничего подобнаго не предполагали въ ней.

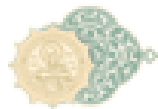
Въ заключеніе считаемъ благовременнымъ, заявить, во-первыхъ, что затронутый нами въ предисловіи къ названной книгѣ стр. XXX вопросъ объ отношеніи *Διαβόλου* пр. Теодора Студита къ, такъ называемому, *Ἰππολόγου* пр. Афанасія Аѳонскаго, который, по нашему мнѣнію, правильнѣе именовать „*Καλὸν*“омъ или „*Τόπος*“омъ, а равно и о времени происхожденія послѣдняго разсмотрѣвъ нами въ настоящее время съ большею основательностію въ нашей рецензій на книгу Ф. Мейера: „*Die Haupturkunden für die Geschichte der Athos-kloster*“ Leipz. 1891, напечатанной въ II книжкѣ „Византійскаго временника“ за текущій годъ стр. 354—357, и, во-вторыхъ, исправить въ нашей книгѣ несомнѣнную историческую ошибку. Въ изданномъ нами Типиконѣ Еввергетидскаго монастыря мы нашли указаніе (стр. 614) на „*Τιμικόν*“ неизвѣстнаго намъ монастыря нѣкоего *Μανουίλα*“ (*τὸ τῆς εὐαγγελιστῆς μονῆς τοῦ Μανουὶλ Τιμικὸν ἀπαγορεύει*) и сдѣлали предположеніе, что подѣ

этимъ Мавуиломъ нужно разумѣть „славнаго византійскаго императора Мануила (1143—1179), сына императора Іоанна Комнѣна“ (стр. XXXIX), но теперь оказывается, что это предположеніе наше неосновательное. Несомнѣнно, подъ этимъ Мануиломъ слѣдуетъ разумѣть знатнаго византійскаго вельможу *Мануила*, который сначала былъ опекуномъ императора Михаила III (855—867), потомъ, покинувъ, въ силу необходимости, свой важный постъ, удалился въ свой домъ близъ цистерны Аспары, обращенный въ монастырь, которому и усвоено было имя его основателя. Монастырь этотъ пользовался извѣстностію среди другихъ константинопольскихъ монастырей и достигъ особенно выдающагося положенія въ ту пору, когда патріаршую кафедру занималъ знаменитый патріархъ Фотій (857—867, 877—886), который перестроилъ этотъ монастырь съ основаніи (Ив. Соколовъ. „Состояніе монашества въ Византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка“. Казань 1894 стр. 50). Несомнѣнно теперь, что и упоминаемый въ евергетидскомъ Типиконѣ неизвѣстный доселѣ Типиконъ Мануила принадлежалъ этому самому монастырю и данъ былъ ему, или его первымъ ктитормъ, или вторымъ, т. е. патріархомъ Фотіемъ¹⁾. Но, дѣлая эту поправку къ своей книгѣ, слѣвшимъ оговориться, что она существеннаго значенія въ вопросѣ о времени происхожденія евергетидскаго Типикона не имѣетъ; ею лишь пространство времени, на которое падаетъ редактированіе даннаго Типика, раздвигается нѣсколько шире.

А. Дмитріевскій.

Дрезденъ (Саксонія)
1896 сентября 24/11.

¹⁾ О существованіи въ Византіи особаго Типикона, даннаго этимъ патріархомъ, мы находимъ примѣлы указаніи въ Типиконѣ XIV в патріаршей іерусалимской бібліотекѣ № 306 (АФ. Παπαδοп.-Κεραμίδς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη τοῦ 3^{ου} ἐν Περτρούπολεϊ. 1874 σελ. 437).

УКАЗАТЕЛЬ

статей помѣщенныхъ въ журналъ „Труды Киевской духовной Академіи“ 1896 г. №№ 1—12.

Т о м ъ п е р в ы й

Январь (№ 1).

	Стран
1. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) одна книга толкованій на пророка Авдія.	169
2. Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера. <i>В. Θ. Павличукаго.</i>	3
3. Галицко-русская депутація въ Римъ. По поводу 300-лѣтней годовщины Брестской уніи. <i>И. И. Малышевскаго.</i>	30
4. Греческій Екатерининскій монастырь въ Кіевѣ. <i>Н. И. Петрова.</i>	55
5. К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи. <i>Н. К. Маккавейскаго.</i>	113
6. Кардинальство галицкаго, уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича. <i>И. И. Малышевскаго.</i> .	145

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

7. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Киевской духовной Академіи 17 августа 1895 г.	1
8. Объявленія.	

Февраль (№ 2).

9. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (<i>Продолженіе</i>). <i>Θ. И. Титова.</i>	161
---	-----

10. Слово, произнесенное въ соборной церкви Братскаго монастыря 31 декабря 1895 года. *А. Булакова*. . . 218
11. Опытъ о свободѣ воли. (*Продолженіе*). *Г. Малеванскаго*. 226
12. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь. *Н. И. Петрова*. 253
13. Адресъ Римскому папѣ, поднесенный галичанами-уніатами по поводу 300-лѣтія уніи (1595—1895).
А. Б—ва. 284
14. Мормонство. *А. Б—ва*. 290

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

15. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 4 сентября 1895 г. 117
16. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух.-Академіи за мѣ. ноябрь и декабрь 1895 г. *Н. И. Петрова*. 1
17. Отчетъ о состояніи Богоявленскаго Братства при Кіевской дух. Академіи для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея за 1895 г. *Г. Скибина*. . . 1
18. Объявленія.

Мартъ (№ 3).

19. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) одна книга толкованій на пророка Авдія. (*Продолженіе*). 185
20. Св. Амвросій Медиоланскій, какъ толкователь Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта. *С. Лосева*. . . 295
21. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь. (*Окончаніе*). *Н. И. Петрова*. . . 333
22. Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря въ пятокъ первой недѣли великаго поста (9

- февраля 1896 года), на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи. Что ожидаетъ насъ за гробомъ? *В. Θ. Пьяницкаго* 365
3. К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи. (*Продолженіе*). *Н. К. Маккавейскаго* 377
4. Слово въ пятокъ второй недѣли великаго поста. *С. М. Сольскаго* 413
5. О религіозномъ воспитаніи. *Д. И. Богдашевскаго*. 421
6. Изъ заграничной религіозной жизни. *З.* 435

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

7. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 24 и 26 сентября, 31 октября и 8 дек. 1895 года и 15 янв. 1896 года. 33
8. Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1895 годъ. *Н. И. Петрова*. 1
9. Объявленія.

Апрѣль (№ 4).

0. Воскресенія день. *С. П.* 441
1. Слово о терновомъ вѣнцѣ. (Произнесено въ Кіево-Братскомъ храмѣ, въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, на пассіи, 23 февраля 1896 года). *А. А. Олесницкаго* 468
2. Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста, на пассіи (1 марта 1896 г.) Лобзаніе Іудово. *Н. К. Маккавейскаго* 480
3. Св. Стефанъ пермскій, просвѣтитель зырянъ. 491
4. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (*Продолженіе*). *Θ. И. Титова* 507
5. Опытъ о свободѣ воли. (*Продолженіе*). *Г. Малеванскаго* 568
6. Объявленія
7. Оглавленіе перваго тома „Трудовъ Кіевской дух. Академіи 1

Томъ второй.

Май (№ 5).

Стран.

38. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ).
Одна книга толкованій на пророка Іону. 201
39. Слово въ Великій пятокъ. В. П. Рыбинскаго 1
40. Очерки исторіи Самарянъ. (Продолженіе). В. П.
Рыбинскаго 13
41. Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи
Лютера. Гомилетика Герарда Іиперія. В. Θ.
Пьоницкаго. , 50
42. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева.
Н. И. Петрова. , 102
43. 14 мая 1896 года 129

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ;

44. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух.
Академіи 15 янв. и 12 февраля 1896 года, 81
45. Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую дух. Академію.

Іюнь (№ 6).

46. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ). Одна
книга толкованій на пророка Іону. (Окончаніе).
Одна книга толкованій на пророка Наума. 233
47. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (Про-
долженіе). Θ. И. Титова. 141
48. Рѣчь, сказанная 6-го мая 1896 года, въ день ро-
жденія Государя Императора Николая Александро-
вича. Свящ. Александра Клитина. 212
49. Кіевская Академія съ половины XVIII-го вѣка до
преобразованія ея въ 1819-мъ году. В. Серебrenикова. 217
50. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева.
(Продолженіе). Н. И. Петрова 239

51. Рѣчь, сказанная въ экстренномъ собраніи Кіевскаго Общества ревнителей просвѣщенія въ духѣ православной вѣры 15 мая 1896 года *И. И. Малышевскаго*. 261
52. Объявленія.

Іюль (№ 7).

53. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ). Одна книга толкованій на пророка Наума. (*Продолженіе*). 265
54. Рѣчь высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, митрополита кіевскаго и галицкаго, сказанная имъ 2 іюня новохиротонисованному епископу уманскому Сергію, послѣ литургіи, при врученіи ему жезла. 1
55. Рѣчь бывшаго намѣстника Кіево-Печерской лавры, архимандрита Сергія, сказанная имъ 1 іюня, при нареченіи его во епископа уманскаго. IV
56. Св. Амвросій Медиоланскій, какъ толкователь Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта. (*Продолженіе*).
С. Лосева 271
57. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (*Продолженіе*). *Θ. И. Титова* 318
58. Кіевская академія съ половины XVIII-го вѣка до преобразованія ея въ 1819-мъ году. (*Продолженіе*).
В. Серебrenикова. 368
59. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. (*Продолженіе*) *Н. И. Петрова* 412
60. Объявленія.

Августъ (№ 8).

61. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ). Одна книга толкованій на пророка Наума. (*Продолженіе*). 281
62. Гомилетика въ новое время послѣ реформацій Лютера. Гомилетическая теорія Шпенера. *В. Θ. Пльницкаго* 453

63. Къ вопросу о соглашеніи библейскихъ свидѣтельствъ съ данными ассиріологін. *М. Н. Дроздова*. . . 490
64. Откуда пошло спасеніе славяно-русского міра. *В. З. Завитневича*. . . 534
65. Объ источникахъ къ изученію философіи Сократа. *Д. И. Богdashевского*. . . 547

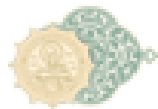
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

66. Святый пророкъ Даніилъ, его время, жизнь и дѣятельность. *С. А. Песоцкаго*. . . 1
67. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Киевской духовной Академіи 12 февр. и 17 мая 1896 г. . . 113

Томъ третій.

Сентябрь (№ 9).

68. Рѣчь Благочестивѣйшему Императору Николаю Александровичу, связанная Высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, Митрополитомъ Киевскимъ и Галицкимъ, при вступленіи Его Величества въ Киево-Софійскій Соборъ, 19 августа 1896 года. . . 1
69. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ). Одна книга толкованій на прор. Наума (*Окончаніе*) . 297
70. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (*Продолженіе*). *Ө. И. Титова*. . . 3
71. Киевская Академія съ половины XVIII-го вѣка до преобразованія ея въ 1819-мъ году. (*Продолженіе*). *В. Серебrenикова*. . . 61
72. Проповѣди Никифора Θεотоки. (*Продолженіе*). *М. М. Соловьева*. . . 87
73. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. (*Продолженіе*). *Н. И. Петрова*. . . 97

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

74. Святый пророкъ Даниилъ, его время, жизнь и дѣятельность. *С. А. Песоцкаго*. 29
75. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи 14 февр. и 17 мая 1896 г. 129
76. Объявленія.

Октябрь (№ 10).

77. Слово въ день открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія, архіепископа Черниговскаго, произнесенное высокопреосвященнымъ Іоанникиемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ г. Черниговѣ 9 сентября 1896 г. 135
78. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (*Продолженіе*). Свящ. *Θ. И. Титова*. 140
79. Протоіерей А. А. Самборскій. Законоучитель Императора Александра І. Свящ. *Н. Стеллецкаго*. . . . 182
80. Описаніе торжества открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія углицкаго, Черниговскаго чудотворца. 202
81. Кіевская Академія съ половины XVIII вѣка до преобразования ея въ 1819-мъ году. (*Продолженіе*). *В. Серебренникова*. 233
82. Вопросы жизни и духа. *Ζ.* 249

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

83. Святый пророкъ Даниилъ, его жизнь и дѣятельность. *С. А. Песоцкаго* 77
84. Объявленія.

Ноябрь (№ 11).

85. Гомилетика Мосгейма. *В. Θ. Пьяницкаго* . . . 259
86. Описаніе торжества открытія честныхъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго, Черниговскаго чудотворца. Свящ. *Θ. И. Титова*. 311

87. Протоіерей А. А. Самборскій. Законоучитель Импера-
тора Александра I. (*Продолженіе*) Свящ. Н. Стел-
лецкаго 342
88. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева.
(*Продолженіе*). Н. И. Петрова 364

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

89. Святый пророкъ Давіилъ, его жизнь и дѣятельность.
С. А. Песоцкаго 157
90. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух.
Академіи 17 мая 1896 г. 145
91. Объявленія.

Декабрь (№ 12).

92. Отчетъ о состояніи Кіевскей дух. Академіи за
1895¹/₄ учебный годъ. 387
93. К. Д. Ушанскій* и его педагогическія идеи. (*Окон-
чаніе*). Н. К. Маккавейскаго. 439
94. Св. Амвросій Медиоланскій. (*Окончаніе*). В. Лосева. 470
95. Протоіерей А. А. Самборскій. Законоучитель Импе-
ратора Александра I. (*Окончаніе*) Свящ. Н. Стеллецкаго 486
96. Типиконъ. А. А. Дмитріевскаго. 527

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

97. Святый пророкъ Даніилъ, его время, жизнь и дѣя-
тельность. С. А. Песоцкаго 221
98. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух.
Академіи за 1896 г. 161
99. Объявленія.
100. Указатель статей помѣщенныхъ въ журн. „Труды
Кіевской д. Академіи“ за 1896 г. 1